

Департамент культуры
Министерства обороны
Российской Федерации

Центральный музей
Вооруженных Сил Российской
Федерации

Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных
Сил Российской Федерации

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию образования
Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации:
«Помним прошлое, верим в будущее»

Москва, ЦМВС РФ
28 мая 2019 г.

МАТЕРИАЛЫ

**международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию образования
Центрального музея Вооруженных Сил Российской
Федерации: «Помним прошлое, верим в будущее»**

**Москва, ЦМВС РФ
28 мая 2019 г.**

*Рамазан Харумович Колоев,
заместитель директора Департамента культуры
Министерства обороны Российской Федерации*

Уважаемые товарищи!

Сердечно приветствую организаторов и участников международной конференции «Помним прошлое, верим в будущее», приуроченной к 100-летию Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации.

Роль музейно-мемориальной работы неуклонно возрастает во всем цивилизованном мире. Особую актуальность это имеет именно для нашей страны, подвергающейся в последнее время беспрецедентному недружественному информационному давлению.

Всем памятли события последних лет, когда священная память об армии-освободительнице подвергалась атаке в европейских государствах. Особенно в тех, где не стесняются приветствовать нацистских пособников.

Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации уже целый век выполняет с честью свое предназначение – сохранять память

и нести знания о прославленных героях, блестящих победах и немеркнущей доблести защитников России и мира во всем мире.

Этот почтенный юбилей учреждение отмечает множеством различных мероприятий. Но конференция, начинающая свою работу сегодня, это событие определяющее дух остальных торжеств, задающее направление для глубоких и долгих рассуждений.

Приятно видеть среди гостей специалистов из ближнего и дальнего зарубежья, как традиционно связанных с музеем, так и впервые принимающих участие в такого рода форумах.

Организаторами предложена очень интенсивная программа. Среди докладов много интересных, не разработанных тем. Полагаю, энтузиастам исторического знания будет полезно обменяться свежими мнениями по актуальным вопросам.

Желаю всем плодотворной работы!

*Александр Константинович Никонов,
директор Центрального музея Вооруженных Сил
Российской Федерации, кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры Российской Федерации*

Уважаемые участники конференции!

Сегодня мы проводим международную научно-практическую конференцию, посвященную 100-летию образования Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации «Помним прошлое, верим в будущее».

Участниками конференции являются ученые, научные сотрудники из Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики, Федеративной Республики Германии.

В конференции принимают участие:

Ведущие мировые центры по изучению истории: Институт Российской истории Российской академии наук, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Институт истории Национальной академии наук Республики Беларусь, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Государственные архивы: Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории.

Ведущие российские и иностранные музеи: Центральный музей Вооруженных Сил Россий-

ской Федерации и его филиалы, Центральный военно-морской музей, Государственный центральный музей современной истории России, Мемориальный музей космонавтики, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Германо-Российский музей «Берлин-Карлсхорст», Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Государственное учреждение «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Неправительственная организация «ГАСР» (Замок) «По защите исторических памятников архитектуры и культурного наследия» (Баку) и другие.

Военные академии и вузы: Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный социальный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.

Весьма представительный состав участников конференции: 11 докторов исторических наук, 30 кандидатов исторических наук, 6 профессоров, 8 доцентов позволяет говорить о том, что работа форума будет интересной и содержательной.

*Елена Александровна Лазарева,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных
Сил Российской Федерации, начальник научно-
исследовательского отдела (по совершенствованию
военно-патриотической работы)*

Представление Боевого Знамени Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации

В конце 1919 г., когда кризис в Гражданской войне миновал, 23 декабря был издан приказ Реввоенсовета Республики № 2207 об учреждении выставки-музея «Жизнь Красных Армии и Флота»¹, который подписал заместитель Председателя Реввоенсовета Республики Э. Склянский. Директором был назначен известный специалист в области военно-музейного дела М.К. Соколовский.

В апреле 1920 г. жилотдел Моссовета передал под музей первые этажи здания Верхних торговых рядов (ныне ГУМ). Летом 1920 г. в Москве проходил 2-й конгресс Коминтерна. К этому событию была приурочена выставка, рассказывающая о военном положении Советской Республики и Красной Армии. За 5 месяцев выставку посетили более 120 тыс. человек.

Приказом Реввоенсовета Республики № 1452 от 14 июля 1921 г. постоянная выставка-музей: «Жизнь Красных Армии и Флота» переименована в Музей Красной Армии и Флота².

В здании Торговых рядов музей находился недолго, в начале 1922 г. он получает новую прописку по адресу Пречистенка, 12.

В 1923 г. в связи с приближающимся празднованием 5-летия Красной Армии музей по распоряжению Троцкого переезжает на улицу Воздвиженка, а в 1927 г. музей обретает постоянную прописку в левом крыле здания Центрального Дома Красной Армии. Там он и оставался на протяжении 38 лет. В экспозиции музея нашли отражение ход Гражданской войны, а также все процессы, проходившие в стране в 20-30-х гг.

С первых дней Великой Отечественной войны в музее проводится агитационная работа. В середине октября, когда угроза захвата немцами Москвы стала более реальной, основная часть фондов музея была вывезена в Казанский Дом Красной Армии.

Работа музея в эвакуации продолжалась до 1944 г., но продолжал работать музей и в Москве, здесь экспонировались преимущественно

материалы, собранные сотрудниками на фронтах Великой Отечественной войны.

Одной из основных задач коллектива музея в годы войны являлся постоянный сбор исторических и реликвийных материалов в целях создания экспозиции ЦМКА и передвижных выставок.

С осени 1941 г. экспедиции музейных работников стали выезжать на фронт, где вели активный сбор материалов о действиях Красной Армии. В годы войны сотрудники музея работали на Волховском, Карельском, Донском фронтах, во время обороны и защиты Одессы, Ленинграда, Севастополя и Сталинграда, в период Курской битвы, в районе Орла, Брянска, Белгорода, Воронежа, Ростова-на-Дону, Минска, Вильнюса, Белостока, Варшавы, одним словом везде, где шли бои. Работа в боевой обстановке по сбору памятников Великой Отечественной войны была сопряжена с большим риском для жизни.

Накопленный материал находил отражение в экспозиции и выставках. С этими выставками сотрудники музея выезжали на фронты, в госпитали, работали на призывных пунктах, вокзалах, через которые воинские эшелоны шли на фронт, разворачивали их во время проведения партийных и комсомольских собраний, на совещаниях и собраниях офицеров.

Завершающий этап войны и первые послевоенные месяцы ознаменовались наиболее значительным пополнением коллекции экспонатов. Только за одну поездку в войска, дислоцировавшиеся в Германии, сотрудники музея во главе с подполковником П.Н. Логиновым в мае 1945 г. привезли около 4 тысяч документальных и вещественных экспонатов. Среди них – бронзовый орел, возвышавшийся над входом в имперскую канцелярию.

Всего к концу войны в музее насчитывалось 15 экспозиционных залов. В них были отражены основные этапы борьбы Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками³.

8 мая 1965 г. в канун 20-летия Победы над фашистской Германией музей переехал в новое, специально построенное здание, где находится

по сей день. Сотрудникам музея пришлось осваивать крупнейшую в стране экспозиционную площадь, которая увеличилась в пять раз.

По уникальности музейных предметов, по своему значению для истории нашего Отечества равных ЦМВС РФ на территории постсоветского пространства нет. К примеру, только по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн здесь собрано около четырехсот тысяч уникальных экспонатов и музейных предметов в фондах.

В экспозиции музея, выставках, деятельности коллектива достойно представлена история Вооруженных Сил Советского Союза и Вооруженных Сил Российской Федерации.

В 1975 году Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в пропаганде боевых и революционных традиций советского народа и его Вооруженных Сил, плодотворную работу по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и воинов Армии и Флота Центральный музей Вооруженных Сил СССР награжден орденом Красной Звезды.

За последние 12 лет полностью обновилась экспозиция музея. С 1993 г. появилась возможность ввести в экспозицию музея материалы о дореволюционном периоде истории Вооруженных Сил нашего государства.

За десять лет, с 1992 по 2002 гг., нашему музею Американско-русским культурно-просветительным и благотворительным обществом «Родина» (США) передано более 40 тысяч памятников военной истории и культуры. Эти реликвии, наряду с предметами данного периода, имевшиеся в фондах нашего музея, составили основу трех новых залов, которые были впервые открыты в музее. Это два зала по Русской Императорской армии и один зал по Первой мировой войне 1914-1918 гг.

В 2019 г. Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации отмечает свой столетний юбилей. Накопленный опыт и имеющийся потенциал позволяет музею прочно удерживать одно из ведущих мест среди военно-исторических музеев России.

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8. Л. 783.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 18. Л. 391.

³ Архив ЦМВС РФ. Оп.3, Д.19/2, ЛЛ. 3-6. Д. 25/8. ЛЛ. 137-140.

*Сергей Владимирович Кожин,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных сил Российской Федерации,
старший научный научно-экспозиционного отдела,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации.*

От А.Д. Троцкого до С.К. Тимошенко. Крестный путь Центрального музея Красной Армии: 1919-1941 годы

Центральный музей Вооруженных Сил (ЦМВС) имеет принципиальное отличие от других главных военных музеев нашей страны. Его старшие по возрасту братья – Артиллерийский и Военно-морской, имели большую собственную историю, крупные коллекции, квалифицированных специалистов, научные традиции еще с XIX века. ЦМВС создавался уже в иных условиях. Если бы ему повезло стать наследником Национального военного музея России, возможно, и судьба сложилась бы иначе, но, увы, такой музей до революции создан не был.

До создания музея руки у «военведа» дошли после разгрома войск А.И. Деникина в конце 1919 года, то есть когда миновал наиболее острый кризис в гражданской войне. Идея создания музея возникла в ноябре 1919 года, и его открытие предполагалось приурочить ко второй годовщине РККА. 23 декабря 1919 г. заместитель председателя РВСР и наркомвоенмора Э.М. Склянский подписал приказ об учреждении постоянной выставки-музея «Жизнь Красных Армии и Флота».

Выставка учреждалась при просветотделе Политуправления (ПУР) РВСР. Обязанности председателя Бюро исполняла начальник просветотдела ПУРа В. Каспарова, но уже в феврале 1920 года председателем был назначен известный специалист военно-музейного дела М.К. Соколовский.

Поскольку не было ни помещения, ни фондов, ни специалистов, Соколовский предложил передать под новый музей здание Петроградского музея войны и революции, который он же и возглавлял. Музей этот был вполне оборудован, занимал свыше 30 залов и прекрасно отражал целую эпоху 1914-1918 гг. Предложение, однако, не было принято, видимо, по очень простой причине – новый музей должен был размещаться в Москве. Там и пришлось начинать все с нуля. Председатель бюро направил все усилия на решение вопроса о кадрах и помещении. В апреле 1920 года жилотдел Моссовета передал под музей первые этажи здания Верхних торговых рядов (ныне ГУМ), занимаемых Наркомпродом. Но ПУР не проявил настойчивости, и самая светлая линия, выходящая на Красную площадь,

осталась за ведомством т. Цурюпы, а музей получил первые этажи 2-й и 3-й линий и линию Ветошного ряда. Началась деятельность музея в первом своем помещении, как сказано в отчете: «со снятия иконы в Рядах» и решения «об исходатайствовании присвоения Ученому персоналу пайка Полевого штаба». Изучив помещение, решили в двух линиях торговых рядов разместить экспозицию, а в Ветошном ряду сделать склад для поступающих экспонатов. Магазины близ фонтана отвели под кабинеты директора, ученого хранителя и смотрителя. В целом же помещение оказалось неподходящим. Линии первого этажа состояли из полутемных магазинов и широких проходов, на которые из дыр в стеклянном потолке лили потоки воды, сыпался снег с частями переплета крыши и осколками стекла. Верхние этажи были заняты наркоматом продовольствия, где «толпы служащих и посетителей беспрестанно двигались по переходам, шумели, сыпали сверху окурки, спички и всякий сор, а также заглядывали вниз и даже делали попытки проникнуть в музей, из-за чего караул должен был быть ежеминутно начеку».

Тем не менее работа понемногу налаживалась. В Оргбюро входил представитель Полевого штаба, при посредстве которого перечень необходимых материалов был разослан по войскам. В результате проявили активность штабы Туркестанского и Северного фронтов и прислали небольшое количество предметов, в основном, схемы боевых действий, диаграммы, а также трофеи – знамена и орудия. Вполне вероятно, что хранящаяся ныне в музее английская пушка, захваченная в боях под Шенкурском, является одним из первых экспонатов.

Однако из этих материалов невозможно было создать даже передвижную выставку, не говоря уже о стационарной. И здесь важнейшим подспорьем оказалось решение РВСР устроить в Верхних торговых рядах большую выставку к открытию Второго конгресса Коминтерна. Все центральные управления военведа получили приказ представить на выставке свои разделы. Выставка была подготовлена в кратчайший срок, разместилась на двух линиях и открылась во второй половине июля 1920 года. Судя по рапорту Соколовского от 3 августа 1920 г., наиболее объемные экспонаты располагались прямо на Красной площади: самолеты, артиллерия, инженерное

оборудование, предметы тылового хозяйства и снабжения. Директор опасался, что после закрытия выставки и перевода этих громоздких экспонатов в здание музея ряды будут сплошь заставлены и переполнены. Он просил передать музею всю площадь торговых рядов. Это один из последних подписанных Соколовским документов. В августе по неизвестным причинам он был освобожден от должности и уехал в Петроград, где заведовал Музеем мировой войны и революции до его закрытия в 1924 году.

Выставка к конгрессу Коминтерна проработала в общей сложности пять месяцев, ее посетило 120 тыс. человек. В 1921 году дальнейшее развитие музея застопорилось и временами его положение становилось просто критическим. Связано это было в первую очередь с финансированием, вернее почти полным отсутствием такового. В то же время из-под музея стала ускользать почва в виде занимаемого им помещения, что было связано с переходом страны к НЭПу. Сначала в стены учреждения внедрились «народные гулянья», устроенные штабом МВО в пользу голодающих и инвалидов Гражданской войны. Штаб передал устройство гуляний частному товариществу «Альказар», придавшему им открыто спекулятивный характер. Жизнь музея оказалась полностью подчиненной гуляньям. За дежурство на них коммерсанты выплачивали нищим сотрудникам определенные суммы, и «спайка между людьми оказалась разрушенной». Это же товарищество при пособничестве директора музея В.А. Безсонова стало сдавать помещения частным торговцам под магазины. Активно противодействовавший коммерческой деятельности ученый секретарь А.М. Фокин в знак протеста уволился. Гуляньями вскоре заинтересовались «компетентные» органы. Безсонов и комендант музея Вихман были отстранены от должностей и отданы под суд, а Фокин восстановлен на работе. Сразу вслед за этим, в марте 1922 года, Комиссия по разгрузке Москвы постановила освободить помещение в Верхних торговых рядах, а музей перевести в старинный особняк на ул. Кропоткина (Пречистенка 12/2, ныне там находится Государственный музей А.С. Пушкина). Сотрудники начали паковать вещи, и к середине апреля большая часть имущества была перевезена и свалена в сарае из-за того, что занимавший помещение Главмузей в срок не ос-

вободил его. Крупногабаритные предметы (самолеты, орудия) невозможно было разместить на новом месте и даже перевезти туда, так как наркомат не давал необходимого транспорта. И эти экспонаты вернули бывшим владельцам – центральным управлениям.

В начале февраля 1922 года в музей был назначен новый начальник – С.М. Мищенко. Приказом РВСР от 10.7.1922 г. музей решено было подчинить Военной академии РККА. Сотрудников поставили на довольствие при академии, и 24.9.1922 г. С.С. Каменев утвердил первое положение о музее, а также новые штаты: 28 человек и повозка с повозочным. Главная же проблема по-прежнему заключалась в отсутствии подходящего помещения. Старинный особняк на ул. Кропоткина абсолютно не отвечал предъявляемым требованиям. Начало 1923 года стало переломным в жизни музея. Связано это было с приказом РВСР от 8.12.1922 г., подписанным Троцким: «В целях приведения в должный вид Музея Красных Армии и Флота ко дню пятилетия существования Красной Армии поручается Комиссии под председательством Главначснаба РККА М.М. Аржанова, представителя от ПУРа т. Рафес... принять все меры для выполнения указанной задачи. Комиссии предоставляется право затребования от всех учреждений Военного ведомства всех экспонатов, кои имеют военно-исторический характер». Нарком и председатель РВСР решил широко отметить юбилей РККА. В рамках многочисленных мероприятий одно из центральных мест отводилось музею. На его базе должны были создать большую выставку, где центральное место отводилось разделу «Поезд председателя РВСР Л. Троцкого». Осуществление этой задачи поручалось «Главначснабу»! Так как помещение на ул. Кропоткина не могло вместить подобную выставку, решено было развернуть ее в одном из зданий Военной академии, в бывшем Охотничьем клубе на Воздвиженке, 6 (впоследствии, в 1924 году, сюда переехал музей). Ответственным распорядителем выставки назначили Мищенко. Но, как и в 1921 году, главными организаторами являлись центральные управления наркомата. Каждое из них формировало собственный раздел, стремясь отобразить себя как можно краше. В результате – отсутствие единого замысла и художественного решения. Не удалось даже добиться

однотипности оборудования, так как комиссия разделила средства между управлениями, и каждое действовало на отведенной площади по своему усмотрению и вкусу. Выставка открылась 23 февраля 1923 года и работала с небольшими перерывами на ремонт до 1 ноября. Сразу же она привлекла к себе большое внимание прессы. Экспозиция состояла из семи залов. Один из центральных залов занимал раздел, отображающий деятельность в годы Гражданской войны поезда Троцкого. Экспозицию готовил секретариат Троцкого во главе с Я.Г. Блюмкиным, Н.М. Сермуксом и М.С. Глазманом. В центре висела огромная карта-схема рейсов поезда, общий пробег которого составил 232 тыс. верст (6,5 раз вокруг экватора). Диаграммы и приказы демонстрировали военно-оперативную деятельность поезда. Ряд оригинальных экспонатов показывал работу радио и телеграфа в пути. Агитационную деятельность представляли воззвания Троцкого и образцово поставленная газета «В пути», редактировал которую ветеран поезда и известный поэт Демьян Бедный. Специально для выставки в секретариате наркомвоенмора были получены 11 альбомов с фотографиями, отражающими работу поезда на различных фронтах, портретами членов команды, отличившихся в боях. Здесь же экспонировались списки награжденных и погибших бойцов, знамена поезда, среди которых выделялось знамена ВЦИК и шевов поезда – грузчиков станции Москва – Курская (единственная реликвия раздела, сохранившаяся по необъяснимым причинам до наших дней). В одной из заметок издававшейся прямо на выставке в походной типографии газеты «Победа» отмечалось, что «большинство посетителей с немалым интересом знакомятся с жизнью этого оригинального передвижного штаба РККА. Скептики ворчали – пустовато». Естественно, большой раздел создал ПУР. Особое внимание привлекал передвижной театр политуправления 1-й армии Туркестанского фронта. Изобрел его режиссер театра, бывший рабочий завода «Бромлей» Г. Ровный. Весил театр 60 пудов, перевозился на шести двуколках, собирался за три с половиной часа пятью рабочими. Вместе с армией он прошел от Волги до Кушки, дав бойцам более 400 спектаклей. Имелся на выставке и образцовый Красный уголок казармы, состоящий из библиотеки и ком-

наты для занятий. На столах разложили игры, призванные оживить работу политкружка: политрулетку, политлото, политшахматы. В газете «Победа», однако, отметили, что отдел полиграфической работы на выставке получился самым слабым. Любопытный факт отражен в газете «Победа» под номером «4»: «Карапуз, лет 8, обращается к руководительнице: «А почему нигде нет портрета Ленина?» Руководительница смущена, не найдя ответа». В целом же многие посетители подметили главный недостаток выставки – почти полное отсутствие реликвийных материалов героев Гражданской войны, а также стремление ведомств не ударить в грязь лицом и сделать свой раздел в стиле парадного отчета. «Получился инженерный склад, а не выставка. Жизни не видно», «В санитарном отделе разве видно, что у нас был тифозный фронт?» «Красная Армия не в блеске плакатов и диаграмм строилась. В лишениях, во вшах, холоде и голоде побеждала». Оставил отзыв и герой гражданской войны В.М. Примаков: «Выставка очень ярка и внешне блестяща. Хорошо представлено снабжение – лучше, чем на местах в армии... Мало от настоящего, боевого, не чувствуется связи с частями, не полон отдел трофеев... Выставка в целом будит яркие воспоминания. Вероятно, забилось не одно сердце». К сожалению, не у всех посетителей экспонаты вызвали столь возвышенные чувства. Настоящим бичом стал поток мелких краж. Тащили все, что плохо лежало и попадало под руку – шприцы, гальваноскоп, вольтметр, гантели, брезентовое пальто и даже прибитые гвоздями к стене брюки и рубашку всеобщника. Юбилейная выставка работала до 1 ноября 1923 года. Начальник музея, начальники агитпропа ПУРа и Главснаба высказывались за то, чтобы оставить выставку в занимаемом помещении, передать ее музею и в дальнейшем развивать музей на этой базе. Однако сломить сопротивление хозяина помещения – Военной академии, в то время не удалось. И музей, вместо того, чтобы перевезти на Юбилейную выставку свой основной фонд, оказался вынужденным перевезти в свое здание выставку, а ее фонд составлял около 10 тысяч экспонатов. На новом месте музейные памятники стали быстро приходить в негодность – неоттапливаемое здание отличалось чрезвычайной сыростью. Из-за страшной тесноты экспонаты свалили на стелла-

жи и просто на пол огромными кучами. Найти что-то нужное было совершенно невозможно. Во дворе отсутствовал навес для громоздких предметов. Единственным утешением было то, что удалось решить проблему оборудования, вывезя все шкафы и щиты, сделанные для выставки. Создание постоянной экспозиции встретило непреодолимые трудности. Главной причиной являлось неподходящее помещение. Это, видимо, наконец поняли в руководстве наркомата, и сопротивление Военной академии удалось сломить. Приказом РВС от 2 сентября 1924 г. музею передали часть помещений академии по ул. Воздвиженка, 6, в которых ранее располагалась Юбилейная выставка. В руководстве музеем происходила настоящая чехарда – за три с половиной года сменились четыре начальника. Вместо Мищенко в июне 1924 года назначен Енко, в декабре того же года его сменил Цвейч, а в октябре 1925 г. начальником стал В.А. Мацулевич, возглавлявший музей два года, до декабря 1927 года. Вероятно, перетасовки были связаны с двукратной заменой главы наркомата обороны и чисткой армии от сторонников Троцкого.

Постоянную экспозицию на новом месте создать сразу не удалось. Это было связано с отсутствием соответствующих кадров – имелось всего четыре научных сотрудника. Первым крупным свершением стало открытие 17.1.1926 г. большой выставки «Плакат и листовки гражданской войны». Прототип же стационарной экспозиции удалось развернуть лишь к 9-й годовщине РККА, в начале 1927 года. Это были материалы по истории гражданской войны и именовались они «выставкой». Видимо, уже решался вопрос о переезде в Центральный дом Красной Армии, и создание постоянной экспозиции не имело смысла.

В конце 20-х годов в Советской стране назрели большие перемены. Происходило свертывание НЭПа, начались политические процессы, полным ходом шел разгром оппозиции. Идеологическая обстановка быстро накалялась. Власть решила обратить внимание и на «наиболее отсталую», по их мнению, отрасль культуры – музейную. Музеи должны были превратиться в опорные пункты пропаганды и агитации, заняв важное место на фронте классовой борьбы. Их аудитория сильно отличалась от дореволюционной. Вместо интеллигенции, образованных

слоев мещанства и рабочей аристократии основными посетителями стали хлынувшие в города неграмотные и малограмотные «широкие массы», которым надо было трактовать историю с точки зрения правящей партии. При усилении пропагандистской направленности снижался уровень научно-исследовательской работы. В ходе этих процессов в феврале 1927 года СНК принял постановление по свертыванию и концентрации музеев. В результате ликвидировали Военно-исторический музей в Москве, Суворовский и Интендантский в Ленинграде. Их имущество частично передано в ГИМ, Артиллерийский, Русский музеи, а в основном распылено между различными учреждениями и в дальнейшем утрачено. Произошла и смена кадров в сфере культуры. Были разогнаны, арестованы, высланы многие старые специалисты, руководители военно-музейного дела. Итогом перемен стал Всероссийский музейный съезд в декабре 1930 года. На нем одобрили концепцию музея как политико-просветительного учреждения. Массовая агитационная работа была признана главной. Музеям поручили немедленно приступить к реэкспозиции на основе «диалектического материализма».

Все эти процессы, естественно, нашли отражение и в музее РККА. Приказом РВС от 5.2.1927 г. он вновь был передан в ведение ПУРа. Спустя некоторое время начальника музея Мацулевича освободили от занимаемой должности и уволили в долгосрочный отпуск «за невозможностью соответствующего использования». Вместо него назначили бывшего комиссара 9-й бригады войск конвойной стражи В.К. Трофимова. При принятии дел у Мацулевича комиссия ПУРа отметила, что экспозиция Гражданской войны, «давая в целом последнюю и наглядную картину, в то же время имеет крупнейший недостаток – недостаточное освещение роли партии, Ленина и партполитработы». Над исправлением этого недостатка и будет работать коллектив музея все последующие 65 лет.

С передачей музея в ПУР решено было предоставить ему левое крыло в здании Центрального Дома Красной Армии (ЦДКА) на Екатерининской площади (ныне пл. Суворова). Там он и оставался на протяжении 38 лет, до 1965 года.

Переезд в новое помещение совпал с празднованием 10-летия РККА. Поэтому перед кол-

лективом поставили задачу не только переехать, но и к 23 февраля 1928 года развернуть на новом месте пополненную экспозицию по Гражданской войне и мирному строительству РККА. Помещение было отремонтировано значительно позже срока, задержали изготовление оборудования. Но задание было выполнено благодаря исключительно напряженной работе сотрудников, которым приходилось работать по 15-16 часов, а в последние дни перед праздником – «день и ночь». Открытие экспозиции в новом здании отмечалось очень торжественно и широко освещалось в печати.

Начальником ЦМКА в то время был В.К. Трофимов. В апреле 1934 года он был заменен А.Д. Колчушкиным. Последним сохранившимся в архиве распоряжением бывшего комиссара бригады конвойной стражи было следующее: «Приказываю с 13.3.1934 г. не выпускать из музея ни одного посетителя и сотрудника со свертками и вещами без пропуска».

17.3.1934 г. в ЦМКА был создан научно-экспозиционный отдел (НЭО). На него возлагалась задача изучения истории РККА в целях разработки экспозиции, создание передвижных выставок, проведение занятий с экскурсоводами, разработка методичек и контроль за качеством экскурсий. Вопросы экспозиции находились в центре музейной жизни. Однако усилия направлялись вовсе не на насыщение экспозиции реликвиями действительных героев. При обсуждении плана работ на 1933 год один из научных сотрудников высказывал следующие суждения: «Предлагаю пересмотреть вопрос с организацией выставки «Империалистическая война». Работа нужная, но, полагаю, для нас не первоочередная. Задания ПУРа от нас требуют в первую голову работы в области того, чтобы во всей экспозиции выпятить роль большевистской партии и вождя т. Сталина... Мы должны дать задание научным сотрудникам по теме «Партия, Ленин, Сталин в гражданской войне» применительно к разделам каждого сотрудника».

И непростая задача была выполнена с честью. К концу 1933 года изменению и переделке подверглись все 154 раздела, заново создан раздел деятельности Сталина. Из 3862 экспонатов 298 составили ленинские и 267 сталинские. При этом была поставлена задача дальнейшего усиления показа роли партии, Ленина и Сталина. На сле-

дующий 1934 год запланировали переработать разделы «1-я Конная армия», «Оборона Царицына», «Комсомол в гражданской войне».

Для создания новых разделов требовались материалы. За «реликвиями» дело не стало. Выделили средства и сделали заказ на изготовление картин и рисунков следующей тематики: «Комиссар», «Ячейка ВКП (б) на фронте», «Ленин на заседании Совета Труда и Оборона», «Сталин на Восточном, Северо-Западном, Южном фронтах», «Штаб 1-й Конной армии», «Всероссийская коллегия по формированию Красной армии» (в 1919 году в ней служил на незначительной должности Л.М. Каганович). В 1935 году упразднили разделы «Тени минувшего» (белогвардейцы) и «Погибшие герои гражданской войны». За счет освобожденного пространства ввели новые материалы о партполитработе в РККА. В разделе «Империалистическая война» остались главным образом материалы о деятельности большевиков в то время. В результате к 1938 году экспозиция обрела примерно ту структуру, которая сохранилась по данному периоду до 1991 года, за теми лишь изменениями, что упразднили со временем темы «Сталин и РККА», «Ворошилов и РККА», «Киров и РККА».

С переездом в новое здание началась работа и по приведению в порядок фондов. За 1928 год создали схему прохождения, обработки и хранения поступающих материалов, правда, пока весьма примитивную. Разработали инструкцию по учету и технической обработке памятников. Наконец появилась возможность организовать экспедиции по сбору. В 1928 году состоялись командировки на Украину, в Оренбург и Среднюю Азию, в Одессу, на Север (Вологда – Котлас – о. Мудьюг), в Сибирь, на Дальний Восток и две в Ленинград.

В 1928-1930 гг. собрали огромное количество материалов по истории Гражданской войны и мирного периода. Однако вскоре над музейным фондом пронесся настоящий ураган. Сразу после убийства С.М. Кирова были введены жесткие ограничения на хранение оружия всех видов. 7.3.1935 г. начальник музея объявил приказ начальника ЦДКА: «Все огнестрельное оружие, находящееся в ЦМКА, в трехдневный срок сдать в Артуправление РККА...». В результате почти все оружие, накопленное за 15 лет существования музея, было сдано на артсклад N 36. А ведь в

ЦМКА были представлены большинство систем винтовок, состоящих на вооружении основных стран мира последней трети 19 – начала XX вв. Сдали почти все трофеи, взятые у басмачей и на КВЖД. Не сумели сохранить даже реликвийное оружие: «Парабеллум» А.Ф. Мясникова, «Винчестер», «Маузер», две винтовки М.М. Лашевича, «Винчестер» Я.Ф. Фабрициуса, револьверы Д.А. Фурманова и В.И. Чапаева, поступившие в 1928 году от А.Н. Фурмановой, револьвер «Смит и Вессон» Энвер-паши. Тогда же, по всей видимости, сдали винтовку Троцкого, хранившуюся в музее с 20-х годов, и шашку генерала Л.Г. Корнилова, которая была получена в начале 20-х годов из Военно-исторического музея. Всего передали в артсклад 297 единиц огнестрельного оружия, включая пулеметы и 110 единиц холодного. Оставили лишь все оружие Фрунзе и холодное – Котовского и Фабрициуса, а также различный хлам и лом. В дальнейшем, до начала войны, несмотря на получение трофеев Хасана, Халхин-Гола и Советско-финляндской войны, собрание оружейного фонда так и осталось незначительным. Оно насчитывало на 1.3.1941 г. всего 91 единицу против 656 на 1.4.1934 г. Случилась, правда, и одна «накладка». В марте 1937 года в музей передали коллекцию оружия умершего С.С. Каменева, и хотя вскоре он был объявлен «врагом», его реликвии сохранились.

С нарастанием политической напряженности в стране в ЦМКА стали избавляться от «непрофильных» материалов. В Госбанк сдали серебряную икону с перламутровым крестом – подарок лейб-гвардии Финляндскому полку от великого князя Константина Николаевича. В Военно-исторический архив передали все документы по истории царской армии. Военному историко-бытовому музею в Ленинграде передали коллекцию дореволюционных наград, в том числе звезды орденов Андрея Первозванного и Александра Невского, знаки различия, предметы снаряжения старой армии, 250 русских и английских плакатов Первой мировой войны, 37 фотоальбомов кадетских корпусов и событий русско-японской войны, 125 грамот георгиевских кавалеров, 437 открыток о георгиевских кавалерах, барельефы Николая II и великого князя Николая Николаевича. Летом 1937 года Музею истории религии в Ленинграде передали 88 памятных медалей 19-го – начала 20-го веков, крупнейшую в стране

коллекцию лубков Русско-японской войны – 275 шт. и Первой мировой – 1312 шт.

Музей располагал и огромным фондом антисоветских материалов периода Гражданской войны, который включал 110 плакатов, 1800 листовок, более 1500 газет, более 2500 фотографий. В октябре 1936 года почти все – свыше 10 тыс. документов антисоветского содержания – были сданы в Архив РККА.

После убийства Кирова началось и уничтожение музейных материалов. По распоряжению ПУРа 5.2.1935 г. специальная комиссия под руководством начальника архива ЦМКА старшего политрука С.Б. Айзенварга уничтожила (сожгла в котельной ЦДКА) фонд материалов Троцкого, который включал: три знамени бронепоезда председателя РВСР, четыре знамени воинских частей с портретами Троцкого, плакатов – 141, бюстов – два, газет поезда РВСР «В пути» – 272, художественных портретов Троцкого – 37. Спустя две недели уничтожили 215 листовок с подписью Троцкого, 90 приказов, 191 книгу, 200 фотографий (в том числе снимки И.Н. Смирнова, И.Т. Смилги, М.М. Лашевича, советской делегации в Брест-Литовске, Первого конгресса Коминтерна, Циммервальдской конференции), 206 листовок подписанных Каменевым и Зиновьевым, а заодно, по неизвестной причине, портреты двух последних русских царей, цесаревича Алексея и грамоту-благодарность Николая II Семеновскому полку за подавление восстания на Пресне. Затем после основательной проверки фондов уничтожили фотографии оппозиционеров в количестве около 300 шт.

Осенью 1936 года на основании приказа начальника ЦДКА «произвели уничтожение картин и скульптур путем сожжения известных деятелей оппозиции» И.Н. Смирнова, Л.П. Серебрякова, Г.Д. Гая, В.К. Путны, И.Т. Смилги, Н.И. Муралова и выдающегося военного ученого А.А. Свечина.

Настоящая вакханалия уничтожения музейных памятников началась летом 1937 года, после раскрытия «военно-фашистского заговора» в Красной Армии (почему-то только все документы за подписью М.Н. Тухачевского в количестве 124 единиц сдали в Институт им. Ленина еще 23.2.1937 г.). Акты об уничтожении следовали один за другим с небольшими интервалами. Чувствуется, что руководство ЦДКА и ЦМКА ох-

ватил панический страх быть обвиненными в сохранении «вражеских регалий».

2 июня 1937 года уничтожены еще 1123 листовки за подписью Троцкого, 5 июля – 1585 фотографий командного состава Красной Армии начиная со времен Гражданской войны, а также портреты Я.Б. Гамарника, И.С. Кутякова, Р.П. Эйдемана, А.И. Корка, И.Э. Якира и даже погибшего еще в 1925 году Э.М. Склянского (знал бы «отец-основатель», чем все кончится). 22 июля уничтожили еще 18 портретов, 27 октября – 73 плаката, 2 декабря – 1608 фотографий истории РККА различных периодов, в том числе снимки экспозиции музея – поэтому в фондах отсутствуют фотографии музея за 1920-1923 годы. 23 апреля 1938 года сожжено более 700 предметов различных видов, 23 мая – 63 портрета и бюста лиц высшего комсостава РККА, 7 июня – 1572 фотоснимка, 22 августа – 9 портретов и бюстов. По мере выявления новых «врагов» загружалась и котельная ЦДКА. Одними из последних «жертв» стали портреты Я.З. Покуса, Н.В. Крыленко, И.Ф. Федько, М.К. Левандовского, В.К. Блюхера, А.И. Егорова (5 июля 1939 г.) и бюсты А.С. Бубнова и А.Н. Туполева (эти уничтожены путем сколки 4 февраля 1939 г.).

Вот так за короткое время было уничтожено или изъято то, что с огромным трудом собрал музей за весь предшествующий период. Были навсегда утрачены почти все материалы, связанные с руководящим составом РККА и ее противниками, а они-то и составляли наиболее интересную часть коллекций музея. В максимально очищенных фондах остались преимущественно материалы общего характера и предметы небольшого круга лиц, превращенных Сталиным в хрестоматийных героев: Ворошилова, Буденного, Фрунзе и т.д. В огромном количестве закупались «реликвии» о деятельности Сталина, Ворошилова и прочих вождей (в основном, печатные, изобразительные, фотокопийные). С началом большого террора начались аресты и в ЦДКА. В мае 1937 года начальник ЦДКА корпусной комиссар Ф.Е. Родионов был обвинен в создании террористической группы, готовившей убийство К.Е. Ворошилова. Его предшественнику В.И. Мутных, назначенному в 1935 году директором Большого театра, предъявили подобное же обвинение. Оба в конце 1937 года были расстреляны. В августе 1937 года были арестованы

начальник музея А.Д. Колчушкин и его предшественник В.К. Трофимов. Они тоже были расстреляны. В 1937-1938 в музее были лишь исполняющие обязанности начальника – интендант 3-го ранга П.Н. Логинов, и недолгое время – политрук Абрамов. Затем, в 1939 году, опять Логинов, и только в начале 1940 года назначили постоянного начальника – полкового комиссара Владимира Ивановича Федянина, возглавлявшего ЦМКА до 1943 года.

Конец 30-х годов был ознаменован для музея активной собирательской и экспозиционной работой в связи с боевыми действиями на границах СССР. В феврале 1939 года из штаба 1-й отдельной Краснознаменной армии поступили трофеи, захваченные в ходе боев на озере Хасан. В декабре этого же года из группы советских войск в МНР «в сопровождении красноармейца Новикова» (?) прибыло около 300 единиц трофеев, взятых в ходе боев на реке Халхин-Гол. Старший политрук Абрамов при-

обрел у фотокорреспондентов Виктора Темина и Михаила Бернштейна около 200 фотографий периода сражений в Монголии. В 1939-40 годы старшие инструкторы батальонные комиссары Айзенварг и Логинов выезжали в западные области Украины и Белоруссии и привезли фотоматериалы Освободительного похода. Подобрана значительная коллекция фотоматериалов Советско-финляндской войны – свыше 1000 негативов.

В канун войны музей проверяла большая комиссия ПУРа, сделавшая вывод, что из-за неподходящего помещения и несоответствующего кадрового состава «музей в настоящем состоянии не отвечает своему назначению». Предлагалось «войти с ходатайством перед Совнаркомом СССР о выделении или постройке специального здания для музея РККА. Сконцентрировать в нем все материалы по военной истории, истории русской армии и истории Красной Армии». Однако планам этим тогда не суждено было сбыться.

*Леонид Давыдович Сабуров,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
главный научный сотрудник музея,
доктор исторических наук*

Центральный музей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что, несмотря на все трудности военного времени, работа Центрального музея Красной Армии носила организованный характер и строилась по следующим основным направлениям:

- широкое использование коллекции музея для воспитания воинов, всего народа в духе патриотизма, дружбы народов путем создания постоянной экспозиции, передвижных и стационарных выставок;
- сбор реликвийных материалов, увековечивающих подвиг советского народа на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу, в том числе трофеев;
- обеспечение сохранности в условиях военного времени исторических и художественных ценностей, накопленных музеем в предшествующий период.

С первых дней войны была организована работа по вывозу собрания ЦМКА и сотрудников музея в Казань и организации его работы. К началу декабря 1941 года музей разместился в Ка-

занском ДКА и развернул там часть своей экспозиции. Работа музея в эвакуации продолжалась до 1944 года, но он продолжал работать и в Москве, здесь экспонировались преимущественно материалы, собранные сотрудниками на фронтах Великой Отечественной войны.

В развитии и совершенствовании работы музея в годы войны можно выделить три периода.

Первый период – 22 июня 1941 по январь 1943 года. Становление и развитие основных направлений музейной деятельности.

На начальном этапе войны существенное влияние на результаты работы ЦМКА оказывало отсутствие у коллектива опыта в организации экспозиционной и выставочной деятельности в боевой обстановке. Такой опыт нарабатывался, как говорят, «с колес», чаще всего методом проб и ошибок.

Нельзя не учитывать, что сложная и весьма динамичная обстановка на фронтах в этот период не всегда позволяла в полном объеме реализовывать потенциал духовного воздействия на людей исторических реликвий, которыми располагал музей. В весьма напряженной ситуации,

Рис. 1. Научный сотрудник ЦМКА М.К. Назарова и летчики, доставившие собранные на Донском фронте реликвии. Январь, 1943 г.

складывающейся на фронтах в первые месяцы войны, нередко проявлялась недооценка роли музейной работы со стороны некоторых командиров. В решении всех этих проблем главную роль сыграли сотрудники музея, его начальники, офицерский состав. С 17 января 1940 по ноябрь 1943 года начальником ЦМКА был полковник комиссар, а с декабря 1942 года полковник В.И. Федянин, который в январе 1944 года направляется на фронт в действующую армию.

Одной из основных задач коллектива музея в годы войны являлся постоянный сбор исторических и реликвийных материалов в целях создания экспозиции ЦМКА и передвижных выставок. Сбор проводился по следующим направлениям:

- организация специальных командировок офицеров, вольнонаемных сотрудников музея и офицеров из резерва Главного политического управления РККА на фронты;
- помощь фронтам в организации выставок, с последующим получением экспонатов в фонды музея;

- получение экспонатов через Главное политическое управление РККА, другие управления Народного комиссариата обороны и у частных лиц¹.

В конце июля 1941 года в экспозиции ЦМКА появился первый немецкий самолет, сбитый над Москвой летчиками 6-го истребительного корпуса ПВО. По мере поступления документальных и вещественных материалов с фронтов Великой Отечественной войны экспозиция музея приобрела современное содержание, созвучное остроте и драматизму переживаемого страной момента. После шести месяцев боев довольно обстоятельно оформился раздел, отражающий победу Красной Армии под Москвой.

Большое внимание уделялось организации выставок в войсках, которые позволяли продвинуть военно-исторические памятники к бойцу и командиру, непосредственно в землянке, на коротком привале рассказать о героях Великой Отечественной войны и совершенных ими подвигах, о жестокости захватчиков.

С этими выставками сотрудники музея выезжали на фронты, в госпитали, работали на призывных пунктах, вокзалах, через которые воинские эшелоны шли на фронт, разворачивали их во время проведения партийных и комсомольских собраний, на совещаниях и собраниях офицеров.

Конструктивно выставки были малогабаритными, 1,5 листа ватмана размещались на отдельных щитах. Чаще всего они создавались с использованием плоскостного материала – фотографии, документальные источники, плакаты и т.д.

Активная выставочная работа музея в действующих частях была развернута с весны 1942 года. Выезды на фронты с выставками, как правило, совмещались с решением задач по сбору исторических памятников.

В начале 1942 года на фронт выехала экспедиционная группа в составе батальонных комиссаров П.Н. Логинова (руководитель) и И.Я. Панкова, научного сотрудника Роговой. Группа вела сбор материалов о действиях Красной Армии по обороне столицы и партизанском движении в Московской области для подготовки выставки «Разгром немецких захватчиков под Москвой»². В составе группы были также политработники Военно-политической академии им. В.И. Ленина батальонные комиссары Г.Е. Яковенко, Ф.И. Тимоненков, И.С. Урмеев, старшие политруки П.К. Пьянов, С.Я. Топорков. С.Л. Михайлов, которые работали в 1-й ударной армии, 16-й, 20-й, 50-й, 30-й армиях³. Работа велась последующим направлениям:

- научная обработка документального материала религиозного культа и мистики германских фашистов;
- приобретение и составление военно-технической характеристики боеприпасов немецко-фашистской армии;
- аннотация всех видов трофейного оружия, имущества связи;
- заказ и получение от инженерного управления инженерного имущества немецко-фашистской армии для его экспонирования;
- заказ и получение от химического управления химического имущества немецко-фашистской армии для его экспонирования.

В мае 1942 года была развернута выставка боевых трофеев в парке ЦДКА. Наряду с трофей-

ными танками, орудиями, сбитыми самолетами, другой боевой техникой, на выставке широко были представлены политплакаты, карикатуры.

Руководством музея также организована работа по подготовке экскурсоводов, доведению до них тактико-технических данных всех образцов трофейного оружия. В воскресные дни для посетителей организованы консультации командиров специалистов – артиллеристов, танкистов, автомобилистов⁵.

В июне 1942 года силами сотрудников музея подготовлены следующие передвижные выставки: «Разгром немецко-фашистских захватчиков на подступах к Москве», «Первомайский приказ товарища Сталина», «Красная Армия гонит врага на запад», а также передвижные и фотовыставки для фронтовых ДКА и частей Красной Армии: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти» на 10 листах»⁶, «Разгром немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом»⁷.

Что представляла собой фотовыставка «Наши великие предки» 20 декабря 1942 года... На титульном листе – силуэтное изображение великих русских полководцев Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, на переднем плане – стремительное наступление частей Красной Армии⁸.

Часть передвижных выставок создавалась специально для экспонирования в составе агитбригад, отправляемых на фронты автомашинами или агитпоездами. В состав таких агитбригад кроме сотрудников музея включались известные артисты, ученые, писатели и литераторы.

В целях увеличения количества посещаемости музея по договоренности с районными комитетами партии г. Москвы и Политическим управлением Московского военного округа организованы экскурсии для московских предприятий и частей гарнизона⁹.

Коллектив музея при перестройке экспозиционной работы стремился к тому, чтобы экспозиция ярко и убедительно показывала, что несут гитлеровцы советскому народу, отвечала на злобу дня, отражала текущую обстановку войны и вытекающие отсюда задачи советского народа, еще сильнее отражала стойкость, отвагу, героизм, мастерство, военную хитрость, умение уничтожать врага, показывала опыт войны¹⁰.

Рис. 2. Командировочное удостоверение экскурсоводу ЦМКА Леоновой для проведения экскурсии на Московском военном пересыльном пункте. Документальный фонд ЦМВС РФ 4/41592/5.

Кроме основных видов деятельности музея в годы войны встал вопрос подготовки материалов для управления спецпропаганды Главного политического управления РККА, который использовался для устной и печатной пропаганды среди войск противника¹¹.

В ноябре 1942 – январе 1943 года были организованы экспедиции научных групп музея на Волховский, Карельский и Донской фронты в составе П.Н. Логинова, М.П. Виноградовой. Рис. 1. Продолжался сбор материалов по обороне и защите городов Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда и по осенне-зимнему наступлению Красной Армии в 1942-1943 гг.¹² Материалы, собранные группами, были крайне необходимы для создания экспозиции, отражающей борьбу советского народа с немецкими захватчиками.

Второй период – февраль 1943 – июль 1944 года. Он характеризуется расширением географии сбора реликвийных материалов, трофеев, увеличением количества выставок в войсках, совершенствованием форм и методов работы.

В апреле 1943 года по согласованию с Главным политическим управлением РККА организованы командировки в Сталинград, Воронеж и Ростов-на-Дону для сбора документального материала, фото, трофеев и вещественных реликвий по разгрому немцев под Сталинградом и наступлению Красной Армии на Дону и Северном Кавказе¹³.

Рис. 3. Сотрудники ЦМКА в Ворговской (Клетнянской) партизанской бригаде им. С. Лазо во время сбора военно-исторических памятников. Слева направо первый ряд: командир бригады, заслуженный учитель РСФСР В.В. Казубский, начальник ЦМКА полковник В.И. Федянин, научный сотрудник музея М.К. Назарова.

Всего за период с июня 1942 по май 1943 года было совершено 16 выездов с передвижными выставками музея. Наибольшая нагрузка легла на выставку «Разгром немецких захватчиков на подступах к Москве»¹⁴. Рис. 2. Наряду с этой выставкой широкую известность в действующих частях получили и такие выставки как «Великая Отечественная война против немецких захватчиков», «Зверства немцев над населением и пленными красноармейцами», «Стойкость и железная дисциплина – залог победы», «Исторические победы Красной Армии»¹⁵. В большом количестве были изготовлены и распространены в войсках фотовыставки «Разгром немцев под Сталинградом»¹⁶.

Научный потенциал работников повышался системой самообразования и плановой профессиональной подготовкой. В соответствии с распоряжением начальника музея все научные сотрудники обязаны были посещать доклады и лекции, организуемые Центральным Домом Красной Армии. К их чтению привлекались видные ученые, партийные и государственные деятели. С июля 1943 года с научными сотрудниками музея стали регулярно проводиться семинарские занятия¹⁷.

С 1 ноября 1943 по апрель 1944 года майор П.Н. Логинов временно исполнял обязанности начальника ЦМКА. Осенью и зимой 1943 года передвижные выставки-музеи экспонировались в соединениях и частях Ленинградского, Донского, Западного, Южного, Калининского фронтов. В 1942 года передвижными выставками обслужено 33 тыс. человек, за 9 месяцев 1943 года – 44 тыс. человек.

Большинство выставок за время работы в частях, перевозок по фронтовым дорогам приходили в негодность. Поэтому сотрудникам необходимо было их обновлять. Прочно вошла в практику работы фотопечать плакатов, пособий по боевому уставу пехоты, изготовление для фотопечати негативов¹⁸, которые использовались для подготовки фотовыставок для фронтовых и армейских домов Красной Армии.

Особенно широко проводился сбор материалов в 1943 году. Так в августе Главным политическим управлением РККА была послана группа политработников резерва на Орловско-Курское направление¹⁹. Во время и после Курской битвы группа работников музея в течение месяца вела

работу в 5-й, 129-й и 38-й стрелковой дивизиях, получивших почетное наименование Орловских, в 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской стрелковой дивизии.

Результатом работы явилась фотовыставка «89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия в боях с немецкими захватчиками»²⁰. В выставке представлены фотографии командира дивизии полковника К.Д. Серегина, командиров 267-го, 270-го, 273-го, стрелковых полков подполковников В.И. Середы, Н.В. Прощунина, В.В. Бунина, умело руководившими боевыми действиями²¹; раскрываются подвиги минометного расчета гвардии сержанта Я.П. Кибер, гвардии сержанта И.С. Киреева, гвардии рядового П.Н. Соколова; воинов роты автоматчиков гвардии лейтенанта Л.Д. Долгих и многих других²².

Летом и осенью 1943 года научные сотрудники музея Ю.А. Скотникова, М.К. Назарова, фотограф Л.А. Юрова под руководством начальника музея полковника В.И. Федянина работали в войсках Брянского фронта в расположении 61-й и 63-й армий и в районе Орла по сбору материалов у партизан, выходивших из Брянских лесов (отряды М. Дуки, В. Гришина), а также в партизанских отрядах на Смоленщине. Рис. 3, 4. Среди отобранных музейных предметов – подлинная партизанская землянка, доставленная из лесов Брянской области. В ней экспонируются образцы оружия партизан, в том числе и самодельного. Здесь же представлено знамя с изображением Ленина и Сталина 1-й Клетнянской партизанской бригады. Рис. 5.

В том же году сотрудники музея побывали на Ленинградском, Донском, Западном, Калининском, Юго-Западном, Южном, 1-м Прибалтийском, 1-м Украинском, 4-м Украинском фронтах, в Сталинграде, Воронеже, Ростове-на-Дону, Калининне, Смоленске, Харькове, Белгороде. Итогом работы коллектива музея в 1941-1943 годов стало создание выставки «Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков»²³, где были отражены все важнейшие операции Красной Армии в 1941-1943 годах.

Одной из форм работы сотрудников стало создание диафильмов о Центральном музее Красной Армии. Так в 1943 годах на основе экспонатов зала № 5 рассказывается об активных

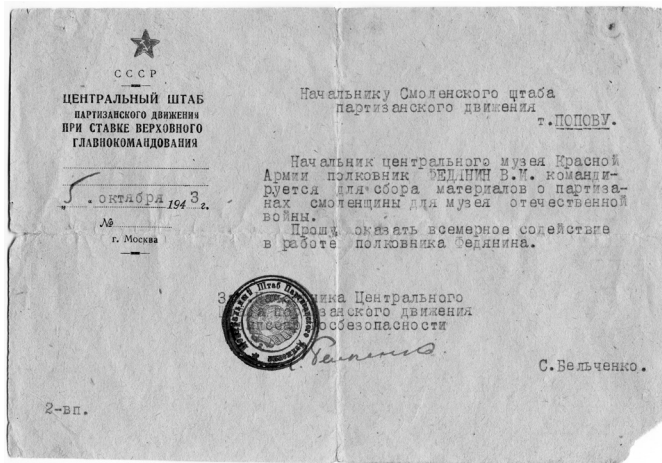

Рис. 4. Предписание начальнику Смоленского штаба партизанского движения т. Попову с просьбой оказать содействие полковнику Федянину В.И. в сборе материалов для ЦМКА. Документальный фонд ЦМВС РФ 4/44048/1.

оборонительных боях Красной Армии летом 1943 года, битве под Сталинградом, героической обороне Севастополя²⁴.

В течение зимнего периода 1942-1943 годов фонды музея пополнились почти 4,5 тысячью экспонатов. Из них трофейное оружие составило – 363 ед.; обмундирование и снаряжение – 1205 ед.; фотодокументы – 1035 ед.; ордена, медали и различные знаки – 732 ед.; личные вещи бойцов и командиров – 29 ед.; различные документы – 73 ед.

К концу 1943 года обновленная экспозиция имела несколько разделов: нападение фашисткой Германии на СССР, разгром немецких войск под Москвой в 1941-1942 гг.; разгром немцев под Сталинградом, провал летнего наступления немцев в 1943 года и победоносное наступление Красной Армии, укрепление антигитлеровской коалиции.

Учитывая возросшую роль музея в воспитании воинов, всего народа в духе патриотизма, дружбы народов, распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 3 февраля 1944 г. Центральный музей Красной Армии отнесен к числу музеев союзного значения первой категории²⁵.

Рис. 5. Подлинная партизанская землянка, доставленная из лесов Брянской области.

В апреле 1944 года М.К. Назарова и два офицера из резерва Главного политического управления РККА по решению его начальника А.С. Щербакова были направлены для сбора материалов в район Одессы. Нужно было, отбирая экспонаты для музея, собрать материалы о зверствах фашистов. Впоследствии они были переправлены в комитет по расследованию зверств оккупантов на советской земле.

Третий период – август 1944 – май 1945 года. По мере развития успехов на фронтах в 1944-1945 годах, выполнению исторической миссии Красной Армии по освобождению от оккупации стран Европы²⁶, интенсивность поездок по сбору документальных и реликвийных материалов Великой Отечественной войны стала возрастать. Требовалось активнее способствовать пропаганде героизма советского солдата.

Большой вклад в развитие музея внес полковник И.А. Горюшкин, назначенный на эту должность в июле 1944 г. Под его руководством музейная коллекция получает наибольшее пополнение музейными реликвийными предметами военного времени. Общее число поступлений превысило 100 тысяч единиц²⁷. Ему пришлось решать задачи, связанные с возвращением музея из эвакуации и организационным оформлением как самостоятельного учреждения культуры Красной Армии и Военно-морского флота с ноября 1944 г.²⁸

В период совещания, которое проходило в здании Центрального Дома Красной Армии в 1944 г. музей посетили командующие фронтами. Экскурсию с ними проводила М.К. Назарова. Военачальникам понравилась экспозиция музея. По их мнению, она объективно отражала действия войск на различных этапах войны. Высказанные ими предложения в последующем были учтены²⁹.

С 15 мая по 1 октября 1944 г. семью экспедиционными группами из числа офицеров ЦДКА, сотрудников музея и офицеров, выделяемых Главным политическим управлением РККА, осуществлялся сбор исторического и реликвийного материала по героической борьбе Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками в войсках 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов, 2-го, 3-го, 4-го Украинских фронтов. В результате этих экспедиций в музей поступило почти 10 тысяч военно-исторических памятников.

В 1944 г. усилилось внимание к профессиональной подготовке сотрудников музея, повышению их научного потенциала на проводимых семинарских занятиях. Так, в октябре 1944 г. на шестидневном сборе рассматривались и анализировались такие вопросы, как «Вероломное нападение фашистской Германии на СССР. Начало Великой Отечественной войны Советского Союза», «Активные оборонительные бои Красной Армии летом 1941 г.», «Разгром немцев на подступах к Москве», «Контрнаступление Красной Армии зимой 1941-1942 гг.». Лекции читались учеными Военной академии имени М.В. Фрунзе, генералами и офицерами Генерального штаба Красной Армии. Научная работа нашла свое воплощение в содержании экспозиции и выставок ЦМКА.

Музей непрерывно проводил улучшение и дополнение экспозиции на основе собранного исторического материала. В декабре 1944 г. – январе 1945 г. при активном участии старшего научного сотрудника А.И. Гамбарова был подготовлен тематический план стационарной выставки «Решающий год Великой Отечественной войны» (по докладу И.В. Сталина 6 ноября 1944 г.). Выставка имела 14 разделов, в которых освещались 10 сталинских ударов³⁰.

Новые задачи отразились в новых выставках: «Исторические победы Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (230 фотографий и 20 портретов членов Государственного комитета обороны и командующих фронтами)³¹, «Освободим Европу от фашистского ига», «Зверства фашистов на оккупированных территориях», «Историческая миссия Красной Армии» и других. С выставками на фронтах активно работали Логинов, научные сотрудники Панков, Тарасов, Рогова, экскурсоводы Андрианова, Дворцова, Назарова. С мая по октябрь 1944 г. передвижные выставки музея обслужили около четырех тысяч человек.

Весной 1945 г. в городе Бунцлау (Силезия) – ныне Болеславец (Польша) – сотрудники ЦМКА принимали участие в подготовке к открытию музея в доме, где скончался М.И. Кутузов. С учетом их рекомендаций политработниками 1-го Украинского фронта буквально за несколько дней дом-музей был создан. Он рассказывал о полководческой деятельности М.И. Кутузова³². Открытие музея состоялось 28 апреля 1945 г.

Рис. 6. Сотрудники ЦМКА в Берлине. Май 1945 г.

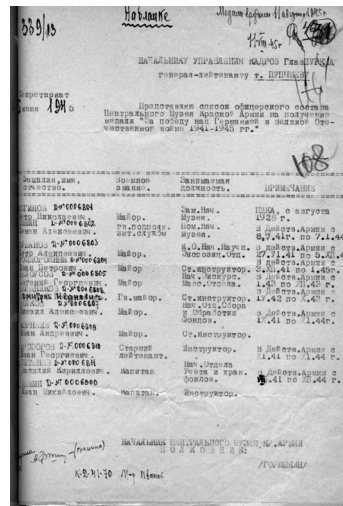

Рис. 7. Представление на награждение офицерского состава ЦМКА медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Архив ЦМВС РФ. Оп. №. Д. 35/18. Л. 31.

В марте 1945 г. штатная численность ЦМКА увеличилась до 29 человек. 15 должностей были офицерскими. Численность вольнонаемных сотрудников музея составляла 46 человек.

По данным отчетов, содержащихся в архивах, с ноября 1943 г. по апрель 1945 г. было проведено 20 экспедиций на фронты, на фронт были командированы 33 человека³³. В собирательной работе принимал участие весь коллектив музея. Наиболее часто в экспедиционных поездках участвовали полковник В.И. Федянин, майор П.Н. Логинов, лейтенант И.Г. Прозоров, научные сотрудники М.Л. Берменсон, М.К. Назарова, П.И. Рыбин, Л.А. Юрова, Ю.А. Скотников, Л.Ф. Семехина.

Завершающий этап войны и первые послевоенные месяцы ознаменовались наиболее значительным пополнением коллекции экспонатов. С марта 1945 г. полковник В.И. Федянин исполнял обязанности заместителя начальника тыла по трофейному имуществу 3-й ударной армии. Поэтому многие из музейных предметов, поступивших из Берлина, передавались в ЦМКА без личного участия Владимира Ивановича Федянина. За 1945 г. в фонды было принято свыше 22,2 тысячи экспонатов. Только за одну поездку в войска, дислоцировавшиеся в Германии, сотрудники музея во главе с подполковником П.Н. Логиновым в мае 1945 г. привезли около 4 тысяч документальных и вещественных экспонатов. Рис. 6. Среди них – бронзовый орел, возвышавшийся над входом в имперскую канцелярию.

Всего к концу войны в музее насчитывалось 15 экспозиционных залов. В них были отражены основные этапы борьбы Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками³⁴.

За личный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков майор П.Н. Логинов, гвардии подполковник интендантской службы С.А. Сонин, майоры П.А. Зубанов, И.П. Роздорожный, Е.Г. Белоусов, М.А. Волков, И.А. Корнеев, гвардии майор Д.И. Бердников, капитаны В.К. Житнев, И. М. Демин, старший лейтенант И.Г. Прозоров³⁵, находившиеся в действующей армии, были награждены медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Рис. 7.

Суровую проверку войной коллектив музея выдержал с честью, успешно выполнив все возложенные на него задачи. Были сохранены для грядущих поколений тысячи военно-исторических реликвий, приумножены фонды вещественными и документальными источниками, отражающими мужество и героизм советских воинов в борьбе с врагом, накоплен богатейший опыт патриотического воспитания бойцов, командиров и гражданского населения в условиях войны.

По уникальности музейных предметов, по своему значению для истории нашего Отечества равных ЦМВС РФ на территории постсоветского пространства нет. К примеру, только по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны здесь собрано около четырехсот тысяч уникальных экспонатов и музейных предметов в фондах.

Значительную часть экспозиции ЦМВС РФ занимают залы, посвященные Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. В музее хранится бесценная реликвия – символ Победы над фашизмом – Знамя Победы, водруженное над

рейхстагом в мае 1945 г.³⁶ воинами 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой ордена Кутузова II степени Идрицкой дивизии, лейтенантом А.П. Берестом, сержантом М.А. Егоровым и младшим сержантом М.В. Кантария³⁷. Рис. 8.

Кроме того в музее представлены многочисленные реликвии, связанные с жизнью и деятельностью героев отечественной военной истории как рядовых, так и известных военачальников и государственных деятелей – И.В. Сталина, Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, А.М. Василевского, Н.Г. Кузнецова и других³⁸.

Исторически значимой по своему количеству и качественному составу является коллекция трофеев Второй мировой войны – знамена и штандарты частей гитлеровской Германии, документы, награды и оружие, личные вещи А. Гитлера³⁹, А. Розенберга, Э. Роммеля, Г. Геринга, Ф. Паулюса.

В ЦМВС РФ хранятся военно-исторические реликвии, связанные с проведением парада Победы 24 июня 1945 г. Это 10 штандартов фронтов, около 100 знамен прославленных соединений и частей, 27 шашек командующих фронтами, армиями и командиров корпусов, 76 мм орудие, которое давало залпы салюта Победы, черно-белый документальный фильм и 70 различных фотографий о параде Победы, около 120 фашистских знамен, брошенных к Мавзолею В.И. Ленина⁴⁰.

Богатейший опыт военно-патриотического воспитания солдат и офицеров, гражданского населения в условиях войны широко применяется в послевоенное время. Так, с 3 по 20 апреля 1987 года сотрудники музея представляли передвижную выставку «Боевые награды Родины» в трех военных гарнизонах в Демократической Республике Афганистан, гарнизонном Доме офицеров в Кабуле, Доме афгано-советской дружбы, военном госпитале и в солдатских клубах⁴¹.

Во время проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе в 1999 году ряд офицеров и служащих были командированы в Северную Осетию и Дагестан, где с 30 сентября по 4 октября в городах Буйнакске, Каспийске, Владикавказе, Моздоке развернули и представили передвижные выставки «На защите Отечества»⁴².

Сегодня музей востребован, посещаем, его коллекции по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. широко используются при организации различных выставочных проектов, как в регионах страны, так и за рубежом.

Рис. 8. Знамя Победы.

¹ «Инструкция о сборе материалов Великой Отечественной войны». – М.: Народный комиссариат просвещения, 1941.

² Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.18/1. Л.1.

³ Там же. Оп.3. Д.20/3. Л.1.

⁴ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.3.

⁵ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л. 3.

⁶ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.21.

⁷ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 46-63.

⁸ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ.1-10.

⁹ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.5.

¹⁰ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.11.

¹¹ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.9.

- ¹² Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.23.
- ¹³ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.28.
- ¹⁴ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 32-34.
- ¹⁵ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 35-40.
- ¹⁶ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.29.
- ¹⁷ Там же. Оп.3. Д.18/1. ЛЛ. 24, 27, 31, 35.
- ¹⁸ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.32.
- ¹⁹ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.35.
- ²⁰ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 84-88.
- ²¹ Там же. Оп.3. Д.25/8. Л. 84.
- ²² Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 86, 86 об.
- ²³ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 64-78.
- ²⁴ Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 79-83.
- ²⁵ Там же. Оп.3, Д. 19/2, Л. 1.
- ²⁶ Великая Отечественная война 1941-1945 годов: В 12 томах. – Т. 1. – М.: Воениздат, 2011. – С. 10.
- ²⁷ 80 лет на службе Отечеству. Исторический очерк, посвященный созданию и становлению музея.- М.: Типография ЦМВС, 1999. – С. 47.
- ²⁸ Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.19/2. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Оп.3, Д.19/2, ЛЛ. 7,8.
- ³⁰ Там же. Оп.3, Д.27/10, ЛЛ. 1-4.
- ³¹ Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.47 об.
- ³² Там же. Оп.3. Д.19/2. Л.3.
- ³³ Там же. Оп.3, Д.19/2, ЛЛ. 2 об., 3.
- ³⁴ Там же. Оп.3, Д.19/2, ЛЛ. 3-6. Д. 25/8. ЛЛ. 137-140.
- ³⁵ Там же. Оп.3. Д.35/18. Л. 31.
- ³⁶ Там же. Оп. 3. Д. 21/4. Л.11.
- ³⁷ Дементьев, А.Н. Знамя Победы/А.Н. Дементьев.- М.: ООО «Издательство «Граница». – С. 16.
- ³⁸ Сапрыков, В.Н. Знамя Победы /В.Н. Сапрыков// Великая Отечественная война – 65 лет спустя: уроки истории. Материалы «круглого стола» Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Великой Победы. 30 апреля 2010 г. -М.: РГСУ, 2011. – С. 198.
- ³⁹ Никонов, А.К. Некоторые аспекты комплектования коллекции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации/А.К. Никонов // Материалы конференции ИКОММ: «Военно-исторические музеи в контексте современной истории. Востребованность и актуальность. Москва. 8-10 октября 2014 г. – М.: ОАО «Красная Звезда».- С. 18.
- ⁴⁰ Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.21/4. Л.13.
- ⁴¹ Там же. Оп.7, Д.11, ЛЛ.34-35.
- ⁴² Там же. Оп.7, Д.18, ЛЛ.139-141.
- ⁴³ Там же. Оп. 8, Д.43, Л.28.

*Владимир Анатольевич Афанасьев, Россия, Москва,
Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации,
главный научный сотрудник музея, кандидат исторических наук*

Музей в первое двадцатилетие после Победы 1945-1965 гг.

В послевоенные годы сотрудники музея продолжали вести работу по сбору материалов по истории советских Вооружённых Сил и Великой Отечественной войны, дальнейшее развитие получила научно-исследовательская работа, улучшились учёт и хранение фондов музея.

В ноябре 1945 г. была завершена реэкспозиция залов Великой Отечественной войны, начатая в сентябре того же года, оформлен новый знамённый зал, доминантой которого стало Знамя Победы, переданное в музей 22 июня 1945 г.

По инициативе сотрудников музея в создании новых разделов экспозиции активное участие принимали генералы и офицеры действующей армии. В частности консультативные беседы проводились с генералом армии М.В. Захаровым, маршалом бронетанковых войск П.С. Рыбалко, генералами А.А. Ждановым, И.М. Манагаровым, В.М. Шатиловым и другими. Встречались музейщики и с воинами, водрузившими Знамя Победы над рейхстагом, М.А. Егоровым, М.В. Кантария, И.Я. Сьяновым.

Необходимо отметить, что новая экспозиция была востребована. Только за период с 1 января по 31 августа 1946 г. музей посетило более 70 тысяч человек.

Активно шла работа по пополнению музейной коллекции. Этой работе способствовали тесные контакты сотрудников музея со многими военачальниками, Героями Советского Союза и полными кавалерами ордена Славы. Большую роль в сборе реликвий играли письменные обращения к семьям погибших воинов-героев с просьбой предоставить музею дополнительные материалы о героях войны и их подвигах. Подобных обращений только за 8 месяцев 1946 г. было направлено около 300.

Не прекращались и специальные командировки-экспедиции по сбору материалов, которые проводились по заранее разработанному плану-заданию. Так в 1946 г. сотрудники музея направлялись на Дальний Восток – в Порт-Артур, Ворошилов-Север, Дойрен, Дзин-Джоу; в Беломорский и Архангельский военные округа – в Мурманск и Петрозаводск; в Таврический воен-

ный округ – в Симферополь и Севастополь; и в Ленинград. В результате этой работы музейная коллекция значительно пополнилась. На 1 августа 1946 г. фонды музея насчитывали 155749 музейных предметов.

К слову сказать, в связи с отсутствием необходимого количества фондовых хранилищ с организацией хранения музейных предметов возникли большие трудности. В начале 1946 г. музею для хранения фондов были переданы площади в бывшем магазине Военторга (39 кв. м), комната хозяйственной части ЦДКА (10 кв. м), биллиардная (90 кв. м) и неотапливаемое строение в парке ЦДКА (40 кв. м). Полученные помещения были переоборудованы силами сотрудников музея под фондохранилища. Однако разбросанность фондов, которые размещались в одиннадцати различных местах здания и территории ЦДКА, представляла угрозу их сохранности и создавала дополнительные сложности в работе сотрудников музея. Таким образом, музейная коллекция из года в год росла и вопрос о необходимости нового, более просторного помещения для музея вставал всё острее.

Поэтому руководство музея аргументированно докладывало в 1946 г. в Главное политическое управление об этой проблеме. Одновременно поднимался вопрос о целесообразности переименования музея в связи с тем, что с февраля 1946 г. Красная Армия стала именоваться Советской, соответственно и музей предлагалось назвать Центральным музеем Советской Армии. Необходимо заметить, что в это время музей выходил на ГлавПУР с целым рядом конструктивных предложений. Так, предлагалось создать поезд-музей Советской Армии для обслуживания личного состава соединений и частей военных округов и отдалённых гарнизонов, сохранить в войсковых частях образцы военной техники и вооружения с наиболее богатой боевой историей с тем, чтобы использовать их в работе по патриотическому воспитанию воинов.

В марте 1947 г. была проведена плановая проверка работы музея комиссией Главного политического управления. В докладной записке начальнику ГлавПУРа генерал-полковнику И.В. Шикину о результатах проверки музея был отмечен целый ряд проблемных вопросов и недостатков. В частности, было отмечено, что ввиду отсутствия необходимых для размещения экспозиции помещений, посетителям были доступны

только 1% музейных предметов. Фактически работала только экспозиция, посвященная событиям Великой Отечественной войны. Ценнейшие же материалы, экспонировавшиеся в музее до 1941 г., из-за отсутствия помещений были законсервированы и хранились в плохо приспособленных помещениях — в эстрадном театре ЦДКА, в биллиардной комнате, в летнем павильоне, в сарае, в коридорах служебных помещений музея и в других местах.

Были отмечены недостатки в экспозиционной и научной работе. Кроме того было обращено внимание на то, что музей не использует всех возможностей в культурно-массовой работе, практически не используется потенциал лекторской работы в войсковых частях и на предприятиях, не организуются передвижные выставки, не используются возможности издательской деятельности, был отмечен и ряд других серьёзных недостатков в работе музея.

Помимо констатации обнаруженных недостатков, комиссия наметила конкретные пути к тому, чтобы он стал подлинно центральным музейным учреждением советских Вооружённых Сил. Было предложено изменить и название музея и в дальнейшем именовать его Центральным музеем Вооружённых Сил СССР. Но, самое основное, был сделан вывод о необходимости выделения под музей нового здания, в котором можно было бы развернуть полноценную экспозицию, отображающую всю историю Вооружённых Сил Отечества. Было предложено разработать и утвердить в ГлавПУРе Положение о Центральном музее Вооружённых Сил СССР, исходя из того, что в его задачу должно входить: отображение истории Вооружённых Сил СССР с древнейших времён до современности; отображение событий из истории Вооружённых Сил СССР не только в их политическом значении, но и в тех реальных формах, в которых оно фактически совершается (то есть показать развитие пехоты, артиллерии, авиации, бронетанковых и механизированных войск, ВМФ и т.д.).

Предлагалось также подобрать и утвердить учёный совет при начальнике музея, установить порядок перспективного планирования на год и оперативного на квартал. После выделения музею нового здания и утверждения ученого совета, начальник музея должен был представить на

утверждение начальнику Главного Политического управления научно проработанный план новой экспозиции.

Предлагалось также усилить музей квалифицированными кадрами, в первую очередь, обратив внимание на категорию начальников отделов.

Таким образом, появилась серьёзная программа модернизации музея. Однако реализовать её было непросто. Наиболее сложным оказался вопрос о выделении здания под музей. Одним из первых было предложение разместить музей в здании Инженерного замка в Ленинграде. Однако от этой идеи довольно быстро отказались. Во-первых, на переоборудование здания требовались значительные средства, во-вторых, в Ленинграде в то время было пять военных музеев, поэтому перемещать туда из Москвы единственный в столице военный музей было явно неразумно и, наконец, в-третьих, очень проблематично было обеспечить сотрудников музея на новом месте жильём.

10 июля 1948 г. начальник Главного Политического управления генерал-полковник И.В. Шикин направил на имя министра Вооружённых Сил СССР Маршала Советского Союза Н.А. Булганина докладную записку с просьбой предоставления музею здания в Москве. Её рассмотрел начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский, который на обращении генерала Шикина наложил резолюцию: «Согласен». Для решения вопроса была создана комиссия во главе с заместителем начальника Тыла Вооружённых Сил генерал-полковником В.Е. Белокосковым и определён срок – до 1 сентября 1948 г. По каким-то причинам в установленные сроки проблему решить не удалось, более того 3 октября результаты работы маршалу Василевскому докладывала уже комиссия в другом составе. Командующий артиллерией Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, начальник управления Генерального штаба по изучению опыта войны генерал-полковник М.Н. Шарохин и представитель ГлавПУРа генерал-лейтенант С.С. Шатилов, докладывая тогда свои соображения маршалу, предлагали: «Под Музей Советской Армии передать бывший Петровский дворец по Ленинградскому шоссе. Помещение это историческое, музейное. Принадлежит оно Министерству Вооружённых Сил.

В настоящее время там размещён штаб Дальней авиации. Под штаб это здание совершенно не приспособлено. Генерал-полковник Жигарев предложение полностью поддерживает и убедительно просит из этого помещения штаб вывести. Однако и это предложение осталось без реализации. Страна только что пережившая тяжелейшую, кровопролитнейшую войну, вступила в новую – «холодную» войну, в острейшее противостояние с «западным» миром. Средств на расширение музея катастрофически не хватало.

Между тем жизнь продолжалась. Несмотря ни на какие трудности музей продолжал работать. 1 мая 1949 г. его начальником был назначен подполковник Евгений Иванович Востоков.

21 декабря 1949 г., в день 70-летия со дня рождения И.В. Сталина, в соответствии с приказом Военного министра СССР Маршала Советского Союза А.М. Василевского открылся Дом-музей командного пункта Западного фронта в городе Юхнов Калужской области в качестве филиала Центрального музея Советской Армии. Он был создан в память посещения И.В. Сталиным штаба Западного фронта в августе 1943 г. Его штат включал 18 человек, первым начальником филиала был назначен подполковник И.П. Ширманов.

20 декабря 1951 г. первым заместителем Военного министра СССР Маршалом Советского Союза В.Д. Соколовским было утверждено положение о Центральном музее Советской Армии (ЦМСА). Это положение предусматривало создание в военных округах филиалов музея. Работа над рекомендациями по созданию этих филиалов началась в 1953 г. Она проводилась под руководством заместителя начальника музея полковника П.Н. Логинова. В этом году в очередной раз сменилось руководство музея. Е.И. Востоков был назначен начальником отдела культуры Главного Политического управления, а музей 7 мая 1953 г. возглавил полковник М.В. Широков.

В соответствии с разработанным сотрудниками музея документом, в целом одобренным в ГлавПУРе, филиалы предполагалось создавать силами сотрудников Центрального музея Советской Армии при окружных Домах офицеров. В 1954 г. предполагалось создать подобные филиалы в Прибалтике, Закавказье и на Дальнем Востоке. Однако отсутствие необходимого финан-

сирования не позволило воплотить эти планы в жизнь. Было решено для обеспечения войск пока ограничиться одной передвижной выставкой.

В 1956 г., после XX съезда КПСС, на котором Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв выступил с закрытым докладом «О культуре личности и его последствиях», посвящённом осуждению культа личности И.В. Сталина, началась антисталинская кампания, оказавшая существенное влияние на работу музея. В период с 15 по 19 марта 1956 г. Центральный музей Советской Армии проверила комиссия ГлавПУРа, которая обратила внимание на ряд недостатков, в том числе на необходимость изменения работы в свете требований XX съезда партии.

Затем с 27 по 31 марта того же года в Ленинграде прошло первое после окончания Великой Отечественной войны Всеармейское совещание начальников военных музеев и их заместителей по научной работе. На это совещание были приглашены руководители военно-исторических музеев Москвы, Ленинграда, Минска, Киева и ряда других городов. Всего в работе совещания приняли участие 120 представителей ленинградских музеев и 60 музейных работников, прибывших из других городов.

С докладом «О задачах научной и политико-просветительной работы военных музеев в свете требований XX съезда КПСС» выступил начальник отдела культуры ГлавПУРа полковник Е.И. Востоков. В докладе им была обоснована мысль о необходимости возрастания роли Центрального музея Советской Армии как методического центра музейной работы в Вооружённых Силах СССР.

Было предложено в целях улучшения научно-методического руководства военными музеями, которые подчинялись различным органам военного управления, создать при Центральном музее Советской Армии Методический совет по вопросам музейной работы. Приказом начальника Главного Политического управления Министерства обороны СССР генерал-полковника А.С. Желтова № 21 от 17 мая 1956 г. подобный совет был создан в составе 15 человек. Его председателем был назначен начальник отдела культуры полковник Е.И. Востоков.

После возвращения из Ленинграда начальник музея М.В. Широков организовал работу по воплощению решений Всеармейского совещания

в жизнь. Полностью был переработан план работы музея на 1956 г.. 20 июля этого года был расформирован Дом-музей командный пункт Западного фронта в Юхнове. Была проведена частичная реэкспозиция самого музея. С экспозиции были сняты 478 экспонатов, главным образом связанных с личностью И.В. Сталина (листовки, плакаты, произведения изобразительного искусства). В частности из экспозиции были изъяты изображения И.В. Сталина таких известных мастеров как Ф.П. Решетников, Н.В. Томский, С.Я. Ковнер, Н.И. Шестопалов и другие. С учётом рекомендаций Всеармейского совещания были переработаны и методические разработки для экскурсоводов.

В тоже время положительное влияние на деятельность военных музеев начал оказывать Методический совет, созданный при Центральном музее Советской Армии. Для оказания методической и практической помощи при создании окружных музеев приглашались ведущие специалисты музейного дела, обращались за консультациями к учёным, писателям, художникам, кинорежиссерам, журналистам.

С принятием 20 ноября 1956 г. Постановления ЦК КПСС о вступлении Советского Союза в Международный совет музеев (ИКОМ) и выходом соответствующего приказа министра культуры СССР № 220 от 21 апреля 1957 г. для Центрального музея Советской Армии был открыт путь в международное музейное сообщество. Однако путь этот был непростым.

В апреле 1957 г. директор Королевского Датского музея-арсенала оружия в Копенгагене полковник Йорген Паульсен через МИД СССР направил официальное приглашение для участия делегации военных музеев Советского Союза в работе первого Конгресса представителей музеев оружия и военной истории. Этот Конгресс созывался по инициативе Датского музея-арсенала оружия и проходил с 22 по 25 мая 1957 г. в Копенгагене. Решение о направлении туда советской делегации принималось на уровне ЦК КПСС. Состав делегации тщательно отбирался и по представлению начальника отдела культуры утверждался лично начальником Главного Политического управления генерал-полковником А.С. Желтовым.

В результате было решено направить делегацию в составе пяти человек. Возглавил её на-

чальник отдела культуры ГлавПУРа полковник Е.И. Востоков, который входил в состав музейного комитета Советского Союза. В состав делегации были также включены заместитель начальника Центрального музея Советской Армии по научной части подполковник Н.Г. Немиров, начальник Центрального Военно-морского музея Ф.И. Демидов, заместитель начальника Артиллерийского исторического музея по научной работе полковник И.А. Чехов и начальник Военно-медицинского музея генерал-майор медицинской службы Н.Г. Коваленко.

Организационные вопросы при подготовке делегации к отъезду решались на уровне 1-го заместителя министра обороны СССР — главнокомандующего Объединёнными Вооружёнными Силами государств — участников Варшавского договора Маршала Советского Союза И.С. Конева. Поскольку на Конгресс приглашалась не официальная военная делегация, а представители военных музеев Советского Союза, маршал разрешил членам делегации ехать в Данию в гражданской одежде. В связи с этим встал вопрос, во что одеть представителей Советского Союза, чтобы они могли достойно представлять государство на международном форуме. Начальник ГлавПУРа генерал А.С. Желтов вынужден был обращаться к руководству с просьбой о выдаче каждому члену делегации по вечернему костюму (чёрному), кроме того, каждому полагались дневной костюм, пальто летнее (макинтош), шляпу, сорочку, галстук и чёрную бабочку к вечернему костюму, ботинки.

Несмотря на все организационные трудности, советская делегация прибыла в Копенгаген вовремя. Как впоследствии вспоминал её руководитель Е.И. Востоков, — «Встреча нашей делегации была официальной, но подчёркнуто дружеской. В тот же день мы были любезно приняты Паульсеном, который в ходе беседы заметил, что организаторы Конгресса испытывают определённые трудности во взаимоотношениях с представителями Советского Союза, поскольку ответы на все запросы постоянно сильно затягивались. Причина этого нам была известна — необходимо было любые вопросы согласовывать на многочисленных бюрократических инстанциях, утверждать у самых высоких военных руководителей...».

Работа Конгресса была плодотворной. В ней приняли участие около 100 представителей воен-

но-исторических музеев из 18 государств: СССР, Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Дании, Италии, Испании, Норвегии, Польши, Таиланда, Турции, Федеративной Республики Германии, Франции, Швеции, Швейцарии, США, Югославии. Наиболее полно были представлены музеи скандинавских государств, Западной Германии, Великобритании, по одному представителю было от Испании и Франции. Военно-исторические музеи США представляли 4 делегата.

Было принято решение о создании Международной ассоциации музеев оружия и военной истории (ИАМАМ), президентом которой стал Йорген Паульсен. Следующий Конгресс было намечено провести в 1960 году.

12 декабря 1957 г. полковник М.В. Широков был отозван в распоряжение ГлавПУРа, а начальником музея был назначен подполковник Н.Г. Немиров. Необходимо отметить, что Николаю Григорьевичу довелось руководить коллективом музея на исключительно важном этапе его развития.

Дело в том, что ещё 7 мая 1955 года на имя министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова было направлено письмо с просьбой возбудить перед Советом Министров СССР ходатайство о строительстве под ЦМСА отдельного здания площадью 10-15 тысяч квадратных метров, или предоставлении уже готового здания (помещения) такой площади.

Маршал пошёл навстречу руководству музея. Началась проработка вопроса. В июле 1956 г. первым заместителем министра обороны Маршалом Советского Союза И.С. Коневым было утверждено задание на проектирование здания ЦМСА, которое было поручено Центральному военному проекту КЭУ Министерства обороны.

6 декабря того же года было подписано распоряжение Исполнительного Комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся о разрешении Министерству обороны СССР строительства здания Центрального музея Советской Армии на территории, отчуждённой под объекты ЦДСА им. М.В. Фрунзе.

25 февраля 1957 г. министр обороны Маршал Советского Союза Г.К. Жуков утвердил финансовую смету и проект строительства нового здания музея, написав резолюцию: «Согласен».

Согласно графика работ строительство предполагалось закончить к ноябрю 1959 г., а в фев-

рале 1960 г. музей должен был открыться для посетителей. Однако жизнь внесла в эти планы свои коррективы. Не хватало финансирования и строительных материалов. Оказалось, что в проектном задании не предусматривалась установка кондиционеров, без которых невозможно было создать необходимый для обеспечения сохранности музейных предметов температурно-влажностный режим в помещениях музея. Приходилось вести многочисленные согласования и дополнительные проектные работы. Начальнику музея Н.Г. Немирову приходилось довольно тесно сотрудничать с начальником Центрального военпроекта генерал-майором Д.В. Головки, архитектором и автором проекта Н.И. Гайгаровым, автором-конструктором здания инженер-подполковником П.В. Аксёновым, специалистом по системам отопления и вентиляции здания С.Ф. Велтистовым, энергетиком Е.Г. Гулько и многими другими специалистами.хлопот и забот у начальника музея было много. Строительные работы затянулись почти на 8 лет.

В своей статье «Новое здание музея», опубликованной в 1959 г., Н.Г. Немиров отмечал, что во время его создания «особенно внимательно изучался опыт работы крупнейших музеев страны. Однако как бы сложны и многогранны ни были вопросы, связанные со строительством нового здания, возведение его это только половина дела. Перед коллективом музея стояла ещё и задача создания новой экспозиции. Необходимо было разработать её научную концепцию, определить тематическую структуру разделов экспозиции, подготовить тематико-экспозиционные планы, разработать генеральное решение художественного оформления экспозиционных залов с учетом архитектурных особенностей нового здания. Работа предстояла большая, творческая.

В апреле 1958 г. некоторые дискуссионные вопросы, связанные с обликом новой экспозиции, были обсуждены в ходе научной конференции, в работе которой приняли участие представители Министерства культуры СССР, ряда московских музеев исторического профиля, военные историки.

В 1959 г. все проекты тематических планов и художественных решений обсуждались методическим и учёным советами, на заседаниях которых в качестве рецензентов выступали представители ГлавПУРа, Военно-научного управления

Генштаба, военных академий, Научно-исследовательского института музееведения Министерства культуры СССР.

К концу 1960 г. под руководством заместителя начальника музея по научной части полковника В.Г. Вержбицкого был разработан первый вариант тематико-экспозиционного плана. Он состоял из 70 листов текста и предусматривал включение в будущую экспозицию около 30 тысяч музейных предметов. Одновременно была завершена разработка проекта плана художественного оформления будущей экспозиции. Над ним работали начальник научно-экспозиционного отдела подполковник В.И. Краснов и главный художник музея Р.Х. Поркшьян. Предполагалось выставить лучшие произведения живописи, которыми располагал музей: полотна М.Б. Грекова, М.И. Авилова, Н.С. Самокиша, И.И. Бродского. Кроме того живописцы Студии военных художников им. М.Б. Грекова приступили к работе над диорамами «Штурм Перекопа» и «Сталинградская битва».

В том же году был одобрен план размещения образцов вооружения и военной техники на открытой смотровой площадке, разработанный под руководством подполковника С.М. Рейпольского.

В 1961-1963 гг. переработанные с учётом поступивших предложений и рекомендаций проекты всей музейной документации неоднократно обсуждались на заседаниях учёного совета музея и специальной комиссии при Главном Политическом управлении при участии архитекторов, художников, представителей проектной организации.

Художественное решение экспозиции было разработано коллективом Государственного комбината декоративно-оформительского искусства под руководством одного из лучших на тот момент музейных дизайнеров СССР Е.А. Розенблюма. Оно включало ряд замечательных находок, в том числе огромную витрину с немецкими трофеями в зале Московской битвы. Основу составляли несколько тысяч Железных крестов, насыпанных длинной полосой в виде снежного покрова, из которого торчали образцы брошенного фашистами при отступлении оружия, снаряжения, формы. Венчал всю эту композицию огромный барабан военного оркестра. Эффектно была решена тема Сталинградской

битвы, в виде пробитой немецкими снарядами башни танка Т-34 (подарок Сталинграда) и огненно-красного фотопанно вокруг нее, с изображением горящего города. Несомненной удачей было решение главного зала, с находящимся в центре знаменем Победы. Располагалось оно на фоне фотопанно с изображением торжественного момента бросания трофейных знамен к подножию Мавзолея. 44 из них поместили на полу в огромной стеклянной витрине. Справа и слева от этой композиции, по решению ГлавПУРа, на беломраморных стенах и колоннах были высечены золотыми буквами имена героев навечно зачисленных в списки воинских частей. Экспозиция 1965 г., несомненно, была значительным достижением советского музейного дела.

С переездом в новое здание предусматривалось изменение статуса и названия музея. 23 декабря 1964 г., в день 45-й годовщины со дня основания музея, приказом министра обороны № 295 было введено в действие «Положение о Центральном музее Вооружённых Сил СССР». В его экспозиции должны были найти отражение все виды и рода войск советских Вооружённых Сил. Открытие музея приурочивалось к 20-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В январе 1965 г. в связи с переносом экспонатов в новое здание закрылась экспозиция в Центральном доме Советской Армии. Работа по подготовке к открытию новой экспозиции шла полным ходом. До самого последнего момента приходилось решать множество самых различных задач. Так вопрос об изготовлении экспозиционного и фондового оборудования пришлось решать через Московский горком партии, для того чтобы получить материалы о Военно-Морском Флоте понадобилось вмешательство члена Военного совета ВМФ адмирала В.М. Гришанова. Буквально накануне открытия, когда уже за-

канчивались отделочные работы, у строителей возникли сомнения, выдержат ли несущие конструкции довольно масштабный скульптурный портрет В.И. Ленина, готовившийся к установке на постаменте на парадной лестнице в фойе музея. После дополнительной экспертизы, назначенной по указанию заместителя министра обороны по строительству и расквартированию войск генерал-полковника А.Н. Комарова, пришлось вносить частичные изменения в первоначальный проект и усиливать несущие конструкции. Возникали и другие многочисленные вопросы, требовавшие оперативного решения.

Параллельно шла работа по подготовке экскурсоводов, которым предстояло представлять новую экспозицию посетителям. Готовились методические разработки, текст обзорной экскурсии, регулярно проводились установочные занятия с экскурсоводами, для них читались лекции. Готовность экскурсоводов проверялась в ходе комиссионного прослушивания контрольных обзорных экскурсий. В результате к проведению экскурсий было допущено 14 человек.

Несмотря на все трудности к концу апреля 1965 г. работы по монтажу новой экспозиции были в основном закончены. 27 апреля её осмотрели и приняли секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев, курировавший вопросы идеологии, истории и культуры, и члены комиссии.

8 мая 1965 г., в канун 20-летия Победы над фашистской Германией, состоялось торжественное открытие Центрального музея Вооружённых Сил СССР в новом здании. На церемонии открытия присутствовали министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, министр культуры СССР Е.А. Фурцева, начальник Главного Политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А.А. Епишев и другие высокие гости. С этого момента начался новый этап жизни музея.

*Александр Константинович Никонов,
директор Центрального музея Вооруженных Сил
Российской Федерации, кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры Российской Федерации*

АСПЕКТЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации на современном этапе

Уважаемые участники конференции!
Коллекция нашего музея разнообразна и уникальна, она насчитывает более 800 тысяч военно-исторических реликвий. При чем она постоянно пополняется.

В начале 90-х гг. прошлого столетия были установлены тесные контакты музея с русскими эмигрантскими организациями, в том числе с американо-русским культурно-просветительным и благотворительным обществом «Родина» (США), где сохранилось значительное количество интереснейших материалов по истории Русской императорской армии. Все начиналось с того, что в 1992 г. мне удалось выехать в Америку, встретиться с русскими эмигрантами и убедить их, что реликвии нужны на родине.

С 1993 г. появилась возможность ввести в экспозицию музея материалы о дореволюционном периоде истории Вооружённых Сил нашего государства. Успех прошедшей в 1993 г. в ЦМВС выставки «Россия в двух войнах 1914-1922 гг.» во многом повлиял на решение совета старшин «Родины» о передаче большей части предметов военной истории из коллекции общества в постоянное пользование ЦМВС.

Масштабы проделанной работы действительно впечатляющи: за десять лет, с 1992 по 2002 гг., нашему музею удалось вернуть в Россию более 40 тысяч памятников военной истории и культуры¹. Это прежде всего уникальные реликвии, посвященные Русской императорской армии, которые были вывезены из России эмигрантами первой волны, в начале революции 1917 г. и во время, так называемого исхода, когда родину оставляла немалая часть военных, интеллигенции, священнослужителей. В собранной нашим музеем реликвийной коллекции – награды, оружие, личные вещи, картины и другие уникальные экспонаты. Большая часть ее была доставлена из города Лейквуда, что в штате Нью-Джерси. Десять лет работники музея постепенно, частями вывозили коллекцию. Ее стоимость оценивается в несколько миллионов долларов, но она не имеет цены в моральном соизмерении. Это поистине бесценный дар потомкам.

Эти реликвии, наряду с предметами данного периода, имевшимися в фондах нашего музея, составили основу постоянной выставки «Возвращённые реликвии русской армии и флота», открытой в 1996 г. Выставка экспонировалась в

Рис. 1. Полковое знамя лейб-гвардии Финляндского полка образца 1900 г., врученное в год столетия полка в 1906 г.

залах до 2007 г., но затем был длительный перерыв, когда эти залы были закрыты на ремонт. Однако сотрудники музея не оставляли надежды на то, что в экспозиции музея появится, наконец, полномасштабный раздел, посвященный истории Русской императорской армии.

И результатом работы нашего коллектива стало открытие трех новых экспозиционных залов: «Русская армия и флот с XIV в. до середины XIX в.», «Русская армия и флот – вторая половина XIX в. – 1914 г.». «Русская армия и флот, их союзники и противники в Первой мировой войне 1914-1918 гг.».

Одной из реликвий музейной коллекции является полковое знамя лейб-гвардии Финляндского полка образца 1900 г., врученное в год столетия полка в 1906 г. Рис. 1. Созданный в 1806 г. полк участвовал в боях против войск Наполеона – сражался на Бородинском поле; в битве у села Красное один из батальонов полка захватил среди трофеев жезл маршала Даву. Полк отличился под Лейпцигом, при взятии Парижа первым ворвался на Монмартрские высоты. С новым юбилейным знаменем полк участвовал в Первой мировой войне. Офицеры полка пронесли знамя по фронтам Гражданской войны, а после разгрома войск генерала П.Н. Врангеля в конце 1920 г. вывезли его во Францию. В 1949 году последний хранитель знамени В. Ушаков через МИД СССР передал его в музей.

К числу ценных реликвий нашего музея относятся награды и личные вещи двух прославленных летчиков-асов Великой Отечественной войны трижды Героев Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина и Ивана Никитовича Кожедуба. Но если наградами и личными вещами А.И. Покрышкина, включая и его лучший прижизненный портрет, музей располагал (Рис. 2), то реликвий, оставшихся от И.Н. Кожедуба, у нас не было. Так случилось, что они стали достоянием частной коллекции, стоимость которой оценивалась примерно в 500 тысяч евро. Вполне понятно, что для музея Минобороны это была неподъемная цена, и выкупить ее не было возможности.

Несколько лет назад Русское авиационное общество выкупило эти награды из частных рук и 18 мая 2013 г. безвозмездно передало в дар нашему музею. Конечно, это было целое событие. Золотые Звезды Героя, награды, китель, маршальская звезда, личные вещи – все это теперь выставлено в нашем зале Победы на радость людям. Рис. 3.

Продолжает пополняться музейная коллекция и материалами связанными с событиями Великой

Рис. 2. Золотые Звезды Героя, награды, китель, маршальская звезда, личные вещи трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина.

Рис. 3. Золотые Звезды Героя, награды, китель, маршальская звезда, личные вещи трижды Героя Советского Союза Ивана Никитовича Кожедуба.

Отечественной войны. Дело в том, что война не сразу и неохотно раскрывает свои секреты. Поэтому и сегодня в местах, где когда-то шли бои, продолжаются поисковые работы, в том числе в труднодоступных местах (в лесах, в болотах, в тундре, в высокогорье), в которых принимают участие и сотрудники музея. В коллекцию музея продолжают поступать исторические реликвии, рассказывающие о событиях более чем 70-летней давности, найденные во время этих работ. Об одной из таких экспедиций, в которой мне довелось принимать участие лично, я расскажу подробнее.

Как известно, летом 1942 года война докатилась до Главного Кавказского хребта. Здесь развернулись ожесточенные бои за перевалы между советскими и германскими войсками, в зоне боевых действий оказалась и высочайшая вершина России – Эльбрус (нередко ее называют и высочайшей вершиной и Европы). Сотни солдат и офицеров – и советских, и немецких – остались лежать тогда в снегах Приэльбрусья. Не одно десятилетие горы хранили тайну их гибели. Не каждый может добраться сюда, на высоту от

2500 до 4000 метров над уровнем моря. Только месяц в году, а августе, когда ледники начинают таять, горы слегка приоткрывают завесу над тайнами, которые хранят более 70 лет.

Именно в этот период вот уже почти десять лет Центральный музей Вооруженных Сил принимает участие в работе по поиску и захоронению воинов, павших в этих местах в годы Великой Отечественной войны. Работа эта сложная и многоплановая. Она предполагает и серьезную архивно-исследовательскую работу, и привлечение самых разных специалистов: тут нужны и саперы, и судмедэксперты, и эксперты-музейщики, и альпинисты-инструкторы и многое, многое другое.

Два года подряд Министерство обороны Российской Федерации при участии ЦМВС РФ совместно с Правительством Кабардино-Балкарской Республики проводило в Приэльбрусье героико-патриотические акции по поиску и захоронению воинов, погибших здесь в 1942-1943 годах. В этих акциях активно участвуют и различные общественные поисковые объединения.

Работа в горах на местах бывших боев сложна и физически, и морально, она требует от людей, которые ей занимаются, большого напряжения физических и нравственных сил, я это знаю по собственному опыту. Своеобразной компенсацией за это является глубокое удовлетворение, когда видишь результаты своего труда. Только в 2013 году были найдены и торжественно преданы земле останки 48 погибших советских воинов, удалось установить имена некоторых из них. Рис. 4. Несколько ранее в районе ледника Кюкюртлю были обнаружены фрагменты самолета ДБ-3, не

Рис. 4. В 2013 году были найдены и торжественно преданы земле останки 48 погибших советских воинов, удалось установить имена некоторых из них.

вернувшегося с боевого задания 1 января 1943 года. Там же находились останки членов экипажа, которые были с почестями преданы земле на территории Кабардино-Балкарии. Найденные же документы, некоторые авиационные приборы, части парашюта одного из погибших летчиков и другие материалы нашли достойное место в экспозиции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, некоторые материалы были переданы в другие музеи.

Казалось бы, что нового можно показать в музейной экспозиции о событиях более чем 70-летней давности? Однако, если глубоко окунуться в суть вопроса, то открываются новые, неизвестные ранее имена, какие-то новые нюансы, новые грани исторических событий.

Нужно отметить, что в свете последних событий мировой политики, в том числе, я бы даже сказал в первую очередь, событий происходящих на Украине, где нацизм набирает все большую силу, материалы, посвященные Второй мировой войне, становятся как никогда актуальными. Они наглядно показывают, что несет с собой нацизм и какие усилия пришлось приложить армиям и народам мира, чтобы победить его.

К истории вообще, и к военной истории в частности нужно относиться очень осторожно, взвешенно. Нам, музейным работникам, всегда нужно помнить, что плевков в прошлое неизбежно обернется выстрелом в будущее.

В настоящее время реализован российско-американский проект «Аляска-Сибирь – 2015», разработанный Русским Авиационным обществом («Русавиа») совместно с американской коммерческой ассоциацией любителей авиации «Bravo 369 Flight Foundation», который позволит расширить музейную коллекцию. Он предусматривал перелет группы самолетов времен Второй мировой войны, поставившихся в СССР по ленд-лизу, по легендарной воздушной трассе Аляска-Сибирь (АЛСИБ). Эта трасса является одним из наиболее ярких примеров союзнического сотрудничества между СССР и США в годы Великой Отечественной войны.

Рис. 5. 26 августа 2015 г. в рамках авиационно-космического салона МАКС-2015 состоялась передача музею двух самолетов, поставившихся в годы Великой Отечественной войны США Советскому Союзу.

18 июля 2015 г. с аэродрома Грейт-Фолс на Аляске (США) поднялись в воздух два транспортных самолета Douglas DC-3. Перелет завершился 25 августа на Международном авиакосмическом салоне «МАКС-2015» в подмосковном городе Жуковском. 26 августа в рамках авиационно-космического салона МАКС-2015 состоялась передача музею этих двух самолетов, поставившихся в годы Великой Отечественной войны США Советскому Союзу. Рис. 5. Самолеты совершили перелет по перегоночной трассе «Аляска-Сибирь».

Есть и другие интересные проекты, которые позволяют расширить музейную коллекцию, сделать ее еще более полной и разнообразной.

Сегодня музей востребован, посещаем, его коллекции широко используются при организации различных выставочных проектов как в регионах страны, так и за рубежом. Создавая новые экспозиции, его сотрудники стремятся максимально использовать современные технологии для того, чтобы сделать богатейшую коллекцию музея, максимально доступной для посетителей и по возможности наиболее выигрышно представить наиболее ценные экспонаты.

¹ А.К. Никонов. *Некоторые аспекты комплектования коллекции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы конференции ИКОМАМ: «Военно-исторические музеи в контексте современной истории. Востребованность и актуальность». Москва. 8-10 октября 2014 г. М.: ОАО «Красная Звезда». С. 21.*

*Абрамов Евгений Петрович,
Россия, Санкт-Петербург, Военный институт (инженерно-технический)
Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулева, профессор кафедры гуманитарных
дисциплин, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор исторических наук, доцент*

Морская пехота России от Петра Великого до наших дней

Вся более чем 300-летняя история морской пехоты Российского флота – выдающийся подвиг беззаветного служения Отечеству, до сих пор в полной мере не оцененный ни предыдущими поколениями, ни современниками.

На рубеже XVII-XVIII вв. русское государство, ввиду исторической необходимости борьбы за выход к морям, прилагало все усилия для создания регулярной армии и флота, в том числе морской пехоты. Излагая в 1704 году свои взгляды на строительство флота, Петр I писал: «... Надлежит учинить полки морских солдат (числом по флоту смотря)...»¹.

В начале Северной войны 1700-1721 гг. он, используя исторический опыт боевых действий русских сухопутных войск на море: княжеских дружин и воев, запорожских и донских казаков, стрельцов и солдат пехотных полков, передвигавшихся и сражавшихся на парусно-гребных судах в ходе морских походов, сформировал первый морской полк, ставший родоначальником морской пехоты России, как постоянного рода сил Военно-Морского Флота.

В созданной Петром Великим регулярной морской пехоте воплотились лучшие боевые качества русской армии и флота, в ней с наибольшей силой проявились отличительные национальные свойства великого народа.

Уже в ходе Северной войны боевые действия морской пехоты заняли особо важное место в политике Петра I на Балтике, прежде всего по количеству участвовавших войск (около 30 тысяч человек), размаху десантных действий и тому огромному влиянию, которое они оказали на исход войны.

Блестящими образцами боевой деятельности морской пехоты по защите национальных интересов России в Средиземном море явились первая 1769-1774 гг., вторая 1805-1807 гг. Архипелагские экспедиции и Средиземноморский поход Ушакова 1798-1800 гг.

В ходе сражений Лиманской (Дунайской) флотилии во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. родилась морская пехота Черноморского флота, особо отличившаяся при героическом штурме Измаила, где она, действуя на главном

направлении, заслужила высокую оценку Суво-рова².

Мужество и отвагу проявила морская пехота при обороне Севастополя, Петропавловска-Камчатского, Порт-Артура и на фронтах Первой мировой войны.

В годы Гражданской войны флот отправил на сухопутные фронты около 75 000 чел., из числа которых создавались формирования, имевшие различную организационную структуру: экспедиционные отряды, полки, батальоны³.

Основной формой их боевого применения были действия в составе морских, озёрных и речных десантов. Наиболее крупным соединением в годы Гражданской войны была созданная в 1920 г. в Мариуполе для обороны побережья Азовского моря и ведения боевых действий в составе десантов 1-я морская экспедиционная дивизия.

Морские формирования в годы Гражданской войны, не имевшие единой организационной структуры регулярных войск и не подготовленные для выполнения свойственных морской пехоте задач, явились прообразом первого поколения морской пехоты военно-морского флота СССР, создание которой началось в конце 30-х гг., накануне Великой Отечественной войны.

В межвоенный период морские державы не уделяли должного внимания десантным операциям.

Положительным явлением для советского военно-морского флота было развитие взаимодействия армии и флота при ведении боевых действий в приморских районах.

Однако созданию десантных кораблей, формированию и подготовке морской пехоты должного внимания не уделялось.

Первым шагом на пути к воссозданию морской пехоты как рода сил ВМФ явилось формирование специальной стрелковой бригады Балтийского флота. 15 января 1940 г. приказом НК ВМФ была создана 1-я особая бригада морской пехоты⁴.

Во время советско-финляндской войны бригада высаживалась в составе десантов на Гогланд, Сескар и другие острова Финского залива. В этой войне приняли участие лыжный отряд морской пехоты и батальоны специального назначения.

Наибольшее развитие морская пехота получила в годы Великой Отечественной войны. Не-

смотря на то, что Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов в предвоенные годы неоднократно ставил вопрос перед Генеральным штабом РККА о создании и на флоте морской пехоты к началу войны имелась только одна бригада морской пехоты на Балтийском флоте и по одной роте морской пехоты в составе Дунайской и Пинской военных флотилий.

Отсутствие значительного количества морской пехоты как рода сил Военно-Морского Флота, непонимание ее роли в будущей войне, недостаточная разработанность теории и практики ее развития и боевого применения, а также отсутствие в составе ВМФ специальных десантных кораблей и десантно-высадочных средств явились серьезными упущениями в подготовке флота к войне, что оказало отрицательное влияние на характер боевых действий особенно в начальном периоде Великой Отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны на разных фронтах сражались около полумиллиона моряков, или в переводе на организационно-штатную структуру сухопутных войск – около 60 стрелковых дивизий. В годы войны существовало три разновидности морской пехоты: соединения и части морской пехоты, в наибольшей степени соответствовавшие предназначению этого рода сил флота; морские стрелковые бригады а так же соединения и части сухопутных войск, не имевшие в своих названиях слов «морская» или «морской», но укомплектованные, в основном, моряками и, что самое главное, сражавшихся, как настоящая морская пехота⁵.

В годы войны на различных фронтах в составе объединений и соединений сухопутных войск, флотов и флотилий в разное время сражалась одна дивизия, 19 бригад, 14 полков и 36 батальонов морской пехоты общей численностью свыше 200 тысяч человек⁶.

Формирование морской пехоты началось в первые дни войны. Типовыми формами ее организационно-штатной структуры являлись бригада, полк и батальон. Формирование морских стрелковых бригад началось значительно позднее, в ноябре-декабре 1941 г., когда в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны от 18 октября 1941 года было сформировано 25 стрелковых бригад (от 61-й до 85-й включительно), позднее переименованные в морские стрелковые бригады⁷.

Моряки составляли 30-80 процентов численности личного состава бригад, а остальная часть поступала из запаса, госпиталей и военкоматов. Формирование соединений и частей морской пехоты, в т.ч. морских стрелковых бригад, проходило в обстановке большого патриотического подъема. Без преувеличения можно сказать, что флот передал на сухопутные фронты своих лучших представителей, цвет советской молодежи. Следует подчеркнуть, что в морских стрелковых бригадах морские пехотинцы являлись сплоченным цементирующим боевым ядром.

Все это в значительной степени обусловило высокий дух соединений и частей морской пехоты военных лет, вписавших героические страницы в боевую летопись Великой Отечественной войны.

Оценивая вклад морской пехоты в победу в Великой Отечественной войне, нельзя не вспомнить о тех морских пехотинцах, которые вследствие ряда причин сражались в соединениях и частях сухопутных войск.

На Ленинградском фронте не было ни одной стрелковой дивизии, в которой бы не сражались моряки⁸. По приказу командующего фронтом для усиления в каждую дивизию было направлено по одной роте моряков.

В боях под Сталинградом отличились, официально не называвшиеся морскими, и 42-я и 92-я стрелковые бригады 62-й армии, состоявшие из моряков Северного флота и Беломорской военной флотилии. Более того, в их числе было около 3 тыс. чел. морских пехотинцев Северного оборонительного района⁹.

Стойкость и героизм проявили морские пехотинцы в обороне Ливавы, Таллина, Моонзундских островов, полуострова Ханко, Заполярья, мужественно обороняли Ленинград, Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск, Туапсе.

Лица, в пятидневной обороне которой принимали участие отряд морской пехоты и сводный отряд курсантских подразделений, иногда называют второй Брестской крепостью. Здесь уже в первый день войны впервые встретились немецкая и советская морская пехота, которую враг с тех пор стал называть «черной смертью». В те трудные дни рождалась немеркнущая слава советской морской пехоты.

В обороне Таллина, с 5 по 28 августа 1941 г. важную роль сыграла 1-я особая бригада мор-

ской пехоты Балтийского флота, единственная к началу войны регулярная часть этого рода сил, ставшая боевым ядром обороны главной базы флота.

С первого дня войны начал свою легендарную, продолжавшуюся 5,5 месяца оборону героический гарнизон п-ова Ханко. Составлявшая основную боевую силу гарнизона 8-я отдельная стрелковая бригада Балтийского флота полковника Н.П. Симоняка выполняла задачи морской пехоты.

Устойчивость обороны Ленинграда, особенно в начале блокады в значительной степени определялась невиданным мужеством и стойкостью восьми отдельных бригад морской пехоты, для формирования которых Балтийский флот только в сентябре 1941 г. направил 44700 человек¹⁰.

Всего в составе Ленинградского фронта сражались 87635 моряков. Совместные наступательные действия 8-й и 42-й армий Ленинградского фронта, в составе которых действовали 1-я и 6-я обрмп, и высадка тактических десантов с 1 по 8 октября 1941 г. дали возможность войскам Невской оперативной группы, где сражалась 4-я обрмп, захватить плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки, они сорвали замысел немецкого командования соединиться на р. Свирь с финскими войсками и на 10 дней задержали переброску предназначавшихся для наступления под Москвой немецко-фашистских войск.

В начальном периоде войны морская пехота Северного флота, действуя в составе десантов, высаженных во фланг и тыл противнику, и активными действиями на берегу во многом способствовала срыву наступления 19-го немецкого горно-егерского корпуса «Норвегия» на правом стратегическом фланге советско-германского фронта. Установившаяся здесь линия фронта оставалась стабильной до конца войны.

Нельзя переоценить роль морской пехоты Черноморского флота в обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска, Туапсе, Кавказа и в придании устойчивости южному стратегическому флангу сухопутного фронта.

Одной из наиболее ярких и героических страниц истории Великой Отечественной войны было участие морской пехоты Черноморского флота в обороне Севастополя. В самые трудные для Севастополя время, когда войска 11-й немецкой

армии генерал-полковника Манштейна прорвались на ближние подступы к городу, а отступавшие через Крымские горы войска Приморской армии еще не подошли к нему, морская пехота Черноморского флота отразила попытку противника с ходу овладеть главной базой флота.

На протяжении восьмимесячной обороны Севастополя соединения и части морской пехоты сражались на самых ответственных участках, сыграв значительную роль в сковывании трехсоттысячной группировки противника, что не позволило ей принять участие в наступательной операции немецких войск на южном направлении. После прорыва немецких войск группы армий Листа на Северный Кавказ, соединения и части морской пехоты приняли активное участие в обороне военно-морской базы Новороссийска, Туапсе и Черноморского побережья Кавказа.

Наиболее сложным способом боевого применения морской пехоты в годы Великой Отечественной войны являлись морские десанты. Несмотря на отсутствие на флотах и флотилиях специальных десантных кораблей и десантно-высадных средств, существенные недостатки в подготовке и проведении десантов, развитие десантных действий и тактики морской пехоты достигло довольно высокого уровня.

Всего в годы Великой Отечественной войны флоты и флотилии высадили 125 десантов, в которых участвовало более 250 тысяч человек. При этом морская пехота принимала непосредственное участие в 74 десантах, причем в 49 из них она действовала самостоятельно¹¹.

В первом периоде войны был высажен 31 тактический десант и проведена Керченско-Феодосийская стратегическая десантная операция с высадкой оперативно-стратегического десанта в составе двух армий Закавказского фронта и частей морской пехоты Черноморского флота.

Особого внимания заслуживают действия высаженного 3 февраля 1942 г. в ходе десантной операции в районе Станичка, Южная Озерейка штурмового отряда майора Ц.Л. Куникова. Отряд численностью всего 250 человек был сформирован из лучших морских пехотинцев-добровольцев. Только ему предназначавшемуся для высадки в демонстративном десанте удалось захватить и удержать плацдарм 300 на 400 м.

В Новороссийской операции 1943 г., явившейся составной частью Новороссийско-Таман-

ской стратегической наступательной операции войск Северо-Кавказского фронта, проведенной совместно с Черноморским флотом, значительную роль сыграла морская пехота. В этих боях особенно отличился 393-й отдельный батальон морской пехоты капитан-лейтенанта В.А. Ботылева, возданный на базе отряда Ц.Л. Куникова.

Действия морской пехоты во многом способствовали освобождению Таманского п-ова, что создало благоприятные условия для высадки оперативного десанта на восточное побережье Керченского п-ова.

В ноябре 1943 г. с целью овладения Керченским полуостровом была проведена Керченско-Эльтигенская десантная операция, в которой приняли участие войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией.

Почти половина всех десантов Великой Отечественной войны были высажены в 1944 г., что было обусловлено размахом стратегических наступательных операций на приморских направлениях, повышением боевого мастерства соединений и частей морской пехоты.

К сожалению, и в этот период имели место серьезные недостатки в организации высадки некоторых десантов.

Так, в результате неудовлетворительной организации подготовки и высадки почти полностью погиб высаженный в районе Мерекюля в Нарвском заливе десант в составе батальона автоматчиков и стрелковой роты 260-й отдельной бригады морской пехоты Балтийского флота. По этому случаю была издана Директива №39/Ш Наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова.

Десантом в бессмертие называют высаженный 26 марта 1944 г. Николаевский десант в составе отряда десантников под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского из 384-го отдельного батальона морской пехоты Героя Советского Союза майора Ф.Е. Котанова.

Всем 67 участникам этого десанта, павшим и живым, было присвоено звание Героев Советского Союза.

В честь выдающегося подвига морских пехотинцев старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского ученые-астрономы назвали одну из малых планет «Ольшания» и увековечили ее в Международном каталоге малых планет под номером 2319.

В течение зимы 1943-1944 гг. морская пехота Черноморского флота неоднократно высаживалась с целью расширения плацдарма на Керченском п-ове. Так, 22 января 1944 г. в порт Керчь был высажен 393-й отдельный Новороссийский батальон морской пехоты им. Ц.Л. Куникова под командованием Героя Советского Союза капитан-лейтенанта В.А. Ботылева.

В Крымской операции (8 апреля – 12 мая 1944) г., проведенной войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом, участвовали 83-я и 255-я отдельной бригады морской пехоты, высаженные на Керченский полуостров в декабре 1943 г.

За умелые боевые действия по освобождению Крыма 83-я обрмп была награждена орденом Суворова II ст., 255-я обрмп орденом Красного Знамени, а 83-я обрмп – вторым орденом Красного Знамени за освобождение Севастополя. В июне 1944 г. в ходе Свирско-Петрозаводской стратегической наступательной операции в составе 7-й отдельной армии успешно действовали 3-я обрмп, 69-я и 70-я омсбр и 31-й обмп Онежской военной флотилии.

Летом 1944 г. активное участие в десанте с целью освобождения островов Бьёркского архипелага приняла 260-я ОБРМП Балтийского флота.

В октябре этого же года в несколько дерзких и смелых десантах морской пехоты участвовал Северный флот.

В завершающем периоде войны отличилась морская пехота Балтийского флота. Последний десант на советско-германском фронте был высажен 260-й обрмп 9 мая 1945 г. для освобождения острова Борнхольм.

В августе 1945г после начала боевых действий против Японии морская пехота Тихоокеанского флота составляла основную боевую силу морских десантов, высаженных в Юки, Расин, Сейсин и др. порты Северной Кореи, а также на Южный Сахалин и Курильские острова. За проявленные в боях мужество и героизм 13-я брмп, 355-й и 365-й обмп были преобразованы в гвардейские.

В Великой Отечественной войне морская пехота использовалась на всех театрах военных действий, принимая участие в морских десантах, в обороне побережья и военно-морских баз. Ее боевой путь овеян немеркнущей славой. Морскую пехоту всегда отличали величие духа, не-

сокрушимая стойкость в обороне, яростный неустойчивый порыв в наступлении и презрение к смерти.

После окончания войны глобальная стратегия противостояния требовала от СССР развития всех родов сил Военно-Морского Флота, включая морскую пехоту. Однако на развитие военно-морского строительства в послевоенный период наложил отпечаток культ личности И.В. Сталина, повлияло неправильное понимание главой правительства Н.С. Хрущёвым и Министром обороны СССР Г.К. Жуковым роли Военно-Морского Флота.

Вследствие принижения роли десантных операций в условиях применения противником ядерного оружия стала считаться возможной высадка только небольших тактических десантов.

В середине 50-х гг. под влиянием бурного развития ракетно-ядерного оружия Н.С. Хрущёв высказался за ограничение задач флота и открыто заявил о ненужности морской пехоты, соединения и части которой были расформированы¹².

В начале 60-х гг. под влиянием опыта локальных воин и серьёзных научных исследований, новое политическое руководство страны поддержало предложение командования ВМФ о воссоздании морской пехоты.

Второе поколение советской морской пехоты начало свою историю на Балтийском флоте, где в 1963г. был сформирован отдельный гвардейский полк. В том же году полк морской пехоты был образован на Тихоокеанском, в 1966 г. – на Северном, а в 1967г. – на Черноморском флотах. В 1967 г.на Тихоокеанском флоте была сформирована дивизия морской пехоты, ставшая первым соединением советской морской пехоты второго поколения¹³.

В 1971 г. на Черноморском флоте был создан учебный центр морской пехоты. Качественный и количественный рост советского Военно-Морского Флота позволил ему выйти на просторы мирового океана.

В этот период получило развитие строительство десантных кораблей различной классификации, отвечающих современным требованиям.

В конце 70-х гг. произошли изменения в военной доктрине, допускающие в условиях паритета в стратегических ядерных силах противоборствующих сторон возможность создания в СССР флота со сбалансированным соотношением всех

родов сил и превращения его, впервые в истории советского государства, в наступательный стратегический вид вооружённых сил.

Постоянное обострение международной обстановки на Ближнем Востоке и необходимость защиты государственных интересов СССР в этом регионе потребовали развёртывания 5-й и 8-й оперативных эскадр в Средиземном и Красном морях, в составе которых начиная с 60-х гг. постоянно несли боевую службу морская пехота.

В 1979-1980 гг. морская пехота Тихоокеанского и Черноморского флотов находилась в составе группировки кораблей ВМФ в Индийском океане, Красном и Средиземном морях, обеспечивая ввод советских войск в Афганистан.

Важным этапом в развитии морской пехоты явилась реорганизация в 1979 г. отдельных полков Северного, Балтийского и Черноморского флотов в отдельные бригады морской пехоты, что значительно повысило боевой потенциал¹⁴.

В бригадах и полках дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота были сформированы десантно-штурмовые батальоны, предназначенные, главным образом, для действия в составе морских и воздушных десантов.

Научно-технический прогресс в военном деле способствовал дальнейшему совершенствованию вооружения морской пехоты и оснащению её современной самоходной, в основном плавающей боевой техникой.

В состав соединений десантных кораблей с 1975 по 1981 г. вошли 20 десантных катеров на воздушной подушке типа «Кальмар», 8 десантных кораблей на воздушной подушке типа «Мурена» и 18 самых больших в мире десантных кораблей на воздушной подушке типа «Джейран».

В 1978 г. вошёл в строй получивший высокую оценку специалистов НАТО первый советский БДК «Иван Рогов», сочетающий качества вертолётносца и корабля – дока и способный принять на борт усиленный батальон морской пехоты, четыре транспортно-боевых вертолёта КА-29, предназначенных для десантирования 16 морских пехотинцев с полной выкладкой и вооружением каждый, огневой поддержки и транспортировки грузов, и два 110-тонных ДКВП типа «Кальмар».

В 1979 г. были успешно проведены испытания пяти десантных экранопланов типа «Дракон», берущих на борт 120 морских пехотинцев или

20 т. груза (включая один БТР) и способных перемещаться со скоростью 190 узлов.

Распад государства прервал процесс строительства этих уникальных десантно-высадочных средств в стадии готовности к серийному производству.

В 80-е годы новая организационная структура морской пехоты осваивалась и проверялась в ходе повседневной боевой учёбы и на учениях с высадкой крупных десантов «Запад-81», «Запад-84», «Осень-88».

В 1989 г. был создан новый род сил ВМФ – Береговые войска, включавший три рода войск: морскую пехоту, береговые ракетно-артиллерийские войска и войска береговой обороны. Основу последних составили переданные из военных округов четыре мотострелковые дивизии, получившие название дивизий береговой обороны¹⁵.

Общественно – политическая ситуация конца 80-х начала 90-х гг. не могла не сказаться на жизнедеятельности морской пехоты. Морские пехотинцы оказывали помощь в поддержании правопорядка в Баку, участвовали в эвакуации мирных жителей из Абхазии и разоружении незаконных формирований в Азии.

В это же время существенным фактором стабилизации положения на Каспийском море, где переплелись интересы ряда государств ближнего зарубежья, стало формирование в составе Каспийской флотилии 77-й отдельной гвардейской Московско-Черниговской ордена Ленина, Краснознамённой, ордена Суворова бригады морской пехоты.

Суровым испытанием для российской морской пехоты стали боевые действия во время восстановления конституционного порядка в Чеченской республике в 1994-1995 гг.

Для участия в боевых действиях на Северном Кавказе были привлечены части морской пехоты, входившие в состав морского континента мобильных сил: 165-й полк морской пехоты Тихоокеанского флота и десантно-штурмовые батальоны Северного и Балтийского флотов.

При выполнении задач части и подразделения морской пехоты проявили мужество, отвагу, самоотверженность и высокое боевое мастерство, по достоинству оцененные руководством Министерства обороны и командованием группировки войск в Чеченской республике.

С октября 1999 г. по июнь 2000 г. морская пехота снова приняла участие в боевых действиях в Чеченской республике. Основные задачи в ходе проводимой контртеррорестической операции части и подразделения морской пехоты выполняли совместно с воздушно-десантными войсками в составе тактической группы, возглавляемой начальником Береговых войск Северного флота генерал-майором А.И.Отраковским, удостоенным впоследствии звания Героя Российской Федерации.

Выполняя поставленные задачи, морские пехотинцы неизменно проявляли мужество и геро-

изм, стойкость и товарищескую взаимовыручку. Пять человек были удостоены высокого звания Героя Российской Федерации.

В настоящее время морская пехота Российского флота продолжает оставаться высокоподвижным и боеспособным родом войск. Существенным фактором её боевой готовности к защите Отечества является воспитание личного состава на славных боевых традициях российской морской пехоты, привитие нынешнему поколению морских пехотинцев чувства гордости за службу в овеянных славой соединениях и частях морской пехоты.

-
- ¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ.Ф.223.Оп.1.д.246.Л.276)
- ² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т.XLIV.С.221-223; РГАВМФ.Ф.197. Оп.1.Д.66.Л.123-124.
- ³ Морская пехота ВМФ/ под ред.И.С. Скуратова. М., 1993.С.10.
- ⁴ РГАВМФ.Ф-р. 1678. Оп.1.Д.129.Л.388.
- ⁵ Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. СПб.: Судостроение. 2005.С.9-10.
- ⁶ Там же С.10.
- ⁷ Центральный Военно-морской архив (ЦВМА).Ф.3.Д.34,321.Л.11.
- ⁸ Легендами овеянная. Морская пехота в боях за Родину / сост.А.П. Воронцов, Х.Х. Камалов. Л.: Лениздат 1975.С. 327-328.
- ⁹ Кабанов С.И. Поле боя – берег. М.: Воениздат,1977. С.117-118; Павловский Г.В. Присяга в сердце// На страже Родины. 1972.11 марта.С.2.
- ¹⁰ Абрамов Е.П. Указ. соч.С.13-14.
- ¹¹ Моргунов П.А. Героический Севастополь М.: Наука,1979.С.44.
- ¹² Морской сборник// 1989.№ 10.С.30.
- ¹³ Морская пехота ВМФ/ под ред.И.С. Скуратова.М.: Воениздат,1993.С.16-17.
- ¹⁴ Там же .С.18.
- ¹⁵ И.С. Скуратов. Их зовут морскими пехотинцами// Морской сборник.1992.№ 11.С.9-10.

*Алексей Николаевич Белков,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
заместитель начальника отдела, подполковник*

Газета «За Родину» — центральный печатный орган «армии» генерал-лейтенанта А.А. Власова

Готовясь к войне, каждая из противоборствующих сторон планирует свои действия. Однако, не всегда события развиваются по тому сценарию, который был намечен. Так, первоначальный план нападения Германии на Советский Союз предполагал в кратчайшие сроки выйти на линию Архангельск – Астрахань, в результате чего ликвидировать СССР, как государство, и достичь полного господства в Восточной Европе¹. Такой сценарий отводил «восточным добровольцам» из числа граждан Советского Союза крайне незначительную роль. Однако, на практике уже с лета 1941 г. в Вермахте на различных должностях (преимущественно для вспомогательных работ) использовались перебежчики или пленные военнослужащие РККА. К концу 1942 г. почти в каждой дивизии Вермахта, действовавшей на советско-германском фронте, имелась одна, а иногда и две русские или украинские роты, в корпусе – батальон. Большинство этих формирований были пехотными, но вместе с тем имелись и кавалерийские, артиллерийские, саперные, строительные, снабжения, связи и т.д.²

В отличие от национальных легионов (прежде всего прибалтийских) восточные роты и батальоны создавались для удовлетворения нужд германской армии без политического подтекста³. Такая «безыдейность» негативным образом сказывалась на боевом духе военнослужащих «русских частей», что в послевоенных изданиях признавали и сами «власовцы»⁴: «Моральное состояние этих людей было очень низким. Унизительное положение солдат второго сорта болезненно переживалось большинством из них. Идя к немцам с возвышенной целью – борьбы против большевизма – они невольно оказывались на положении наемников»⁵. В руководстве Вермахта также понимали, что «русским добровольцам» было необходимо дать хоть какую-то политическую идею и лидера. Так в ОКХ родилась «мысль привлечь какого-нибудь советского генерала в качестве соратника в борьбе против Сталина ... заинтересованность в таких мероприятиях проявил генерал-майор фон Ведель (Рис. 1), начальник Отдела армейской пропаганды»⁶.

Рис. 1. Полковник (с 1 сентября 1943 г. – генерал-майор) Хассо фон Ведель

Поэтому после дачи во время допросов ценных сведений⁷ в оперативную разработку был взят генерал-лейтенант А.А. Власов (Рис. 2) (бывший командующий 2-й Ударной армии), плененный в июле 1942 г. В частности, с ним неоднократно встречался и беседовал офицер Отдела военной пропаганды Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) капитан Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт. (Рис. 3) В прошлом «капитан Штрик» (как в послевоенных мемуарах его называли «власовцы») был подданным Российской Империи. В годы Гражданской войны он дослужился до звания капитана в Белой Северо-Западной армии⁸. Эти факты биографии помогли Вильфриду Карловичу расположить к себе пленного советского генерала⁹.

Результатом работы капитана В.К. Штрик-Штрикфельдта стало обращение А.А. Власова к русскому народу и русской интеллигенции от 10 сентября 1942 г.¹⁰ В декабре того же года генерал А. Власов подписал «Обращение Русского Комитета». (Рис. 4) С января 1943 г. оно активно рас-

пространялось на советско-германском фронте. Созданный комитет претендовал на роль политического центра (или аналога правительства в изгнании) и ставил перед собой три основных цели:

«а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.

б. Заключение почетного мира с Германией.

в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов»¹¹. Исходя из поставленных целей, была выдвинута короткая политическая программа из 13 пунктов и определены «враги народа».

Для достижения поставленных целей «Русский Комитет» призывал «бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии»¹². Отметим, что данное обращение стало первым официальным документом, подписанным А.А. Власовым, в котором сообщалось о существовании РОА. Однако, несмотря на громкие политические заявления и широкую пропагандистскую кампанию, на деле эта «Армия» существовала только на бумаге. «Добровольцы» русских рот и батальонов номинально стали именоваться частями РОА (на их форме появился соответствующий нарукавный знак). (Рис. 5) Фактически же их положение не изменилось.

«Армия генерала Власова» долгое время оставалась лишь пропагандистской уловкой. И только 14 ноября 1944 г., после оглашения в Праге Манифеста Комитета освобождения народов России, немецкое военно-политическое

Рис. 2. Генерал-лейтенант А.А. Власов на допросе в немецком плену.

Рис. 3. Капитан В. Штрик-Штрикфельд (в центре, в очках) с офицерами в лагере Дабендорф

руководство санкционировало формирование вооруженных сил Комитета. Вместе с формированием частей и соединений стали создаваться и печатные органы ВС КОНР.

Центральным органом этой печати стала газета «За Родину». Она выпускалась с периодичностью два раза в неделю, по средам и воскресеньям. Редакцию возглавлял полковник Николай Владимирович Пятницкий, белоэмигрант, человек достаточно опытный в редакторской деятельности. С 1937 г. по 1940 г. он руководил газетой «Сигнал» (печатный орган Русского Национального Союза Участников войны [РНСУВ], являвшегося военно-политической организацией генерал-майора А.В. Туркула). С конца 1943 г. по август 1944 г. Н.В. Пятницкий возглавлял официальный печатный орган Управления делами русской эмиграции во Франции под названием «Парижский вестник».

Редакция газеты «За Родину» находилась в г. Берлине, для связи с ней была указана по-

левая почта №28264. Первоначально она выходила на шести, затем на четырех полосах, формата несколько большего, чем А3 (31 x 46 см). Под шапкой издания, как правило, размещался какой-либо призыв, короткое сообщение или поздравление, напечатанное красным (редко – зеленым) цветом. В ходе проведенного сравнительного анализа показаний Г.Н. Жиленкова¹³ и мемуаров А.С. Казанцева¹⁴ было установлено, что тираж центрального военного печатного органа КОНР составлял около 150 тыс. экз. Всего было выпущено не менее 20 номеров.

Рассматриваемая газета была предназначена главным образом для информационного обеспечения подразделений и частей формировавшихся ВС КОНР. Вот как редакция определяла назначение издания: «В исторический момент создания реального сговора между народами России для организации общей борьбы со сталинским режимом мы выпускаем первый номер официального органа “Комитета Освобождения Народов России”, являющегося газетой войск “Освободительного движения”»¹⁵.

Выбор названия газеты «За Родину» сотрудники объясняли в одном из материалов первого номера тем, что в нем «содержится все то, перед чем должно склониться эгоистично личное во имя общего: Родина, Родина-Святыня, Родина-Справедливость»¹⁶. Далее, в материале, редакция раскрывала свое представление понятия «Родины», (Рис. б) сообщая, что это «и отчий дом и то, во имя чего этот отчий дом может быть временно покинут из-за высших интересов борьбы за счастье родного народа. ... Словом, Родина создает тот исключительно прочный цемент, который соединяет воедино современников с предками и потомством, – настоящее с седым прошлым и уходящим в века будущим»¹⁷. Завершая материал, сотрудники издания так подводили итог своим «патриотическим» рассуждениям: «Таким восприятием названия нашей газеты мы хотим определить для наших читателей то, что является для нас и мирным символом творчества и боевым знаменем нашей предстоящей борьбы: – За Родину!»¹⁸.

Таковыми рассуждениями «власовские» пропагандисты апеллировали к патриотическим чувствам своих читателей. Из этого можно сделать вывод, что «патриотизм» был одной из особенностей главного печатного органа ВС КОНР.

Так, например, один из номеров открывался лозунгом: «Готовы служить беззаветно нашей любимой Родине»¹⁹. Более конкретная трактовка «патриотизма» «власовцев» публикуется на страницах другого номера газеты «За Родину»: «Спасем нашу изнемогающую Родину от большевистских воронов»²⁰. Этот лозунг, для большей наглядности, был проиллюстрирован рисунком художника Тищенко, на котором была изображена стая ворон с пятиконечными звездами на груди, клюющая девушку, скованную цепями²¹.

В ходе проведенного исследования была выявлена тесная связь между печатными изданиями ВС КОНР. В частности, на страницах центрального печатного органа «За Родину» регулярно публиковались различные письма и приветствия от других изданий «власовской» армии. Так, например, в одном из номеров редакция газеты «На дальнем посту» горячо приветствовала «своего молодого, но старшего собрата» (редакцию газеты «За Родину») и утверждала, что рождение военного печатного органа КОНР «знаменует исторический поворот в развитии великого

русского антибольшевистского движения»²². Так же, в этом приветствии сообщалось, что «первый номер “За Родину” был встречен в частях с чувством подъема и радости»²³.

В одном из следующих номеров центрального печатного органа войск КОНР было опубликовано письмо редактора газеты «Информационный листок» подполковника В.Ф. Рила от имени офицеров, солдат РОА и всех русских, находящихся в Италии. В нем сообщалось, что после получения первого номера «За Родину» и прочтения, опубликованного там Манифеста КОНР «все русские люди ... со слезами радости на глазах поздравляли друг друга с этим величайшим событием»²⁴. Далее автор заявлял, что «мы всегда были убеждены в правильности выбранного нами пути. Но теперь, когда в лице Комитета мы получили всеохватывающий и всеорганизующий центр Освободительного Движения, наша вера еще возросла, наши силы умножились, наше единство окрепло»²⁵.

Такие публикации, по замыслу «власовских» пропагандистов, должны были поднимать бое-

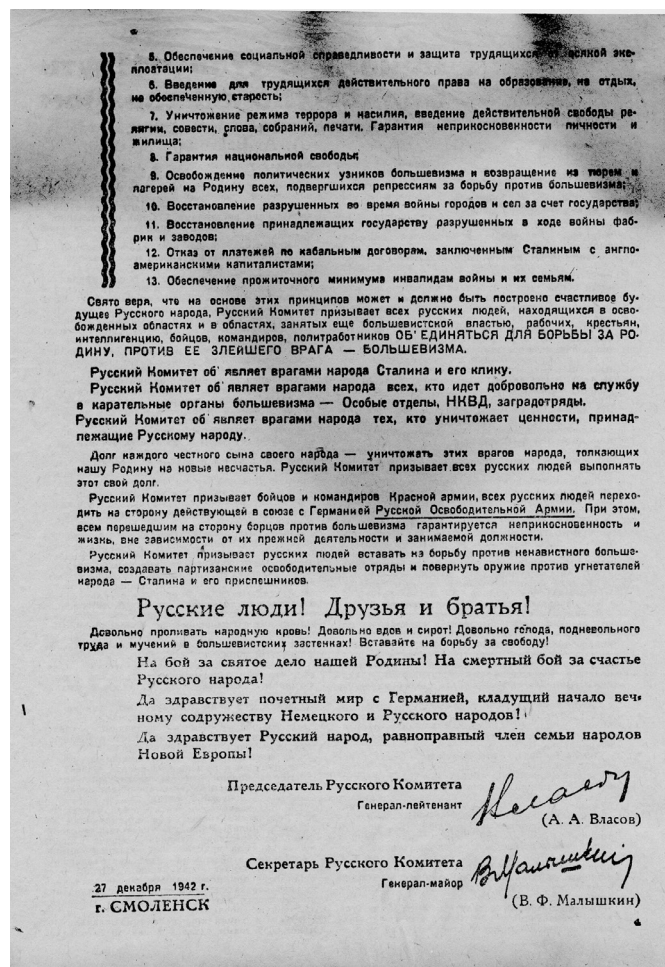
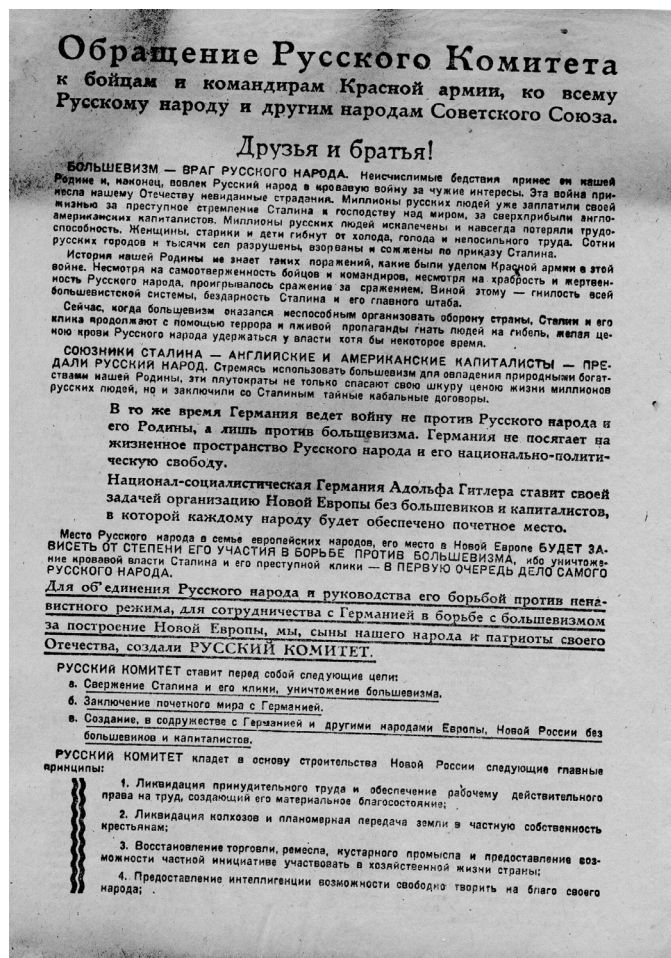

Рис. 4. Листовка «Обращение Русского Комитета» (лицевая и оборотная сторона)

Рис. 5. Нарукавный знак РОА

вой дух читателей и повышать авторитет издания в их глазах. Для усиления данного эффекта на страницах газеты «За Родину» публиковались письма, приветствия, телеграммы, радиogramмы и ответы на них не только от других органов печати ВС КОНР или «добровольцев», но и от различных должностных лиц Третьего рейха и союзных ему режимов.

Солидарность с идеями Пражского манифеста, в одном из номеров газеты «За Родину», выражали «защитники крепости Лориан»²⁶. В радиотелеграмме они сообщали, что основание Комитета Освобождения Народов России вызвало у них «удовлетворение и радость». Кроме того «добровольцы передают по радио генералу Власову безусловное доверие и выражают свою твердую волю в победу Освободительного Движения»²⁷.

На страницах военного печатного органа КОНР также было размещено приветствие генерала Милана Недича²⁸, (Рис. 7) направленное А.А. Власову. В этом письме сербский генерал сообщал, что «с братскими симпатиями, вместе с сербским народом, слежу за Вашей праведной борьбой. Сегодня, когда она принимает формы всенародного движения, счастлив, что могу, приветствуя, пожелать Вам достижения окончательной победы»²⁹. По мнению главы сербских коллаборационистов, в достижении этой победы «поможет сотрудничество между Великогерманией и славянскими землями». Ее он представлял как торжество «Новой Европы» и как победу «Добра над Злом»³⁰.

В одном из первых номеров газеты «За Родину» была опубликована телеграмма рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. (Рис. 8) В ней он приветствовал Комитет Освобождения Народов России

и желал ему «полного успеха в его антибольшевистской борьбе в интересах общего дела»³¹.

Материалы подобного рода были призваны легитимизировать КОНР в глазах читателей, и вселить в них уверенность в успехе всего мероприятия под руководством генерал-лейтенанта А.А. Власова. Однако, как отмечал в автобиографической работе бывший майор РОА П.Н. Палий более 50% военнослужащих «власовской» армии были очень далеки от идеологических убеждений. По его мнению «В 41-м им не хотелось умирать за Сталина, и они бросали винтовки и сдавались в плен Гитлеру, и я совершенно уверен, что сейчас им умирать за идеи КОНРа совершенно не хочется и при первом «соприкосновении» с Красной армией ... они снова бросят винтовки»³².

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что сотрудники пропаганды ВС КОНР понимали низкую идеологическую сознательность солдат «Освободительных войск». Учитывая этот факт, на страницах газеты «За Родину» публиковались не только агитационные и пропагандистские материалы, призванные убедить читателей в успехе дела генерал-лейтенанта А.А. Власова, но и апеллирующие к их страхам. Среди подобных статей можно привести ряд публикаций, посвященных деятельности НКВД.

Рис. 6. Фрагмент первой полосы одного из номеров газеты «За Родину».

Рис. 7. Генерал Милан Недич.

Рис. 8. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Один из первых материалов подобного рода на страницах центрального печатного органа ВС КОНР был посвящен истории противостояния Н.И. Ежова³³ и Г.Г. Ягоды³⁴. В этой статье под названием «Поединок» рассказывалось о тайном оперативном совете (ТОС), якобы созданном в недрах НКВД, который был «тайной канцелярией большевизма, где предварительно утверждались важнейшие решения всех советских инстанций». Именно ТОС, по мнению безымянного автора, и был тем органом, который позволял И.В. Сталину в обход ЦК ВКП(б) и Совнаркома «осуществлять свои диктаторские права». Через этот тайный орган НКВД Н.И. Ежов, как утверждалось в материале, получал указания по «вычистке врагов народа» в число которых среди прочих были включены «379 генералов и около 35 000 офицеров»³⁵.

Развитием тематики «кровавого» НКВД на страницах издания стал довольно обширный материал, опубликованный в двух номерах газеты подряд, под названием «Бывший чекист рассказывает». По замыслу автора он должен

был «дать ясное представление о методах работы НКВД»³⁶. Эта публикация была предварена краткой автобиографией повествующего: «Свою карьеру я начал с должности уполномоченного и закончил в роли начальника районного отделения. Сектора, кусты, весь аппарат мне хорошо знакомы. Не одну тысячу обвинительных заключений я подписал собственноручно, не одну тысячу несчастных жертв видел собственными глазами в подвалах НКВД. Никак не ожидал я, что выпадут из ленты кровавого конвейера. Война сделала меня пленником и другим человеком. Правильней было бы сказать: сделала, наконец, человеком, потому что чекист – это уже зверь, а не человек»³⁷. Предполагаем, что автором данного материала был начальник Управления безопасности КОНР майор (с апреля 1945 г. – подполковник) Николай Васильевич Тензеров³⁸.

Статья была разбита на небольшие части, которые посвящались какому-то конкретному аспекту и имели соответствующие названия. Так раскрывая «Схему организации» «бывший чекист» сообщал, что «маленький аппарат име-

ет возможность осведомляться о деятельности каждого гражданина» благодаря слежке, установленной за всеми, кто «заинтересовал НКВД»³⁹. Ведь, как утверждал безымянный автор, «нет больших и малых учреждений, нет заводов и фабрик, нет сел, деревень, хуторов и станиц, где не было бы агентуры»⁴⁰. Разбирая «Принципы вербовки» бывший сотрудник НКВД писал, что решение кого вербовать в штатные сотрудники принимает уполномоченный УГБ. При этом он уточнял, что «каждому может выпасть этот жребий, а тот кто от него уклонится – подвергнется суровой каре»⁴¹. Далее, раскрывая принципы работы внутренних органов СССР бывший начальник районного отделения НКВД, не «жалел черной краски». Он утверждал, что поводом для обвинения могло послужить все что угодно: «не понравилась ваша физиономия, кто-либо не дал чего-либо по благу сотруднику карательных органов»⁴².

Показывая всеобъемлющую шпионскую сеть «бывший чекист» приводил курьезный случай, произошедший в Раменском районном отделении Московской области: «уполномоченный УГБ для инструктажа вызвал к себе в кабинет сразу всю находящуюся в его распоряжении агентуру. Чтобы шпионы не видели друг друга, каждому были завязаны глаза носовыми платками. Все кончилось бы хорошо, но вот стали агенты высказываться, и по голосу один шпион узнал свою жену, не стерпел, снял платок с глаз и тот час упал в обморок, потому что среди присутствующих узнал, помимо жены, своего брата, 70-летнюю мать, дворника и его любовницу»⁴³. Такое количество секретных сотрудников было необходимо, по утверждению автора, для того, чтобы миллионы граждан находились «под опекой НКВД до тех пор, пока “всеми любимый” Сталин не надумает строительство нового Беломорканала. Когда он надумал, главное управление НКВД дает разверстку по областным, краевым управлениям, последние в свою очередь – по районам – на количество рабочей силы» и будет «конвейер НКВД» поставлять «бесплатную рабочую силу» по установленным нормам на «великие стройки коммунизма»⁴⁴.

Развивая тему «всевидающего ока» НКВД на страницах газеты «За Родину» был помещен материал с говорящим названием «Чекисты и новобранцы». В нем автор, скрывшийся за крип-

тонимами «И. К-в», рассказывал о принципах работы сотрудников особых отделов НКВД в среде молодых бойцов Красной армии. Это повествование, выдержанное в негативном тоне, автор закончил вполне традиционным, для «власовских» изданий, выводом: «Сталинские опричники ничем не брезгают: и подослать близкого, превратить друга в предателя – все средства хороши, чтобы очернить и уничтожить человека, посмеявшегося сказать несколько слов правды о сталинском социализме палачей»⁴⁵.

Подобные материалы публиковались на страницах центрального печатного органа ВС КОНР с целью воспитать у читательской аудитории страх перед органами внутренних дел СССР, и показать им отсутствие возможности вернуться на Родину без смены Советского строя. Такая постановка вопроса ставила «власовских» солдат и офицеров в положение обреченных. Она должна была мотивировать их на «борьбу с большевизмом до конца», если не из идейных побуждений, то хотя бы из чувства страха за собственную жизнь.

Ярким примером внушения безальтернативного будущего военнослужащих КОНР может послужить заметка В. Ларионова (Рис. 9) на страницах газеты «За Родину» с говорящим названием «Кремль подготавливает расправу». В ней автор сообщал, что из «Италии “правительство” Бономи ... высылают советам всех русских эмигрантов. О выдаче Сталину русских ведутся переговоры и с правительствами Болгарии и Франции»⁴⁶. В этом материале «власовский» публицист не только констатировал факты, но и выдвигал гипотезы. В частности он предполагал, что «у Сталина с Рузвельтом и Черчиллем есть полная договоренность» по вопросу о «передачи представителям НКВД русских добровольцев» попавших в англо-американский плен⁴⁷.

Как показал проведенный анализ подшивки центрального печатного военного органа КОНР, на его страницах не только НКВД, но и вся советская действительность была представлена в крайне негативном свете. Так, например, в материале под названием «Необычайное интервью», размещенном в одном из номеров газеты «За Родину», автор показывал «неприглядную действительность в стране советов» по одному из материалов опубликованному в центральном печатном органе ВКП(б). Свой обзор Г. Подусов сделал в виде интервью со специальным кор-

респондентом газеты «Правда» И. Рябовым, в котором «ответы собеседника взяты из напечатанной статьи»⁴⁸. На вопрос «власовского» пропагандиста: «Каково теперь, в 1944 г. положение в колхозах?», – советский корреспондент «отвечал», – «В Нейском районе сельское хозяйство отстает от тех требований, которые представляются ему военным временем. Посевные площади за последние два года сократились, а урожаи зерновых, льна и картофеля уменьшились. ... район не выполняет плана поставок сельскохозяйственных продуктов государству. Не выполняется и план животноводства... Немалая часть овец гибнет, половина лошадей плохой упитанности»⁴⁹. Причина такого бедственного положения, по мнению автора «интервью», в том, что «самодовольные, чванливые, тупоумные и грубые люди решают сейчас, как и до войны, судьбы наших отцов, матерей, жен и детей»⁵⁰. В завершении материала Г. Подусов переходил от частного к общему, рисуя положение дел в СССР следующим образом: «Внизу – страшные, невыносимые страдания народа, море крови и смерть миллионов лучших людей в бессмысленной бойне. Вверху – шайка бездушных са-трапов, окопавшихся в глубоком тылу, силой и обманом толкающая народы России на гибель. А выше всех, на коммунистическом престоле – Сталин»⁵¹.

Подобным образом советская действительность представлялась и в других публикациях газеты «За Родину». Так, в материале под названием «Пропаганда и действительность», утверждалось, что в СССР «миллионы людей отказывали себе в самом необходимом, жили впроголодь, трудились до самозабвения, в то время как клика бездарных правителей растрачивала понапрасну народные жизни, силы, средства»⁵². Материалы подобного рода были призваны показать Советский Союз, его руководство и всю партийную систему, как крайне неэффективную модель государственного устройства, которая «паразитирует» на русском народе.

На страницах центрального печатного органа ВС КОНР антисоветская пропаганда была представлена в различных формах. Так, например, в одном из номеров была опубликована большая статья за авторской подписью редактора газеты, выполненная как статистическое исследование. Этот материал был размещен в рубрике «В по-

Рис. 9. В.А. Ларионов после ранения во время Гражданской войны.

мощь пропагандисту» с заголовком «Цифры, набухшие кровью». В этом материале, приуроченном к 27-й годовщине «октябрьского переворота», автор заявлял, что «полезно точно осознать, каковы последствия этого несчастного для России события, каковы потери и убытки, которые наша страна должна платить за угар большевистской революции»⁵³. После долгих расчетов Н.В. Пятницкий приходил к выводу: «Общее количество потерь советского населения к 1939 г. мы определили в 48,8 млн. чел»⁵⁴. Такой вывод должен был шокировать читателя и уверить его в необходимости «борьбы с большевизмом» любыми возможными способами.

Один из самых «очевидных» способов этой «борьбы» редакция демонстрировала в материале под названием «В сталинском тылу (Рассказ военнопленного)». В этой публикации «власовский» пропагандист, скрывшийся за криптонимом «Х.», рассказывал о 47-летнем красноармейце, попавшем в плен в начале января 1945 г. Этот бывший рядовой РККА поведал в красках

автору о тяжелой жизни в СССР, как на фронте, так и в тылу. Затем он «внимательно слушал» рассказ о Манифесте КОНР «и в заключение снова расстроился до слез. Перекрестился и сказал:

– Сохрани, Господи, вашу армию и ее командующего генерала Власова, только вы принесете настоящее счастье нашему народу и Родине. А красноармейцы, ах, да что говорить, многие все понимают, но говорить нельзя – расстрелы ждут»⁵⁵.

Принимая во внимание, что газета «За Родину» была предназначена в первую очередь для военнослужащих «власовской» армии, подобные публикации были призваны убедить их не только в правильности «выбранного пути», но и в низком моральном духе бойцов Красной армии.

В целом, как показал проведенный анализ, центральный печатный орган Вооруженных сил

Комитета освобождения народов России был предназначен для информационного обеспечения военнослужащих соответствующих соединений и частей. На его страницах, публиковались новостные материалы, военные сводки и статьи, призванные повысить уровень знаний читательской аудитории по различным предметам боевой подготовки. Однако центральное место в газете занимали материалы пропагандистского характера. Условно их можно разделить на две категории: критика советского строя и пропаганда идей КОНР. При этом необходимо отметить, что некоторые материалы содержали в себе оба этих направления «власовской» пропаганды. Таким образом, обладала достаточно высоким пропагандистским потенциалом. Однако, катастрофическое положение Германии и ее союзников не позволили его реализовать в полном объеме.

- ¹ *Война Германии против Советского Союза 1941 – 1945. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа Берлин, 1994. С. 41.*
- ² *Дробязко С.И. Восточные формирования в ставке Вермахта. Проблема определения численности // Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина (Москва, 12 ноября 2009 г.): материалы междунаро. круглого стола / под ред. д.и.н. В.Д. Кузнецевского; Рос. ин-т стратегич. исслед. – М.: РИСИ, 2010. С. 83.*
- ³ *Там же.*
- ⁴ *«Власовцы» – общее наименование участников так называемой Русской Освободительной Армии (РОА), действовавшей на стороне гитлеровской Германии во время Великой Отечественной войны и формально возглавляемой бывшим командующим 2-й Ударной армии генерал-лейтенантом А.А. Власовым.*
- ⁵ *Идеологические основы Русского освободительного (власовского) движения. // Российское освободительное движение ген. А.А. Власова. б/м. б/д. С. 2 – 3.*
- ⁶ *Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 103, 104.*
- ⁷ *Протокол допроса командующего 2-й Ударной армии генерал-лейтенанта А.А. Власова в штабе 18-й Армии. Цит. по: Генерал Власов: история предательства... Т. 1: Нацистский проект «Aktion Wlassow». С. 86 – 91.*
- ⁸ *Александров К.М. Капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельд и его воспоминания. // Посев, № 3 (1650), 2015. С. 34.*
- ⁹ *Подробнее об этом см. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 105 – 116.*
- ¹⁰ *Регистрационный № 480/РАВ/IX/42 в Вермахте.*
- ¹¹ *«Обращение Русского Комитета», листовка. Личный архив автора. Типогр. экз.*
- ¹² *Там же.*
- ¹³ *Протокол допроса Г.Н. Жиленкова от 4 мая 1946 г. Цит. по: Генерал Власов: история предательства... Т. 2: В 2 кн. Кн. 1 Из следственного дела А.А. Власова. С. 766.*
- ¹⁴ *Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом 1941 – 1945. М. 2011. С. 260. Казанцев Александр Степанович (1908, Челябинск – 1963, Мюнхен) с ноября 1944 по февраль 1945 являлся заместителем ответственного редактора и главным редактором газеты «Воля народа», печатного органа КОНР.*
- ¹⁵ *За Родину // За родину. № 1, 15 ноября 1944 г. С. 4.*
- ¹⁶ *Там же.*
- ¹⁷ *Там же.*
- ¹⁸ *Там же.*
- ¹⁹ *За Родину. № 4, 26 ноября 1944 г. С. 1.*

- ²⁰ *За Родину. № 6, 3 декабря 1944 г. С. 1.*
- ²¹ *Там же.*
- ²² *Приветствие газете «За Родину» // За Родину. № 5, 30 ноября 1944 г. С. 1.*
- ²³ *Там же.*
- ²⁴ *Риль В.Ф. В редакцию газеты «За Родину» // За Родину. № 7, 7 декабря 1944 г. С. 1.*
- ²⁵ *Там же.*
- ²⁶ *Лориан, современное наименование Лорьян – город-порт во французской Бретани на берегах Бискайского залива. Захвачен немецкими войсками в 1940 г. Имел стратегическое значение. В августе-сентябре 1944 г. был окружен англо-американскими силами и в течении восьми месяцев удерживался гитлеровскими войсками и их союзниками. Был объявлен крепостью, гарнизон которой сдался только 10 мая 1945 г.*
- ²⁷ *Радиотелеграмма защитников крепости Лориан (Франция) // За Родину. № 7, 7 декабря 1944 г. С. 1.*
- ²⁸ *Недич Милан (серб. Милан Недич, Milan Nedić), (1877, Белград, Сербия – 1946, Белград СФРЮ) – сербский военный и государственный деятель, генерал. В 1939 – 1940 гг. – Министр обороны Югославии, с августа 1941 г. по октябрь 1944 г. – премьер-министр «правительства национального спасения», созданного на территории Сербии, после оккупации Югославии немецкими войсками и последующего ее раздела. После войны был судим по обвинению в государственной измене. Покончил жизнь самоубийством.*
- ²⁹ *Письмо генерала Недича // За Родину. № 7, 7 декабря 1944 г. С. 1.*
- ³⁰ *Там же.*
- ³¹ *Рейхсфюрер Генрих Гимлер Комитету Освобождения Народов России // За Родину. № 2, 19 ноября 1944 г. С. 2.*
- ³² *Палий П.Н. От серпа и молота к Андреевскому знамени. М. 1998. С. 732.*
- ³³ *Ежов Николай Иванович (1885 — 1940) – советский партийный и государственный деятель. С 1936 по 1938 гг. Народный комиссар внутренних дел СССР.*
- ³⁴ *Ягода Генрих Генрихович (при рождении – Иегуда Енох Гершевич, 1891 — 1938) – российский революционер, советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД), с 1934 по 1936 гг. – Народный комиссар внутренних дел СССР.*
- ³⁵ *«Поединок». Кремлевские тайны // За Родину. № 2, 19 ноября 1944 г. С. 5.*
- ³⁶ *Бывший чекист рассказывает // За Родину. № 5, 30 ноября 1944 г. С. 5.*
- ³⁷ *Там же.*
- ³⁸ *Во время войны использовал псевдоним В.Н. Пузанов, в 1947 – 1948 гг. скрывался в американской оккупационной зоне в Германии под псевдонимом «Ветлугин». Об этом см. Александров К.М. Офицерский корпус генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944 – 1945. М., 2009. С. 16, 192, 289.*
- ³⁹ *Бывший чекист рассказывает // За Родину. № 5, 30 ноября 1944 г. С. 5.*
- ⁴⁰ *Там же.*
- ⁴¹ *Там же.*
- ⁴² *Там же.*
- ⁴³ *Бывший чекист рассказывает // За Родину. № 6, 3 декабря 1944 г. С. 3.*
- ⁴⁴ *Там же.*
- ⁴⁵ *И. К-в. Чекисты и новобранцы // За Родину. № 6, 3 декабря 1944 г. С. 3.*
- ⁴⁶ *Ларионов В. Кремль готовится расправу // За Родину. № 6, 3 декабря 1944 г. С. 3.*
- ⁴⁷ *Там же.*
- ⁴⁸ *Подусов Г. Необычайное интервью // За Родину. № 4, 26 ноября 1944 г. С. 6.*
- ⁴⁹ *Там же.*
- ⁵⁰ *Там же.*
- ⁵¹ *Там же.*
- ⁵² *Юрьев В. Пропаганда и действительность // За Родину. № 5, 30 ноября 1944 г. С. 5.*
- ⁵³ *Пятницкий Н.В. Цифры, набухшие кровью // За Родину. № 4, 26 ноября 1944 г. С. 4.*
- ⁵⁴ *Там же.*
- ⁵⁵ *Х. В сталинском тылу (Рассказ военнопленного) // За Родину. № 4, 26 ноября 1944 г. С. 3.³*

*Дмитрий Александрович Белов,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник научно-просветительного отдела,
кандидат исторических наук*

Влияние И.В. Сталина на формирование довоенной историографии обороны Царицына

Особое место в историографии Гражданской войны в России занимает тема обороны Царицына, одним из руководителей которой был И.В. Сталин. За последние 100 лет в исторической науке накоплен богатый опыт интерпретаций этих событий. В последние годы в центре внимания исследователей оказался конфликт Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина, боровшихся за место в партийной иерархии. Противоречия среди руководителей Красной Армии отразились в обвинениях в адрес начальника Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарева и его окружения. 11 июля 1918 г. И. В. Сталин пишет письмо Л.Д. Троцкому, копия которого направлялась В.И. Ленину, где дает негативную характеристику военспецам в Царицыне: «Зедин недалек, плохо разбирается в обстановке и плышет по течению. Анисимов более сознателен и подвижен, но он один. А военрук с помощниками до того равнодушен к делу... Такой вялый военрук, как Снесарев, тут не пригодится»¹.

Исследование российского историка А.В. Ганина показало, что И.В. Сталин не случайно кри-

тиковал действия целого ряда военных специалистов и требовал их замены. В руководстве Северо-Кавказского военного округа активно работала на развал фронта хорошо организованная группа белых подпольщиков во главе с бывшим генералом А.Л. Носовичем².

В этой связи особый научный интерес для уточнения подоплеки царицынских событий 1918—1920 гг. представляет личное вмешательство Сталина в формировании официальной версии хода гражданской войны. В конце 1930-х гг. при его непосредственном участии стала складываться официальная трактовка истории обороны Царицына и его собственной роли в этих событиях.

В 1938 г. была издана монография профессора Академии Генерального штаба РККА В.А. Меликова «Героическая оборона Царицына»³. В 1940 г. исправленная и дополненная работа была издана вторично⁴ и стала еще более заметной вехой в определении цензурой рамок оценочных суждений в адрес участников обороны Царицына, включая И.В. Сталина, К.Е. Вороши-

лова, С.М. Буденного, их военных и политических оппонентов.

Однако в Российском государственном архиве социально-политической истории (далее РГАСПИ) сохранился вариант монографии В.А. Меликова, датируемый 1937 (!) годом. Книга с надписью чернилами на титульном листе «2-я верстка. Экз. №6» находилась ранее в библиотеке Сталина и содержит его личные правки⁵. Сталинский экземпляр 1937 г. имеет тот же дизайн обложки, содержит не так много правок текста, выполненных лично И.В. Сталиным. Судя по датам передачи текста в типографию, активная стадия работы по редактированию чернового варианта монографии происходила с июля 1937 г. по март 1938 г. В содержании двух вариантов монографии удалось выявить существенные расхождения и исправления, сделанные рукой Сталина.

На всех страницах первоначального текста тщательно вычеркивались фамилии начальников дивизий, боевых участков Царицынского фронта. Ярко выраженным правкам подверглась фамилия начальника Стальной дивизии Д.П. Жлобы. Фамилия многократно зачеркивалась настолько тщательно, что только благодаря упоминанию должности удалось ее прочесть.

Дивизия Д.П. Жлобы, пройдя 800 км. в сентябре—октябре 1918 г. от Невинномысской к Царицыну, ударила в тыл белым и сорвала захват Царицына. Спустя 20 лет, И.В. Сталин отредактировал в тексте собственную телеграмму из Царицына на имя В.И. Ленина от 26 июля, убрав это упоминание о роли Стальной дивизии в обороне города: «Только что приехал с Кубани правая рука Калнина тов. Жлоба, пробившийся с большими усилиями к нам. С его приходом [далее зачеркнуто и заменено И.В. Сталиным на многоочие — Д.Б.] у нас имеется теперь точная картина положения дел на Кубани. До сего времени у нас были непроверенные сведения, а теперь имеются факты...». Вместе с первым предложением этого текста пострадала и полностью изъятая позиция В.А. Меликова, изложенная в сноске: «Вскоре тов. Жлоба уехал обратно и только во второе окружение Царицына в октябре 1918 года пришел вместе со своей Стальной дивизией в район Царицына, сильно облегчив положение на левом фланге Царицынского фронта».

Наиболее крупной редакторской корректировке во всем тексте монографии подверглось сжа-

тое изложение истории боевых действий Стальной дивизии. Автор монографии первоначально на двух страницах текста приводит краткое описание боев и дает высокую оценку действиям дивизии. Эти страницы были вычеркнуты⁶.

На первый взгляд, изъятие упоминаний о Д.П. Жлобе можно объяснить отъездом И.В. Сталина из Царицына, когда командира Стальной дивизии использовали для ослабления сталинской группировки в городе. В частности, Л.Д. Троцкий сумел организовать приказ о временной замене ближайшего сподвижника Сталина К.Е. Ворошилова Д.П. Жлобой на посту командующего 10-й армией⁷. Однако, можно предположить, что основная причина удаления информации о заслугах Стальной дивизии заключалась в том, что корректировки вносились, когда полным ходом шло расследование по делу Д.П. Жлобы, арестованного в феврале 1938 г. 10 июня он был расстрелян. Ровно через шесть дней после этого окончательный отредактированный и отвечающий текущей политической ситуации вариант монографии В.А. Меликова был подписан в печать.

Во время работы редколлегии над монографией, в декабре 1937 г. после продолжительной болезни умер в Москве один из главных участников описываемых под Царицыном событий — генерал А.Е. Снесарев, до этого приговоренный к расстрелу, замененному по указанию И. В. Сталина на 10 лет тюрьмы, и освобожденный досрочно по болезни в сентябре 1934 г.

Редактированию также подверглась роль и оценка действий «кавалерии Б.М. Думенко». Весной 1918 г. он сформировал добровольческий отряд, затем возглавлял полк, бригаду. После его тяжелого ранения в феврале 1919 г. командование корпусом, развернутым в ноябре 1919 г. в легендарную Первую конную армию, было передано С. М. Буденному. Б.М. Думенко был осужден и расстрелян еще в мае 1920 г. по ложному обвинению в подготовке мятежа. Факт расстрела одного из инициаторов создания первых крупных кавалерийских соединений не стал причиной для автора монографии, чтобы убрать из поздравительной телеграммы В.И. Ленина в адрес отличившихся под Царицыном соединений «кавалерию Думенко». В пояснительной сноске к этому уже политически неудобному термину В.А. Меликов был вынужден «уточнить» мысль В.И. Ленина, что в его телеграмме «...термин «ка-

валерия Думенко» относится в первую голову к тем героям-бойцам бригады Думенко, которые под руководством тов. Буденного, в то время помощника Думенко, делали блестящие дела на Царицынском фронте. Лично же к Думенко эти поздравления относить нельзя, так как саботажническая и самостийная деятельность Думенко на Царицынском фронте хорошо была известна уже в то время. Неповиновение и самостийное поведение Думенко превратилось в конце концов в открытую контрреволюцию, за что он и был в январе 1920 года постановлением революционного трибуна расстрелян»⁸. Тем не менее, соавторы и редакторы монографии посчитали неуместными эти детали, поэтому из текста телеграммы В.И. Ленина целенаправленно исчезают упоминания о «кавалерии Думенко», «полке Худякова» и неубедительные пояснения автора, выглядящие крайне странными в системе субординационных отношений С.М. Буденного и Б.М. Думенко⁹.

Всего выявлены десятки аналогичных фактов отказа от использования в тексте упоминаний фамилий следующих участников обороны Царицына, а именно: Д.П. Жлобы; начальника Центрального боевого участка Царицынского фронта Н.А. Худякова, в том числе с одним фактом замены фамилии последнего на фамилию Г.И. Кулика, как «боевого соратника тов. Ворошилова»; главкома И.И. Вацетиса, тов. Теплицкого, являвшегося заместителем начальника гарнизона Царицына И.В. Тулака; командующего частями Красной Армии на Кубани и Северном Кавказе К.И. Калнина; члена реввоенсовета 10-й армии В.И. Межлаука; шестерых (на ноябрь 1918 г.) начальников дивизий 10-й армии К. Е. Ворошилова; среди руководителей большевистских газет были исключены товарищи В.И. Межлаук и Б.И. Магидов таким образом, что единственным их организатором оставался И.В. Сталин; один факт касается некорректного цитирования воспоминаний участника обороны Царицына И.Ф. Ткачева — текст его мемуаров был выдан за авторский. Кстати, Иван Федорович Ткачев, занимавший в 1930-е гг. должность начальника Главного управления ГВФ, был осужден за участие в военно-фашистском заговоре и расстрелян 29 июля 1938 г.

Следует отметить, что любая неприкрытая лесть автора монографии в духе «культы личности», неподкрепленная фактами и соответствующими ссылками на источники оценка дей-

ствий И.В. Сталина и его соратников, в отличие от оставленных в негативном ключе суждений в адрес «иудушки Троцкого» или его ставленника в Царицыне военрука «вялого Снесарева», не была опубликована: «Когда на сторону Краснова перебежал начальник Оперативного управления Царицынской армии полковник Носович..., он откровенно рассказал главному командованию Донской белой армии, что представляют собой организаторы Царицынской обороны, какой огромной любовью они пользуются среди красных бойцов и как Сталин и Ворошилов, не щадя сил, энергии и своей жизни, непосредственно руководят боями, выезжая в решительные минуты на самые опасные места сражения...»¹⁰.

В изданный в 1938 г. текст монографии были включены дополнительные материалы, касающиеся «энергичнейших мер» И.В. Сталина по укреплению обороны Царицына. Прежде всего, были вставлены абзацы о его телефонных переговорах с председателем ВЦИК РСФСР Я.М. Свердловым с требованиями в категоричной форме срочно помочь оружием¹¹.

Важным направлением работы редакторов монографии являлась деятельность в сторону обновления содержания в соответствии с текущей политической ситуацией и в связи с началом политического террора, сопровождавшегося физическим устранением «врагов народа», заметная часть которых фигурировала в монографии в качестве участников и очевидцев событий Гражданской войны.

Политический характер работы редколлегии данного «научного» труда раскрывает оперативное включение следующего абзаца, ранее отсутствовавшего в оригинальном тексте В.А. Меликова: «Как теперь установлено, белогвардейской контрреволюции всемерно помогала троцкистско-бухаринская банда. В приговоре Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 13 марта 1938 г. по делу антисоветского «право-троцкистского блока» сказано, что Троцкий, Бухарин и их сообщники имели целью сорвать Брестский договор, убить великих вождей пролетарской революции Ленина, Сталина и Свердлова»¹². Далее по тексту приводится цитата из приговора суда.

В связи с нарастанием масштаба репрессий и уточнением главных «врагов народа» расплывчатые формулировки в монографии (например,

«Подлые враги Пролетарской революции совершили гнусное преступление...») оперативно стали приобретать более четкие политические очертания: «Троцкисты, бахаринцы, правые и «левые» эсеры совершили гнусное преступление»¹³. После таких правок труд В.А. Меликова приобрел политически конъюнктурный характер.

В контексте изучения обороны Царицына, несомненно, интерес представляют мемуары Носовича, перешедшего с секретными документами и картами на сторону белых. В эмиграции он написал мемуары «Шесть месяцев среди врагов». С рукописью и документами его личного архива автору удалось ознакомиться в библиотеке г. Нантер (Франция) в апреле 2019 г. Их всесторонний анализ позволит глубже обозначить роль белогвардейского разведчика в обороне Царицына. Для падения города он делал все возможное, пытаясь «вредить большевизму всеми возможными способами»¹⁴.

Таким образом, воспринимать научную монографию В.А. Меликова как этап в развитии историографии Гражданской войны предлагается с целым рядом оговорок. Корректировки

первоначального текста автора мало касались уточнения хода борьбы за Царицын, роли в его обороне А.Е. Снесарева, А. Л. Носовича и других важных действующих лиц. Однако, предложенный массовому читателю в 1938 г. труд проф. В.А. Меликова с подачи И.В. Сталина и редколлегии издательства наркомата обороны СССР по своему содержанию изначально уже на стадии подготовки к печати стал идеологическим инструментом политической борьбы с «врагами народа», инструментом террора в борьбе с инакомыслящими, расстрельные приговоры к которым готовились одновременно с работой над монографией в первой половине 1938 г. Единственный сохранившийся экземпляр правки монографии В.А. Меликова и его тайных соавторов и редакторов — яркий пример завуалировано и профессионально выполненной трансформации научного исследования в инструмент политической борьбы, остаться за рамками которой не удалось и «единственному» автору работы, умершему в тюрьме в 1946 г. во время следствия по обвинению в контрреволюционной пропаганде.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 30. Д. 288. Л. 230—231.

² Ганин А. В. Бывший генерал А. В. Носович и белое подполье в Красной Армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2017. — № 2. — С. 6—35.

³ Меликов В. А. Героическая оборона Царицына 1918 г. — М.: Госвоениздат, 1938.

⁴ Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 г.). — М.: Госвоениздат, 1940.

⁵ Меликов В. А. Героическая оборона Царицына. 1918 г. — М.: Госвоениздат, 1937.

⁶ Меликов В. А., 1937, С. 270—271; Меликов, В. А. 1938, С. 270.

⁷ Войтиков С. С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиррова победа Троцкого над Сталиным, или как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918-1919 гг.) // Новый исторический вестник. — 2014. — №1. — С. 123—126.

⁸ Меликов В. А., 1937, С. 199—200.

⁹ Меликов В. А. 1938, С. 164.

¹⁰ Меликов В. А., 1937, С. 203.

¹¹ Меликов В. А., 1937, С. 257; Меликов, В. А. 1938, С. 212—213.

¹² Меликов В. А. 1938, С. 105.

¹³ Там же. С. 192. Ibid, p. 192.

¹⁴ Bibliotheque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F delta res 843. Box 1. (1) (2) (1) / Библиотека современной международной документации (г. Нантер, Франция). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 1-52.

*Лариса Григорьевна Бибики,
Республика Беларусь, Брест, ГУ «Мемориальный
комплекс «Брестская крепость-герой»,
заместитель директора*

Роль музейных экспозиций мемориала в сохранении духовного и исторического наследия Брестской крепости в реалиях XXI века

Миссия любого музея – сохранение и популяризация материального и нематериального культурного наследия, обеспечение общедоступности ценностей отечественной и мировой культуры, использование их для эстетического воспитания, развития граждан и общества.

Особая роль возлагается на музеи исторического профиля. Примером тому может служить мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».

Брестская крепость имеет богатое историческое наследие, которое создавалось поколениями людей, живших здесь во времена древнего Берестья, средневекового Брест-Литовска, современного Бреста. Войны и мир переплелись здесь с человеческими судьбами, оставили следы на стенах и земле сражений, сформировав неповторимый облик легендарной Цитадели над Бугом (Рис.1).

Созданный в начале 50-х годов прошлого века как Комната боевой славы воинской части Брестского гарнизона, размещавшейся в уцелевшем

казарменном фонде Цитадели, сегодня Музей обороны Брестской крепости – мемориал, один из крупнейших центров поиска и увековечения памяти о защитниках Отечества, военно-исторического туризма, ритуального посещения.

Десятилетия мемориал остаётся символом вероломного вторжения агрессора, стойкости и верности воинскому долгу, гордости за свершённый ими подвиг, памяти и скорби о погибших.

Найденные на местах сражений в Брестской крепости остатки оружия, документы, предметы из раскопок, реликвийные надписи составляют сегодня раритетный фонд музейных экспозиций городов Москвы, Минска, Киева и Бреста (Рис.2).

В августе 1956 года начальник ЦМСА полковник М.В. Широков представил подробную докладную записку на имя начальника управления пропаганды и агитации Главного Политического управления МО СССР по результату работы в г. Бресте (1955) начальника научно-экспозиционного отдела ЦМСА полковника Всеволода Ивановича Краснова.

Рис.1. Цитадель мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»

8 ноября 1956 года в восстановленной части оборонительной казармы Цитадели был открыт Музей обороны Брестской крепости. Его помогла создавать вся страна: в Москве, Ленинграде и Минске заказы для создаваемого музея принимались, не считаясь ни с чем; была установлена связь с ЦМСА, студией военных художников имени М.Б. Грекова, ЦГАСА, Музеем погранвойск КГБ СССР, Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи, музеем истории Великой Отечественной войны (г. Минск), др. учреждениями. Всестороннюю помощь оказывало командование Брестского гарнизона во главе с начальником, командиром 128 стрелкового корпуса генерал-лейтенантом П.С. Вашуриним.

Тексты мемориальных досок на местах боёв рецензировали писатель С.С. Смирнов и старший научный сотрудник ЦМСА Т.К. Никонова. (Рис.3)

В декабре 1959 года, обращаясь к работникам музея Сергей Сергеевич написал:

«Дорогие товарищи!

Как человек, приложивший руку к истории обороны Брестской крепости и к организации музея, я всегда чувствую себя членом вашего коллектива.

От всей души желаю нашему Музею успехов. Мечтаю вместе с вами несколько лет спустя увидеть здесь подлинный «Музей-заповедник славы русского оружия» – жемчужину среди наших музеев, где никогда не иссякнет поток взволнованных посетителей и куда молодёжь будет ездить учиться героизму и стойкости, столь свойственному нашему замечательному народу.

Ваш сотрудник С. Смирнов».

За эти годы изменился и наш статус, и наши экспозиционные площади. Не считая пространство под открытым небом (75 га), за 65 лет они расширились – от 176, 380 м кв. до 3 000 м кв. (к концу следующего года увеличение будет десятикратным).

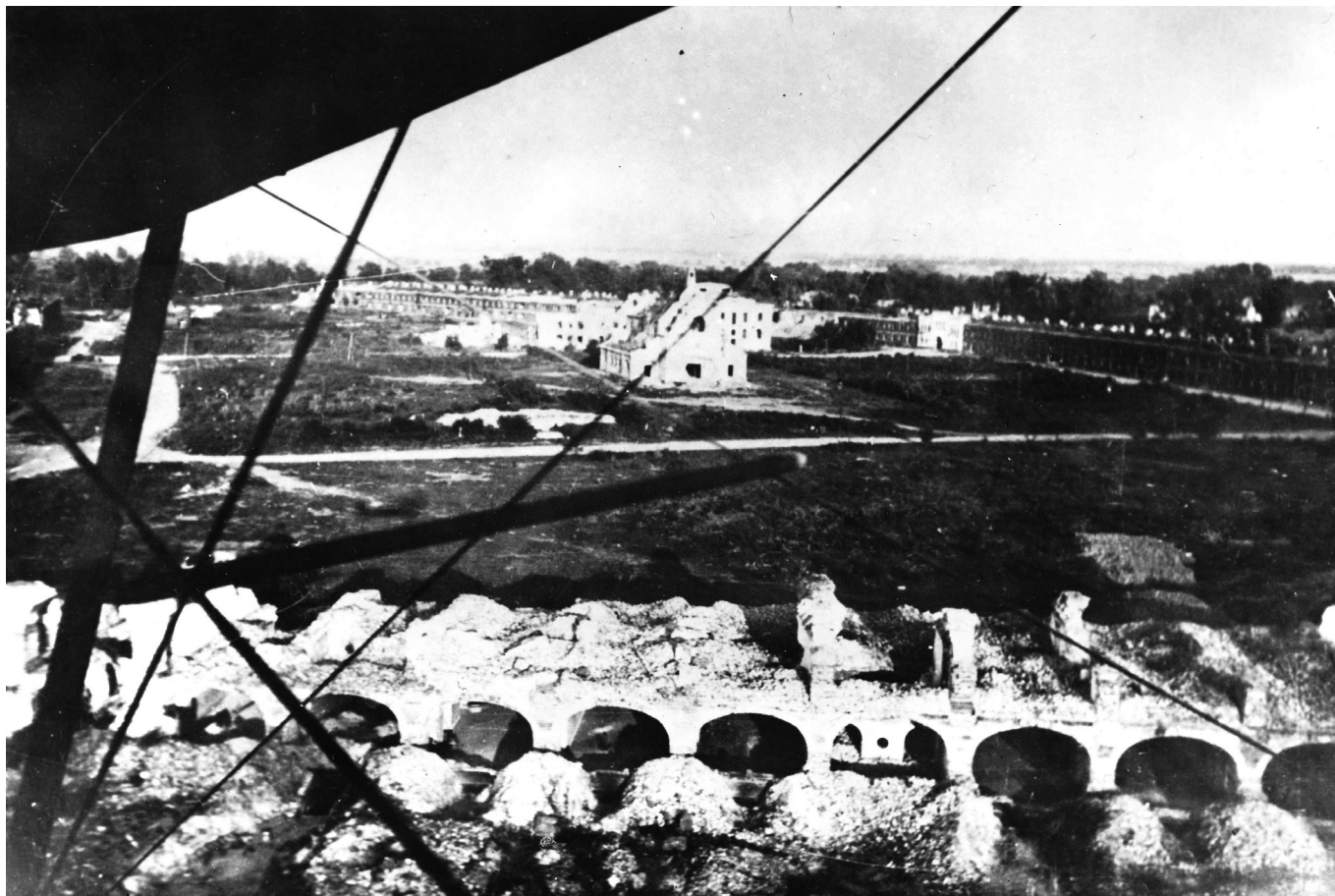

Рис. 2. Брестская крепость в день освобождения. Из кинохроники «Освобождение». 28.07.1944. В.А. Тёмин. – НВ 2945.

Мы прирастаем не только материальным, но и духовно-нравственным потенциалом. В нынешний век технологий и социальной сети особенно важно знать свои истоки, понимать и сохранять то, что формирует нас самих, семью, государство и мир.

Тысячи экспонатов Музея обороны Брестской крепости (1956) (Рис.4), экспозиций «Музей войны – территория мира» (2014) (Рис.5), «Армейский клуб» (2017) (Рис.6), «Летопись Брестской крепости» (2019) (Рис.7), вещественные памятники Цитадели и филиала «Музей 5 форт» дают возможность прочувствовать трагедию войны и доблесть защитников Отечества.

В 2008 году мемориал стал Лауреатом VI Республиканского туристического конкурса «Познай Беларусь» в номинации «Музей. Незабываемые впечатления в памяти», был награждён дипломом и Знаком конкурса.

Известна особая действенность музейных средств на воспитание и формирование гармонично-развитой личности. Через экспозиции,

Рис.3. Первый приезд в Брестскую крепость. 1954. Участник обороны А.И. Махнач, писатель С.С. Смирнов, старший научный сотрудник ЦМСА Т.К. Никонова, участник обороны С.М. Матевосян. – КП 14327 Ф 5173.

Рис. 4. Экспозиция Музея обороны Брестской крепости. 2015.

Рис. 5. Экспозиция «Музей войны – территория мира». 2014.

Рис. 6. Экспозиция «Армейский клуб». 2017.

Рис. 7. Экспозиция «Летопись Брестской крепости». 2019.

выставки, насыщенные историческими документами, подлинными реликвиями, осуществляется активное воздействие на интеллектуальные и эмоциональные потребности человека.

В 1956 году в Книге отзывов была оставлена запись: «Я, ученик 1 класса Лиходиевский, даю клятву, что буду учиться на отлично, а как вырасту большой, буду защищать свою Родину как все товарищи Брестской крепости». Спустя десятилетия (к 2006 году) В. Лиходиевский окончил Военную Академию имени А.Ф. Можайского и проходил службу в Вооружённых Силах Российской Федерации.

Тональность и суть записей не меняется и через десятилетия:

«6. 01.2019. Дорогие, нет, родные, братья белорусы!

Спасибо за то, что не предали, не продали нашу память и нашу историю. Спасибо, что бережно храните. Тема войны очень болезненная для меня. Мой отец воевал на

территории Западной Белоруссии в возрасте 17 лет. Мы были и остаёмся едины и не делимся на нации. Те, кто помнит и хранит. Огромное вам спасибо и низкий поклон. Храни, Господи, Беларусь и её народ. Лариса, Москва».

Ежегодно мемориал посещают более полу-миллиона человек из 50 стран мира (всего были гости из 140). 22 мая мы приняли 25-миллионного посетителя, который в составе семьи приехал из г.Москвы.

За два десятилетия нынешнего века через выставочные гуманитарные проекты историческое наследие Брестской крепости открыли новые поколения граждан Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Королевства Нидерландов, Российской Федерации (гг. Москва, Белгород, Керчь, Калининград, Петрозаводск, Севастополь, Уфа), Республики Казахстан, Республики Польша, Федеративной Республики Германия и других регионов.

Рис. 8. Митинг-реквием на площади Церемониалов. 22.06 2017.

Более 20 тематических и обзорных экскурсий, лекции, музейно-педагогические программы, торжественные посвящения в студенты, профессию, творческая акция «Рисуют дети», митинг-реквием в День памяти и скорби, исторические реконструкции, ролевые игры, посвящённые началу Великой Отечественной войны (Рис.8), освобождению Республики Беларусь, военно-спортивные игры, акции, поезда Памяти – это только часть деятельности мемориала как нештатного центра патриотического воспитания (согласно распоряжению Президента Республики Беларусь № 365 от 02.12.1997).

Это высокое служение мемориала было подтверждено на Первом Национальном форуме «Музеи Беларуси» (2012) вручением Диплома 1-й степени в номинации «Лучший музей по организации культурно-образовательной деятельности по патриотическому воспитанию молодёжи».

Ежегодно на земле крепости их проходит почти 500, среди которых торжественный ритуал принятия Присяги воинами Брестского гарнизона, Брестской Краснознамённой пограничной группы имени Ф.Э. Дзержинского, должностными лицами Брестской таможни; посвящения в учащиеся и студенты, профессию; открытие трудовых семестров ребят из нашей республики и

г. Москвы (ТОМ – трудовое объединение молодёжи «Цитадель» вносит достойный вклад в сохранение крепости).

У новой, открытой в 2011 году, скульптурной композиции «Героям границы, женщинам и детям, мужеством своим в бессмертие шагнувшим» вручают погоны младших офицеров выпускникам Центра подготовки специалистов пограничного контроля ГУО «Институт пограничной службы РБ», посвящают в кадеты учащиеся СШ № 31 г. Бреста.

Одна из новых форм работы с молодёжью – реконструкция событий (Рис. 9) начала обороны на местах боёв, в которой принимают участие представители исторических клубов нашей республики, России, Украины, Болгарии, Польши, Англии, Японии и др.

В 2014 году, в рамках XII республиканского конкурса «Познай Беларусь», мемориал награждён дипломом в номинации «Лучший объект военно-исторического туризма».

Сегодня также востребованы экскурсии «Природа Брестской крепости», «Мир духовного, мир – прекрасного» по Свято-Николаевскому гарнизонному храму, по фортификационным объектам Брестской крепости и 62 Брестскому укрепленному району. В феврале 2013 года открыт новый экскурсионный маршрут по Тере-

спольскому – пограничному укреплению Брестской крепости, что объясняет его уникальность и популярность.

Вместе с тем, это – место сражения и захоронения останков 1038 погибших защитников крепости (бойцов, командиров, медицинских работников и членов их семей). Последнее массовое перезахоронение 58 человек (найлены в воронке от снаряда мортиры системы «Карл») – 9 ноября 2011 года. В 2015 году были перезахоронены ещё 15 человек, а в апреле нынешнего года у руин Белого дворца найдены останки ребёнка (7–10 лет).

За сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и создание экспозиции «Музей войны – территория мира» мемориал стал лауреатом специальной премии Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в области культуры и искусства (2015).

Брестская крепость неразрывно связана с Брестом, что объясняет стремление (в рамках 1000-летия в 2019) сформировать вокруг неё единый историко-культурный туристический комплекс.

Соглашаясь с тезисом многочисленных проектов и концепций «динамичного развития туризма», мы убеждены в недопустимости подмены национальных и общечеловеческих ценностей. Реалии сегодняшней международной обстановки предостерегают о последствиях неуважения к историческому и культурному наследию.

Главным было и остаётся – сохранение и развитие Брестской крепости с учётом исторически сложившегося предназначения.

Знаковым в этом направлении для нас стало решение Совета Министров Союзного государства, принятое в декабре 2017 года в г. Гомеле, – Проект «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация объектов Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» (2018–2020). Сумма вложений 319 215,7 тыс. российских рублей предполагает на 9 объектах осуществить 16 мероприятий, 7 из которых уже завершены.

Наиболее объёмными и ощутимыми для посетителя стали капитальный ремонт и создание исторической экспозиции «Летопись Брестской крепости» в полубашне Юго-восточной казармы Цитадели. Этот проект важен и по исполнению – представителями белорусской и российской сторон.

Интерактивные технологии, трёхмерные панорамы и аутентичная архитектура дополняют классические формы подачи материала, открывают новые возможности для диалога поколений.

Временные рамки событий (всё дальше от их свершений) предлагают новые формы работы с аудиторией. Технические достижения, увлечение событийным туризмом требуют глубоких знаний и стойкости позиции от хранителей исторического наследия – музейных работников.

Рис. 9. Реконструкция обороны Брестской крепости. 22.06.2018.

*Алексей Владленович Булыгин
Россия, Монино, Филиал ФГБУ «ЦМВС РФ»
Минобороны России «Центральный музей
Военно-воздушных сил»,
научный сотрудник музейного отдела НПр,
кандидат экономических наук,
профессор*

*Юрий Григорьевич Козлов,
Россия, Монино, Филиал ФГБУ «ЦМВС РФ»
Минобороны России «Центральный музей
Военно-воздушных сил»,
научный сотрудник музейного отдела НЭР,
кандидат военных наук,
старший научный сотрудник*

История создания и развития Центрального музея ВВС

Центральный музей Военно-воздушных сил филиал ФГБУ культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации (далее-ЦМ ВВС) отметил 28 ноября 2018 года шестидесятилетний юбилей.

Зарождение авиации России, первые летчики и первые самолеты, Первая мировая и Гражданская войны, предвоенный период, Великая Отечественная война и послевоенное развитие авиации – это большой исторический период нашего государства и Военно-воздушных сил, который должен быть сохранен для потомков. С этой целью, по инициативе начальника Военно-Воздушной академии маршала авиации С.А. Красовского, при поддержке заместителя Главкома ВВС маршала авиации С.И. Руденко и Главнокомандующего ВВС Главного маршала авиации К.А. Вершинина при Военно-воздушной академии была создана выставка авиационной техники, которая в дальнейшем стала Центральным музеем Военно-воздушных сил.

В начале 1958 года, начальник академии генерал-полковник авиации С.А. Красовский издал приказ по академии о создании внештатной группы специалистов, на которую возлагалось выполнение реставрационных и ремонтных работ помещений бывших мастерских, закрытого аэродрома, для дальнейшего использования их под размещения экспонатов музея. Ответственным за проведение этих работ был назначен генерал-майор авиации в отставке Михаил Васильевич Шишкин, человек беззаветно преданный авиации, известный военный летчик, участник нескольких войн. В состав группы по подготовке помещений для музея вошли Н.И. Амплеев, К.И. Армягова, Б.А. Бердников, П.Г. Васильков, А.И. Дворецкий, В.П. Зайцев, А.М. Мансуров, В.П. Романова, М.М. Суслов, Н.И. Филиппов.

28 ноября 1958 года был издан приказ № 209 Главнокомандующего Военно-воздушными силами главного маршала авиации К.А. Вершинина. «О создании музея-выставки авиационной техники ВВС при Краснознаменной Военно-воз-

Рис. 1. Данилин
Константин Петрович

Рис. 2. Щербаков
Алексей Иванович

Рис. 3. Федоров
Сергей Яковлевич

Рис. 4. Горбачев
Владимир Александрович

Рис. 5. Толков
Владимир Николаевич

Рис. 6. Яблонских
Александр Юрьевич

Рис. 7. Гончаров
Александр Владимирович

душной академии», с которого и началась история музея Военно-воздушных сил. Приказ гласил:

«Военно-учебные заведения, научно-исследовательские институты, ремонтные предприятия, полигоны строевых частей и соединений ВВС и многие советские учреждения имеют значительное количество авиационной техники, документов, реликвий и различных экспонатов по истории развития авиации, которые со временем приходят в негодность или утрачиваются. В настоящее время назрела острая необходимость собрать в одном месте все сохранившиеся образцы самолетов, двигателей, вооружения, специального оборудования, средств обеспечения полетов, а также документы и реликвийные материалы по истории развития и боевого применения авиации».

Первым начальником музея был назначен офицер академии майор Константин Петрович Данилин (Рис. 1), а его заместителем – М.В.

Шишкин. Первоначально в штате музея было всего 8 человек.

Большие трудности при организации музея были связаны с поиском музейных предметов. Был издан специальный приказ Главнокомандующего ВВС, который обязывал всех командиров воинских частей и подразделений ВВС передать в создаваемый при академии музей все виды устаревших образцов авиационной техники и в первую очередь самолетов.

В Монинских ремонтных мастерских в это время находился на ремонте дальний бомбардировщик Ту-4, который стал одним из первых экспонатов музея ВВС. И уже в 1958 году музей ВВС получил и зарегистрировал 26 единиц хранения, из них:

- 5 самолетов (Ту-4, Ту-2, По-2(У-2ЛНБ), Як-18, Ла-15);
- планер;
- 20 пулеметов и пушек.

Рис. 8. Торжественный прием в юнармейцы. Февраль 2018г.

В начале февраля 1960 года начальником академии маршалом авиации С.А. Красовским был подписан приказ № 169, в котором объявлялось об открытии музея-выставки авиационной техники ВВС. 23 февраля 1960 года музей ВВС был открыт для посетителей. Первым экскурсоводом в музее ВВС был В.П. Зайцев. Музей начинал свою работу, имея 586 единиц хранения, из них 13 самолетов. В 1960 году было проведено 116 экскурсий, музей посетило 9585 человек.

В феврале 1961 года начальником музея стал генерал-майор в отставке Щербаков Алексей Иванович (Рис. 2) – человек интересной судьбы. Летчик. Много летал. С первых и до последних дней участвовал в Великой Отечественной войне. После войны командовал авиационной дивизией, корпусом, возглавлял факультет в Военно-воздушной академии. Щербаков А.И. проделал большую работу по дальнейшему развитию музея ВВС, комплектованию его экспонатами.

К началу 70-х годов музей приобрел широкую популярность. В нём уже насчитывалось 35 единиц натуральных летательных аппаратов.

В 1971 году музей-выставка авиационной техники ВВС получила наименование музея Военно-воздушных Сил СССР (Директива Генерального штаба Вооруженных сил СССР № 314/8/0504 от 30 января 1971года).

Особый расцвет музея ВВС начался с 1972 года, когда начальником его был назначен гене-

рал-лейтенант в отставке Сергей Яковлевич Федоров (Рис. 3), заместителем – полковник в отставке В.К. Тихоненко.

Федоров С.Я. рассказывал: «Особую заботу необходимо было проявить по поиску, обнаружению и составлению картотек самолетов периода Великой Отечественной войны, которых в экспозиции музея не было».

На благодатной почве самоотверженности и заинтересованности сотрудников музея в сохранении и накоплении сведений по истории авиации, его экспозиция продолжала пополняться. Благодаря деятельности Сергея Яковлевича многие экспонаты были получены из Дома авиации и космонавтики имени М.В. Фрунзе. Это самолеты АНТ-2, Сопвич, Ла-7 и другие музейные предметы.

К своему 20-летнему юбилею (28 ноября 1978 года) музей имел более восьмидесяти натуральных образцов авиационной техники, в его стенах побывало более миллиона посетителей. Пополнился музей и воссозданными на киностудиях самолётами «Фарман-4» и «Илья Муромец». В результате поисковой работы, восстановления найденных самолётов в ОКБ и музейных мастерских, коллекция музея непрерывно пополнялась самолётами и вертолётами, уникальными образцами двигателей, оборудования и вооружения самолётов, личными вещами знаменитых авиаторов.

В 1988 году начальником музея ВВС был назначен генерал-лейтенант авиации в отставке Горбачев Владимир Александрович (Рис.4), заместителем – полковник в отставке Калугин В.А. Горбачев В.А. – военный летчик, возглавлял Балашовское ВВАУЛ, командовал ВВС Уральского Военного округа. После ухода с летной работы был заместителем начальника ВВА им. Ю.А. Гагарина по научной и учебной работе.

Под его руководством была проделана огромная, тяжелая и очень нужная работа по упорядочению расстановки самолетов в ангарах и на открытой стоянке. Все самолеты были расставлены по конструкторским бюро и строго в хронологическом порядке. Музей приобрел совершенно новый вид.

В начале 1990 года музей, согласно Приказу МО СССР № 10 от 10.01.90 г. «О переводе культурно-просветительных организаций СА и ВМФ на новые условия хозяйствования», начал работу по переходу к платным услугам.

В 1991 году в инициативном порядке руководство ВВА начало работу по замене должности начальника музея ВВС с гражданской на военную, и 1 июля 1992 года вышла директива Генерального штаба об упразднении гражданской должности начальника и его заместителей и укомплектовании их военными служащими. В августе 1992 года начальником музея назначили полковника Толкова Владимира Николаевича (Рис. 5). С приходом нового начальника при музее было создано, в лице директора Толкова В.Н., малое предприятие (МП) «Авист», которое удачно организовало выставку самолетов музея ВВС: По-2, УТ-2, Ла-11, Як-11, Ил-10 в Москве на Фрунзенской набережной. Вырученные средства от которой были направлены на реконструкцию музейных экспозиций, облагораживание территории музея.

25 июля 1996 года Приказом Министра обороны РФ начальником музея ВВС назначен подполковник Яблонских Александр Юрьевич (Рис. 6). Музей быстро развивался, приобретал все большую и большую популярность и известность. Начальник музея А.Ю. Яблонских, и начальник ВВА им. Ю.А. Гагарина генерал-полковник Козлов В.П. развернули работу по приданию музею статуса Центрального.

3 февраля 2000 года приказом ГК ВВС начальником музея назначен полковник Гончаров

Александр Владимирович (Рис. 7). Заместителем по научной работе стал подполковник Зайцев В.Н, заместителем по МТО майор Акинин Ю.В., помощником по безопасности, режиму и гражданской обороне капитан Корнийчук Г.Г.

В июне 2000 года вышло распоряжение правительства Российской Федерации «О создании в поселке Монино Щелковского района, Московской области Федерального государственного учреждения – Центрального музея Военно-воздушных Сил на базе находящейся в Федеральной собственности коллекции Военно-воздушной академии им. Ю.А. Гагарина». На основании данного распоряжения 4 августа 2000 года вышел приказ Министра Обороны РФ «О Федеральном государственном учреждении – Центральном музее Военно-воздушных Сил». Музей перешел на отдельный штат и самостоятельную финансово-экономическую деятельность. Сотрудники ранее существующих отделов были зачислены в штат музея.

В конце января 2001 года музей ВВС посетил губернатор Московской области Герой Советского Союза Б.В. Громов. Внимательно осмотрев экспозицию музея, уточнив многие вопросы он записал в книге почетных гостей: «С великой гордостью за нашу Родину ознакомился с экспозицией. Уверен, что музей будет национальным! Спасибо всем; кто сохранил национальную гордость».

С приходом к руководству музея ВВС полковника Гончарова А.В. активизировалась работа по ремонту основного здания. 10 июня 2000 года на средства целевого финансирования Министерства Обороны и спонсорские средства фирмы «Боинг» был осуществлен ремонт основных экспозиционных залов.

С 2004 года на базе музея и академии стали проводиться авиашоу. Так 13-15 августа 2004 года впервые в Монино на базе ЦМ ВВС была открыта военно-историческая выставка «Легенды II Мировой войны». Для участия в авиашоу прилетели зарубежные гости из Германии, Бельгии, Австрии, Чехии. Для проведения выставки был подготовлен Полевой аэродром иап с грунтовой ВПП 1500 x 50 м, командный пункт, автопарк, склад ГСМ и боеприпасов, столовая, медицинский пункт, госпиталь и другие объекты. В дни проведения выставки авиационные пилотажные группы России «Русские Витязи» на

самолетах Су-27, «Стрижи» на МиГ-29 и «Русь» на Л-39, а также итальянская пилотажная группа «Три-коллор» продемонстрировали посетителям искусство высшего группового пилотажа. В июне 2006 и августе 2007 годов на базе ЦМ ВВС были проведены авиационные праздники, посвященные 75-летию ВТА и 95-летию ВВС, соответственно. В воздушных парадах приняли участие самолеты и вертолеты ВТА и ВВС России, а также авиационно-пилотажные группы «Русские Витязи» и «Стрижи».

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2006 года № 516-р музей получил статус Федерального государственного учреждения культуры и искусства «Центральный музей Военно-воздушных сил» Министерства обороны Российской Федерации.

Получив статус самостоятельного юридического лица, Центральный музей ВВС под руководством начальника музея Гончарова А.В. активно начал заниматься реконструкцией своих зданий, обновлением экспозиций и реставрацией летательных аппаратов. Музей стал активно восстанавливать связи с ведущими ОКБ страны – А.А. Туполева, П.О. Сухого, А.Н. Яковлева, С.В. Ильюшина и др.

Многим зданиям, таким как хранилища фондов, ангарам, реставрационной мастерской, постройки еще 1935 года, требовался капитальный ремонт или замена на новые здания. Планом реконструкции Центрального музея ВВС было предусмотрено возведение 4-х новых помещений:

1. Зал-ангар (площадь 1590м²) – построен. Разработана и представлена к показу новая экспозиция «Летательные аппараты Великой Отечественной войны».

2. Зал-ангар (площадь 2820 м²) – построен. Разрабатывается и частично представлена новая экспозиция «Летательные аппараты Великой Отечественной войны» (продолжение).

3. Административный блок с демонстрационным залом – левое крыло (площадь 2600 м², 2 этажа) – построен, сформированы две экспозиции: «Зарождение и развитие воздухоплавания и авиации в России» и «ВВС в годы мирного строительства». Сотрудники музея, библиотека и некоторые хранилища экспонатов разместились в помещениях на 2-ом этаже.

4. Выставочный комплекс – правое крыло (площадь 2600 м², 2 этажа) – построен, но не

сдан в эксплуатацию. В нем планируется создание и размещение на первом этаже экспозиций: зала Победы, авиация послевоенного периода и авиационных конструкторских бюро (ОКБ). На втором этаже – большой конференц-зал, буфет.

Собранная богатейшая коллекция авиационной техники находится на открытой стоянке и залах-ангарах. Здесь представлены уникальные экспонаты выпуска 1909 года, летательные аппараты Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, боевые машины послевоенного периода, образцы современной военной и гражданской авиационной техники, разработанные в Опытных конструкторских бюро Туполева, Яковлева, Сухого, Микояна, Ильюшина, Антонова, Миля, Камова и других. Тесное сотрудничество музея с этими и другими ОКБ позволило развернуть широкую реставрационную работу по восстановлению лакокрасочного покрытия летательных аппаратов. В рамках подготовки к 100-летию ВВС (2012 год) с помощью специалистов КБ, авиаремонтных предприятий и волонтеров было отреставрировано 55 летательных аппаратов. В настоящее время таких экспонатов уже 82, и работа в этом направлении продолжается.

С 2005 года в Центральном музее ВВС создана и активно работает волонтерская организация «Фонд содействия музею ВВС». За 13 лет работы сотни неравнодушных к истории авиации юношей и девушек активно помогают музею не только проводить реставрационную работу, но и участвуют в решении других сложных задач функционирования музея. Волонтерская организация неоднократно становилась призером конкурса, проводимого Губернатором Московской области «Наше Подмосковье». Сотрудники музея особенно ценят эту помощь в дни подготовки и проведения к праздникам «День Победы», «День независимости России» и «День ВВС России» так называемых «Дней открытых дверей». При этом волонтеры помогают проводить экскурсии, консультации и беседы, а также обеспечивают соблюдение порядка и пожарной безопасности на всей территории музея.

На 20-м Международном фестивале «Интермузей – 2018», наш музей, занял почетное второе место в номинации: лучший проект, направленный на социальное взаимодействие (проект «Волонтерская программа 2012-2018гг реставрации

Рис. 9. День открытых дверей. 9 мая 2018г.

музейных экспонатов автономной некоммерческой организации «Фонд помощи музею ВВС»).

В соответствии с приказом МО РФ №1327 от 26 мая 2012 года ФГУ культуры и искусства «Центральный музей ВВС» МО РФ реорганизован путем присоединения в качестве филиала к ФГБУ культуры и искусства «Центральный музей ВС» МО РФ. Организационно-штатная структура осталась в основном прежней. Подверглось сокращению, с передачей должностей в Центральный музей Вооруженных сил, финансовое отделение музея, а в музейных отделах были сокращены должности старшего научного сотрудника.

Основу фондов музейных экспонатов Центрального музея ВВС составляют летательные аппараты. На открытой стоянке музея находится 120 образцов авиационной техники периода Великой Отечественной войны, послевоенного периода и современные образцы летательных аппаратов. В залах-ангарах размещено более 70 уникальных летательных аппаратов.

Собрание нашего музея состоит из основного и научно-вспомогательного фондов. В состав основ-

ного фонда входит 27 коллекций – насчитывающих 27173 единицы и 17 коллекций научно-вспомогательного фонда, насчитывающих 2894 единицы. Кроме того, в собрание музея вошел основной фонд научной библиотеки, насчитывающий 9222 единицы и научно-вспомогательный фонд научной библиотеки насчитывающий 13535 единиц. По состоянию на январь 2019 года в фондах музея состоит на учете 52824 единицы хранения.

Гордостью музея ВВС являются его экспонаты «Илья Муромец», АНТ-2, АНТ-25, Ил-2, ДБ-3, Ла-7 (трижды Героя Советского Союза Кожедуба), М-50, Су-100, Су-35, Ту-144, МиГ-29, вертолеты Ми-12, Як-24, Ми-24 и многие другие.

Более 500 мировых авиационных рекордов установлены на самолётах и вертолётах, имеющих в музее (Ан-24 – 71; Бе-12 – 42; Ан-22 – 41; Су-27 – 40; МиГ-25 – 35 и на других).

За 60 лет создана коллекция летательных аппаратов, насчитывающая 194 единицы и коллекция авиационных двигателей – 120 единиц хранения, причём многие экспонаты являются уникальными, сохранились в единственном экземпляре. В музее 71 уникальный экспонат по-

лучил сертификат памятников науки и техники Российской Федерации:

- летательных аппаратов – 43;
- авиационных двигателей – 18;
- авиационного оборудования – 2;
- стрелково-пушечного вооружения – 6;
- радиотехнических средств – 2.

В музее открыты и представлены для обозрения и проведения экскурсий следующие экспозиционные комплексы:

1. Зарождение и развитие воздухоплавания и авиации в России;
2. ВВС в годы мирного строительства;
3. Самолеты Великой Отечественной войны;
4. Уникальные летательные аппараты;
5. Авиационная техника послевоенного периода.

Предметом ежедневной работы сотрудников остаются вопросы безопасности музея и сохранности его коллекции. Особенно важной является проблема – сохранение самолетов и вертолетов на открытой стоянке.

Летательные аппараты – экспонаты, размещенные на открытой экспозиции музея, постоянно подвергаются воздействию атмосферных осадков, ветра и солнца. Это может привести к безвозвратной утрате большинства экспонатов в ближайшие 15-20 лет, даже несмотря на проводимые реставрационные работы.

Учитывая уникальность коллекции авиационной техники, её мемориальную значимость, историческую ценность для нашей страны и всего мирового сообщества, ее сохранность является задачей государственной важности.

Для длительного хранения летательных аппаратов на открытой экспозиции, целесообразно возвести навесы (укрытия легкого типа по металлическому каркасу) для всех летательных аппаратов, находящихся на открытой стоянке. Размещение летательных аппаратов под навесами, кроме их сохранности, позволит существенно уменьшить затраты на реставрацию и принимать посетителей и экскурсантов в любое время года независимо от погодных условий.

В основу работы Центрального музея Военно-воздушных была положена реализация Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и выполнение требований руководящих документов Министерства обороны Российской Федера-

ции, Министерства культуры России и Главного командующего Военно-воздушными силами по организации музейной деятельности.

Особое внимание сотрудники музея уделяли организации и проведение торжественных мероприятий, посвященных Дню Защитника Отечества и Победы в Великой Отечественной войне, Дню ВВС, Дню образования г.п. Монино, юбилейным и памятным датам в истории России и авиации, а также проведение дней открытых дверей (23 февраля, 9 мая, 12 июня, в августе – День Монино и ВВС) с бесплатным посещением музея и показом некоторых «открытых» самолетов и вертолетов. (Рис. 8,9)

Высокий уровень научно-просветительской и экспозиционной работы и правильно поставленная организация экскурсионного обслуживания в музее позволяют ежегодно принимать в среднем до 130 тыс. человек, проводить до 1500 экскурсий и более 25 внутримузеевских и передвижных выставок. Так, например, в 2018 году ЦМ ВВС посетило более 153 тысяч человек различных категорий граждан России и иностранных граждан. Было проведено 27 внутримузеевских и выездных выставок.

Музей активно сотрудничает с образовательными учреждениями Москвы и Московской области, с авиационными предприятиями, с российскими и зарубежными авиационными музеями, и выставками. За свою плодотворную деятельность музей награжден дипломами, почетными грамотами и благодарственными письмами.

В целом Центральный музей Военно-воздушных сил в настоящее время является национальным достоянием нашей страны, одним из крупнейших авиационных музеев мира и действующим центром военно-патриотического воспитания граждан России. По количеству музейных предметов и материалов по истории зарождения и развития авиации музей не имеет аналогов в стране и по праву является одним из ведущих авиационных музеев Европы. Музейные коллекции представляют историческую ценность и мемориальную значимость, играют значительную роль в деле патриотического и нравственного воспитания подрастающего поколения России. Сохранение легендарного Центрального музея ВВС в Монино, а также музейных экспонатов и их пополнение является неотъемлемой и важнейшей задачей всех сотрудников музея.

*Максим Павлович Вещунов,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, научный сотрудник, капитан*

Сильно тормозит дело отсутствие знания языка...

Советские военные переводчики в годы Гражданской войны
в Испании 1936 – 1939 гг.

В 2019 году исполнилось 80 лет с момента окончания Гражданской войны в Испании (июль 1936 г. – апрель 1939 г.). Войны, послужившей своеобразным испытательным полигоном для вооруженных сил стран, принявших в ней участие. Военная интервенция Германии и Италии в Испанию после фашистского мятежа против правительства Испанской республики 18 июля 1936 года заставила отреагировать представителей советской власти. 29 сентября 1936 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение на проведение «Операции X». Для организации отправки в Испанию личного состава, вооружения и военной техники, других материалов, а также сбора и обобщения информации о событиях на фронтах наркоматом обороны в Разведывательном управлении создано особое отделение «X»¹.

В комплексе проблем, относящихся к тематике поддержки воюющих сторон третьими силами, особое место занимают вопросы изучения и обобщения опыта деятельности военных переводчиков.

«Сильно тормозит дело отсутствие знания языка, переводчиков нет, а имеющихся невозможно использовать на кораблях» – таковы были строки из письма военного советника Николая Герасимовича Кузнецова начальнику Разведывательного управления РККА (РУ РККА) Семёну Петровичу Урицкому в конце ноября 1936 г. об организационно-технических вопросах работы республиканских ВМС и возможном оказании технической помощи со стороны СССР².

Действительно, за редким исключением военные советники и инструкторы, направленные отделением «X» РУ РККА на Иберийский полуостров в 1936 – 1939 гг., не владели испанским языком. В связи с чем для организации эффективного взаимодействия между испанскими и советскими специалистами было необходимо большое число переводчиков.

Всего, по материалам архивных фондов Российского государственного военного архива, откомандированных в Испанию по линии наркомата обороны переводчиков было 204 человека³.

В Книге памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании в 1936 – 1939 гг., содержатся краткие библиографические сведения о 198 переводчиках, защищавших Испанскую республику. Более половины из них представительницы женского пола (в том числе 109 женщин и 89 мужчин). Многие за выполнение специального задания советского правительства награждены медалями и орденами.

В основном, длительность командировки переводчиков была больше, чем у летчиков, танкистов, инструкторов или других специалистов, которые находились в Испании в среднем 6 – 8 месяцев, и составляла примерно один год. Хотя были и исключения. В качестве примера Вениамин Миронович Абрамсон, отец легендарных переводчиц Паулины и Аделины⁴, находился в командировке с января 1937 г. по 26 ноября 1938 г.⁵

Для поиска и отбора переводчиков для работы в Испании наркомат обороны СССР создал специальный комитет⁶. Как правило, кандидатами являлись студенты и выпускники московских, ленинградских и дальневосточных лингвистических вузов страны. Несмотря на острую нехватку в переводчиках, отделение «Х» РУ РККА считало, что ими должны быть только советские граждане, либо иностранные коммунисты, прошедшие подготовку в Советском Союзе, практически полностью исключая из этого числа квалифицированных переводчиков русских эмигрантов, проживавших в то время на полуострове⁷.

Однако удовлетворить потребность в переводчиках не удалось. В середине октября 1936 г. военный атташе Владимир Ефимович Горев в докладе наркому обороны СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову жаловался, что не располагает ни одним переводчиком, которого можно было бы отправить в Картахену⁸. А командир танковой группы Семен Моисеевич Кривошеин, отвечавший за подготовку республиканских танкистов в Арчене, признавался, что переводчика ему не выделили, и ни один человек из его подразделения не имел даже минимального уровня владения испанским языком⁹. По состоянию на 5 ноября 1936 г. из 396 специалистов, прибывших на Пиренейский полуостров, только 14 являлись переводчиками¹⁰.

По мнению историка Даниеля Ковальски, в 1936 г. испанский мир еще был не знаком Совет-

скому Союзу. В качестве аргументов он приводит следующие факты. В 1932 г. сообщество культурной связи с заграницей (ВОКС) использовало французский язык в корреспонденции с испаноговорящими людьми, а первый изданный испанско-русский словарь появился лишь в 1934 г.¹¹.

Необходимо отметить, что далеко не все прибывающие на полуостров переводчики владели испанским языком. Например, Елена Евсеевна Константиновская, до отъезда переводчица в ленинградском отделении «Интуриста», работавшая с военным советником Владимиром Яковлевичем Колпакчи, вспоминает: «Иные из нас, как Покровская и Шварц, хорошо знали испанский язык, другие же – и я в том числе – имели о нём лишь некоторое представление»¹². А Елизавета Александровна Паршина, переводчик московского отделения «Интуриста», на вопрос отборочной комиссии о рабочих языках к французскому прибавила и испанский. Так она вспоминает ту ситуацию: «Я поняла, что этот вопрос решающий. Испанский мы немного «проходили», но до знания было весьма далеко»¹³. Елизавета Паршина будет назначена переводчиком разведывательно-диверсионного отряда, состоявшего из андалузских шахтёров. На счету отряда по состоянию на 1937 г. было семнадцать уничтоженных воинских эшелонов противника¹⁴.

Вчерашним выпускникам гражданских вузов приходилось интенсивно готовиться и осваивать военную терминологию на ходу. Руфь Александровна Зернова (Зевина) рассказывает курьезный случай, произошедший с Людмилой Георгиевной Черник по пути на испанскую землю: «Девочки, что же будет? Я забыла, как по-испански «проволочное ограждение!» – Аламбрада! – ответили ей три голоса. – Аламбрада! Наутро мы хохотали над Людиными ночными страхами, а ночью потихоньку повторяли про себя испанские военные термины. Мы готовились»¹⁵. Учиться приходилось уже и непосредственно в боевых условиях, где цена ошибки в переводе могла привести к непоправимым последствиям.

Марина Ильинична Зайцева, переводчик военного советника Григория Михайловича Штерна, вспоминает, как только что прибывшая переводчица повергла в полное изумление испанского полковника, переведя ему предложение нашего советника перебросить две дивизии на другие по-

зиции. «Такая передислокация полностью оголила бы ответственный участок фронта. К счастью, очень быстро выяснилось, что речь шла всего-навсего о двух артиллерийских дивизионах. Русское слово «дивизион» девушка по созвучию перевела испанским словом «división» – дивизия»¹⁶. И далее рассказывает о собственном опыте: «На первых порах, прежде чем переводить тот или иной военный термин, мы просили говорившего коротко объяснить, что он означает, затем переводили это собеседнику и от него узнавали соответствующий термин на другом языке. Помню, как я растерялась, когда в первые же дни моей работы главный советник артиллерии полковник Н.Н. Воронов попросил меня перевести: «Построить параллельный веер». Все эти слова в отдельности я по-испански знала, но совершенно не была уверена, что это и по-испански звучит так же».

Елена Евсеевна Константиновская вспоминает подобный случай. «С нашим авиационным атташе мы отправились к испанскому авиационному начальству. Моему начальнику надо было узнать, присланы ли стартеры для самолётов. Я знала, как задать этот вопрос, не знала одного – как по-испански «стартер». В конце концов мы совместными усилиями это выяснили, однако времени потратили немало»¹⁷.

Для ускоренного обучения испанскому языку вновь прибывших переводчиков летом 1937 г. в Буньоль создается школа. Преподавателями в ней назначают Ольгу Николаевну Филиппову и Цецилию Лазаревну Покровскую. Как утверждает Ц.Л. Покровская: «что называется, «без отрыва от производства»¹⁸. В данном случае под производством следует понимать работу в радиоразведке на радиостанции в Рокафорте, в восьми километрах от Валенсии.

Однако ожиданий руководства школа не оправдала, проработав не более двух месяцев. Даниэль Ковальски предполагает, что это вызвано многоплановостью задач, возложенных на лучших переводчиков, вследствие чего общий результат их деятельности страдал от отсутствия необходимой концентрации¹⁹.

Также в Москве были организованы краткосрочные курсы испанского языка. Среди преподавателей курсов были и переводчики, вернувшиеся из командировки в Испанию²⁰.

Дополнительно стоит отметить, что в 1937 г. для организации 3-х месячной общевоинской

подготовки испанских курсантов при военной школе в г. Орджоникидзе переводчиков выделял Исполком Коминтерна, который брал на себя все расходы по их содержанию²¹. Всего за годы испанской гражданской войны обучение различным воинским специальностям прошло около 20 тысяч республиканцев, из них только в Советском Союзе – более 3 тысяч человек²².

Лишь осенью 1937 г. доля переводчиков по отношению к общему числу откомандированных советских граждан увеличилась, и составила примерно 10 %. Эта цифра останется общей на весь период оказания советской военной помощи республиканской Испании. Так, в сентябре 1937 г. военный советник Г.М. Штерн докладывал, что из 557 советских граждан 57 являются переводчиками²³.

Также происходит смягчение требований отделения «Х» к кандидатам, которым было отказано в работе ранее. В докладе РУ РККА К.Е. Ворошилову от 22 октября 1937 г. сообщается об активном участии «белых эмигрантов» в качестве переводчиков²⁴.

И все же многие советники продолжали работать без переводчиков. Михаил Нестерович Якушин, первый одержавший победу в ночном воздушном бою пилот И-15, сбив в районе Брунете немецкий трёхмоторный бомбардировщик «Юнкерс-52», рассказывал, как ввиду отсутствия переводчика приходилось импровизировать в общении с испанскими командирами²⁵. Случай со сбитым бомбардировщиком отражён и в воспоминаниях Марии Зайцевой. «Очень скоро мы узнали, что «юнкерс» был сбит советским летчиком Михаилом Якушиным. С тех пор на Мадридском фронте фашисты ночью летать опасались»²⁶.

Н.Г. Кузнецов так вспоминает о трудностях перевода: «Мое представление о родственности французского и испанского языков оказалось ошибочным. Испанцы меня не понимали, и я оказался беспомощным. В посольстве уже находилось несколько переводчиков или, вернее, переводчиц, которые прекрасно работали с нашими людьми в тылу и на фронтах. Мне же предстояло работать на кораблях, выходить в море, что неприемлемо для девушки-переводчицы. Я знаю, что в течение всей войны в Испании они работали в самых тяжелых условиях и по отваге не уступали мужчинам, но в Картахене

и на кораблях их не было. Приходилось рассчитывать только на себя, пока с прибытием наших моряков-добровольцев к нам не прислали нескольких переводчиков-мужчин»²⁷.

Характер задач, стоящих перед переводчиками, был многогранен. Переводчиков обычно прикрепляли к одному советнику, но попутно приходилось переводить и другим специалистам. Работать приходилось во время бомбардировок, в условиях артиллерийского и пулеметного обстрела, в разведке, во время полетов над территорией противника, в походах военных кораблей²⁸. Переводчики назначались в отряды специального назначения и проявляли недюжинное мужество и хладнокровие в тылу противника²⁹.

Многочисленные свидетельства бесстрашия и самопожертвования отражены в воспоминаниях участников тех событий.

Мария Моисеевна Левина, накануне отъезда – переводчик московского отделения «Интуриста», пишет: «Когда в октябре 1936 года начались ожесточенные бои за Мадрид, я обратилась к главному военному советнику Я.К. Берзину с просьбой перевести меня с аэродрома, где я работала переводчицей, ближе к передовым позициям. Мою просьбу вскоре удовлетворили, направив в Валенсию»³⁰.

Паулина Вениаминовна Абрамсон перед предложением кинооператора Романа Кармена убыть в Мадрид рассуждала: «Как я оставлю свой батальон? Столько пережито вместе со всеми – бои с мятежниками, ночные переходы в горах, страшные вопли марокканцев и их метко разящие пули, гибель товарищей...»³¹.

Согласно обобщенным данным РУ РККА потери среди этого состава специалистов составили 2 человека убитыми и один пропавший без вести³². Одна из них, Бахмутская Александра Сауловна, накануне отъезда в Испанию – гид-переводчик ленинградского отделения Всесоюзного акционерного общества по иностранному туризму «Интурист», была убита 7 апреля 1938 г. в районе аэродрома Сабадель³³.

В докладе Народному комиссару обороны в сентябре 1937 г. военный советник Г.М. Штерн сообщал о гибели при Брунете Бессмертной Софьи Станиславовны, до отъезда в Испанию работавшей заведующей мебельной палаткой Московского торгового универсального магазина

промышленными товарами на Велозаводском рынке г. Москвы. В действительности, Софья Станиславовна с июля 1937 г. по октябрь 1944 г. находилась в плену у франкистов, после освобождения из которого уехала в Алжир и позднее вернулась в СССР³⁴. Считаю справедливым полагать, что за годы Гражданской войны в Испании потери советских переводчиков убитыми можно снизить до одного человека. Сотрудник Исполнительного комитета Коммунистического интернационала Лопес Маркуччи Альдо, работавший переводчиком в аппарате Г.М. Штерна³⁵, трагически погиб 4 августа 1937 г.³⁶. Был ли он третьим, зачисленным в списки пропавших без вести, ещё предстоит выяснить.

Отечественный военный историк, специалист в области оказания советской военной помощи республиканской Испании Юрий Евгеньевич Рыбалкин справедливо подчеркивает, что слабое знание испанского языка и социально-психологических особенностей испанского народа, его нравов и обычаев стало серьезным препятствием на пути повышения эффективности деятельности советских военных советников³⁷.

Роль русских переводчиков в Гражданской войне в Испании раскрывает ряд исследований эксперта по истории перевода профессора Хесуса Байгорри. В октябре 2016 г. в Университете де Виго им прочтен доклад о фундаментальной роли переводчиков в указанных событиях на Пиренейском полуострове³⁸. В марте прошлого года Центр исторической памяти г. Саламанка провёл в своих стенах конференцию под названием, со звучным известному произведению английского писателя Джона Ле Карре, – «Переводчики, пришедшие с холода. Русские в Гражданской войне в Испании 1936 – 1939»³⁹.

Специалист истории испанско-советских отношений 30-х годов прошлого столетия Даниель Ковальски делает вывод о решающей роли переводчиков в войне. В то же время он считает, что недостаточное количество и отсутствие необходимой подготовки не позволили полностью покрыть нужду военных советников в переводчиках. Историк и дипломат Анхель Виньяс в книге «Щит республики», трилогии о Второй Испанской республике, отмечает важность работы переводчиков, численность которых была совершенно недостаточной⁴⁰. Рикардо Мирайес, профессор современной истории Страны Басков,

выражает схожее мнение: «Если бы не переводчики, ничего из того, что предложило советское руководство, не материализовалось бы»⁴¹.

Действительно, добиться выдвинутого В.Е. Горевым предложения – назначить каждому советнику по собственному переводчику не удалось. Некоторые прибывающие на полуостров переводчики не знали языка или не владели военной терминологией. Уровень профессиональных компетенций молодых специалистов всегда требует времени для вхождения в свою профессию. Учитывая, что даже хорошо подготовленные переводчики в начале командировки испытывали затруднения, чего тогда можно было ожидать от выпускников гражданских вузов? Серьёзного военного исследования, отразившего влияние недостатка в военных переводчиках и отсутствия необходимой подготовки у них на ход боевых действий на фронтах республиканской Испании, ещё не проведено.

Однако, невозможно переоценить труд переводчиков, незаменимых посредников между испанскими и советскими специалистами, деливших с ними все тяготы и лишения. Многие из тех, кто вернулся на родину, отдали жизнь на фронтах Великой Отечественной войны.

Приведу строки из доклада главного военного советника в республиканской Испании комдива Г.М. Штерна И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову о военном положении в Испании. «Переводчица всюду бывает со своим начальником-команди-

ром, подвергается одинаковой опасности. Я лично многократно видел этих женщин под бомбами, под снарядами, под пулями в самых трудных условиях боя и ни разу не наблюдал трусости – эти героические женщины, восхищая испанцев, спокойно делали свое дело и в очень многом помогали нашим командирам»⁴².

Безусловно, извлеченные уроки из опыта участия советских переводчиков в Гражданской войне в Испании ускорили процесс создания в стране специализированного учебного заведения для подготовки военных переводчиков. 12 апреля 1942 г. Военный факультет западных языков при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков был реорганизован в Военный институт иностранных языков Красной армии. В состав ВИИЯКА также вошел Военный факультет Всесоюзного института восточных языков.

Хочется полагать, что всерьез обсуждаемый в ходе недавних реформ в армии вопрос о целесообразности подготовки военных переводчиков больше никогда не возникнет.

Сегодня кафедру романских языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации возглавляет кандидат филологических наук полковник Пахарь Алексей Владимирович. Коллектив кафедры успешно продолжает осуществлять всестороннюю языковую подготовку переводчиков для работы на далеком меридиане.

¹ Рыбалкин Ю.Е. *Сталин и Испания*. М. : Вече, 2016. 57 с.

² РККА и Гражданская война в Испании. 1936 – 1939 гг. : Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА : в 8 т. Том 1 : Сборники № 1 – 15. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 160 с.

³ Толмачев В.А. *Советский Союз и Испания: опыт и уроки интернациональной помощи (1936-1939 гг.)* : автореф. дис. канд. истор. наук. Л., 1991. 15 с.; Daniel Kowalsky. *La Unión Soviética y la guerra civil española*. Barcelona. : Crítica, 2004. P. 284. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1143. Л. 127.

⁴ *Adelina y Paulina Abramson. Mosaico roto*. Madrid. : Compañía Literaria, 1994. 363 pp.

⁵ *Из Москвы – в страну «Икс» : Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг.* : Т. 2. / В.А. Арцыбашев, О.В. Каримов, И.Н. Волошенко. М., 2016. 294 с.

⁶ Daniel Kowalsky. *La Unión Soviética y la guerra civil española*. P. 285.

⁷ *Ibid.* P. 285.

⁸ *Ibid.* P. 286.

⁹ *Ibid.* P. 286.

¹⁰ *Ibid.* P. 286. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 832. Л. 316.

¹¹ *Ibid.* P. 285. // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 828. Л. 5.

¹² Константиновская Е.Е. *Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний*. Лениздат, 1973. 91 с.

- ¹³ Паршина Е.А. Динамит для сеньориты. : Алгоритм, 2014. 15 с.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ Зернова Р.А. Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний. 373 с.
- ¹⁶ Зайцева М.И. Мы – интернационалисты. Сборник воспоминаний. М. : Политиздат, 1986. 185 с.
- ¹⁷ Константиновская Е.Е. Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний. 97 с.
- ¹⁸ Покровская Л.Л. Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний. 57 с.
- ¹⁹ Daniel Kowalsky. Op. cit. P. 287.
- ²⁰ Зернова Р.А. Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний. 374 с.
- ²¹ Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. 94 с.
- ²² Рыбалкин Ю.Е. Советские военные советники в Гражданской войне в Испании 1936 – 1939 гг. // Обозреватель. 1993. № 26 (30). URL: http://observer.materik.ru/observer/N26_93/26_20.HTM (дата обращения: 27.05.2019)
- ²³ Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. 253 с. // РГВА. Ф. 33898. Оп. 3. Д. 961. Л. 131 –176.
- ²⁴ Daniel Kowalsky. Op. cit. P. 286. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1033. Л. 174 –183.
- ²⁵ Ibid. P. 288.
- ²⁶ Зайцева М.И. Мы – интернационалисты. Сборник воспоминаний. 192 с.
- ²⁷ Кузнецов Н.Г. На далеком меридиане. М. : Вече, 2014. 173 с.
- ²⁸ Зайцева М.И. Мы – интернационалисты. Сборник воспоминаний. 185 с.
- ²⁹ Старинова А.К. Мы – интернационалисты. Сборник воспоминаний. 137 с.
- ³⁰ Левина М.М. Мы – интернационалисты. Сборник воспоминаний. 132 с.
- ³¹ Мамсурова П.В. Мы – интернационалисты. Сборник воспоминаний. 41 с.
- ³² Daniel Kowalsky. Op. cit. P. 284. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1143. Л. 127.
- ³³ Из Москвы – в страну «Икс» : Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг. 297 с.
- ³⁴ Там же. С. 299.
- ³⁵ РККА и Гражданская война в Испании. 1936 – 1939 гг. : Сборники информационных материалов Разведывательно-го управления РККА. 487 с.
- ³⁶ Из Москвы – в страну «Икс» : Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг. 322 с.; Комшуков А.А. Сталинские репрессии против участников испанской войны 1936 – 1939 гг. Матер. междуна. научн. конфер. Т. 1. Харьков, 1994. 299 с.
- ³⁷ Рыбалкин Ю.Е. Советские военные советники в Гражданской войне в Испании 1936 – 1939 гг. // Обозреватель. № 26 (30). URL: http://observer.materik.ru/observer/N26_93/26_20.HTM (дата обращения: 27.05.2019)
- ³⁸ Os intérpretes na Guerra Civil Española. URL: <https://tv.uvigo.es/video/5b5b6f5c8f42084e15cde8cb> (дата обращения: 27.05.2019)
- ³⁹ El papel de las intérpretes rusas en la Guerra Civil. URL: <https://www.revistadearte.com/2018/03/06/papel-las-interpretes-rusas-la-guerra-civil/> (дата обращения: 27.05.2019)
- ⁴⁰ Ángel Viñas. El escudo da la Republica. Barcelona. : Crítica, 2007. P. 238.
- ⁴¹ Traductoras rusas en la Guerra Civil Española. URL: https://es.rbth.com/articles/2012/10/05/traductoras_rusas_en_la_guerra_civil_espanola_20517 (дата обращения: 27.05.2019)
- ⁴² Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. 257 с. // РГВА. Ф. 33898. Оп. 3. Д. 961. Л. 131 – 176.

*Сергей Евгеньевич Виноградов,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник
научно-просветительного отдела,
кандидат исторических наук*

Этапы модернизации индустрии военного кораблестроения накануне и во время Первой мировой войны, 1907 – 1914 гг.

Русско-японская война 1904 – 1905 гг. нанесла Российскому флоту тяжелейший удар. В результате гибели двух эскадр на Дальнем Востоке флот потерял 62 боевых корабля основных классов (от линкоров до миноносцев), а в мировой «табели о рангах» опустился с 3-го на 7-е место. Общая стоимость погибших кораблей превышала 250 млн. руб.¹

Однако поражение на море в войне не поколебало взгляда российской государственной власти на морскую силу как на эффективный оборонный ресурс, державный атрибут и действенный инструмент геополитики. Деятели исполнительной и законодательной власти были едины в стремлении возродить в России сильный флот на качественно новом технологическом уровне. Этот уровень в середине 900-х гг. XX века определялся в первую очередь нововведениями в военном кораблестроении – появлением новых видов морского оружия, судостроительных сталей, двигателей (паровых турбин и дизелей), паровых котлов, электромеханизмов и т.д.

Россия рубежа XIX – XX столетий обладала достаточно развитой индустрией военного кораблестроения. Она позволяла создавать силами отечественного оборонного комплекса, хотя подчас и с ограниченным использованием иностранных технологий и материалов, боевые корабли всех основных классов – от линкоров («эскадренных броненосцев») и больших броненосных крейсеров до подводных лодок. Однако при переходе к постройке флота на послевоенном качественном уровне требовалось серьёзное дооборудование уже имевшихся судостроительных и машиностроительных предприятий, оружейных и броневых заводов.

Необходимость технического перевооружения следовала и из быстрого прогресса в военно-морской технике и, в особенности из факта перехода флотов великих держав к постройке линкоров – наиболее научно- и техноёмких кораблей тогдашнего времени – по принципиально новому конструктивному типу. Весной 1907 г. в Англии успешно окончил испытания «Дредноут» – первый в мире линкор новой концепции.

В морских кругах всех ведущих держав возобладал взгляд на необходимость дальнейшего развития линейных сил на основе «дредноутов» – кораблей с кратно усиленным составом тяжёлой артиллерии, которые к тому же практически сразу обнаружили устойчивую тенденцию к быстрому росту их линейных размеров, характеристик нападения и защиты, быстроходности и энерговооружённости.

В России было принято решение о переходе к постройке линкоров нового типа уже в 1906 г. Однако детальное изучение вопроса показало, что наличные на 1907 г. производственные мощности страны к созданию дредноутов в целом готовы не были².

Большие боевые корабли – линкоры и броненосные крейсера строились в подавляющем большинстве только силами предприятий Морского ведомства. Были хорошо налажены сборка корпусов (Адмиралтейский и Балтийский заводы), производство корабельной брони (Ижорский завод), морских орудий всех калибров (Обуховский сталелитейный завод).

В целом же производственные возможности упомянутых предприятий, развивавшиеся под потребности постройки боевых кораблей предшествующей формации, отставали от задач постройки дредноутов, организация производства оставалась рутинной. В стране практически отсутствовали крупные частные судостроительные, машиностроительные, орудийные и бронепрокатные заводы, способные быстро и эффективно прийти на помощь надёжному, но неповоротливому казённому сегменту военного кораблестроения.

В 1907 г. Николай II санкционировал постройку двух линкоров нового типа, а в следующем году увеличил их число до четырёх. При этом реформирование флота было решено осуществлять в соответствии с принципом «строить флот в России, из русских материалов, руками русских рабочих»³.

Показательно в данном смысле высказывание премьер-министра П.А. Столыпина в его «Речи о морской обороне», произнесённой 24 мая 1908 г. в заседании III Государственной думы. Столыпин, убеждённый сторонник сильного флота, заключал что «... везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случай-

ностей; они дома у себя наращивают будущую мощь»⁴. Курс правительственных и парламентских кругов на постройку будущего флота силами национальной индустрии следует признать безусловно верным.

Вследствие острой нехватки времени дооборудование предприятий Морского ведомства под потребности постройки флота было решено вести параллельно со строительством самих кораблей. Отпуск средств на расширение производств с 1906 г. утверждался Государственной думой – этот ключевой фактор потребовал от моряков серьёзных усилий при проведении программы через парламентские слушания.

4 февраля 1910 г. Морское министерство сделало представление в Думу о выделении 8,9 млн. руб. «на удовлетворение совершенно неотложных потребностей расширения заводов»⁵. После последовавшего рассмотрения запроса и сокращения сметы на 0,5 млн. руб. средства были выделены. По Закону от 21 июня 1910 года они развёрстывались на 3 года – с 1911-го по 1912-й. Наибольший объём ассигнований пришёлся на броневой Ижорский завод (5,5 млн. руб. или 65%), орудийный Обуховский получил 2,0 млн. (24%), а судостроительный Адмиралтейский 920 тыс. (11 %) ⁶.

Переоборудование трёх казённых заводов на основе ассигнований, отпущенных по Закону 21 июня 1910 года, позволило своевременно развить их производственную базу до уровня, обеспечивавшего успешную постройку первой серии отечественных линкоров-дредноутов – 4 кораблей типа «Севастополь».

Начало следующего этапа последовало уже через год, когда в мае 1911 года Думой была принята программа усиления Черноморского флота 3 линкорами, 9 эсминцами и 6 подводными лодками. Данной волне развития индустрии кораблестроения была присуща одна принципиальная особенность. Почти все корабли (кроме 3 подлодок) были заказаны негосударственным компаниям, что обернулось крупнейшими инвестициями в производство частного капитала. Причём отчётливой тенденцией стало именно создание с нуля новых мощностей, нежели реконструкция уже существовавших.

Так, на Юге России, в Николаеве, новоиспечённым «Русским Судостроительным обществом» для постройки линкоров была очень

быстро возведена крупнейшая и оснащённая по последнему слову техники судовой верфь. Здесь же, в Приазовье, частное Никополь-Мариупольское Горное и металлургическое общество построило огромный броневой завод для снабжения бронёй строящихся в Николаеве линкоров и крейсеров. В его постройку и оборудование было вложено около 7 млн. руб.

Предвоенное развитие военного кораблестроения в России шло столь стремительно, что уже через год настало время новой волны модернизации предприятий судостроительной индустрии. Летом 1912 года была принята «Программа усиленного судостроения 1912 – 1916 гг.» в составе 4 сверхдредноутов, 8 крейсеров, 36 эсминцев и 18 подлодок. Все эти корабли требовалось построить в 4-летний срок, а технологический уровень задачи был необычайно высок. Достаточно отметить, что для 4 сверхдредноутов типа «Измаил» требовалось изготовить 48 гигантских 14-дм орудий (плюс столько же в запас), а также около 30 таких орудий для береговой обороны. Для их изготовления в Царицыне на Волге начали строить крупнейший в стране частный артиллерийский завод, стоимость которого превышала 10 млн. руб. Для постройки подлодок на Балтике было образовано частное общество «Ноблесснер». В постройку специализированной верфи в Ревеле (в настоящее время Таллин) оно вложило около 6 млн. руб.

Также в Ревеле для создания крейсеров и эсминцев были начаты постройкой ещё два частных судостроительных завода, и один – в Риге. В Петербурге двумя крупными частными машиностроительными компаниями – Обществом Путиловских заводов и Металлическим заводом – были с нуля построены верфи для крейсеров и эсминцев. Всё машинное оборудование для этих кораблей – паровые турбины, котлы, дизеля, электрооборудование – производили эти же компании-подрядчики, инвестировавшие крупные средства в модернизацию уже имеющихся соответствующих мощностей.

Примечательно, под потребности морской программы 1912 – 1916 гг. значительному расширению подлежали также и казённые предприятия. Так, в 1912 году Обуховскому заводу был ассигнован кредит в 3, 3 млн. руб. на дальнейшее расширение завода для изготовления

крупнокалиберной корабельной артиллерии⁷. Адмиралтейский завод летом 1912 года получил 1,8 млн. руб. для модернизации под потребности постройки крейсеров-сверхдредноутов «Бородино» и «Наварин»⁸. В следующем году этому заводу был выделен кредит в 7,3 млн. руб., главная часть которого предназначалась для установки производства бронированных башен для линкоров и крейсеров. Балтийский завод, строивший линкоры и подводные лодки с полным машинным оборудованием, получил 5,7 млн. руб.⁹ К процессу создания нового мощного российского флота подключался и Пермский оружейный завод Горного ведомства. Законом от 23 июня 1913 года ему из Государственного казначейства отпускалось 10,6 млн. руб. на переоборудование для выделки огромных орудий калибром до 16 дюймов (вес снаряда свыше тонны) и устройства при заводе собственного артиллерийского полигона¹⁰.

Всего, по неполным данным, вложения только основных 15 ведущих отечественных предприятий военного кораблестроения и вооружения (5 казенных и 10 частных) в модернизацию производства под потребности создания нового флота в 1907 – 1915 гг. составили не менее 170 – 190 млн. руб. Это составляло около 10% государственного бюджета тогдашней России.

Начало войны летом 1914 года замедлило техническое перевооружение русской индустрии военного кораблестроения, поскольку ряд особо крупных станков был заказан за границей (преимущественно в Англии). С закрытием доступа через Балтийское и Чёрное моря летом-осенью 1914 г. оставляло единственный путь доставки грузов морем в Россию – кружным путём через Баренцево море вокруг Норвегии и далее через Белое море в Архангельск. Поставки проходили с задержками и в целом с большим трудом. Несмотря на трудности, многие производства (хотя и не в полном масштабе), удалось запустить в 1915 – 1917 гг. Этот процесс был прерван в крушении старого порядка в 1917 г., а ряд уникальных производств (мощные судовые турбины для линкоров и крейсеров, толстая броня, дальномёры, корабельная артиллерия крупных калибров) был введён в эксплуатацию уже в Советскую эпоху.

Таким образом, широкие планы развития военно-морских вооружений России в десятиле-

тие, предшествовавшее Первой мировой войне, стали основой для кардинальной модернизации национальной индустрии военного кораблестроения. Основных этапов при этом можно выделить три: 1910 – 1912 гг., 1911 – 1915 гг. и 1912 – 1917 гг. Заложенные при этом основы отечественной индустриальной мощи превосходно послужили стране ещё долгие десятилетия и исчерпывающе проявили себя во время Великой Отечественной войны.

¹ Грибовский В.Ю. *Российский флот Тихого океана, 1898 – 1905. История создания и гибели.* – М: Военная книга, 2005. С. 137.

² *Российский государственный архив военно-морского флота. (РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 1240. Л. 22 – 40об.*

³ *Всепопданнейший Отчёт по Морскому ведомству за 1906 – 1908 гг.* – СПб, 1909. С. 209.

⁴ Столыпин П.А. *Нам нужна Великая Россия. Избранные речи.* С. 152.

⁵ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 1. Л. 42.

⁶ *Военная промышленность России в начале XX в. (1900 – 1917). Сборник документов.* – М: Новый хронограф, 2004. С. 693.

⁷ *Всепопданнейший Отчёт по Морскому ведомству за 1912.* С. 287.

⁸ *Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 6. Д. 46. Л. 445 – 460 об.*

⁹ *Отчёт Морского министерства за 1912 г.* С. 263.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 477. Л. 107.

*Ирина Юрьевна Воронкова,
Республика Беларусь, Минск Институт истории
Национальной академии наук Беларуси,
старший научный сотрудник*

Вспоминая прошлое: из истории музеев Белорусской ССР накануне и в годы Великой Отечественной войны

Накануне Великой Отечественной войны сеть действующих государственных музеев Белорусской ССР включала 13 учреждений системы Наркомата просвещения республики: два музея республиканского значения (историко-революционный Музей Революции БССР с филиалом Дом I съезда РСДРП в Минске и Литературный музей Адама Мицкевича в Новогрудке), восемь областных историко-краеведческих (в Минске, Гомеле, Могилёве, Витебске, Пинске, Гродно), семь районных краеведческих (в Бобруйске, Слониме, Волковыске, Турове). В стадии организации находились краеведческие музеи в Борисове, Орше, Полоцке, Бресте и Литературный музей Элизы Ожешко в Гродно.

Большинство музеев открылись в советское время преимущественно на основе дореволюционных частных собраний предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства, реже – этнографии. Комплектование фондов предметами военной истории ограничивалось, в основном, хронологическими и тематически-

ми рамками советского периода, что находило соответствующее отражение в экспозициях.

С развитием в СССР известных внутривойсковых событий 1930-х годов акцент на советские реалии стал ещё более очевидным. Так, в экспозиции Белорусского государственного музея БССР в Минске появился большой раздел «Диктатура пролетариата и социалистическое строительство», экспозиция Витебского областного государственного исторического музея сосредоточилась на «преимущественном отражении общественных формаций и революций».

Более других отвечал этому направлению Музей Революции БССР, открывшийся в Минске 2 мая 1926 г. на основе Всебелорусской выставки революционно-исторических материалов, которая действовала с 1924 г. В его собрании были музейные предметы по истории революционного движения в России от декабристов до периода социалистического строительства, о событиях Октябрьской революции и Гражданской войны.

С увеличением территории Белоруссии после сентября 1939 г. сеть историко-революционных

музеев предполагалось расширить. Когда в начале октября войска 10-й армии Белорусского фронта заняли центральную часть Беловежской пуши, внимание новой администрации привлёк бывший Охотничий дворец российской императорской семьи, построенный в конце XIX в., в котором польские власти организовали музей природы. В ноябре 1939 г. во дворец прибыла специальная комиссия Наркомпроса БССР с целью обследования «историко-революционных памятников и музеев в Западной Белоруссии». В докладной записке в ЦК КП(б)Б комиссия отметила большое научное и историко-культурное значение музея природы, а также самого Беловежского дворца, но сделала неожиданный вывод: поскольку здание «в миниатюре напоминает бывший Зимний дворец в Ленинграде», оно может стать прекрасным объектом для «историко-революционного музея»¹. Осуществлению этих планов помешали дальнейшие события.

Пожалуй, самым неординарным из довоенных белорусских музеев являлся Гомельский государственный исторический музей имени А. В. Луначарского (ныне – Гомельский дворцово-парковый ансамбль). Он был расположен в уникальном памятнике дворцовой архитектуры XVIII–XIX вв., которых в БССР к тому времени почти не сохранилось, и связан с именами выдающихся военных деятелей Румянцева и Паскевича.

В 1775 г., после первого раздела Речи Посполитой, императрица Екатерина II даровала земли бывшего Гомельского староства в вечное потомственное владение генерал-фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому – герою Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., выделив из казны деньги на строительство дворца в Гомеле.

В 1834 г. эти земли приобрёл у семьи Румянцевых генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский, командующий русскими войсками в ходе Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г., заграничного похода Русской армии 1813–1814 гг. В последние годы жизни (1832–1856) он являлся наместником Царства Польского, был похоронен в Ивангороде (совр. Демблин, Польша), но в 1889 г. перезахоронен в семейной усыпальнице, выстроенной его сыном Фёдором в Гомеле в дворцовом парке.

Ф. И. Паскевич и его жена Ирина Ивановна, урождённая графиня Воронцова-Дашкова, были

последними владельцами дворца. В 1903 г. князь скончался и был также захоронен в семейной усыпальнице. В 1917 г. дворец конфисковала революционная власть, его имущество стало основой открывшегося в 1919 г. краеведческого музея.

Трагическое начало войны, нацистская оккупация нанесли музейной сети Белоруссии невосполнимый урон. В ходе военных действий и варварских бомбардировок лета 1941 г. были полностью разрушены либо сгорели со всеми коллекциями Музей Революции БССР и Дом I съезда РСДРП в Минске, музеи в Могилёве, Новогрудке и др. Были повреждены здания историко-краеведческих музеев в Минске, Витебске, Гродно, Пинске, их фонды разграблены.

Стремительное продвижение немецких войск в глубь территории БССР не позволило осуществить организованную эвакуацию музейных ценностей (и не только их) в тыловые районы Советского Союза. Исключение составили музеи Витебска и Гомеля. Однако, как выяснилось позже, эвакуация тоже не стала гарантом спасения коллекций.

Фонды витебского музея не успели полностью подготовить к эвакуации (к 11 июля враг уже стоял у стен Витебска) и составить точные списки вывозимых предметов. В очень сжатые сроки часть музейного собрания была отправлена в Саратов. Но значительная часть фондов (около 15 тыс. единиц) осталась в Витебске, и большинство предметов бесследно исчезло во время оккупации.

Поскольку Гомель был захвачен противником позже других областных центров БССР (20 августа), эвакуацию из города населения, промышленного оборудования, историко-культурных ценностей удалось осуществить в достаточно полном объёме. Но, как показали дальнейшие события, для эвакуации назначили «неудачное» направление. Ценности музея доставили в Сталинград и передали на временное хранение в фонды Сталинградского областного краеведческого музея, где уже находились коллекции краеведческого музея из г. Осипенко (совр. Бердянск) Запорожской области Украины. В июле 1942 г., с началом оборонительных боёв на сталинградском направлении, объединённые фонды трёх музеев были с помощью морских пехотинцев переправлены на левый берег Волги и погруже-

ны в специальный железнодорожный состав. Но на железнодорожной станции Гмелинская Старополтавского района Сталинградской области эшелон подвергся жестокой бомбардировке. Сохранившиеся ценности были собраны и отправлены на верблюдах в степь, где складированы в сарае ветеринарного пункта села Цветочное. Лишь в сентябре 1944 г. они были перевезены в г. Урюпинск Сталинградской области, в 1946 г. – в г. Камышин этой же области, и тогда же уцелевшие предметы гомельских коллекций возвратились на родную землю².

Ценности других белорусских музеев, которые не погибли при бомбардировках и пожарах, не были разграблены местными жителями (и такое повсеместно случалось), попали в руки гитлеровских захватчиков.

Оккупанты провозгласили Минск столицей так называемого Генерального комиссариата «Белорутения» и заявили, что «с самого начала своего управления... осуществляют пожелание белорусского народа о поддержке национальной культуры»³. На волне этого политического лавирования в Минске был открыт исторический музей, в который свезли сохранившиеся экспонаты из других музеев. Однако подобное «свершение» имело оборотную сторону: экспозиция соответствовала нацистской концепции о превосходстве германской расы.

Однако в это же самое время, вопреки немецким планам, всего в 700 километрах от оккупированного Минска, в неприступной для германских полчищ Москве, уже разворачивалась новая страница истории музейного дела Белоруссии, положившая начало развитию сети военно-исторических музеев – абсолютно нового для республики профиля.

2 июня 1942 г. решение о создании белорусской республиканской Комиссии по сбору документов и материалов Отечественной войны принял ЦК КП(б)Б, находившийся в эвакуации в Москве. Председателем комиссии был назначен секретарь ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунов, членами – видные представители партийных, советских и общественных структур довоенной Белоруссии, эвакуированные в советский тыл. Основная нагрузка легла на рабочий аппарат, в который привлекли лучшие национальные кадры эвакуированных учёных, педагогов, литераторов, журналистов. Кроме того, постепенно

сложился большой актив, который осуществлял практическую помощь непосредственно на оккупированной территории Белоруссии: это были работники подпольных партийных и комсомольских органов, представители командования партизанских формирований, специальные уполномоченные.

Одним из основных источников поступления материалов в комиссию являлись командировки её сотрудников во фронтовые воинские части, где сражались воины-белорусы, на эвакуированные белорусские промышленные предприятия, в партизанские формирования на оккупированной территории республики. Сбор материалов начался по двум основным темам: «Вероломное вторжение германского фашизма в пределы Советского Союза» и «Героическая борьба трудящихся БССР с германскими захватчиками».

Огромную роль в возможности получения первых документов и материалов непосредственно из оккупированной Белоруссии сыграли так называемые «Витебские ворота» – 40-километровый разрыв в линии фронта между городами Велиж и Усвяты, пограничными с Витебской областью БССР, образовавшийся в результате наступления Красной Армии в январе–феврале 1942 г. и освобождения белорусскими партизанами прифронтовых районов Витебщины. В период существования «ворот», с 10 февраля по 28 сентября 1942 г., командование 4-й Ударной армии и Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б, базировавшаяся в их районе, обеспечили, помимо прочего, возможность переправки в тыл врага сотрудников комиссии, партийных и комсомольских работников, организаторов партизанского движения, которые имели специальные задания по сбору необходимых документов и материалов о боевых действиях партизан, антифашистской подпольной борьбе, преступлениях гитлеровских оккупантов на белорусской земле. Позднее, после ликвидации «ворот», эта работа велась под руководством Белорусского штаба партизанского движения посредством военно-транспортной авиации, осуществлявшей регулярные рейсы к партизанам.

Среди наиболее ранних материалов, поступивших в Комиссию, были подпольные газеты, партизанские рукописные журналы, листовки, фотографии и сведения о боевых делах партизан, акты о преступлениях оккупантов.

Осенью 1942 г. комиссии удалось впервые обнародовать свою работу в музейном варианте – в 313 экспонатах выставки «Белоруссия живёт, Белоруссия борется», открывшейся к 7 ноября 1942 г. в Москве, в помещении Государственного исторического музея. Нельзя не отметить, что это произошло в тяжелейшее время кровопролитных боёв под Сталинградом, где в очередной раз решалась судьба страны, поэтому данная выставка имела не только познавательное, но и мощное общественно-политическое звучание.

Подробную характеристику экспозиции дала газета «Советская Беларусь», выходящая в Москве: «Первый раздел выставки – «Над нашими городами и сёлами светило солнце Сталинской Конституции» – покажет Белоруссию Советскую до начала Великой Отечественной войны.

Во втором разделе выставки – «Под сапогом немецко-фашистских оккупантов» – показаны разрушения городов и сёл, грабежи и издевательства над мирным населением, которые учиняют гитлеровские бандиты. «Чёрная ночь нависла над белорусской землёй» – под этим аншлагом развешены многочисленные документы: приказы немецкого командования и немецких чиновников, фотоснимки, которые характеризуют немецкий «новый порядок» в Белоруссии.

Третий раздел выставки... показывает работу предприятий Белоруссии, эвакуированных в советский тыл... Ряд материалов и фотодокументов отражает борьбу героических белорусских партизан против немецко-фашистских захватчиков. Экспонируются вещи партизан: их оружие, обмундирование и предметы личного пользования, а также богатые партизанские трофеи. Выставку завершают разделы «Красная Армия героически сражается на фронтах Великой Отечественной войны» и «Сыны белорусского народа на фронтах Великой Отечественной войны»⁴.

Выставка, получившая статус постоянной, регулярно пополнялась новыми экспонатами. Она продолжила серию первых советских экспозиций на актуальную тему военных событий. Одна из первых – «Отечественная война» – была открыта в Центральном музее Красной Армии уже в августе 1941 г. Материалы белорусской выставки широко использовались в других московских экспозициях 1942–1943 гг.: «Комсомол в Отечественной войне» в ГИМе, «Великая От-

ечественная война» в Музее Революции СССР, «Отечественная война советского народа против немецких оккупантов» в Центральном музее И.В. Ленина и др.⁵

30 сентября 1943 г., через неделю после начала освобождения БССР, Бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление о создании на базе выставки в ГИМе Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны⁶.

Вскоре из ЦК КП(б)Б в оккупированную Белоруссию ушли радиogramмы, адресованные областным уполномоченным ЦК. Те, в свою очередь, направили соответствующие приказы командирам партизанских бригад и отрядов. Приводим текст одного из них: «Для музея... важно и необходимо иметь и сохранить документы, которые характеризуют боевые действия партизан, в том числе печатные и рукописные издания, образцы самодельного оружия, все фотоснимки с пояснительным текстом на обороте, снимки убитых немецких генералов и высших чиновников, немецкие погоны, захваченные у немцев знамёна и другое. Приказываю: А) собрать и представить в штаб соединения изготовленные партизанами образцы самодельного оружия, которые у вас имеются, документы, которые характеризуют жизнь и деятельность партизан / рукописные и печатные издания/. Б) снимки убитых немецких генералов, офицеров и чиновников, немецкие погоны и знамёна. В) снимки крушений эшелонов, взорванных партизанами мостов, с пояснением на обороте: дата, время крушения, взрыва, участок железной дороги и кем сделано крушение, взрыв... Секретарь Полесского обкома партии-командир соединения /И. Ветров/. Начальник штаба соединения капитан /Дорошко/»⁷.

В то время, как новый белорусский музей готовился к открытию в Минске, освобождение которого неуклонно приближалось, нацистские оккупанты, пока хозяйничавшие в городе, предпринимали лихорадочные меры для вывоза оттуда ещё сохранившихся исторических и культурных ценностей.

На основании телеграммы имперского Восточного министерства от 20 марта 1944 г., генеральный комиссар Белорутении К. фон Готтберг отдал приказ об эвакуации, «с целью сохранения», Минского исторического музея сначала в Восточную Пруссию, в распоряжение музея

г. Инстербург (совр. Черняховск, Россия), затем в замок города Хохштадт в Баварии⁸.

3 июля 1944 г. последние оккупанты были выброшены из Минска войсками Красной Армии. Уже 26 сентября в столицу были доставлены из Москвы выставка-музей «Белоруссия живёт...» и юбилейная экспозиция белорусских художников, посвящённая 25-летию БССР, которая работала в Третьяковской галерее. К этому времени музейное собрание насчитывало уже более 10 тыс. военно-исторических реликвий, поступали новые материалы от бывших партизан, подпольщиков, временно находившихся в Минске фронтовиков, возвращавшихся из эвакуации жителей Белоруссии.

Музей был открыт 22 октября 1944 г. в одном из немногих сохранившихся зданий в центре города. В 15 залах разместились две тематические экспозиции – «Вооружение белорусских партизан» и «Большевистская печать Белоруссии в дни Великой Отечественной войны», которые включали более 1 260 музейных предметов.

«Оружейная» часть состояла из нескольких разделов. В первом демонстрировалось трофейное оружие партизан немецкого, французского, бельгийского, польского производства.

Второй раздел представлял самодельное партизанское оружие. «Какую захватывающую книгу для нашего подрастающего поколения можно написать, глядя на эти автоматы, пистолеты, гранатомёты самых причудливых форм и разнообразных, нигде не известных систем, собранных по винтику, по шурупчику руками самих партизан», – писала газета «Правда» от 15 ноября 1944 г. В центре внимания посетителей находились изобретения партизанского умельца из бригады имени Л. М. Доватора Витебской области Т. Е. Шавгулидзе (до войны – инженера-путейца): четыре вида ручных и один – ружейных гранатомётов, сделанных на основе русской винтовки. Их производство было налажено практически во всех партизанских формированиях Беларуси. Не меньший интерес вызывал самодельный автомат, изготовленный в подарок командиру Пинского партизанского соединения Герою Советского Союза В. З. Коржу в оружейной мастерской соединения с использованием рамы трофейного велосипеда, железного обода бочки, металлических деталей сбитого немецкого самолёта, рога коровы.

Демонстрировался специальный обжимной станок – изобретение первого секретаря ЦК КП(б)Б, начальника ЦШПД генерал-лейтенанта П. К. Пономаренко (инженера по образованию) для перештамповки немецких патронов под калибр русской винтовки. Такие станки перебрашивались к партизанам на самолётах, а потом «тиражировались» в партизанских оружейных мастерских.

Наконец, третий раздел «оружейной» части составляли образцы вооружения, медицинских инструментов и медикаментов, доставлявшихся партизанам советскими лётчиками из-за линии фронта.

Вторая выставка – «Большевистская печать» показывала множество подпольных газет, листовок, брошюр. Здесь можно было увидеть листовки на берёсте, подпольные газеты на обойной и обёрточной бумаге. Рядом находились образцы оборудования партизанских типографий. В разделе партизанской рукописной печати были собраны стенные газеты, «Боевые листки», плакаты, листовки, газеты-молнии, журналы, политические карикатуры. Демонстрировались также белорусские издания, выходившие в Москве: газеты «За свободную Беларусь», «Советская Беларусь», листовки ЦК КП(б)Б, газеты-плакаты «Партизанская дубінка» и «Раздавім фашыцкую гадзіну».

Одновременно с музеем в центре Минска, на расчищенной от руин площади в 17 тыс. квадратных метров, открылась выставка образцов трофейного вооружения, создание которой курировал оргкомитет во главе с генерал-майором артиллерии И. И. Новиковым. Тысячи единиц трофейного вооружения и техники имели немецкое, французское, голландское, бельгийское, чехословацкое, югославское, польское, норвежское происхождение. Большей частью они были доставлены с мест недавних боёв в Бобруйском и Минском «котлах»⁹. Однако в 1948 г. власти сочли нежелательным размещение такого количества вооружения противника в центре белорусской столицы. Выставка была демонтирована, её экспонаты в основном уничтожены, причём в Музей истории Великой Отечественной войны переданы считанные единицы.

В первые послевоенные годы музейные службы Белоруссии попытались обнаружить следы ценностей, вывезенных оккупантами.

В 1947 г., по распоряжению отдела музеев Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР, были составлены списки наиболее ценных предметов, которых лишились музеи в годы войны. Однако, поскольку довоенных учётно-хранительских документов не сохранилось, списки опирались в основном на память составителей. К примеру, согласно, спискам, Витебский областной исторический музей лишился 13 696 единиц культурно-исторических ценностей. Из Пинского областного историко-краеведческого музея пропало 55 единиц плюс более 3 тыс. ценных книг музейной библиотеки, из Полоцкого краеведческого музея – 24 ценных музейных предмета.

Несколько восполнить эти потери помогли историко-художественные ценности, переданные Белорусской ССР в качестве реституции. На основании распоряжения Совета Министров СССР от 26 октября 1947 г., Советская Военная Администрация (СВА) в Германии в лице начальника отдела реституций Управления репараций и поставок СВА Г. Н. Гуляева и начальника отделения культурно-художественных ценностей В. Д. Галузина сдала, а Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР в лице уполномоченного Д. Б. Марчукова принял 27 октября со склада Немецко-русского транспортного акционерного общества «Дерутра» (Deutsch-Russische Transport-Aktiengesellschaft «Derutra») в Берлине 2 391 место с культурно-художественными ценностями, которые поступили в порядке реституции из американской зоны оккупации, как собственность СССР. Поскольку, по заключению специалистов, составить опись всех сотен тысяч единиц ценностей было невозможно, решено было вести их счёт опломбированными ящиками и железнодорожными вагонами.

Основные ценности были направлены в г. Пушкин под Ленинградом, где в Екатерининском дворце находилось Центральное хранилище музейных фондов ленинградских пригородных дворцов, а также в Новгород. Два вагона с 182 ящиками ушли в Минск в сопровождении уполномоченного Совета Министров БССР в Германии М. О. Кальницкого, три вагона сопровождал в Киев уполномоченный Совета Министров УССР в Германии В. С. Островецкий.

Среди возвращённых в 1947 г. в Белоруссию музейных ценностей были: большая коллекция фотографий и предметов этнографии; археологические коллекции из раскопок Академии наук БССР и Государственного музея БССР; значительное собрание икон; церковная утварь XVII – XVIII вв.; цеховые знамёна и цеховая утварь; коллекция старинного оружия; до 100 старопечатных книг XVII – XVIII вв.; светская живопись (свыше 50 портретов семьи польско-белорусских магнатов Радзивиллов); произведения белорусских художников 1920-х–1930-х годов; предметы декоративно-прикладного искусства (мебель, фарфор, бронза)¹⁰. Добавим, что поиск утраченных Белоруссией в годы войны музейных ценностей продолжается до сих пор.

В конце 1940-х годов в БССР продолжилось развитие сети военно-исторических музеев, начало которой положил Белгосмузей истории Великой Отечественной войны. В 1946 г. в г. Кобрине Брестской области, в доме, который в XVIII в. принадлежал великому русскому полководцу А. В. Суворову, был создан военно-исторический музей его имени.

В 1948 г. открылся Мемориальный музей Героя Советского Союза К. С. Заслонова в Орше.

В 1953 г. приобрёл статус военно-исторического Волковысский краеведческий музей на Гродненщине, существовавший с 1935 г. В здании, построенном в 1805 г., накануне Отечественной войны 1812 г. располагался штаб Второй Западной армии под командованием генерала П. И. Багратиона, в связи с чем музею было присвоено имя этого выдающегося российского полководца. Среди коллекций имеются оружие и снаряжение европейских армий XVIII–XIX вв., переданные из ленинградского Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

С 1956 г. работает Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», с 1965 г. – Музей Обольского комсомольского подполья в одноимённом посёлке Витебской области, с 1966 г. – Витебский областной музей Героя Советского Союза М. Ф. Шмырёва, с 1967 г. – Музей партизана-героя Николая Гойшика в районном центре Ивацевичи Брестской области и Музей советско-польского боевого содружества в посёлке Ленино Могилёвской области.

В 1978 г. открылся единственный в своём роде Музей боевого содружества белорусских,

русских, латвийских и литовских партизан в годы Великой Отечественной войны в посёлке Россоны Витебской области. Подвигу матери-патриотки А. Ф. Куприяновой, отдавшей родине пятерых сыновей, посвящена экспозиция Дома-музея в г. Жодино, созданного в 1980 г. Работают Музей битвы за Днепр в посёлке Лоев Гомельской области (1983), Музей-квартира Героя Советского

Союза З. М. Тусноловой-Марченко в Полоцке (1987).

В 2005 г. открылся Гомельский областной музей военной славы, посвящённый военной истории Гомельщины с древнейших времён до наших дней. Музейная летопись героических страниц военного прошлого Отечества продолжается...

- ¹ Докладная записка комиссии Наркомата просвещения БССР, ноябрь 1939 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13929. Л. 273–286.
- ² Шода Т. А. Музей в годы военного лихолетья // Электронный ресурс. <http://www.palacegomel.by/index.php?newsid=1234>. Дата обращения 18.01.2013.
- ³ Minsker Zeitung. 1943, 4. September.
- ⁴ Советская Беларусь. 1942. 28 кастрычніка. Перевод с белорусского.
- ⁵ Фонд Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Центральном комитете Коммунистической партии большевиков Белоруссии. Документы об организации выставок // НАРБ. Ф. 750. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.
- ⁶ Фонд Центрального комитета Коммунистической партии большевиков Белоруссии. Постановление о создании Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1251. Л. 57.
- ⁷ Фонд партизанских формирований Полесской области. Приказы командования штаба 50-й Житковичской партизанской бригады // НАРБ. Ф. 1408. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.
- ⁸ Фонд Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР, 1947 г. // НАРБ. Ф. 790. Оп. 1. Д. 68. Л. 26 – 30.
- ⁹ Звезда. 1944. 5 жніўня; 11; 26 лістапада.
- ¹⁰ Фонд Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР, 1947 г. // НАРБ. Ф. 790. Оп. 1. Д. 68. Л. 1 – 6, 9 – 10об., 16 – 16об., 18 – 20.
- ¹¹ Фонд Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР, 1947 г. // НАРБ. Ф. 790. Оп. 1. Д. 68. Л. 26 – 30.
- ¹² Звезда. 1944. 5 жніўня, 11; 26 лістапада.

*Анна Васильевна Галинская
Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный
музей истории Великой Отечественной войны,
заместитель директора по научной работе,
соискатель аспирантуры БГУКИ*

Международное сотрудничество как одно из приоритетных направлений деятельности военно-исторических музеев

В современном мире в условиях глобализации и обостренного влияния внешних процессов международное сотрудничество является одним из приоритетных направлений деятельности военно-исторических музеев. Роль Музея вообще и военно-исторического в частности, становится всё более заметной в сложной системе современных международных отношений. Это связано не только с внешними, но и внутренними процессами. Стал несколько иным подход музеев к выработке общих целей и задач, которые ставились в процессе создания экспозиций и выставок, проведения музейно-педагогических занятий, научно-исследовательской работы. Если до настоящего времени в их основе лежало только патриотическое воспитание молодёжи, политическое и историческое просвещение общественности внутри страны, то теперь возникает чёткое понимание необходимости формирования объективного образа не только у граждан своей страны, но и за рубежом.

Современный музей участвует в формировании общественного мнения. Это особенно важно в условиях глобализации. Совместные проекты, проводимые музеями, влияют на общественное мнение и тем самым определяют климат международных отношений. Примером подобного международного проекта стала выставка «В борьбе против фашизма мы были вместе», проходившая в 2015 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны в г. Москве (Российская Федерация) и приуроченная к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Её отличительная черта – привлечение к созданию экспозиции музеев стран СНГ для отражения более полной картины вклада народов этих стран в достижение общей победы. Одной из основных задач выставки, которая была успешно решена, явилась демонстрация позитивного примера сотрудничества современных межгосударственных отношений стран СНГ, опираясь на исторический опыт Великой Отечественной войны. Выставка

нашла отклик в средствах массовой информации и у посетителей.

Центральный музей Вооруженных Сил и Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны сотрудничают уже на протяжении многих лет. 22 октября 1944 г. в одном из сохранившихся зданий освобождённого от немецко-фашистских захватчиков города Минска были открыты первые выставки Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны: «Вооружение белорусских партизан» и «Большевистская печать Беларуси в годы Великой Отечественной войны». Это были «замечательные выставки, созданные руками партизан,» — так охарактеризовал первую экспозицию музея Герой советского Союза, бывший секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б, а в 1944 г. секретарь Минского горкома КП(б)Б И.А. Бельский¹. В это время, когда ещё формирование фондов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны ещё только началось, одним из источников комплектования стал Центральный музей Красной Армии. С этой целью один сотрудников музея заведующий военно-фронтовым отделом И.А. Фишилевич в мае 1946 г. был командирован в Москву. Сохранились акты передачи на постоянное хранение из Центрального музея Красной Армии, подписанные начальником Отдела учёта и хранения капитаном В.К. Житневым, главным хранителем вещественного фонда А.П. Лазебной, главным хранителем документального фонда Н.Д. Городецкой, хранителем художественно-образовательного фонда П.И. Костинским. Среди музейных предметов, переданных музею: соломенный и войлочный валенки, боты на деревянной подошве, агитационные граната, мина (в деревянном корпусе) и патрон, штурмовой флаг, водруженный над Берлином командиром 2-го стрелкового взвода Монаховым (в настоящее время флаг экспонируется в одном из залов), образцы немецкого обмундирования, немецкие награды, знаки отличия и знамёна, 50 единиц плакатов, газеты, письма и фотографии, а также картины и рисунки, полученные с выставки 1-го Белорусского фронта. В дальнейшем из Центрального музея Красной Армии (позднее Центрального музея Вооружённых Сил) на постоянное хранение музею переданы отдель-

ные материалы в разные годы: 1949 г., 1952 г., 1953 г., 1954 г., 1956 г., 1958 г., 1962 г., 1967 г., 1968 г., 1969 г., 1970 г., 1973 г., 1974, 1980 г., 1982 г., 1984 г., 1988 г., 1989 г. Часть фотографий была закуплена. Сохранилось сопроводительное письмо за подписью заместителя начальника ЦМВС СССР о передаче музею согласно просьбе Секретаря ЦК КП Белоруссии и распоряжению Генерального Штаба Вооружённых Сил СССР от 9 февраля 1967 г. за № 332/16284 следующих знамён:

- знамя 8-го гвардейского стрелкового Неманского Краснознамённого корпуса (к нему пелерина – 1, гвардейская лента – 1, орденская лента к ордену Красного Знамени – 1);
- знамя 352-й стрелковой Оршанской Краснознамённой ордена Суворова дивизии;
- знамя 273-й истребительной авиационной Гомельской ордена Суворова дивизии;
- знамя 109-го гвардейского Гданьского ордена Суворова механизированного полка;
- знамя 707-го стрелкового Неманского ордена Суворова полка;
- знамя 326-го гвардейского миномётного Молодеченского орденов М.Кутузова и А. Невского полка;
- знамя 506-гоотдельного пулемётно-артиллерийского Гомельского батальона;
- знамя 9-го танкового Варшавского полка².

В этот период Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны переместился из здания по улице Карла Маркса в новое здание по Ленскому проспекту 25-а, где в короткий срок была смонтирована экспозиция. 20 февраля 1966 г. открыта экспозиция 1-го этажа а в ноябре 1967 г. – всего музея. Знамёна предполагалось разместить в экспозиции, посвящённых теме «Освобождение Белоруссии», для которой было отведено два просторных зала.

Последний акт передачи из Центрального музея Вооруженных Сил СССР был датирован маем 1949 г., когда в белорусский музей поступили групповые и сюжетные фотографии.

В свою очередь Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны в соответствии с актом № 75 от 25 декабря 1946 год передал в постоянное пользование в Центральный музей Красной Армии следующие материалы:

Содержание	Издание	Инвентарный номер
журналы		
«Раздавим фашистскую гадину» № 91	Май 1943 г.	302
-//- № 66	Октябрь 1942 г.	279
-//- № 62	Сентябрь 1942 г.	279
-//- № 80	Февраль 1943 г.	292
«Партизанская дубинка» № 3	Май 1942 г.	321
-//- № 4-5	Июнь 1942 г.	322
-//- № 14	Октябрь 1942 г.	329
-//- № 3/19/	Март 1943 г.	333
Газеты		
«Звезда» № 2	Орган Минского ГК КП(б)Б Июль 1942 г.	2
«Чырвоная звезда» № 27 /171/	Орган Барановичского ОК КП(б)Б. Июнь 1943 г.	522
Бюллетень «Сялянскай газеты» № 17*	Орган Вилейского ОК КП(б)Б. Июль 1943 г.	763

* Всего по акту было передано 52 единицы³.

В 1962 году в Центральный музей Советской Армии в соответствии с разрешением заместителя Министра культуры БССР М.А. Минковича были переданы образцы вооружения белорусских партизан: пистолет «Маузер» командира партизанской бригады Марченко, партизанский самодельный нож, станок для перещтамповки патронов, самодельный автомат, изготовленный в партизанском отряде им. П.К. Пономаренко бригады им. газеты «Правда» Минской области, самодельный автомат из партизанского отряда им. П.К. Пономаренко бригады «Народные мстители» Минской обл., самодельный автомат из партизанской бригады «Железняк» Минской обл., немецкий ручной пулемёт, захваченный партизанами бригады «Буревестник» Минской области, самодельный гранатомёт системы Т. Шавгулидзе, а также маскировочный халат, одежда партизан, боевые листки, котёл партизанского отряда имени В. Чкалова бригады им. ЦК КП(б) Вилейского партизанского соединения, дно которого было выбито гитлеровцами во время блокады весной 1944 г., мотор и части обломков самолёта Героя Советского Союза Н.Ф. Гастелло и другие экспонаты. Всего 55 наименований⁴.

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны оказал практиче-

скую помощь путём передачи экспонатов Украинскому государственному музею истории Великой Отечественной войны (в настоящее время — Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Украины во Второй мировой войне»), Военно-историческому музею артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге, Государственному музею истории Петербурга, Центральному музею Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. в Москве (в настоящее время — Музей Победы).

Однако сотрудничество музеев заключалось не только в передаче музейных предметов и научно-вспомогательных материалов на хранение и для экспонирования.

Значимым для сотрудничества между музеями стал 2000 год — год 55-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 21 апреля 2000 года в Минске произошло событие, о котором написали все центральные республиканские газеты. С нескрываемой гордостью сообщалось: «Впервые покинув пределы Москвы, легендарная святыня — Знамя Победы — прибыла в столицу Беларуси — город-герой Минск!» На железнодорожном вокзале поезд со знаменем встречал почетный караул. Под гром оркестра на бронетранспортере БТР–80 главный символ Победы был доставлен в Белорусский государственный музей истории Великой Отече-

ственной войны, где он экспонировался до 25 апреля. Событие это было действительно историческое, так как это была не копия, а подлинное Знамя Победы. Это событие происходило в рамках международной военно-патриотической акции «Нас объединяет Знамя Победы», которая проводилась по инициативе руководства Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, поддержанной Белорусским Государственным музеем истории Великой Отечественной войны и Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» Украины. Акция получила поддержку и содействие высшего руководства трех братских стран. Экспонирование Знамени Победы вызвало огромный общественный резонанс. Чтобы поклониться Знамени Победы люди шли нескончаемым потоком. Было продлено время работы музея. За несколько дней музей посетило более 15 тысяч человек: школьники и студенты, ветераны Великой Отечественной войны из других областей республики, которых организовано привозили в автобусах.

6 мая 2017 г. в канун знаменательного события – Дня Великой Победы – у алтаря Победы Зала Победы Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны установлена точная историческая копия Знамени Победы. В сертификате, подписанном 25 мая 2011 г. директором ФГУ «ЦМВС» Минобороны России А.К. Никоновым и экспонируемом для всеобщего обозрения посетителям, записано: «ЗНАМЯ ПОБЕДЫ (точная историческая копия) вручается государственному учреждению «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» Министерства культуры Республики Беларусь. Копия Знамени Победы изготовлена реставратором Федерального государственного учреждения культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных Сил» Министерства обороны Российской Федерации Юшкевич Татьяной Григорьевной».

Церемония передачи знамени происходила на Международной научно-практической конференции «Беларусь: история и современность», которая проходила в Минске 25 – 27 мая 2011 года.

В современном мире музеи становятся своего рода научной площадкой для обсуждения острых вопросов, дискуссий, проведения Меж-

дународных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов соответствующей тематики. В них принимают участие музеееды и историки из разных стран. И это объяснимо. Возвращение наследия войны и изучение военного дела, военной истории продолжают оставаться не только в Республике Беларусь, но и в других странах мира процессом далеким от завершения. Музеализация военной истории позволяет осмыслить происходившие процессы в детализации отдельных событий и их визуализации посредством инсталляций, диорам, музейных предметов и научно-вспомогательных материалов. Такими площадками для проведения Международных научно-практических конференций стали: Центральный музей Вооружённых Сил (г. Москва, Россия), Центральный музей Великой Отечественной войны (г. Москва, Россия), Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (г. Минск, Республика Беларусь), Имперский военный музей (г. Лондон, Великобритания), Топография террора (г. Берлин, Германия), Музей истории польских евреев (г. Варшава, Польша) и др.

Уже упомянутая выше Международная научно-практическая конференция «Беларусь: история и современность», организованная Министерством культуры Республики Беларусь, Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны, Академией управления при Президенте Республики Беларусь, Национальной библиотекой Беларуси, Российским центром науки и культуры в г. Минске, ставила своей целью не только обсудить ряд вопросов, связанных с историческими и социально-экономическими аспектами развития государства и общества; проблемы актуализации историко-культурного наследия и преемственности исторической памяти; исторические аспекты государственного управления и перспективы развития его правового регулирования, но и вопросы, связанные с созданием постоянной экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны в новом здании музея. Музеям в современном мире, с их тяготением к глобализации, необходимо документировать, исследовать и экспонировать военную историю не изолированно, а в контексте многообразных социальных связей. Особенно необходимость

обмена результатами научных исследований и актуальной информацией ощущается при создании новых военно-исторических музеев и при реконструкции старых музейных экспозиций военной тематики. Последние десятилетия всё чаще распространяется практика привлечения экспертов из других музеев для создания новых экспозиций и реконструкций старых, введение новых тем и разделов в существующие экспозиции. С этой целью при Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны был создан Учёный совет из числа ведущих историков и музейников. Директор Центрального музея Вооружённых Сил А.К. Никонов и директор Центрального музея Великой Отечественной войны В.И. Забаровский вошли в состав Учёного совета музея. Учёный Совет был призван содействовать совершенствованию научной деятельности музея, укреплению и развитию музейных связей музея с научной, творческой и педагогической общественностью страны и зарубежья. На заседаниях обсуждались вопросы, связанные с научным проектированием новой экспозиции, внесением изменений, с учётом новых подходов в развитии музейного дела и мультимедийных технологий. И символично, что церемония открытия новой экспозиции музея 2 июля 2014 г. в новом здании на проспекте Победителей проходила при непосредственном участии А.К. Никонова и В.И.Забаровского.

Во время подготовки проектной документации новой экспозиции Германно-Российский музей Берлин-Карлсхорт в свою очередь обращался в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны об оказании помощи при написании научной концепции и расширенной тематической структуры. Государственное учреждение «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» и учреждение «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» были привлечены для консультации и передачи фотодокументальных материалов при создании экспозиции Музея Второй мировой войны в Гданьске (Польша).

За последние десятилетия международное сотрудничество получило активное развитие в таких сферах как сохранение материального и нематериального культурного наследия, проведение совместных научных исследований, обмен актуальной музейной информацией и изучение международного опыта в организации музейного дела, экспозициях и выставках, стажировка научных сотрудников в других музеях. Важность этого направления в деятельности музеев признана не только на международном уровне. Примером тому служит создание международных музейных организаций. Его значимость отражена в национальном законодательстве, концепциях культурной политики, в современной деятельности музеев.

¹ Воронкова И.Ю. *Создание и становление Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.* – Мн., 2001 г. с. 24

² *Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (далее БГМИВОВ). Исх.№ 010 от 10.03.1967*

³ *Фонды БГМИВОВ. Акт № 75 от 25.12.1946*

⁴ *Фонды БГМИВОВ. Акт № 345 от 10.04.1962*

*Парвин Фахраддинович Гёзалов,
Республика Азербайджан, Баку,
Общественная организация «По защите исторических
памятников, архитектурного и культурного наследия»,
член Правления, первый заместитель Председателя,
доктор философии по истории*

Формирование и развитие Вооруженных Сил Азербайджанской Республики с 1918 года

Решение Закавказского комиссариата от 11 декабря 1917 г. о формировании национальных корпусов является предпосылкой к созданию Азербайджанской национальной армии. В соответствии с приказом главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии Михаила Алексеевича Пржевальского 19 декабря 1917 г. №155 мусульманский корпус должен был состоять из стрелковых дивизий, артиллерийских бригад, мортирных и конной батареи, отдельной конной бригады и саперного батальона³.

В Российской императорской армии выходцы из азербайджанской знати командовали соединениями, но в среде старших и младших офицеров азербайджанцев было очень мало.

К службе на добровольной основе также привлекались офицеры немусульмане, в том числе и русские, пожелавшие остаться в Азербайджане. Именно эти люди занимались подготовкой первых аскеров (солдат) корпуса в учебных подразделениях города Гянджа, который являлся временной столицей Азербайджана. Снабжение

личного состава униформой и оружием было скудное, поскольку обеспечивалось только за счет пожертвований состоятельных азербайджанцев и разоружения покидающих Закавказье российских войск⁴.

9 февраля 1918 года командир корпуса подписал рапорт на имя Главнокомандующего войсками Кавказского фронта, в котором говорилось: «Изменение формы одежды в настоящее время, в частности замена существующих плечевых погон клапанами, нанесет новый удар нашей армии и поведет к дальнейшему понижению духа там, где он сколько-нибудь сохраняется. Для формирующегося вновь Мусульманского корпуса отмена может иметь роковое значение. Поэтому усердно ходатайствую об утверждении формы одежды для Мусульманского корпуса.

В общих чертах форма планировалась следующего вида:

1. Головной убор — папаха, вместо кокарды пятиконечная звезда.
2. Черкеска и башлык.
3. Плечевые погоны с надписью арабской вязью

Рис.1. Группа офицеров армии АДР.

Рис.2. Погон с надписью Азербайджан - написано арабской графикой.

зью «Мусульманин» — (муслим- покорный Богу) и цифрой части.

Подробный перечень элементов формы одежды будет представлен дополнительно ниже⁵. Рис.1,2.

Офицеры Мусульманского корпуса носили русские погоны с арабской графикой — «Мусульманин». Рис.3. В этот период появляется и новая кокарда на головные уборы в виде изготовленного из латуни позолоченного полумесяца со смотрящими вверх концами и восьмиконечной звездой между ними.

После принятия «Декларации независимости» и провозглашения независимой Азербайджанской Демократической Республики 28 мая 1918 года военно-политическая ситуация в регионе меняется.

4 июня 1918 года Азербайджан заключает Договор о мире и дружбе с Турцией, в соответствии с 4-й статьёй которого Турция оказывает Азербайджану военную помощь. Части турецкой армии под командованием Нури-паши входят в Гянджу.

Турецкие войска и части Мусульманского корпуса объединяются под общим командованием в Кавказскую исламскую армию, азербайджанские части получают униформу и оружие турецкого производства, турецкая артиллерия усиливается 23 орудиями Мусульман-

ского корпуса. В Гяндже с помощью турецких офицеров создаётся и начинает действовать офицерская школа. 6 июня 1918 года подписывается Указ о создании Азербайджанской армии (Азербайджан Ордусу), Мусульманский корпус переименовывается в отдельный Азербайджанский корпус. 21 июня 1918 года был принят государственный флаг АДР, представлявший собой полотно с изображением белого полумесяца и белой восьмиконечной звезды на красном фоне. 9 ноября года Парламент утвердил проект нового государственного флага. На этот раз флаг представлял собой горизонтальные голубое, красное и зелёное поля с размещёнными в центре красной полосы белыми полумесяцем и восьмиконечной звездой. В постановлении говорилось: «Национальным флагом признать флаг, состоящий из зелёного, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмиконечной звездой». Рис.4.

В этот период объединённые турецко-азербайджанские войска останавливают начатое 12 июня по приказу председателя Комитета революционной обороны Баку Степана Шаумяна наступление на Гянджу войск большевистского Бакинского Совета. 1 июля 1918 года в результате четырёхдневного сражения у Гейчя Кавказская исламская армия наносит Бакинскому Совету сокрушительное поражение. В это время в её

составе сражаются более пяти тысяч азербайджанских пехотинцев под командованием полковника Габиб-бека Салимова и азербайджанский кавалерийский отряд численностью в 150 сабель под командованием Мамеда Кахи.

Разбитые части Баксовета отходят к Баку. Возглавляемый Шаумяном Бакинский Совет, не имея никакой поддержки со стороны азербайджанского населения, сдал власть поддерживаемой англичанами эсеровско-дашнакской диктатуре Центрокаспия. Отряды армян-дашнаков под руководством английских инструкторов пытались организовать оборону города, но уже 15 сентября 1918 года, сломив их сопротивление, части Кавказской Исламской армии вошли в Баку⁷. Рис.5.

В ходе боёв по освобождению города было захвачено в плен 36 офицеров и 1651 нижний чин — в подавляющем большинстве личный состав армянских дашнакских отрядов. Были освобождены турецкие, немецкие и австрийские военнопленные, содержащиеся в лагере на острове Бёюк-Зиря (известный как остров Наргин), а британские части покинули город, не

Рис.3. Поручик кавалерийского подразделения Мусульманского корпуса. 1918 г.

вступив в бой⁸. Азербайджанское правительство переехало из города Гянджа в Баку.

Считаю нужным отметить награждение военнослужащих, проявивших себя в ходе боевых действий. Уже 3 сентября 1918 года выходит ферман — указ турецкого султана о награждении личного состава Кавказской исламской армии орденом «Меджиди с мечами» 5-й степени⁹ и Военной медалью «Галлиполийская звезда». В числе награждённых было 19 азербайджанских офицеров, отличившихся в боях с войсками Бакинского совета. В указе (фермане) отмечено что, подполковник Гамид хан был единственным, кто получил обе награды. В числе награждённых есть также и азербайджанский офицер русской национальности — поручик Савков⁶.

1 ноября 1918 года было создано военное министерство, перед которым правительством ставится задача — создать в 1919 году 25-тысячную национальную армию. Рис.6. В ноябре 1918 года в соответствии с Мудросским соглашением, определившим поражение Османской империи в Первой мировой войне, турецкая армия покинула Азербайджан, и вопросы снабжения вновь создаваемых азербайджанских частей встали с прежней остротой. Пост военного министра 25 декабря занял бывший командир 2-го Кавказского армейского корпуса Российской армии генерал от артиллерии Самед-бек Мехмандаров, его заместителем становится генерал-лейтенант А. Шихлинский, а начальником Генерального штаба — генерал-лейтенант Сулейман-бек Сулькевич. Большую помощь армии оказывали представители национальной буржуазии. Так, крупнейший бакинский нефтяной магнат и меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев (с 1920 года по сей день в его особняке размещается Национальный Музей Истории Азербайджана) безвозмездно передал со своих ткацких предприятий для нужд армии 80 тысяч метров тканей для пошива солдатского и 20 тыс. м. для офицерского обмундирования. Все эти меры позволили к концу 1919 года обеспечить униформой и положенным снаряжением весь личный состав Азербайджанской армии. По поручению военного министерства командиром 2-й пехотной дивизии генерал-майором Ибрагим-ага Усубовым в Риме были проведены успешные переговоры с одной из частных итальянских компаний и размещён госзаказ на пошив 25 тыс. комплектов

Рис. 4. Заседание парламента АДР 9 ноября 1918 г.

униформы. Однако хочу отметить, что этот заказ был выполнен итальянской стороной с опозданием и поступил в Азербайджан только накануне падения АДР. Итальянское обмундирование успела получить лишь незначительная часть офицеров, да и те вскоре под угрозой предания военно-революционному суду были вынуждены сдать его в интендантство согласно приказу военного ведомства Азербайджанской Советской Республики, подписанному 13 мая 1920 года военно-морским комиссаром Чингизом Ильдрымом. Одновременно проводилась большая работа по изменению и упорядочению униформы. С этой целью была создана специальная комиссия под председательством заместителя военного министра генерал-лейтенанта А. Шихлинского¹⁰.

Разработанная комиссией униформа была утверждена приказом по Военному ведомству Азербайджанской республики от 11 января 1919 г. № 118.

В качестве основного головного убора для личного состава пехотных частей вводилась светло-коричневая папаха с верхом того же цвета, а для кавалеристов, артиллеристов, сапёров —

чёрная папаха (для артиллерии и сапёров — с чёрным верхом, для 1-го кав. полка — с белым, для 2-го кав. полка — с зелёным, для 3-го кав. полка — с красным и 4-го кав. полка — с оранжевым верхом без галунов). В качестве униформы для офицеров сохранился френч или китель с костяными пуговицами защитного цвета или цвета хаки (разрешалось донашивать френчи и кители русского, турецкого и английского покроя), для аскеров — рубаха кавказского образца. В качестве верхней одежды для офицеров — пальто серого сукна с выпушкой по воротнику и петлицами по роду войск, для аскеров — шинель солдатского сукна.

В качестве личного оружия в кавалерии и артиллерии сохранены кинжалы. Весь офицерский состав носил кавказские шашки, сохранялось разрешение на ношение традиционного родового оружия. Револютеры и пистолеты носились в кобурах на поясном или плечевом ремнях. Исключением из общего правила было особое подразделение охраны парламента в составе 150 военнослужащих под командованием полковника Магомед-бека Алиева.

Рис.5. Военный парад АДР 1919 г.

Офицеры подразделения носили чуху с аксельбантами, а личный состав — кинжалы и в качестве элемента снаряжения — брезентовые плечевые патронташи. Система званий азербайджанской армии была сохранена по прежнему российскому образцу.

Из знаков различия были сохранены погоны и установлены эмблемы по родам войск. Но в отличие от русских все погоны должны были иметь синюю окантовку. Для пехоты, артиллерии и вспомогательных частей устанавливалось золотое поле погон, а для кавалерии и сапёров — серебряное. По полю погона канителью вышивалось слово «Азербайджан» в существовавшей на тот момент арабской графике письма. Эмблемы были следующими:

- пехота — скрещенные винтовки, кавалерия — скрещенные сабли, артиллерия — скрещенные стволы орудий,
- сапёры — скрещенные топор и лопата, авиация — скрещенные мечи на крылатом пропеллере, автомобилисты — крылья с рулём на колесах.

Эмблемы носились офицерским составом на погонах, а рядовыми только при парадной фор-

ме на петлицах или в качестве нарукавных нашивок. Цвета петлиц были присвоены по номерам полков в дивизии: у первых полков — красные, у вторых — синие, у третьих — жёлтые. В кавалерийской дивизии для четвёртого полка петлицы зелёные. К началу 1920 года процесс формирования Азербайджанской национальной армии был завершён.

К моменту падения республики в апреле 1920 г.ода были также сформированы 7-й Ширванский и 8-й Агдамский пехотные полки, на базе которых планировалось развернуть 3-ю пехотную дивизию. В пехотном полку было 2000, а дивизия имела в своем составе 6000 штыков.

Командный состав для армии готовился в Военном училище в Баку, имевшем пехотное, артиллерийское и инженерно-сапёрное отделения.

В азербайджанской армии было около 600 офицеров, из которых 60 находились на штабных должностях. Бронесилы республики составляли 3 (три) бронепоезда и шесть броневиков.

Личный состав бронесил готовился в открытой 10 августа 1919 года Военной железнодорожной

Рис. 6. Солдаты и офицеры армии АДР перед входом в Парламент.

школе. Авиацию составляли пять аэропланов и несколько гидропланов. Планировалось открытие лётной школы на базе существовавшей в Баку до революции школы морской авиации. 7 апреля в 12 часов дня большевистские организации Баку предъявили Азербайджанскому парламенту ультиматум о сдаче власти.

На востоке страны и в Баку было очень мало войск и о каком-либо военном противостоянии с частями 11-й армии не могло быть и речи. В этих условиях парламент республики принял постановление о добровольной передаче власти большевикам при соблюдении ряда условий, одним из которых было сохранение Азербайджанской армии. Дальнейшая судьба Азербайджанской армии мало чем отличалась от судьбы Российской армии после 1917 года.

Немалая часть офицеров и аскеров перешли на службу в РККА. В их числе военный министр генерал Самед-бек Мехмандаров и его заместитель генерал-лейтенант Али-ага Шихлинский. Оба работали в Управлении инспектора артиллерии РККА в Москве, Шихлинский также преподавал в Высшей артиллерийской школе РККА. Затем они продолжили службу в Баку, занимались преподавательской и военно-научной работой. Первый вышел в отставку персональным пенсионером в 1928 году, второй также получил персональную пенсию годом позже.

Командир 2-го Карабахского полка Кавалерийской дивизии подполковник Джумшуд-хан Нахичеванский получил звание комбрига, командовал Азербайджанской дивизией РККА, преподавал на кафедре тактики Военной академии РККА им. Фрунзе в Москве и был расстрелян в ходе репрессий 1938 года. Заместитель командира 2-го Загатльского пехотного полка

бывший штабс-капитан Русской императорской армии Тарлан Абдулла оглы Алиярбеков в РККА дослужился до генерал-майора и в годы Великой Отечественной войны командовал 416-й и 402-й азербайджанскими стрелковыми дивизиями, был заместителем командира 58-го стрелкового корпуса. Многие не приняли советскую власть. Начальники Генерального штаба генерал-лейтенант Сулейман-бек Сулькевич и генерал-майор Габиб-бек Салимов, командир 2-й пехотной дивизии генерал-майор Ибрагим-ага Усубов и его заместитель генерал-майор князь Авель Гаврилович Макаев (Макашвили), командиры обеих артбригад полковники Даньял-бек Галладжев и Рустам-бек Шихлинский, командир 2-го Загатальского полка Ахмед-бек Дибиров — вот далеко не полный список азербайджанских офицеров, подвергнутых аресту за отказ сотрудничать с большевиками и расстрелянных в Баку в 1920 году.

28 мая 1920 года восстали против советской власти части Азербайджанской армии, расквартированные в Гяндже. Руководили восстанием генералы Мамед Мирза Каджар, Джавад-бек Шихлинский, Теймур-бек Новрузов и полковник Джахангир-бек Кязымбеков. В ходе трёхдневных боёв с прибывшими из Баку частями РККА мятеж был подавлен, остатки разбитых подразделений восставших ушли в горы.

Не принявшие советскую власть офицеры покинули Азербайджан и продолжили службу в

Рис. 7. Боевое знамя Таганрогской Краснознаменной Ордена Суворова 416-й Азербайджанской стрелковой дивизии (Знаменный фонд НМИА).

Рис.8.Шовкет Салимова, капитан морского парохода, в довоенные годы - оперная певица.

армиях других государств. Так, один из руководителей Гянджинского восстания генерал-майор Джавад-бек Шихлинский продолжил службу в иранской армии в качестве командира Ардебильского гарнизона, а поручик 3-го Шекинско-го кавалерийского полка Вели-бек Ядигяр, поступив на службу в польскую армию, окончив Высшую военную академию Войска Польского и встретил сентябрь 1939 года в должности начальника штаба Мазовецкой кавалерийской бригады.

После свержения правительства АДР была образована Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. На основании постановления Революционного комитета Азербайджанской ССР, от 8 апреля 1920 г. был образован Народный комиссариат по военным и морским делам Азербайджанской ССР, который подчинялся РВС 11-й (с мая 1921 г. Отдельной Кавказской) армии. Из отрядов Красной гвардии была сформирована Азербайджанская Красная Армия, основным ядром которой стал «железный полк», сформированный в 1918 году из отряда Красной гвардии Бакинской коммуны. Армия АДР вошла в состав Азербайджанской Красной Армии. В мае была сформирована 1-я сводная Азербайджанская дивизия. 9 октября Азербайджанская Красная армия была переименована в Азербайджанскую стрелковую горную дивизию им. Серго Орджоникидзе, став первой национальной дивизией в составе РККА.

ВМС Азербайджана, поддержавшие апрельский переворот, были переименованы в Красный флот Советского Азербайджана, который

возглавил Чингиз Ильдырым. 1 мая корабли Волжско-Каспийской военной флотилии вошли в Баку, где вскоре был образован Каспийский военный флот в составе трех вспомогательных крейсеров, 10 миноносцев, четырех подводных лодок и других кораблей. 18 мая корабли Волжско-Каспийской и Азербайджанской флотилий и десантные отряды заняли Энзели. 12 июня приказом РВС 11-й Красной Армии для борьбы с контрреволюционными силами в Азербайджане, обороны рек Кура и Аракс, была создана Куринская военная флотилия, переименованная 28 июля того же года в Куринский речной отряд. В это же время Каспийский и Азербайджанский флоты были объединены в Морские силы Каспийского моря, переименованные 27 июня года в Каспийскую флотилию ВМС СССР. Российский военный специалист Александр Широкоград отмечает, что Азербайджанский флот прекратил своё существование не ранее 1921 года. Касательно Каспийского речного отряда, то он был расформирован 17 сентября 1920 года приказом начальника Морских сил Каспийского флота, и в октябре на основе судов отряда вновь сформирована Каспийская военная флотилия. 22 февраля 1921 года она была передана в Пограничный отряд 11-й Красной Армии.

Постановлением ЦИК Советов Азербайджана, Армении и Грузии от 2 декабря 1922 года наркомат был преобразован в военный комиссариат, как составную часть Наркомвоенмора ЗСФСР.

После начала Великой Отечественной войны в Азербайджанской ССР было создано 87 батальонов, 113 отряда самообороны. Сформированы 77-я стрелковая дивизия, 223-я стрелковая дивизия, 396-я стрелковая дивизия, 402-я стрелковая дивизия, 416-я стрелковая дивизия. Части и соединения, в которых присутствовала значительная доля граждан Азербайджанской ССР,- 416-я стрелковая Таганрогская Краснознамённая Ордена Суворова дивизия, Рис.7., 76-я горнострелковая Краснознамённая дивизия им. К. Е. Ворошилова (позднее 51-я гвардейская стрелковая Таганрогская ордена Ленина Краснознамённая Ордена Суворова дивизия), 77-я стрелковая Симферопольская Краснознамённая Ордена Суворова дивизия, 223-я стрелковая Белградская Краснознамённая дивизия, 227-я стрелковая Краснознамённая Темрюкская дивизия, 71-я стрелковая Горловская Краснозна-

мённая ордена Богдана Хмельницкого дивизия, 402-я стрелковая дивизия, 396-я стрелковая дивизия¹².

Боевое знамя 416-й стрелковой Таганрогской Краснознамённой Ордена Суворова дивизии и полковые знамена вышеупомянутой и 3-й стрелковой Белградской Краснознамённой дивизии хранятся в знаменном фонде Национального Музея Истории Азербайджана.

При общей численности населения в 3,4 млн человек (по состоянию на 1941 г.) от Азербайджанской ССР на фронт были призваны 681 тыс. человек, в том числе 10 тыс. женщин. 300 тыс. граждан СССР, призванных из Азербайджана, погибли на полях сражений. Для воинских частей были подготовлены 15 тыс. медсестёр и сандружинниц, 750 связистов, 3 тыс. шофёров. В войне также участвовали азербайджанские женщины, среди которых партизанка Алия Рустамбекова, снайпер Зиба Ганиева, зенитчица Алмаз Ибрагимова, капитан морского парохода Шовкет Салимова Рис.8 и многие другие¹¹.

Основными местами сражений солдат из Азербайджанской ССР были бои за Брестскую крепость, оборона Ленинграда, оборона Москвы, битвы за Сталинград, Кавказ, Курская дуга. На Украине в основном на Крымском полуострове. В освобождении Прибалтики и Восточной Европы, в битве за Берлин¹².

В советский период коммунистическая идеология и национальная политика государства вступили в острые противоречия. Несмотря на провозглашаемый расцвет национальных республик, социалистическая идея по сути была враждебна идее нации. Но несмотря на вышеупомянутое обстоятельство, по личной инициативе и благодаря долгой целенаправленной политике национального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева 19 апреля 1971 года решением ЦК КП Азербайджана на базе восьмилетней интернат-школы №2 в городе Баку было создано училище имени Джамшида Нахчыванского. 4 ноября 1997 года распоряжением президента Азербайджанской Республики училище было переименовано в Военный лицей имени Джамшида Нахичеванского.

После обретения республикой независимости выпускники военного лицея всегда принимали самое активное участие в создании нашей армии и в борьбе за сохранение территориаль-

ной целостности нашей родины. Военный лицей имени Джамшида Нахичеванского является среднеобразовательным учебным заведением интернатного типа на полном попечении государства.

В октябре 1987 году Гейдар Алиев в знак протеста против политики, проводимой Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и лично генеральным секретарем Михаилом Горбачевым, ушел в отставку с занимаемых должностей. В связи с трагедией 20 января 1990 года (имеется в виду подавление политической оппозиции подразделениями Советской Армии в ночь на 20 января в Баку. Этим событиям предшествовали погромы армянского населения Баку из-за конфликта в Нагорном Карабахе. Прим. редактора) Гейдар Алиев выступил на следующий день в представительстве Азербайджана в Москве с заявлением, потребовав наказать организаторов и исполнителей преступления, совершенного против азербайджанского народа. В знак протеста против некомпетентной политики руководства СССР в связи с возникшей в Нагорном Карабахе острой конфликтной ситуацией он в июле 1991 года покинул ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Возвратившись в июле 1990 года в Азербайджан, Гейдар Алиев жил сначала в Баку, а затем в Нахчыване, в том же году он был избран депутатом Верховного Совета Азербайджана. В 1991—1993 гг. Гейдар Алиев занимал пост председателя Верховного Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики, заместителя председателя Верховного Совета Азербайджанской Республики.

Когда Азербайджанская Республика обрела свою независимость 18 октября 1991 года, она уже находилась в состоянии войны с Республикой Армения. Армения, имеющая территориальные притязания к Азербайджану на протяжении всей истории, совместно с некоторыми другими силами, желающими расчленивать нашу страну, стремилась отторгнуть от нее некоторые территории (Нагорный Карабах в 1991 году был провозглашен республикой. Прим. редактора).

До возвращения общенационального лидера Гейдара Алиева к власти силы, находившиеся в руководстве Азербайджана, проявили безответственность, не сумев создать Национальную

армию для защиты целостности страны. Из-за некомпетентной политики вооруженные силы фактически не развивались.

В результате армянским вооруженным силам удалось оккупировать 20 процентов азербайджанских земель, более миллиона азербайджанцев были насильственно изгнаны со своих родных земель, десятки тысяч людей погибли.

После прихода по требованию народа Гейдара Алиева к власти в 1993 году и его избрания Президентом Азербайджанской Республики ситуация в корне изменилась, был дан сильный импульс проведению мероприятий в сфере строительства армии, созданы необходимые условия для создания боеспособных Вооруженных Сил. Было достигнуто прекращения огня на линии фронта, создана возможность для проведения реформ не только в Вооруженных Силах, но и во всех других сферах¹. Структурные преобразования в составе Вооруженных Сил позволили планировать боевые операции под единым руководством, управление воинских частей стало вестись согласно требованиям военной науки, началось усо-

вершенствование кадров и, в конечном итоге, достигнуты качественные преобразования в Вооруженных Силах. Начиная со второй половины 1993 года в результате последовательной и целенаправленной политики руководства Азербайджана, после установления обществено-политической стабильности, ликвидации регрессирующих процессов в экономике постепенно был преодолен кризис, заложен фундамент для нового этапа развития. Рис.9.

20 сентября 1994 года в условиях политической, экономической и информационной блокады, когда мировое сообщество об Азербайджане либо вообще не имело никакого представления, либо о нашей республике было сформировано отрицательное мнение, Гейдару Алиеву удалось подписать «Контракт века» с ведущими нефтяными компаниями мира, имеющий жизненно важное значение для страны. Как отмечал Гейдар Алиев, «с подписанием «Контракта века» Азербайджан открыл Каспийское море и свои энергетические ресурсы для всего мира, а насколько это событие стало важным для будущего страны, показала история»¹.

Рис.9.Общенациональный лидер Гейдар Алиев на линии фронта (апрель 1994 г.)

В январе 1997 года были созданы азербайджанские миротворческие силы. В результате целенаправленного внимания и действенных усилий, проявленных президентом Азербайджанской Республики Гейдаром Алиевым к Вооруженным Силам, материально-техническое снабжение армии, в отличие от предыдущих лет, качественно улучшилось, была приведена в порядок финансово-хозяйственная деятельность. Создание предприятий по производству оружия, военной техники, военного снаряжения, оборудования для тыла придало импульс развитию других отраслей промышленности страны¹. Особое внимание уделялось морально-психологической подготовке личного состава, повышению боевого духа, усилению военно-патриотической работы. С целью развития системы военного образования в Азербайджанской Республике 20 февраля 1999 года президент Гейдар Алиев подписал Указ о создании Военной академии.

На сегодняшний день Национальная Армия Азербайджанской Республики является лидером на Кавказе и находится среди передовых армий мира². Наглядно это показал торжественный военный парад по случаю 100-летнего юбилея создания Вооруженных Сил Азербайджанской Республики, прошедший 26 июня 2018 года на площади Азадлыг в Баку.

На параде присутствовали Президент Азербайджанской Республики, Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами Ильхам Алиев, первая леди Мехрибан Алиева. Рис.10. Военный парад наблюдали официальные представители государства и правительства, депутаты Милли Меджлиса, послы, военные атташе зарубежных стран в нашей республике, сотрудники международных организаций, руководители делегаций, прибывшие в нашу страну в связи с юбилейным мероприятием, ветераны и представители общественности столицы.

Присутствовали также около 100 представителей из Турции, Пакистана, Республики Беларусь, Бахрейна, Объединенных Арабских Эмиратов, Грузии, Ирана, Израиля, Казахстана, Узбекистана, Российской Федерации, Саудовской Аравии и Украины. В военном параде принимали участие около 4000 человек личного состава министерств обороны, внутренних дел, по чрезвычайным ситуациям, службы государственной

Рис.10. Верховный Главнокомандующий Президент Ильхам Алиев и Первая вице-президент Мехрибан Алиева на военном параде по случаю 100-го юбилея создания Вооруженных Сил Азербайджана, 26 июня 2018 г.

безопасности, государственной пограничной службы и, особой службы государственной охраны, а также Вооруженных Сил Турецкой Республики. На торжественной церемонии были продемонстрированы более 40 единиц военной техники, корабли, свыше 70 летательных средств, в том числе недавно принятая на вооружение самая современная бронетехника, новейшее оружие и техника – ракетные и артиллерийские установки, системы противовоздушной обороны, вертолеты, беспилотные летательные аппараты.

Это еще раз показало, что в последние годы наша армия значительно окрепла. Формула «сильная армия, опирающаяся на мощную экономику» стала одним из основных направлений деятельности Президента Ильхама Алиева. Стремительное экономическое развитие нашей страны сыграло важную роль в превращении вооруженных сил в профессиональную армию, отвечающую современным стандартам. Наряду

со стабильностью, динамичным экономическим развитием, строительство мощной армии является одним из основных факторов, характеризующих современный Азербайджан.

Исторический анализ событий 1917-1920 гг. и современности позволяет сказать, что, несмотря на революционные изменения общественного устройства Азербайджана в течение XX в., во-

енное дело, начатое в период Азербайджанской Демократической Республики 1918-1920 гг. и продолженное в годы советской власти, послужило отправной точкой и основой для создания современных Вооружённых Сил Азербайджанской Республики. Военный парад 2018 года еще более укрепил у нашего народа нерушимую веру в окончательную победу над врагом.

- ¹ *Идущий впереди: к 90-летию Гейдара Алиева. Вестник Кавказа; АИРО-XXI, - М., 2013. - 368 с.*
- ² *А. Гасанов, А. Асланов. отв. за вып. Р. Мехтиева. Ильхам Алиев - Пятнадцать лет на посту Президента : летопись достижений: 2003-2018. - Баку : Zardabi LTD ММС, 2018. - 184 с.*
- ³ *Вояхонский, М. По следам Азербайджанской Демократической Республики/М. Вояхонский, М. Муханов.- М., 2007. - С. 126.*
- ⁴ *Расул-заде, М.Э. Сборник произведений и писем/ М.Э. Расул-заде. - М., 2010. - С. 66.*
- ⁵ *РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 486. Л. 44.*
- ⁶ *Eldem E. Pride and Privilege. A History of Ottoman Orders, Medals and Decorations/ E. Eldem. - Istanbul, 2004.*
- ⁷ *Бадаев, А. Азербайджанское национально-демократическое движение 1917-1920 гг. /А. Бадаев. - Баку, 1990. - С. 35.*
- ⁸ *Rihlim, M., Azerbaycan Xalq Cumhuriyeti ve Qafqaz Islam ordusu. Qafqaz universitetin arashdirmalar institute/ M. Rihlim, M. Suleymanov. -Baki, 2008.- 352 s.*
- ⁹ *Архив военной истории и департамента стратегических исследований Генерального штаба (Анкара, Турция). Ф. 3821. Д. 15. Л. 57.*
- ¹⁰ *Приказ по Военно-морскому комиссариату от 13 мая 1920 г. N 38 // РГВА. Ф. 195. Оп. 4. Д. 89. Л. 25об.*
- ¹¹ *Мадатов, Г. А. Азербайджан в Великой Отечественной войне/Г.А. Мадатов. — Баку: Элм, 1975. - 403 стр.*
- ¹² *Абасов, М.Г. Баку в годы Великой Отечественной войны/ М.Г. Абасов .- Баку: «Азернешр», 1967.- 264 с.*
- ¹³ *Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920./ Н. Агамалиева - Баку: Элм, 1998. - 316 с.*

*Лариса Семеновна Гончарова,
Россия, Белгород, Белгородский государственный
историко-художественный музей-диорама
«Курская битва. Белгородское направление,
старший научный сотрудник, член БРО РВИО*

На земле опаленной

Экспозиция Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление»

*Те бои - как мера нашей силы.
Потому она и дорога,
Насмерть прикипевшая к России
Курская великая дуга...*

Герой Советского Союза М.Ф. Борисов

История Белгородчины на протяжении многих веков тесно связана с крупнейшими событиями военной истории нашей страны. В июле 1943 г. на просторах курских, орловских и белгородских степей, Харьковской и Сумской областей состоялось одно из решающих сражений Великой Отечественной и Второй мировой войн, в финале которого нацистская Германия и её союзники были поставлены перед катастрофой неминуемого поражения. И это кровопролитное, бескомпромиссное, гигантское столкновение Красной Армии и вермахта, вошедшее в мировую историю под названием Курской битвы, явилось одним из важнейших этапов на пути к победе.

Сражение на Огненной дуге продолжалось 50 дней, с 5 июля по 23 августа 1943 г. По напряженности, динамичности, интенсивности, накалу борьбы, промежуточным и конечным результатам оно превзошло все предшествующие аналогичные битвы. Территория, на которой велись боевые действия (135 тыс. кв. км), равна территории Греции или таких государств, как Албания, Бельгия, Дания и Нидерланды вместе взятые.

В сражение с обеих сторон были вовлечены огромные людские массы, силы и средства: более 4-х млн. человек, а это всё население Норвегии и Исландии от младенцев до стариков, около 70 тыс. стволов полевой артиллерии, 13 тыс. танков и другой бронетехники, до 12 тыс. самолетов¹.

4 августа 1987 г. в городе Первого салюта Белгороде, в канун 44-й годовщины освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, был открыт историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление», увековечивший подвиг бойцов и командиров Красной Армии, тружеников тыла в судьбоносной битве на Курской дуге. (Рис 1).

Рис. 1. Музей – диорама «Курская битва. Белгородское направление». г. Белгород.

Место для музея выбрала сама история: он расположен в центре города, на улице героя – танкиста Андрея Попова, первым ворвавшегося со своим экипажем в город 9 февраля 1943 г. при первом освобождении города; в комплексе парка Победы на берегах реки Везелки, где проходили тяжелые бои в ходе окончательного изгнания врага; Преображенский кафедральный собор, возведенный и освященный в честь победы русского воинства в Отечественной войне 1812 г. колокольным звоном поминает воинов положивших «душу свою за други своя».

Музей был задуман как памятник Победы на Курской дуге. Над созданием крупнейшей в Европе диорамы работали мастера единственной в стране орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды Студии военных художников им. М.Б. Грекова: народный художник РСФСР Лауреат Государственной премии СССР им. Т.Г. Шевченко Н. Бут, заслуженные художники России Г. Севостьянов и В. Щербаков, а также художник М. Сычев. Научным консультантом был назначен участник Курской битвы старший научный сотрудник Института военной истории МО СССР полковник Г.А. Колтунов, кандидат исторических наук².

Диорама запечатлела встречное танковое сражение 12 июля 1943 г. в районе малоизвестной железнодорожной станции Прохоровка – переломный момент в боях на южном фесе Курской дуги. Величественная, полная драматизма картина стала одним из самых масштабных художественных произведений, посвященных Великой Отечественной войне. (Рис. 2).

Размеры диорамы позволили художникам отобразить общую картину сражения, показать его размах, накал, воинское мастерство, мужество и массовый героизм защитников Отечества. Отображенные эпизоды исторически достоверны, а герои полотна имеют портретное сходство.

Однако непосвященному посетителю без полной информации о Курском выступе, стратегической обстановке на фронте и боевых действиях, предшествующих боям на прохоровском направлении, трудно представить масштабы сражения, место отображаемых на картине событий, историческую роль победы в Курской битве.

В связи с этим с момента открытия диорамы научными сотрудниками велась кропотливая работа по сбору предметов музейного значения среди участников битвы и их близких, выявление документов в архивах, уточнение научных

Рис. 2. Диорама Прохоровского танкового сражения.

взглядов на историю битвы. Большую помощь в этом оказали ветеранские организации города и области, советы ветеранов дивизий и армий, музеи Боевой славы средних школ №13, №20 г. Белгорода.

В эти годы первому поколению специалистов музея важно было сформировать уникальное музейное собрание, создать динамичную, интересную для зрителя экспозицию, запечатлевшую исторический вклад и духовный опыт поколения фронтовиков – победителей.

4 августа 1993 г., в дни празднования 50-летия битвы на Огненной дуге и освобождения г. Белгорода, была открыта постоянно действующая военно-историческая экспозиция «На земле опаленной». Над ее созданием работали научные сотрудники – экспозиционеры в творческом содружестве с художниками Санкт-Петербургского комбината живописно-оформительского искусства – В. Пискуновым, М. Жаком, М. Кудрявцевым, К. Пискуновым³.

Открытие экспозиции в не легком для всех 1993 г. стало важным событием в культурной, общественной жизни региона и, как показала жизнь, одной из исторических точек роста патриотического самосознания.

На открытии экспозиции присутствовали участники Курской битвы – Герои Советского Союза летчик – штурмовик Г.Т. Левин, танкист А.Г. Ачкасов, пехотинец Н.Г. Шеломцев, гвардии старшина медицинской службы Е.С. Катукова, вдова Маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова, руководство области и города, жители и гости города.

Главная идея экспозиции «На земле опаленной» заключается в том, чтобы раскрыть

историческую роль Курской битвы – коренного перелома в ходе Второй мировой войны, показать массовый героизм и стойкость воинов Красной Армии, представителей разных национальностей.

Цели: сохранение исторической памяти, формирование патриотического сознания молодого поколения, посетителей музея.

Экспозиция «На земле опаленной» размещена в 2-х залах второго этажа музея на площади 1176 кв. метров. Она содержит более 850 экспонатов. В залах экспозиции представлены редкие фотографии, документы по истории битвы, оружие, государственные награды, личные вещи и другие предметы – все они воссоздают облик защитников Отечества.

Масштабные художественные полотна «Подвиг бойцов батальона капитана А. Бельгина» народного художника В.М. Сибирского, многоплановые, включающие несколько сюжетных линий диптихи «Женщины и война», «Память» и «Освобождение», «Вечный огонь» народного художника РФ А.М. Самсонова, ведущих мастеров Студии им. М.Б. Грекова, художественными средствами раскрывают страницы истории белгородского края.

В первом зале — зале Боевой Славы, представлены материалы, знакомящие посетителей со стратегической обстановкой на советско-германском фронте к началу летне-осенней кампании 1943 г., с героическими свершениями советских воинов в оборонительных боях на томаровско-обоянском и белгородско-корочанском направлениях 5 – 23 июля 1943 г., с трудовым подвигом строителей железной дороги Старый Оскол – Ржава.

Экспозиционные комплексы, карты-схемы позволяют по дням проследить динамику тяжелых оборонительных боев на южном фланге Курской дуги.

Здесь собраны материалы о прославленных полководцах и военачальниках Курской битвы: генерале армии Н.Ф. Ватутине, командующем войсками Воронежского фронта, генерал-полковнике И.С. Коневе, командующем Степным фронтом, генерал-лейтенанте С.П. Иванове, начальнике штаба Воронежского фронта, командующих армиями М.Е. Катукове, М.С. Шумилове, П.А. Ротмистрове, А.С. Жадове, командирах и рядовых солдатах.

Рис. 3. «Встреча в штабе Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина и генерал-лейтенанта М.Е. Катукова». Сюжетный комплекс.

Особое внимание привлекают сюжетные комплексы – многофигурные композиции «Встреча в штабе Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина и генерал-лейтенанта М.Е. Катукова», «Командно-наблюдательный пункт 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова под Прохоровкой» с портретным сходством исторических лиц. (Рис. 3).

Тема героизма, ратного подвига – вечно живая, благородная тема. Во все времена и у всех народов существовала традиция почитания и прославления воинов-героев.

А.В. Суворов считал героизм высшим качеством воина. «Возьми себе в образец героя, – писал он, – наблюдай его, иди за ним вслед; поравняйся, обгони, слава тебе».

За доблесть и мужество, проявленные в боях на Курской дуге высшей награды Родины – звания Героя Советского Союза были удостоены 231 воин; из них 89 – посмертно. Из общего числа Героев Курской битвы в возрасте до 20 лет – 42 человека; от 21 до 25 лет – 88⁴.

6 июля танковая рота гвардии капитана В.А. Бочковского из состава 1-й танковой армии ге-

нерал-лейтенанта танковых войск М.Е. Катукова занимала южные подступы к деревне Яковлево. Десять наших танков по обе стороны Обоянского шоссе вступили в неравный поединок с 70-ю танками гитлеровцев. С воздуха позиции танковой роты непрерывно бомбили группами по 30-50 машин самолеты противника. До 10 часов гвардейцы капитана Бочковского выдерживали натиск врага и уничтожили 17 танков. Но и наши танкисты понесли большие потери⁵.

Танковый экипаж гвардии лейтенанта В. С. Шаландина, командира танкового взвода 1-й гвардейской танковой бригады, подбил два танка «тигр», один средний танк, три ПТО и уничтожил около 40 фашистов. Лейтенант В. Шаландин сгорел в танке, до конца выполнив воинский долг, на том месте, где приказано было держать оборону его взводу. Это был его первый и последний бой. За отвагу, героизм и мастерство, проявленные в боях, лейтенант В.С. Шаландин посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза⁶.

Герой – танкист похоронен в братской могиле поселка Яковлево. Одна из улиц г. Белгорода носит имя В.С. Шаландина.

Рис. 4. Экспозиция «На земле опаленной». Комплекс «Герои оборонительных боев 6 июля 1943 г.».

Рис. 5. Экспозиция «На земле опаленной». Комплекс «Подвиг М.Ф. Борисова».

В экспозиции представлены фотография В.С. Шаландина, грамота о присвоении звания Героя Советского Союза посмертно, открытые письма 19-летнего воина к родным, извещение о гибели. Семейные реликвии переданы в музей-диораму его племянницей В.В. Черненко (г. Москва). (Рис. 4).

В боях с врагом отстаивали независимость страны воины разных национальностей: русские – 170 человек, украинцы – 38, белорусы – 4, татары – 4, узбеки – 3, армяне – 2, таджики – 2, евреи – 2, осетины – 2, 1 казах, 1 литовец, 1 дунганин, 1 удмурт⁷.

В воздушных сражениях совершил подвиг лётчик-истребитель 88-го гвардейского истребительного полка старший лейтенант А.К. Горовец, уроженец деревни Мошканы Витебской области.

6 июля 1943 г. он принял неравный бой: один против 20-ти самолетов противника, и 9 из них уничтожил в районе хутора Зоринские Дворы⁸.

Указом Президиума Верховного Совета от 28 сентября 1943 г. Александру Константиновичу Горовцу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

6 июля 1943 г. в белгородском небе открыл свой боевой счет прославленный лётчик, будущий трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб. Позже он участвовал в воздушных боях под Харьковом, на Днестре, закончил войну в Берлине. На его личном боевом счету до конца войны 330 боевых вылетов и 62 сбитых вражеских самолёта.

В залах музея представлены фотоработы знаменитых фронтовых корреспондентов Л. Великжанина, А. Капустянского, Ф. Кислова, О. Кнорринга, Я. Рюмкина, скульптурные портреты Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, представителя Ставки ВГК на Курской дуге, народного художника РСФСР В. Сонины, Героя Советского Союза М.Ф. Борисова – работа заслуженного художника РСФСР И. Першудчева.

В течение пяти дней продолжались ожесточенные оборонительные бои на белгородском направлении. Противник не терял надежды найти слабое звено в обороне Воронежского фронта и любой ценой прорваться к Курску. 10 июля немецкое командование перегруппировывает свои силы, концентрируя их на более узком участке фронта, и бросает к железнодорожной станции Прохоровка.

Командование советских войск принимает решение нанести контрудар силами 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А.С. Жадова, перебросенных сюда со Степного фронта. С 10 июля 1943 г. развернулись кровопролитные бои на прохоровском направлении. Комплекс материалов представляет тех, кто сражался и побеждал на Прохоровском поле.

11 июля 1943 г. в районе станции Прохоровка (ныне посёлок Белгородской области) совершил подвиг гвардии сержант М. Ф. Борисов. Одна из батарей артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады была атакована 19 танками противника. В ходе жаркого боя сержант М. Борисов подбил 7 гитлеровских танков. Только после тяжелого ранения и подоспевшей помощи Михаил Борисов прекратил бой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. за мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Фёдоровичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Комплекс составляют фотографии, военная форма, книги, скульптурный портрет Героя Советского Союза сержанта М.Ф. Борисова. (Рис. 5)

В экспозиции – фотографии, письма к родным командира 32-й танковой бригады, одной из лучших в 5-й гвардейской танковой армии, полковника А.А. Линева. До прибытия в 29-й танковый корпус, с 26 января по 12 октября 1942 г., он занимал должность заместителя командующего Дальневосточным фронтом по автобронетанковым войскам.

40-летний полковник Алексей Алексеевич Линёв возглавил 32-ю танковую бригаду с 8 января 1943 г. Судя по действиям 32-й тбр 12 июля 1943 г. под Прохоровкой, Алексей Алексеевич был человеком решительным и целеустремленным, твердо управлявшим соединением. За храбрость в боях он был награжден орденом Отечественной войны I-й степени⁹. 26 августа 1943 г. полковник А.А. Линёв погиб при освобождении Украины¹⁰.

Главный Маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров дал высокую оценку воинам Прохоровского сражения: «В тот день не было танкистов, артиллеристов, мотострелков, связистов,

Рис. 6. «Командно-наблюдательный пункт 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова под Прохоровкой». Сюжетный комплекс.

Рис. 7. Комплекс «И.С. Конев. Герои освобождения Белгорода».

которые бы не проявили отваги и боевой доблести в схватках с врагом. Все, кто бился в Прохоровском сражении, были настоящими героями»¹¹. (Рис. 6)

В основу построения экспозиции положен проблемно-хронологический принцип. Это позволило провести группировку и интерпретацию экспозиционных материалов в соответствии с принятой в исторической науке хронологией событий, отразив их во временной последовательности и развитии, в то же время – раскрыть проблемы, имеющие основополагающие значения для раскрытия исторического процесса. Во многом, метод размещения был продиктован самой архитектурой здания музея-диорамы.

Содержательная сторона экспозиции неотделима от её формы. Экспозиция исполнена «в обрамлении» железа войны – макетов, фрагментов брони танков и САУ, военной техники, подлинных археологических находок с мест боев.

Экспозиционные витрины стилизованы и вписаны в художественный образ экспозиции. Художественная форма экспозиции, таким образом, обогащает, усиливает эмоциональное и содержательное значение, заключенное в экспонатах.

Художниками найдено цветовое решение экспозиции: зримым, активно воздействующим фоном проходят перед посетителями три основных цвета войны: серый – цвет солдатских шинелей, пыльных фронтовых дорог, черный – цвет гари и дыма, красный цвет – пролитой крови во имя великой Победы.

В настоящее время в военно-историческую экспозицию включены фонодокументы. Экспозиция сопровождается записями воспоминаний участников битвы, песен и стихотворений – спутников Великой Отечественной войны, песен военно-патриотического характера. Для расширения информативности введена система компьютеров с тематическими базами данных.

Таким образом создана эстетически полноценная, эмоционально воздействующая среда. Каждый элемент экспозиции, группы экспонатов и экспозиционные залы в целом получили свое, обусловленное содержанием архитектурно-художественное решение.

В ночь на 19 июля 1943 г. на белгородском направлении в наступление включились войска Степного фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева. К 23 июля силами двух

фронтов враг был отброшен на рубежи, с которых начинал наступление. На общем фоне развернувшихся летом 1943 г. боёв, оборонительная операция выглядит как одна из ярчайших и крупных, лёгших в основу катастрофы фашистской армии¹².

Второй зал экспозиции посвящен освобождению г. Белгорода 5 августа 1943 г. Утром 3 августа 1943 г. силами Воронежского и Степного фронтов началась Белгородско – Харьковская наступательная операция «Полководец Румянцев».

В зале размещен комплекс, посвященный И.С. Коневу, командующему войсками Степного фронта; с 1963 г. маршал И.С. Конев – Почетный гражданин города Белгорода (Рис. 7), материалы, рассказывающие об особо отличившихся при освобождении нашего города 89-й гвардейской и 305-й стрелковых дивизиях, 23-м гвардейском бомбардировочном авиаполке дальнего действия, удостоенных почетного наименования «Белгородских», соединениях, сформированных на Белгородчине, белгородцах, участвовавших в освобождении родного города: майоре М.Г. Боеве, водрузившем знамя над городом, артиллеристе капитане Н.П. Ковтуне и других героях. Особое волнение вызывают фотографии фотокорреспондента газеты «Правда» Галины Санько, на которых запечатлен разрушенным некогда цветущий город.

В центре зала – орден Отечественной войны I-й степени – награда города Белгорода за мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, грамота Президента РФ о присвоении городу почетного наименования «Город Воинской славы».

Завершают экспозицию материалы об освобождении г. Харькова 23 августа 1943 г., панно с именами Героев Советского Союза, удостоенных высокого звания за отличие в боях на белгородском направлении битвы.

Музей стал одним из самых посещаемых в Белгородской области. Вниманию посетителей предлагаются временные выставки военно-исторической и художественной тематики. На открытых площадках музея представлена внешняя экспозиция: образцы оружия Победы – артиллерийской, танковой и авиационной техники.

Ежегодно более 150 тыс. белгородцев и гостей города знакомятся с постоянно действующей

щей экспозицией и временными выставками. В разные годы музей посещали первый президент России Б.Н. Ельцин, княгиня Леонидия, глава дома Романовых, дважды Герой Советского Союза Г.Т. Береговой, Маршал Советского Союза Д.Т. Язов, министры культуры РФ М.Е. Швыдкой, А.А. Авдеев, актеры В.С. Лановой, М.И. Ножкин и многие другие. В книге отзывов о посещении музея политики и дипломаты, артисты и учёные, люди старшего поколения и подростки на разных языках мира пишут о том, что их взволновало.

Среди записей есть и такая: «Благодарю судьбу за то, что привела меня в Белгород через 47 лет после первого моего в нем пребывания... Ретроспективно этот приезд придал смысл всей моей долгой и разнообразной жизни. Есть корневое чувство причастности к главным испыта-

ниям Родины. Таинственная гордость – негромкая за то, что все эти 47 лет хромаю не зря. Ваш З.Е. Гердт – актер, 18 марта 1990 г.»

Военная экспозиция, связанная с темой защиты национальных интересов, борьбы за свободу и независимость своего Отечества, концентрирует в себе память о войне в различных её проявлениях: и как боль, и как гордость. Эти материалы не призывают к насилию, а лишь подчеркивают многогранность жизни и указывают дорогу к миру. Выступают предостережением к вооруженному решению возникающих конфликтов, утверждают общечеловеческие ценности и рассматриваются как хранители устоев государственности, единства нации, влияющих на формирование идеи национального патриотизма.

¹ Пронько В. А. Курская битва: история и современность // Курская битва: взгляд через полвека (Материалы областной научно-практической конференции). Белгород, 1999., С. 3-19

² Диорама «Огненная дуга 1987-2012». Белгород, 2011., С. 19

³ Там же. С. 24

⁴ Исаев С.И., Колтунов Г. А. Твои Герои, Курская дуга. Воронеж, 1990., С 7

⁵ Жуков Ю. А. В гостях у капитана Бочковского // Люди сороковых годов. Записки военного корреспондента. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — М., 1975. С. 313—331

⁶ Бочковский Владимир Александрович // Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1 /Абаев — Любичев/. М., 1987. С. 35

⁷ Исаев С.И., Колтунов Г. А. Твои Герои, Курская дуга. Воронеж, 1990., С 7

⁸ ЦАМО Ф. 33. Оп. 793756. Д. 11. Л. 472-474

⁹ ЦАМО Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1629. Л. 12-13

¹⁰ Линева Алексей Алексеевич [электронный ресурс] //Режим доступа//http://www.31md.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=481

¹¹ Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М., 1984. С. 190

¹² Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. Соч. С. 181

*Андрей Николаевич Гребенкин,
Россия, Орел, Академия Федеральной службы
охраны Российской Федерации, сотрудник,
доктор исторических наук, доцент*

Организация культурно-просветительной работы на 1-х Московских пулеметных курсах по подготовке командного состава РККА

Курс на «культурную революцию», обозначившийся уже в первые месяцы Советской власти, не мог не отразиться на деятельности военно-учебных заведений, которые стали открываться начиная с ноября 1917 г. Забота о культурном и интеллектуальном облике будущих краскомов не уступала стремлению снабдить курсантов необходимыми командирскими знаниями и умениями, а порой и превосходила его. Выпускник командных курсов в глазах руководства военно-учебных заведений, армии и страны был не просто «красным офицером» – представителем командного состава новой формации, но и незаменимым помощником в деле просвещения масс. Именно поэтому, несмотря на краткий срок пребывания обучавшихся на курсах, вынуждавший урезать программы до предельного минимума и ограничивать военно-профессиональную подготовку курсантов лишь самым необходимым, командиры и педагоги не жалели ни средств, ни сил, ни времени на умственное и культурное развитие своих подопечных.

1-е Московские пулеметные курсы по подготовке командного состава РККА – одно из ключевых военно-учебных заведений Советской России, питомцам которого была доверена почетная миссия охраны Московского Кремля, – были предметом особого внимания руководства. Курсы, созданные в январе 1919 г., в результате объединения 1-х и 2-х Московских советских пулеметных курсов, сформированных еще в конце 1917 г. как пулеметные школы, не просто дислоцировались в столице – они были размещены в Кремле, что давало возможность даже в тяжелые годы разрухи и дефицита поддерживать организацию культурно-просветительной работы на вполне достойном уровне. Д.А. Клочков справедливо отмечает, что «в Кремле не забывали и о культурной работе среди военнослужащих. Как вспоминал комендант Кремля П.Д. Мальков, Я.М. Свердлов (председатель ВЦИК) “внимательно и любовно относился... к бойцам, охранявшим Кремль, часто с ними беседовал, интересовался их бытом, условиями службы”»¹.

Особое внимание уделялось политико-просветительной работе в курсантской среде. Она преследовала следующие цели: развитие у курсантов художественного вкуса, приобщение их к пролетарской культуре, выработку у обучающихся научного коммунистического мировоззрения и подготовку их к деятельности организаторов и руководителей просветительной работы. Роль центра политической и просветительной работы для 1-х Московских пулеметных курсов играл клуб имени Я.М. Свердлова при ВЦИК. В его составе имелись разнообразные кружки и секции – военная, библиотечная и пр. Главным сектором клуба был политическо-просветительный сектор (политпросветсектор), которым руководило бюро. В августе 1921 г., уже после реорганизации курсов в 1-ю Советскую объединенную военную школу РККА имени ВЦИК, были определены четыре главных направления работы сектора: 1) организация лекций по революционной, революционно-исторической и экономической тематике, 2) создание политических и просветительских кружков (по истории культуры, политической экономии, истории революции и социализма, естествознанию, иностранным языкам и проч.), 3) руководство деятельностью этих кружков путем назначения руководителей и старост, 4) создание четырех секций клуба (литературной, библиотечной, военной и экскурсионной) и разработка программ и планов их работы. При литературной секции действовала редколлегия школьного журнала «Меч и молот». Кроме того, выделялась театральная секция, которая была известна далеко за пределами Кремля: «спектакли, подготовленные самодеятельным коллективом, ставились не только в школе, но и на фабриках, заводах, в подшефных селах. Со своими спектаклями курсанты выступали на сцене Большого театра. За постановку пьесы «Красноармеец РСФСР» они получили от коллектива театра подарок – мраморные настольные часы»².

Руководство военно-учебных заведений оказывало курсам большую помощь в организации политической и просветительной работы. При политической части Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) было образовано лекционное бюро, призванное «систематизировать и усилить политработу среди красных курсантов»³. Оно направляло на все курсы, в том числе и 1-е Московские пулеметные курсы

по подготовке командного состава РККА, лекторов, которых снабжало учебными пособиями, инструкциями, указаниями и прочими материалами. Лекции могли быть как цикловыми, охватывающими широкую проблематику, так и эпизодическими, посвященными отдельным темам. Тематика лекций была составлена таким образом, чтобы занятия содействовали не только политическому, но и общему развитию обучающихся. По мере возможности приглашались лекторы, которые выступали перед курсантской аудиторией с докладами на различные темы – как сугубо теоретические, так и злободневные. Например, в августе 1919 г. члены партийной ячейки курсов слушали в помещении Революционного трибунала Партийной школы лекции на темы «Преступление и наказание в Советской России» и «Аграрный вопрос»⁴, а в ноябре того же года им была прочитана лекция на тему «История коммунистической партии»⁵.

Составленная в 1920 г. программа бесед по политграмоте включала в себя два центра (в программе они названы «концертами»). Первый центр состоял из трех циклов: 1) капитализм и социализм; 2) борьба за коммунизм; 3) Советская власть и ее практика. Каждый цикл делился на лекции. Так, в рамках третьего цикла предусматривалось чтение следующих лекций: 1) основы советской Конституции; 2) организация промышленности в Советской России; 3) организация сельского хозяйства; 4) организация снабжения и распределения; 5) охрана труда, социальное обеспечение; 6) финансы; 7) культура; 8) организация суда. Второй центр бесед, предназначенный для чтения на специальном отделении курсов, был посвящен вопросам политико- и классогенеза, характеристике капиталистического строя и классовой борьбы, анализу деятельности политических партий, характеристике рабочего, профессионального и кооперативного движения, освещению современного экономического положения России и Европы, истории и программе РКП и практике Советской власти.

Кроме того, в марте 1920 г. циркуляром ГУВУЗ был рекомендован дополнительный перечень тем по политграмоте, адресованный командному составу курсов. В него были включены следующие темы: 1) диктатура пролетариата и демократия, 2) что такое Советская власть, 3) Советская власть и империализм, 4) что такое

федеративная Россия (национальный вопрос в России), 5) что сделала Советская власть в деле хозяйственного возрождения России, 6) частная торговля, продовольствие и Советская власть, 7) работа Советской власти в области культуры, 8) церковная политика Советской власти, 9) национальный вопрос и антисемитизм. По мнению руководителей ГУВУЗ, «Эти намеченные темы наиболее жизненны и больше других привлекают к себе внимание непролетарских кругов по ним проходит линия разногласия и поэтому их необходимо проработать с комсоставом в первую очередь»⁶.

В декабре 1919 г. решением лекционного бюро курс политической грамоты был объединен с историей, что дало возможность усилить политическую пропаганду историческими примерами из следующих тем: развитие семьи, собственности и государства и основных этапов хозяйственных форм в России, история социализма, история капитализма в России, Россия на международной арене, история революционного движения на Западе (Великая Французская революция, революции во Франции 1848 и 1871 гг.), история общественного и крестьянского движения в России⁷. Вскоре особым циркуляром политическая часть ГУВУЗ отдала комиссару курсов распоряжение «принять срочные меры к расширению исторической части курса политической грамоты»⁸. Так, в первый цикл курса политграмоты (капитализм и социализм) следовало ввести темы «Развитие форм хозяйства», «Смена хозяйственных форм в России» и «Развитие классовой борьбы», во второй цикл (империализм и социальная революция) – «Краткий очерк развития Российской империи», «Собирание земли русской и политика в отношении "инородцев"», «Роль России в европейской политике в XIX и XX столетиях», в третий цикл (Октябрьская революция и Советская власть) – краткий очерк развития революционного движения в России и историю РКП. В качестве лекторов приглашались авторитетные специалисты. Так, в 1919-20 гг. историю I Интернационала курсантам читал известный революционер Ю.М. Стеклов, историю партии – член РКП(б) с 1903 г. Е.А. Преображенский, а курс лекций по истории финансового капитала – ведущий теоретик-экономист партии большевиков Н.И. Бухарин. Кроме того, в 1920 г. курсанты прослушали эпизодические лек-

ции на следующие политические темы: «Национальный вопрос, антисемитизм и разрешение национального вопроса Советской властью», «Международный империализм и Советская власть», «Борьба партий в Советской России (меньшевики, эсеры, анархисты)», «Русская и французская революция», «Развитие русской революции 1917 г.», «Религия, церковь и Советская власть», «Хозяйственное положение Советской России», «Организация труда», «Исторический материализм».

Содержание партийно-просветительной работы было приведено в соответствие с требованиями текущего момента. Так, в целях противодействия идеологии анархизма лекторам следовало особо подчеркнуть, что «...отрицание государства в настоящий момент борьбы с буржуазией – ведет фактически к отказу от диктатуры пролетариата и является по существу течением контрреволюционным»⁹. Кроме того, в программу внеклассных чтений был включен диспут на тему «Анархизм или коммунизм».

Руководство следило за тем, чтобы практические занятия по политграмоте проводились на должном методическом уровне. Циркуляром ГУВУЗ было определено, что практические занятия по политграмоте должны иметь приоритет перед теоретическими и что «теоретико-историческая часть программы должна быть введена только в том минимальном размере, в каком это необходимо для понимания настоящего момента»¹⁰. В апреле 1920 г. на заседании преподавателей политграмоты 1-х Московских пулеметных курсов по подготовке командного состава РККА было принято решение приступить к практическим занятиям по политграмоте, причем «ввиду перегрузки курсантов, которым приходится нести караул не менее 1 раза в неделю каждому»¹¹, эти занятия должны были проходить раз в два месяца. Однако в мае 1920 г. политико-просветительская часть ГУВУЗ предписала комиссару курсов организовать схематические практические занятия по изучению программы и тактики РКП за счет сокращения числа лекций таким образом, чтобы на приготовительном отделении курсов они проводились раз в неделю, на специальном отделении – раз в две недели. Эти «семинарии» должны были идти в свободное от классных занятий время под руководством преподавателя политграмоты и при участии комиссара курсов и комячейки.

В целях планомерного повышения уровня политической подготовки курсантов в июне 1920 г. при курсах была открыта партийная школа 1-й ступени, рассчитанная на 150 слушателей. Особое внимание уделялось политическому развитию курсантов – членов РКП(б). Так, в августе 1919 г. члены партийной ячейки курсов были собраны на митинг протеста против дезертирства, докладчиком на котором был сам Л.Д. Троцкий¹².

Большая работа по политическому просвещению курсантов сочеталась с интенсивными занятиями, направленными на общее развитие будущих краскомов. В 1920 г. на курсах были прочитаны общеобразовательные эпизодические лекции на следующие темы: «Происхождение мира», «Теория Дарвина (происхождение видов)», «Происхождение человека», «Развитие жизни (зарождение, рост и размножение)», «Астрономия», «Чудеса науки (из области физики, химии, астрономии)», «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Кроме лекций, развитию курсантов должны были содействовать многочисленные кружки – научные (по истории литературы, истории культуры, сельскому хозяйству, политической экономии) и художественные – драматические, музыкальные и т.п. Их примерные программы были разработаны культурно-просветительской частью ГУВУЗ. Так, например, в программу занятий литературных кружков входили произведения Пушкина, Тургенева, Некрасова и Горького. В основу работы кружков был положен студийный метод, предполагавший активное усвоение знаний в процессе совместной деятельности. Каждый курсант должен был участвовать в работе как минимум одного кружка, ибо, по мнению руководства, «только таким образом каждый красный командир сможет вести работу в той или иной области знания или искусства»¹³. Посещение занятий было обязательным.

Периодически на курсах устраивались спектакли и концерты. Им предшествовала тщательная подготовка, в рамках которой отрабатывались дикция, мимика, движение по сцене и т.п. Некоторые представления ставились совместно с профессиональными артистами. В показательных спектаклях, призванных служить своеобразным эталоном, курсанты не задействовались. Особое место отводилось циклу литературно-художественных вечеров, посвященных творче-

ству классиков русской литературы. Каждый из вечеров включал вступительное слово, в котором давалась характеристика творчества писателя, ряд драматических и музыкальных иллюстраций его произведений.

Чтение курсантами книг было взаимоувязано с занятиями политграмотой, программой работы кружков и внеклассными лекциями. На курсах была устроена библиотека, книги в которую прислало ГУВУЗ. Главная роль отводилась политическим изданиям. К числу рекомендованных относились работы К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, А. Бебеля, В.И. Ленина, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, М.Н. Покровского, Г.Е. Зиновьева, В.М. Фриче.

Интересной формой чтения было устройство так называемой «громкой читальни» – наиболее развитые курсанты, умевшие читать выразительно, читали вслух своим товарищам книги и журналы. Выпущенные с курсов красные командиры получали на память по несколько томов художественной литературы.

В соответствии с «Инструкцией для библиотекаря и библиотечной секции курсового клуба по привлечению курсантов к чтению» клубной библиотеке-читальне отводилась роль одного из основных стержней просветительской работы. Инструкция уделяла большое внимание подбору сотрудников, ибо «для библиотеки библиотекарь составляет три четверти, стены и полки лишь одну четверть дела», и лишь хорошему специалисту под силу превратить «неподвижную пассивную массу книг в живой организм»¹⁴. Библиотекарям следовало составлять списки наиболее интересных книг и знакомить с ними курсантов, вывешивать в библиотеке и казармах плакаты с краткими характеристиками книг на определенную тематику, проводить беседы с курсантами, рекомендуя им прочесть те или иные книги, своевременно информировать читателей о новых поступлениях, периодически устраивать в библиотеке небольшие книжные выставки, в том числе и приуроченные к текущим событиям, а перед митингами и лекциями, происходящими в клубе, вывешивать списки библиотечных книг, объясняющих и развивающих заявленные темы.

Наконец, курсанты водились на экскурсии, в ходе которых осматривали музеи, картинные галереи, фабрики и заводы. Так, в течение летних

месяцев 1920 г. кремлевцы по воскресеньям посещали Петровскую сельскохозяйственную академию, Зоологический сад, Ботанический сад, Исторический музей, Политехнический музей и выставку ВСНХ. Дежурная рота осматривала сам Московский Кремль, в т.ч. Большой Кремлевский дворец и Оружейную палату. В теплое время года упор делался на занятия в спортивных кружках и секциях, в которых принимали участие все курсанты¹⁵.

Курсы имели собственное печатное издание – журнал «Красный офицер» (одноименный иллюстрированному литературно-политическому журналу, издававшемуся Главным управлением военно-учебных заведений в 1918-1919 гг.), сотрудниками которого были сами обучающиеся. Издание журнала преследовало цель развития инициативы и самостоятельности у курсантов и вместе с тем имело сугубо воспитательную миссию. Так, в журнале, помимо официального справочного отдела, были отделы «красной доски» и «черной доски». На страницах отдела «красной доски» размещались сведения о курсантах, совершивших какие-либо похвальные поступки. «Черная доска» содержала информацию об обучающихся, запятнавших свое имя тяжкими проступками или дурным поведением и по этой причине предназначенных к исключению¹⁶. В начале 1919 г. началось издание курсантской газеты «Кремлевец» – печатный орган партийного бюро курсов¹⁷.

Еще одним печатным органом курсов (с февраля 1921 г. – школы) являлся журнал «Меч и молот», издававшийся с конца 1920 г. Это был двухнедельный литературно-политический журнал. Материалы, поступавшие в редакцию, передавались на рассмотрение особому жюри, а затем обсуждались на заседании редколлегии. Выпуски, как правило, носили тематический характер. Так, номер, подготовленный в начале ноября 1921 г., был посвящен, разумеется, четвертой годовщине Октябрьской революции. Поэтому в числе материалов, одобренных редколлегией и предназначенных к публикации, были революционные гимны и песни, воспоминания участников событий октября 1917 г. в Петрограде. Самые активные и талантливые авторы премировались книгами, портфелями, серебряными портсигарами.

Номер, вышедший из печати 13 декабря

1921 г., посвящался двухлетней годовщине 1-х Московских пулеметных курсов по подготовке командного состава РККА (состоявшейся, правда, в январе того же года – подготовка номера велась долго и скрупулезно, что и обусловило его позднее появление). Юбилейный сборник, дошедший до наших дней, дает возможность дать оценку уровню интеллектуального развития и творческого потенциала курсантов. Фактическое отсутствие редакции позволяло авторам говорить с аудиторией – своими товарищами – на понятном им языке. Номер открывался «Возвращением» – передовицей, посвященной значению юбилея. Ее авторы предлагали с гордостью оглянуться на путь, пройденный курсами, и дать клятву нести обогретенное кровью павших в боях товарищей знамя до победы мировой революции. Деятельности курсов давалась исключительно высокая оценка: «За эти два года, под неумолкавший грохот орудий и в непрерывной схватке с мировыми насильниками, наши курсы развивались и крепились, они с каждым выпуском давали все лучших и лучших бойцов, с каждым месяцем давали все больше и больше революционных красных командиров: они поистине превратились в кузницу, где в волне пролетариата выковываются стальные и сильные духом бойцы»¹⁸.

В статье «На третий год» давался краткий, но эмоционально насыщенный очерк истории кремлевских курсов. Автор сравнивал налаженный быт курсантов в 1921 г. с разрухой и неустроенностью, которые были вынуждены мужественно преодолевать курсы в 1919 г., после своего размещения в Малом Николаевском дворце Московского Кремля. Помещения требовали ремонта, не хватало обмундирования, постельного белья, учебных пособий. График несения караульной службы был исключительно напряженным: в наряды приходилось ходить через день. Однако курсанты не думали об отдыхе и напряженно учились. Это дало возможность уже в мае 1919 г. осуществить первый выпуск красных командиров. Кремлевские курсы по праву стали образцом для прочих военно-учебных заведений.

Некоторые курсанты приготовили к юбилею стихотворения и эссе, посвященные родному для них заведению. Подлинным стихотворением в прозе стало эссе курсанта Старицкого «К

двухлетнему юбилею 1-х Московских советских пулеметных курсов»: «Два года, как горит горн пролетарской кузницы в Кремле. Два года, как в нем закаляются стальные бойцы за счастье и лучшее будущее угнетенных. Горит и пылает горн, раздуваемый сильными мехами из грудей вдохновителей революции. Накаляется темная масса в светло-красную, жаром пышащую глыбу. Бьет по наковальне кузнец революции, и разлетаются золотые искорки во все концы мира, освещая собой темноту и зажигая рабов на борьбу с господами»¹⁹. Другой курсант, С. Ношкин, написал бесхитрое стихотворение, в котором призывал своих товарищей «учиться и быть командиром, на страже свободы стоять, в руках держать крепко винтовку, коммуны врага защищать»²⁰.

В информационно-аналитических статьях, также помещенных в юбилейном сборнике, отмечалось, что за два года своего существования курсы произвели 15 выпусков и дали стране полторы тысячи красных командиров, которые внесли огромный вклад в победу над противником. Курсантские пулеметные команды, многократно отправляемые на все фронты Советской Республики, как отмечал в своей статье «Вторая годовщина» М. Копань, «послужили главной силой того железного сопротивления, того всеокрушающего стихийного натиска, которые сдерживали в нужный момент и Деникина, и Юденича, и Пилсудского, и Врангеля, а затем нанесли такую ошеломительно оглушающую затрепину этим сиятельным господам и вельможам...»²¹ Кроме пулеметчиков, курсы подготовили немало политических работников, комиссаров, инструкторов, агитаторов и тем самым внесли большой вклад в укрепление политической работы в Красной Армии. Но наиболее выдающейся заслугой курсов стало то, что они обеспечили охрану размещенного в Кремле советского правительства.

Художественное творчество курсантов отнюдь не было сковано рамками юбилейных мероприятий. Не теряли своего значения темы классовый борьбы, эксплуатации, противостояния старого и нового миров. Курсант М. Шохор в небольшом эссе «Схватка» описал смертельный бой двух огромных, поработивших весь мир пауков, которые измотали друг друга, выдохлись и в пылу борьбы порвали кровавую паутину, удерживавшую народ в их власти. Люди вырвались

на свободу, воспрянули духом и уже собираются с силами, чтобы навсегда покончить с пауками-эксплуататорами. В чудовищных пауках нетрудно узнать Антанту и Четверной союз, а в надежде автора на их скорую гибель – не утратившие еще в то время свою актуальность планы мировой революции.

Как и в любом другом ученическом журнале, в «Мече и молоте» нашлось место сатире и шутке. Так, курсант, укравшийся за псевдонимом «Вольдемар», высмеял в своем стихотворении «ловчил» – симулянтов, направляющихся к врачу с целью получить освобождение от занятий. Другой слушатель школы, Леонид Гур-ч, составил юмористический «Энциклопедический словарь», в котором были даны краткие, хлесткие характеристики сотрудникам курсов и различным сторонам курсантской жизни. Председателя Бюро коллектива курсов Никитина автор энциклопедии охарактеризовал как «ворчливого коммунистического папашку курсов», комиссара курсов Петропавловского назвал «затерявшимся среди заседаний, бумаг, лекций, приемов и проч.». Секретарь Закис был заклеен как бессловесное существо, которое только пишет. Бутерброды были названы «плодотворным результатом секционных занятий», гауптвахта – «домом отдыха для курсантов», а о драматической секции говорилось, что она «представляет из себя не только драматическое, но прямо трагическое зрелище»²².

В дни больших праздников (например, 1 Мая) курсанты, которые должны были «совместно с пролетариатом... показать всему миру мощь, организованность и единение, подобающие свободным гражданам РСФСР»²³, принимали участие в шествиях, митингах и концертах, а на самих курсах вечером устраивались концерты-митинги. Надо отметить, что праздники, особенно революционные, использовались курсами и школой как средство усиления политико-просветительной работы. Так, программа октябрьских торжеств в 1-й Советской объединенной военной школе РККА имени ВЦИК в 1921 г. включала 1) агитационную часть, 2) выставку, 3) спектакль, 4) специальный выпуск журнала «Меч и молот», 5) стенную газету, 6) спортивные номера, 7) военно-политические маневры, 8) украшение Кремля и Школы и 9) детский праздник²⁴. Военно-политический маневр предполагалось

устроить на Красной площади, в состав выставки должны были быть включены художественный, революционно-исторический, статистический и ружейный отделы, а для подготовки юбилейного номера журнала был объявлен конкурс.

Не упускалась из виду и возможность использования в целях политического развития курсантов мероприятий, проводившихся в рамках военно-учебного ведомства в целом. Осенью 1919 г. курсы участвовали в подготовке материалов для Выставки-Музея Главного управления военно-учебных заведений. Она планировалась как масштабное мероприятие, призванное отразить не только основные вехи двухлетнего пути советской военной школы, но и все стороны жизни и деятельности военно-учебных заведений. Особое внимание уделялось сбору документальных материалов, наглядно иллюстрирующих достижения курсов и их питомцев и имеющих важное воспитательное значение. К их числу относились «приказы, приказания, журналы, инструкции, воззвания, письма, проекты, сведения о боевой деятельности, таблицы, рисунки, портреты, биографии-жизнеописания деятелей военно-учебного дела и отличившихся в боях бывших курсантов – красных офицеров, фотографии, иллюстрирующие моменты из жизни учреждения, работу, постановку дела, условия работы»²⁵. Кроме того, материалы выставки должны были отразить состояние культурно-просветительной работы в конкретных военно-учебных заведениях.

Наконец, своеобразным функциональным контекстом проведения культурно-просветительной работы являлось внутреннее убранство помещений. При этом ставилась цель придания классным комнатам, коридорам и спальням «более уютного вида, путем украшения их портретами революционных вождей, писателей,

соответствующими живописными изображениями, лозунгами и цитатами из произведений марксистской литературы»²⁶.

Приложенные усилия приносили ощутимые результаты: за несколько месяцев пребывания на курсах обучающиеся становились сознательными носителями коммунистических идей, беззаветно влюбленными в военное дело. Наглядной иллюстрацией этого служит резолюция красных офицеров 1-х Московских советских пулеметных курсов командного состава (орфография и пунктуация подлинника сохранены – А.Г.): «Здесь в центре мировой революции мы, красные офицеры, клянемся, что до последнего патрона и винтовки будем отстаивать диктатуру пролетариата, клянемся не вернуться с фронта до тех пор, пока не будет беспощадно раздавлена буржуазия с ее диктаторами Колчаком и прочими царскими генералами, пока красное знамя трудящихся не будет развиваться там, где теперь царство угнетателей и паразитов. Да здравствует наша победоносная Красная Армия. Да здравствует мировая рабочая революция. Да здравствуют дорогие вожди всемирной революции тт. Владимир Ильич Ленин и Л. Троцкий. Да здравствует 3-й Интернационал»²⁷.

Заложенные в первые годы существования кремлевских курсов традиции организации политико-просветительной работы были сохранены и преумножены их преемниками – 1-й Советской объединенной военной школой РККА имени ВЦИК, Московским военным училищем имени ВЦИК и Московским высшим общевойсковым командным училищем имени Верховного Совета РСФСР, выпускники которых неизменно представляли собой «военную косточку», были беззаветно преданы Родине и являлись надежной опорой государства.

¹ Клочков Д.А. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Фонд «Русские витязи»; СПб.: ИПК «Гангут», 2016. С. 205, 207.

² Московское Краснознаменное. М.: Политическое управление Московского военного округа, 1957. С. 47.

³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25024. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁴ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 1. Л. 81, 84.

⁵ Там же. Л. 103.

⁶ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

- ⁷ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
- ⁸ Там же. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л. 18.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.
- ¹¹ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.
- ¹² РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
- ¹³ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 7. Л. 19 об. – 20.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
- ¹⁵ Московское Краснознаменное... С. 47.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- ¹⁷ Клочков Д.А. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 82А. Л. 2 – 2 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 4.
- ²⁰ Там же. Л. 4 об.
- ²¹ Там же. Л. 5 об.
- ²² Там же. Л. 8 об.
- ²³ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
- ²⁴ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.
- ²⁵ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 1. Л. 115.
- ²⁶ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.
- ²⁷ РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

*Дмитрий Геннадьевич Гужва,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, начальник отдела, полковник,
кандидат исторических наук*

*Ирина Олеговна Рахимова,
Россия, Москва, Московский университет
МВД им. В.Я. Кикотя, курсант*

«С честью выдержали испытания...»

Советские военные корреспонденты в первые месяцы Великой Отечественной войны

Летом 1941 г. на фронт ушли не только военнообязанные. Сотни журналистов и писателей, выражаясь словами В. Маяковского, «к штыку приравняли перо». Это были не только рядовые сотрудники газет и журналов, но и выдающиеся мастера слова – Аркадий Гайдар, Вадим Кожевников, Евгений Петров, Борис Полевой, Константин Симонов, Александр Твардовский, Александр Фадеев, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и многие другие. Они работали как непосредственно на полях боёв – в дивизионной, армейской, фронтовой прессе, так и в центральных периодических изданиях.

Реформирование военной периодической печати началось уже на следующий день после вероломного нападения нацистской Германии на Советский Союз. Директивы Главного управления политической пропаганды Красной армии от 23 июня 1941 г. «О содержании фронтовых, армейских и дивизионных газет»¹ и «О содержании окружных, армейских и дивизионных газет»² определяли, что главной задачей печати в боевых условиях должно быть воспитание ге-

роизма, мужества, самоотверженного выполнения приказа командира, обеспечение всех нужд фронта, борьба за отличное качество боевой и политической учебы, быстрейшее освоение военного дела призванными из запаса. Центральным лозунгом военной печати, который она обязана была ежедневно пропагандировать в войсках, становилось требование выполнить боевой приказ советского правительства, отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

В связи с формированием сети военной периодической печати, усилением журналистскими кадрами фронтовых, армейских и дивизионных изданий, экономией газетной бумаги и отсутствием достаточного количества типографского оборудования советское командование было вынуждено пойти на сокращение тиража и периодичности, а то и полного закрытия ряда военных изданий. Так, с 23 июня 1941 г. уменьшился тираж окружных газет: «Красный кавалерист» (Северо-Кавказский военный округ) с 35 000 до 20 000 экз.; «Сталинец» (Орловский военный

округ) с 20 000 до 10 000 экз.; «Красноармеец» (Приволжский военный округ) с 30 000 до 15 000 экз.; «Красный боец» (Уральский военный округ) с 20 000 до 6 000 экз.³. С 21 августа тираж газеты «Красная звезда» был сокращен с 480 тыс. до 300 тыс. экз.⁴. С 28 июня было прекращено издание многотиражных газет военных академий, училищ, школ и курсов⁵, а с 1 июля – журналов «Физкультура и спорт в Красной армии» и «Политучеба красноармейца»⁶. Весь личный состав редакций указанных изданий был передан в распоряжение военных советов соответствующих фронтов и округов.

Совершенствуя сеть печатных органов, руководство страны и военное командование одновременно уделяло пристальное внимание созданию фронтовой корреспондентской сети. Согласно приказу Главного управления политической пропаганды Красной армии от 24 июня 1941 г., из запаса в кадры Красной армии был призван 31 член Союза советских писателей, которые получили назначения на должности литераторов фронтовых и армейских газет. Среди них: Илья Френкель (литератор газеты Южного фронта «Героический штурм»), Александр Твардовский (литератор газеты Киевского особого округа «Красная армия»), Вадим Кожевников (литератор газеты Западного особого округа «Красноармейская правда»), Марк Колосов (литератор газеты 9-й армии «Защитник Родины»), Сергей Михалков (литератор газеты 20-й армии «За счастье Родины») и т.д.⁷. Также к декабрю 1941 г. в действующей армии работало 17 военных корреспондентов газеты «Правда»⁸.

Впрочем, военные корреспонденты не только выполняли свой профессиональный долг. Редактор газеты 28-й армии «Защитник Отечества» Николай Потапов в рапорте от 12 августа 1941 г. сообщал, что журналисты издания вместе с частями армии принимали непосредственное участие в боевых действиях и «с честью выдержали это испытание». «Все были довольно спокойны, ходили в атаку, не терялись, все пришли при полном вооружении и никто не потерял, не бросил, не порвал никаких документов». Из 15 военнослужащих армейской газеты из окружения вышли 12 человек. Трое пропали. Один из них – начальник отдела армейской жизни лейтенант Шубин, из пулемета прикрывал отход товарищей, и больше его никто не видел⁹.

Детский писатель Аркадий Гайдар с началом войны являлся спецкорреспондентом «Комсомольской правды». Затем в качестве пулеметчика сражался в партизанском отряде в окрестностях Киева, где пал смертью храбрых, навсегда увековечив память о себе в сердцах благодарных читателей¹⁰. И примеров защиты Родины с оружием в руках среди военных корреспондентов было немало.

Советское правительство и военное командование стремились помочь журналистским кадрам правильно сориентироваться в новых условиях, осознать, какие ответственные задачи они должны выполнять на фронте. Важными документами, в которых содержались основы организации деятельности журналистов на передовой и требования к их моральным и деловым качествам, явилась директива Главного управления политической пропаганды Красной армии от 24 июля 1941 г. «Об оказании помощи в работе корреспондентам и фотокорреспондентам центральных газет»¹¹ и постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1941 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов»¹². В них как недостаток отмечалось, что корреспонденты большую часть времени проводят при штабах фронтов и армий и очень мало бывают непосредственно в частях и соединениях, а свои корреспонденции пишут по рассказам раненых и очевидцев. Некоторые командиры и политработники не учитывают значения информации населения о боевых действиях Красной армии. Корреспонденты не получают необходимой помощи для передвижения по фронту и связи со своими газетами. Имеются факты, указывалось в документах, когда командированные на фронт корреспонденты центральных газет прикрепляются политорганами к фронтовым или армейским газетам, в результате чего страдает снабжение военной информацией центральной печати. Корреспондентов и фотокорреспондентов, которые не бывают в частях, околачиваются около штабов фронтов и армий, предписывалось немедленно откомандировать к прежнему месту работы с подробной характеристикой об их поведении.

Но не все было так однозначно, как излагалось в директиве. Вот лишь один пример, который показывает, как сложно было журналисту получить информацию, что называется, из первых уст. Известный советский писатель Борис Поле-

вой войну прошел фронтовым корреспондентом газеты «Правда». В декабре 1941 г. он приехал на Калининский фронт, чтобы написать об освобождении от фашистов г. Калинина. Полевой не раз бывал на передовой, беседовал с красноармейцами и командирами, но к командующему Калининским фронтом генерал-полковнику И.С. Коневу корреспондент не мог попасть очень долго. В итоге после неоднократных просьб и напоминаний не только со стороны Б.Н. Полевого, но и члена Военного совета фронта корпусного комиссара Д.С. Леонова, И.С. Конев назначил журналисту встречу на четыре часа утра¹³. Если уж корреспонденту «Правды», выдающемуся журналисту и писателю, пришлось приложить столько усилий, чтобы взять интервью у командующего фронтом, что и говорить о менее известных журналистах и газетах!

ЦК ВКП (б) и Главное управления политической пропаганды Красной армии требовали от политорганов на местах принять меры к исправлению недостатков в работе корреспондентов и оказывать им всемерное содействие (использовать гражданский телеграф, самолеты гражданского воздушного флота, рейсовый автотранспорт и фельдсвязь). Указания были правильно восприняты политорганами и журналистами. Так, по докладу политуправления Юго-Западного фронта все корреспонденты центральных газет и ТАСС были обеспечены автомобильным транспортом и снабжены пропусками с требованием оказания необходимой помощи в поиске материала. Фотобригаде ТАСС была предоставлена походная фотолаборатория, благодаря которой фотоснимки обрабатывались в оперативном порядке, а на фронте ежедневно стала издаваться фотогазета. Также всем военным корреспондентам было выдано обмундирование, личное оружие и решен вопрос с организацией питания, а политуправлением фронта с ними регулярно проводились совещания с докладами о положении на фронте и постановкой вопросов, требующих освещения в печати¹⁴.

По докладу политуправления Северо-Западного фронта по состоянию на 22 августа 1941 г. в частях фронта работало 12 специальных и 2 фотокорреспондента. Все журналисты, за исключением старших групп, которые осуществляли координацию деятельности своих подчиненных, постоянно работали в действующих частях

и часто бывали на передовой. Политорганами соединений корреспондентам уделялось достаточное внимание. Они информировались об обстановке на фронте, совместно обсуждали и намечали маршруты выездов в действующую армию, готовые материалы своевременно передавались по телеграфу в Москву. Существенным снижением продуктивности работы специальных корреспондентов в соединениях и частях действующей армии политуправление определяло недостаточную мобильность журналистов в связи с недостатком транспортных средств на фронте¹⁵. Тем не менее, несмотря на частные сложности, после проведенных мероприятий качество и оперативность поступающих материалов с фронта значительно улучшилась.

Говоря о работе, проведенной советским правительством и командованием Красной армии в вопросах организации, расширения и обеспечения широкой сети военных печатных изданий и корпуса специальных корреспондентов в действующей армии, было бы неправильно не остановиться на тех проблемах и недостатках, которые выявила внезапно начавшаяся война в вопросах информационного обеспечения советских военнослужащих и гражданского населения.

Так, по информации с мест, несмотря на привлечение во фронтовые и армейские газеты из закрывавшихся военных изданий журналистов и объявленный призыв советских писателей, по-прежнему не хватало профессиональных военных корреспондентов и типографских специалистов. Это касалось как военных изданий действующей армии, так и газет, издававшиеся в тылу. В сентябре 1941 г. начальник политуправления Брянского фронта дивизионный комиссар Афанасий Пигурнов докладывал в ГлавПУ РККА, что в редакции фронтовой газеты «На разгром врага» нет квалифицированного руководителя типографии и корректора, ввиду чего «своевременный выпуск газеты не обеспечивается»¹⁶. Редактор красноармейской газеты 13-й армии «Сын Родины» батальонный комиссар Г.Я. Никитин сообщал, что в «писателях-очеркистах есть крайняя нужда». Писатели Борис Агапов и Цезарь Солодарь в редакцию так и не прибыли. Последний «осел во фронтовой газете» («Красноармейская правда» (Западный фронт) – прим. авт.). Редактор просил командировать хотя бы одного корреспондента¹⁷. О нехватке журна-

листных кадров и невозможности сформировать полноценный отдел боевой подготовки издания информировал и редактор ежедневной красноармейской газеты Орловского военного округа «Сталинец» батальонный комиссар А. Прохвятилов¹⁸. Кроме того, слабая подготовка корреспондентов в военном деле приводила к тому, что даже в центральных изданиях появлялись материалы и фотографии, не соответствующие действительности. Так, в газете «Правда» от 4 августа 1941 г. были опубликованы фотоснимки фронтового кинооператора А.П. Фролова, на которых вместо разбитой немецкой техники

были запечатлены советские танки¹⁹. Скандал был огромен.

Однако, несмотря на все сложности начального периода войны, военный корреспондент являлся центральной фигурой аппарата редакции и от его инициативы и настойчивости во многом зависел уровень газеты. Журналист всем своим поведением на фронте должен был показывать образец дисциплины, смелости и неутомимости в работе, стойко и мужественно переносить все трудности и лишения фронтовой жизни, быть готовым в любую минуту к участию в бою, если этого потребует сложившаяся обстановка.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 187–189.

² ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 196–197.

³ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 1. Л. 100.

⁴ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 1. Л. 75.

⁵ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 2. Л. 345.

⁶ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 1. Л. 69.

⁷ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 1. Л. 105–107.

⁸ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 35. Л. 9.

⁹ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 35. Л. 103.

¹⁰ Петряева Е.И. А. Гайдар – военный корреспондент // *Великая Отечественная война в русской и зарубежной литературе*. Одесса. 1966. С. 40.

¹¹ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 3. Л. 72.

¹² *Русская журналистика в документах: История надзора* / [Сост. О.Д. Минаева]; Под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 342.

¹³ Прутцков Г. *С лейкой и блокнотом, а то и пулеметом...* // *Мужская работа*. 2015. № 52. С. 14.

¹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 24. Л. 132–133.

¹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 24. Л. 161–163.

¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 7. Л. 283.

¹⁷ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 7. Л. 215.

¹⁸ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 6. Л. 104.

¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 6. Л. 108.

*Александр Петрович Жуков,
Россия, Москва,
Российский химико-технологический
университет имени Д.И. Менделеева,
директор Центра истории РХТУ
и химической технологии,
профессор, кандидат технических наук*

*Наталья Юрьевна Денисова,
заместитель директора
Центра истории РХТУ,
кандидат химических наук*

Вклад Университета Менделеева в создание ядерного щита СССР

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева отмечает в 2019 году славный юбилей – в августе 1919 года учебному заведению на Миусах, тогда оно именовалось Московский химический техникум, было присвоено имя великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева. За более чем вековую историю в университете подготовлено около ста тысяч специалистов в области химической технологии различных уровней: техников, инженеров, бакалавров, магистров, специалистов высшей квалификации (кандидатов и докторов наук). Многие из выпускников Менделеевки активно работали в отраслях, связанных с решением задач оборонной промышленности. Наглядным тому примером служит участие менделеевцев нескольких поколений в реализации работ по организации ядерного щита СССР, начиная с 1940-х годов – с самого старта этого грандиозного проекта.

История создания отечественного ядерного оружия – оружия защиты, не возмездия, страны, только что победившей в страшной войне

и лежавшей в руинах от Сталинграда на Волге до Бреста на Буге, уже не первый год привлекает пристальное внимание общественности – от специалистов по науке и технике до любителей отечественной истории. Достоянием гласности становятся архивные документы, воспоминания очевидцев, литературные произведения и художественные и документальные кинофильмы, музейные экспозиции и отдельные экспонаты, памятники и мемориалы.

Атомный проект претворялся в жизнь усилиями всей страны, и порой трудно проследить всю цепочку связей различных структур при выполнении этой задачи: наука (фундаментальная) – госбюрократия (правительственные структуры) – научно-техническая разведка – наука (прикладная) – производство – испытания и т.д. И на каждом этапе можно встретить имена менделеевцев, особенно много такой информации в СМИ появилось в последние четверть века. Профессора, преподаватели, сотрудники и выпускники МХТИ им. Д.И. Менделеева: С.В. Кафтанов, А.Г. Касаткин, Н.М. Жаворонков, Л.Р. Квасников,

Рис.1
Яков Иванович
Михайленко,
профессор МХТИ
им. Д.И. Менделеева.

Рис.2.
Леонид Романович
Квасников.

Ж.А. Коваль, Д.А. Шустов, И.В. Петрянов-Соколов, Б.В. Громов, Н.П. Сажин, О.Е. Звягинцев, В.А. Каржаваин, Н.А. Изгарышев, П.П. Будников, В.В. Фомин, Г.К. Боресков, В.Б. Шевченко, А.П. Зефиоров и многие другие.

Подготовка кадров

Во всех элементах цепочки организации научных исследований и промышленного производства для реализации таких гигантских проектов, как создание атомного щита, важнейшую роль играют кадры, в подготовке которых была задействована система технического образования страны всех уровней. Причем для решения этих прорывных задач система отечественного образования смогла во многом сработать на опережение, в чем безусловно помогла хорошая базовая подготовка в фундаментальных науках советских ученых и инженеров довоенных выпусков.

Лидером среди химиков в делах ядерной физики был профессор Я.И. Михайленко (1864 – 1943)¹. Рис.1. Студенты-менделеевцы 1930-х годов первыми в стране слушали его курс общей и неорганической химии, основанный на новейших представлениях о строении атома, электронной теории окислительно-восстановительных реакций, теории растворов и химии комплексных соединений. В списке трудов профессора – книги, рассказывающие об эволюции представлений о строении атома (1926-1935), работы, посвященные основным положениям квантовой химии (1930-е), которые были сформулированы на основе исследований Н. Бора, В. Гейзенберга и Э. Шредингера². С первыми двумя Михайленко вел научную переписку. Одним из первых в стране Яков Иванович начал читать популярные лекции по проблеме искусственной радиоактивности. В газетной статье 1937 года

он писал: «Открытие искусственно вызванной радиоактивности представляет громадную важность и с теоретической, и с практической точек зрения. С теоретической точки зрения оно важно потому, что облегчит значительно решение вопроса о строении атомных ядер. С практической – действие на элементы ускоренных протонов дает возможность получить радиоэлементы по своему желанию с радиоактивностью во много раз превышающую естественную. А это в свою очередь даст возможность использовать их для медицинских и технических целей»³.

Ядерная физика и разведка

Историк научно-технической разведки КГБ полковник Александр Бондаренко в своей книге из серии ЖЗЛ «Фитин: начальник разведки» рассуждает, кто в атомной разведке НКВД – НКГБ на время начала операции «Энормоз» лучше всех был знаком, по образованию, конечно, с ядерной физикой. И однозначно отвечает – Леонид Квасников. «Еще осенью 1940 года Леонид Романович, возглавлявший отделение научно-технической разведки, направил в резидентуры на территории США и Великобритании директиву с указанием выделять центры поиска способов применения атомной энергии для военных целей и обеспечивать получение достоверных сведений о создании атомного оружия»⁴.

Леонид Романович Квасников – менделеевец набора 1929-30 учебного года. Рис.2. Из семьи железнодорожника, сам машинист паровоза на Московской окружной дороге. В вуз поступал без экзаменов как «профтысячник», имея производственный стаж. В МИИТе 25-летний беспартийный Леонид Квасников собеседование не осилил и осенью 1929 года поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева на 1-й курс механическо-

Рис.3.
Сергей Васильевич
Кафтанов.

Рис.4.
Савва Иванович
Золотуха.

го факультета. Откуда у него знание физики: по воспоминаниям родных, он был лучший ученик в пензенской школе, любимый предмет физика. В Тульском железнодорожном училище тоже преподавали основы физики⁵. На первом курсе МХТИ – знакомство с лекциями Я.И. Михайленко, разбудившими интерес к ядерной физике.

Лекции энтузиаста в науке о строении вещества прослушал и усвоил на «отлично» и будущий атомный разведчик Герой России Жорж Коваль (выпуск МХТИ 1939 г.)⁶.

Проблема урана

Один из организаторов атомного проекта СССР сталинский нарком, в годы Великой Отечественной войны уполномоченный ГКО по науке С.В. Кафтанов (выпуск МХТИ 1930 г.) вспоминал о стартовых днях проекта, в частности о проблемах добычи урана: «Вернадский и Ферсман ввели меня в курс дела с урановыми рудами. К этому времени имевшиеся в стране урановые шахты были заброшены, затоплены подземными водами. Раньше ураном легировали сталь, но потом нашлись присадки лучше и дешевле, и уран оказался не очень нужным. Надо было восстановить рудники и искать новые месторождения урана. К этому делу были подключены геологи и горняки. Активно помогал Ферсман». Рис.3.

О почти неизвестной экспедиции по поискам месторождений урановой руды в 1942-43 гг., в которой участвовал выпускник Менделеевки 1930 г. Сергей Артамонович Дмитриев, вспоминает его сын: «Мне рассказывал отец, химик-органик, что в 1942 году он получил задание ехать в геологическую экспедицию в Тикси на Таймыр искать там уран. (Очевидно, искали геологи, дело химиков – анализ рудных образцов, организация химических лабораторий – авт.).

Они ездили туда с Игорем Борисовичем Аделем (1906 – 1968, тоже менделеевец). И несмотря на суровый климат, на высадку немецкого десанта в Тикси в 1943 г., посягательства белых медведей на запасы тушенки, которые они вскрывали своими когтями, экспедиция нашла уран на Таймыре в 1944 году!»⁷

О добыче урановой руды на Таймыре историки атомного проекта знают, о чем есть несколько публикаций. Проблема разработки этих урановых месторождений стала актуальной и сегодня.

Металлический уран

Выпускник МХТИ 1939 г. Савва Иванович Золотуха (Рис.4) курс профессора Я.И. Михайленко не слушал, так как начинал учиться на Украине в Рубежном и в Харькове. В Менделеевке он защитил диплом и был направлен на работу в Электросталь на снаряжательный завод №12. В 1941 году завод был передан в распоряжение Первого главного управления для разработки технологии получения металлического урана. С.И. Золотуха, главный технолог и зам. главного инженера завода, стал активным участником и разработчиком новой технологии. 31 октября 1945 года в Электростали была проведена первая плавка урана, а уже через год 40 тонн урановых блочков были поставлены на первый в Европе атомный реактор Ф-1 для наработки плутония-239, основного компонента для ядерного оружия. Вместе с С.И. Золотухой, награжденным звездой Героя Социалистического Труда, на заводе № 12 работала группа выпускников факультета № 138 МХТИ, среди которых были инженеры, подготовленные во время эвакуации института в Коканд в 1941-1943 гг.⁸

Подробности получения первого металлического урана на заводе № 12 описывает в своих

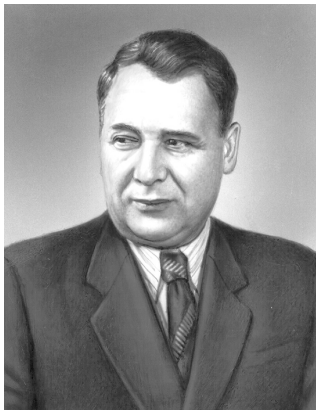

Рис.5.
Андрей Георгиевич
Касаткин.

воспоминаниях академик Ф.Г. Решетников. «В разработке технологии производства металлического урана, проводившейся, как и все работы атомного проекта, исключительно организованно и оперативно, можно выделить два этапа. На первом была использована так называемая немецкая технология, заключающаяся в восстановлении урана из закиси-оксида в присутствии хлорида кальция как флюса для понижения температуры плавления шлака. Такое название она получила, потому что была предложена группой немецких специалистов, привезенных после окончания войны из Германии. Это была очень трудная технология с низким конечным выходом по урану, с большим количеством отходов и без элементарной механизации процесса. Но она была достаточно быстро освоена, что позволило уже в декабре 1946 г. в Лаборатории № 2 (ныне это Курчатовский институт) пустить первый в Европе ядерный реактор Ф-1, на что потребовалось около 45 тонн урана.

Практически в это же время, в начале 1946 г. в НИИ-9 была начата разработка принципиально другой технологии – восстановление урана кальцием из тетрафторида. Ее изучение было начато в нашей стране еще в конце 1944 г. в Гиредмете под руковод-

ством Н.П. Сажина (выпускника и впоследствии профессора МХТИ) и З.В. Ершовой. Освоение новой технологии было возложено на начальника цеха Н.С. Козлова, энергичного, грамотного и отважного инженера, который внес решающий вклад в освоение нового процесса»⁹. Козлов Николай Сергеевич – выпускник факультета № 138 МХТИ им. Д.И. Менделеева 1938 г.

Продукт 180 — тяжелая вода

21 августа 1945 г. ГОКО постановил утвердить состав руководителей Первого главного управления – среди прочих заместитель начальника Главка Андрей Георгиевич Касаткин, выпускник МХТИ 1931 г. Рис.5. В череде текущих забот за-

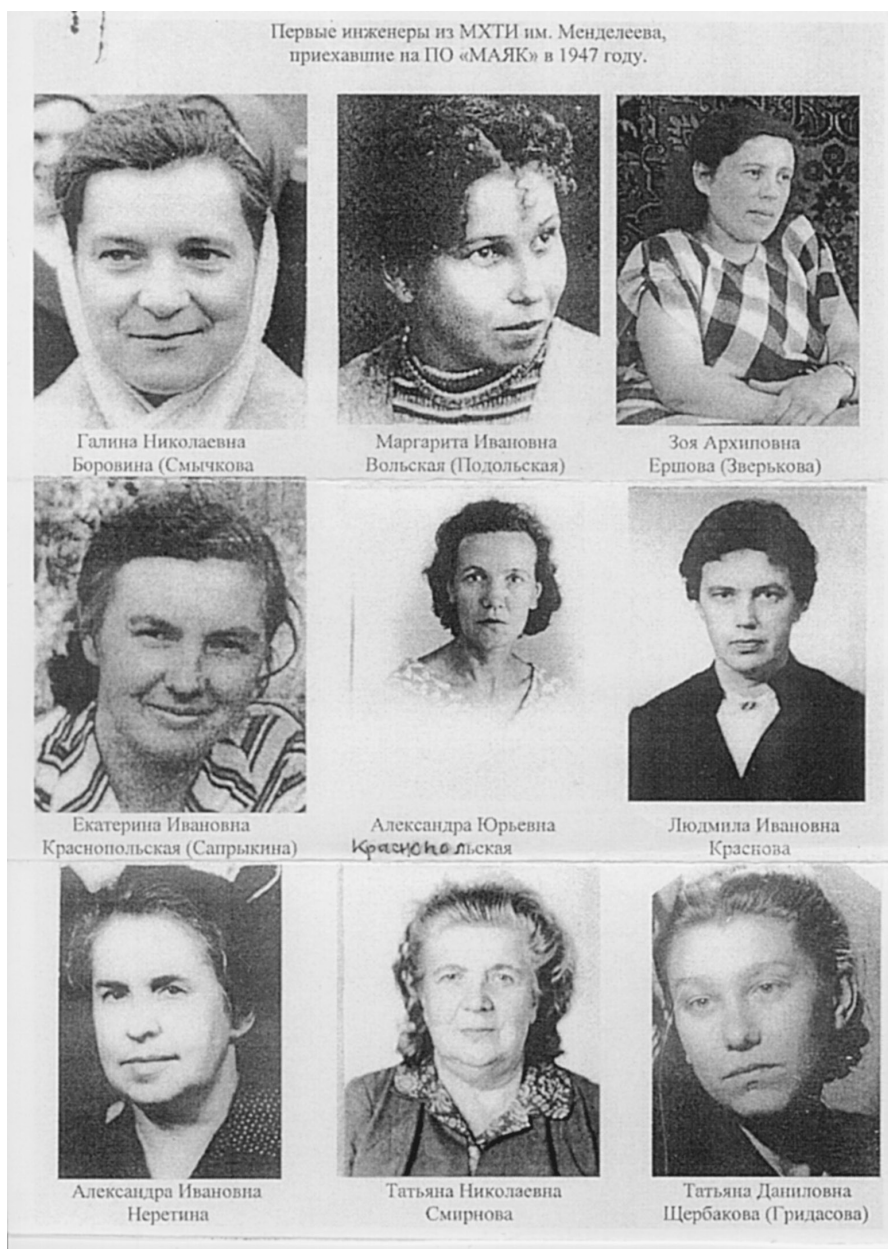

Рис.6. Первые выпускницы из МХТИ, приехавшие на химкомбинат «Маяк» в 1947 г.

Рис. 7.
Екатерина
Владимировна
Конопасевич.

Рис. 8.
Дмитрий
Александрович
Шустов.

местителя наркома химической промышленности СССР на первое место вышли проблемы «продукта 180» – тяжелого стабильного изотопа водорода с массовым числом 2 (тяжелой воды). Дейтерий был открыт в 1932 г. в лаборатории американского химика. В СССР первую тяжелую воду получил Александр Ильич Бродский (1895 – 1969) «на лабораторной установке в Московском химико-технологическом институте» (информация Б.С. Горобца)⁵.

В.А. Любартович, историк МИХМа, в своей книге о Л.А. Кастандове отмечает, что в 1940 – 1941 годах «инженер Леонид Маркович Якименко (в будущем профессор МХТИ им. Д.И. Менделеева) разработал для научных целей установку для получения тяжелой воды методом электролиза водных растворов. Она была изготовлена и смонтирована на опытных производствах ЧЭХК (Чирчик, Узбекской ССР) и была способна производить не более 8 кг тяжелой воды в сутки»¹⁰.

Всеми работами по тяжелой воде в рамках атомного проекта руководила секция № 4 Технического совета ПГУ (председатель А.Г. Касаткин, один из членов – профессор МХТИ А.Н. Плановский, выпуск 1931 г.). Все ученые и инженеры, занятые в разработке технологии тяжелой воды, подчинялись М.Г. Первухину и А.Г. Касаткину. «Для создания технологии D2O была предусмотрена разработка многих процессов: ректификация воды при нормальном и пониженном давлении, ректификация жидкого аммиака, низкотемпературная ректификация жидкого водорода или азотоводородной смеси для синтеза аммиака, двухтемпературный метод в системе H₂S-H₂O, многоступенчатый электролиз водных растворов в сочетании с изотопным обменом между водой и водородом. Решение проблемных задач требовало преодоления многих труд-

ностей. Быстрее всех был освоен метод получения тяжелой воды методом многоступенчатого электролиза в сочетании с изотопным обменом между водой и водородом. Был построен и пущен ряд заводов получения тяжелой воды по этому методу»⁵.

Менделеевцы, занятые в решении проблемы тяжелой воды, а это Н. Жаворонков, Г. Слинько, И. Сидоров. Ф. Ивановский, Н. Гельперин и многие другие оставили свои воспоминания об этой работе¹¹. Приведем отрывок из книги «Записки советского инженера» Сусанны Михайловны Карпачевой (выпускницы МХТИ 1931 г.), где она отдельную главу посвятила своей работе над этой проблемой во Всесоюзном научно-исследовательском институте неорганических материалов (ВНИИНМ). «Я была одним из руководителей разработок вспомогательного материала – тяжелой и сверхтяжелой воды, а затем радиохимического способа получения из растворов чистого урана и плутония... Работая над этими темами, мне пришлось встречаться, а нередко и сталкиваться с руководителями отрасли, пережить и счастливые минуты, и немало неприятностей»¹².

Плутоний

История получения первых граммов советского плутония помнит имена инженеров-технологов выпуска 1947 г. факультета Технологии неорганических веществ МХТИ им. Д.И. Менделеева. Озерск – один из десяти закрытых городов атомной отрасли – получил путевку в жизнь в 1945 году, когда начал строиться первый промышленный реактор, то есть первая крупная установка для производства плутония – «начинки» для атомной бомбы. Реактор был пущен 19 июня 1948 года, этот день можно счи-

тать днем рождения ядерной индустрии нашей страны. Но первые выпускницы МХТИ прибыли на Базу-10, как тогда назывался будущий химкомбинат «Маяк», уже летом 1947 года. Время было послевоенным, мужчин не хватало, поэтому среди выпускников ТНВ факультета (кафедры «Технологии связанного азота», заведующий молодой профессор Н.М. Жаворонков) МХТИ им. Менделеева были практически одни девушки. Двенадцать из них получили путевки на Урал – на первенец нашей атомной промышленности. Журнал «Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева» в 2001 году опубликовал воспоминания Екатерины Ивановны Сапрыкиной (Краснопольской), где она подробно рассказала о первых шагах своих подруг, выпускниц МХТИ, в деле освоения нового для них производства.

«Радиохимический завод тогда только еще начинал строиться. Девушки работали в обычных комнатах, без всякой защиты, были только деревянные вытяжные шкафы, негерметичные, без защиты от радиации. На первых операциях для разлива радиоактивных растворов использовалась простая химическая посуда: стеклянные стаканы, колбы. Зато на следующих этапах все сосуды были из золота и платины, чтобы исключить возможность коррозии и малейшего присутствия примесей.

С радиохимического завода концентрат плутония привозили в контейнерах из листовой стали, без всякой защиты. Раствор из контейнера разливали по стаканам. Этот период работы химического отделения называли «стаканным периодом». И вот в таких условиях, при отсутствии надежного оборудования, девушек учили тщательно проводить эксперименты, бороться с микроскопическими потерями плутония при его очистке. И руководители работ, и простые исполнители, пренебрегая своей безопасностью, стремились в минимальные сроки воплотить свои идеи. Главным для них было слово «надо» – надо создать ядерный щит Советского Союза, который мог бы стать гарантом мира на всей Земле.

Так, в стаканах, в пробирках девичьими руками были получены первые миллиграммы плутония. В конце апреля 1949 года вся технология была уже полностью отработана и передана металлургам. Первый «королек» плутония весил 8,7 г. Внешний вид этого слитка был крайне не-

привлекательным, имел много раковин, шлаковых включений. Однако ученые долго им любовались, крутили, вертели. Качество металла по содержанию примесей удовлетворяло физиков.

«Очень часто вспоминаю я те далекие времена, – говорит Екатерина Сапрыкина, – наш дружный коллектив, моих подруг. Это они освоили и создали новое производство, построили и создали наш чудесный город. Четкая и правильная организация всех работ, ясная цель, самоотверженный добросовестный труд обеспечили пуск объекта в срок в декабре 1948 г. За самоотверженный труд коллектива, которым я руководила в январе 1950 г., я была награждена орденом Ленина. Вручал орден Игорь Владимирович Курчатov»¹³.

В заключение своих воспоминаний Е.И. Сапрыкина сказала, обращаясь к нам, потомкам: «Я уверена, что рано или поздно наши дела будут по достоинству оценены...». Рис.6.

Коррозия металлов

Самопроизвольному (термодинамически обоснованному) разрушению металлов и сплавов – коррозии – подвержены все металлические элементы конструкции атомной бомбы, включая материалы ядерного заряда. В документах из архива «Атомного проекта СССР» есть информация об исследованиях по защите конструкции бомбы и заряда от коррозии. Важные работы были выполнены под руководством заведующего кафедрой «Технологии электрохимических производств» МХТИ им. Д.И. Менделеева, члена-корреспондента АН СССР профессора Н.А. Изгарышева, что отражено в справке о выполненных работах по защите от коррозии первого «специзделия», изготовленного на химическом комбинате «Маяк» в Челябинской области. Этой же проблемой в декабре 1948 г. в составе бригады Всесоюзного НИИ неорганических материалов, командированной на «Маяк», занималась выпускница МХТИ 1938 г. Екатерина Владимировна Конопасевич. Рис. 7. За успешное выполнение задания Правительства она была награждена орденом «Знак Почета» и премией Совета Министров СССР¹⁴.

Проблемы коррозии металлов и газодиффузионной технологии разделения изотопов урана решал выпускник МХТИ 1924 г. Каржавин Всеволод Александрович – начальник лаборатории

коррозии на Уральском электрохимическом комбинате (Свердловск – 44) в 1949-1955 гг. Оценка вклада, который сделал В.А. Каржавин и его сотрудники в разработку газодиффузионной технологии разделения природной смеси изотопов урана, детально изложена в книге Каржавина «Служение науке».¹⁵ Гексафторид урана (единственное устойчивое газообразное соединение урана, рабочий газ данной технологии) при взаимодействии с металлами образует на их поверхности твердую нелетучую пленку тетрафторида урана. При этом не только теряется ценнейший полупродукт – гексафторид урана, но и забиваются тончайшие поры диффузионных мембран. Проблему помогла решить технология Каржавина – Тиссена предварительной пассивирующей обработки никелевых поверхностей горячей фоторо-воздушной смесью, разработанная в Сухумском институте Герца. За успешное решение коррозионной проблемы группа ученых и производственников, в которую входил В.А. Каржавин, была удостоена Сталинской премии 1-й степени.

Ядерные испытания

Третий атомный взрыв советского «специзделия» был воздушным. Для оценки «качества» ядерного устройства была разработана методика определения коэффициента полезного использования (КПИ) ядерного горючего взорванного боеприпаса. Она предусматривала отбор пробы аэрозолей из образующегося после взрыва радиоактивного облака. Курчатов предложил отобрать аэрозоли с помощью самолета, управляемого пилотом. Конечно же в самолете должен был находиться радиохимик. Как это происходило впервые, вспоминает этот радиохимик, выпускник Менделеевки 1935 г., в те дни подполковник Советской армии Дмитрий Александрович Шустов¹⁶. «В день взрыва на по-

садочной площадке меня ожидал транспортный самолет типа Ли-2, оборудованный специальной гондолой с фильтром. Экипаж и я надели комбинезоны и получили изолирующие противогазы. На самолет установили приборы для измерения степени радиоактивности, командир усадил меня на место штурмана и сказал, что будет лететь в те места, куда я укажу. Поднявшись на высоту 3000 м, самолет стал барражировать на удалении 50 км от места взрыва, ожидая появления радиоактивного облака. Вскоре наш самолет так сильно осветило, что все отпрянули от иллюминаторов. Ударной волны мы не почувствовали. В воздухе появился радиоактивный «гриб». Ясно обозначились его «ножка» и «шляпка». Я попросил командира войти в «ножку» и сделать в ней несколько кругов, а потом, двигаясь по спирали, набирать высоту. Когда самолет достиг высоты 5000 м, приборы стали фиксировать флуктуацию уровней радиоактивности. На мою просьбу подняться еще выше пилот ответил, что конструкция самолета этого не позволяет. Памятуя наказ Игоря Васильевича «не рисковать», я предложил командиру идти на посадку.

После посадки офицер госбезопасности предложил мне сесть с ним в машину и никому ничего не рассказывать. Курчатов подробно расспросил меня о полете и велел тут же написать подробный отчет. Через сутки были готовы результаты анализа полученных проб, Курчатов остался очень доволен ими и поблагодарил всех за работу».

Вклад ученых и выпускников Университета Менделеева в создание ядерного щита СССР достоин уважения, он показал, что система подготовки кадров, готовых решать самые насущные проблемы обороны нашей Родины, подтвердила свою жизнеспособность и продолжает поныне свою плодотворную работу.

¹ Карапетьянц, М.Х. Первая общехимическая/М.Х. Карапетьянц // Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. – 2003. – Вып. №10.- С. 5-13.

² Михайленко, Я.И. Краткий очерк эволюции наших представлений о химических элементах, атомах и молекулах. Глава из элементарного курса общей и неорганической химии. Часть 1./ Я.И. Михайленко. – М.: Индустриально-педагогич. институт им. К. Либкнехта, 1929. – 161 с.

³ Михайленко, Я.И. Об искусственной радиоактивности/ Я.И. Михайленко//«Московский технолог» – 1934.- №17.

⁴ Бондаренко, А.Ю. Фитин: начальник разведки./А.Ю Бондаренко – М.: Молодая гвардия, 2015.- С. 258.

⁵ Горобец, Б.С. МИХМ в атомном проекте СССР./Б.С. Горобец.- М.: МГУИЭ, 2009. – 352 с.

- ⁶ Жуков, А.П. *Жорж Абрамович Коваль (1913–2006). Атмосфера действий.*/А.П. Жуков.- М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2013. – 216 с.
- ⁷ *Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева.* – 2015. -Вып. № 46. – С.27.
- ⁸ Койава, Е.С. *Савва Иванович Золотуха – король русского атома.* / Е.С. Койава//*Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева.* – 2008. – Вып. № 23. – С.40-42.
- ⁹ Решетников, Ф.Г. *Этапы большого пути. 55 лет в Минатоме.* / В. Г. Решетников.- М.: НИЦ «Экономика», 2001. – С. 61-77.
- ¹⁰ Любартович, В.А. *Государственный человек: Леонид Кастандов – инженер, ученый, руководитель химической промышленности.*/В.А. Любартович. – М.: Академкнига, 2005. – С.37.
- ¹¹ Слинко, М.Г. *Тяжелая вода – нелегкая задача*/М.Г. Слинко// *Жаворонков Николай Михайлович: Очерки, воспоминания, материалы.*- М.: «Издательство Котляров», 2013. – С. 61-64.
- ¹² Карпачева, С.М. *Записки советского инженера*/С.М. Карпачева.- М.: ПАИМС, 2001. – С. 169-182.
- ¹³ Сапрыкина, Е.И. *Первые молодые специалисты из МХТИ им. Д.И. Менделеева на Базе-10 (ПО «Маяк») 1947-1948 гг.*/ Е.И. Сапрыкина, Л.П. Сохина. – Озерск, 2003. – 44 с.
- ¹⁴ *Атомный проект СССР: документы и материалы. В 3 т./Под общ. ред. Л.Д. Рябева.* – М.: Наука, 1999.- Т.2. Кн.1.С. 604, 611.
- ¹⁵ Каржавин, В.А. *Служение науке*/В.А. Каржавин.- М.:Изд. АТ, 2005. -С. 30-33.
- ¹⁶ Шустов, Д.А. *Радиохимия при ядерных испытаниях*/Д.А. Шустов// *Курчатовский институт. История атомного проекта.* -1995 – Вып.3. – С.143-148.

*Николай Степанович Зелов,
Россия, Москва, Государственный
архив Российской Федерации,
главный специалист, руководитель архивохранилища
личных фондов государственных, общественных деятелей
СССР и Российской Федерации,
член Союза писателей России*

Письма славы и бессмертия Фронтовые письма в личных фондах ГА РФ

Среди многочисленных документальных источников по истории Великой Отечественной войны особое место занимают письма с фронта. Они хранятся в фондах федеральных и региональных архивов, музеев, в отделах рукописей научных библиотек, а также в народных и школьных музеях. Священные семейные реликвии, письма дедов и отцов бережно хранят сыновья, дочери, внуки тех, кто вернулся в родной дом, и тех, кто похоронен в братских могилах защитников Отечества.

Наибольшее число фронтовых писем сконцентрировано в Государственном архиве Российской Федерации в фондах Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, союзных министерств, ЦК профессиональных союзов. В фонде ЦК РАБИС хранятся письма бойцов и командиров Красной Армии Л.А.Руслановой, Л.О.Утесову, К.И.Шульженко, другим знаменитым артистам, выступавшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Фронтовые письма защитников Отечества имеются и в личных фондах ГА РФ, в объединен-

ном фонде «Историки-архивисты», коллекции, собрании отдельных поступлений документов личного происхождения. Около 250 писем Владимира Николаевича Автократа (1922-1992) родным за 1942-1945 гг. передала его вдова, Мария Игоревна Автократа, возглавлявшая многие годы Центральный государственный архив древних актов. Родившись в Москве и окончив в 1941 году среднюю школу, в начале войны Владимир Автократа оказался в городе Халтурин Кировской области, куда был эвакуирован научно-исследовательский институт «Цветметзолото», в котором работал отец. Отсюда его призвали в армию мае 1942 года и направили на трехмесячные курсы в военное училище. И уже в августе он принимал участие в боевых действиях, служил техником-лейтенантом в 186-й отдельной роте химической защиты 207 стрелковой дивизии, воевавшей в составе 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. Войну закончил в Берлине. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, многими медалями. В письмах В.Н. Автокра-

това нет описания ярких военных эпизодов, но они содержат оригинальные оценки и суждения о войне и ее последствиях будущего видного историка и архивиста, руководителя ВНИИДАД. «Мои родные! Сегодня я и душой, и мыслями нахожусь с Вами, в Москве, – писал Владимир Николаевич 17 августа 1944 г. – Я вспоминаю годы, когда день моего рождения мы проводили вместе, а также 42, 43 гг., когда я уже служил в рядах армии, и потому мы не могли быть вместе. 42-й год был самым тяжелым в моей жизни, в жизни нашей маленькой семьи и всего нашего народа. Мы благополучно миновали этот год. [...] Теперь заря нашей победы ярко освещает нашу жизнь, мы еще не все вместе, но ясно видно, что кончаются мучения народа, а вместе с ними и наши. День сегодня солнечный. С ночи началась страшная огневая подготовка – мы снова будем продвигаться вперед»¹. «У меня все в полном порядке. И настроение хорошее, только очень хочется в Москву, – писал В.Н.Автократов отцу 15 апреля 1945 г. – Сегодня поеду посмотреть на Одер – проклятая река разлилась и стала широкой. Наши уже на том берегу. Авиация второй день не дает фрицам покоя»². Письма содержат сведения о красноармейском быте, отношении советских солдат к противнику, гражданскому населению Германии. Они позволяют представить, как формировались мировоззрение и мироощущение Владимира Николаевича, его отношение к матери, отцу, родственникам, школьным и фронтовым друзьям.

Народный писатель Туркменистана Рахим Махтумович Эсенов передал ГА РФ в 2014 году фронтовые письма двоюродного брата, майора медицинской службы Нэдима Эсеновича Юнусова, дошедшего до Берлина. Всю войну и после войны их бережно хранили жена Нэдима Эсеновича, Назия Исламовна Тагирова, скончавшаяся в августе 1991 года, затем дочь, Альфия Нэдимовна. Она передала письма в 2000 году Рахиму Махтумовичу Эсенову в надежде, что он позаботится о священных документальных реликвиях. «Думаю нет необходимости объяснять Вам, какой интерес представляют эти письма, которые сумели сохранить родственники брата. [...] Обеспокоенный судьбой писем – годы-то мои какие! – Я предложил республиканскому архиву принять письма, но с условием снять копию для меня, – писал в ГА РФ Рахим Махтулович 8 фев-

раля 2014 г. – Но там отделались отговорками, и вот уже прошло два года с лишним, а новые руководители архива молчат. В туркменском архиве сменилось руководство, новые «сменовеховцы», видимо, недооценивают ценность отвергнутых документов. [...] Я готов передать письма Вашему архиву»³. 36 фронтовых писем Нэдима Юнусова проникнуты любовью к жене, отцовской нежностью к дочери, ностальгией по мирному довоенному времени. «Ты пишешь, что устала от одиночества, – отвечал он на одно из писем жены. – Мне тоже несладко. С тобой хоть рядом дочка, близкие. А я один, без вас... Прекрасно понимаю тебя, дорогая. К сожалению, на нашу с тобой молодость выпала долгая разлука. Самое время, когда радоваться жизни, любить друг друга, воспитывать нашу любимицу Альфию. Но сегодня решается судьба Родины, и всякий, кто честен, должен жертвовать собой во имя того, чтобы защитить жизнь на земле... Вот мы и жертвуем. Понадобится, принесем на алтарь Отчизны и наши жизни. Нас всегда учили: интересы Родины превыше всего. Только так! В этой войне решается судьба грядущих поколений, судьба нашей Алочки!»⁴ В конверт письма Нэдим вложил переписанное от руки стихотворение К.М. Симонова «Жди меня».

Очень малую часть писем Рахим Эсенов использовал в очерке «Послужить Отечеству», опубликованном в московском журнале «Слово» (2005, № 6). «С их страниц, – читаем в очерке писателя, – мне слышатся голоса любви и страдания, радости и горя, веселья и грусти; торжества и печали, словом, они и поныне переживают все, чем жил их автор и те, кому они принадлежали. В них ярко проступает нравственный образ поколения, прозванного «мальчиками державы»: патриотизм, любовь к Родине, преданность долгу, честность, гуманизм»⁵.

Так можно сказать и о хранящихся в ГА РФ фронтовых письмах И.Н. Владимирцева, С.А. Зелова, А.Н. Леонтьева, М.Ф. Орлова, Н.Н. Раевского, других защитников Отечества. Письма Авангарда Николаевича Леонтьева, родившегося 11 июля 1924 года в Москве, охватывают пребывание его в Сарапуле, учебу в пехотном училище Воткинска и совсем короткий период фронтовой жизни. После окончания пехотного училища он был направлен в 228-й стрелковый полк 55-й стрелковой дивизии в район военных действий

под Курском. Его письма родителям передал в архив брат – народный артист РСФСР Авангард Николаевич Леонтьев, родившийся в 1949 году и названный родителями в честь погибшего старшего сына 15 июля 1943 году у деревни Городище Курской области.

На ближайшем заседании Экспертно-проверочной комиссии ГА РФ 30 мая будут рассмотрены, несомненно, положительно, вопросы дополнения к материалам об Авангарде Николаевиче Леонтьеве; приеме фронтовых писем Эдуарда Иосифовича Вершилло (1909 – 2000), воевавшего на Северо-Западном фронте, затем в составе 16-й Литовской дивизии принимавшего участие в Курской битве, освобождении Белоруссии и Литвы. Часть писем адресованы племяннику, фронтовику И.Н. Владимирцеву, часть – матери.

В объединенном фонде «Историки-архивисты» (ф. № Р-8370) – письма М.Ф. Орлова, Н.Н. Раевского, направленные в 1943 году с фронта своему однокласснику по средней школе в г. Орле И.Н. Владимирцеву, находившемуся в тюменском госпитале на лечении после тяжелого ранения осколком мины на Волховском фронте. Игорь Николаевич – выпускник Московского историко-архивного института МВД СССР. После окончания аспирантуры и до ухода на пенсию работал в ЦГАОР СССР. Прошел путь от научного сотрудника до руководителя отдела публикации

документов. Фронтовые письма Игоря Николаевича и его друзей передал в ГА РФ Николай Игоревич Владимирцев, начальник отдела хранения и учета документов ГА РФ.

Фронтовые письма – ценный исторический источник, хотя крайне редко используются исследователями, редко публикуются в последние годы в журналах и газетах. Около 250 фронтовых писем В.Н. Автократова в личном его фонде, опубликовано лишь 18 писем в журнале «Отечественные архивы», 1997 г., № 4.

ГА РФ хранит личный фонд видного археографа, доктора исторических наук профессора В.А. Кондратьева (1928-1992), подготовившего в 1960-1980 годы восемь изданий сборника «Говорят погибшие герои», четыре издания сборника «Письма славы и бессмертия». В этих изданиях публикуются письма защитников Отечества из сборников «Письма с фронта», вышедших в 1943-1945 годах в Алма-Ате, Тамбове, других городах. Подготовить к 75-летию Великой Победы библиографический справочник о таких сборниках, о хранящихся в архивах, музеях своеобразных эпистолярных памятников о боевых делах, фронтовой жизни защитников Отечества, продолжить работу по их собиранию, реставрации, использованию – долг архивистов, библиографов, музейных работников всех, кому дорога память о фронтовиках.

¹ ГА РФ. Ф. 10018. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 79

² Там же. Ед. хр. 415. Л. 30

³ Там же. Ф. 10036. Оп. 1. Ед. хр. 647. Л. 1

⁴ Там же. Ф. Р-9577. Оп. 1. Ед. хр. 1334. Л. 32

⁵ Там же. Л. 48

*Алексей Сергеевич Ирютин,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
заместитель начальника отдела, подполковник*

Морская пехота Северного флота в ходе Петсамо-Киркенесской операции 1944 года

Опыт ведения боевых действий в Заполярье 1941–1944 гг. наглядно показал обеим противоборствующим сторонам, что в условиях слаборазвитой сети коммуникаций, сложности рельефа, погодных и природных условий успеха добивается не тот кто имеет численный перевес, а тот кто контролирует транспортную инфраструктуру и может организовать своевременный подвоз всех видов обеспечения, осуществлять эвакуацию раненых и подход подкреплений. Годы позиционной войны превратили каждую высоту в хорошо подготовленный в инженерном отношении узел обороны захватить который было довольно сложно даже при превосходстве в огневых средствах, технике и живой силе. Понимая, что успех всей Петсамо-Киркенесской операции во многом зависит от того, удастся ли организовать своевременное снабжение всем необходимым наступающие войска Командование Карельского фронта и 14-й армии вело строительство трех автомобильных дорог. Однако по причине скалистого грунта и трудных погодных условий удалось построить

только одну дорогу. Неразвитая дорожная сеть доставляла неудобства и обороняющейся стороне. «Опыт показал, – писал командующий 20-й немецкой армии генерал Рендулич Лотар, – что русские прекрасно понимали и мастерски использовали возможности местности... и все же бездорожье резко снижало темпы их наступления. Эти же причины сковывали действия и обороняющейся стороны: сужались возможности быстрого ввода в бой резервов. Требовалось много времени и усилий, чтобы доставить их в нужное место и в нужное время». В сложившихся условиях для поддержания темпов наступления и лишения противника возможности маневра своими резервами важное значение имело овладение портами Печенга и Лиинахамари. Быстро захватить и использовать их в условиях глубоко эшелонированной обороны немецкой группировки можно было только путём высадки десантов. Командование Карельского фронта и Северного флота нашли верное решение: с юга и севера нанести удары по открытым флангам противника. С юга должны были ударить специ-

ально созданные для действий в условиях бездорожья легкие стрелковые корпуса (126-й, 127-й), способные действовать на удалении до 100 км от пунктов снабжения. С севера охват открытого фланга противника, отсечение его от основных сил и коммуникаций должны были выполнить морские пехотинцы Северного флота. В ночь на 10 октября корабли Северного флота высадили тактический десант в составе 63-й бригады морской пехоты, всего 2837 человек с задачей оказать содействие 12-й бригаде морской пехоты с приданными ей частями в губе Малая Волоковая с целью обойти главную линию обороны противника на перешейке между полуостровами Средний и Рыбачий. Полосу обороны протяженностью 9 и глубиной 3 км на перешейке полуострова Средний занимала дивизионная группа «Норд», в составе 503-й авиаполевой бригады и 193-го пехотного полка с подразделениями усиления. Основу обороны противника составляли ротные опорные пункты, объединенные в батальонные узлы сопротивления.

Сильно пересеченный, совершенно лишенный растительности горный хребет Муста-Тунтури высотой 350 метров был опоясан несколькими ярусами минных полей и проволочных заграждений в 8-15 рядов. Особенно прочно была укреплена первая полоса обороны. На высоких обрывах и в ущельях располагались 200 дотов и дзотов и около 800 открытых огневых точек. На вершинах были расположены минометные батареи. Вторая полоса, созданная на рубеже Титовка – река Печенга, так же как и первая, состояла из опорных пунктов и узлов сопротивления. Они располагались на господствующих высотах по левому берегу р. Титовка и вдоль дорог Большая Западная Лица – Петсамо и горы Большой Кариквайвишь – Луостари. На перешейке первую полосу оборону занимал 193-й пехотный полк, вторую – подразделения 2-й горно-егерской дивизии.

Для обеспечения успеха наступления командованием Северного флота планировалось своевременное подавление артиллерией Северного оборонительного района (209 орудий и минометов), отрядом кораблей огневой поддержки (два эскадренных миноносца в Мотовском заливе), а также авиацией Северного флота батареями противника на перешейке полуострова Средний. Атака 12-й бригады морской пехоты по

согласованию со штабом Карельского фронта, намечалась после прорыва обороны противника войсками 14-й армии.

Личный состав обучался оборудованию укрытий в каменистом грунте, преодолению заграждений без помощи саперов. На занятиях и в ходе учений тщательно отрабатывались вопросы взаимодействия, особое внимание уделялось ориентированию в горной местности при влиянии магнитных бурь. Ежедневно в ночное время проводились марш-броски с полной выкладкой, десятикилометровые переходы, в ходе которых подразделения «штурмовали» крутые скалистые высоты.

С начала сентября артиллерия Северного оборонительного района (СОР) начала систематическое подавление огневых точек на переднем крае и артиллерийских батарей в глубине обороны противника. Для введения командования германской группировки в заблуждение относительно направления главного удара огневое поражение осуществлялось по всему фронту. Авиация Северного флота наносила бомбоштурмовые удары по объектам противника и его коммуникациям. 12-я бригада морской пехоты с конца сентября и до начала октября 1944 года готовилась к прорыву обороны противника на специально подготовленной в инженерном отношении местности. В каждом батальоне были сформированы штурмовые группы в составе от одной до полутора рот со средствами усиления. Для преодоления крупных горных подъемов и спусков проводились учения по альпинистской подготовке, изготавливались штурмовые лестницы, крючья и необходимый шанцевый инструмент.

7 октября 1944 года после артиллерийской подготовки, ударная группировка 14-ой армии начала наступление и к исходу 9 октября завершила прорыв тактической зоны обороны противника. Утром 9 октября во всех частях и на кораблях Северного флота личному составу было зачитано обращение военного совета флота, призывавшее североморцев с честью выполнить свой долг, «вернуть нашу русскую Печенгу, прочно и навсегда утвердить там победное знамя нашей Родины».

Утром 9 октября перешли в наступление 12-я и 63-я отдельные бригады морской пехоты СОР. Боевые действия начались с высадки двух де-

сантных групп численностью 44 человека на южное побережье Мотовского залива в районе мыса Пикшуев с целью отвлечения внимания противника от района высадки основного десанта. Приняв его за превосходящие силы, противник открыл сильный огонь из стрелкового оружия, но в результате огня корабельной артиллерии поспешно оставил свои позиции. Так, демонстративный десант отвлек внимание противника и способствовал успешной высадке основных сил 63-й отдельной бригады морской пехоты (ОБРМП). На следующий день на южное побережье фьорда Маативуоно (Малая Волоковая) скрытно от противника была высажена 63-я ОБРМП полковника А.М. Крылова

63-я ОБРМП и сводный разведотряд численностью 195 человек, возглавляемый капитаном И.П. Барченко-Емельяновым, сосредоточились на берегу бухты Пумманки для посадки на боевые корабли. Около 2.00 часов 9 октября 10 больших охотников, 8 сторожевых и 12 торпедных катеров, приняв на борт 2837 морских пехотинцев и около 16 т груза, тремя отрядами вышли из базы Земляное.

Район высадки бригады был крайне неудобным, не имел ни одной песчаной отмели, имел сложный скалистый рельеф дна, что делало высадку десанта опасной для плавсредств. Морским пехотинцам пришлось высаживаться на крутой скалистый берег. Тем не менее, высадка прошла успешно. Утром 10-го октября часть подразделений 63-й ОБРМП, развивая наступление, вышла во фланг и тыл обороны противника на перешейке п-ова Средний, передний край которой проходил по хребту Муста-Тунтури.

В 5.00 часов утра 10 октября после двухчасовой артиллерийской подготовки начала наступление 12-я отдельная Краснознаменная бригада морской пехоты полковника В.В. Рассохина. В первом эшелоне наступали батальоны майора А.Ф. Петрова, майора А.Л. Пауля и 614 отдельная штрафная рота капитана М.Д. Баранова, по численности равная батальону. Во втором эшелоне действовал батальон капитана Я.Г. Артамонова. Неожиданно налетевший ураган мгновенно покрыл все снегом. Встречный ветер сбивал с ног наступающих, мешал взбираться на отвесные скалы по штурмовым лестницам и канатам. Первой ворвалась в опорный пункт противника рота капитана А.А. Устратова из батальона Петрова,

уничтожив три дзота и землянку. Рота старшего лейтенанта И.П. Григоренко совместно с ротой автоматчиков Героя Советского Союза В. Кислякова захватила четыре дзота и пленных. Отчаянное сопротивление горных егерей, не могло остановить натиск морских пехотинцев, бой перешел в рукопашную схватку.

Первая рота батальона майора Пауля, атакуя опорный пункт противника на западных скатах высоты 260.0, стала нести потери от пулеметного огня который велся из опорного пункта на высоте 196.0. На выручку пришел взвод противотанковых ружей (ПТР) батальона под командой капитана Ф.Л. Сковородкина. Он, рискуя жизнью, собрал под обстрелом расчеты взвода, организовал ведение прицельного огня из противотанковых ружей по амбразурам дзотов противника, уничтожил пулеметчиков, вывел из строя все пулеметы, поднял бойцов в атаку и завязал рукопашный бой. После этого капитан Сковородкин, уже, будучи дважды раненым, бросился к одной из огневых точек и взорвал ее вместе с расчетом противотанковой гранатой.

В это же время командир разведывательного взвода из состава батальона Пауля младший лейтенант В. Бродюк, используя успех соседнего батальона, захватившего высоту 146.0 и вышедшего в район огневых позиций минометной батареи противника, с юго-западных скатов высоты 260.6, обнаружил мощный опорный пункт, прикрывавший оборону немцев с тыла и фланга. Разгромив этот опорный пункт, взорвав 12 дзотов вместе с пулеметами и расчетами, взвод захватил минометную батарею и 11 пленных. За этот подвиг младшему лейтенанту Бродюку было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

К 11 октября 1-й батальон 63-й ОБРМП захватил высоту 268.0, у подножия которой проходила дорога Титовка – Пороваара. Эта дорога, построенная инженерными частями немецкой армии за три месяца и названная «немецкой» или «швабской» дорогой играла важную роль в снабжении немецкой группировки войск на полуострове Средний. Овладение высотой 268,0 позволяла контролировать путь отхода противника к деревне Пороваара, а именно это являлось конечной задачей, поставленной командующим Карельским фронтом генералом армии К.А. Мерецковым морской пехоте СОРа.

В результате непродолжительной, но мощной артиллерийской подготовки батальон Петрова 12-й ОБРМП, который присоединился к 63-й ОБРМП в ходе наступления, и батальон 63-й ОБМП Красильникова взяли штурмом последнюю высоту в обороне дивизионной группы «Норд».

В бою особо отличилась разведрота и отдельная рота автоматчиков

12-й ОБРМП Героя Советского Союза В.П. Кислякова, которые отважно действуя в рукопашной схватке захватили знамя противника вместе с денежным ящиком и документами. Хотя окружить и отрезать пути отступления немецкой группировки не удалось, ввиду заблаговременного отвода противником своих сил с полуострова Средний, выполнение такой сложной боевой задачи имеющимися силами и в такие короткие сроки является уникальным событием в истории не только отечественной морской пехоты. Фактически созданная на протяжении более трёх лет система позиционной обороны на господствующих высотах в условиях скального грунта на самом экстремальном в климатическом отношении участке Восточного фронта была прорвана за несколько суток.

Особую роль в операции сыграли действия объединенного отряда в составе отдельного разведотряда СОР и разведотряда СФ под командованием капитана И.П. Барченко-Емельянова, имевшего задачу уничтожить противника на мысе Крестовом и облегчить высадку десанта в залив Петсамовуоно.

В ночь на 10 октября отряд, усиленный группами артиллеристов, саперов, радистов и медработников, общей численностью 195 человек, быстро и организованно высадился в губе Малая Волоковая (Варангерфьорд), стремительным броском занял прибрежные высоты и без потерь вышел из зоны огня противника.

После доклада командованию, отряд начал движение к м. Крестовый. К утру снег сменился дождем, вся местность снова окрасилась в серобурый цвет, и маскхалаты пришлось снять. В целях обеспечения скрытности разведчики движения днем не совершали, рассредоточившись по каменным укрытиям, выложенным на случай боя. Весь день 10 октября одиночные самолеты противника на бреющем полете обследовали лощины, водоразделы и каменистые сопки, но обнаружить отряда так и не смогли.

С наступлением темноты отряд продолжил движение. Нелегко было идти разведчикам в кромешной темноте, неся на себе усиленный боекомплект, пятисуточный запас продовольствия, оружие и снаряжение, общим весом около 40 кг. Приходилось преодолевать гранитные скалы, нередко прорубать во льду ступени, подтягивать друг друга с помощью канатов. Похожие друг на друга горы, многочисленные ручьи и озера затрудняли ориентирование и замедляли движение.

К утру 11 октября измотанный ночным переходом отряд вышел в район озера Сясиярви, где расположились на отдых. В сумерках разведчики продолжили движение и к наступлению темноты вышли на прибрежные отроги у залива Петсамовуоно, с которых просматривались контуры мыса Крестовый, за которым на противоположном берегу виднелся порт Линахамари. Спуститься к мысу можно было только по отвесной скале, что было под силу только альпинистам. К сожалению, в отряде не было даже элементарного снаряжения. Выручила запасливость и предусмотрительность старшины отряда С. Гетмана, у которого нашлись прихваченные «на всякий случай» связки снастей, используя которые, а также ремни и др. предметы снаряжения, разведчики спустились со скалы, затратив на спуск около 6 часов.

К 2.00 ночи отряд вышел к перешейку мыса Крестовый. Командир отряда капитан Барченко-Емельянов собрал командира разведотряда СФ старшего лейтенанта В.Н. Леонова и командиров разведвзводов, довел обстановку и отдал боевой приказ. В соответствии с замыслом отряд В.Н. Леонова в количестве 42 человек, усиленный отделением из разведвзвода лейтенанта А.А. Петрова и группой артиллеристов в количестве 17 человек захватывал четырех орудийную 88-мм зенитную батарею. Взвод А.А. Петрова с группой подрывников, обойдя вдоль берега опорный пункт противника, атаковывал с фланга огневую позицию 150-мм батареи. Взводы старшего лейтенанта А.Н. Синцова, лейтенантов Ю.В. Пивоварова, лейтенанта А.В. Кубарева штурмом овладевали опорным пунктом, после чего уничтожали береговую батарею противника.

Атака началась в пятом часу утра. Внезапное появление разведывательного отряда ошеломило противника. Ряды колючей проволоки и

сильный огонь чуть было не остановили отряд Леонова. Здесь совершил свой подвиг разведчик-силач И. Лысенко. Он нечеловеческим усилием вырвал секцию заграждений из колючей проволоки и открыл путь своим товарищам, но сам погиб.

Противник подверг м. Крестовый массивному огневому налету артиллерийских батарей крупного калибра, после чего к полудню на мыс было высажено несколько десантных групп. Отряд понес значительные потери. Позиции 88-мм зенитной батареи несколько раз переходили из рук в руки.

В один из напряженных моментов боя авиационную поддержку отряду оказала авиация Северного флота. С самолетов были сброшены боеприпасы и продовольствие. Произведя перегруппировку, разведывательный отряд продолжил наступление и к исходу дня взял под контроль весь берег, лишив противника возможности переправлять через залив подкрепления. В это же время все оставшиеся в живых немцы были заблокированы в районе огневых позиций 150-мм батареи. После прибытия на м. Крестовый обещанной помощи – разведроты 63-й ОБРМП во главе с капитаном Ильясовым, немецкий гарнизон Крестового капитулировал. Боевыми действиями на м. Крестовый разведчики морской пехоты вписали славную страницу в историю войны в Заполярье, проявив несокрушимую стойкость и беспримерную храбрость.

Командование Северного Флота достойно отметило высокое мастерство и героизм диверсионного отряда при ведении боевых действий в условиях горной местности, в тылу противника, исключительную выносливость и хорошую физическую подготовку личного состава. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза капитану И.П. Барченко-Емельянову, старшему сержанту С.М. Агафонову, старшему матросу А.П. Пшеничных.

Вечером 12 октября, когда после донесения Барченко-Емельянова была уточнена обстановка на мысе Крестовом, командующий Северным флотом адмирал А.Г. Головкин решил высадить десант в порту Лиинахамари. Такое решение было принято не только вследствие успеха объединенного разведотряда Барченко-Емельянова, но и в связи с разгромом морской пехотой

дивизионной группы «Норд». Поскольку 63-я ОБРМП, получив новую задачу, преследовала отходящего противника с целью овладения деревни Пороваара, 12-ю ОБРМП можно было использовать для наращивания удара через Лиинахамари на Петсамо.

В состав десанта был назначен 349-й отдельный пулеметный батальон морской пехоты СОР майора И. А. Тимофеева в количестве 338 человек и отряд 125-го полка морской пехоты, включавший разведывательную роту и роту автоматчиков в количестве 320 человек под командованием ст. лейтенанта Б.Ф. Петербургского. Десант под командованием майора Тимофеева получил задачу высадиться на причалы в Лиинахамари, захватить порт и удерживать его до подхода 12-й ОБРМП.

Вечером 12 октября была осуществлена смелая по замыслу и исполнению высадка в порт Лиинахамари сводного отряда морской пехоты под командованием майора Тимофеева.

В первом броске на катерах Героя Советского Союза капитан-лейтенанта А.О. Шабалина и лейтенанта Е.А. Успенского прямо на причалы высадились два взвода морских пехотинцев. Противник открыл сильный огонь. В первые минуты боя за высадку тяжело ранило командира отряда Александра, которого заменил его помощник – сержант И.П. Каторжный. Под его командованием взвод захватил три причала.

Взвод автоматчиков младшего лейтенанта Семенова вместе с разведчиками сержанта Каторжного атаковал и уничтожил четыре артиллерийских дота с 75-мм пушками. Затем десантники атаковали гостиницу Петсамо, где противник организовал узел сопротивления. Рукопашная схватка происходила на этажах, в холлах, комнатах. В ходе боя сержант Каторжный и старший матрос И. Е. Королев, пробившись на крышу, укрепили на ней красный флаг. Другой взвод разведроты, захватив в бою четыре 20-мм автоматических пушки, открыл из них огонь по противнику. К утру 13 октября порт и окружающие его высоты были захвачены десантом.

За исключительный героизм, проявленный в боях за Лиинахамари, старший сержант И.П. Каторжный был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 16 часов 12-я ОБРМП получила приказ к часу ночи 14 октября прибыть к месту погрузки

на корабли на мыс Крестовый. Совершив 40-километровый марш по горам, вне дорог, по бездорожью и топким болотам, бригада к 8.00 14 октября сосредоточилась на м. Крестовом, сходу произвела посадку на корабли, переправилась через залив и высадилась в Лиинахамари.

После полудня 63-я ОБРМП овладела селением Пороваара и вышла на восточный берег Петсамоуоно. К 16 часам 14 октября к основным подразделениям бригады подошли артиллерийские и минометные дивизионы и отдельная танковая рота СОР. Как и 12-я ОБРМП, бригада полковника Крылова переправилась на западный берег залива и сосредоточилась в селении Трифона.

В ночь на 15 октября войска Карельского фронта форсировали р. Печенга и в тесном взаимодействии с соединениями морской пехоты ударом по сходящимся направлениям разгромили гарнизон, овладели городом и портом Петсамо – важной военно-морской базой и мощным опорным пунктом обороны противника на Крайнем Севере.

За овладение городом Петсамо Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1944 года в числе семи соединений и частей Северного флота 63-я ОБРМП была награждена орденом Красного Знамени.

В тот же день Приказом Верховного Главнокомандующего 12-й ОБРМП присвоено почетное наименование Печенгской. Краснознаменными стали также 3-я, 70-я и 72-я морские стрелковые бригады.

Потерпев поражение в районе Петсамо, противник под прикрытием сильных арьергардов отступил на Запад.

В этой обстановке Северный флот получил задачу высадить десант морской пехоты на южное побережье Варагнерфьорд для обеспечения действий приморского фланга 14-й армии.

18 октября 4-й батальон 12-й ОБРМП был высажен в заливах Сусло-Вуоно и Аресо-Вуоно. Морские пехотинцы овладели населенными пунктами Афанасьев, Турунен, Вуореме и к 20 октября освободили побережье до Вуореме включительно. С 18 по 22 октября территория Советского Заполярья была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Успех советского наступления был ошеломительным для противника. Используя немецкие трофей-

ные документы начальник отдела военно-исторической службы армии США Эрл Зимке красноречиво описал уровень военного искусства которого достигла Красная армия и Северный флот в ходе операции: «За одну неделю русские не оставили камня на камне от линии фронта, на укрепление которой у немцев ушло три года планирования и труда. Но самым тяжёлым ударом для немцев стало то, что русское наступление полностью опровергло доктрину, которой 20-я горнострелковая армия придерживалась с 1941 года: арктический рельеф местности делает невозможным быстрое перемещение больших воинских контингентов и, в частности, исключает танковые операции».

Верные союзническому долгу войска 14-й армии и морские пехотинцы Северного флота начали освобождать территорию Норвегии от гитлеровских войск.

Утром 23 октября в Коббхольмфьорде высадился десант в составе 3-го батальона 12-й ОБРМП и отдельного отряда 125-го полка морской пехоты (ПМП) общей численностью 608 человек под командованием командира 3-го батальона капитана Артамонова.

После высадки морские пехотинцы, уничтожая на пути малочисленные группы противника, совершили марш по пересечённой местности. Горный ландшафт с высокими обрывистыми хребтами, тянущимися перпендикулярно берегам, лишённый растительности замедлял темп движения, десантникам. Особенно трудно было пулеметчикам и минометчикам, которые несли тяжёлое оружие на себе. С помощью взятых с собой канатов морские пехотинцы взбирались на скалы и спускались в лощины, помогли изнурительные тренировки по горной подготовке и снаряжение изготовленное в войсковых мастерских.

Противник, не ожидавший появления десанта, в спешке бежал, не успев взорвать орудия 150-мм береговой батареи и склады с боеприпасами. Действия десанта значительно облегчили положения 99-го и 131-го стрелковых корпусов 14-й армии действовавших на приморском направлении.

В ночь с 24 на 25 октября Северный флот высадил десант в составе двух батальонов 63-й ОБРМП в заливе Хольменгорфьорд в 15 км северо-восточнее города Киркенес. Стремительным броском морские пехотинцы овладели рыбац-

Рис. 1. Немецкий узел обороны на высоте в Мотовском заливе.

Рис. 2. Современное состояние здания, в котором размещался штаб немецкой группировки на полуострове Средний.

кими поселками, захватили батареи береговой обороны и электростанции, обеспечивавшие электроэнергией весь район Киркенеса. Одновременно ранее высадившиеся подразделения 12-й ОБРМП и 125-го ПМП форсировали залив Бекфьорд и перешли в наступление на Киркенес с востока. 25 октября Киркенес был освобожден.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 31 октября 1944 года 63-я отдельная бригада морской пехоты была удостоена почетного наименования «Киркенесская».

26 октября 14-я армия совместно с 63-й ОБРМП и соединениями 126-го легкого стрелкового корпуса (31-я отдельная лыжная, 3-я и 72-я отдельные морские стрелковые бригады) освободили норвежский город Мункельвен. 27 октября бригада 126-го легкого горнострелкового корпуса, совершив переход по горной местности, овладели г. Нейден.

На южном направлении 127-й легкий горнострелковый корпус в составе 69-й и 70-й отдельных морских стрелковых бригад совместно с 31-м стрелковым корпусом, преследуя противника в крайне тяжелых условиях горно-тундровой местности, за 10 суток преодолел 150 км, овладел населенным пунктом Наутси и вышел на границу с Финляндией. Противник подрывал мосты, минировал пути объезда и устраивал завалы на дорогах, что делало крайне затруднительным поддержку наступающих частей танка-

ми и артиллерией. Мобильные подразделения лёгких стрелковых корпусов 14-й армии и морской пехоты Северного флота, обходя опорные пункты обороны противника, вынуждали командование группировки вермахта отступить.

Действия морских пехотинцев Северного флота, сражавшихся в исключительно трудных условиях Заполярья получили высокую оценку Родины. Боевая доблесть многих офицеров, сержантов и матросов была отмечена орденами и медалями.

В ходе боевых действий на Крайнем Севере дальнейшее развитие получила тактика действий морской пехоты в горах. Её особенность заключалась в организации боевых действий по направлениям, как правило, без непосредственного взаимодействия между подразделениями.

За время Петсамо-Киркенесской операции противник понёс потерял около 30 000 человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести. Наши потери составили 21 233 человека, из них 6084 – безвозвратно, в том числе 2122 на норвежской земле. Победа над гитлеровскими войсками в Заполярье ослабила оборону северных районов Третьего рейха. Задачи Петсамо-Киркенесской наступательной операции были выполнены. 15 ноября 1944 года Карельский фронт был расформирован, боевые действия на территории Норвегии больше не велись. (Рис. 1), (Рис. 2)

¹ ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Л. 53.

² ОЦВМА. Ф. 11. Д. 17814, Т. 5. Л. 9 – 15; ЦВМА. Инв. № 2943.

³ Носков А.М. Скандинавский плацдарм. М., Наука, 1977,- 246 с .

⁴ Картавцев И.И. Морская пехота в боях за освобождение Советского Заполярья // Военно-исторический журнал. 1985. № 3.

⁵ Абрамов Е.П., Литвинов В.В. Презревшие смерть. Санкт-Петербург., Пальмира, 2010,- 286 с.

⁶ Жуматий В.И. Морские десантные операции Вооруженных Сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918 – 1945. М., Центрполиграф, 2011,- 396 с.

⁷ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940 – 1945. М., Центрполиграф, 2005,- 414 с.

⁸ Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941 – 1945 гг. Мурманск., Книжное издательство, 2012,- 512 с.

⁹ Отечественное военно-морское искусство в 1921 – 1945 гг. Теория и практика/ Под общей ред. Адмирала флота В.И. Куроедова. М., Кучково поле, 2015,- 496 с.

¹⁰ Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское Военно-морское искусство в Великой Отечественной войне., Воениздат, М., 1973,- 403 с.

¹¹ Коковин В.А. Моряки в Великой Отечественной войне., Северная звезда, С.Пб, 2015,- 240 с.

*Доктор Йорг Морре,
Федеративная Республика Германия,
Берлин, директор Германо-Российского
музея Берлин-Карлсхорст*

Германо-российское сотрудничество в музее Берлин-Карлсхорст

Музей Берлин-Карлсхорст является уникальным образцом примирения как на территории Германии, так и в Российской Федерации. Он был создан в 1967 г. Группой советских войск в Германии (ГСВГ) в пригороде Берлина Карлсхорст на историческом месте окончания войны в Европе и носил название «Музей безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». В процессе воссоединения Германии в 1990 г. начались размышления о том, как сохранить этот советский военный музей. В ходе длительного процесса сближения Германии и СССР, а впоследствии Германии и России, музей подвергся реорганизации, была разработана новая концепция. Он заново открылся в 1995 г.

В пригороде Берлина Карлсхорст, где на заключительном этапе войны находилась штаб-квартира Красной Армии, в ночь с 8 на 9 мая вермахт капитулировал перед союзными державами-победительницами. За день до этого в штаб-квартире объединенных британских и аме-

риканских войск, расположенной в Реймсе, был подписан договор о прекращении боевых действий на всех фронтах. Повторение акта капитуляции в Берлине, столице Германского рейха, и в присутствии уполномоченного Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршала Советского Союза Г.К. Жукова было дипломатически важным решением, принятым совместно членами антигитлеровской коалиции¹. Рис. 1. Таким образом, были признаны огромные жертвы, которые Советский Союз понес за четыре года войны. Кроме того, взятие Берлина было важным знаком. Берлинская операция, которая закончилась 2 мая 1945 г., была последним наступлением Красной Армии, в ходе которого были использованы все имеющиеся ресурсы и которое тоже унесло жизни многих людей.

Лишь спустя 22 года после одержания Победы это историческое место стало музеем, потому что оно долгое время использовалось как советское представительство на немецкой земле. Сначала здесь была расположена резиденция главы Советской военной администрации в Гер-

мании (СВАГ), затем – главы Советской контрольной комиссии, и наконец – советского верховного комиссара, а после этого по 1962 г. - советского коменданта города Берлин. В памяти советского народа быстро утвердились другие символы Победы. Прежде всего, это были здание рейхстага и водружение на его крыше красного знамени, состоявшееся 30 апреля². С того момента тысячи советских солдат посещали руины и увековечивали себя в форме граффити, что было равноценно личному завоеванию. В конечном счете, Знамя было торжественно снято и перевезено в Москву, где оно до сих пор является ключевым экспонатом Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации³. Вторым советским символом Победы стал мемориал в районе Берлина Трептов, открытый 8 мая 1949 г. В центре композиции находится фигура советского солдата с девочкой на руке, своим мечом рассекающего лежащую на земле свастику, т. е. таким образом спасающего будущее поколение. Этот памятник является одним из центральных символов советской культуры памяти, до сих пор не теряющим своей силы⁴. Вплоть до середины

1960-х г. в Советском Союзе не было сопоставимых памятников или символов⁵.

Создание Музея капитуляции в Карлсхорсте непредставимо без стимула, исходящего от советской культуры памяти. Таким стимулом послужила 20-я годовщина Победы в 1965 г.⁶ Музей открылся в ноябре 1967 г. По своей концепции он не отличался от музеев войны, которые в 1960-х гг. возникали по всему Советскому Союзу⁷. Постоянная экспозиция делала основной упор на героические достижения Красной Армии в Великой Отечественной войне⁸. В ней роль американских и британских союзников по антигитлеровской коалиции практически не освещалась; с одной стороны, чтобы не преуменьшать роль Красной Армии, и с другой стороны, поскольку они впоследствии стали противниками в холодной войне. Рис. 2,3.

Только лишь под конец холодной войны советская сторона снова начала рассматривать капитуляцию Германии 1945 г. как общее достижение союзников. 6 июня 1990 г. в газете «Правда», главном органе в тот период единственной правящей партии КПСС, была опубликована ста-

Рис. 1. Зал подписания Акта о капитуляции.

Рис. 2, 3. Экспозиция о решающей роли Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

тья о будущем Музея капитуляции в Берлине. Основной темой музея должна была стать победа союзников над Германией. Незадолго после этой публикации тогдашнего директора музея Владимира Лукина попросили прокомментировать данный факт. Он откровенно рассказал о том, что в его музее не представлено ничего о борьбе союзников во время Второй мировой войны, и предложил обновить Музей капитуляции, осветив в рамках экспозиции точки зрения четырех союзников-победителей. Но он оставался в достаточной мере реалистом и не отвергал возможность того, что в будущем более вероятным будет германо-советское сотрудничество без участия союзников. Летом 1990 г. было очевидно, что процесс воссоединения Германии неостановим, а это в свою очередь повлекло бы за собой вывод советских войск из Германии⁹. Здание музея как бывшее советское военное учреждение перешло бы в собственность Федеративной Республики Германии¹⁰.

После воссоединения Германии в октябре 1990 г. все размышления на тему совместного музея союзников были прекращены. Вероятно, у подобных идей не было реальных шансов, поскольку дальнейшее развитие событий показало, что одновременно с обсуждением германо-советского музея в Карлсхорсте было положено начало «Музею союзников» (Alliiertenmuseum). Он возник без участия советской стороны при сотрудничестве Германии с США, Великобританией и Францией¹¹. Осенью 1990 г. берлинский государственный секретарь по делам культуры в советском посольстве провел предварительную беседу о будущем Музея капитуляции. Речь шла о сохранении музея на основе германо-советского сотрудничества. Позднее эта готовность многократно подтверждалась со ссылкой на германо-советский договор о дружбе от ноября 1990 г. и на последующие документы¹². Подобные правовые рамки для существования музея, основанные на международных договорах, были ранее важны и не теряют своего значения и по сей день, потому что они документально подтвердили (и подтверждают) стремление обоих государств к примирению. Осенью 1990 г. были проведены первые беседы, в результате которых стало очевидно: новая концепция музея может быть выработана только на основе переговоров.

В апреле 1991 г. была создана германо-советская экспертная комиссия, которая часто собиралась в течение последующих лет, а в 1995 г. она стала научным советом и одним из органов управления реорганизованного за те годы музея. Уже на втором совещании комиссии, состоявшемся в июне 1991 г., были приняты важные решения по концепции. Время проведения встречи было выбрано так, чтобы все участники в заключение первого дня заседания смогли принять участие в открытии выставки «Война против Советского Союза» в «Топографии террора». Согласно протоколу, русские эксперты были «очень впечатлены». Поэтому немецкая сторона решила на второй день представить документ концепции, изначально предназначенный для внутреннего согласования. Советские коллеги с удивлением спросили, почему им так внезапно вручили документ. На этот вопрос немецкий председатель почти извиняясь ответил, что этот документ «находится в стадии оформления, и поэтому невозможно ещё прийти к окончательному результату»¹³. Но, несмотря на все это, таким образом были сформулированы основные идеи сотрудничества. В предварительной концепции было предусмотрено сохранить историческое место капитуляции в неизменном виде, а в хронологически выстроенной выставке осветить германо-советские отношения в период с 1917 по 1990 гг. В преамбуле документа были оговорены два основных принципа: «Эпохальное событие 8 мая 1945 г. должно стать центральным элементом в презентации музея как, во-первых, окончание войны, которую вела антигитлеровская коалиция, при этом делая упор в музейной презентации на войну между Германией и СССР с 1941 по 1945 гг.; во-вторых, как точка отправки послевоенной эпохи, окончанием которой считается 1989 г., т. е. год завершения холодной войны; и в-третьих, Договор «Два плюс четыре» и Московский договор 1990 г. стали многообещающим началом дружественных отношений, необходимостью представления этой доброй надежды на будущее»¹⁴.

Немецкую сдержанность можно объяснить тогдашней ситуацией. В 1990-х гг. в Германии разгорелся жаркий спор о преступлениях вермахта в период войны между Германией и СССР с 1941 по 1945 гг. Выставка, проведенная в «Топографии террора» в 1991 г., послужила всего

Рис. 4. Диорама, символизирующая штурм рейхстага.

Рис. 5. Большое мозаичное окно с изображениями мемориала в Трептове.

лишь началом. В мае 1995 г. состоялось открытие «Выставки о вермахте», организованной Гамбургским институтом социальных исследований¹⁵. В отличие от берлинской выставки, главный тезис которой о намеренном и умышленном участии вермахта в войне на уничтожение против Советского Союза был представлен подчеркнуто объективно, в гамбургской выставке ставка была сделана на эмоции. Именно это спровоцировало споры во всем обществе. С тех пор понятие «война на уничтожение» прочно закрепилось в немецкой культуре памяти¹⁶. Однако летом 1991 г., когда речь шла об основах германо-советской концепции Карлсхорста, упомянутая дискуссия еще не началась. О войне на уничтожение знал всего лишь узкий круг экспертов. В немецком обществе того времени преобладал образ «чистого вермахта», который не нес никакой ответственности за нацистские преступления. Выставка «Топографии террора» послужила основой для укрепления доверия в процессе германо-советского сближения в Карлсхорсте¹⁷. Советским членам экспертной комиссии стало ясно, что в Германии превалировало критическое исследование роли собственной армии, а выводы советской военной истории не будут переоцениваться.

В ноябре 1991 г. в Москве состоялась третья встреча, на которой экспертная комиссия согласовала совместный программный документ.

Исторические залы должны были быть сохранены, а в остальных залах музея в заново разработанной выставке должны были быть освещены германо-советские отношения в XX веке с упором на Вторую мировую войну. Кроме того, в одном из залов предполагалось представить развитие исторического места: от построения казармы вермахта, места капитуляции и расположения СВАГ до здания советского Музея капитуляции. Рабочее название постоянной экспозиции звучало очень оптимистично: «Между враждой и дружбой: об истории германо-советских отношений в 20 веке»¹⁸.

В последующие три с половиной года до того момента, когда полностью заново сконструированный музей под германо-российской эгидой повторно открыл свои двери для посетителей, речь шла «только лишь» о постепенном воплощении предварительной концепции. Потребовалось немало усилий и много рабочих встреч для обоюдного согласования всех решений. Немецкий исторический музей (DHM) взял на себя координацию¹⁹. Летом 1993 г. он представил основные положения новой концепции в особой публикации, в которой профессор Райнхард Рюруп, немецкий научный руководитель экспертной комиссии, назвал Карлсхорст «памятным местом и предзнаменованием лучшего будущего». Главнокомандующий российских войск, покидавших Германию, генерал Матвей Бурлаков повторно подчеркнул значение капитуляции для своей страны и выразил надежду на то, что место, где произошло это значительное событие, также и в будущем будет в надежных руках. А российский председатель экспертной комиссии генерал Виктор Якимов выразил следующее: «Нам всем нужен этот музей! Он учит нас жить мирно»²⁰.

Параллельно к предметной дискуссии о новой постоянной экспозиции был окончательно разъяснен статус нового музея. Обе стороны договорились о передаче фонда музея в качестве собственности московского Центрального музея Вооруженных Сил в длительное пользование общества музея Берлин-Карлсхорст, основание которого было еще только запланировано²¹. Немецкая сторона взяла на себя постоянное финансирование деятельности музея. С 1994 г. музей финансируется уполномоченным правительством по вопросам культуры и СМИ, т. е. департамен-

том культуры федерального правительства²². Общество музея Берлин-Карлсхорст является получателем финансовых средств и руководит музеем. В его состав входят в качестве учредительных членов германские, российские, а также с 1997 г. – украинские, а с 1998 г. – белорусские представители важных музеев²³. Министерства культуры, иностранных дел и обороны Германии и Российской Федерации также располагают местами и голосами в обществе музея. В восприятии общественности наше учреждение выступает как «Германо-Российский музей». Во-первых, это связано с укоренившимися речевыми образцами в немецком языке: здесь не всегда корректно проводится различие между «советским» и «русским». Это также связано с тем, что после распада Советского Союза в декабре 1991 г. Российская Федерация стала правовым преемником СССР и таким образом стала партнерской стороной по договорам с Германией. Экспертная комиссия превратилась из «германо-советской» в «германо-российскую». Перезапуск музея был действительно осуществлен только немецкой и русской сторонами.

По случаю 50-й годовщины окончания войны в Европе и капитуляции 10 мая 1995 г. состоялось открытие обновленного музея Берлин-Карлсхорст. Интерьеры здания были полностью изменены, т. е. перестроены и расширены, но исторические залы сохранили свой первоначальный вид. Многие изменения, оставшиеся еще со времен Музея капитуляции, были сохранены как, например, в особенности диорама, символизирующая штурм рейхстага (рис.4), а также стенной рельеф и большое мозаичное окно с изображениями мемориала в Трептове. Рис. 5. На прилегающей территории в прежнем виде сохранилась подборка крупного вооружения Красной Армии, которую в 1967 г. Музей капитуляции собрал для возможного «Парка Победы». Новая постоянная экспозиция получила название «Воспоминания о войне». Рис. 6,7. В каталоге постоянной экспозиции как германская, так и российская стороны подчеркнули мысль о мире и взаимопонимании между народами: «Место памяти и встреч», «Карлсхорст как мемориал, музей, международный информационный центр» и «Антивоенный музей»²⁴.

Начиная с середины 1990-х гг., в нынешней работе Германо-Российского музея преобладают

Рис. 6,7. Новая постоянная экспозиция «Воспоминания о войне».

Рис. 8. Музей Берлин-Карлсхорст делает упор на обзор «войны на уничтожение против Советского Союза» и «Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

вопросы немецкого дискурса памяти. Ввиду вышеупомянутого спора о «войне на уничтожение» и связанных с ней преступлениях это неудивительно. Одновременно музей полностью выполнил предназначенную ему функцию германо-русского примирения. Помимо постоянной экспозиции музей неоднократно представлял тематические выставки, посвященные германо-советской войне, на которых освещались такие темы и личности как военный плен, блокада Ленинграда, Сталинградская битва, начало войны в 1941 г., женщины в рядах Красной Армии, советский пропагандист Илья Эренбург и первый советский комендант города Берлин Николай Берзарин. Кроме того, со временем выработалась одна из основных тем в работе музея, а именно презентация снимков советских корреспондентов²⁵. Музей Берлин-Карлсхорст несколько лет назад начал показывать до двух небольших выставок, разработанных партнерскими музеями. Это всегда хороший повод пригласить гостей из России, Белоруссии и Украины на вернисажи и доклады. Ежегодно 8 мая проводится музейный праздник с чтениями, докладами и дискуссиями²⁶.

В апреле 2013 г. выставка, разработанная в 1995 г., была заменена полностью переработанной презентацией. Этому предшествовал почти четырехлетний период согласования в германо-русском научном совете и на членских собраниях общества музея. При этом речь снова и снова шла о нахождении компромиссов, что нам в результате удалось. Все были согласны с тем, что необходимо сохранить историческое место. Это по-прежнему является основой сотрудничества, которое берет свое начало в начале 1990-х гг.. Не подверглись изменениям исторический зал капитуляции, интерьер которого сохранился с его создания в 1967 г. и который сегодня можно посетить, а также рабочий кабинет маршала Жукова в Карлсхорсте, где он работал, будучи главой Советской военной администрации. Все изменения интерьера здания, предпринятые тогдашним Музеем капитуляции, были сохранены. Об этих изменениях посетители узнают из надписей. Девять залов новой постоянной экспозиции, в которых представлен период с 1917 по 1945 гг., расположены наверху, т. е. отдельно от исторических залов на

Рис. 9. Цели немецкой оккупационной политики, судьбы советских военнопленных

первом этаже. Десятый зал, в котором речь идет об обзоре послевоенного периода, находится на цокольном этаже. При этом период, начинающийся в 1945 г., не является тематической составляющей выставки. Это можно объяснить тем, что послевоенная история, частью которой являются холодная война и установление нового политического порядка в Европе после распада Советского Союза, слишком сложна и поэтому трудно поддается адекватному представлению на выставочной площадке, которой мы располагаем. Таким образом, музей Берлин-Карлсхорст делает упор на обозрении «войны на уничтожение против Советского Союза» и «Великой Отечественной войны». Рис. 8. Важными темами являются «План Барбаросса»,

цели немецкой оккупационной политики, судьбы советских военнопленных (рис. 9), блокада Ленинграда, усилия советского общества, начиная с июня 1941 г., антигитлеровская коалиция, освобождение концлагерей и «Берлинская операция» Красной Армии 1945 г.

Обе позиции нашли свое отражение в Германно-Российском музее²⁷. Почти уже не стоит упоминания, что естественно немецкая и русская версии текстов сопровождают друг друга, при этом обе версии совершенно равнозначны. В 2013 г. был добавлен и английский перевод, поскольку хороший пример сотрудничества бывших военных врагов все больше возбуждает международный интерес. Поэтому количество посетителей из разных уголков мира растет.

¹ См. Marlies G. Steinert: *Die 23 Tage der Regierung Dönitz*. Düsseldorf/Wien 1967, S. 199 ff; Klaus-Dietmar Henke: *Die amerikanische Besetzung*.

² Советский фотограф Е. А. Халдей заснял водружение знамени, при этом сцена была намеренно постановочной. С тех пор данный снимок является символом Победы; см. Ernst Volland, *Das Banner des Sieges*, Berlin 2008.

- ³ *Triumph und Trauma. Sowjetische und Postsowjetische Erinnerung an den Krieg 1941-1945*, hg. v. Museum Berlin-Karlshorst. Berlin 2005. S. 38-42 / Триумф и боль. Советская и постсоветская память о войне 1941-1945. Под редакцией музея Берлин-Карлсхорст. Берлин 2005. С. 38-42; Nikolaj Bersarin. *Stadtkommandant Berlin*, hg. v. Peter Jahn, Berlin 1999, S. 75.
- ⁴ Helga Köpstein, *Die sowjetischen Ehrenmale in Berlin*, Berlin 2006;
- ⁵ Peter Jahn: *Stütze der Erinnerung – Last der Erinnerung*. In: *Triumph und Trauma. Erinnerungen an den Krieg 1941-1945*, hg. v. Museum Berlin-Karlshorst, Berlin 2005, S. 8-22; / Петер Ян. Опора памяти – бремя памяти. Из каталога: Триумф и боль. Советская и постсоветская память о войне 1941-1945. Под редакцией музея Берлин-Карлсхорст, Берлин 2005, С. 8-22; Jörg Morré: *Das Deutsch-Russische Museum Berlin-Karlshorst als Erinnerungsort*. In: *Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945*, hg. v. Andreas Wirsching/Jürgen Zarusky/Alexander Tschubarjan/Viktor Ischtschenko, München 2015, S. 271-280.
- ⁶ Bernd Bonwetsch: *Der „Große Vaterländische Krieg“*. Vom öffentlichen Schweigen unter Stalin zum Heldenkult unter Breschenev. In: *„Wir sind die Herren dieses Landes“*. Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion, hg. v. Babette Quinkert, Hamburg 2002, S. 166-188; Beate Fieseler: *Über Verbrechen schweigen? Die Erinnerung an den „Großen Vaterländischen Krieg“ der Sowjetunion von den 1940er Jahren bis in die Gegenwart*. In: *Zeitschrift für Genozidforschung 2* (2006), S. 8-27.
- ⁷ Gabriele Camphausen: *Das sowjetische Museum der bedingungslosen Kapitulation*. In: *Erinnerung an einen Krieg*, hg. v. Museum Berlin-Karlshorst, Berlin 1995, S. 48-55; Anne Hasselmann: *Die Meistererzählung vom Grossen Vaterländischen Krieg im Kapitulationsmuseum Berlin-Karlshorst, unveröffentlichte Masterarbeit, Universität Zürich 2013*; *Krieg im Museum. Präsentationen des Zweiten Weltkriegs in Museen und Gedenkstätten des östlichen Europa*, hg. v. Ekaterina Makhotina/Ekaterina Keding/Włodzimierz Borodziej/Etienne François, Göttingen 2015.
- ⁸ Подразумевается германо-советская война с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года. Такой подход выводит за скобки события Второй мировой войны, начиная с 1 сентября 1939 года, а в особенности – заключенные совместно с Германским рейхом оккупацию и раздел Польши. В Советском Союзе еще в 1945 году дата 9 мая была утверждена и с тех пор празднуется как «День Победы».
- ⁹ См. *Der Abzug. Die letzten Jahre der russischen Truppen in Deutschland. Eine fotografische Dokumentation von Detlev Steinberg*, hg. v. Museum Berlin-Karlshorst, Berlin 2016. / Вывод. Последние годы пребывания российских войск в Германии в фотографиях Детлева Штайнберга. Под редакцией музея Берлин-Карлсхорст. Берлин 2016.
- ¹⁰ «Правда» от 08.06.1990; комментарий руководителя музея В. Лукина от 11.06.1990; архив музея Берлин-Карлсхорст, «Материалы экспертной комиссии», том 1, листы 18-19.
- ¹¹ Общей «положительной» точкой отсчета истории стал воздушный мост (преодоление советской блокады Западного Берлина в 1948 и 1949 годах), который изменил отношение Западного Берлина к войскам западных союзников в Берлине: они стали «представителями стран-защитниц»; см. Dirk Verheyen: *United City, Divided Memory? Cold War Legacies in Contemporary Berlin*, Plymouth 2008, С. 101 и далее.
- ¹² «Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве» от 9 ноября 1990 года, а в особенности статья 18 о культурном сотрудничестве; за ним последовало российское соглашение о культурном сотрудничестве от 16.12.1992 года, вслед за которым произошел обмен дипломатическими нотами. В них было закреплено сохранение музея в Карлсхорсте.
- ¹³ Протокол второго рабочего заседания германо-российской экспертной комиссии от 13.-15.06.1991; архив музея Берлин-Карлсхорст, «Материалы экспертной комиссии», том 1, лист 88.
- ¹⁴ Концепция старшего лейтенанта д-ра Е. Х. Шмидта от 14.06.1991, там же, листы 62-63.
- ¹⁵ *Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941-1945. Eine Dokumentation zum 50. Jahrestag des Überfalls auf die Sowjetunion*, hg. v. Reinhard Rürup, Berlin 1991; *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944*, hg. v. Hamburger Institut für Sozialforschung, Hamburg 1996.
- ¹⁶ Краткое резюме спора о «выставке о вермахте» можно найти здесь: *Lexikon der „Vergangenheitsbewältigung“ in Deutschland. Debatten und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus*, hg. v. Torben Fischer/Matthias N. Lorenz, Bielefeld 2007, S. 288-303.
- ¹⁷ Райнхард Рюруп, научный руководитель выставки «Война против Советского Союза», по праву снова и снова подчеркивает данный аспект. В 1992 году выставка с большим успехом прошла в Москве, сопровождающий каталог был полностью переведен на русский. Эксперты в России приняли его с одобрением. Русская версия выставочного каталога была издана под названием «Война против Советского Союза 1941-1945».
- ¹⁸ «Германо-советская экспертная группа по вопросам будущего оформления мемориала и музея Берлин-Карлсхорст» от 27.11.1991, архив музея Берлин-Карлсхорст, «Материалы экспертной комиссии», том 1, листы 163-173.

- ¹⁹ *Немецкий исторический музей (DHM), который практически стал новым национальным музеем воссоединенной Германии, сам еще находился на начальной стадии своего развития. Но ему были выделены денежные средства и сотрудники для реализации проекта в Карлсхорсте. Новая концепция музея в Карлсхорсте была задачей федерального правительства, т. е. не федеральной земли Берлин, и поэтому ее реализация была поручена Немецкому историческому музею (DHM); см. также: Wir schreiben Geschichten. 25 Jahre Deutsches Historisches Museum, Berlin 2012, S. 30.*
- ²⁰ *Magazin. Mitteilungen des Deutschen Historischen Museums: „Berlin-Karlshorst 8. Mai 1945“, 3. Jahrgang, Heft Nr. 9, Sommer 1993.*
- ²¹ *Последний советский руководитель музея Владимир Лукин летом 2012 года утверждал, что он препятствовал уже начатому вывозу экспонатов. Но это представляется маловероятным. Скорее всего, дело обстояло так, что полный вывоз экспонатов среди сотрудников рассматривался как последний выход в случае провала переговоров с немецкой стороной. Лукин, правда, прав, поскольку не весь фонд был передан Германии. Экспонаты, считавшиеся наиболее важными, были отправлены в московский Музей Вооруженных Сил.*
- ²² *В основном культурная политика в Германии входит в круг компетенции федеральных земель. Поэтому в составе правительства нет «министра культуры», а есть только «уполномоченный». Из-за принципа компетенции федеральных земель ответственность за Карлсхорст должна нести федеральная земля Берлин, департамент культуры которой представлен в обществе музея, но федеральная земля Берлин не участвует в финансировании музея.*
- ²³ *Это в первую очередь музеи Великой отечественной войны в Москве, Минске и Киеве (сегодня они называются по-другому), Исторический музей и Центральный музей Вооруженных Сил в Москве, который является самым важным партнером с российской стороны. Важнейшими германскими партнерами являются Немецкий исторический музей и Военно-исторический музей в Дрездене; перечень всех членов можно найти на сайте: www.museum-karlshorst.de.*
- ²⁴ *Erinnerung an einen Krieg, hg. v. Museum Berlin Karlshorst, Berlin 1995; Begleitheft zur Ausstellung „Erinnerung an einen Krieg“, Berlin 1995. / Воспоминания о войне, под редакцией музея Берлин-Карлсхорст, Берлин 1995; сопроводительная брошюра выставки «Воспоминания о войне», Берлин 1995.*
- ²⁵ *В этой связи можно назвать Тимофея Мельника, Бориса Игнатовича, Аркадия Шайхета, Михаила Савина, Ивана Шагина, Михаила Трахмана, Николая Хандогина, Ольгу Ланднер.*
- ²⁶ *О трудном отношении к дате 8 мая см.: Jan-Holger Kirsch: „Wir haben aus der Geschichte gelernt“. Der 8. Mai als politischer Gedenktag, Köln 2002; именно о Карлсхорсте см.: Kriegsgedenken als Event. Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa, hg. v. Mischa Gabowitsch/Cordula Gdaniec/Ekaterina Makhotina. Paderborn 2017. С. 220 и далее.*
- ²⁷ *Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Katalog zur Dauerausstellung, hg. v. Museum Berlin-Karlshorst, Berlin 2014 / Германно-Российский музей Берлин-Карлсхорст. Каталог постоянной экспозиции, под редакцией музея Берлин-Карлсхорст. Берлин 2014. (Каталог вышел также на русском и английском языках); Andrea Kamp/Babette Quinkert: Die Musealisierung des deutschen Vernichtungskrieges gegen die Sowjetunion im Deutsch-Russischen Museum Berlin-Karlshorst. In: Leerstelle(n)? Der deutsche Vernichtungskrieg 1941-1944 und die Vergegenwärtigungen des Geschehens nach 1989, hg. v. Alexandra Klei/Katrin Stoll, Berlin 2019, S. 233-256.*

*Жельберта Константиновна Баздырева,
Россия, Москва, ведущий специалист
в области фондовой работы,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
почётный член Российской Академии
космонавтики им. К.Э.Циолковского*

*Борис Николаевич Кантемиров,
Россия, Москва, Российская Академия
космонавтики им. К.Э. Циолковского, старший
научный сотрудник, кандидат технических наук*

Техническое обеспечение полета МБР Р-7 на активном участке траектории

В 1953 г. произошли изменения требований к межконтинентальной баллистической ракете (масса ракеты 170 т, масса головной части 3000 кг, дальность полета 8000 км)¹.

В результате 20 мая 1954 г. было принято Постановление о разработке двухступенчатой баллистической ракеты Р-7 (8К71) и определены основные исполнители: головной разработчик комплекса – ОКБ-1 НИИ-88; соисполнители: по системе двигателей – ОКБ-456; по системам управления – НИИ-885; по наземному оборудованию – ГСКБ «Спецмаш»; по приборам – НИИ-10; по спецзаряду – КБ-11; по полигонным испытаниям – НИИ-4 МО.

Проектируемая ракета Р-7 отличалась от всех ракет, разработанных ранее, своей компоновочной и силовой схемой, габаритами и массой, мощностью двигательных установок и т.д. Кратко можно указать следующее. Четыре одинаковых боковых блока крепились к центральному блоку, все эти блоки по внутренней компоновке были аналогичны одноступенчатым ракетам, разработанным ранее. Все топливные баки

были несущими. Все двигатели блоков ракеты начинали работать одновременно с Земли. Боковые блоки и блок центральный были оснащены четырехкамерными универсальными ЖРД. Эти новые ЖРД созданы на предприятии ОКБ-456 под руководством В.П. Глушко за счет введения новизны по отношению к предыдущим одноступенчатым ракетам (Р-1, Р-2, Р-5, Р-5М, Р-11ФМ).

После выбора схемы компоновки двухступенчатой ракеты необходимо было решить еще ряд задач. Одна из них следующая.

В первой половине прошлого века было хорошо известно, что баллистические ракеты стартуют вертикально со стартового стола. Мы привыкли видеть ракету, свободно стоящую на стартовом столе. Но вот спроектирована межконтинентальная баллистическая ракета, с боковыми блоками. Вопрос вертикального старта со стартового стола стал не столь очевиден. Как установить ракету, состоящую из пяти блоков? Нагрузка на хвостовую часть блоков будет столь велика, что конструкция, ее целостность вызыва-

ет сомнения и ее устойчивость при боковом ветре 15 м/сек², и реальная парусность «пакета».

Возникла весьма продуктивная идея: вместо установки ракеты на специальный стартовый стол, ракету подвешивать в стартовое устройство так, чтобы усилия от нее передавались в то место, куда передаются усилия боковых блоков (руководители группы изобретателей ОКБ-1 НИИ-88 В.П. Мишин, П.И. Ермолаев, С.С. Крюков). Совет главных конструкторов принял это предложение авторов. В результате было разработано уникальное стартовое сооружение.

Это уникальное сооружение обеспечивает старт ракеты, полет которой должен осуществляться в пределах расчетной траектории, для чего должно осуществляться управление полетом.

Следующая задача: как с этого уникального сооружения отправить в полет ракету? И далее, в полете запустить двигатель второй ступени в космосе?

Гарантированно решить эту задачу разработчики не обещали. Решение пришло в варианте запуска всех двигателей одновременно, на старте. Проблема – это газоструйное управление двигателями ракеты. Из множества рассмотренных предложений остановились на применении специального управляемого двигателя. После выключения основного двигателя второй ступени продолжает работать только рулевой двигатель. Такую схему реализовали сотрудники ОКБ-1 НИИ-88 под руководством Мельникова. Все основные двигатели ракеты Р-7 разрабатывались на предприятии ОКБ-456 под руководством В.П. Глушко.

Управление ракетой в целом осуществляли две системы управления: автономная система и система радиоуправления.

Для управления ракетной автономной системой во время полета ракеты автономная система постоянно должна получать информацию от трех командных гироскопических приборов: гиригоризонт (ГГ-1), гировертиконт (ГВ-1) и интегратор продольных ускорений (ИГ-1). Все элементы релейно-управляющей части схемы автономной системы были сосредоточены в главном распределителе. Автономная система управления не давала требуемой точности попадания.

Впоследствии точность гироскопов и акселерометров возросла настолько, что ракета на активном участке стала управляться только авто-

номной системой управления. В состав автономной системы управления входили: подсистема управления автоматического движения; автомат нормальной и боковой стабилизации центра масс; подсистема регулирования кажущейся скорости; подсистема опорожнения и синхронизации топливных баков; автомат управления дальностью.

Но в рассматриваемом временном интервале автономная система не обеспечивала точность полета ракеты и поэтому встала необходимость использовать систему радиоуправления³.

В эти годы по заданию С.П. Королева в рамках НИР Н-3 в НИИ-20 под руководством Б.М. Коноплева разрабатывалась система радиоуправления (РУ) ракетой Р-3. Эта система РУ базировалась на принципах, которые в полной мере были реализованы в системе РУ Р-7.

В отличие от системы БРК, которой реализовался принцип «жесткой траектории», новая система РУ «разрешала» лететь ракете в так называемой «трубке траекторий». Импульсные радиолитии измеряли радиальные дальности, по которым определялись параметры движения ракеты и рассчитывался функционал управления, обеспечивающий минимальное отклонение точки падения головной части ракеты от точки прицеливания как по дальности стрельбы, так и по боковому отклонению.

При разработке этой системы РУ закладывались основы радио-баллистики, которая осуществляла связь параметров траектории полета ракеты с радиотехническими параметрами измерения и параметрами радиосигнала, которые являлись первичными.

Отработка принципов новой системы РУ, испытание ее элементов, изучение влияния газовой струи ракеты на затухание радиосигналов и ошибки радиоизмерения параметров движения ракеты и др. вопросы – осуществлялись на экспериментальных ракетах. Работы проводились в НИИ-20 под руководством Б.М. Коноплева, который в 1950 г. с группой сотрудников переходит в НИИ-885 и возглавляет все работы по системам РУ ракетами Р-2, Р-5 и Р-7⁴.

Система РУ для ракеты Р-7 представляла собой следующее.

Два пункта управления – главный и зеркальный располагались каждый на расстоянии 250 км от старта, перпендикулярно направлению

стрельбы. В 3 см диапазоне волн формировалась импульсная программа, которая позволяла осуществлять измерение радиальных дальностей и скоростей от главного и зеркального пунктов. По этим радиотехническим параметрам в аналоговом счетно-решающем устройстве главного пункта определялись шесть параметров траектории движения ракеты – три координаты и три скорости изменения этих координат, и рассчитывались функционалы отклонения прогнозируемой точки падения головной части от цели.

Отклонение точки падения по направлению корректировалось выдачей команд управления (большой и малой левой, большой и малой правой) двигательной установкой в полете. Одновременно решалось функциональное уравнение по дальности. При равенстве этого функционала нулю выдавалась команда на выключение двигателя второй ступени.

Прежде чем технику сдать в эксплуатацию в реальных условиях, она должна пройти испытания в условиях, максимально приближенных к реальным. Причем, чем сложнее техника, тем сложнее условия, в которых ее необходимо испытывать. Для испытания рассматриваемой нами МБР необходим полигон, где происходят реальные испытания МБР и полигонный испытательный комплекс, регистрирующий основные параметры МБР в условиях применения на полигоне.

Работы по проектированию полигона для испытания МБР Р-7 были возложены на Министерство обороны. В Главном артиллерийском управлении Министерства обороны (ГАУ МО) была создана специальная комиссия во главе с генералом В.И. Вознюком для принятия необходимых решений и разработки рекомендаций. Научно-испытательные работы и организация работ были поручены НИИ-4 МО⁵.

Основными требованиями к полигону для испытания МБР Р-7 были обоснованы следующие:

- протяженность трассы полигона должна быть близкой к дальности полета ракеты;
- трасса полета ракеты не должна выходить за пределы территории страны;
- ракета не должна пролетать над районами со значительной плотностью населения;
- должно быть обеспечено строго определенное расположение пунктов радиуправления, наземных средств измерения относительно трассы полета ракеты.

В НИИ-4 были выбраны следующие районы старта МБР Р-7:

- из района Коноша (Архангельская обл.), падение головной части (ГЧ) ракеты – о. Врангеля;
- район г. Красноводска (Туркмения), падение ГЧ на Камчатке;
- район ст. Джусалы (Казахстан), падение ГЧ на Камчатке.

Комиссия ГАУ во главе с генералом В.И. Вознюком выбрала вариант расположения старта ракеты в районе ст. Джусалы и падение ГЧ на полуострове Камчатка. После принятия этого решения была организована рекогносцировочная экспедиция.

Проведенные теоретические исследования и рекогносцировочная экспедиция дали возможность ответственным государственным лицам подготовить 4 февраля 1955 г. Докладную записку в ЦК КПСС о строительстве нового ракетного полигона⁶. Представленный в Докладной записке материал позволил Совету Министров СССР 12 февраля 1955 г. выпустить Постановление «О новом полигоне для Министерства обороны СССР», в котором сделан выбор расположения нового полигона для МБР Р-7 в районе Казахстана, район падения головных частей МБР Р-7 – в Камчатской области, район падения первых ступеней ракеты – в районе Акмолинской области Казахской ССР.

Начались проектные и строительные работы различных объектов полигона. Постепенно формировался облик полигона: районов старта и падения головных частей ракеты Р-7; формировался облик полигонного измерительного комплекса – определено количество и расположение измерительных пунктов (ИП).

Дальнейшие работы показали, что некоторые из измерительных пунктов легли на реальной местности в пустынных бездорожных районах, вдали от рек и водоемов и населенных пунктов. Возникла потребность провести новую рекогносцировочную экспедицию с целью поиска новых рациональных мест расположения ИП. Повторная экспедиция устранила выявленные недостатки и позволила расположить на выбранной траектории полигона технические средства: стартовую позицию ракеты Р-7, пункты радиуправления, оборудовать район падения первых ступеней МБР Р-7, измерительные пункты полигонного измерительного комплекса, полигон падения головных частей ракеты.

Рассмотрим гипотетический пуск ракеты и работу всех технических элементов полигонного измерительного комплекса. Эту работу провели сотрудники НИИ-4 совместно с теоретическим отделом ГАУ МО⁷.

Полигонный измерительный комплекс осуществляет «слежение» за полетом ракеты Р-7, «прием» телеметрических данных с борта ракеты. Сотрудники проводят расчет оптимального расположения измерительных пунктов относительно трассы на активном участке полета Р-7. Определяется результат, при котором достигается наи-

высшая точность определения траектории с помощью измерительных средств, расположенных на НИП'ах. Наряду с этим определяются характеристики наземных траекторных и телеметрических систем, средств связи, состав инженерного оборудования и т.д., располагаемые на НИП'ах.

Приобретая опыт практической работы, происходил постепенный переход работы от полигонного измерительного комплекса к командно-измерительному комплексу, который, совершенствуясь, обеспечивал практическое освоение космического пространства.

¹ Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева. 1996. С. 73.

² Черток Б.Е. «Ракеты и люди». М., «Машиностроение». 1994. С. 397.

³ Кантемиров Б.Н. Системы радиуправления баллистическими ракетами дальнего действия (страницы истории) // Гагаринский сборник, 1998 г., г. Гагарин, 1999. С. 145.

⁴ Найшуль А.Б. РУПы Байконура. Пункты радиуправления // <http://kik-sssr.ru/RUP-s/htm>

⁵ Бажинов И.К. Шестьдесят лет в космонавтике. г.Королев. ЦНИИИмаш, 2011. С. 72.

⁶ Бажинов И.К. Ю.А. Мозжорин и первые полигонные и измерительные комплексы в отечественной ракетно-космической технике // Так это было. Том первый. ЦНИИИмаш. г.Королев, 2014. С. 386-388.

⁷ Там же. С. 351-361.

*Инна Александровна Кокоша,
Россия, Власиха, Музей ракетных войск
стратегического назначения, экскурсовод*

История создания и развития музея Ракетных войск стратегического назначения

Музей Ракетных войск стратегического назначения располагается в 16-ти километрах от Москвы, в закрытом административно-территориальном образовании – городском округе Власиха, где в годы Великой Отечественной войны (октябрь – декабрь 1941г.) располагался штаб командующего войсками Западного фронта – Жукова Георгия Константиновича (в настоящее время в этом историческом здании размещен штаб Центра связи РВСН).

Время строительства музея РВСН и его открытия приходится на период, когда Ракетные войска стратегического назначения оснащаются межконтинентальными баллистическими ракетами второго и третьего поколения стационарного и мобильного базирования, в том числе с разделяющимися головными частями и средствами преодоления противоракетной обороны противника. Разрабатывается ответ на программу США «Стратегическая оборонительная инициатива». Ликвидируются ракеты средней и меньшей дальности; проводятся мероприятия по повышению боевой готовности ракетных дивизий

и полков в Белоруссии, Казахстане и Украине; разрабатываются новые межконтинентальные стационарные и мобильные боевые ракетные комплексы четвертого поколения, которыми оснащаются войска. В ходе мероприятий выполняются Договоры о стратегических наступательных вооружениях.

В соответствии с обстановкой времени, для сохранения накопленного исторического и культурного потенциала, проведения военно-патриотического воспитания, отображения истории создания и этапов развития Ракетных войск, процесса становления новой военной профессии ракетчика, популяризации службы в РВСН возникла идея создания музея. Военным советом РВСН в 1979 году, в плане подготовки к празднованию 20-летия нового вида Вооруженных Сил СССР, и было принято решение о его создании.

В 1982 году Главнокомандующим РВСН генералом армии В.Ф. Толубко был утвержден план мероприятий по созданию учебно-лабораторного комплекса для подготовки офицеров дежурных смен Центрального командного пункта.

Строительство комплекса, спроектированного 13-м Военпроектом Российской Федерации, осуществлялось в 1982 – 1984 гг.

Здание музея оригинальной архитектуры являет собой 3-х этажное сооружение круглой формы с пилонами и символизирует нижнюю часть баллистической ракеты. (Рис. 1)

Проведение комплекса подготовительных работ по созданию музея было поручено Политическому управлению. Группа офицеров в составе генерал-майора Лукина В.П. и его соратников – полковников Волкова Г.П., Бенда Г.П., Лысухина Н.Г. и других приступила к работе. Был сформирован тематико-экспозиционный план музея, началась активная работа по сбору экспонатов и созданию экспозиции. Командование РВСН и руководство Политуправления обратилось к ветеранам, личному составу частей и соединений с просьбой поделиться имеющимися реликвиями. Руководство творческой группой, специально сформированной из числа художников,

дизайнеров, других специалистов (всего около 20 человек) было возложено на майора Мельникова Бориса Александровича, который и стал впоследствии первым начальником практически созданного им музея.

В каждом главке, управлении, в службах центрального аппарата были разработаны планы сбора экспонатов, своего рода выписки из общего плана, за которыми стояла кропотливая работа неравнодушных и любящих свое дело офицеров. Из НИИ-4 и академии им. Дзержинского были определены 80 научных сотрудников для работы с ветеранами по месту их жительства и сбору информации и экспонатов.

12 декабря 1984 года, в канун 25-летия создания РВСН, была открыта первая стационарная выставка. В дальнейшем выставка непрерывно пополнялась и совершенствовалась. В соответствии с Директивой Министра Обороны СССР № 314/1/00210 от 21.02.1987 и приказом № 219 Главного командующего РВСН от 16.10.1987,

Рис. 1. Вид здания Музея Ракетных войск стратегического назначения.

на базе учебно-лабораторного комплекса 01.11.1987г. создан музей Ракетных войск (ныне музей РВСН).

Огромная заслуга в создании музея принадлежит первому заместителю Главкома РВСН генерал-полковнику Яшину Юрию Алексеевичу, который на протяжении года еженедельно проводил совещания о ходе выполнения намеченных планов, разрешал возникающие трудности, строго спрашивал за несвоевременное выполнение задания. Это было очень важно. Здесь же решались финансовые и материальные вопросы, отдавались необходимые указания от имени Главкомандующего РВСН. Ведь в создании элементов экспозиции принимали участие отдельные военные заводы, конструкторские бюро, НИИ, арсеналы, ВУЗы.

Неоценимую помощь в изготовлении ряда экспозиций о лучших людях и делах ракетчиков оказала Студия военных художников им. Б. Грекова. Заслуженный художник РСФСР С. Антонов передал несколько художественных полотен о буднях ракетчиков.

Экспозиция требовала большого материально-технического обеспечения. Стенды, стеллажи, турникеты, техника и многое другое готовилось в мастерских ВДНХ СССР. Эта деятельность была возложена на полковника Мачульского И. Л.

Было изготовлено огромное количество плакатов, листовок, иной печатной продукции в типографии Главного штаба РВСН под руководством полковника Стрелко В.В.

При создании зала «Ракеты и космос» большую помощь оказал Центр подготовки космонавтов им. Гагарина.

Неоценимый вклад в создание фондов музея внесли ветераны Великой Отечественной войны, ветераны-ракетчики и члены их семей, благодаря их стараниям в экспозициях музея представлены уникальные предметы: личные вещи ветеранов-ракетчиков и ветеранов Великой Отечественной войны, документальные и вещественные источники, отражающие различные этапы истории РВСН и сурового периода Великой Отечественной войны.

В витринах и фондах музея хранятся многие исторические источники, связанные с именами ветеранов Великой Отечественной войны, будущих главкомов РВСН (М.И. Неделина, К.С. Москаленко, С.С. Бирюзова, Н.И. Крылова, В.Ф.

Толубко и Ю.П. Максимова). Это предметы обмундирования, снаряжения, фронтового быта, а также письменные и печатные памятники военной истории: фронтовые письма, дневниковые записи, топографические карты, приказы, распоряжения, боевые листки, листовки, газеты, мемуары, личные документы, переданные семьями наших военачальников.

В экспозиции – китель и погоны первого и единственного маршала современной России Игоря Сергеевича Сергеева, переданные семьей.

В период 2004 года в штат музея были дополнительно введены 3 должности гражданского персонала с целью подготовки и проведения организационных мероприятий по передаче в музей РВСН выставочного комплекса с ракетной техникой, размещенного на базе одной из воинских частей РВСН, дислоцируемой в г. Балабаново Калужской обл. и нештатного музейного образования ракетного полигона «Капустин Яр» (2005г.). На их базе и были образованы филиалы музея Ракетных войск с дислокацией в г. Балабаново Калужской области (Рис. 2) и г. Знаменск Астраханской области. (Рис. 3)

В 2000 году музей награжден дипломом за участие в Московской выставке «Стране и защитникам Отечества – изделия и технологии двойного назначения».

26 апреля 2007 года Российский Государственный военный историко-культурный центр при Правительстве Российской Федерации (г. Москва) наградил музей РВСН почетным знаком «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации» № А-0121.

За годы существования музей РВСН не останавливался в своем развитии. Открывались новые залы, переданные из ведомства управления боевой подготовкой музею, оборудовались открытые площадки, прибывали и устанавливались новые образцы техники и вооружения.

В соответствии с Директивой министра обороны Российской Федерации № Д-Х22 от 30.03.2012 музей Ракетных войск стратегического назначения реформирован в структурное подразделение Центрального музея Вооруженных сил и с 01.07.2012 входит в состав ФГБУ «ЦМВС РФ» Минобороны России. Являясь бюджетным подразделением Министерства обороны, от года к году музей становится все более популярным

Рис. 2. Филиал Музея РВСН в г. Балабаново.

учреждением национальной военной культуры Отечества.

В настоящее время в деятельности музея РВСН основными направлениями являются:

- сохранение, изучение и популяризация военной истории Отечества, истории Ракетных войск стратегического назначения, боевых традиций; (Рис. 4)
- формирование у военнослужащих осознанной готовности к защите Отечества, верности патриотическому и воинскому долгу, дисциплинированности, гордости и ответственности за принадлежность к Вооруженным Силам Российской Федерации, чувства гордости за отечественные Ракетные войска стратегического назначения;
- формирование высокого уровня морально-психологического состояния военнослужащих и воинских коллективов всеми формами и видами музейной деятельности; (Рис. 5)
- осуществление деятельности, направленной на создание условий для развития общественной активности военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, членов их семей и граждан. (Рис. 6)

Рис. 3. Здание филиала Музея РВСН в г. Знаменск.

Рис. 4. Вручение боевого знамени Центральному командному пункту РВСН.

Рис. 5. Слет лучших сержантов РВСН (2019 г.)

Рис. 6. Экскурсия в залах Музея РВСН 05.05.2018.

Научные сотрудники с помощью различных форм музейной работы и методических приемов, с учетом своего военного и жизненного опыта, стремятся ярко, доходчиво и интересно на многообразных исторических примерах, эпизодах из повседневной деятельности воинов-ракетчиков показать характер службы в РВСН, отображение основного предназначения ракетчиков – несение боевого дежурства – выполнение задачи огромной государственной важности, роль профессионального воинского мастерства, взаимовыручки, пробудить самые уважительные чувства к военной истории Отечества, истории РВСН.

Наиболее распространенными формами работы в деятельности коллектива музея РВСН являются обзорные и тематические экскурсии по экспозициям и выставкам, открытому хранению фондов, вне музейным памятникам истории и культуры, а также военно-исторические чтения, теоретические конференции, лектории доку-

ментального кино, музейные уроки, тематические вечера, посвященные Боевым Знаменам, государственным праздникам, Дням воинской славы и другим знаменательным датам в истории Вооруженных Сил, Ракетных войск стратегического назначения, вечера чествования и встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, труда и Вооруженных Сил.

Посетителям музей поможет подробнее узнать историю Отечества в целом, по-новому увидеть многое из истории русского ракетного оружия и использования ракетной техники в годы Великой Отечественной войны. Для интересующихся историей ракетостроения и углубленно изучающих темы, связанные с военной историей, могут быть проведены дополнительные экскурсии по фондам музея.

Музей РВСН проводит обзорные экскурсии:

1. История развития ракетостроения и создание Ракетных войск стратегического назначения (обзорная экскурсия по всему музею).

2. История возникновения и развития ракет и ракетного дела в России (XVII – XIX вв.).
3. Отечественное ракетостроение в первой половине XX века.
4. Образование и становление Ракетных войск стратегического назначения как самостоятельного вида Вооруженных Сил СССР (1959-1965 гг.).
5. Развертывание группировки межконтинентальных ракетных комплексов второго и третьего поколения. Превращение РВСН в главную составную часть стратегических ядерных сил страны (1965-1985 гг.).
6. Ввод в боевой состав РВСН новых высокоэффективных стационарных и мобильных ракетных комплексов четвертого и пятого поколения.

Музей РВСН проводит тематические экскурсии:

1. Развитие и производство пиротехнических и сигнальных ракет в России при Петре I.
2. Генерал А.Д. Засядко – создатель первых русских боевых ракет и пусковых установок.
3. Формирование первого в русской армии боевого ракетного подразделения – ракетной роты и ее боевое крещение во время штурма крепости Варна.
4. Разработка теории проектирования ракетной техники русскими учеными и изобретателями в конце XIX- XX вв.
5. Первые научно-исследовательские и опытно-конструкторские организации по разработке пороховых ракет и жидкостных двигателей. Создание реактивных снарядов и боевой установки БМ-13.
6. Формирование первой ракетной части – бригады особого назначения под командованием полковника А.Ф. Тверецкого.
7. С.П. Королев – руководитель конструкторского бюро по созданию первых отечественных баллистических ракет.
8. Создание нового вида войск – Ракетные войска стратегического назначения. Первый главнокомандующий РВСН – Главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза М.И. Неделин.
9. Ракетные войска стратегического назначения в операции «Анадырь».
10. Первые запуски искусственных спутников Земли и космических аппаратов в СССР.

В музее, помимо стационарных экспозиционных комплексов, посетители могут ознакомиться с постоянно действующими тематическими выставками, посвященными знаменательным событиям.

Научные сотрудники музея дают консультации по вопросам истории Ракетных войск стратегического назначения; методические рекомендации по созданию музея армии, полигона, дивизии, комнат воинской славы войсковой части; оказывает помощь в подборе материалов для конференций, в подготовке рефератов.

По своей специализации (как следует из названия), размещению и специфике деятельности, музей РВСН является научно-методическим центром военно-музейной работы в Ракетных войсках стратегического назначения и в этой работе большое значение уделяется подготовке и обучению должностных лиц (сотрудников), занимающихся военно-музейной работой в объединении, соединении, частях и подразделениях РВСН. С этой целью на базе музея регулярно проводятся занятия и лектории, содержание которых после всестороннего обсуждения находят отражение в методических пособиях. Научными сотрудниками музея подготовлены и изданы методические пособия по созданию комнат воинской славы и нештатных музейных образований, путеводитель по музею РВСН.

В наш музей стремятся попасть гости со всех концов страны. Это не только стратегические ракетчики, но и военнослужащие других родов и видов Вооруженных Сил, политические и военные деятели, ветераны войны и Вооруженных Сил, иными словами, все те, кто интересуется историей и современными успехами РВСН. С целью популяризации деятельности музея ежегодно выпускается рекламная продукция и другие материалы.

Стремление и дальше совершенствовать экспозицию музея находит поддержку у всех, кто ценит музей как важное средство формирования исторического сознания и патриотического воспитания молодежи, а также как единственное действенное средство сохранения истории Ракетных войск стратегического назначения.

На сегодняшний день общая площадь здания музея составляет более 3500 кв. м., в том числе площадь семнадцати экспозиционных и выставочных залов – 2283 кв. м., имеются большой

холл, зал пресс-конференции на 150 посадочных мест, оборудованный аудио и видеоаппаратурой.

Созданы 2 диорамы и 3 открытые музейные площадки, на которых представлены образцы автобронетанковой техники и артиллерийских орудий времен Великой Отечественной войны и послевоенного периода, образцы техники обеспечения боевого дежурства в РВСН, баллистическая ракета средней дальности Р-12, побывавшая в период Карибского кризиса на Кубе, макеты изделий ракетно-космического назначения.

В филиале музея в экспозиционном зале имеется более двух десятков ракет, начиная от первой ракеты Р-1 и до последней модели, стоящей на вооружении. Представлен образец ракеты, с помощью которой был запущен первый искусственный спутник Земли (1957 г.), а затем и выведен на орбиту корабль с первым человеком на борту (1961 г.).

Филиал музея РВСН г. Знаменск размещается в здании общей площадью – 952 м², с четырьмя экспозиционными залами площадью – 724 м² и открытой площадкой площадью 11739 м² с пятнадцатью образцами боевой техники.

В залах филиала музея в г. Знаменск освещается история создания и развития 4-го Государственного Центрального межвидового полигона МО РФ. Особое почетное место в экспозиции отведено первому начальнику полигона «Капустин Яр» генерал-лейтенанту В.И. Вознюку. Являясь межвидовым, полигон проводит испытания вооружения и военной техники в интересах РВСН, Сухопутных войск, войск ПВО и ВМФ.

В фондах музея РВСН находится более 36,5 тысяч единиц хранения музейных предметов, в том числе более 14,5 тысяч основного фонда. В экспозициях представлено более 9 тысяч музейных предметов.

Экспозиционные залы музея полно и объективно отражают историю и развитие ракетного дела и ракетных войск стратегического назначения и каждый из них имеет свое название:

- 1 зал. «Возникновение и развитие ракет и ракетного дела в России (XIII – XIX вв.);
- 2 зал. «Отечественное ракетостроение в первой половине XX века»;
- 3 зал. «Разработка и создание ядерного оружия и первых образцов боевых управляемых ракет (1946-1959)»;

- 4 зал. «Становление нового вида Вооруженных Сил – Ракетных войск стратегического назначения (1959-1965)»;
- 5 зал. «Карибский кризис. Участие Ракетных войск в операции Анадырь»;
- 6 зал. «Ракетные войска с 1963 по 1965 годы».
- 7 зал. «Период развития и совершенствования Ракетных войск (1965-1980)»;
- 8 зал. «Ракетные войска – важнейшая составная часть стратегических ядерных сил страны. Боевое дежурство – задача особой государственной важности»;
- 9 зал. «Ликвидация РСМД по договору СССР – США. Спорт в РВСН»;
- 10 зал. «Реформирование ВС РФ и совершенствование их структуры»;
- 11 зал. «Освоение космоса»;
- 12 зал. «Ракетные войска стратегического назначения в XXI веке»;
- 13 зал. «Инженерные войска в составе РВСН»;
- 14 зал. «Военно-учебные заведения РВСН»;
- 15 зал. «Геральдический зал»;
- 16 зал. «Военнослужащие РВСН, участники Великой Отечественной войны»;
- 17 зал (холл). Выставочный зал («История поселка Власиха», «Ветераны-ракетчики, прошедшие суровую школу войны...», выставка техники и вооружения времен Великой Отечественной войны, размещение передвижных выставок).

В фондах музея имеются значительные коллекции и раритеты, которые вызывают интерес у знатоков музейного дела, посетителей и представляют историческую ценность.

В зале № 3 «Разработка и создание ядерного оружия и первых образцов боевых управляемых ракет (1946-1959)» представлена камера сгорания одноступенчатой жидкостной ракеты Р-2, имевшей дальность полета 600 км и отделяющуюся головную часть. В камере происходит смешение 2-х компонентов топлива жидкого кислорода и 75% этилового спирта. Ракетный комплекс Р-2 был передан в КНР и состоял на вооружении Китайской народной армии. (Рис. 7)

В экспозиции представлены уникальные предметы, отражающие различные этапы истории нашего государства и РВСН. Знакомство с экспонатами зала № 5 «Карибский кризис. Участие Ракетных войск в операции Анадырь» по-

Рис. 7. Камера сгорания жидкостной одноступенчатой ракеты Р-2 (Экспонат).

Рис. 8. Баллистическая ракета средней дальности Р-12 на смотровой площадке № 2 Музея РВСН (Экспонат).

зволяет посетителям музея прикоснуться к одной из героических, но малоизвестных страниц истории Советских Вооруженных Сил.

Осень 1962 года ознаменовалась весьма значимым событием в истории. В это время была спланирована и блестяще осуществлена стратегическая операция по переброске из Советского Союза на Кубу значительной группировки войск, оснащенной ядерным оружием. Все, что связано с этой операцией, получившей кодовое наименование «Анадырь», длительное время хранилось в глубокой тайне, в настоящее же время посетители музея могут ознакомиться с некоторыми экспонатами, рассказывающими об этой операции, ставшей без преувеличения событием планетарного масштаба.

РВСН в составе Группы советских войск на Кубе были представлены ракетной дивизией под командованием генерал-майора И. Д. Стаценко. Всего на Кубу было доставлено 42 ракеты

Р-12 (вес ракеты 42 тонны, длина 22,1 метра). На внешней экспозиции музея (смотровая площадка № 2) представлена баллистическая ракета средней дальности Р-12, побывавшая в период Карибского кризиса на Кубе при проведении операции «Анадырь». Ракета Р-12 – установлена к 30-летию РВСН. (Рис. 8)

28 октября 1962 года состоялись советско-американские переговоры в Нью-Йорке. В результате интенсивных дипломатических переговоров между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди кризис был преодолен.

Ракетные войска в ходе Карибского кризиса выполнили свое основное предназначение – были главным сдерживающим фактором, который не позволил США пойти на агрессию и вовлечь мир в ядерную катастрофу.

Уроки операции «Анадырь» во многом определили дальнейшую роль Ракетных войск стратегического назначения и подтвердили высокую

Рис. 9. Подлинная карта позиционных районов ракетных частей, размещенных на острове Куба в 1962 г. (Экспонат).

значимость в поддержании обороноспособности страны.

Итоги операции подтвердили возможность переброски частей ракет стратегического назначения железнодорожным и водным транспортом на любые расстояния и приведение их в боевую готовность и во многом определили дальнейшую роль РВСН как основного средства сдерживания агрессии против Советского Союза и неминуемого ответа на ее проявление, независимо от того, из какой точки мира она возникла.

Знакомясь с экспозицией, посетители музея могут увидеть подлинную карту позиционных районов ракетных частей, размещенных на острове Куба (Рис. 9), а также награды, грамоты, фотографии, личные вещи, принадлежащие участникам операции «Анадырь» и отражающие национальный кубинский колорит.

Одна из страниц истории РВСН посвящена формированию Вооруженных Сил Российской

Федерации, в 1997 году произошло объединение РВСН, военно-космических сил (ВКС) и войск ракетно-космической обороны (РКО). С 1997 по 2001 годы, кроме ракетных армий и дивизий, в состав РВСН входили также воинские части и подразделения запуска и управления космическими аппаратами, а также объединения и соединения ракетно-космической обороны. Одним из значимых экспонатов, представленных в зале № 11 «Освоение космоса» является спускаемый аппарат космического корабля «Союз-31». Осуществил на орбитальную станцию «Салют-6» доставку экипажа 4-й экспедиции посещения (3-го международного экипажа). Экипаж: командир – В.Ф. Быковский, космонавт-исследователь, гражданин ГДР З. Йен. Запуск осуществлен 26.08.1978. Стыковка с орбитальной станцией "Салют-6" 27.08.1978. Расстыковка, спуск и посадка – 02.11.1978 с экипажем 2-й основной экспедиции в составе: В.В. Коваленок, А.С. Иван-

ченков. Спускаемый аппарат – кабина космонавтов, командный пункт корабля. В спускаемом аппарате космонавты находятся при выведении корабля на орбиту, при маневрировании на орбите, в нем, как об этом свидетельствует само название, экипаж возвращается на землю. В кабине космонавтов расположены основные пульты управления кораблем.

Спускаемый аппарат имеет сегментально-коническую форму, напоминает фару. На наружную поверхность спускаемого аппарата нанесено прочное теплозащитное покрытие, нижняя часть аппарата, которая рассекает воздух при спуске и сильнее всего подвержена аэродинамическому нагреву, закрыта особым теплозащитным экраном, который сбрасывается после раскрытия парашюта, чтобы облегчить кабину космонавтов перед приземлением. При этом открываются прикрытые экраном пороховые двигатели мягкой посадки, которые включаются перед самым соприкосновением аппарата с Землей и смягчают толчок при посадке.

Спускаемый аппарат имеет два иллюминатора с жаропрочными стеклами, люк, ведущий в орбитальный отсек. В нижней части по окруж-

ности спускаемого аппарата расположены шесть двигателей системы управления спуском, которые используются при возвращении корабля на Землю. В верхней части спускаемого аппарата находятся отсеки с основным и запасным парашютами. Внутри кабины космонавтов два кресла: в центре – для командира корабля, справа от него – для бортинженера. Перед космонавтами находятся приборная доска. Слева и справа от приборной доски находятся одинаковые командно-сигнальные устройства, которые используются при ручном управлении кораблем. Над приборной доской – телевизионная камера для передачи изображения из спускаемого аппарата на Землю.

2019 год для нашего музея знаменателен 2 событиями: 60-летием Ракетных войск стратегического назначения и 100-летием Центрального музея Вооруженных сил. На эти знаменательные даты и направлена основная наша работа. Используются все возможности для воплощения в жизнь запланированного, вовлечение в нашу работу, в атмосферу грядущих юбилейных мероприятий максимального количества посетителей, коллег и единомышленников.

*Илья Юрьевич Кублановский,
Россия, Москва, Российский государственный военный архив,
ведущий специалист*

Некоторые эпизоды из жизни генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова (1888-1968) по материалам РГВА

В 2018 году исполнилось 130 лет со дня рождения видного советского военачальника генерал-лейтенанта Николая Кузьмича Клыкова.

Этому полководцу посвящено немного исследований, в частности, статья И.М. Нагаева «Боровчане на защите отечества (1918-1922)»¹, статья М.В. Стрельца «Человек двух эпох»². Больше внимания ему уделено в общих работах о Второй ударной армии, которой Н.К. Клыков командовал во время Любанской³ и Синявинской⁴ операций в 1942 году⁵.

Российский государственный военный архив хранит многие документы, отражающие его жизненный и боевой путь, в частности, служебные карты⁶, личные дела⁷. В самом позднем из его личных дел, начатом в 1939 и оконченом в 1947 году, интересна «Автобиография на комдива Клыкова Николая Кузьмича», написанная в 1939 году⁸.

Н.К. Клыков пишет: «Отец мой – сын деревенского кузнеца...мальчиком был отдан на службу в трактир в гор. Боровск, там же он женился и

приписался в мещане. В связи с моим рождением, рождением других детей,.. отец изменил свою профессию на профессию огородника и из города Боровска переехал в село (ныне – город) Нара-Фоминское, Московской области и там на 2-х, а к 1917 году на пяти десятинах арендованной земли стал жить и работать... После Октябрьской революции, получив в постоянное и безвозмездное пользование бывшую арендованную землю, отец работал на ней около года, после чего передает огород фабрике, а сам с матерью поступает и работает заведующим

этим фабричным огородом вплоть до его ликвидации по случаю застройки всей огородной площади (всего около 5 лет)...

Моя мать имела 11 детей, из них трое умерли в детстве.

До 1919 года была домашней хозяйкой и помогала отцу работать в ого-

Фото. Н.К. Клыков.

родничестве, а после вместе с отцом работала по найму...»⁹

«Я, Клыков Н.К., свою трудовую жизнь начал с 12 лет работой на постройке Киевской ж[елезной] д[ороги]: подвозил кирпич для станционных построек и разгружал балласт...Желание учиться, желание избавить отца от лишнего рта заставили в 14 лет уйти из дома в Москву и поступить воспитанником в Мануфактурно-техническое училище при фабрике бывшей Прохоровской Трехгорной мануфактуры, где провел три года (май 1903-май 1906 г.) Одновременно, учась, и работал... В мае 1906 г. окончил Мануфактурно-техническое училище и остался работать на фабрике в качестве ученика-раклиста 1 год и в дальнейшем рабочего-раклиста и работал вплоть до 2-й половины 1914 года – начала империалистической войны»¹⁰.

Получив к августу 1915 года в Школе прапорщиков во Пскове военное образование, Н.К. Клыков «был отправлен на фронт в 493 пехотный Клинский полк 124 дивизии, в котором пробыл до конца войны, участвуя во всех боях и походах этой дивизии» на Северо-Западном и Румынском фронтах... В Клинском 493-м полку службу прошел с младшего офицера (прапорщика), командуя взводом, затем – ротой, а при выборном начале – помощник командира полка по выбору (последнее звание – штабс-капитан).

В Октябрьскую революцию на Румынском фронте в должности помощника командира полка по выбору Н.К. Клыков «распустил полк с оружием по домам». Вернувшись на Трехгорную мануфактуру, он вскоре начал службу в продотряде, а в декабре 1918 году выехал на Западный фронт.

На Западном фронте, командуя разными частями от роты до бригады, Н.К. Клыков участвовал в 1919-1920 гг. в боях против Польши и Литвы¹¹.

В марте 1921 года, командуя 94-м стрелковым полком, переданным в состав сводной дивизии Южной группы и направленным под Кронштадт, Н.К. Клыков «участвовал (в ночь с 17 на 18 марта) в атаке по захвату мятежной крепости». С декабря 1921 по апрель 1922 года после реорганизации бригад в полки с учебно-кадровым полком 11-й Петроградской дивизии Н.К. Клыков «при ликвидации карельской авантюры в качестве начальника колонны Ребольского направления участвовал в боях против белофиннов и белокарелов»¹².

За действия против белополяков Н.К. Клыков был награжден серебряными часами. За отличия в бою против врагов социалистического Отечества 17-18 марта 1921 г. награжден орденом Красного знамени. Вторично награжден этим орденом за руководство и отличие в боях против врагов социалистического Отечества в 1922 году в Карельском районе. Многими наградами – ценными подарками, грамотами – Н.К. Клыков был отмечен и в мирное время¹³.

В межвоенный период Н.К. Клыков – командир 31-го стрелкового полка, помощник командира 14-й стрелковой дивизии. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» (1926, Высшие академические курсы при Военной академии имени М. В. Фрунзе (1929)¹⁴. С марта 1930 по март 1931 года – комендант Москвы, начальник 5-го отдела штаба Московского военного округа. С марта 1931 по март 1935 года – командир и военком 18-й Ярославской стрелковой дивизии. С марта 1935 по март 1937 года по болезни находился в распоряжении управления по начсоставу РККА. 21 апреля 1936 года ему было присвоено военное звание комдива¹⁵.

С марта по август 1937 он – военный руководитель в Московском государственном университете, а с августа 1937 – командир корпуса военно-учебных заведений Московского военного округа, с июня 1938 года – помощник командующего войсками Московского военного округа по вузам¹⁶. В декабре 1939 Н.К. Клыкову было присвоено звание комкора¹⁷.

В июне 1940 года, после установления в РККА генеральских званий, Н.К. Клыков переаттестован на звание генерал-лейтенанта¹⁸.

Менее чем через месяц после начала Великой Отечественной войны, 16 июля 1941 г., Н.К. Клыков был назначен командующим 32-й армией, входившей в состав Можайской линии обороны, затем, 23 августа 1941 г. – командующим 52-й отдельной армией, занимавшей оборону на правом берегу реки Волхов¹⁹. Во второй половине ноября-декабре командовал армией в ходе Тихвинской наступательной операции²⁰. С 10 января 1942 года Н.К. Клыков командовал 2-й ударной армией Волховского фронта, принимавшей участие в Любанской наступательной операции. В ходе операции части армии прорвали оборону противника в районе деревни Мясной

Бор и глубоко вклинились в его расположение, наступая в направлении города Любань. По мнению исследователей, наиболее успешный период наступления 2-й ударной армии относится к 25 января-15 марта, когда ее командующим был Н.К. Клыков²¹.

В начале марта наступление армии было приостановлено. 15 марта 1942 года немецкие части начали общее наступление на коридор прорыва, в результате которого пути снабжения армии несколько раз оказывались перерезаны, а армия оказывалась в окружении, однако совместными действиями войск фронта окружение удавалось прорывать. 16 апреля 1942 года в связи с болезнью Н.К. Клыков снят с должности командующего армией и направлен на излечение²². Согласно Б.И. Гаврилову²³, истинной причиной отстранения его от командования армией был провал наступления. Однако о пребывании на излечении в Центральном военном госпитале Москвы говорится не только в других мемуарных источниках, но и в послужном списке Н.К. Клыкова²⁴. На его место 20 апреля 1942 года был назначен заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов, захваченный в июле плен²⁵.

24 июля 1942 года Н.К. Клыков был отозван с лечения и назначен командующим 2-й ударной армией, занимался её переформированием. В августе-сентябре 1942 года командовал действиями армии в ходе Синявинской наступательной операции. Преодолевая упорное сопротивление войск противника, армия прорвала вражескую оборону в районе деревни Тортолово и, отразив контратаки противника, к концу августа вышла на подступы к Синявино. Во второй половине сентября противнику удалось остановить продвижение войск армии и нанести сильные контрудары. По приказу Ставки ВГК войска армии Волховского фронта отошли на исходные рубежи²⁶. Тем не менее в ходе операции от Ленинграда были оттянуты 15 дивизий противника, ни одна из которых так и не приняла участие в штурме города²⁷.

С декабря 1942 года Н.К. Клыков – помощник командующего Волховским фронтом. В июне 1943 года он назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа. С апреля 1944 по июль 1945 года был командующим войсками Северо-Кавказского военного

округа, затем до 31 декабря 1945 года в распоряжении ГУК НКЮ, уволен в отставку по болезни²⁸.

Личное дело завершается заявлением Клыкова (декабрь 1946 г.) о возможности назначить ему персональную пенсию, на которое А.В. Хрулев²⁹ наложил резолюцию: «Тов. Хотенко Я.А. Клыкова знаю очень давно. Это — исключительно скромный и честный солдат. Я за то, чтобы ему помогли. Он, безусловно, заслужил. А. Хрулев»³⁰.

В рапорте по тому же вопросу на имя заместителя министра Вооруженных Сил СССР Н.А. Булганина Н.К. Клыков пишет: «В Красной армии на командных должностях я прослужил беспорочно 28 лет и только будучи тяжело болен, в 1946 году вышел в отставку...после окончания войны в 1946 г...с должности командующего СКВО, полагая, что уход по болезни в отставку, независимо от времени, не создаст неравенства в материальном отношении с генералами, уходящими в отставку позднее... При назначении пенсии не было учтено то обстоятельство, что я перешел на должность с пониженной на половину ставкой против должности командарма ударной и не поднимал вопроса о сохранении мне оклада при переходе на другую работу, считая материальный вопрос второстепенным. Состояние моего здоровья требует постороннего ухода, а материальное положение весьма тяжелое. Прошу Вас о пересмотре моей пенсии и исчислении ее со дня отставки с оклада командарма ударной»³¹.

В письме на имя начальника Финансового управления МВС Я.А. Хотенко³², к которому прилагался рапорт министру Вооружённых Сил СССР Н.А. Булганину, Н.К. Клыков пишет подробнее о причинах малого размера своей пенсии: «Шла война, и обстановка требовала отдать остаток сил на службу Родине, и я в отставку не пошел и, не считаясь с уменьшением оклада почти на половину, продолжал служить. Вопрос о сохранении оклада мною также не поднимался, так как в то грозное время, когда весь народ в едином порыве своих патриотических чувств отдавал все свои сбережения и силы на ускорение дела победы, имел ли я право ставить этот вопрос? Конечно, нет, он не имел для меня значения. Я продолжал служить в должности комвойск вплоть до расформирования округа... Яков Алексеевич! Убедительно прошу вас поддержать перед т. Булганиным мою просьбу в отношении пенсии

и до общего изменения исчислить ее с оклада командующего»³³.

Итогом переписки стала выдача единовременного пособия в сумме 3000 рублей...³⁴

Скончался Н.К. Клыков 29 апреля 1968 года в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище³⁵.

Литература

РГВА. Ф.37837. Оп.4. Дд.3, 80, 169, 277

РГВА. Ф.37976. Оп.2. Д.71; Д.304-090; Д.15-659; Д.297-443

РГВА. Ф.40895. Д. 117170-117173.

Клыков Н.К. На любанском и синявинском направлениях // Вторая ударная в битве за Ленинград. Воспоминания, документы / Сост. В. А. Кузнецов. — Л.: Лениздат, 1983. — 376 с. ил.

Бобраков А.В. О восставших из забвения. Вторая ударная армия в 1942 г. // Вторая ударная армия в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конферен-

ции, 17 февраля и 2 июня 2006 г. — СПб. — Пушкин, 2006. — С.59-65.

Военный энциклопедический словарь. — М., 1983.

Гаврилов, Б.И. «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й ударной армии / Б.И. Гаврилов. — М., 2007.

Иванов А.А., Черепанов М.В. По следам трагедии Второй ударной // Вторая ударная армия в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конференции, 17 февраля и 2 июня 2006 г. — СПб-Пушкин, 2006. — С.124-131.

Нагаев И.М. Боровчане на защите отечества (1918-1922) // Материалы Боровских чтений (Археология, история, краеведение). — Боровск, 1989. — С.54-60.

Интернет-ресурсы

<https://pamyat-naroda.ru>

Стрелец М.В. Человек двух эпох. К 130-летию генерал-лейтенанта Николая Клыкова. <http://www.vest-news.ru/article/121910>.

¹ Нагаев И.М. Боровчане на защите отечества (1918-1922) // Материалы Боровских чтений (Археология, история, краеведение). — Боровск, 1989. — С.54-60.

² Стрелец М.В. Человек двух эпох. К 130-летию генерал-лейтенанта Николая Клыкова <http://www.vest-news.ru/article/121910>; 30 мая 2019; 18:29

³ Любанская операция 1942 — наступательная операция войск Волховского и Ленинградского фронтов в Великой Отечественной войне, проведённая 7 января — 30 апреля 1942 г. // Военная-энциклопедия.рф/советская-военная-энциклопедия/Л/Любанская-операция-1942; 4 июня 2019 г.; 17.30

⁴ Синявинская операция — наступательная операция войск Волховского и Ленинградского фронтов 27 августа- 1 октября 1942 г. <https://pamyat-naroda.ru/ops/sinyavinskaya-nastupatel'naya-operatsiya/>; 4 июня 2019 г.; 17.40.

⁵ См., например, сб.: Вторая ударная армия в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 17 февраля и 2 июня 2006 г. СПб-Пушкин, 2006; Гаврилов Б.И. «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М., 2007.

⁶ РГВА. Ф.40895. Дд.117170-117173.

⁷ РГВА. Ф.37976. Д.304-090; Д.15-659; Д.297-443; Ф.37976.Оп.2. Д.71.

⁸ РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71.Лл.7-13.

⁹ Там же. Л.7.

¹⁰ Там же. Л.8.

¹¹ Там же. Лл.2 об., 9,10; Ф.40895. Д.17170.

¹² РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.10.

- ¹³ Там же. Л.11.
- ¹⁴ Там же. Л.4 об.; Стрелец М.В. Ук. соч.
- ¹⁵ РГВА. Ф.37837.Оп.4. Д.80. Л.672.
- ¹⁶ РГВА. Ф.37976. Оп.2. Д.71. Л.4 об.; Стрелец М.В. Ук. соч.
- ¹⁷ РГВА. Ф.37837.Оп.4. Д.277. Л.212.
- ¹⁸ <https://pamyat-naroda.ru/commander/531/>; 4 июня 2019; 17.24
- ¹⁹ <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=6258@morfDictionary>; 3 июня 2019; 15:09; РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.4 об.;
- ²⁰ Стрелец М.В. Ук. соч.
- ²¹ Бобраков А.В. О восставших из забвения. Вторая ударная армия в 1942 г.// Вторая ударная армия в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 17 февраля и 2 июня 2006 г. СПб-Пушкин, 2006. С.59.
- ²² <https://pamyat-naroda.ru/commander/531/>; 4 июня 2019 г.; 17.40.
- ²³ Гаприлов Б.И. Ук. соч. С.207,208. Автор делает такой вывод на основании мемуаров Георгия Ермолаевича Дегтярева (1893-1973) – генерал-полковника артиллерии (1944), весной 1942 г. – начальника артиллерии 2-й ударной армии (Соч.: Щит и броня. М., 1966).
- ²⁴ РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.4 об.
- ²⁵ Власов Андрей Андреевич (1901-1946) – советский военачальник, генерал-лейтенант. В 1942 г., находясь в плену, перешел на сторону нацистской Германии, решением суда признан изменником Родины, казнён.
- ²⁶ <https://pamyat-naroda.ru/commander/531/>; 4 июня 2019 г.; 17.40.
- ²⁷ Иванов А.А. Черепанов М.В. По следам трагедии Второй ударной// Вторая ударная армия в годы Великой Отечественной войны... С.131.
- ²⁸ РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.5.
- ²⁹ Андрей Васильевич Хрулев (1892-1962) – генерал армии (1943), в 1946-1950 гг. – начальник Тыла Вооруженных Сил, заместитель министра Вооруженных сил СССР по тылу.
- ³⁰ РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.14.
- ³¹ РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.15.
- ³² Хотенко Яков Алексеевич (1900-1976) – генерал-лейтенант интендантской службы (1943), начальник Финансового управления Красной армии с 1940 по 1955 гг. Булганин Николай Александрович (1895- 1975) – советский государственный деятель, в 1947-1949 гг. – министр вооружённых сил СССР.
- ³³ РГВА. Ф.37976.Оп.2. Д.71. Л.20.
- ³⁴ Там же. Л.21.
- ³⁵ В базе данных <https://pamyat-naroda.ru/commander/531/> (3 июня 2019; 15:09) и некоторых других публикациях о Н.К. Клыкове (в частности: Стрелец М.В. Ук. соч.) ошибочно указана дата его смерти – 1969 г.

*Алексей Павлович Мазур,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник, полковник запаса*

Особенности работы центральной военной печати накануне и в начальном периоде Великой Отечественной войны

Исторический анализ на основе публикаций газеты «Красная звезда» за 1939–1941 гг. (июнь–август)

Жизнь показывает: нужно не замалчивать, а всесторонне и скрупулезно исследовать нашу историю, доказывать, что решающую роль становлении национальных особенностей нашего народа играет духовный фактор – как в повседневной жизни, так и в годы суровых испытаний.

Советская печать, в том числе и военная, занимала особое место в воспитании народа, личного состава армии и флота. Проанализировав ее тематику за определенный период, можно увидеть ее роль и влияние в формировании у советских граждан и воинов Красной Армии духовной основы и психологической готовности к защите Родины, извлечь уроки и дать практические рекомендации для сегодняшнего времени.

В конце 1930-х годов с ростом военной опасности перед страной во всей полноте встала задача морально-политической и психологической подготовки советского народа и армии к вооруженной защите Родины. Центральная военная печать и, в частности, газета «Красная Звезда», уделяли этому важнейшему направлению идео-

логической работы большое внимание.

Однако необходимо отметить особенности этой работы. В деятельности центральной военной печати просматриваются два периода:

в первом периоде (до 23 августа 1939 года) целеустремленно разоблачалась захватническая политика Германии, советским воинам и всему советскому народу давалась ясная установка на то, что Германия – будущий противник для Советского Союза, война с которым неизбежна;

второй период (после подписания 23 августа 1939 года Пакта о ненападении) характерен тем, что военная пресса в соответствии с установками руководства страны перестала обличать агрессивную политику Германии и стала представлять ее как друга СССР.

Впрочем, если проводить исторические параллели, то ничего нового и удивительного здесь нет. С 1900-х годов западные партнеры нас уверяли в дружбе, а политическое руководство СССР и России самозабвенно прокладывали курс в «новое политическое мышление» и развитие демократии, разваливали Вооруженные Силы.

В результате НАТО стоит у нашего порога, и что поразительно, в союзе с бывшими друзьями по соцлагерю. (Рис 1).

В 1939 году газета «Красная Звезда» опубликовала одиннадцать статей по вопросам психологической подготовки личного состава к войне. Однако нельзя сказать, что это были статьи исследовательского и практического характера. Опыт боевых действий против японских захватчиков на озере Хасан и реке Халхин-Гол, бои в Испании должны были решительно изменить всю постановку дела психологической подготовки воинов к предстоящей войне и освещения этой проблемы в прессе. Газета публикует лишь отдельные статьи, речи партийных и советских государственных деятелей, в которых так или иначе говорится о роли человеческого фактора в войне.

В марте 1939 года газета публикует статью «К вопросу о военном потенциале, в которой говорилось о том, что «...социалистический строй означает такое качество субъективного людского фактора войны, какое никогда не снилось руководителям буржуазных армий. Морально-политическое единство советского народа создало такой тыл Красной армии, которого нет, и никогда не может быть у фашистских агрессоров» («Красная звезда», 5.03.1939 г.).

Вот характерное для того времени выступление Л.З. Мехлиса на собрании партийного актива Киевского Особого военного округа:

«В грядущей схватке с капиталистическим агрессором наша страна под руководством великого Сталина покажет силу и мощь первого в мире социалистического государства, его неисчерпаемый экономический и военный потенциал и наголову разобьет зарвавшихся врагов» («Красная звезда», 6.04.1939 г.).

Такое своеобразное политическое «шапкозакидательство» и самоуверенность были характерны для высказываний военного руководства того времени.

Как же в этот период решается вопрос воспитания ненависти к нацистской идеологии в газете? До 23 августа 1939 года эта проблема в центре пристального внимания редакции, работа ведется активно и наступательно. К примеру, в обширной статье Д. Осипова «Фашистский разбой и расовая теория» автор ярко и убедительно говорит о том, что «фашистские правящие кру-

ги выступают с особой агрессивностью, потому что фашизм является диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов капитала. Фашизм ведет разбойную внешнюю политику. Каждый раз, когда германские захватчики пытались поживиться за счет русского народа – бандиты неизменно терпели крушение, бывали жестоко биты. Разгром, который ожидает фашистов, если они попытаются поднять меч против советского народа, окончательно завершит бесславный исторический путь гитлеровского режима» («Красная Звезда», 18.01.1939 г.). Можно согласиться с этими пророческими словами, и не только для того исторического периода, но и будущих войн, если они будут развязаны.

В передовой статье, вышедшей под заголовком «Под непобедимым знаменем партии Ленина – Сталина к XVIII съезду ВКП(б)», говорится: «XVIII съезд мы встречаем в обстановке Второй империалистической войны. Фашистские агрессоры поджигают мир со всех концов. Из факта империалистического окружения, из опасности военного нападения на Советский Союз большевистская партия, советский народ делают выводы. Лишь в схватке на поле брани буржуазная военщина поймет, что значит военный потенциал социалистического государства» («Красная Звезда», 28.01.1939 г.). Безусловно, такие заявления способствовали формированию у личного состава мотивационной установки и психологического настроения на ведение быстрой победоносной войны.

Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов в докладе, посвященном 22-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, говорил: «Сегодня мы стоим перед опасностью, что война в Европе, вместе с войной в Азии, превратится, если этому не будет дан решительный отпор, в новую, всемирную, кровавую бойню народов. Мы не можем знать, с какими внешними испытаниями нам еще придется встретиться. Но одно мы хорошо знаем: нужно не ослаблять, еще больше и еще настойчивее крепить мощь обороны нашего государства». («Красная Звезда», 7.11.1939 г.).

«Известно, что Гитлер и его молодчики очень часто потрясают кулаками по адресу миролюбивых стран, в том числе и по адресу СССР. В боях с фашистскими агрессорами Советский Союз по-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 234 (7919) 24 августа 1939 г., четверг ЦЕНА Ю КОП.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ

Договор о ненападении, заключенный между Советским Союзом и Германией, ставит перед собой задачу выработать основы, определяющие взаимоотношения между Советским Союзом и Германией.

Высокая политика Советского Союза неизменно исходила из стремления к сохранению мира между народами. В этой связи наша ЦКП неизменно стремилась к укреплению и упрочению дружественных и добрых связей со всеми теми государствами, которые разделяли эту политику. Товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии в своей характеристике внешней политики Советского Союза заявил:

«Мы стоим за мир и упрочение дружеских связей со всеми странами, стоя на пути борьбы за этот мир, мы должны и эти страны будут дружески помогать нам в нашей борьбе за мир, мы должны и эти страны не позволят нарушить интересы нашей страны.»

Договор о ненападении, заключенный Советским Союзом с Германией, является в новом соответствии с внешней политикой Советского Союза как она была определена товарищем Сталиным.

Отношения между СССР и Германией в области дипломатии регулировались договором, заключенным в 1922 году и договором о нейтралитете, заключенным 24 апреля 1926 года. Договор 1926 года устанавливал, что «в случае, если одна из договаривающихся сторон, невзирая на изъясненные в третьем параграфе, другая договаривающаяся сторона будет совершать агрессию против третьей стороны, то другая договаривающаяся сторона будет совершать агрессию против третьей стороны». В тот же договор указывалось, что «если в связи с конфликтом возникнет в отношении договаривающейся стороны или одна из договаривающихся сторон не будет заключена в международном отношении, будет объявлено между третьими сторонами, то другая договаривающаяся сторона будет принимать на себя обязанность воздерживаться от действий, которые могут повредить выходящему из договора и тем самым выходящим из договора».

После этого 23 августа договор о ненападении, как указывалось в отчетном докладе на XVIII съезде партии, не вступил в силу.

Заключение советско-германского договора о ненападении (1 стр.).
 Встреча на выставке (1 стр.).
 Празднение коловоза им. Андреева на выставке. Один из молодых. А. Зубков. — Визитная уличка А. Сталина. — Наглядная школа. Ф. Моргу. — Наши замечания. Из отрывков посетителя (3 стр.).
 Как мы изучаем историю большевистской партии. Выступления на совещании Фрунзенского района ВКП(б) г. Москвы коммунистов, самостоятельно изучающих историю партии (2 стр.).
 Я. Хоменко. — Комсомол в деревне (2 стр.).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Н. Иванов. — Патристичность Северной Осети (4 стр.).
 А. Бусыгин. — Результаты одного изобретения (4 стр.).
 С. Селеков. — Оборонная работа в районе (4 стр.).
 ОБЗОР ПЕЧАТИ: Рассказы о выставке (3 стр.).
 Г. Хубов. — Народное творчество Азербайджана (3 стр.).
 Р. Гузиков. — Ускорить ремонт домов (6 стр.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: С. Маршак. — О детских книгах (4 стр.).
 А. Волков. — Эпическая поэзия в стране Латинской Америки (5 стр.).
 Предстоящий созыв английского парламента (5 стр.).
 Германские закупки в Англии (5 стр.).
 Военные действия в Китае (5 стр.).
 Партизанская война в шанхайском треугольнике (5 стр.).
 План эвакуации английских городов на случай войны (5 стр.).

К заключению советско-германского договора о ненападении. На снимке (справа налево): тов. В. М. Молотов, тов. Н. В. Сталин, г-н Иоахим фон Риббентроп и г-н Ф. Гаус.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ.

23-го августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа представителей Союзармии и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министрами иностранных дел Германии г-н фон-Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

кажет всю силу сталинских пятилеток, покажет, что значит военный потенциал социалистического государства», — сообщалось в передовой статье газеты от 15 февраля 1939 года.

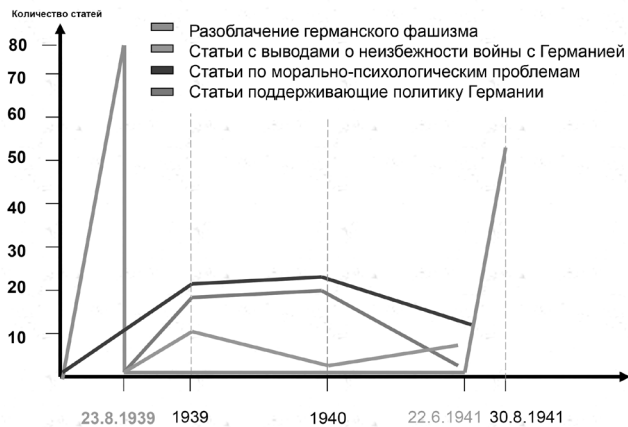
В передовице от 8 апреля 1939 года с выразительной определенностью говорится о неотвратимости войны: «До сих пор у империалистов хватало разума не ввязываться в войну с Советским Союзом, не подставлять свой хребет под всеуничтожающий ворошиловский удар Красной армии. Как долго будет длиться такое положение — определить трудно, но одно бесспорно: решающая битва между социализмом и международным империализмом неминуема (выделение автора — А.М.). Угроза военного нападения на Советский Союз становится особенно реальной. К этому нужно готовиться повседневно, повсечасно, мобилизуя все наши силы и всю нашу энергию».

Какие чувства могли возникнуть у солдата и офицера после прочтения этих строк? Думаешь, только горячее стремление встать на защиту своей советской Родины. Как видим, разоблачение агрессивной природы германского фашизма

в первой половине 1939 года носило активный характер. Советские воины имели конкретное представление о том, что Германия — агрессор и вероятный противник СССР.

О характере будущей войны, ее социальной природе читаем в статье «Войны справедливые и несправедливые и защита Отечества». В ней сказано, что «...справедливой, отечественной будет война СССР против фашизма, если фашистские узурпаторы нарушат наш мирный труд. Это будет война за защиту социализма» («Красная Звезда», 28.07.1939 г.). Много внимания в этот период газета уделяет разоблачению злодеяний гитлеровцев, созданию концентрационных лагерей и массовому уничтожению людей.

Эти публикации формировали у советских воинов готовность бороться с фашистами как с силой, представляющей реальную угрозу для социалистического государства. В то же время периодически появляются публикации, которые утверждают неразрывность военных традиций русской армии — посвященные военной истории, подвигам воинов, военные обозрения по истории Гражданской войны.

Графический анализ тематики статей газеты «Красная звезда» за период с 01.01.1939 по 30.9.1941 гг.

Графический анализ тематики статей газеты «Красная звезда» за период с 01.01.1939 по 23.06.1941 гг.

25-летию начала Первой мировой войны были посвящены многие статьи, которые тесно увязывались с современной международной обстановкой. Газета писала, что «Вторая империалистическая война началась. Она успела втянуть в свою орбиту более полумиллиарда населения трех континентов, она все сильнее грозит перерасти в новую мировую бойню. Безудержной ложью и демагогией, клеветой и злостными измышлениями всякого рода агрессоры пытаются прикрыть разбойничий характер своей внешней политики» (Красная Звезда, 01.08.1939 г.). Виновниками «Второй империалистической войны» были названы германский и итальянский фашизм и японская военщина.

Вплоть до 23 августа 1939 года газета сообщает о мобилизационных мероприятиях Германии, перебросках войск, их концентрации у границы с Польшей и другими государствами.

Таким образом, центральная газета военного ведомства проводит большую работу по перестройке сознания воинов на военный лад, готовит их морально к предстоящей борьбе с германским фашизмом. До подписания Пакта о ненападении тема разоблачения агрессивной сущности германского фашизма была преобладающей. (Рис. № 2)

После 23 августа 1939 года тематика и тон армейской прессы резко меняются. Германия в материалах военной печати превращается в «друга» СССР. Около 18 крупных публикаций в «Красной Звезде» было посвящено оправданию политики Германии, что, естественно, не могло не сказаться отрицательно на моральном состо-

янии советских воинов накануне войны. Произошел своего рода психологический разлом.

Вот как об этом в своих воспоминаниях писал исполняющий обязанности политрука кабельно-шестовой роты красноармеец Николай Павленко, в дальнейшем видный советский историк: «В моей собственной голове не укладывалось, что сначала в течение нескольких лет газеты и радио внушали ясную мысль о том, что фашизм является злейшим врагом нашей страны и потенциальным противником в войне, а потом, будто по мановению волшебной палочки, Германия превратилась в государство, к которому советские люди не должны питать враждебности. Газеты и радио талдычили одно, а на закрытых собраниях членов ВКП(б) и офицерский состав убеждали в том, что фашизм-таки является бесчеловечной идеологией».

Вместе с тем газета стала публиковать больше статей по вопросам военного искусства, боевой и политической подготовки.

Подписание Пакта круто изменило всю систему постановки идеологической работы в стране: в газете «Красная звезда» больше не упоминается выражение «фашистская Германия».

Публикации выступлений советских руководителей говорили о резком повороте во внешнеполитической деятельности. В.М. Молотов в речи на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва 31 августа 1939 года, посвященной ратификации советско-германского договора о ненападении, говорил: «Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да,

вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. Различия в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для установления хороших политических отношений между обоими государствами» («Красная звезда», 1.09.1939 г.).

В докладе «О внешней политике Советского Союза» он утверждал, что «Такие понятия, как «агрессия», «агрессор», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как войну за «уничтожение гитлеризма», прикрываемую фальшивым флагом борьбы за «демократию». Наши отношения с Германией улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлении к миру» («Красная звезда», 1.11.1939 г.).

Уже на другой день после подписания Пакта о ненападении в главной партийной газете «Правда» была опубликована статья о прекращении идеологической войны между СССР и Германией. Вскоре в радиопередачах, устных выступлениях агитаторов, руководителей страны прекратилась антифашистская пропаганда, критика агрессивной политики Германии.

Анализ публикаций газеты «Красная звезда» показывает, что статей, оправдывающих политику Германии после подписания Пакта о ненападении, было опубликовано в 1939 году – 18, в 1940 году – 18. В 1941 году их количество резко сокращается. К примеру, в январе 1941 года их было только две. Регулярно публиковались речи руководства Германии – А. Гитлера, Г. Гиммлера, Г. Геринга, Й. Геббельса.

Помещенная в «Красной Звезде» 10 ноября 1939 года статья с речью Гитлера на собрании старейших членов национал-социалистической партии представляет его в роли поборника спра-

ведливости, а его слова о том, что «если бы у нас не украли нашего добра, не нужно было бы ничего восстанавливать», можно рассматривать как оправдание захватнической политики Германии.

26 февраля 1940 года в газете опубликована речь А. Гитлера, в которой он утверждал, что надежды противников на разжигание войны между Россией и Германией, провалились. «Мы отдаем себе отчет в том, – говорил он, – что в Лондоне рвут волосы на себе от досады».

В средствах массовой информации регулярно появлялись статьи, выражающие официальную точку зрения советского правительства, направленную на поддержку Германии. «Красная Звезда» в статье «Три исторических выступления» в марте 1940 года писала: «История показала, что вражда и войны между нашей страной и Германией были не на пользу, а во вред нашим странам. Поэтому интересы народов Советского Союза и Германии лежат не на пути вражды между собой. Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, но и суживает поле возможных военных столкновений в Европе, и служит, таким образом, делу всеобщего мира».

Народу, воинам армии и флота внушали, что главными врагами для СССР стали Англия и Франция, а не Германия. В докладе «О внешней политике правительства», сделанном председателем СНК СССР В.М. Молотовым на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года, говорилось: «Правительства Англии и Франции провозгласили своими целями в этой войне разгром и расчленение Германии. Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще более усилилась. Наши отношения с Англией и Францией сложились несколько по-другому. Нам на каждом шагу приходилось наткнуться на глубокую враждебность их политики в отношении нашей страны. Наиболее далеко дело зашло в финляндском вопросе. Поддержка Англии и Франции Финляндии в войне против СССР объясняется тем, что в Финляндии у них был гото-

вый военный плацдарм на случай нападения на СССР» («Красная Звезда», 30.03.1940 г.).

В статье «К последним событиям в Скандинавии» 12 апреля 1940 года утверждалось следующее: «Германскими войсками заняты Дания, проливы между Данией и Швецией, основные порты Норвегии. Действия Германии в данном случае были вынужденными. Вступление германских войск в Данию и Норвегию вызвано действиями Англии и Франции, которые угрожали суверенитету этих стран. Говорят, что Германия нарушила своими действиями в Скандинавии международное право, что она превратила в клочок бумаги договор о ненападении с Данией и прочее. Но читать теперь дешевые lamentации насчет правомочности германских действий в Скандинавии после того, как Англия и Франция нарушили суверенитет этих стран в ущерб интересам Германии, – значит ставить себя в смешное положение. Война имеет свою логику, которая сильнее всякой другой логики».

Это «сближение» с Германией привело к небольшим военно-политическим и моральным издержкам.

Анализ публикаций газеты за 1940 год и первую половину 1941 года показал, что вопросам боевой и политической подготовки, улучшению профессиональной выучки личного состава редакцией уделялось в целом достаточное внимание.

Опубликовано статей	1940	1941 (январь–июнь)
Боевая и политическая подготовка	137	85
Военное искусство	57	54
Воинская дисциплина	2	8

«Красная Звезда» стала регулярно выпускать обзоры международных событий, материалы об экономическом и политическом положении империалистических стран. Стали публиковаться статьи, анализирующие характер разгоравшейся Второй мировой войны, политику участвующих в ней держав. В воспитании и обучении воинов упор делался на фактор капиталистического окружения.

Таким образом, начиная с августа 1939 года и до июня 1941 года разоблачение политики фашистской Германии было свернуто. Нельзя сказать, что это не беспокоило командование

Красной армии, что не находилось военных профессионалов, которые открыто высказывали бы свое несогласие с проводимой политикой. Начальник Главного управления политической пропаганды А.И. Запорожец 9 июня 1941 года с озабоченностью сообщал в ЦК ВКП(б) о том, что пропагандисты прекратили критиковать враждебную фашистскую идеологию, разоблачать реакционную политику германского империализма, направленную на покорение и закабаление других народов. Подобные недостатки в пропагандистской работе, заключал он, «могут ослабить политико-моральную силу, понизить боевую активность, воинственный, наступательный дух Красной армии». К сожалению, эти прогнозы во многом сбылись в дальнейшем.

Нередко советские руководители ориентировали командно-политический состав армии и флота на рассмотрение войны как средства вовлечения в сферу социальных преобразований новых стран и народов. Так, в выступлении перед выпускниками Военно-политической академии имени В.И. Ленина 5 июня 1941 года член Политбюро ЦК ВКП(б) М.И. Калинин отмечал, что Советскому Союзу уже удалось сравнительно легко военными средствами расширить зону коммунизма, что война – «это такой момент, когда можно расширить коммунизм... коммунисты от этого уклониться не могут». Далее он провозгласил: «Я и мысли не допускаю, чтобы нас кто-то мог побить».

Отрицательное влияние на моральную подготовку к войне оказали сложившиеся ложные стереотипы и представления, которые навязывались армии: «война малой кровью», «война на чужой территории», «несокрушимость РККА» и др. Выступивший на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году нарком обороны К.Е. Ворошилов в радужных тонах характеризовал техническую оснащенность и возросшие боевые возможности Красной армии и флота, подчеркивал их превосходство над самыми мощными армиями капиталистических государств.

Советско-финляндская война обнаружила серьезные недостатки военного и хозяйственного характера в подготовке страны и армии к предстоящим испытаниям. Главный урок, который необходимо было вынести из этой войны, заключался в том, чтобы перестроить всю систему психологической подготовки личного состава

Тематика статей	1940	1941 (январь – июнь)
Боевая и политическая подготовка	137	85
Военное искусство	57	54
Воинская дисциплина	2	8

Тематика статей	август 1941
О ходе боевых действий	80
О героизме советских воинов	79
О разгроме немецких войск	19
Передовой боевой опыт, контрпропаганда	47

Тематика статей	август 1941
Воспитание ненависти к фашистам	22
О победах наших войск	49
Морально-политическое состояние войск	8

Характер публикаций газеты «Красная Звезда»

для ведения современной, маневренной войны, в которой бы был и оставался главным элементом человек.

«Красная Звезда» начала периодически публиковать материалы, освещающие опыт боевого применения войск фашистской Германии, способы ведения боевых действий, характеристики различных видов вооружений. Всего таких статей было опубликовано в 1940 году – 54, в 1941 году – 83 (до 22.06.1941 г.).

Накануне нападения гитлеровцев на СССР был опубликован ряд статей, посвященных истории Первой мировой войны. Всего таких статей газета опубликовала в 1939 году – 56, в 1940 году – 37, в 1941 году (январь – июнь) – 10.

В 1941 году после нескольких лет игнорирования психологических аспектов в военном деле в газете появились статьи, раскрывающие роль морального фактора в современной войне. Рекомендации профессора К. Корнилова «Что такое воля» (28.03.1941 г.), «Как воспитать волю» (01.04.1941 г.), «Как воспитать волю у подчиненных» (5.04.1941 г.) имели, на наш взгляд, боль-

шое практическое значение для офицеров и младших командиров РККА.

Выполняя партийные установки, «Красная Звезда» в статье от 14 июня 1941 года писала, что «слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а переброска германских войск в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами». До войны остается всего лишь одна неделя, а средства массовой информации по воле политического руководства работают над размыванием образа врага в лице фашистской Германии.

Анализ публикаций газеты «Красная Звезда» за июнь – сентябрь 1941 года показывает, что после 22 июня 1941 года наша пресса возвращается к проблемам разоблачения германского фашизма, воспитания высокого чувства ответственности советских воинов за историческую судьбу Родины. С 23 июня 1941 года стали публиковаться статьи, раскрывающие политическую сущность и захватнические цели руководства Германии. Рис. 3 Анализ публикаций после 23.08.1939

1 июля 1941 года «Красная Звезда» писала: «Гитлер, палач Германии и Европы, поставил теперь все на карту. Все! И свою власть, и свой режим, и свою собственную голову, по которой давно уже плачет виселица! Фашистская стратегия – это стратегия оголтелых и потерявших голову авантюристов, одержимых маниакальными вожделениями: господство над всей вселенной, порабощение всех народов мира».

Центральной темой публикаций становятся статьи о формировании морально-психологического превосходства советских воинов над солдатами фашистской Германии. В июле 1941 года этой теме было посвящено четырнадцать статей, двенадцать статей содержали анализ морально-политического состояния германских войск.

4 июля публикуется статья «Спесивые хвастуны из гитлеровской банды». В ней говорилось: «Все знают, что моторы играют огромную роль в современной войне. Есть моторы и у Красной армии. Но решают дело люди. Надо ли указывать на превосходство наших людей? Каждый красноармеец знает, что это бой не на жизнь, а на смерть. Захватчики идут на нас, опьяненные мифом о своей непобедимости. Протрезвление будет страшным». Одним из главных направлений деятельности редакции газеты становится воспитание у воинов Красной армии ненависти к захватчикам. Газета помещает фотографии, информирует о конкретных фактах злодеяний гитлеровцев на захваченных советских территориях.

Тематика публикаций в июле 1941 года количественно выглядит так: информация о ходе боевых действий – 80 статей; о героизме советских воинов – 73 статьи; о разгроме фашистских войск – 19 статей; пропаганда передового боевого опыта – 39 статей; контрпропаганда – 8 статей.

Однако в этот же период июля 1941 года нет ни одной статьи, в которой бы говорилось о поражениях советских войск. Бравый тон, недооценка противника, настрой на быстрое окончание войны – вот характерное для того времени освещение событий центральной военной прессой.

С одной стороны, это порождало у солдат желание быстрее попасть на фронт, с другой – поражения наших войск, встречи с теми, кому довелось испытать до дна всю горечь отступлений, зримая слабая техническая подготовка к войне рождали у тех, кто становился в строй защитников Родины, растерянность и недоумение. Но об

этом газета пока ничего не сообщает.

14 июля 1941 года в передовой статье «Крепи отпор врагу, воин Красной армии» говорилось: «На всем протяжении фронта фашистские войска наталкиваются на организованное сопротивление частей Красной армии. Это сопротивление, которое смешает одну немецкую дивизию за другой, сорвало ставку фашистов на молниеносную войну и приведет к дальнейшему и полному краху авантюристических планов гитлеровской клики». Только 16 июля газета сообщила, что обе воюющие стороны несут большие потери. В августе общий тон газеты остается прежним.

Первого августа газета помещает статью «Растерянность в Германии». Здесь говорится о том, что «после пяти недель боев немецкая печать вынуждена признать высокие боевые качества Красной армии. Русская армия исключительно хорошо подготовлена и обучена для современной войны». «Красная Звезда» в каждом номере пишет о блестящих победах наших войск, а если таковых не оказывалось, то их придумывали.

2 августа публикуется статья «Блестящая операция Н-ской стрелковой дивизии. В бою уничтожено 300 фашистских танков». Но в материале нельзя найти ни одной фамилии, нет ни района боевых действий, ни автора статьи. Здесь явно желаемое выдается за действительное. На всем протяжении начального периода войны газета дышит сложившимися стереотипами предвоенных лет. В статье «Идейная мощь Красной армии» (9.08.1941 г.) утверждается, что «гитлеровские полчища столкнулись в лице Красной армии с войсками, вооруженными самой передовой военной техникой, воодушевленными великой идеей Отечественной войны. Результатом этого столкновения будет полный разгром фашистских орд».

9 августа публикуется статья профессора А. Ерусалимского «Моральное состояние гитлеровского солдата». Автор делает вывод о низком моральном состоянии войск противника. Но основной смысл статьи заключается в попытке разобраться, почему же немецкий солдат не поворачивает оружия против своих генералов. Объективного анализа морально-психологических качеств личного состава германской армии автором не сделано, и, на наш взгляд, этому явно мешает классовый подход к оценке событий и явлений.

Можно лишь предполагать, почему не уделялось внимания серьезному анализу морально-психологического состояния и наших войск в начальный период войны. Выделить здесь можно две тенденции. Первая: анализировать незачем и ни к чему, моральный дух нашего солдата и так высок, другим он и не должен быть! Вторая: жестокий ход войны, нежелание руководства страны говорить народу горькую правду о складывающейся обстановке на фронтах.

В количественном отношении в августе 1941 года тематика публикаций сложилась таким образом: по проблемам воспитания ненависти к фашистам – 22; по пропаганде героических подвигов советских воинов – 65; о победах наших войск – 49; о морально-политическом состоянии войск – 8; о тактике и военном искусстве – 25.

Но боевые действия начального периода войны требовали освещения и решения ряда проблем в морально-психологической подготовке воинов: танко- и самолетобоязнь, психологической стойкости при ведении боёв в окружении и в обороне, поведении воинов при пленении и в плену, методы борьбы с паникой, трусостью и др. К сожалению, в этот период они не нашли должного отражения в «Красной Звезде».

Некоторые выводы

Центральные советские военные периодические издания, безусловно, находились под жестким партийным контролем и не всегда имели возможность публиковать материалы, которых требовала живая практика обучения и воспитания войск. Тем не менее, газета «Красная Звезда» в предвоенные годы отличалась боевитостью, пользовалась большой популярностью в войсках.

Опыт показывает, что армейская печать под руководством политических органов в сложных политических и военных условиях сумела решить задачи морально-политического и нравственного воспитания воинов, мобилизации их на борьбу с германским фашизмом. Газеты оказывали огромное влияние на жизнь и боевую деятельность воинских коллективов.

Из этого следует, что в вооруженных силах необходимы институты и печатные органы, формирующие морально-психологическое состояние личного состава, оказывающие повседневную помощь командирам в выполнении боевых задач. Но они должны быть не аморфными, а наделенными четкими полномочиями в сфере своей деятельности, органично вписываться в структуру армии и флота, иметь свое предназначение как в мирное, так и в военное время. Морально-психологическую подготовка войск нельзя вести в отрыве от политической составляющей. И проводником политики государства являются средства массовой информации. В то же время политический аспект воспитания не может и не должен преобладать над профессиональным.

Если давать оценку современной тематике газеты «Красная Звезда», то ее можно назвать слишком парадной, беспроблемной. Проанализируйте публикации газеты за апрель 2019 года, и вы не найдете ни одной статьи, которая бы поднимала острые проблемы боевой подготовки и воспитания войск.

Политическое и военное руководство страны вне прочих политических и внешнеполитических веяний должно занимать только одну позицию по отношению к Вооруженным Силам РФ – сохранения и поддержания их высокой боеготовности, повышения престижа воинской службы, заботы о высоком моральном духе и психологической подготовке каждого солдата. Современная война потребует воина, готового выдержать невероятные морально-психологические нагрузки на поле боя. Выдержать, чтобы победить!

Вот поэтому мы так пристально всматриваемся в опыт предшествующих поколений. Давайте научимся делать правильные выводы и положим в основание своей работы их богатейший опыт, возьмем то, что требуется для обеспечения безопасности и мирной жизни нашего народа. Новое не может расти без опоры на старое. Надеемся, что Главное военно-политическое управление будет придерживаться именно этой линии.

¹ Н.И. Павленко. Воспоминания историка // Родина. – 2009.- №1.- С. 99

*Светлана Владимировна Малинникова,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(по совершенствованию военно-патриотической работы)*

Материалы американского самолета Локхид У-2 и его пилота Ф.Г. Пауэрса в экспозициях Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации и Центрального Пограничного музея ФСБ России

В следующем году – 1 мая 2020 года исполняется 60 лет с того дня, когда советские средства ПВО 57-й зенитно-ракетной бригады сбили американский самолет-разведчик Локхид У-2. Самолет был сбит по личному указанию руководителя СССР Никиты Хрущева. Его пилот – Фрэнсис Гарри Пауэрс катапультировался и остался жив, и был арестован сотрудниками КГБ.

Самолет вторгся в советское воздушное пространство в 5 часов 36 минут по московскому времени, пересек среднеазиатскую границу со стороны Афганистана, летел на высоте 19 тысяч метров. Двигаться он должен был над территорией СССР до Норвегии и приземлиться в г. Будё, маршрут был длиной 6000 км, из которых 4700 км пролегали над территорией Советского Союза.

В 8 часов 53 минуты Локхид У-2 был сбит советской системой ПВО С-75 в 32-х км восточнее Свердловска. Летчик остался жив, он выбрался из самолета, автоматически открылся парашют. После приземления, Пауэрс был задержан жителями деревни Поварня и села Косулино Асаби-

ным, Суриным, Черемисиным, Чужакиным и др.

Один из жителей – Асабин, вспоминал: «Во время приземления парашютист упал... Чтобы не тащило его парашют по земле, я придержал его и помог погасить парашют, поскольку с этим знаком, так как в прошлом служил в авиации. В это время сюда прибежали мои знакомые Черемисин Анатолий, Чужакин Леонид и Сурин Владимир и помогли парашютисту встать на ноги. Я помог ему снять парашют, Черемисин, Чужакин и Сурин сняли с него шлемофон с каской и перчатки»¹.

Жители доставили задержанного летчика в контору Косулинского совхоза и там передали сотрудникам КГБ по Свердловской области.

Во время обыска у пилота были изъяты советские деньги в сумме 7500 рублей, 48 золотых монет, двое наручных золотых часов, шесть золотых колец, компас, четыре двусторонние матерчатые карты СССР, продукты питания, флягу с водой, средства для разведения костров, белье, рыболовные принадлежности (крючки, лески и т.д.), различные химические препараты, медика-

менты и другие вещи. Изъято было у него так же оружие – пистолет с глушителем, однако в ЦМВС существует только его фото.

Было так же обнаружено обращение на 14 языках, В нем говорилось: «Я американец и не говорю по-русски. Мне нужны пища, убежище и помощь. Я не сделаю вам вреда. У меня нет злых намерений против вашего народа. Если вы мне поможете, то вас вознаградят за это»². (Рис.1)

Это обращение было выдано летчику на тот случай, если ему придется приземлиться на территории других государств, а деньги и ценности, как он показал позднее, нужны были, чтобы использовать их для подкупа людей, которые смогли бы укрыть его от властей и от ответственности.

На всякий случай работники госбезопасности прочесали местность, чтобы убедиться, что других парашютистов нет.

Обломки самолета были разбросаны на площади 20 кв.км. Среди них были обнаружены: бумажник с личными документами Пауэрса, иностранные деньги и различные фотографии, также были найдены обрывки военной топографической карты на английском языке с разными пометками, несколько таблиц и другие печатные издания на английском языке, магнитофонные ленты, фотопленка и большое количество деталей различной аппаратуры, находившейся на самолете.

Во время повторного обыска, в кармане брюк Пауэрса работники КГБ обнаружили булавку, вложенную в металлический чехол. На вопрос, что это за булавка, Пауэрс ответил, что это обыкновенная булавка. Но, когда летчик понял, что ее намерены изъять, предупредил, чтобы с ней обращались осторожно. Оказалось, что булавка содержала в себе сильнодействующий яд. Предполагалось, что в случае провала разведывательного задания летчик воспользуется ею. Кроме того, два взрывных устройства находились в самолете, чтобы можно было взорвать машину и не оставить никаких вещественных доказательств разведывательного полета. Однако и обломки самолета, и пилот оказались в руках советских спецслужб.

Уже во второй половине дня 1 мая пилот был доставлен в Москву и начались его допросы следователями Следственного отдела КГБ СССР.

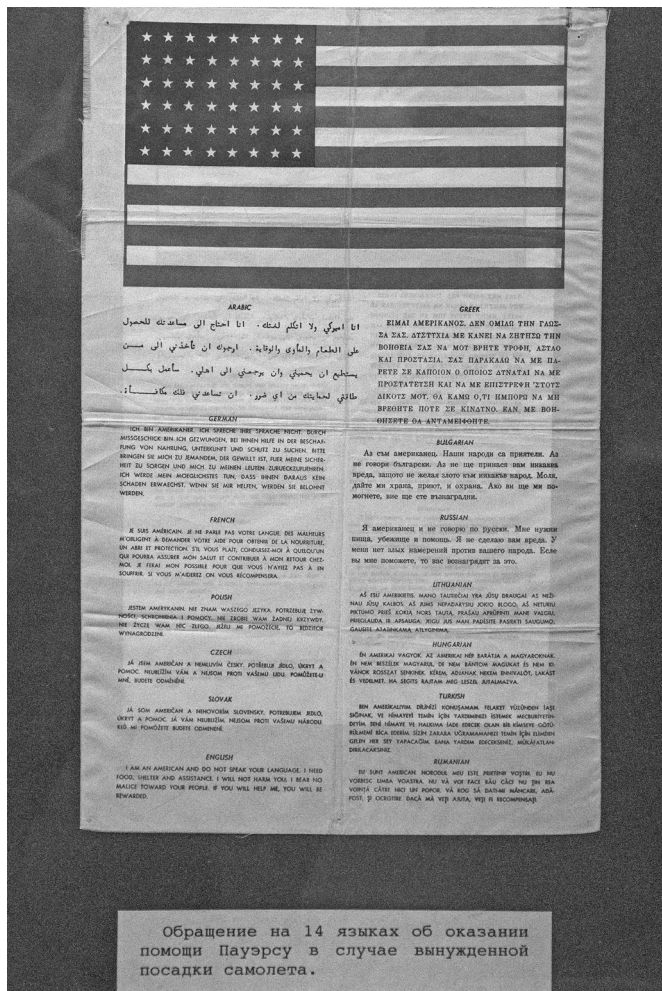

Рис. 1

5 мая 1960 года советским правительством было сделано заявление о нарушении воздушного пространства американским самолетом-разведчиком и о его уничтожении. Представитель государственного департамента США признал, что факт нарушения границы СССР американским самолетом «вполне возможен», но имеет случайный, непредумышленный характер – самолет производил исследование погоды, «брал пробы воздуха» в верхних слоях атмосферы в районе советско-турецкой границы и из-за неисправности кислородного питания пилот сбился с курса.

Но 11 мая в Москве Министерство иностранных дел СССР устроило пресс-конференцию, в которой приняли участие около 500 советских и иностранных журналистов, и выставку остатков шпионского самолета, аппаратуры и снаряжения. Доказательства были неоспоримы, и это повлияло на проведение совещания глав правительств СССР, США, Англии и Франции, где предполагалось рассмотреть важнейшие вопро-

Рис. 2

сы мирного сосуществования государств. Оно не состоялось. (Рис.2.)

Поначалу Пауэрс настороженно вел себя на допросах, неохотно давал показания. Ему сразу же было объявлено, что к нему не будут применять пытки и меры физического воздействия. Следователи были неизменно вежливы на допросах. Однако его сын в интервью говорил о мерах психологического воздействия, например, о допросах по 16 часов в сутки.

Так или иначе, постепенно американский летчик начал давать показания. Он рассказал о том, что в 1950 году добровольно пошел служить в ВВС США. Никогда не интересовался и не принимал участия в политической жизни Соединенных Штатов. У него была мечта: купить дом и иметь собственный автосервис и АЗС. Тех денег, которые ему платили как летчику ВВС на это не хватало, и когда в 1956 году он получил предложение оставить службу в ВВС и перейти на работу в ЦРУ, то, подумав, принял это предложение. Ему было

обещано более высокое денежное содержание и Пауэрс согласился, надеясь заработать денег на свой бизнес. Контракт с ЦРУ он подписал в том же 1956 году. Прошел медкомиссию, переподготовку в штате Невада и под вымышленной фамилией Палмер был направлен в Турцию на военную базу Инджирлик, расположенную вблизи города Адан. На этой военно-воздушной базе размещалось разведывательное подразделение, носившее безликое название «10–10». Подчинялось оно Национальному управлению по авиации и исследованию космического пространства (НАСА).

Находясь на этой базе, по заданию командования Пауэрс на самолете Локхид У-2 периодически совершал разведывательные полеты вдоль границ СССР. Сам он так говорил об этом на допросах: «Мы поднимались с аэродрома Инджирлик и летели на восток до города Ван, расположенного на берегу одноименного озера. После этого брали курс на столицу Ирана — Тегеран и после пролета

над Тегераном летели в восточном направлении южнее Каспийского моря. Затем я обычно пролетал южнее города Мешхед, пересекал ирано-афганскую границу и далее летел вдоль афгано-советской границы. Недалеко от восточной границы Пакистана делался поворот, и по тому же маршруту мы возвращались на аэродром Инджирлик. Позднее стали делать поворот раньше, после углубления на территорию Афганистана примерно на двести миль. Подавляющее большинство полетов производилось в ночное время»³.

Однако сведений, которые давали такие полеты, было мало, и тогда началась подготовка к вторжению в воздушное пространство СССР. Этот полет долго и тщательно планировался. В 1958 году летчику было поручено перегнать самолет из Турции в Норвегию, на аэродром Будё – конечный пункт своего перелета. С ним самим дважды продлили контракт. На самолет перед полетом установили аппаратуру радиотехнической разведки, разведывательный аэрофотоаппарат. Им Пауэрс фотографировал промышленные и военные объекты, во время полета до Свердловска. Чтобы аппаратура не попала в руки советских

спецслужб, около кабины летчика был установлен блок подрыва самолета, предназначенный для ликвидации самолета в воздухе или на земле. Этот блок имел дистанционное управление, и разрушительная сила взрывчатого вещества обеспечивала полное уничтожение самолета, приборов и оборудования. Пауэрс должен был, случае вынужденной посадки или оставления самолета, уничтожить оборудование путем нажатия двух рычагов.

Уже через 6 дней следствия пилоту было предъявлено обвинение в шпионаже. Всего же расследование длилось около 5 недель.

17 августа 1960 года начался судебный процесс, в результате которого Фрэнсис Гарри Пауэрс полностью признан себя виновным, и 19 августа был вынесен приговор: 10 лет лишения свободы, первые 3 года из которых отбывались в тюрьме.

После окончания следственных действий, многие вещественные доказательства стали экспонатами музеев.

Уже в сентябре 1960 года в пограничный музей КГБ СССР поступают изъятые у летчика Пауэрса вещи и предметы.

Рис. 3

Рис. 4

Так, по акту от 9 сентября 1960 года, подписанному следователем Следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР подполковником Гусевым Н.И. и начальником музея пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР полковником Кузьменковым К.И., в музей поступает 15 предметов. Среди них карта полета самолета Локхид У-2, фотоснимки и фотопленка в полном комплекте, индивидуальная аптечка и небольшая сумка с различными медикаментами и химикатами, а также пачка с сигаретами «Кент» (открытая) (Рис. 3).

Следующий акт передачи датируется 12 сентября 1960 года. Его подписывают старший следователь по особо важным делам Следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР майор Васильев В.Я и опять же начальник музея пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР полковник Кузьменков К.И. Теперь уже в музей передается 30 экспонатов. Среди них: куртка на подкладке из искусственного меха, брюки на подкладке из искусственного меха, шапка-ушанка на подкладке из искусственного меха подтяжки зеленого цвета (Рис. 4).

И так далее, перечислена вся его одежда вплоть до нижнего белья. Если же говорить об экспонатах, доказывающих шпионский характер полета, то среди вещей числится аэрофотопленка шириной 240 мм в четырех кусках.

И, наконец, 9 декабря 1960 года из Чекистского кабинета КГБ при Совете Министров СССР старшим референтом майором Солдатовым Г.И. передано в музей пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР еще 15 предметов. Среди них швейцарский перочинный нож, топографическая карта территории СССР на прорезиненном шелке, разборная пила – ножовка.

Рис. 5

Рис. 6

Некоторые из этих экспонатов сейчас являются частью экспозиции Центрального пограничного музея ФСБ России (Рис.5).

Что касается американского летчика, то после вынесения приговора ему была предоставлена возможность встретиться с родными, после чего он был оправлен в тюрьму. Первые три года Пауэрс должен был отбывать во Владимирской тюрьме. 10 февраля 1962 года на мосту Глиникер-Брюкке, соединяющем тогда столицу ГДР с Западным Берлином, советская сторона обменяла Фрэнсиса Гарри Пауэрса на советского разведчика Рудольфа Абея, приговоренного в 1957 году к 30 годам каторжной тюрьмы.

После возвращения в США пилота подвергли тщательному допросу в следственной комиссии, проверке на детекторе лжи. Он был полностью реабилитирован.

В октябре 1960 года Пауэрс подал рапорт об увольнении из ЦРУ и перешел на работу летчика-испытателя самолетов Локхид-У-2. После выхода его книги «Операция «Оверфлайт» в 1970 году был уволен и смог устроиться на работу только пилотом в радиотелекомпанию в Лос-

Анжелесе. Погиб в катастрофе вертолёта 1 августа 1977 года.

Что же касается Центрального музея Вооруженных Сил, то в августе 1961 года из Центрального конструкторского бюро морского самолётостроения при авиационном заводе № 31 (г. Таганрог), главным конструктором которого был Г. М. Бериев, в музей были переданы обломки самолета Локхид У-2. (Рис.6.)

Кроме того, в октябре 1990 года в музей поступили личные вещи старшего лейтенанта Сафронова Сергея Ивановича, летчика, получившего приказ сбить Локхид У-2 и погибшего 1 мая 1960 года.

Недалеко от Свердловска самолет Локхид У-2 вошел в зону действия зенитного ракетного дивизиона, в цель попала первая же ракета, которую выпустил расчет под командованием начальника штаба дивизиона майором Вороновым. Но ракетчики не были уверены, что самолет сбит и по нему были выпущены еще несколько ракет. Одновременно с действиями зенитно-ракетных комплексов, в воздух, на перехват самолета Локхид У-2 были подняты три самолета. В

Рис. 7

Свердловске на аэродроме случайно оказался самолет Су-9 – капитан Игорь Ментюков перегонял его с завода в часть. Его высотный потолок был до 20 тысяч метров. Летчик получи приказ от самого командующего авиацией ПВО генерал-полковника Савицкого Е.Я. подняться в воздух и таранить самолет-нарушитель. Такой приказ был дан, так как вооружения на самолете не было. Для летчика это было равносильно самоубийству, но он взлетел и выполнял приказы по наведению его на цель. Однако цели не увидел и получил приказ вернуться на аэродром, так как заканчивалось горючее.

И тогда в воздух были подняты 2 самолета МиГ-19. Их максимальная высота была на 2-3 тысячи метров ниже, чем у американского, но был поставлен приказ – сбить самолет-нарушитель. В тот день, 1 мая 1960 г., заместитель командира эскадрильи капитан Борис Айвазян и летчик старший лейтенант Сергей Сафронов несли боевое дежурство на военном аэродроме Большое Савино под Пермью. По сигналу боевой тревоги они взлетели в 7 часов 3 минуты, через полчаса приземлились на аэродроме в Свердловске, там самолеты заправили горючим, после чего они взлетели на перехват. Самолет Пауэрса летчики, по воспоминаниям капитана Айвазяна, уже не обнаружили, так как он, к тому времени уже был сбит первой же ракетой. Остальные ракеты были выпущены уже по обломкам. Самолеты попали в зону поражения ракетного дивизиона майора В.Шугаева. Увидев ракеты, ведущий сделал противоракетный маневр и ушел в пике на малую высоту – примерно на 2000 м, к сожалению, ведомый в паре – старший лейтенант Сафронов, сделать этого не успел – его самолет был сбит, а летчик

Рис. 8

Рис. 9

погиб. МиГ-19 Сафронова упал в 10 км от аэродрома, недалеко на парашюте опустилось тело летчика, с большой раной на боку. Он был уже мертв. Сергей Сафронов погиб на виду у многих уральцев – жителей г. Дегтярска, спешивших на первомайскую демонстрацию. Самолет Сергея упал на окраине этого городка. В память о лётчике в городе Дегтярске было установлено два мемориала – один у здания Рудоуправления, второй на месте падения самолёта.

Похоронен был Сергей Иванович Сафронов на на Егошихинском кладбище Перми.

7 мая 1960 года Президиумом Верховного Совета СССР 21 человек были награждены орденами и медалями за уничтожение самолета-шпиона. Старший лейтенант Сафронов был награжден орденом «Красного Знамени», в указе не было сказано, что он награжден посмертно.

В 1960 году Борис Грайрович Айвазян поступает в Военно-воздушную Академию имени Гагарина. Но он не окончил её и в звании майора уволился в запас. Окончил Московский лесотехнический институт, начал работать в КБ

Туполева, закончил аспирантуру. Стал доцентом кафедры вычислительной техники Московского коммерческого института.

Так получилось, что через 8 лет после гибели Сергея Сафронова Борис Айвазян женился на его вдове Анне.

В 1990 году в Центральный музей Вооруженных Сил Борисом Айвазяном были переданы личные вещи погибшего Сергея Сафронова: наручные часы, летные очки, найденные на месте

гибели, кожаный шлемофон, чехол для кислородной маски, планшет для карт. (Рис. 7)

Часть этих вещей и сейчас можно увидеть в экспозиции 20 зала Центрального музея Вооруженных Сил. (Рис.8, Рис.9).

На площадке военной техники нашего музея, прямо справа от выхода на нее, можно увидеть и зенитно-ракетную установку С-75, аналогичную той, которой в 1960 году был сбит самолет «Локхид У-2».

¹ Чистяков Н.Ф. По закону и совести. М., 1979. С. 145.

² Там же, С. 146.

³ Там же, С. 160.

1. Материалы фондов ЦМВС РФ Минобороны России.

2. Материалы фондов Центрального Пограничного музея ФСБ России.

3. http://militera.lib.ru/memo/russian/chistyakov_nf/05.html

4. <http://russia-armenia.info/node/27050>

5. https://life.ru/t/войны/1112856/skandal_vieka_kak_sovietskie_sriedstva_pvo_sbili_amerikanskii_samoliot-nievidimku

6. <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/k-r/1990/10-operatsia.html>

7. https://www.e-reading.by/chapter.php/100151/30/Shutkin_-_Aviakatastrofy_i_priklyucheniya.html

8. <https://rusbereza.ru/gazeta/7306>

9. http://permnecropol.ucoz.ru/index/safronov_si/0-39

*Ойбек Анварович Махмудов,
Республика Узбекистан, Ташкент,
Институт истории Академии наук
Республики Узбекистан, докторант,
кандидат исторических наук*

«Церемониальный марш и скромный завтрак завершили день утверждения Великой России на пути к Гиндукушу»: Шаджанский и Памирский отряды в 1892-1894 гг. (по архивным материалам)

Одной из ярких страниц истории Российской императорской армии были «памирские походы» 1891-1895 гг. завершившие процесс «расширения» Российской империи и возглавляемые полковником, а затем генерал-майором Михаилом Ефремовичем Ионовым.

По англо-русскому соглашению 1872-1873 гг. территория Памира к северу от Пянджа считалась сферой влияния Российской империи. Но, в 1883 году западнопамирские владения Шугнан, Рушан, а также Вахан были захвачены афганцами, чем нарушался принцип англо-русского соглашения 1873 г. Хотя Россия выразила свой протест, но тогда была более актуальна проблема решения проблемы Мерва, и вопрос о памирских владениях в то время не был разрешен¹, хотя Империя и продолжала считать эти территории в своей зоне влияния.

Долгое время вопрос о Памире не привлекал особого внимания российских властей Туркестана. Это было связано, прежде всего, с тем, что об этих областях было мало что известно, кроме их названий², в чем Россия очень сильно отставала от англичан, которые на десяток лет раньше начали

изучение памиро-гиндукушского региона. Хотя в 1877-78 гг. северные районы Памира посетила экспедиция Н.А. Северцова, это мало что изменило. Первой реальной попыткой получить точные сведения была Большая Памирская экспедиция 1883 г. возглавляемая капитаном генерального штаба Д.В. Путятою³. Она дала довольно много данных, но, все же недостаточно, чтобы привлечь интерес российских властей к этому далекому региону.

Только после того, как начали приходить сведения что англичане стремятся поделить этот регион между Афганистаном и Китаем, чтобы придвинуть зону своего влияния ближе к Туркестану и подальше от Британской Индии, имперскими и туркестанскими властями, наконец, было осознана геостратегическая важность памирского региона и опасность утверждения здесь китайцев и афганцев, а фактически установления зоны влияния Англии на пороге Ферганской долины. Дабы разрушить планы Англии, сюда был отправлен отряд русских войск, во главе которых был поставлен полковник М.Е. Ионов⁴.

Во время первого похода российских войск на Памир в 1891 г. местное население в основном

радостно приветствовало их приход. За это они заплатились, так как возвратившиеся китайские и афганские войска начали подвергать репрессиям местное население, так радостно приветствовало русские.

Видя, что результаты похода 1891 г. были сведены к нулю, Туркестанский генерал-губернатор, с согласия Петербурга, предпринимает ряд мер. Важнейшей из них была посылка на Памир рекогносцировочной партии под командой поручика И.А. Бржезицкого⁵. Но она, конечно же, не могла решить проблему утверждения «державных прав» России на Памире.

Поэтому, весной 1892 г. на Памир был вновь послан отряд русских войск, во главе которых вновь был поставлен полковник М.Е. Ионов. На этот раз отряд состоял из более крупных сил: четыре роты пехоты, три сотни казаков, артиллерия и саперы. Китайцы ретировались. Афганцы у оз. Яшиль-куль тщетно пытались оказать сопротивление и были полностью разгромлены, многие из афганских солдат, включая командира, погибли. Император Александр III после сообщения об этом бое собственноручно написал на депеше с этим сообщением «не мешает иногда и проучить»⁶.

Дабы не повторялась ситуация как после ухода с Памира русских войск в 1891 г. на прошедшем 24 августа 1892 г. в Санкт-Петербурге Совещании по Памирскому вопросу было решено оставить зимовать в центре Памира отряд «снабдив его всем необходимым на весь период до лета будущего года и обеспечив, по возможности, его сообщением с Ферганой»⁷. На основании решения этого Совещания на Памире с 1 сентября 1892 г. был оставлен особый Шаджанский отряд под начальством Капитана Генерального Штаба Кузнецова. Численность отряда была следующая: офицеров 7, врач 1, нижних чинов пехоты 172, казаков 44 и джигитов 26⁸.

Вот что писал о значении пребывания русских войск на Памире Туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский: «На основании опытов предыдущих лет можно безошибочно сказать, что если бы и в этом году, по уходе с Памира нашего отряда, под начальством Полковника Ионова, не был оставлен для фактического занятия этой территории, сравнительно значительный по своему составу, Шаджанский отряд, то опять не замедлили бы появиться на Памирах китайские и афганские войска, которые по свое-

му обыкновению, произвели бы жестокую расправу со всем местным туземным населением, безразлично имевшем или не имевшем с нами каких-либо сношений»⁹.

Оставление Шаджанского отряда, явилось началом славной истории Российского Памирского отряда, существовавшего здесь до 1918 г.

В настоящей работе будет рассмотрена деятельность Шаджанского и Памирских отрядов с 1892 по 1894 гг., т.е. до проведения т.н. «Памирского разграничения» в 1895 г. после которого порядок действий и пребывания российского Отряда на Памире был изменен. Все это будет сделано на основании годовых отчетов начальников этих отрядов и других архивных документов. Не претендуя на полноту охвата всех сторон жизни и деятельности этих отрядов, я попытаюсь осветить основные моменты их истории и деятельности.

Итак, за период с 1892 по 1894 гг. на Памире были сменены три отряда. В период с 1 Сентября 1892 г. по 16 Сентября 1893 г. на Памире находился Шаджанский отряд возглавляемый капитаном Генерального штаба Поликарпом Алексеевичем Кузнецовым. 26 Апреля 1893 г. на Памир пришел Сменный Памирский отряд под командою капитана Василия Николаевича Зайцева, находившейся здесь по 18 Октября 1894 г. и сменный отряд под командованием капитана Генерального штаба Александра Генриховича Скерского.

Мной здесь хотелось бы рассмотреть начальный период пребывания российского отряда на Памире. Для этого мной будет рассмотрена жизнь и деятельность Шаджанского отряда капитана П.А. Кузнецова и Сменного Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева.

Основными источниками для этого являются годовые отчеты начальников этих отрядов, а также ряд других архивных документов.

1 Сентября 1892 года из состава Памирского отряда был выделен особый Шаджанский отряд под начальством генерального штаба капитана П.А. Кузнецова, которого поручик И.А. Бржезицкий с симпатией назвал «премилой личностью», в частном письме к полковнику М.Е. Ионову¹⁰. Численность отряда следующая: офицеров 7, врач 1, нижних чинов пехоты 172, казаков 44 и джигитов 26. Цель и назначение отряда были определены специальной «Инструкцией Начальнику Шаджанского отряда»¹¹ утвержденной

Командующим войсками Туркестанского военного округа 28 октября 1892 года.

Основной целью Шаджанского отрядом было согласно Инструкции «оберегать спокойствие и безопасность на Памирах и ограждать местное население от грабежей и насилий». Указывалось, что отряд не должен был переходить на левый берег р. Мургаб, основным же районом деятельности являлась территория к востоку и северу от Мургаба, хотя с помощью разъездов следовало наблюдать за остальными местностями Памира вплоть до границ Рошана и Шугнан, куда заходить им было запрещено. При появлении «значительных сил китайцев или афганцев» отряд должен был, преимущественно мирными путями, «удалиться» на свою территорию. Большое значение уделялось и разведывательной деятельности отряда. Как начальник военной части, начальник отряда имел права командира отдельного батальона, а по управлению местным населением права уездного начальника. При этом как в военном, так и административном отношении подчинялся Военному губернатору Ферганской области¹².

5 апреля Шаджанский отряд был усилен 20 казаками и одним офицером.

Отряд имел несколько напряженные отношения, как с китайцами, так и с афганцами. Они стремились всячески давить на отряд и на поддерживавшее его местное население. Например, 12 января 1893 г. из Тагармы, от вновь назначенного сюда китайского начальника Лиджана в отряде было получено письмо, в котором он предлагал немедленно уйти с Памира. Разведка донесла также, что китайцы здесь усилились на 30 человек и имели намерение угнать в китайские пределы недавно возвратившихся на Ак-таш киргиз. Для того чтобы помешать этому сюда, в устье р. Истык был поставлен пост в составе 5 казаков и 3 джигитов под командованием урядника и послан в это же направление офицерский разъезд. В результате планы китайцев были разрушены¹³.

Благодаря осторожным действиям разъездов отряда, были ограждены от произвола жители Рушана, а его восточная часть была фактически занята русскими войсками.

Китайцы продолжали давить на Шаджанский отряд и местных жителей. Так они стали распространять слухи, что 5 тысяч китайского войска скоро войдут на Памиры. Но начальник отряда

П.А. Кузнецов не поддавался на провокацию. А поверивших в это местным жителям он в своем приказе объявил что «до тех пор пока на Памирах есть хоть один русский солдат, ни кто не посмеет безнаказанно тронуть даже один волос на их головах и им бояться совершенно нечего»¹⁴. И таких случаев давления и провокаций было множество. Но Шаджанский отряд, несмотря ни на что не твердо отстаивал интересы Российской империи на Памире.

Вот один из примеров действий чинов Шаджанского отряда. 14 мая, рано утром на перевале Сардым появилось 60 китайцев. С Истыкского поста выехали им навстречу 6 казаков и 2 джигита под начальством урядника. Увидев приближающихся казаков, один из китайцев выстрелил в них. Казак бросился на стрелявшего и отобрал у него винтовку в момент ее перезарядки. Остальные китайцы бросились бежать к Ак-ташу. Преследуя бегущих до самого Ак-Таша, они встретили новую сотню китайцев и вынуждены были отступить к Истыку. Узнав о произошедших событиях на Ак-таш был отправлен летучий отряд в 20 казаков. Но еще до их прибытия китайцы бросив все награбленное ретировались. Истыкский пост был усилен до 12 человек¹⁵.

В результате этих решительных действий, китайцы больше не пытались вернуть свою власть на Ак-таш, а фактически признали своей границей Сарыкольский хребет и к лету напряженность на китайской границе снизилась.

После возвращения в Фергану в середине сентября 1893 г., Командующий войсками Ферганской области в своем приказе отметил, что благодаря начальнику отряда капитану П.А. Кузнецову все чины вернулись в хорошем здоровье и имели хорошее питание. Отмечалось, что больных почти не было. За все это и успешное выполнение поставленных задач начальнику Шаджанского отряда и всем его подчиненным была объявлена «сердечная благодарность»¹⁶. Все действия капитана П.А. Кузнецова были также одобрены Командующим войсками Туркестанского военного округа и Военным министром¹⁷.

На смену Шаджанскому отряду капитана П.А. Кузнецову на Памир был отправлен Сменный Памирский отряд под командой капитана 4 Туркестанского линейного батальона Василия Николаевича Зайцева. Этот отряд был сформирован по распоряжению Командующего войсками

Туркестанского военного округа приказом за № 93 по войскам Ферганской области от 1 апреля 1893 г. Согласно вышеупомянутого приказа он состоял из 160 человек нижних чинов, 40 казаков Оренбургского казачьего полка № 6, 9 офицеров и 1 врач. Кроме того, в отряд входили взвод конно-горной батареи, ракетный взвод и 15 нестроевых нижних чинов¹⁸. Позже, приказом от 4 августа Отряд усилили тремя пулеметами под командой штабс-капитана Баньковского. К январю 1894 г. отряд В.Н. Зайцева насчитывал 8 обер-офицеров, 139 нижних чинов, 39 казаков¹⁹.

Главной целью Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева было «оберегать спокойствие и безопасность на Памирах и ограждать местное население от грабежей и насилия». Основой для действий Отряда была все та же «Инструкция Начальнику Шаджанского отряда».

Из Оша на Памир отряд выступил 29 апреля 1893 г., а уже 18 мая прибыл в урочище Шаджан. Здесь он расположился в походных палатках прикрытых сверху кошмами²⁰.

Хотя, Памирский отряд и прибыл на смену Шаджанского отряда, но в период с 18 мая по 26 августа оба отряда пребывали на Памире вместе. Капитан П.А. Кузнецов также на этот период продолжал осуществлять управление местным населением и политической частью.

Этот период начальник Памирского отряда В.Н. Зайцев использовал для того чтобы на месте познакомиться с ситуацией на Памире. В том числе начальник отряда лично осмотрел берега озера Ранг-куль и район Акташ, с прилегающими перевалами. При этом, не забывалось и военная подготовка чинов отряда. Как сообщается в отчете В.Н. Зайцева, в июне 1893 г. были произведены учения ракетного взвода. Стрельбы боевыми ракетами дали прекрасный результат по результативности поражения целей. 24 июня 1894 г. вторая рота 4 Туркестанского батальона была вооружена новейшей трехлинейной винтовкой образца 1894 г. Солдаты уже к 19 июля были вполне обучены правилам сборки и разборки, чистки и сбережения нового оружия. Были произведены учебные стрельбы, в том числе и с маневрированием²¹.

Еще до ухода Шаджанского отряда смотр обоим отрядам произвел специально прибывший на Памир Командующий войсками Ферганской области генерал-майор А.Н. Повало-Швейковский.

Он остался очень доволен осмотром, о чем и объявил в приказе по войскам области от 1 сентября 1893 г.: «боевая подготовка всех частей и воинский дух их стоят на такой высокой степени, что части эти во всякое время могут быть употреблены в дело с полною уверенностью в успехе»²².

22 июля 1893 г. был заложен первый камень в фундамент Памирского поста, место для которого было выбрано специальной комиссией в присутствии полковника М.Е. Ионова на правом берегу р. Мургаб недалеко от его впадения в Ак-байтал. День начала постройки поста совпал с днем тезоименитства императрицы Марии Федоровны. Был проведен всеобщий парад и был заложен первый камень. Вот как это событие описано самим В.Е. Зайцевым: «Залпы из орудий и ракетных станков при возгласе “Да здравствует Государь Император – Государыня Императрица!» возвестили Памиру о прочном занятии его. Народный Гимн и громогласное ура сотен голосов далеким эхом отозвались в окрестностях Мургабских гор. Церемониальный марш и скромный завтрак завершили день утверждения Великой России на пути к Гиндукушу»²³. Для него и других чинов отряда это, несомненно, было символическое действие.

К 1 Ноября основные работы на Памирском посту были закончены. Также были обустроены посты Ранг-кульский, Кударинский, Истыкский, Музкольский, Ак-байтальский и Мургабский²⁴.

Помимо чисто военных мероприятий, Памирский отряд занимался и опытами с посадкой сельскохозяйственных растений. Так, на высоте 11 тыс. футов 7-9 апреля 1894 г. был произведен для опыта посев пшеницы и ячменя на участке в 1000 кв. сажень, а 15 мая был засеян второй участок в 500 кв. сажень пшеницей, рожью, репой, кукурузой и бобами. Помимо этого, недалеко от поста Памирского был разведен огород, где для опыта посадили капусту, редьку, картофель, лук, клевер и ячмень. Как сообщал в своем отчете В.Н. Зайцев о результатах этих опытов, «к 20-му Августа весь ячмень созрел и дал урожай, при пробном умолоте сам десять; репа, которую туземцы особенно любят, дала плоды средней величины; пшеница, рожь, кукуруза и бобы захвачены ранними заморозками и сжаты без зрелого колоса на солому... Пробные посадки на огороде доказали, что на высоте поста можно разводить: капусту, картофель, лук и редьку. Клевер поднялся до 6-ти вершков и может дать не более од-

ного сбора. Редис и репа успели отцвести и дать семена. Капуста за поздней посадкой на гряды в 1894 г. не успела свернуть кочень»²⁵.

В 1894 г. частям Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева пришлось активно поучаствовать в действиях по охране западнопамирских владений и их жителей от афганцев. Так по сообщению генерал-майора М.Е. Ионова 22 июля им было «предписано Капитану Зайцеву выдвинуть одну полуроту и 12-ть казаков под командой капитана Этингена к перевалу Кой-тезек. Этот отряд должен был служить ближайшею поддержкою рекогносцировочных партий и обеспечивал их связь с Мургабом от покушений афганцев прервать таковую движением из Вахана через перевал Мас к Тогуз-Булаку»²⁶

Пребывание Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева на Памире было окончено 28 сентября, когда отряд двинулся в Ош, куда и прибыл 16 октября²⁷. На смену отряду Зайцева на Памире был оставлен Памирский отряд капитана Скерского.

Если в Шаджанском отряде не было потерь, то в Памирском отряде капитана В.Н. Зайцева за время пребывания на Памире умерли 3 человека. Один на Посту Памирском вскоре после прибытия туда штаба отрядов, один в Хоробе и еще один при возвращении с Памира в г. Ош. По при-

бытии в Ош в отряде оказалось значительное число больных. М.Е. Ионов это объяснял тем, что отряд пробыл на Памире полтора года и силы людей были уже несколько подорваны²⁸.

Следует отметить, что благодаря деятельности и пребыванию обоих отрядов на Памире, было упрочено положение Российской империи в этом труднодоступном регионе. Успешные зимовки обоих отрядов убедили в возможности постоянного пребывания здесь войск, чины которых регулярно сменяли. Первоначально каждый год, а позже через два-три года.

Но что особенно важно, пребывание русских войск на Памире несло надежду местному населению на освобождение от афганских угнетателей. Да и со стороны чинов отряда существовала симпатия к местным жителям. Именно благодаря деятельности Памирского отряда, началось постепенное улучшение быта и условий жизни местного Памирского населения. Были распространены новые сельхоз культуры, открыта школа и стала оказываться медицинская помощь. Конечно, все это будет достигнуто несколько позже, но основы были заложены пребыванием и деятельностью отрядов под командование капитанов П.А. Кузнецова и В.Н. Зайцева.

¹ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 17. Л. 236.

² РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 39. Л. 2об-3.

³ Об этой экспедиции см.: Махмудов О.А. «...Все было против нас»: Большая памирская экспедиция 1883 года (пребывание и деятельность на восточном Памире) // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой, 2018: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2018. С. 503-518.

⁴ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 893. Л. 38об.

⁵ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 17. Л. 56-57об. Записку И.А. Бржезицкого об этой «рекогносцировке» см.: НА РГО. Разряд. 74. Оп. 1. Д. 3.

⁶ РГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 17. Л. 230.

⁷ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 1. Д. 7. Л. 4об.

⁸ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 861. Л. 38-38об.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 862. Л. 77.

¹¹ См.: ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 4. Д. 37. Л. 47-48. Текст этого документа полностью опубликован: Махмудов О.А. Источники, свидетельствующие об установлении власти Российской империи на Памире в конце XIX в. // O'zbekiston tarixi. 2017. № 4. С. 55-62.

¹² Махмудов О.А. Источники, свидетельствующие об установлении власти Российской империи на Памире в конце XIX в. // O'zbekiston tarixi. 2017. № 4. С. 59-61.

¹³ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 2. Д. 1. Л. 12об-13.

¹⁴ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 2. Д. 1. Л. 13-17об.

¹⁵ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 2. Д. 1. Л. 20-22.

¹⁶ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 2. Д. 1. Л. 23об-25об.

¹⁷ РГВИА. Ф. 5369. Оп. 2. Д. 1. Л. 25об-26.

¹⁸ АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 12. Л. 4

²⁰ АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-1об.

²¹ АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об-2.

²² АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

²³ АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об-3.

²⁴ АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

²⁵ АВ ИВР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

²⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 12. Л. 8об.

²⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 12. Л. 30.

²⁸ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 12. Л. 31об-32.

*Лариса Александровна Мартынова,
Россия, Балашиха, «Музей Войск ПВО»
филиал ФГБУ «ЦМВС РФ» Минобороны России,
старший научный сотрудник*

История создания и развития Музея войск ПВО

В 1969 году главнокомандующим Войсками ПВО страны Героем Советского Союза Маршалом Советского Союза Батицким Павлом Федоровичем было принято решение о создании Музея Войск ПВО страны. Была образована комиссия, председателем которой был назначен дважды Герой Советского Союза маршал авиации Савицкий Евгений Яковлевич.

Первоначально предполагалось разместить музей в г. Москве на нынешней улице Сергея Радонежского. После осмотра помещений маршал авиации Савицкий, со слов его водителя, отказался от этой идеи и предложил построить специальное здание для музея в пос. Заря (в настоящее время микрорайон Заря города Балашихи).

Для размещения Музея войск ПВО был выбран проект главного архитектора в/ч 33859 служащей СА Глазуновой Р.З. (проект здания боевой славы). Здание получило обозначение «сооружение 42» и было построено в 1975 году.

В 1977 году были завершены работы по оборудованию и созданию экспозиции музея.

В музее хранится протокол заседания ученого совета ЦМВС от 30 августа 1977 года, в котором

приняли участие 32 сотрудника ЦМВС вместе с начальником музея полковником Терентьевым В.Д. Повестка: «О состоянии экспозиции Музея истории Войск ПВО страны и готовности ее к открытию». Было отмечено, что «оформлена экспозиция на высоком эстетическом уровне...».

Музей войск ПВО был сформирован в соответствии с решением министра обороны СССР от 24 января 1978 г. и во исполнение директивы начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР от 28 января 1978 г. № 314/7/46. Директивой был утвержден штат №50/513 численностью 1 военнотрудовой и 11 рабочих и служащих (не включая охрану).

15 марта 1978 г. в соответствии с директивой Главного штаба Войск ПВО страны №665/151 от 28.2.1978 г. был сформирован Музей Войск Противовоздушной Обороны страны по штату №50/861. Штат предусматривал 12 человек, включая начальника музея в должности подполковника. В директиве отмечалось: «считать 15 марта днем формирования музея – юбилейным днем».

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2006 г.

№516-р федеральное государственное учреждение «Музей Войск противовоздушной обороны» реорганизовано в федеральное государственное учреждение культуры и искусства «Музей войск ПВО» Министерства обороны Российской Федерации.

На основании приказа Министра обороны Российской Федерации от 26 мая 2012 г. №1327 «О реорганизации федеральных государственных (бюджетных) учреждений Министерства обороны Российской Федерации» Музей войск ПВО стал филиалом ФГКУ «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации.

Первых посетителей музей принял 4 апреля 1978 г.

С тех пор прошло более 40 лет. Коллекция музея значительно выросла и изменилась. На сегодняшний день в музее собрано около 16 тыс. экспонатов, включая более 400 единиц боевой техники и вооружения. Экспозиция музея размещена в двух залах первого и второго этажей общей площадью 900 м², а также на смотровой площадке под открытым небом, размер которой превышает 2100 м². Она отражает все этапы создания и развития Войск противовоздушной и воздушно-космической обороны.

Отмечу отдельные вехи в истории музея, которые имели определяющее значение для его развития и совершенствования.

До 1990-х годов в экспозиции музея были представлены материалы, за исключением нескольких предметов, по истории Войск против-

воздушной обороны начиная с 1917 года. С 1995 года совместно с военно-исторической группой Главного штаба Войск ПВО проводилась работа по изучению архивных документов, отражающих зарождение и развитие воздушной обороны России в годы 1-й мировой войны (1914 – 1917 гг.). В 1996 году началось создание новой экспозиции.

В 2004 году на основании новых источников и документов историки пересмотрели саму дату возникновения войск противовоздушной (воздушной) обороны.

История Войск ПВО начинает свой отсчет с 17 (30) ноября 1914 г. В этот день главнокомандующий 6-й армией генерал-адъютант К. П. Фандер-Флит подписал приказ № 90 о вступлении в силу «Инструкции по воздухоплаванию в районе VI армии». С целью объединения действий летчиков и войсковых частей инструкция предусматривала введение должности начальника воздушной обороны Петрограда. На нее был назначен начальник Офицерской электротехнической школы генерал-майор Г. В. Бурман. Инструкция вступила в силу 25 ноября (8 декабря по новому стилю) 1914 г., дату 8 декабря теперь принято считать днем начала организационного строительства воздушной (противовоздушной) обороны России.

В начале Первой мировой войны начали определяться и прообразы родов войск ПВО. Наряду с авиацией и артиллерией создавалась и совершенствовалась служба воздушного наблюдения, оповещения и связи, которая легла в основу соз-

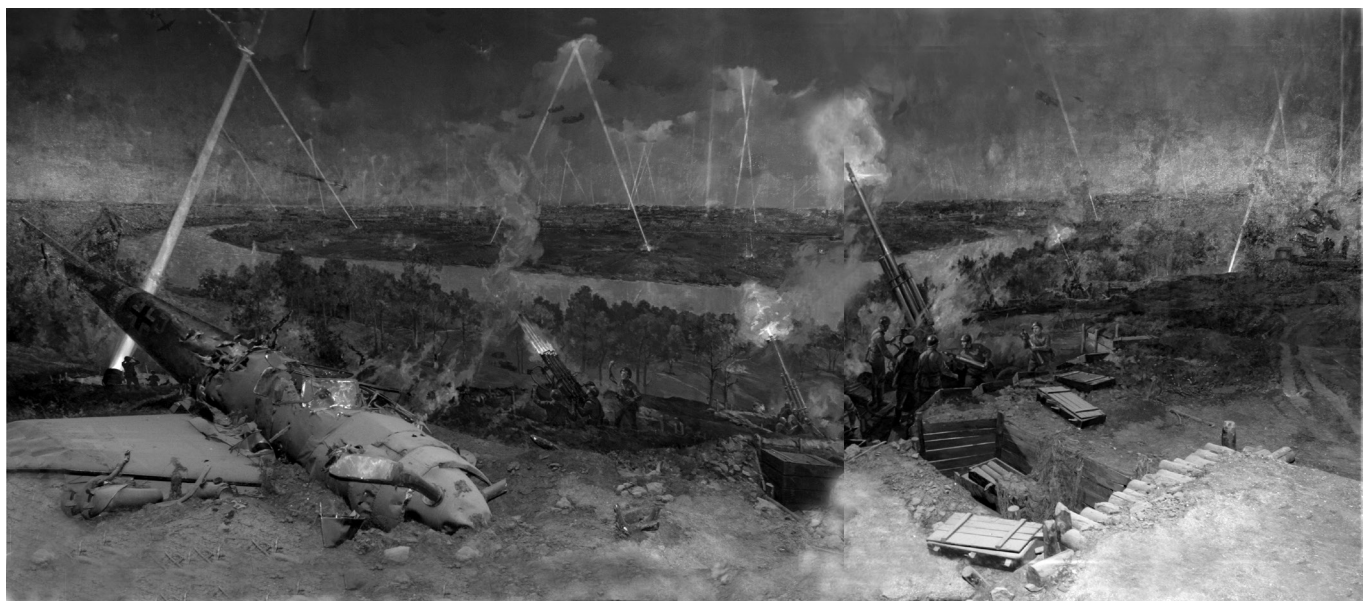

Рис. 1. Диорама.

Рис. 2. Зал № 1.

дания войск ВНОС, а также стала прародительницей сегодняшних радиотехнических войск.

Экспозицию дополнили копии новых уникальных документов. В их числе – инструкция «Постам из нижних чинов для наблюдения за небосклоном» от 12 мая 1915 года. Без этих материалов экспозиция была неполной.

Самый большой раздел экспозиции посвящен Великой Отечественной войне. (Рис. 1)

С начала создания музея центральное место в первом зале занимает диорама заслуженного художника РСФСР А.Н. Семенова, посвященная отражению первого массированного налета немецко-фашистской авиации на Москву в ночь на 22 июля 1941 года.

В последующие годы были собраны и представлены в экспозиции зала материалы, которые никого не оставляют равнодушным, привлекают всех посетителей без исключения.

Сержант С.С. Полуэктов потерял в бою за Сталинград обе руки, но не пал духом, победил свое увечье и стал художником.

В экспозиции можно увидеть фронтовые фото Народного артиста СССР известного клоуна и киноактера Ю.В. Никулина, который в рядах Войск ПВО защищал Ленинград.

Герой России И.А. Леонов потерял в битве на Курской дуге руку до плечевого сустава, но сумел научиться летать благодаря самодельному протезу. Половину вылетов в годы войны он совершил, будучи с одной рукой. В 1995 году он был удостоен звания Героя России.

Трагична судьба защитника Ленинградского неба капитана Иринея Беляева. За совершенные подвиги капитан Беляев 2 июля 1943 года был

Рис. 3. Зал № 2.

представлен к званию Героя Советского Союза, но 8 июля его самолет был подбит над территорией, занятой противником, и в личном деле летчика появилась запись «с боевого задания не вернулся». Жена капитана Беляева Александра Федоровна и его дети более сорока лет разыскивали место гибели мужа и отца, посещали места боев, связывались с поисковыми отрядами. В результате было найдено место падения самолета Беляева и капсула-медальон с данными, подтверждающими личность летчика. Справедливость восторжествовала. В 1991 году капитану Беляеву И.Ф. было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. В витрине - брошюра о летчике-истребителе Беляеве, выпущенная в блокадном Ленинграде в 1943 году, его дневник, открытка с фронта, поздравительная телеграмма жене Беляева от Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д.Т. Язова и другие материалы.

В экспозиции музея отражены судьбы других воинов ПВО, чьи биографии стали легендой.

Завершает экспозицию первого этажа Книга памяти в двух томах, на страницах которой размещены фотографии и биографии фронтовиков – жителей нашего микрорайона. Над созданием этой книги на протяжении двух лет трудился коллектив ветеранов совместно с сотрудниками нашего музея.

9 мая 1998 года Книга памяти передана на хранение в Музей Войск ПВО. Каждый посетитель обязательно подойдет и полистает ее.

Экспозиция второго зала посвящена развитию Войск ПВО в послевоенный период. Немало места в ней отведено несению боевого дежурства по защите воздушных рубежей нашей Родины

ны, а также участие воинов противовоздушной обороны в локальных конфликтах в Корее, на Кубе, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Афганистане и в Сирии. (Рис. 2-3)

С середины 1990-х годов коллектив музея пошел по пути создания экспозиции по истории предприятий и учреждений ВПК – разработчиков и создателей боевой техники и вооружения для Войск ПВО: НПО «Алмаз», МКБ «Факел», МНИИ «Агат», корпорация «Фазотрон – НИИР», МКБ «Вымпел» и многих других, а также материалы о конструкторах. Эти экспонаты также вызывают немалый интерес у гостей музея.

Значимым для музея был 1997 год. К 30-летию создания войск противоракетной и противокосмической обороны (впоследствии войск ракетно-космической обороны) была создана экспозиция по истории этого рода войск ПВО. Длительное время предназначение этих войск, фамилии командующих, ученых и конструкторов оставались тайной. Только в 90-е годы был снят ряд цензурных ограничений. Как следствие – недостаток материалов, отсутствие документов. Экспозицию создавали с нуля.

Встретились со всеми командующими родом войск, с создателями систем, установили контакты с различными научно-исследовательскими учреждениями, которые участвовали в разработке и создании техники и вооружения войск ПРО и ПКО. В первую очередь мы представили в экспозиции фотографии, документы тех людей, кто стоял у истоков создания рода войск – военных, ученых, конструкторов. По мере поступления материала совершенствовали экспозицию – дополняли новыми фотографиями, макетами радиолокационных станций, комплексов систем ПРО, ПРН, ККП. 4 марта 1961 года впервые в мире противоракетой В-1000 с осколочно-фугасной боевой частью была уничтожена в полете головная часть баллистической ракеты Р-12, обломки которой мы разместили в экспозиции. Сегодня этот раздел вызывает особый интерес посетителей.

В 1997 году экспозиция смотровой площадки музея пополнилась новой техникой, в том числе пусковой установкой ЗРС С-300ПТ. В этот период (1995-2000гг.) руководил музеем подполковник Носовский Геннадий Петрович.

В последующие годы продолжалась работа по совершенствованию экспозиции, и сегодня в музее представлена полная линейка антенных

постов станций наведения ракет таких советских зенитных ракетных систем как С-75, С-125, С-200 и С-300ПТ, а также рабочие места боевых расчетов: шкаф оператора выбора цели и пуска ракет ЗРС Б-200М ЗРС С-25, шкаф офицера наведения ЗРК С-75М «Волхов» («Волга»), аппаратура кабины УНК зенитного ракетного комплекса С-125, автоматизированное рабочее место пункта боевого управления зенитной ракетной системы С-300ПТ. (Рис. 4)

Одна из актуальных задач музея – отразить в экспозиции воинские подвиги не только в годы войны, но и в послевоенный период с целью воспитания на их основе защитников Родины.

Среди представленных экспонатов – личные вещи и документы дважды Героя Советского Союза маршала авиации Е.Я. Савицкого. В 1948 году он был назначен командующим истребительной авиацией ПВО. Савицкий был одним из пионеров отечественной реактивной авиации. Именно он предложил идею высшего группового пилотажа на реактивных самолетах, блестяще воплощенную на многих воздушных парадах.

Значительный вклад в создание и развитие Войск ПВО страны внес Маршал Советского Союза П. Ф. Батицкий. Имя Павла Федоровича историки связывают с расцветом ПВО как вида Вооруженных Сил и повышением их стратегической роли в оборонной мощи страны. Фондовая коллекция Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Батицкого Павла Федоровича является самой крупной в музее. Она насчитывает свыше 400 единиц хранения. Коллекция включает все награды, личные документы, письма, предметы обмундирования и снаряжения, многочисленные фотографии и фотоальбомы, а также подарки и предметы изобразительного искусства.

Важную часть экспозиции занимают материалы о жизни и деятельности генерального конструктора системы противоракетной обороны Героя Социалистического Труда генерал-лейтенанта Кисунько Григория Васильевича.

Важный импульс музейной работе дают мероприятия, посвященные юбилейным датам. В 2007 году коллектив музея провел тематический вечер, организовал выставку, посвященные 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Байдукова Георгия Филипповича. В итоге фонды музея пополнились многочисленными реликвиями из семейного архива.

Рис. 4. Антенные посты ЧНР ЗРК С-75, С-125, С-300, С-200.

В 2010 году аналогичные мероприятия были посвящены 100-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Батицкого П.Ф. и маршала авиации Савицкого Е.Я. Были организованы выставки, которые позволили познакомить многих военнослужащих, а также допризывную молодежь с героической судьбой этих талантливых военачальников.

В работе музея важное место занимает выставочная деятельность. В музее созданы передвижные выставки «Всегда в боевой готовности» и «Фотографии огненных лет». Начиная с 1983 года сотрудники музея посетили сотни различных организаций в разных регионах России, стран СНГ. Расцвет выставочной работы приходится на период работы (с 1984 по 1991 гг.) в должности начальника музея полковника Никола Александровича Константиновича.

Например, в 1990 году передвижные выставки экспонировались в 15 городах и населенных пунктах четырех республик (РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР). С ними ознакомились более 30 тысяч военнослужащих 88 воинских частей. Александр Константинович возглавлял культурно-художественную агитбригаду, которая работала в войсках с 16 по 24 марта 1990 года.

В 1994 году ввиду финансовых трудностей в течение года не представилось возможным ор-

ганизовать экспонирование передвижной выставки музея в отдаленных гарнизонах. С 1995 года организуются выставки в войсковых частях Балашихинского гарнизона (по заявкам), в ЦТРА, ЦДРА, в Балашихе, в микрорайоне Заря.

В 1998 году Войска ПВО и ВВС объединены в новый вид ВС РФ – Военно-воздушные силы.

В соответствии с решением Президента РФ с 1 декабря 2011 года в Вооруженных Силах Российской Федерации для обеспечения безопасности России в воздушно-космической сфере создан новый род войск – Войска воздушно-космической обороны (ВКО).

В соответствии с Указом Президента РФ 1 августа 2015 года к выполнению поставленных задач приступил новый вид Вооруженных Сил – Воздушно-космические силы (ВКС).

Все эти преобразования нашли отражение в экспозиции музея и выставок.

Сотрудниками музея постоянно ведется работа по совершенствованию экспозиции. В ноябре 2013 года произведен демонтаж экспозиции 1-го и 2-го залов в связи с заменой музейного оборудования. В течение 2014 года полностью обновлена экспозиция в вертикальных витринах, в отдельных шкафах. В настоящее время продолжается работа по реэкспозиции горизонтальных витрин.

Особенностью оформления первого зала является соединение музейной экспозиции с

элементами мемориала памяти воинам противовоздушной обороны. Для более полной и объективной передачи духа времени, а также исторической обстановки в оформлении пространства зала сохранена атрибутика и идеологическая направленность, свойственная той эпохе.

Во втором зале проведена полная реэкспозиция разделов «Развитие Войск ПВО страны в первые послевоенные годы», «Войска ПВО страны в период военно-технической революции (1954 – 1961гг.)», «Войска ПВО страны в период военно-стратегического паритета (начало 1960-х – середина 1980-х гг.)», «Участие Войск ПВО в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века». Новейшая экспозиция рассказывает о создании воздушно-космических сил. Отдельный комплекс посвящен участию военнослужащих ВКС в военной операции в Сирийской Арабской Республике.

Посетители музея дают высокую оценку обновленной экспозиции.

По инициативе коллектива музея в период работы в должности начальника музея полковника Макарова Анатолия Петровича в городке было открыто три памятника: бюст главнокомандующего Войсками ПВО страны Маршала Советского Союза Батицкого П.Ф. в 2002 году; первая и единственная в России скульптурная композиция «Ожидание», посвященная жене офицера в 2003 году; монумент «Защитникам неба Отечества» в 2005 году. Наряду с Музеем войск ПВО они стали визитной карточкой военного городка (в настоящее время – микрорайона города Балашихи). Военный городок Заря переведен в статус открытого в 2006 году. Как результат – увеличение потока посетителей. Ежегодно музей посещают около 20000 человек. Увеличилось количество экскурсий.

Важно подчеркнуть, что экскурсии в музее проводят и бывшие офицеры, на практике изучавшие все представленное в музее вооружение и знающие особенности его боевого применения. Научный сотрудник полковник в отставке Грановский Ананий Петрович отдал Вооруженным Силам в общей сложности более 60 лет и сейчас более 8 лет с большим энтузиазмом трудится на поприще воспитания молодежи в Музее войск ПВО. Летчик-снайпер полковник в отставке Георгиади Василий Павлович всегда с большим интересом рассказывает посетителям музея о роли истребительной авиации в защите

неба страны, о тяжелом ратном труде летчика-истребителя. Багаж знаний, опыт службы в войсках помогают начальнику музея Кнutowу Юрию Альбертовичу на высоком уровне проводить занятия с военнослужащими – генералами и офицерами ВС РФ.

Большое внимание коллектив музея уделяет работе с военнослужащими: тематические мероприятия, посвященные Дням воинской славы России и другим знаменательным событиям в истории войск ПВО и ВКС; встречи с ветеранами; торжественные ритуалы принятия присяги молодыми воинами.

На протяжении многих лет одной из форм работы в музее было проведение радиопередач по местному радио, в том числе цикл радиопередач «Экспонаты музея рассказывают...». Они способствовали привлечению посетителей в музей.

Сегодня формы работы изменились. В музее ведется активная работа со средствами массовой информации. Сотрудниками музея опубликован ряд статей на военно-историческую тему в различных общероссийских изданиях. В музее проводятся съемки документальных фильмов и телевизионных программ по военной истории, в том числе об участии ветеранов Войск ПВО в локальных войнах и военных конфликтах. Все это является инструментом для формирования имиджа музея, информирования о его деятельности и привлечения посетителей.

Существенную помощь музею оказывают ветеранские организации и созданный в музее в 2018 году Попечительский совет, в состав которого вошли многие хорошо известные в Войсках противовоздушной обороны военачальники – генерал-полковник Синицын Виктор Павлович, генерал-полковник Мальцев Игорь Михайлович, генерал-майор Пахомов Александр Алексеевич и др.

Для развития музея многое сделали коллективы сотрудников, возглавляемые в разное время руководителями Музея войск ПВО Лайзеном Язепом Александровичем, Травниковым Анатолием Алексеевичем, Кузнецовым Виктором Петровичем, Носовским Геннадием Петровичем, Макаровым Анатолием Петровичем. 10 лет руководит музеем Кнutow Юрий Альбертович, который продолжает и улучшает деятельность по совершенствованию музея, повышению его популярности.

*Константин Александрович Медведев
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник научно-исследовательского
отдела (по совершенствованию
военно-патриотической работы),
аспирант Российского государственного
гуманитарного университета*

Н.Н. Обручев, А.Н. Куропаткин, Д.И. Субботич: значение Дальнего Востока в представлениях российских военных деятелей рубежа XIX–XX вв.

На рубеже XIX–XX веков Российской империи приходилось неоднократно сталкиваться с военно-политическими вызовами. Всякий вызов, как отмечал небезызвестный британский исследователь А. Тойнби в своем не менее известном произведении «Постижение истории»¹, требует своего ответа. Соответствующие ответы был вынужден давать и Санкт-Петербург. Статус России как одной из ведущих держав мира требовал от империи при возникновении очередного очага напряженности если не прямого участия в разгоревшемся конфликте, то, по крайней мере, четкого оформления своей позиции. Примечательно, что на рубеже столетий подобные вызовы, дававшие о себе знать в пустынях Африки, горных массивах Балкан или же бесконечных просторах Дальнего Востока, стали одной из предпосылок фундаментальных перемен в интеллектуальной сфере. Речь идет о начале становления той области знания, что впоследствии получит наименование «геополитика».

И.С. Рыбаченок отмечает, что геополитика стала результатом расширения противостояния

держав, которое, в свою очередь, потребовало разработки концепций, обосновывающих правомерность внешнеполитической экспансии². Справедливые слова исследователя все же стоит дополнить еще одним важным моментом. Оформление новой области научного знания является во многом результатом тех перемен, что происходили на рубеже столетий как в отечественной, так и в зарубежной интеллектуальной мысли. Военные деятели, журналисты, ученые, политики, публицисты получили возможность репрезентации своих взглядов в рамках геополитических концепций благодаря, с одной стороны, все большему обобщению необходимых для этого эмпирических данных, а с другой, становлению на протяжении прошедших десятилетий различных теорий относительно цивилизационных, культурных, географических и иных основ отдельных государств.

В связи с вышеизложенным крайне примечательными становятся концепции российских военачальников относительно геополитического положения России на Дальнем Востоке – одном

из важнейших, но в то же время неоднозначных рубежей империи на рубеже XIX-XX вв. В рамках данной статьи предполагается рассмотреть концепции трех мыслителей: Н.Н. Обручева, А.Н. Куропаткина, Д.И. Субботича³.

Актуальность настоящего исследования заключается в следующих положениях. Во-первых, выбранный хронологический период является одним из наиболее востребованных на современном этапе развития отечественной историографии. Во-вторых, изучение интеллектуальной составляющей указанной эпохи, в которую входит и упомянутая выше отечественная геополитическая мысль, является одной из наименее изученных, но в то же время одной из наиболее востребованных на данном этапе страниц российской истории. Осмысление внешней и внутренней политики Российской империи в полной мере невозможно без тщательного рассмотрения интеллектуальных процессов, во многом определявших приоритеты государства в соответствующий период.

Новизна настоящего исследования обуславливается особыми теоретико-методологическими основаниями. Представленная работа выполнена в рамках направления, получившего в современной историографии наименование «интеллектуальная история». В данном случае происходит изучение не конкретных взглядов отечественных мыслителей по тем или иным проблемам присутствия России на Дальнем Востоке, но рассмотрение общих для рассматриваемого периода интеллектуальных процессов, которые протекают в рамках творческой деятельности российских военачальников.

Таким образом, цель данного исследования заключается в изучении представлений российских военных деятелей о значении Дальнего Востока в контексте внешней политики России на рубеже XIX-XX вв.

В отечественной и зарубежной историографии изучение интеллектуальной деятельности российских военачальников стало притягивать должное внимание историков только на современном этапе развития научного знания. Яркий пример тому – монография канадского исследователя Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе⁴. В данной работе автор в рамках исследования общей проблемы – причин конфликта России и Японии на Дальнем Востоке – рассматривает

идеи, циркулировавшие в российском обществе на рубеже XIX-XX вв. Одна из них – доктрина «желтой опасности», сторонником которой был рассматриваемый в настоящем материале А.Н. Куропаткин – стала, с точки зрения исследователя, одним из элементов, способствовавших трансформации интеллектуальной сферы российского социума в указанный период. Непосредственно же военно-политические взгляды Куропаткина относительно присутствия России на Дальнем Востоке рассмотрены в статье Ю.Ф. Субботина⁵. Геополитические интересы Н.Н. Обручева, в свою очередь, представлены в работе И.С. Рыбаченок⁶. Д.И. Субботич на данный момент является наименее изученной из рассматриваемых в настоящей статье личностей. Здесь можно отметить небольшое исследование Д.А. Ляхова⁷, раскрывающее некоторые страницы из жизни военачальника.

Поскольку интеллектуальная история предполагает в первую очередь обращение к результатам творческой деятельности мыслителей, важно сказать несколько слов о рассматриваемых источниках. А.Н. Куропаткин, пожалуй, является наиболее известной из трех указанных личностей. Заняв в 1897 году пост военного министра, Алексей Николаевич вскоре стал предоставлять на суд общественности свое видение внешнеполитических ориентиров России. Ключевым документом, в котором военный министр изложил свои взгляды о Дальнем Востоке, является «Всеподданнейший доклад»⁸ за 1900 год. Н.Н. Обручев, долгое время занимавший должность начальника Главного штаба, куда в большей степени был увлечен проблемами России на западных границах. Тем не менее ввиду разгоревшегося в 1894 году на Востоке конфликта Н.Н. Обручев выразил свои идеи в труде «Соображения, высказанные мною в начале Японо-китайской войны»⁹ (источник опубликован частично – прим. авт.). Д.И. Субботич, занимавший пост приамурского генерал-губернатора, был, пожалуй, более других военачальников заинтересован в решении проблем на Дальнем Востоке. Свои взгляды Деан Иванович изложил в письме¹⁰, направленном А.Н. Куропаткину в 1903 году.

Как уже было отмечено ранее, интеллектуальная деятельность российских военных деятелей оказалась в русле постепенно получавшей оформление как в России, так и за рубежом

«геополитической мысли». Поскольку термин «геополитика» все же малоприменим для рассматриваемого периода, важно обозначить общий контекст имевших место на рубеже XIX-XX вв. интеллектуальных тенденций.

Указанное время характеризуется весьма активной творческой деятельностью российской общественности в области конструирования различных проектов по решению внешнеполитических вопросов и вынесению оценок политике России. Авторы прибегали для репрезентации своего мнения к самым разным данным и приемам. Оценка отношения того или иного региона к «центру» государства могла прекрасно сочетаться в исследовании с изучением его экономической и географической составляющей, рассмотрением присутствия в регионе «союзнических» и «вражеских» сил, а также привлечением к обоснованию внешнеполитических приоритетов государства философских концепций. Неслучайно одним из наиболее популярных внешнеполитических направлений в творчестве русских мыслителей стали Балканы. Необходимость присутствия России на полуострове во многом обосновывалась за счет сформировавшихся еще в середине XIX в. панславистских идей, ставших краеугольным камнем для многих консервативно настроенных интеллектуалов. Подобные «парадигмы» часто служили для авторов в качестве фундамента, скреплявшего разрозненные факты в четко выстроенную схему.

В то же время уже выработанные на рубеже столетий направления военно-политической мысли стали переживать процесс трансформации, одним из итогов которой стало обращение мыслителей к проблемам Дальнего Востока.

Наиболее плодотворным для дальневосточной тематики временем стало «золотое десятилетие» – 1894-1904 гг. Период, берущий свой отчет от взволновавшего российскую общественность Китайско-японского конфликта (1894-1895 гг.), позволил исследователям систематизировать накопленные знания для построения более сложных концепций относительно значения региона для России. Дальний Восток превратился в актуальное направление интеллектуальной мысли. Подобные перемены в той или иной мере прослеживаются и в творчестве трех «героев» настоящей статьи – Н.Н. Обручева, А.Н. Куропаткина, Д.И. Субботича.

В начале, однако, стоит выделить те факторы, которые способствовали некоторому перемещению российской интеллектуальной мысли от уже привычного европейского театра в сторону восточных рубежей государства. В целом интеллектуальная история предполагает, что анализ идей и процессов прошлого должен протекать максимально широко, захватывая не только «великих» мыслителей, или же представителей конкретных профессий, но самых разных, в т.ч. и непопулярных, авторов. В этой связи изучение идей трех конкретных деятелей не позволяет в должной мере определить причины подобного поворота на Восток. И все же некоторые предпосылки даже на примере конкретных авторов дают о себе знать.

«Конфликтом поколений» назвал О.Р. Айрапетов обращение российских военачальников к проблеме Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв. Новое поколение российских генералов, выросших на походах в Туркестан, по мнению ученого, сформировало собственную систему взглядов на политику империи в Азии¹¹. Подобное объяснение, конечно, не может служить основанием для поворота всей интеллектуальной мысли. Тем не менее сам процесс «смены поколений», когда старая часть генералитета постепенно замещается новым, может стать объяснением «увлечения» Востоком в более локальном масштабе. А.Н. Куропаткин и Д.И. Субботич как раз и принадлежали к этому молодому поколению, на плечи которого взвалились новые проблемы на берегах Тихого океана. Каждое поколение содержит в себе специфические элементы, шаблоны, идеи, которые могут определять интересы и приоритеты людей на микро- и макроуровне. Расширение имперского пространства на Востоке, в котором принимал непосредственное участие будущий военный министр, дало России возможность более тесного соприкосновения с новыми для себя государствами и культурами. Отсюда обращение к проблемам Востока в силу выработанной привычки превращается из аномалии в норму для военно-политического дискурса.

Поворот интеллектуальной мысли на Восток имел и иные основания. Обладание колониальной империей в конце XIX в., как отмечает В.Э. Молодяков, воспринималось в общественном сознании в качестве знака национального пре-

восходства, символом статуса на мировой арене¹². Одним из главных, если не самым главным, элементом в колонизации ранее неосвоенных пространств на рубеже столетий являлись железные дороги.

Транссиб стал своеобразным символом все более проникающей вглубь континента России, а также важной составляющей российского интеллектуального дискурса. Яркий пример тому – письмо Д.И. Субботича, направленное А.Н. Куропаткину в 1903 году. Вопрос о конечном пункте магистрали стал одним из ключевых для автора послания. Железные дороги стали объектом внимания и в заметке приамурского генерал-губернатора, посвященной амурской магистрали. Приводящийся Д.И. Субботичем пример успешного железнодорожного строительства в Соединенных Штатах, способствовавшего значительному росту благосостояния американского населения¹³, должен стать, с точки зрения мыслителя, ориентиром для дальнейшей российской политики. Впрочем, последствия произошедшего в 1904-1905 гг. Русско-японского конфликта, лишь подкрепившие довоенные опасения Д.И. Субботича, также дают о себе знать, заставляя военного деятеля тщательно рассматривать пути прокладки железнодорожных сообщений.

Вместе с Транссибом Россия открывала для себя Азию. Соприкосновение с другими государствами и народами вело к появлению новых представлений о других культурах. Следствием этого становится появление идеи о «желтой опасности».

Идея о «желтой угрозе», т.е. опасности со стороны многомиллионного азиатского мира, который в связи с колониальным гнетом западных стран объединится в единое целое и отправится на покорение европейской цивилизации, уходит своими корнями в западную интеллектуальную традицию. Согласно Д. Схиммельпеннинку ван дер Ойе, до Русско-японского конфликта представления о «желтой опасности» в образованных слоях российского общества были редкостью¹⁴. Тем не менее подобная риторика зачастую наблюдалась именно в военных кругах. Яркий пример тому – А.Н. Куропаткин. В своем послании министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу военный министр сообщает о «призраке желтой расы»¹⁵, который спустя много лет пере-

стает быть просто призраком. Образ «опасности с Востока» стал одним из основных элементов при разработке российскими военачальниками положений по дальневосточной политике, о чем будет сказано в своем месте.

Хотя в настоящем исследовании перемены в российской интеллектуальной мысли обозначены словом «поворот», данный термин лишь отчасти можно использовать для определения появившихся на рубеже XIX-XX столетий идей о Востоке. Особенно примечательным это становится, когда речь заходит о военных мыслителях. Н.Н. Обручев весьма четко обозначал принципиальные задачи России: «Первая наша забота ... стоять твердо в Европе»¹⁶. Дальневосточные рубежи России, безусловно, превратились для военных деятелей в значимый объект. Объект этот, однако, был заключен в рамки устоявшихся представлений и приоритетов. Данный аспект сказался, в частности, на представлениях мыслителей о дальневосточном пространстве.

К концу XIX столетия Россия имела под своей властью на Дальнем Востоке четко оформленное пространство, закрепленное многочисленными договорами с азиатскими странами. В то же время указанная территория продолжала восприниматься общественностью не просто в качестве периферии, но как колония, нуждающаяся в должном освоении со стороны центра – «исторической», т.е. европейской России. Хотя территория и находится под властью Санкт-Петербурга, она не является полноценной частью империи. Н.Н. Обручев и вовсе был недоволен сложившимися границами, призывая к устранению невыгод территориального положения империи на Дальнем Востоке¹⁷. Занятые Россией земли, с точки зрения генерала, были совершенно непригодны для культуры. А ведь именно культурная основа, с точки зрения мыслителя, должна была позволить России в будущем прочно стоять на Тихом океане¹⁸. И.С. Рыбаченок отмечает, что еще в 1885 году Н.Н. Обручев рассматривал Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь в качестве придатков «коренной» России¹⁹. Хотя с течением времени отношение к периферии империи у начальника Главного штаба изменилось, восприятие Н.Н. Обручевым столь огромных пространств как чего-то другого, неосвоенного, требующего проведения тщательной и продуманной политики продолжало сохраняться.

Восприятие Дальнего Востока как колонии подвигло к соответствующим выводам и Д.И. Субботича. Ни Канада, являющаяся английской колонией, ни Аляска, доставшаяся Соединенным Штатам от России, «никакой мировой политики не знают». В этой связи великая держава, коей и является Россия, по мнению генерал-губернатора, вовсе не обязана навязывать подобную политику всякой части своих владений²⁰. Дальневосточное пространство весьма далеко от исконной России и представляется мыслителем как нечто отдельное.

Недовольство Н.Н. Обручева сложившимися на Дальнем Востоке границами поднимает еще одну проблему в отечественном военно-политическом дискурсе. Россия существенно продвинулась вглубь Азиатского континента. Но достигла ли она тех рубежей, которые можно назвать «естественными»? Этим вопросом задаются российские военачальники.

Хотя прежде России и приходилось вести борьбу для расширения своих пределов, отмечает А.Н. Куропаткин, ныне империя вошла в те границы, которые можно было бы назвать нормальными²¹. В докладе военного министра четко прослеживается позиция, которую можно было бы назвать «охранительной». Пределы России на Дальнем Востоке вполне гармонично сочетаются с задачами и возможностями империи. Н.Н. Обручев полагал, что как только государство достигает границ, которые способны обеспечить его беспрепятственное внутреннее развитие, то дальнейшие территориальные приобретения могут лишь нанести ему ущерб²².

Представление о наличии у всякой державы своих «естественных» границ во многом сходится с циркулировавшим в интеллектуальной сфере представлением о государстве, как о живом организме. Всякий организм рождается, растет и умирает. Задача мыслителей – понять, когда данный рост нужно остановить, дабы он не вышел через начертанные природой рамки. В этом отношении примечательно сочинение русского историка В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка»²³, где также поднимается тема «естественных границ». Подобная риторика в целом характерна для научного знания XIX столетия. Представление об эволюции, сформировавшееся как противовес парадигме просвещения – миру единому и неизменному,

превратилось в составную часть общего геополитического дискурса.

Д.И. Субботич также не обошел вниманием тему «естественных границ». Основным регионом в вопросе продвижения дальневосточных рубежей России в конце XIX-XX вв. стала Маньчжурия. Усиление позиций империи на Дальнем Востоке не могло не привести к стремлению присоединить владение китайских императоров.

Довольно обтекаемое высказывание Д.И. Субботича в конечном итоге сводится к тому, что естественное влияние России на Маньчжурию обуславливается скорее политическими тенденциями последнего времени, нежели фактической необходимостью присутствия империи в регионе²⁴. В этой связи генерал-губернатор занял довольно осторожную позицию относительно приобретения новых земель. При этом Северная часть Маньчжурии, по мнению Д.И. Субботича, все же «должна безусловно находиться в ведении и распоряжении» России²⁵.

В связи с тем, что занимаемые на Дальнем Востоке территории не способствовали устойчивому положению России на Тихом океане, Н.Н. Обручев также считал необходимым завладение Северной Маньчжурией²⁶. Только таким образом, считал мыслитель, рост государственного организма может быть обеспечен должным образом. Сходную идею выдвигает и А.Н. Куропаткин. Маньчжурия представляется военному министру едва ли ни единственным регионом на Дальнем Востоке, на который стоило бы распространять власть России. Впрочем, влияние это должно быть скорее экономическим, нежели политическим²⁷.

В целом Маньчжурия выступает в представлениях мыслителей скорее как исторически сложившаяся территория, нежели неотъемлемая часть Китая. В то же время данный регион является в концепциях военных деятелей предельной точкой расширения российского государственного организма. Двигаясь на Восток, империя исчерпывает свою культурную мощь. Дальнейшее проникновение грозит России столкновением с мощными культурами, с которыми империя не может тягаться в силу малочисленности своего населения на границах. Необходимость сохранения устоявшегося положения – один из ключевых моментов в дискурсе российских военачальников.

Тема Маньчжурии приводит мыслителей к иной беспокоившей российскую военную элиту теме. Проблема континентальной/морской державы волновала на рубеже XIX–XX вв. отнюдь не только героев настоящего очерка. Ведь решение данного вопроса могло определить, развитие каких вооруженных сил является для России наиболее предпочтительным: сухопутных или морских.

Впрочем, данная проблема отнюдь не замыкалась на армии и флоте. Фактически, споры о континентальном/морском начале являются конкретным воспроизведением более широкой темы культурно-исторического пути государства.

Хотя в общественном сознании рубежа XIX–XX вв. рациональные геополитические теории успешно встраиваются в привычные мифологические представления²⁸, последние вовсе не заменяются первыми. Это можно видеть и на примере приамурского генерал-губернатора, отмечающего континентальную сущность Российского государства, поэтическим олицетворением которого является былинный богатырь Микула Селянинович, приобретающий силу лишь тогда, когда он касался земли²⁹. Россия, как отмечает Д.И. Субботич, соревнуясь с Англией, совсем не учитывает своих природных, дарованных Богом особенностей, стремясь подражать ей во всем. Ведь Англия в своей сущности – держава морская, тогда как Россия – сухопутная³⁰. В этом вопросе генерал-губернатор получает поддержку со стороны военного министра³¹.

Помимо вышеуказанных положений геополитический дискурс содержит в себе еще один важный компонент, а именно – понятие врага. В контексте дальневосточной проблемы его можно разделить на две основные составляющие: враг «исторический» и враг «культурный».

Под «историческим» врагом подразумеваются устоявшиеся в исторической памяти российского общества образы противника, которые в дальнейшем получают свое воплощение в соответствующих геополитических концепциях. Примечательно, что таким образом для отечественной интеллектуальной мысли рубежа XIX–XX вв. стала Англия. Данный аспект не был обойден вниманием и в творчестве русских военачальников. Как Д.И. Субботич, так и Н.Н. Обручев видят одним из основных препятствий для России при проведении ее дальневосточной политики

именно островное государство. Япония, с точки зрения Н.Н. Обручева, при неумелой политике России может стать орудием в руках англичан, которые не преминут использовать силы азиатского государства в своих интересах. В этой связи начальник Главного Штаба призывает сохранять с Японией мир, дабы не дать ей «отдаться в руки Англии»³². Д.И. Субботич, как уже упоминалось ранее, заявляет о постоянном соперничестве России и Англии, которое дает о себе знать и на Азиатском континенте³³.

Между тем еще одной составляющей российского геополитического дискурса стало понятие врага «культурного». Как отмечает Я.С. Гузей, вместе с представлениями о принадлежности империи к высокоразвитым европейским государствам, русская общественность в целом разделила свойственный западной культуре взгляд на Восток, как на отсталый, деспотический, неспособный к прогрессу регион³⁴. Подобные тенденции можно проследить и в трудах российских военачальников.

Представление о Востоке как не просто «другой», но «чужой» культуре стало одним из симптомов оформившегося в начале XX столетия в российском обществе представления о «желтой опасности». Помимо многочисленности населения азиатских стран, особую тревогу вызывала именно его принадлежность к совершенно чуждой для России, с точки зрения мыслителей, цивилизации. В этой связи Россия, защищая свои границы на Дальнем Востоке, должна была таким образом не только отстаивать свои интересы, но преградить путь проникновению на ее территорию иной культуры. Особенно отчетливо данная тенденция прослеживается во взглядах А.Н. Куропаткина. Как отмечал военный министр в своем докладе, свыше 40 млн народностей, чуждых России по религии и историческому прошлому, расселены по окраинам государства. «Плавильный котел» Соединенных Штатов должен был бы стать в представлениях министра решением этого вопроса³⁵. Однако сотни миллионов людей, расположившиеся у пределов Российской империи, оказывались для мыслителя серьезным поводом для волнения.

Подобные «страхи» представляются Д.И. Субботичу весьма преувеличенными, побуждая военачальника к использованию в отношении России слов из комедии А.Н. Островского: «да

кто тебя, матушка, обидит – ты сама всякого обидишь»³⁶. Впрочем, при весьма сдержанном отношении как приамурского генерал-губернатора, так и Н.Н. Обручева к многомиллионному Китаю, в дискурсе военных деятелей преобладает отчетливая тенденция противопоставления Запада, к коему и принадлежит, с точки зрения мыслителей, Россия, чуждому империи Востоку. Данная тенденция проявляет себя в разных областях: будь то стремление сдержать усилившуюся Японию или желание заключить договор с Соединенными Штатами для укрепления позиций России в регионе.

Таким образом, изучение представлений ряда российских мыслителей о значении Дальнего Востока в контексте общей имперской политики на рубеже XIX-XX вв. позволяет выделить некоторые тенденции в рамках интеллектуальной сферы.

В целом обращение военных деятелей к Дальнему Востоку во многом было вызвано состоявшимся ранее «открытием» данного региона для российской общественности. В то же время обретение нового пространства не способствовало выработке в интеллектуальной деятельности «героев» настоящего исследования кардинально новых концепций относительно приоритетов России в регионе. Все же главной темой для российских военачальников оставалась Европа. Внимание к Европейскому направлению способствовало и перенесению соответ-

ствующих представлений с западных окраин на Азиатский континент. «Восточнические позиции», характерные для определенной части российского общества на рубеже столетий, не нашли каких-либо оснований в творчестве военных деятелей. Россия в понимании Н.Н. Обручева, А.Н. Куропаткина и Д.И. Субботича была и остается Европой, в связи с чем задачи по освоению Дальнего Востока должны были определяться задачами России в Западе. Радикальный европоцентристский взгляд на рубеже XIX-XX столетий был особенно характерен для российских военных деятелей.

Определенный «скепсис» относительно продвижения России на Востоке также стал неотъемлемой частью исследовавшихся в настоящей статье материалов. «Охранительная» позиция военачальников, выражающаяся в стремлении стабилизировать положение в регионе, вызвана не только слабым присутствием империи на берегах Тихого океана, но и противопоставлением Дальнего Востока «исторической» России. Дальний Восток во многом оставался «другой» для мыслителей территорией, освоение которой требовало неоправданных, с их точки зрения, сил и средств. Поэтому если Транссиб и смог частично связать две расположившиеся на гигантском друг от друга расстоянии части России, явление подобной связи между двумя мирами в интеллектуальной сфере требовало еще определенного времени.

¹ См.: Тойнби, А. *Постижение истории: избранное* / А. Тойнби. – М.: Айрис Пресс, 2010.- 640 с.

² См.: Рыбаченок, И.С. *Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века* / И.С. Рыбаченок. // *Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века* / – М.: Наука, 2007.- С. 270.

³ Поскольку Д.И. Субботич являлся по происхождению сербом, фамилия военачальника должна была бы воспроизводиться в соответствии с правилами сербского языка, а именно – Суботич. Тем не менее в данной статье использован более привычный для современного читателя вариант написания фамилии (прим. авт.).

⁴ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. *Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией* / Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе – М.: Новое литературное обозрение, 2009.-424с.

⁵ См.: Субботин Ю.Ф. А.Н. Куропаткин и Дальневосточный конфликт. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // *Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века : Очерки / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [Редкол.: д.ист.н. И. С. Рыбаченок (отв. ред.) и др.]*. – М. : ИРИ РАН, 2003. – С. 123-168.

- ⁶ См.: Рыбаченок, И.С. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России. "Первая наша забота – стоять твердо в Европе"/И.С. Рыбаченок // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века : Очерки / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [Редкол.: д.ист.н. И. С. Рыбаченок (отв. ред.) и др.]. – М. : ИРИ РАН, 2003. – С. 69-122.
- ⁷ См.: Ляхов, Д.А. К биографии генерал-губернатора Приамурского края Д.И. Суботича/ Д.А. Ляхов// Шестые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. "Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке". Хабаровск, 2009. – С. 180-188.
- ⁸ См.: Куропаткин, А.Н. Из "Всепопданнейшего доклада военного министра за 1900 год"/ А.Н. Куропаткин// Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных, публицистов. Документальная публикация. М.: ИРИ РАН, 2004. Составитель И.С. Рыбачёнок. – С. 284-320.
- ⁹ См.: Из записи генерала Обручева в Военно-Ученый Комитет, подготовленной в 1895 году // Попов, И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны (С XVII в. до 1917 г.: С прил. документов)/И.М. Попов.- М.: Астрель, АСТ, Ермак, 2004.- С. 413-415.
- ¹⁰ См.: Суботич, Д.И. Задачи России на Дальнем Востоке/Д.И. Суботич – Ревель, 1908.
- ¹¹ См.: Айрапетов, О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830-1904). Портрет на фоне эпохи/ О.Р. Айрапетов. – М.:Алгоритм, 2018. – С. 357.
- ¹² См.: Молодяков, В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945)/ В.Э. Молодяков.- М.: АСТ, Астрель, 2006. – С. 14.
- ¹³ См.: Суботич Д.И. Задачи России... . С. 31-32.
- ¹⁴ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу... . С. 139.
- ¹⁵ См.: РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 46.
- ¹⁶ Рыбаченок И.С. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России... . С. 117.
- ¹⁷ См.: РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.
- ¹⁸ См.: Там же. Л. 4об.
- ¹⁹ См.: Рыбаченок И.С. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России... . С. 115.
- ²⁰ См.: Суботич Д.И. Задачи России... . С. 17.
- ²¹ См.: Куропаткин А.Н. Из "Всепопданнейшего доклада...". С. 315.
- ²² См.: Рыбаченок И.С. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России... . С. 74.
- ²³ См.: Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.
- ²⁴ См.: Суботич Д.И. Задачи России... . С. 10-12.
- ²⁵ См.: Там же. С. 23.
- ²⁶ См.: РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 4об-5.
- ²⁷ См.: Куропаткин, А.Н. Из "Всепопданнейшего доклада...". С. 307.
- ²⁸ См.: Ремнев, А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков/А.В. Ремнев.- Омск, 2004. – С. 319.
- ²⁹ См.: Суботич Д.И. Задачи России... . С. 9.
- ³⁰ См.: Там же. С. 5.
- ³¹ См.: Куропаткин, А.Н. Из "Всепопданнейшего доклада...". С. 317.
- ³² Из записи генерала Обручева... . Л. 8.
- ³³ См.: Суботич, Д.И. Задачи России... . С. 5.
- ³⁴ См.: Гузей, Я.С. Желтая опасность: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность: 07.00.02 – Отечественная история. Научные руководители: доктор исторических наук, профессор Б.И. Колоницкий, доктор исторических наук.- СПб., 2014.- С. 36.
- ³⁵ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе, Д. Навстречу Восходящему солнцу... . С. 158.
- ³⁶ Суботич, Д.И. Задачи России... . С. 19-20.

*Сергей Иванович Мизулин,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Генерал А.Е. Снесарев — на перекрёстке судьбы в Гражданскую войну 1917–1922 гг.

Сегодня мы рассматриваем с разных точек зрения непростую судьбу генерала Андрея Евгеньевича Снесарева, который широко известен не только как талантливый военный педагог, географ, востоковед и геополитик, но и как военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн, первый военный руководитель (командующий) СКВО, начальник Академии генерального штаба. Рис.1.

Андрей Евгеньевич Снесарев родился 1 (13) декабря 1865 г. в Старой Калитве Острогожского уезда Воронежской губернии в семье слободского священника. Его детство и отрочество протекали в станицах Области войска Донского. С отличием кончил физико-математический факультет Московского университета в 1888 году (кандидат чистой математики), затем в 1899 с отличием и занесением на мраморную доску Московское пехотное юнкерское училище, с 1906 года — Алексеевское. В 1896–1899 гг. А.Е. Снесарев учился в Академии Генерального штаба, с отличием окончил основной и дополнительный курсы и был произведен в штабс-капитаны.

Получил назначение в Туркестанский военный округ на должность обер-офицера для поручений. Совершил экспедицию в Индию (1899–1900 гг.). С сентября 1910 года Андрей Евгеньевич — начальник штаба 2-й Сводной казачьей дивизии. В этой должности Снесарева застала Первая мировая война, его дивизия сразу вступила в бои и успешно громила противника. Затем ко-

Рис. 1. А.Е. Снесарев.

мандовал 133-м Симферопольским полком.

По результатам боевых действий его полк стал одним из лучших на Юго-Западном фронте. 24 августа 1915 года А.Е. Снесарев был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й брига-

Рис. 2. А.Е. Снесарев с Георгиевскими кавалерами. 1916 год.

ды той же 34-й пехотной дивизии. С 1916 года А.Е. Снесарева – начальник штаба 12-й пехотной дивизии, которая участвовала во многих боях, в том числе, летом 1916 года в знаменитом Луцком прорыве, вошедшем в историю как Брусиловский прорыв. С сентября 1916 года в течение трех месяцев временно исполнял должность начальника 64-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса; в это же время был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени. В аттестации на А.Е. Снесарева командир корпуса писал: «Несмотря на кратковременное прохождение службы в составе корпуса... он зарекомендовал себя храбрым, с большим боевым и служебным опытом, в высшей степени деятельным, знающим, очень требовательным и заботящимся о вверенных ему частях и чинах». Рис. 2

После Февральской революции А.Е. Снесарев был назначен начальником штаба 12-го армейского корпуса, а в апреле 1917 года – начальником 159-й пехотной дивизии. В сентябре после провала Корниловского мятежа он стал командиром 9-го армейского корпуса 2-й армии Западного фронта.

В октябре 1917 года А.Е. Снесарев был произведен в генерал-лейтенанты.

В это время развал армии уже стал необратимым, 12 ноября 1917 года генерал-лейтенант А.Е. Снесарев поставил точку в своей боевой биографии и уехал с фронта Первой мировой войны в долгосрочный отпуск в Воронежскую губернию в Острогожск к семье.

Октябрьская революция расколола страну на два лагеря. Фронт и армия разлагались. Советская власть приступила к созданию новой армии.

А.Е. Снесарев, как и многие, оказался не у дел, перед ним встала проблема выбора: искать пути выезда из России или оставаться в своей стране.

Побудительные мотивы принятия А.Е. Снесаревым тех или иных решений в этот сложный период становятся понятны из его писем, рукописей и других документов. Так, в письме от 6 мая 1917 года он пишет: «...Я почти убеждён, ... что эту многострадальную Голгофу ещё раз придется пройти моей бедной стране... я не вижу созидательных сил. Я не вижу и людей. Те, которые поняли и, может быть, помогли бы (стране – авт.), бегут как крысы с корабля. А остаются те, которые не понимают, а главное, которым безразлично».

Андрей Евгеньевич, как истинный патриот, делает выбор остаться в своей стране, её неопределённым и, уже было очевидно, невероятно трудным будущим. «...Покинуть Родину можно, и для этого найдутся пути и более близкие. ... но с кем же страна останется, и что с нею будет?» (Письмо от 14 марта 1918 г.).

Вопрос, что будет с ней – Родиной – всегда определял линию поведения Снесарева, устраивать и защищать свою страну он считал

Рис. 3. Территория, захваченная Германией и её союзниками в результате срыва мирных переговоров.

своим священным долгом, и никогда от этого принципа не отступал. После революции специальным декретом все крупные ученые были взяты на персональный учет по группам в зависимости от их научных заслуг. Андрея Евгеньевича отнесли к высшей категории под литерой «А». Его назначают членом Центральной комиссии по улучшению быта ученых, созданной по указанию В.И. Ленина.

28 января 1918 года в тяжелейших военно-политических и экономических условиях Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет о создании РККА. По замыслу – типичной регулярной армии на принципах единоначалия. к решению этой непростой задачи были привлечены и военные специалисты русской армии, в том числе Снесарев.

Безусловно, у него был выбор, он мог пойти и в Белое движение. Новую власть он не приветствовал. Но наступали немецкие войска. Оказывать им сопротивление от имени государства могла только эта власть, создаваемая ею армия. К тому же его выбор облегчало обещание использовать новую армию только в борьбе с внешним врагом.

2 мая 1918 года А.Е. Снесарев получил назначение на должность военного руководителя Северо-Кавказского военного округа. Фактически – командующим войсками одного из важнейших в то время революционных фронтов Советской республики. Рис. 3

Директивой Высшего военного совета от 12 мая 1918 г. командованию округа ставилась задача: «Собрать и организовать всеми возможными мерами необходимые силы и средства для противодействия дальнейшему наступательному движению противника... При первой возможности перейти к активным действиям...». Во исполнение этой директивы А.Е. Снесарев принимает меры к переформированию на регулярных началах всех отрядов как бывших в Царицыне, так и подходивших с Дона и Украины. Он решительно борется против попыток возродить всеобщую выборность командного состава и сосредоточить управление войсками в руках комитетов, ибо такие подходы изжили себя, уже противоречили линии советской власти и могли привести к развалу армии.

С присущей ему энергией Андрей Евгеньевич принимал меры к отражению врага. Большую

часть времени он проводил в частях на позициях. Красные бойцы знали и уважали его и всегда с подъемом воспринимали весть о его приезде в часть.

2 июня 1918 года Высший военный совет Республики уточнил задачу войскам округа: «Не допустить вторжения противника в полосу к востоку от реки Дон» и «стремиться к сохранению в своих руках железнодорожной линии Грязи – Царицын». А.Е. Снесарев разработал план обороны города, предусматривая активные боевые действия. На стороне белых было много его товарищей по службе в старой армии, участию в Первой мировой войне. Но Гражданская война развела их по разные стороны фронта.

По плану, изложенному в приказе № 4 от 23 июня 1918 г., из наиболее стойких и подготовленных, преимущественно пролетарских отрядов была создана «группа Ворошилова», позд-

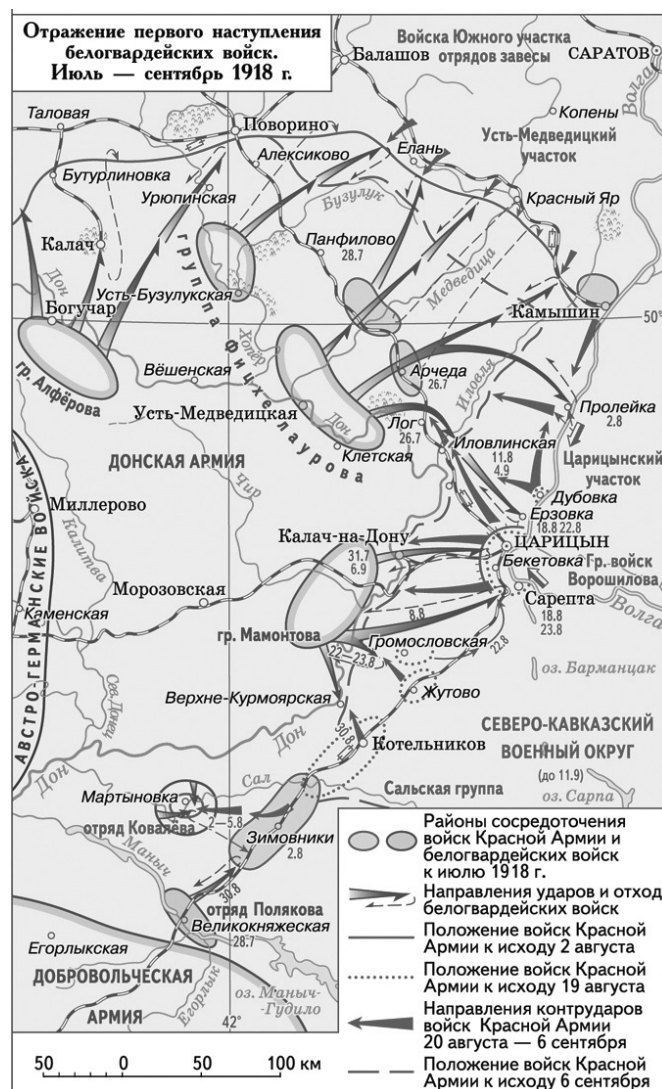

Рис. 4. Оборона Царицына в июле – сентябре 1918 года.

Рис. 5. А.Е. Снесарев начальник Академии ГШ РККА.

Рис. 6. А.Е. Снесарев 1930 год.

нее развернувшаяся в 10-ю армию. В результате принятых мер в конце июня были созданы регулярные части Красной армии и организована оборона города. Враг был остановлен и положение стабилизировалось. Рис. 4

Однако не все красные командиры и комиссары с должным доверием отнеслись к приказам и распоряжениям военрука округа. В это время произошло серьезное столкновение между А.Е. Снесаревым и находившимися в то время в Царицыне И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым. Дело дошло до ареста Андрея Евгеньевича и его штаба. Москва потребовала немедленно освободить Снесарева и выполнять его распоряжения. К счастью, в сложных условиях обороны Царицына первая часть требования была выполнена: Андрей Евгеньевич был освобожден. Приехавшая московская комиссия приняла «соломоново» решение: И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова оставить в Царицыне, а А.Е. Снесарева назначить на другую должность.

После подписания Брестского мира для прикрытия от германских войск западных рубежей Республики советское правительство 19 марта 1918 года создало Западный участок отрядов Завесы, состоявший из нескольких районов. 11 сентября того же года Реввоенсовет Республики назначил начальником обороны Западного района А.Е. Снесарева. Позже в связи с реорганизацией Западной Завесы А.Е. Снесарев с ноября 1918 года командует Западной армией (с марта

1919 г. Белорусско-Литовская армия). Получив определенный опыт в годы Первой мировой и Гражданской войн, А.Е. Снесарев на новом посту развил кипучую деятельность, что позволило улучшить организацию войск и управление ими, снабжение и вооружение частей, создать речные и озерные флотилии. Рис. 5

В августе 1919 года А.Е. Снесарев был отозван из действующей армии и назначен начальником Академии Генерального штаба РККА, созданной в декабре 1918 года. Его назначение было вполне закономерно, так как службой в Красной армии Андрей Евгеньевич успел зарекомендовать себя как безусловно честный и искренний сторонник советской власти. В Русской армии он был одним из наиболее образованных и авторитетных офицеров. Его разностороннее образование как нельзя более соответствовало новому назначению, а авторитет в среде генштабистов мог быть использован для привлечения в академию старой профессуры.

За два года нахождения в должности начальника Академии Генерального штаба РККА А.Е. Снесарев сделал очень много. Был собран хороший творческий состав преподавателей, которые уже проявили себя признанными военными теоретиками и профессионалами своего дела, костяк коллектива составили А.А. Свечин, В.Ф. Новицкий и другие.

В 1921 году Академию Генерального штаба РККА переименовали в Военную академию

РККА, ее начальником назначили М.Н. Тухачевского. А.Е. Снесарев остался профессором академии и одновременно был назначен главным руководителем по военной географии и статистике и главруком вновь созданного Восточного отделения академии.

В 1921 году при активном участии Снесарева был открыт Институт востоковедения, позже получивший имя Н.Н. Нариманова. Андрей Евгеньевич, назначенный ректором института, сумел собрать здесь ученых-востоковедов, разбросанных по всей стране революцией и войной.

Кроме работы в Военной академии РККА, Институте востоковедения и Высшем военном редакционном совете, он с февраля 1924 года – профессор и старший руководитель цикла географии и статистики Военной воздушной академии, с 1926 года – профессор Военно-политической академии и еще с 1923 года вёл большую работу как помощник начальника статистической части Законодательного отдела управления делами Реввоенсовета СССР. 22 февраля 1928 года Постановлением ЦИК СССР Андрею Евгеньевичу Снесареву за многолетнюю и полезную деятельность по строительству Вооруженных Сил стра-

ны было одному из первых, и первому среди военных, присвоено звание Героя Труда. В 1929 году его кандидатура была выдвинута в академики АН СССР. Рис. 6

Но 27 января 1930 года А.Е. Снесарев был вновь арестован и приговорен к расстрелу, все его рукописи конфискованы. Однако смертный приговор по специальному указанию И.В. Сталина был заменен 10 годами заключения. Суровые условия подорвали здоровье А.Е. Снесарева. В 1934 году он был досрочно освобожден, а 4 декабря 1937 года его не стало. В январе 1958 года А.Е. Снесарев был реабилитирован.

Жизнь А.Е. Снесарева была всецело посвящена Родине, безопасности и благополучию её народа. Для него был только один вопрос: как выполнить свой долг перед Отечеством, как защитить его от внешних посягательств и предупредить, уберечь соотечественников от безответственных действий, разрушающих свою же государственность. Масштаб личности Снесарева, его интеллект и способности, ратные и научные заслуги перед Отечеством являются для всех ярким примером человека с большой буквы.

Литература

1. Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). – М.: Наука, 1973.- 160 с.
2. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева / сост. А.Е. Савинкин.- М: Военный университет, Русский путь, 2003. – 896 с.
3. Значение наследия А.Е. Снесарева для решения современных проблем геополитики. М.: Военная академия Генштаба Вооруженных сил РФ, 2006. – 287 с.

*Валерий Борисович Миловидов,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник научно-экспозиционного отдела*

Восстановление и реставрация модели крейсера I ранга «Аврора» в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации

В 1965 г. для экспозиции Центрального музея Вооружённых Сил СССР было построено новое здание, в котором музей находится и в настоящее время. В том же 1965 г. комбинатом макетно-диорамных работ г. Москвы для новой экспозиции музея были заказаны и изготовлены масштабные модели-копии отечественной боевой техники: самолёты, танки и корабли. В числе последних была модель крейсера «Аврора». Стоит заметить, что среди всех заказанных макетов «Аврора» была самой крупной. Масштаб модели 1:50, а наибольшая длина 260 см! 50 лет модель экспонировалась в залах музея и к 2015 г. была значительно повреждена (о повреждениях ниже). (Рис. 1) Как раз к лету 2015 г. я и мой коллега С.Е. Виноградов были приняты на работу в научно-экспозиционный отдел Центрального музея Вооружённых Сил Российской Федерации. Поскольку у нас имелся значительный опыт постройки моделей кораблей (суммарно свыше 70 лет), на-

чальником НЭО Семченко В.И. нам было предложено отреставрировать модель крейсера. После первичного осмотра модели, было принято решение не просто отреставрировать объект, но придать ему вид, который корабль имел в 1905 г., т.е. во время Русско-Японской войны 1904-1905 гг. и вот почему:

1. Работы по реставрации модели совпали с реэкспозицией зала №2, посвящённого истории Русской армии и флота конца XIX начала XX вв. и эта модель идеально подходила для экспонирования в разделе «Русско-Японская война»

2. Осмотр модели выявил интересные факты, позволяющие сделать вывод о том, что внешний облик модели не соответствовал ни одному временному периоду, в котором находился реальный корабль с момента постройки и до 1965 г., когда была сделана эта модель. За время существования корабля и до 1965 г. (постройка модели), крейсер «Аврора» не раз менял свой облик. Всего к указанному году было

семь периодов, во время которых корабль имел существенные различия во внешнем облике:

а) с достройки в 1903 г. и до вхождения его в состав 2 эскадры Тихого Океана.

б) нахождение в составе 2 эскадры Тихого Океана.

в) учебный корабль гардемаринских классов 1907-1914 гг.

г) модернизация 1915 г.

д) модернизация 1916-1917 гг.

е) учебный корабль 1922-1941 гг.

ж) учебная база Нахимовского училища 1949-1984 гг. (в нашем случае 1965 г.). Кроме этих периодов в жизни корабля, когда его облик менялся довольно сильно, происходили и менее значительные изменения во внешнем облике, выражавшиеся в добавлении или удалении тех или иных конструкций, механизмов и элементов вооружения в наружных частях корабля. Так же это относилось и к окраске корпуса. Все эти из-

менения хорошо просматриваются на сохранившихся фотографиях крейсера.

3. Нами были выявлены следующие повреждения модели:

а) значительная хрупкость и утрата до 80% наружной обшивки надводной части.

б) обширные повреждения в виде трещин и сколов наружной обшивки в подводной части.

в) утрата 100% бортовых иллюминаторов.

г) утрата 100% такелажа.

д) два кормовых каземата 75 мм орудий оказались разного размера (было ощущение, что модель делали несколько человек и пользовались при этом разными чертежами). (Рис. 2)

е) кроме этого, из-за разрушения и утраты защитного футляра, наружные поверхности корпуса и всей детализировки оказались покрыты многолетним слоем пыли, жировых отложений и потёков.

Всё это, т.е. повреждения модели, несоответствие внешнего облика ни одному истори-

Рис. 1. Начальный период работы. Хорошо видно состояние корпуса и утрата фрагментов обшивки.

Рис. 2. В первоначальном варианте кормовые казематы левого и правого бортов имели разные размеры.

ческому периоду жизни реального корабля, а также отсутствие ценных материалов, из которых была построена модель (для постройки модели были использованы дерево, пластик, оргстекло, недорогие металлы) и привело к решению о реставрации и восстановлении модели крейсера «Аврора» с приданием ей облика корабля периода Русско-Японской войны 1904-1905 гг., точнее мая 1905 г, т.е. печально знаменитого Цусимского сражения. Это решение получило одобрение, и было утверждено руководством музея летом 2015 г.

В июле того же года в музей было доставлено необходимое оборудование, приспособления и материалы для работы. На первом этапе была произведена тщательная оценка повреждений модели (повреждения были описаны выше), а также были произведены контрольные обмеры корпуса и отдельных частей, и сверка их с полными построочными чертежами крейсера. Для работы мы воспользовались чертежами корабля, опубликованными в книге А.В. Сквор-

цова «Крейсера I ранга «Аврора», «Диана» и «Паллада»», изд. Гангут, СПб 2012. Кроме чертежей, для работы, были использованы фотографии крейсера из коллекции С.Е. Виноградова. Причём фотографий периода 1903-1905 гг. было выявлено не более пяти штук, что сильно осложняло работу. Обмеры показали, что в целом корпус модели соответствует чертежам корабля в соответствующем масштабе. Далее с корпуса и палубы были удалены все надстройки и детали, которые были очищены и отмыты. После этого были удалены все аварийные и хрупкие фрагменты наружной обшивки надводной части корпуса в сумме около 80% площади. В течение нескольких месяцев утраченные фрагменты обшивки были изготовлены заново, так же заново был изготовлен фальшборт, в средней части корпуса в соответствии с чертежами и фотографиями. Заново были сделаны спонсоны (выступающие площадки под орудиями). (Рис. 3) Борт был многократно покрыт шпаклёвкой с последующей шлифовкой, полировкой и окраской. Чертежи, описания и фотографии показывали наличие медной обшивки подводной части корпуса крейсера (стандартная практика того времени). Было принято решение сымитировать её, чего не было на восстанавливаемой модели. (Рис. 4) Из-за очевидной сложности подобных работ, имитация медной обшивки достаточно редко встречается на моделях крейсера хранящихся в различных музеях. Состав артиллерии крейсера в 1904-1905 гг. сильно отличался от таковой после модернизации корабля в 1915 г. (модель 1965 г. имела состав артиллерии как раз на этот период, точнее на период восстановления после Великой Отечественной Войны). Поэтому было изготовлено 20 новых 75 мм орудий, а так же изготовлены новые щиты к 152 мм орудиям. Была изменена форма боевой рубки и изготовлена новая грибовидная крыша для неё. Изменениям подверглись надстройки. Заново изготовлен такелаж, флаги и вымпелы. Модель была окрашена в соответствии с описаниями и фотографиями на указанный период. (Рис. 5)

Какие же работы были выполнены при реставрации модели для придания ей облика на период Русско-Японской войны?

1. Восстановлена наружная обшивка надводной части корпуса.

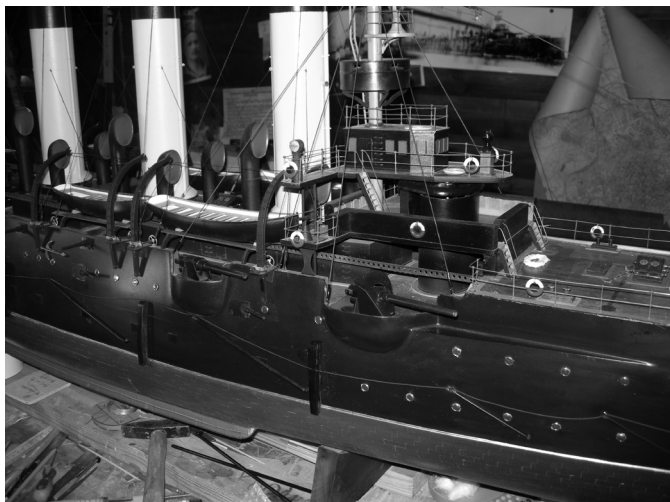

Рис. 3. На фотографии хорошо видны заново изготовленные носовые спонсоны правого борта.

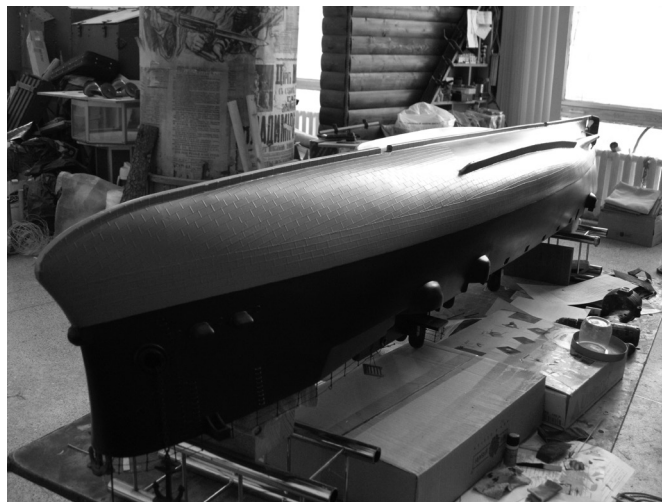

Рис. 4. Имитация медной обшивки подводной части корпуса.

2. Заново изготовлен фальшборт с пушечными портами для 75 мм орудий и имитацией коечных сеток.
3. Заново изготовлены шесть спонсонов под орудия.
4. Сделана обшивка подводной части корпуса с имитацией медных листов, для чего пришлось изготовить около 2000 штук обшивочных пластинок.
5. Сделана кормовая защита, идущая от кормовой рубки к спонсонам.
6. Сделаны деревянные банкетки под каждое орудие на верхней палубе.
7. Изменена форма боевой рубки.
8. Сделана новая грибовидная крыша боевой рубки.
9. Изготовлен второй ярус крыльев носового мостика.
10. Сделаны прожекторные площадки на крыльях кормового мостика.
11. Удалён переходной мостик с носовой надстройки к кормовому мостику.
12. Изготовлен и установлен боевой марс на фок-мачту.
13. Изготовлены 20 75 мм орудий.
14. Изготовлены 8 37 мм орудий.
15. Изготовлены 6 щитов к 152 мм орудиям (на одной паре этих орудий в 1904-1905 гг. щитов не было).
16. Восстановлено шестовое противоминное оборудование.
17. Изготовлено 134 (100%) бортовых иллюминатора.
18. Очищены и восстановлены плавсредства; катера и шлюпки.
19. Очищены и восстановлены шлюпбалки.
20. Восстановлен рангоут и такелаж.
21. Изготовлены носовой и кормовой гербы. (Рис. 6)
22. Перебрано и восстановлено леерное ограждение.
23. Изготовлены взамен утраченных 4 прожектора.
24. Изготовлены новые флаг, гюйс и вымпелы.
25. Выполнена окраска: корпус в подводной части «под медь», в надводной части в чёрный, также в чёрный цвет окрашены надстройки, орудия, катера и шлюпки, боевой марс, трубы окрашены в жёлтый цвет с чёрной каймой наверху, мачты окрашены в серый (шаровый) цвет.
26. Вся модель покрыта слоем защитного лака.
27. Для понимания размеров корабля изготовлено 5 плоских фигур матросов соответствующего масштаба, с установкой их в различных частях корабля.
28. Очищены и отполированы винты.
29. Из итальянского ореха изготовлены новые кильблоки.
30. Заказан и изготовлен новый подмакетник для модели, в виде соответствующей тумбы.
31. Для защиты от внешних факторов заказан и изготовлен из стекла толщиной 8 мм защитный футляр размерами 272 X 110 X 62 см. Вес футляра около 200 кг.

Рис. 5. Завершённая модель, на которой хорошо видны особенности окраски корабля по состоянию на май 1905 г.

Рис. 6. Кормовая оконечность корпуса с изготовленным гербом.

Для установки футляра поверх модели на подмакетнике, в зале была сооружена специальная конструкция и привлечено около 40 сотрудников музея. (Рис. 7)

Для восстановления модели были использованы следующие материалы: дерево, пластик, ткани, нитки, стеклоткань, полиэфирные смолы, металлы, шпаклёвка, краски и лаки.

В октябре 2016 г. модель крейсера I ранга «Аврора» была установлена в зале №2 ЦМВС РФ, в разделе, посвящённом Русско-Японской войне. (Рис. 8) Всего работа по восстановлению модели заняла 15 месяцев. Следует отметить, что крейсер «Аврора» часто становился объектом модельно-копийного воспроизведения в советский период, при этом внешний вид соответствовал тому, каким корабль был в 1917 г., благодаря известным событиям октября этого года, либо более поздним. Достаточно часто при воспроизведении корабля в виде модели допускались различные неточности и даже ошибки, модель над которой мы работали, не стала исключением. Модели крейсера «Аврора» находятся во многих

Рис. 7. Монтаж конструкции для установки защитного футляра в зале № 2 Центрального Музея Вооружённых Сил.

Рис. 8. Модель крейсера I ранга «Аврора» сразу после установки в зале № 2.

музеях нашей страны и стран мира, но именно в нашем музее теперь есть первая и на сегодняшний день единственная модель, которая показы-

вает, как выглядел этот замечательный корабль в период неудачной для нашей страны Русско-Японской войны 1904-1905 гг.

*Николай Васильевич Мирошниченко,
Россия, Москва, военный лётчик 1-го класса,
участник боевых действий в
Афганистане, полковник в отставке*

История строительства Военно-воздушных сил России и СССР: проблемы и пути выхода из кризисного состояния На примере Качинского высшего авиационного училища лётчиков

*Рис.1.
Н.В. Мирошниченко.*

21 ноября 2020 года Качинскому высшему военному ордену Ленина Краснознамённому авиационному училищу лётчиков имени А.Ф. Мясникова, первому в мире и в России военному авиационному учебному заведению, исполняется 110 лет. Это дата является не только юбилеем лётной школы – это День рождения авиации России. Созданная на народные пожертвования в далёком 1910 году,

Качинская военная школа пилотов и её воспитанники с честью и достоинством пронесли Знамя Российской и Советской авиации. После принятия решения о создании Севастопольской и Гатчинской офицерских школ авиации Великий князь Александр Михайлович Романов, сказал: «Мы должны торопиться, чтобы не оказаться ещё раз уязвлёнными благодаря неполноте нашего вооружения. В будущих войнах не может быть победы без воздушного флота!». Эти слова его оказались пророческими. Рис.2.

Первый выпуск лётчиков состоялся в Ливадии 26 октября 1911 года в присутствии императора Николая II. В составе выпускников были 15 офицеров и три руководителя школы. В 1912 году Севастопольская школа пилотов перебазировалась в местечко Кача, недалеко от Севастополя и стала называться Качинской. Своё название училище больше не меняло никогда.

К началу Первой мировой войны Россия заявила себя как одна из великих авиационных держав. Она имела на вооружении 244 самолёта и 250 подготовленных военных лётчиков.

Рис. 2. Первый выпуск Качинской школы летчиков.

Причём 200 пилотов были подготовлены в Севастопольской офицерской школе. К 2014 году в России были сформированы 6 авиационных рот и 39 авиационных отрядов. Летали, в основном, на «Ньюпорах» и «Фарманах», но уже И.Сикорский создал и наш тяжёлый самолёт «Илья Муромец».

Практически вслед за Севастопольской и Гатчинской авиационными школами в Санкт-Петербурге 28 июля 2015 года создаётся Офицерская школа морской авиации, будущее Ейское авиационное училище лётчиков.

В истории Первой мировой войны навечно останутся имена наших асов Михаила Ефимова, Константина Арцеулова, Евграфа Крутеня. Первым в мировой истории авиации воздушный таран 26 августа (8 сентября) 1914 года совершил русский лётчик штабс-капитан Пётр Нестеров. За годы Первой мировой войны знаками Святого Георгия и Георгиевским оружием награждены 117 выпускников и инструкторов Севастопольской лётной школы. Из них 8 лётчиков стали полными георгиевскими кавалерами. С 1911 по 1917 год в Каче было подготовлено 609 лётчиков. Всего за этот период в шести авиационных школах России было подготовлено 1 096 человек: 687 офицеров и 409 нижних чинов и солдат.

Сразу после Великой Октябрьской социалистической революции создаётся Всероссийская коллегия по управлению Воздушным Флотом Республики. 25 января 2018 года народный комиссар по военным и морским делам издал приказ №84, которым предписывалось: «...сохранить полностью для трудового народа все авиацион-

ные части и школы». Несмотря на Гражданскую войну, огромные экономические трудности, молодое советское государство стремительными темпами создаёт свой воздушный флот.

1. 10 августа 1921 года создаётся Московская авиационная школа боя и бомбометания, которая в 1927 году перебазируется в Оренбург.

2. Параллельно в 1922 году были созданы 2-я Борисоглебская школа пилотов, Московская, Зарайская, Серпуховская, Егорьевская авиашколы.

3. В 1922 году создаётся Академия Воздушного Флота им. Н.Е.Жуковского, которая в 1925 году становится Военно-воздушной академией РККА.

В это время в Первой военной школе лётчиков совершенствуется и принимает стройную форму методика лётного обучения. В первой половине 1927 года в Каче появились первые методические указания и сама программа лётного обучения. В 1935 году под руководством начальника военно-учебных заведений ВУЗ ВВС РККА был написан первый «Курс учебно-лётной подготовки».

Жизнь шла вперёд. Страна объявила: «Комсомолец на самолёт!» «Даёшь 150 тысяч лётчиков!» И их давали!

В 1930-м году начали свою работу Балашовская и Харьковская авиашколы, на базе последней в 1938 году были сформированы два училища – Харьковское и Чугуевское. Заработали Энгельская школа пилотов и Луганская школа лётчиков. Несколько позднее открылись Кировобадская, Одесская, Сталинградская, Таганрогская школы пилотов. В 1936 году приняла первых курсантов 15-я Военная школа лётчиков-наблюдателей в Челябинске. 19 августа 1938 года открыла свои двери 30-я военная школа пилотов в Чите.

В 1938 году подготовка лётно-технических кадров для ВВС РККА осуществлялась в 18-ти лётных и технических училищах.

В этом же году Качинская авиашкола награждена боевым Красным Знаменем.

Это был период бурного расцвета авиации. Все молодые люди стремились в небо! Авиация стала гордостью, а авиаторы всеобщими любимцами советского народа. Дети вождей социалистического государства жили идеями своих сверстников. В Каче учился младший сын

Рис. 3.
Василий Иосифович
Сталин.

Рис. 4. Герой Советского
Союза Тимур Михайлович
Фрунзе.

Рис.5. Степан Анастасович Микоян.

И.В.Сталина – Василий Сталин. Кроме него, там учились сын М.В.Фрунзе – Тимур, дети А.И.Микояна – Степан и Владимир. Рис.3,4,5. Дети руководителей страны были для других примером смелости и настоящего, неподдельного патриотизма. Быть в рядах защитников своей Родины не являлось зазорным и постыдным, а считалось проявлением чести, мужества и достоинства.

Настоящим испытанием на прочность для наших лётчиков стали боевые действия в Испании в 1936-1938 гг., на Халхин-Голе и Хасане, война с Финляндией. Испания, бои с милитаристской Японией в целом показали превосходство советских асов, самолётов и вооружения. Но вместе с тем, участие авиации в боевых действиях в начальный период на Халхин-Голе и особенно в войне с Финляндией заставили серьёзно задуматься о перспективах развития советской авиации, повышении уровня боевой подготовки и мастерства лётного состава.

Война с Финляндией показала низкий уровень готовности нашей авиации к ведению боевых действий. Имея колоссальное превосходство в людях и технике, она ничего серьёзного не могла противопоставить противнику.

За время этой войны СССР потерял 627 самолётов, из них: 236 (37,6%) в воздушных боях, остальные потеряны в результате аварий и катастроф. Потери финнов по разным источникам колеблются от 127 до 362 самолётов.

Одной из существенных причин неудовлетворительного уровня ведения боевых действий нашей авиации являлась проводимая репрес-

сивная «чистка» командного и политического состава. Пострадали от неё и Главкомы ВВС: Я.И.Алкнис (1931-1937гг.) расстрелян в 1938 году; Н.Д. Локтионов, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич и Герой Советского Союза генерал-лейтенант Павел Васильевич Рычагов были арестованы, а затем расстреляны без суда по личному распоряжению Л. Берии 28 октября 1941 года. К началу Великой Отечественной войны личный состав ВВС, прежде всего командно-политический, понёс от политических репрессий тяжелейший урон.

В то же время принимаются меры для его восполнения. В 1940 году создаётся Воздушная Академия командного и штурманского состава ВВС Красной Армии. Одновременно создаются и начинают эффективно работать Черниговская и Саратовская авиационные военные школы пилотов, Армавирская школа лётчиков-истребителей. В основу обучения воздушных бойцов был положен боевой опыт полученный в ходе боёв в Испании и на Халхин-Голе. Лётные школы работали с огромным напряжением. В 1940 году в Каче получили дипломы военных лётчиков 1 500 человек. Налёт на каждого лётчика составлял 25-30 часов. Другие авиашколы работали в таком же режиме и выпускали в год по 900-950 лётчиков. На 1 января 1941 года в ВВС РККА насчитывалось 26 392 самолёта, в том числе 14 954 боевых и 11 438 учебных и транспортных самолётов.

Вероломное нападение фашистов 22 июня 1941 года сломало мирную жизнь нашей страны. Внезапность нападения и некоторые другие факторы сыграли роковую для ВВС роль. За

первые дни войны на аэродромах и в воздухе было уничтожено около 2 000 наших самолётов. На конец 1941 года общие потери ВВС РККА составили 21 200 самолётов, в том числе – 9 233 боевых (62%).

В первый же день войны в Каче была создана авиационная эскадрилья, в задачу которой входили: оборона Севастополя и аэродрома, сопровождение бомбардировочной авиации и ведение воздушной разведки. Многие из лётчиков-инструкторов Качи вошли в состав боевого истребительного авиационного полка, который возглавил Степан Павлович Супрун. Только за два первых месяцев войны над Белоруссией его полк сбил в воздушных боях 56 фашистских самолётов.

В самом Качинском училище, как и в других авиационных училищах и школах, приступили к обучению курсантов по ускоренным программам военного времени. Ежемесячно каждый лётчик-инструктор был обязан подготовить три-пять курсантов, 50-70 человек в год, с налётом 30-40 часов. Месяц обучения на УТИ-4, месяц – на Як-1, звание «сержант» и направление в запасной полк. В июле 1941 года руководство школы получило приказ на перебазирование в город Красный Кут Саратовской области. Полёты проводились одновременно сразу на девяти аэродромах.

Одновременно с Качинским вглубь страны были передислоцированы и другие авиационные училища. Все авиашколы после перебазирования в сжатые сроки приступили к обучению курсантов, времени на обустройство и раскраску не было.

ВВС РККА ввело в практику трёхмесячные командировки лётчиков-инструкторов на фронт. Из числа инструкторов на фронтовой стажировке побывало более 36 лётчиков. За короткое время качинские инструкторы И. Колесниченко, Н. Захаренко, В. Махалин, А. Сергеев, И. Сергеев, Агуреев сбили несколько фашистских самолётов. Вернувшись в школу, они внесли в подготовку своих курсантов всё то, что им так необходимо было на фронте.

Кроме лётного обучения курсантов на базе авиационных училищ были сформированы и отправлены на фронт 20 авиационных полков. За годы войны в СССР подготовлено 44 093 лётчика. В боях погибло – 27 600 человек: 11 874 истреби-

теля, 7 837 штурмовиков, 6 613 членов экипажей бомбардировщиков, 587 – разведчиков и 689 лётчиков вспомогательной авиации.

За время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза удостоен 2 721 военный лётчик. Из них 289- являлись выпускниками Качинского военного авиационного училища лётчиков. Весь мир знает имена таких героев-качинцев, Рис.6. как трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин, дважды героев – Амет-Хана Султана, Дмитрия Глинки, Александра Колдунова, Бориса Ерёмкина, Бориса Сафонова.

Великая Отечественная война завершилась полным разгромом фашистов в их логове. После вынужденной эвакуации лётные училища в 1945 году возвращаются в места прежней дислокации. В 1947 году командованием ВВС было принято решение о перебазировании Качинского училища в город Мичуринск. Для лётного обучения курсантов был выделен аэроузел с восемью аэродромами, расположенными в районных центрах. До 1951 года обучение проводилось на поршневых самолётах Як-3, Як-7, Як-9, Як-11, Як-18. К этому времени военно-промышленный комплекс нашего государства освоил производство новейшей реактивной техники. ВВС перевооружались на самолёты МиГ-15, а значит, необходимо было и в лётных училищах переходить к обучению на современную технику. Качинское училище первым в стране начало осуществлять этот сложный переход.

Была отобрана группа лётчиков-инструкторов: Н. Гончаров, Д. Иманок, М. Клоков и Ю. Фотинов (в дальнейшем генерал-лейтенант авиации, заместитель начальника Политуправления ВВС), инженеров и техников. Отбор курсантов проходил на демократической основе, у курсантов спрашивали желание – готовы ли быть в чис-

*Рис. 6. Трижды Герой Советского Союза
Маршал авиации
Александр Иванович
Покрышкин.*

ле первых. Не сразу решались, и далеко не все такое желание имели. До начала полётов была сформирована группа из 18 курсантов. В каждой лётной группе было по шесть человек. Переучивание курсантов прошло без лётных происшествий. В декабре 1951 года все 18 курсантов закончили обучение в Каче.

Несколько позднее на МиГ-15 стали переходить Армавирское и Черниговское училища.

В 1952 году начальником Качинского Краснознамённого авиационного училища был назначен качинец Борис Николаевич Ерёмин. Его имя было широко известно в стране. Он летал и бил фашистов в небе Сталинграда на самолёте Ферапонта Головатого. Б.Н. Ерёмин выступил с инициативой перед руководством ВВС о перебазировании училища в город Сталинград, область с наиболее стабильными климатическими условиями для выполнения лётной работы. Полёты начались сразу же после перебазирования. Летали сразу на шести аэродромах: Волгоград, Бекетовка, Райгород, Котельниково, Абганерово и Жутово.

Вот как об этом периоде вспоминает сам Борис Николаевич: «На сталинградской земле мы работали, обустроивались, летали в условиях страшных холодов, жары и пыльных бурь. Боролась с бездорожьём. Жили в палатках и землянках. И готовили курсантов к полётам и будущей жизни». Рис.7.

В 1959 году два учебных полка училища переходят на самолёт МиГ-17.

В этот период военно-политическое руководство страны во главе с Н.С.Хрущёвым пересматривало военную доктрину СССР. Тяжёлым катком прокатились по судьбам сотен тысяч авиаторов, в том числе, и офицеров-качинцев 1960-1961 годы. 1 млн. 200 тыс. военнослужащих были уволены, почти треть от общей численности военнослужащих СССР того времени. В Каче, как и во всех других лётных училищах, выпускников-лейтенантов три года подряд целыми выпусками отправляли в запас. Всё, чему учили три года, оказалось никому не нужно.

Но настали другие времена. Потребовался иной уровень подготовки. Проработка вопросов о переходе к лётному обучению по программе высшего образования решалась в самый нелёгкий период для всей авиации, в том числе и для Качинского училища. Отработка программ по ка-

федрам проходила с 1959 года. Своё логическое завершение она получила при начальнике училища полковнике Викторе Ивановиче Новикове. Большую роль сыграли в этом вопросе начальник штаба дважды Герой Советского Союза К.А. Евстигнеев и начальник УЛО (учебно-лётного отдела) полковник В.И. Ведерников.

Совершенствовалась учебно-методическая база кафедр УЛО. По рационализаторскому предложению преподавателей Д.П. Дунаева, В.В. Лукьянова и О.Д. Бранделиса в Каче была сконструирована своя аэродинамическая труба. Старший преподаватель кафедры авиационной техники А.Д.Самсонов разработал и построил на центральной базе новые действующие кабины-тренажёры реактивных самолётов.

В 1960 году в училище открылось заочное отделение для обучения инструкторов, не имеющих высшего образования.

С 1963 года в дипломах выпускников появилась в разделе «специальность» новая запись «Лётчик-инженер». В те непростые для Качи годы начальник училища полковник В.И. Новиков вместе с начальником политического отдела полковником А.А. Портянко мобилизовали весь коллектив направляли для становления училища на принципиально новой основе. Они учились сами и заставляли учиться всех, вплоть до своих заместителей. Задача стояла так: «Если училище высшее – значит учить и работать в нём должны люди с высшим военным образованием».

Это позволило поднять не только общеобразовательный уровень, но и значительно повысить методическое мастерство преподавателей и лётчиков-инструкторов. В 1959-1960 годах вслед за Качинским училищем, внедряя его опыт, переходили на обучение по программе высшего военного учебного заведения Черниговское, Балашовское, Тамбовское, Ейское, Харьковское, Армавирское и Оренбургское авиационные училища лётчиков.

В 1961 году в Качинском училище был разработан проект «Устава высшего военного авиационного училища лётчиков», который был утверждён Главкомом ВВС и принят к руководству во всех высших учебных заведениях Военно-воздушных сил.

В 1962 году на вооружение в училище поступили первые сверхзвуковые истребители МиГ-21ф. Первым переучивался на новую авиатех-

Рис.7. Самолет МиГ-17.

Рис. 8. Самолет МиГ-21.

нику 707-й уап в Лебяжье, где командиром был Николай Дмитриевич Лаптев. Главной особенностью переучивания было то, что на тот момент в полку не было ни одной «спарки» (учебного самолёта). Они появились только к концу 1963 года. Вылетали сразу на боевом самолёте. Обучение курсантов на сверхзвуковом самолёте доверили первой эскадрилье под руководством Петра Павловича Луданова.

23 июля 1963 года состоялись первые курсантские полёты выпускного курса на самолётах МиГ-21ф. В этот день вместе с курсантами летал и начальник училища В.И. Новиков. Он личным продемонстрировал курсантам всего училища, что на этом грозном самолёте можно и нужно научиться летать без учебного самолёта.

Так началась эпоха освоения сверхзвуковой техники в Качинском училище, а за ним в Харьковском, Черниговском, Ейском и Армавирском училищах.

1963-й год – это первый выпуск 73 лётчиков-инженеров с высшей подготовкой. В 1964 году было подготовлено и выпущено уже 94 лётчика. Двое из них – Ю.И. Митиков и В.Н. Шубин – завершили обучение с золотой медалью. Этот выпуск дал нашей стране двух замечательных Заслуженных лётчиков-испытателей Героя Советского Союза В.Н. Кондаурова и Героя РФ – Ю.И. Митикова.

1965 год, год 20-летия Победы над фашистской Германией. За выдающиеся заслуги в деле подготовки высококвалифицированных лётных кадров в годы войны и в послевоенное время училище было награждено орденом Ленина.

Процесс обучения курсантов продолжал совершенствоваться и усложняться. В 1964 году

был набран экспериментальный курс, курсанты которого начинали летать со 2-го года обучения на самолётах Л-29, минуя Як-18. На третьем курсе планировалось сразу начинать полёты на сверхзвуковом самолёте МиГ-21, минуя дозвуковой – МиГ-17. В 1966 году курсанты 2-го курса в целом успешно освоили реактивный Л-29 с налётом 100 часов.

Рис.8. В 1967 году 3-й курс в полном составе приступил к полётам на сверхзвуковом самолёте МиГ-21. В 704 уап (Котельниково) было создано четыре авиационных эскадрильи. Их возглавили подполковники М.И. Балаченков, А.Н. Ильин, Л.А. Лоянич и В.А. Аронов. В программу лётной подготовки 3-го курса входили самостоятельные полёты по кругу, в зону на простой пилотаж и по маршруту на средних и больших высотах. Некоторые курсанты психологически не смогли преодолеть переход на боевой самолёт.

На выпускном курсе курсанты набора 1964 года продолжали освоение МиГ-21. В программу выпускного курса входили: самостоятельные полёты по кругу, в зону на простой и сложный пилотаж; полёты строем в составе пары; разгон максимально-допустимой скорости и практический потолок самолёта; полёты на боевое применение – воздушные бои с обусловленным маневром, на полигон со стрельбой из пушки и НУРС. Кроме этого отрабатывались навыки в полётах на малой высоте, днём в СМУ и ночью в ПМУ, что соответствовало уровню лётчика 3-го класса. Общий налёт на курсанта на 3-м и 4-м курсах на самолёте МиГ-21 составил 100-110 часов.

В 1968 году состоялся выпуск лётчиков-инженеров проходивших обучение по новой сложной программе – 127 человек. Среди них Герой

Советского Союза (посмертно) А.Н. Левченко, совершивший огненный таран в Афганистане в 1984 году, Герои РФ Заслуженный лётчик-испытатель СССР В.М. Горбунов и Заслуженный лётчик-испытатель РФ В.П. Коростиев. В том же году закончили обучение будущие командующий 15 ВА генерал-лейтенант авиации М.И. Липатов, командующий корпусом ПВО генерал-лейтенант авиации А.К. Маренков, начальник Качинского училища генерал-майор авиации В.Н. Набоков.

Все последующие наборы курсантов Качинского училища уже обучались по этой программе, минуя самолёты Як-18 и МиГ-17.

В 1976-1977 годы в связи с усложнением международной обстановки возросло напряжение в работе Качинского училища. Лётное обучение проводилось в четырех учебных авиационных полках, на четырех стационарных и четырех лагерных аэродромах. Каждый полк, начиная с весны и до поздней осени, работал на двух аэродромах. Полёты на каждом аэродроме выполнялись ежедневно в две, а то и в три (с ночной) шестичасовых лётных смены. Годовой налёт училища составлял более 77 000 часов – больше, чем Воздушная армия! За образцовое обучение курсантов, безаварийную лётную работу начальнику училища Ивану Ивановичу Железняку было присвоено звание генерал-лейтенанта авиации.

В целом по стране готовили лётчиков и штурманов для ВВС СССР 17 высших военных авиационных училищ. В том числе:

- 7 училищ по подготовке лётчиков-истребителей на сверхзвуковых самолётах: Качинское, Барнаульское, Борисоглебское, Ставропольское, Харьковское, Черниговское и Армавирское для авиации ПВО страны.
- Ейское училище – по подготовке лётчиков ИБА.
- Тамбовское училище- по подготовке лётчиков для ДА.
- Балашовское училище – по подготовке лётчиков для ВТА.
- Оренбургское училище- по подготовке лётчиков для авиации ВМФ.
- три вертолётных училища – Сызранское, Саратовское и Уфимское.
- два высших штурманских училища – Челябинское и Ворошиловградское.
- Краснодарское училище по подготовке лётчиков дружественных стран.

Около 2 000 выпускников ежегодно пополняли ряды лётчиков и штурманов всей нашей военной авиации.

Командные лётные и инженерные кадры готовились в Военно-воздушной академии им. Ю.А. Гагарина и Военно-инженерной академии им. Н.Е.Жуковского.

В 90-е годы Вооружённые Силы СССР подверглись жесточайшему сокращению, в том числе, прежде всего, Военно-воздушные силы. В своем докладе Верховному Главнокомандующему при вступлении в должность министра обороны С.К. Шойгу подчеркнул, что Вооружённые Силы потеряли свою боеспособность, а Военно-Воздушные Силы оказались разгромленными. Несмотря на то, что в последние годы во всех локальных конфликтах и войнах, в т.ч. и в Афганистане, Югославии, Ираке авиация всегда играла приоритетную роль, в нашей стране она подверглась системному уничтожению. Первыми «под топор» пошли гвардейские полки и дивизии первой линии. С выводом групп войск из Европы на территорию России они в основном расформировывались. Вместо именных, орденосных дивизий и полков по американскому принципу создавались безликие номерные базы 1-го и 2-го разрядов.

Уничтожались академии – кузницы наших военных авиационных кадров. В 2008 году Военно-воздушную академию объединили с Жуковской в Монино. А затем 12 июля 2011 года эту объединённую академию вообще закрыли, а обучение слушателей было передано в Военный авиационный инженерный университет в Воронеже.

Авиационные лётные училища оказались в положении катастрофическом. Все училища лётчиков, вертолётчиков и штурманов, кроме Краснодарского, были расформированы, а Харьковское и Ворошиловградское училища в результате «дележа» отошли Украине. Расформированными оказались в 1998 году Качинское училище лётчиков, а в 1992 году Оренбургское авиационное училище лётчиков, которое заканчивал первый в мире космонавт Ю.А. Гагарин. Для истории не оставили ровным счётом ничего.

Кача является историческим лицом авиации России. За годы ратного труда в стенах прославленного училища было подготовлено более 17 000 военных лётчиков, имена многих из них остались навечно в памяти народной.

Качу окончили три Главных маршала авиации К.А. Вершинин, П.Ф. Жигарев, А.И. Колдунов, девять маршалов авиации, первый трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин, 14 дважды Героев Советского Союза, более 350 Героев. Уже в постсоветский период 39 выпускников Качинского училища были удостоены высокого звания Героя РФ. 12 качинцев стали лётчиками-космонавтами.

Сегодня военных лётчиков для ВВС готовят в единственном авиационном училище лётчиков в Краснодаре. Министром обороны РФ в честь 100-летия Качинского училища 21 июля 2010 года было принято решение присвоить филиалу ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в городе Краснодаре наименование «Качинский». К сожалению, это решение МО РФ до настоящего времени не выполнено и имя первого в мире российского училища не восстановлено.

В наши дни работа по восстановлению исторического лица авиации России, присвоению наименования «Качинский» Краснодарскому училищу продолжается.

Где и как готовятся в наши дни лётные военно-авиационные кадры?

1. Работает Краснодарское ВВАУЛ им. Героя Советского Союза А.К. Серова. Лётное обучение проходит на трех аэродромах: Котельниково, Кущёвская, Тихорецк, а также в трех авиационных центрах:

- Армавирский центр, на аэродромах Армавир и Майкоп (ИА);
- Борисоглебский центр, на аэродромах Борисоглебск, Мичуринск (БА и ША);
- Балашовский центр, на аэродромах Балашов, Ртищево (ДА и ВТА).

На вооружении находятся учебные и боевые

самолёты Л-29, Л-39, Л-410, Ан-26, МиГ-29, Су-25, Су-27. Поступают Як-130.

2. Военный Учебно-научный центр ВВС «Военно-Воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в Воронеже с двумя филиалами в Челябинске и Сызрани.

Наборы и обучение курсантов для наших ВВС проходили очень неритмично и отрывочно. В 2007-2009 гг. три года подряд не было набора молодёжи, граждан РФ. Набирались только иностранные военнослужащие. В авиационных частях был резко ошутим кадровый голод. В настоящее время с приходом нового министра обороны положение выправляется. В прошлом году выпустились из стен авиационных училищ и филиалов 345 лётчиков, 160 штурманов и более 200 вертолётчиков. Для сравнения, в 2017 году было всего 170 выпускников. В 2019 году практически все выпускники 2017 и 2018 года будут подготовлены на 3-й класс.

В этом году на полёты выходят уже 800 курсантов. Летать они будут на семи аэродромах на самолётах Л-39, Як-130 и ДА-42 «Даймонт» иностранного производства.

Новые авиационные училища пока открываться не будут. Основной упор сделан на развитие и модернизацию техники и вооружения.

Так, глубокой модернизации подлежат самолёты нашей стратегической авиации Ту-160 и Ту-22 МЗМ. Истребители дальнего действия МиГ-31 будут перевооружены на гиперзвуковые комплексы «Кинжал».

14 мая с.г. Верховным Главнокомандующим принято решение о создании трёх авиационных полков, вооружённых истребителями 5-го поколения Су-57 в составе 76 боевых самолётов. С этого года уже начинается формирование указанных авиационных частей.

*Сергей Александрович Мозговой,
Россия, Москва, Российский научно-исследовательский
институт культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
руководитель Центра военного и морского наследия,
кандидат исторических наук, доцент*

Память о Первой мировой войне

Миновал столетний юбилей Первой мировой войны. Он стал поводом к тому, чтобы вспомнить о судьбе прадедов, воевавших на ее фронтах. Некоторые, вдруг проявив к ней интерес, поспешили ухватиться за брошенный кем-то из журналистов тезис о войне «забытой». Иначе как с улыбкой, сопровождаемой законным вопросом, на это не отреагируешь: «А кто вам мешал ее изучать?». Книг и статей о той войне написано тысячи, миллионы документов хранятся в архивах. Некоторые из тех, кто вопрошал, ранее даже не удосужились поинтересоваться своими родственниками. И лишь всеобщий интерес к истории войны, активизированный ее юбилеем, воскресил в памяти людей имена пращуров и сподвигнул к поиску информации о них. Сей факт красноречиво свидетельствует об отсутствии культуры памяти у подавляющего большинства населения и ставит перед научно-педагогическими работниками и деятелями культуры соответствующие задачи – привить ее и воспитать. Одновременно это требует изучения проблем памяти и забвения, и оно

активно ведется во многих странах мира, включая Россию, в том числе, относительно Первой мировой войны. В дискурсе ученых существуют разные подходы к оценке войны и памяти о ней.

Оценку и память о Первой мировой войне наглядно отражают существовавшие в разный период ее названия. С началом она получила название «Вторая Отечественная», а затем «Великая». В социал-демократической среде ее именовали «империалистической», в солдатской массе называли «германской». И лишь впоследствии, когда она показала свой глобальный и всеохватывающий характер за ней закрепилось общепринятое название «Первая мировая война».

В последнее время некоторые авторы вслед за русским зарубежьем первой волны эмиграции или отдельными западными историками пытаются вновь поставить под сомнение империалистический характер Первой мировой войны. Возможно, сами того не понимая, они уводят правящие элиты воевавших стран от ответственности за ее возникновение. Они стре-

мятся не замечать гениальную мысль Клаузевица о том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами»¹. Мы также можем констатировать точность ленинского тезиса о характере войны, подтвержденного самой историей и отечественной наукой как наиболее верный. «Европейская война, которую в течение десятилетий подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась, — писал Ленин в конце 1914 года. — Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих территорий, разоружение конкурирующей нации, грабеж ее богатств... — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»². В этой ленинской формуле сконцентрирован глубочайший научный анализ сложнейшего вопроса о происхождении войн.

Известно, что война была развязана империалистическими державами с явными империалистическими целями и военными планами захвата новых территорий, которые разрабатывались генеральными штабами задолго до начала войны. Она была порождена глубочайшими и острейшими противоречиями капиталистической системы и соперничеством. Это была самая страшная война, ставшая величайшей трагедией для народов мира. В ней погибло 10 миллионов человек, еще больше людей было физически и нравственно изувечено, многие так и не смогли оправиться от гибели родных. Не случайно их так называли «потерянное поколение». Россия потеряла в этой бойне 1,8 млн убитых на полях сражений воинов, около 5 млн раненых и 2 млн гражданского населения.

Война разрушила многие предрассудки классового общества, а потом и сами эти общества: монархии и империи. Она повлияла на изменение политического пространства в Европе и Азии, а политика, как нам представляется, является самым сильным фактором изменения идеологий и трансформации памяти³.

Как известно, в молодой Советской России и позже в Советском Союзе было написано множество научных трудов о войне, авторы которых

являлись известными специалистами, в том числе, непосредственными участниками войны. Работа по изучению истории Первой мировой войны началась в августе 1918 года, т. е. еще до ее окончания. Была создана Военно-историческая комиссия по описанию Первой мировой войны 1914–1918 гг. под председательством известного военного ученого А. А. Свечина. Комиссия выпустила четыре «Военно-исторических сборника», в которых обобщался опыт войны. Морской отдел этой комиссии позже был преобразован в самостоятельную Военно-морскую историческую комиссию, руководителем которой назначен выдающийся морской историк и теоретик военно-морского дела, начальник Военно-морской академии Н.Л. Кладо. Он привлек в комиссию авторитетных специалистов, среди которых последний морской министр Российского императорского флота И.К. Григорович, другие адмиралы и офицеры — непосредственные участники войны. Комиссия работала до 1923 года и опубликовала более 110 монографий и статей⁴. В межвоенный период и после Великой Отечественной войны было написано множество трудов с обобщением боевого опыта и ее истории. В рамках статьи невозможно перечислить все то, что издавалось о Первой мировой войне в СССР. Труд по историографии Первой мировой войны займет целую книгу. Частично с названиями основных трудов можно ознакомиться в выпущенном Институтом Наследия сборнике⁵. Все это разбивает в прах утверждения тех, кто говорит о войне «забытой».

А если составить антологию литературных произведений, то добавится еще несколько томов. Американский исследователь профессор истории Карен Петрон из Университета Кентукки (США) в своей книге «Великая война в Российской памяти» показала, что в 1920–30-е годы в СССР существовали проекты запечатления памяти о войне. А во время Великой Отечественной войны память о Первой использовалась для патриотической мобилизации.

Память не ограничивается научной, военно-специальной и художественной литературой и военной мемуаристикой. Задача увековечивания памяти героев и их подвига связана с мемориальной и военно-мемориальной работой, обустройством кладбищ и захоронений, установлением памятников, созданием мемориалов

лов, музеев, архивов и справочно-информационных центров.

Такой опыт имеется и постоянно нарабатывается. Так, в Военно-морском флоте приказом Главнокомандующего ВМФ определен перечень мест боевой славы с их координатами⁶. В их числе места героических подвигов и гибели кораблей. В соответствии с этим приказом, корабли ВМФ отдают воинские почести героизму, отваге, мужеству и самоотверженности моряков. К местам боевой славы Первой мировой отнесены следующие объекты.

В Балтийском море:

— широта 58 град 50 мин. сев. — при пересечении параллели острова Хейланд в проливе Муху-Вяйн — в честь морского сражения против кайзеровского флота в октябре 1917 года;

— при прохождении меридиана маяка Толбухин — в честь военных моряков-балтийцев, совершивших ледовый поход в 1918 году;

— широта 59 град 51 мин. сев., долгота 28 град 56 мин вост. — в память об экипажах эскадренных миноносцев «Гавриил», «Константин» и «Свобода», погибших в Копорском заливе 1919 года.

В Средиземном море:

— на траверзе Порт-Саида — в память русско-го крейсера «Пересвет», погибшего 22 декабря 1916 года (4 января 1917 г. по н. ст.).

В Индийском океане:

— При прохождении траверса острова Пенанг в Малакском проливе — в память крейсера «Жемчуг», погибшего 15 (28) октября 1914 года.

Дополнительно к приказу по решению командования военные моряки отдают почести (на Балтийском море):

— в память о героической гибели канонерской лодки «Сивуч» в бою с германскими кораблями у острова Кюно (Кихну) 6 августа 1915 г.;

— в честь первых подводников российского флота и в память об экипаже первой серийной подводной лодке «Барс», погибшей в мае 1917 г в 17 милях восточнее острова Готска-Санде.

Есть и другие памятные места.

Как видим, на флоте всегда помнили и отдавали почести героям Великой войны. В настоящее время, в связи с нахождением в морских глубинах погибших кораблей, необходимо внести дополнения в перечень мест отдания воинских почестей.

Таким образом, для ученых и военных эта война никогда не была забытой, для обывателя — возможно. Те, кто хотел о ней помнить и чтить своих предков, тот помнил, а кто не хотел, тот спекулировал на ее «забытости». Например, в нашей семье всегда знали о том, что брат прадеда, уроженец Новгород-Северского уезда Черниговской губернии был ранен 23 февраля 1917 года под Ригой, награжден Георгиевской медалью IV-й степени «За храбрость», а племянник, будучи солдатом 188-го пехотного Карсского полка, в августе 1915 года оказался в «польском мешке» в окружении, был ранен и попал в германский плен. Отец и дед моей бабушки, оба паровозные машинисты, водили эшелоны войск на фронт в Галицию и оттуда доставляли раненых в госпитали. Таким образом, для нашей семьи эта война никогда не была забытой. Все это, конечно, вопросы семейной памяти.

Поэтому считаю, что ученым не следует тиражировать тенденциозный миф о «забытой» войне. Хотя, безусловно, имело место и «забвение», и угасание памяти о солдатах Первой мировой, в том числе, по причине отсутствия полей сражений и величественных мемориалов на территории нынешней России. У забвения причины идеологические, культурные и историко-географические.

Безусловно, многое зависит от культуры памяти, которая воспитывается, прежде всего, в семье. Если говорить о государственной политике сохранения исторической памяти и мемориализации войны, то они достаточно хорошо разработаны в Западной Европе. Первые захоронения, мемориалы и обелиски создавались сразу после боев и сражений. Учитывая, что фронты этой войны были, как правило, статичны, сражения подолгу велись в одном и том же месте, то солдат в большинстве случаев не увозили на Родину, а хоронили неподалеку от мест, где они были убиты. Поэтому военные мемориалы есть практически везде, где шли бои. Но также хоронили и на приходских кладбищах, а если воины гибли вдали от населенных пунктов, то в отдельных могилах. После окончания войны отношение к ней менялось постепенно, люди стали посещать места минувших боев лишь спустя десять лет после окончания войны. Так было на Западе, где не было Гражданской войны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в СССР в

те же годы не проводилось массового поминовения.

Наибольшее количество туристов и паломников посещают места боев на Западном фронте. И хотя по территории Бельгии и Франции прокатилась Вторая мировая война, а после нее много земли было застроено, в Западной Европе имеется большое количество сохранившихся полей сражений и созданных на них военных мемориалов, которые протянулись на 700 км от бельгийского побережья на севере до швейцарской границы на юге. В Бельгии близ города Варегем есть американское военное кладбище и мемориал «Поля Фландрии», который представляет собой реконструированные траншеи на поросших маками полях сражений, а также музей, который посещают 200 тыс. человек в год. Подробнее о мемориалах на Западном фронте также можно посмотреть в упомянутом выше сборнике.

Когда знакомишься с архитектурой и состоянием европейских и североамериканских мемориальных комплексов Первой мировой войны, то понимаешь, сколько еще предстоит нам сделать, чтобы соорудить достойные мемориалы в исторической России (Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтика).

Учитывая, что в СССР целенаправленной мемориальной работы, посвященной Первой мировой войне, практически не проводилось, памятники героям войны устанавливали очень редко. Среди заслуживающих внимания примеров можно назвать установленные в Киеве и ряде других городов памятники и мемориальные доски легендарному герою-летчику П.Н. Нестерову, в Москве генералу А.А. Брусилову и некоторым другим воинам.

В советское время в память о Нестерове были выпущены книги, в его честь названы улицы в Киеве, Москве, Ленинграде, Гатчине, Керчи, Минске, Краснодаре и ряде других городов, выпущены почтовые марки, открытки и конверты. А в книге Е. Ф. Бурче Петр Николаевич Нестеров (1887—1914), изданной в 1955 году издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей», целая глава посвящена наследию Нестерова.

После смерти А. А. Брусилова в Новодевичьем монастыре на его могиле⁷ было установлено скромное и одновременно строгое мемориальное надгробие из красного гранита с лаконич-

ной надписью: Генерал Алексей Алексеевич Брусилов родился 1 сентября 1853 г., умер 17 марта 1926 г.

Также по инициативе и на средства Министерства обороны СССР воинам Первой мировой войны ставились памятники за рубежом. Это памятник морякам крейсера «Жемчуг» с надписью «Русским военным — благодарная Родина» в Пенанге (Малайзия), установленный в 1976 году, и памятник на могиле моряков броненосца «Пересвет», установленный в 1955 году на христианском кладбище Порт-Саида (Египет).

Однако учитывая масштаб той войны и множество героических подвигов, это капля в море. А больших и значимых мемориалов создано не было по ряду исторических, идеологических и географических причин.

Во-первых, память о Первой мировой войне была отодвинута на задний план последующей за ней Гражданской войной.

Во-вторых, сказалось отрицательное отношение к войне, принесшей неисчислимы бедствия народу, как со стороны правящей партии, так и широких масс населения, испытавшего травму от многолетнего военного насилия. В результате памятники не только не появлялись, но, напротив, в ряде мест (Ленинград, Москва, Вязьма и др. города) были уничтожены существующие. Причина их разрушения объяснялась идеологическими соображениями или была связана с низким культурным уровнем чиновников, отсутствием наследнического сознания.

Сыграло свою роль также то, что на территории СССР не существует значимых мест сражений, таких, как на Западном фронте в Бельгии и во Франции, где полегли сотни тысяч солдат.

Кстати, в странах Центральной и Восточной Европы, где проходил Восточный фронт, многие места, связанные с Первой мировой войной, тоже никак не отмечены, хотя до Второй мировой войны во многих из них не было народно-демократических правительств.

Активно задумываться о необходимости увековечения памяти русских солдат — героев Первой мировой войны начали в 1980-х — 1990-х гг., особенно в 1988 году — в год 70-летия окончания войны. Ряд общественных организаций инициировали обращения в Правительство и Министерство обороны СССР о необходимости восстановления разрушенных мемориалов.

В 2000-е годы в память о героях «Великой войны» в ряде регионов России стали возводиться новые памятники, устанавливаться мемориальные доски, присваиваться названия улицам. Так, например, в 2008 году, в день 90-летия окончания войны, в пригороде северной столицы городе Пушкине (Царское Село) на месте уничтоженного в советское время Братского кладбища был установлен памятник героям Первой мировой войны. В 2012 году в честь ветерана Первой Мировой и Великой Отечественной войн, Героя Советского Союза К.И. Недорубова в Москве названа новая улица. Этот список можно продолжить...

Заметно улучшилась ситуация с мемориализацией при подготовке к 100-летию начала Первой мировой войны. Эта дата в России, как и во всем мире, отмечалась на высшем государственном уровне. Были установлены величественные памятники в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде и области, в других городах и областях. Так, 1 августа 2014 года к столетию Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе был открыт памятник ее героям. В этот же день у Витебского вокзала Санкт-Петербурга прошла торжественная церемония открытия памятника «Русской гвардии Великой войны». Также были установлены памятники и мемориальные доски в Калининграде, Липецке, Пскове, Ростове-на-Дону, Пензе и других населенных пунктах.

Необходимо отметить, что в Бельгии, Франции и ряде других стран находится большое количество захоронений русских воинов, погибших в Первую мировую войну. Всего за рубежом по данным Управления Минобороны России по увековечению памяти погибших при защите Отечества на 1 февраля 2017 года числится более 82 тысяч захороненных воинов Первой мировой, учтено 2 364 захоронения, паспортизировано 327. Работа по обследованию и паспортизации продолжается.

Российские посольства совместно с местными властями осуществляют за ними постоянный уход. А с начала XXI века начался процесс создания новых памятников российским воинам. В 2011 году в Париже был открыт Мемориал памяти солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, воевавших в составе союзнических армий в 1916—1918 гг., в 2018 году на высоте Мон-Спен в департаменте Эна был установлен обе-

лиск памяти воинов Русского экспедиционного корпуса, сражавшихся на французской земле в 1916—1918 гг., 8 декабря 2018 года состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски у Русской пещеры в честь российских воинов, попавших в плен и содержащихся в пещере, расположенной недалеко от населенного пункта Костаньевица-на-Красе в Словении. В России и за рубежом появилось много подвижников – поисковиков, стремящихся восстановить память о русских воинах и отдать им заслуженные почести.

В нынешнюю эпоху, наряду с высоконравственными актами восстановления исторической памяти, наблюдается рвачество и вандализм, обусловленные жаждой наживы и опять-таки низким культурным уровнем и отсутствием наследнического сознания. Девелоперами и застройщиками при попустительстве и соучастии чиновников уничтожаются исторические ландшафты и объекты культурного наследия, в том числе исторические здания – хранители памяти «Великой войны». К примеру, в Москве строительная компания «Мортон» уничтожила госпиталь Красного Креста на Красноказарменной улице⁸. Остановить это варварство должна политическая воля и строгость закона.

Таким образом, в нашей стране всегда помнили великую битву народов – войну, кардинально изменившую политическую карту мира и оказавшую влияние на весь XX век. В Советском Союзе вопросам изучения истории Первой мировой войны и боевому опыту уделялось серьезное внимание. Эти исследования были открыты для широкой публики. В тоже время вопросам коммеморации уделялось недостаточное внимание. Причиной тому объективный и субъективный факторы, вследствие которых тема Первой мировой войны постепенно утрачивала свою значимость. Однако в последние 20 лет в научном сообществе стало ей уделяться все больше внимания. Мемориальная работа заметно активизировалась в связи с подготовкой к 100-летию начала Первой мировой войны. Было проведено множество научных конференций, в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, Историческом музее, Центральном Военно-Морском музее, музее Мирового окна и др. организованы выставки. В 2014 году в составе Государственного музея-заповедника «Царское село» был открыт

музей «Россия в Великой войне». Актуальной и весьма важной задачей остается создание музея Первой мировой войны в Москве.

Процесс создания воинских мемориалов участникам Первой мировой войны можно разделить на четыре периода, где первый приходится собственно на время самой войны (1914—1918 гг.), второй охватывает период первых 15–20 лет после войны, так как к 1932–35 гг. были созданы многие крупные мемориалы в Западной Европе. Третий период приходится на время после Второй мировой войны – до 70–80 гг. XX века. Он характеризуется возникновением новых захоронений, реставрацией и реконструкцией ранее возведенных мемориалов. Четвертый период – это подготовка к 100-летию начала Первой мировой войны, возведение новых памятников (кенотафов), поиск и реставрация утраченных захоронений, большое число научных конференций, выпуск научных монографий, справочно-энциклопедический литературы и почтовых марок.

Центр военного и морского наследия серьезно изучает историю Первой мировой войны и её военно-историческое наследие. В годы столетнего юбилея нами были проведены семинары и круглый стол «Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны», выпущен сборник докладов⁹, собрана большая коллекция документальных материалов, оказана помощь ряду музеев в содержательном оформлении экспозиций выставок. В их числе, например, выставка «Война на море» в Музее мирового океана в 2014 году в Калининграде. Нами были подготовлены предложения по созданию музея Первой мировой войны в Москве и проект Концепции мемориализации военно-исторического наследия Первой мировой войны¹⁰, а также собрана большая библиотека книг, фотографий, писем, открыток и предметов «траншейного искусства» Первой мировой войны, других артефактов, являющихся свидетелями и предметами военно-исторического наследия той эпохи.

Целый ряд наших предшественников проделали важную работу по исследованию проблемы памяти Первой мировой войны: Е. С. Сенявская (МГИМО-Университет), Б. И. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге), О. Ю. Малинова (ИНИОН РАН), а Российский ин-

ститут стратегических исследований посвятил этой проблеме книгу в трехтомнике «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память» под редакцией доктора исторических наук О. В. Петровской, где в статьях Д. А. Мальцева, Р. Н. Рахимова, И. В. Бородин и других анализируется отечественная историография и историческая память. Следует заметить, что за рубежом этой проблеме стали уделять внимание значительно раньше. Среди них такие известные исследователи, как Джей Уинтер, Пол Фассел, Джордж Мосс, Йозеф Йерушалми, Хедли Виллмотт, Герфрид Мюнклер, Карен Петрон и др.

Большой вклад в изучение Первой мировой войны внесла Российская ассоциация историков Первой мировой войны и историки О. В. Айрапетов, В. П. Булдаков, В. И. Жуматий, Д. Ю. Козлов, Е. Ф. Подсобляев, А. И. Уткин, В. К. Шаццлло и др.

16–18 мая с.г. в Доме русского зарубежья (Москва) прошла Первая международная научная конференция «Русские войска во Франции и на Балканах (1916 – 1918) в истории и памяти России и Европы», организованная совместными усилиями Общества памяти воинов Русского экспедиционного корпуса и Центрального музея Вооруженных Сил РФ и при поддержке Института Наследия и других организаций. В рамках конференции были рассмотрены новые страницы истории Русского экспедиционного корпуса (РЭК), включая материалы в архивах и музеях, биографии его участников и др. Совместно с коллегами нам предстоит продолжить работу по изучению наследия Первой мировой войны, включая боевую деятельность РЭК, выявление документов русских бригад, поиск захоронений и мемориализация ратного подвига. Особое внимание надо уделить поиску информации о воинах РЭК в Северной Африке, так как в отличие от Франции, документов и фотографий по этому региону очень мало.

При подведении итогов конференции президент Фонда «Общества памяти воинов Русского экспедиционного корпуса (1916–1918)» Наталья Родионовна Малиновская (дочь воина Русского экспедиционного корпуса, прославленного советского маршала Р.Я. Малиновского) отметила важность сохранения исторической памяти и сказала, что современникам недостаточно быть «человеком разумным» (*homo sapiens*), надо

быть «homo memo» – «Человеком Помнящим». Это очень важная характеристика человека. Историческая память – это своеобразная летопись человечества, необходимая для его выживания.

В рамках форума в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации была открыта обширная выставка «Русские войска во Франции и на Балканах (1916-1918) в истории и памяти России и Европы».

¹ Клаузевиц, К. О войне/К. Клаузевиц. – М. : Эксмо, 2007.

² Ленин, В. И. Война и российская социал-демократия. Полное собрание сочинений, изд. 5-е/ В.И. Ленин.- М.: Издательство политической литературы, 1967-1981.- Т. 26. С. 22.

³ Мозговой С.А. Память о войне и международный опыт мемориализации ратного подвига // Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно-практического круглого стола 12 октября 2017 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. НИИ культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; ред.-сост. – С. А. Мозговой. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 14-15.

⁴ Козлов, Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914—1917) : Монография/Д.Ю. Козлов. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – С.12.

⁵ Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно-практического круглого стола 12 октября 2017 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. НИИ культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; ред.-сост. – С. А. Мозговой. – М. : Институт Наследия, 2019. – 162 с.: ил.

⁶ Приказ приказом Главкомандующего ВМФ № 310 от 1986 г.

⁷ Существуют сведения, что первоначально на могиле А. А. Брусилова, которая находится в одной ограде с другим участником Первой мировой войны генералом Р. Н. Яхонтовым был установлен православный крест, позже замененный на плиту из красного гранита. Прим. авт.

⁸ Дарья Окунева. В Москве застройщик снес здание-мемориал Первой мировой войны. См.: URL:<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2663584> (дата обращения 30.12.18).

⁹ См. Сборник Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно-практического круглого стола 12 октября 2017 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. НИИ культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; ред.-сост. – С. А. Мозговой. – М. : Институт Наследия, 2019. – 162 с.: ил.

¹⁰ Мозговой, С.А. Проект Концепции мемориализации военно-исторического наследия Первой мировой войны/ С.А. Мозговой, С.А. Рябов // Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно-практического круглого стола 12 октября 2017 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. НИИ культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; ред.-сост. – С. А. Мозговой. – М. : Институт Наследия, 2019. – С. 145-160.

*Константин Сергеевич Морозов,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных Сил
Российской Федерации,
лектор-экскурсовод научно-просветительного отдела*

Стрелковое оружие союзников СССР по антигитлеровской коалиции: конструктивные и эксплуатационные особенности (на основе экспонатов ЦМВС РФ)

В экспозиции ЦМВС РФ, в зале № 16, на стендах, посвящённых действиям союзников СССР по антигитлеровской коалиции, среди экспонатов имеются два интересных образца стрелкового вооружения. Речь идёт о винтовке М-1 «Гаранд» (Garand) и пистолете-пулемёте «Рейзинг» (Reising) М-50.

Винтовка М-1 Гаранд (официальное наименование US Rifle, Caliber .30, M1) была принята на вооружение всех видов ВС США в 1936 г. Первый рабочий прототип, изобретённый инженером государственной компании «Спрингфилд Армори» (Springfield Armory) Джоном Гарандом, появился уже в 1929 году. Винтовка оказалась удачной и до момента принятия на вооружение в 1936 году проходила тщательные испытания и доводку. Первая партия винтовок поступила в ВС США в 1937 году. В 1941 была проведена небольшая модернизация винтовки на основе эксплуатационных отзывов из войск¹.

М-1 Гаранд – четвертая в мире самозарядная винтовка, принятая на вооружение (советская АВС-36 – третья по счёту) и первая само-

зарядка, сразу ставшая основным оружием пехоты².

Калибр винтовки: 7.62 мм. Патрон: .30-06 (7.62 x 63 мм). Зарядность: 8 патронов (в пачке). Вес без патронов: 4.313 кг. Длина оружия: 1107 мм. Длина ствола: 609 мм (4 правых нареза). Начальная скорость пули: 855 м/с. Максимальная прицельная дальность: 1800 м. Прицел диоптрический, с установкой по дальности³.

Официально в эксплуатации ВС США винтовка находилась с 1936 по 1957 годы. Зарекомендовала себя как надёжная, точная, с высокой служебной прочностью. В руках американских солдат прошла Вторую мировую войну и войну в Корее. Для ВС США винтовка производилась как государственным оружейным заводом «Спрингфилд Армори», так и частными оружейными компаниями-подрядчиками «Винчестер» (Winchester), «Харрингтон энд Ричардсон» (Harrington & Richardson), «Интернэшнл Харвест» (International Harvest). После 1945 года винтовка по лицензии производилась в Италии компаниями «Беретта» (Beretta) и «Бреда» (Breda)⁴.

Известно, что модификация винтовки М-1 под патрон 7.62x51 НАТО использовалась ВМС США до 1963 года. Кроме того, винтовка находилась на вооружении Национальной гвардии США до 1966 года. В настоящее время винтовка используется ротами почётно караула в вооруженных силах и военизированных ведомствах США как церемониальное оружие⁵.

В конце Второй мировой войны в 1944 году были разработаны снайперские модификации винтовки: М1С и М1D для армии и корпуса морской пехоты США (винтовки различались типами оптических прицелов и незначительными деталями внешнего оформления; эксплуатировались до 1951 года.)⁶.

Интересно, что сам Джон Гаранд (1888 – 1974) подал патентную заявку на свою винтовку ещё в 1939 году, но получил данный документ лишь в 1945. Родившийся в Канаде, и позже получивший гражданство США, Дж. Гаранд сам был выдающимся стрелком-спортсменом. В 1918 году он представил комиссии ВС США ручной пулемёт своей конструкции. Пулемёт не был принят на вооружение, но сам конструктор получил престижную работу в государственном Бюро Стандартизации США. Позже, когда Дж. Гаранд работал на государственном оружейном предприятии «Спрингфилд Армори», он также самостоятельно разработал станки и всю технологическую линию для производства винтовок М-1⁷.

В настоящее время винтовки М-1 популярны и востребованы на гражданском оружейном рынке США. Существует также коммерческая 10-зарядная модификация винтовки под спортивный патрон .276 «Педерсен» (Pedersen) для стрелков-спортсменов⁸.

Автоматика винтовки работает по принципу отвода пороховых газов из канала ствола. Запирание – поворотом затвора на два боевых выступа. Курковый ударно-спусковой механизм винтовки смонтирован в виде отдельного быстросъёмного модуля, что облегчало уход за оружием. Предохранитель винтовки также надёжный и удобный для пользователя. В случае осечки, курок винтовки можно повторно взвести без «передёргивания», немного оттянув спусковую скобу вниз и вперёд.

Интересно устроено боепитание винтовки. М-1 принадлежит к типам оружия с так называемым пачечным заряданием. Пачка – стальной

(реже – алюминиевый) рамочный держатель на восемь патронов – при зарядании, вставлялась в винтовку сверху, через открытый затвор, удерживаемый затворной задержкой. После последнего выстрела пустая пачка с характерным звоном вылетала вверх, а затвор оставался открытым, позволяя быстро зарядить винтовку новой пачкой. Недостаток подобной системы в том, что в процессе стрельбы невозможно оперативно дозарядить магазин оружия или заменить частично расстрелянную пачку на новую.

В войсках винтовка М-1 была принята с большим энтузиазмом. Хотя винтовки, поставившиеся с 1937 года, имели небольшую недоработку в газоотводной системе, приводившую к заклиниванию механизма после шестого выстрела, эта проблема была полностью решена к 1941 году. Боевые характеристики винтовки оказались на высоте. Солдатам нравилась скорострельная, точная, надёжная винтовка с элегантным дизайном и хорошей эргономикой. Но перевооружение новой винтовкой происходило медленно. Так, например, Корпус морской пехоты США полностью перевооружился на новую винтовку только к концу 1943 года. Некоторое количество винтовок М-1 было поставлено союзникам США по антигитлеровской коалиции⁹.

Винтовка М-1 является в США предметом исторической гордости. Генерал Джордж Паттон называл её даже «величайшим средством ведения войны из всех когда-либо созданных»¹⁰.

Ещё один предмет вооружения – пистолет-пулемёт (ПП), также американский, «Рейзинг» (Reising) М-50 калибра 45АСР (т.е. 11.43 мм) конструкции Юджина Рейзинга. Производился с 1940 по 1945 годы компанией «Харрингтон энд Ричардсон» (Harrington & Richardson). Пистолет-пулемёт изначально проектировался для нужд полиции, но накануне вступления США во Вторую мировую войну в 1940 – 1941 годах был принят на вооружение ВМС, Корпуса морской пехоты и Береговой охраны США. Основная причина принятия на вооружение ПП «Рейзинг» стали медленное производство и нехватка в войсках ПП «Томпсон». Кроме того, М-50 оказался намного дешевле «Томпсона» (50 долл. против 225)¹¹.

М-50 имел магазин на 20 патронов, существовали также 12-зарядные магазины, но они очень редки. Полагалось по шесть 20-зарядных магазинов на один ПП. Вес М-50 без патронов:

2.95 кг. Длина оружия: 857 мм. Длина ствола: 279 мм. Начальная скорость пули: 280 м/с. Принцип работы автоматики: полусвободный затвор. Скорострельность: 550 выстрелов в минуту. Прицельная дальность: 300 ярдов (274 м). Небольшая первоначальная партия ПП М-50 была выпущена с дополнительной передней рукояткой – сегодня это редкие экземпляры. Всего за годы производства было выпущено более 100 тыс. ПП «Рейзинг»¹².

Отношение к М-50 в войсках было неоднозначным. Первоначально оружие проектировалось конструктором, как самозарядный карабин для гражданского и полицейского использования. Это наложило некоторые особенности на его конструкцию. Так, М-50 имел курковый ударно-спусковой механизм и вёл огонь с закрытого затвора (в отличие от подавляющего большинства ПП того периода времени), что положительно сказывалось на точности при стрельбе. Как полицейское или гражданское оружие М-50 был спроектирован неплохо, с определённым удобством и элегантностью в конструкции. Например, рукоятка взвода затвора, не связанная с ним жёстко, находилась снизу, в вырезе цевья оружия и при стрельбе была неподвижна. Переводчик вида огня (одиночный/автоматический) был совмещён с предохранителем и располагался на хорошо видимой и доступной правой стороне ствольной коробки оружия. Но уже в ходе боёв на Соломоновых островах и Гуадалканале выявились недостатки системы: полусвободный затвор ПП был склонен к загрязнению, что вызывало задержки при досылании патрона в патронник. А опосредованная рукоятка взвода не позволяла жёстко дослать патрон. Кроме того, компания-производитель, специализировавшаяся в основном на производстве гражданского и спортивного оружия, практиковала высокую долю ручной доводки и подгонки деталей, что при производстве военного оружия вылилось в недостаток – доходило до того, что детали разных ПП М-50 были невзаимозаменяемые. Это усложняло эксплуатацию и ремонт ПП в вой-

сках. Тем не менее, будучи чистым и смазанным, М-50 функционировал достаточно надёжно, и в качестве оружия на судах ВМФ США и в тех частях, где не было необходимости много ползать по земле, показал себя достаточно неплохо. В тех же частях, что вели бои высокой интенсивности, в полевых условиях, ПП «Рейзинг» М-50 при первой возможности старались заменить на другое оружие. В целом уже в 1943 году начался отзыв М-50 из войск и замена их на другие виды оружия¹³.

Кроме ПП «Рейзинг» М-50 компанией была разработана его модификация М-55 – со складным прикладом и без длинного, как у базовой модели, пламегасителя. М-55 предназначался для парашютистов и экипажей боевых машин Корпуса морской пехоты США. Но производился он очень малой серией и пользовался дурной репутацией, имея очень неудачную и слабую конструкцию фиксатора приклада в открытом положении. В послевоенный период на базе конструкции ПП «Рейзинг» М-50 компанией были разработаны самозарядные карабины для гражданского использования¹⁴.

В ходе Второй мировой войны ПП М-50 в значительных количествах поставлялся союзникам США по антигитлеровской коалиции, в рамках программы ленд-лиз. Согласно неполным данным, всего в СССР из США по программе ленд-лиза было поставлено около 4000 пистолетов-пулемётов системы «Рейзинг» М-50¹⁵.

Будучи образцами вооружения одной страны и одной эпохи, винтовка М-1 «Гаранд» и пистолет-пулемёт «Рейзинг» М-50 имеют различную судьбу и разное историческое наследие. М-1 стала одной из наиболее известных, массовых и популярных самозарядных винтовок во всём мире, открыв своей конструкцией путь для появления новых видов вооружения со сходными характеристиками. М-50, несмотря на свои интересные конструктивные особенности, технологичность и дешевизну, стал «проходящим» образцом вооружения, призванным временно заполнить пустующую нишу в снабжении войск.

¹ Шант, К. *Оружие пехоты/К.Шант – М: Омега, 2004.- С. 98.*

² Миллер, Д. *1000 образцов стрелкового оружия/Д. Миллер – Смоленск: Русич, 2005.- С. 307.*

³ Жук, А. Б. *Стрелковое оружие/ А.Б. Жук – М: Воениздат, 1992. С. 544.*

- ⁴ *Canfield, B. N. The M1 Rifle / B. N. Canfield – New York: Mowbray Publishing, 2013.- P. 276.*
- ⁵ *Thompson, L. The M1 Garand/ L. Thompson– New York: Bloomsbury Publishing, 2012. - P. 64.*
- ⁶ *Шант, К. Оружие пехоты/ К. Шант – М: Омега, 2004. - С. 98.*
- ⁷ *Canfield, B. N. The M1 Rifle / B. N. Canfield – New York: Mowbray Publishing, 2013. - P. 311.*
- ⁸ *Воллерт, Г. Стрелковое оружие сегодня/ Г. Воллерт, Р.Лидшун, В. Копенхаген– Минск: Попурри, 2003. - С. 295.*
- ⁹ *Перевозчиков, А. История винтовки/ А. Перевозчиков – М: Техника молодёжи, 1993. - С. 40.*
- ¹⁰ *Thompson, L. The M1 Garand/ L.Thompson– New York: Bloomsbury Publishing, 2012.- P. 71.*
- ¹¹ *Шант, К. Оружие пехоты/ К. Шант - М: Омега, 2004.- С. 61.*
- ¹² *Мураховский, В. И. Оружие пехоты / В.И. Мураховский, С.Л. Федосеев – М: Арсенал-Пресс, 2004. - С. 123 – 124.*
- ¹³ *Innamico, F. The Reising Submachine Gun Story/ F. Innamico– New York: Chipotle Publishing, 2016. - P. 141 – 142*
- ¹⁴ *Innamico, F. The Reising Submachine Gun Story/ F. Innamico– New York: Chipotle Publishing, 2016. - P. 163.*
- ¹⁵ *Миллер, Д. 1000 образцов стрелкового оружия/Д. Миллер – Смоленск: Русич, 2005. - С. 231.*

*Людмила Петровна Муромцева,
Россия, Москва, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук, доцент*

Военно-исторические коллекции казачества в эмиграции

Казачество в российской послереволюционной эмиграции было представлено практически всеми политическими и общественными традиционными институтами: верховная атаманская власть, разделение на войска (Донское, Кубанское, Терское и др.), правительства в изгнании и состоящие при них административные органы. Одной из форм сохранения дореволюционных традиций и национально-культурной идентичности стала деятельность эмигрантов по сбережению исторического наследия. За рубежом на протяжении многих лет существовали не только своеобразные казачьи станицы и хутора, воинские объединения, художественные коллективы, но и музейные собрания. Исторические реликвии, вывезенные из России в годы Гражданской войны, помогали казакам переносить тяжесть разлуки с Родиной. До Второй мировой войны музейные собрания казачества, не разменявшие свое местонахождение, хранились главным образом в Югославии, Чехословакии и Франции.

В ноябре 1920 года в составе армии генерала П.Н. Врангеля в Турцию эвакуировалось около 50 000 донских, кубанских, терских и астраханских казаков (как военных, так и гражданских лиц, беженцев). В невыносимых условиях им пришлось провести несколько тяжелых месяцев в лагерях на острове Лемнос и в районе Чаталджи, в 50-60 км к северу от Константинополя. Затем в 1921-1923 годах в организованном порядке казачьи части, входившие ранее в Донскую и Кубанскую армию, были перевезены в Югославию (22000 чел.), Болгарию (7000 чел.), Грецию (3000 чел.), Чехословакию (1000 чел.). Несколько тысяч казаков в поисках лучшей доли самостоятельно перебрались со временем во Францию. Сибирские, забайкальские, амурские, уссурийские казаки осели преимущественно в Китае¹.

Оказавшись за пределами России, казачество стремилось не только не раствориться в чужеродной среде, но и выделялось своей самобытностью даже внутри российской эмиграции. Координационную роль играл созданный в январе 1921 года в Константинополе Объединенный

Совет Дона, Кубани и Терека, в состав которого входили войсковые атаманы и председатели казачьих правительств.

Королевство сербов, хорватов и словенцев (так до 1929 года именовалась Югославия) в межвоенные годы являлось одним из самых крупных центров расселения эмигрантов из России, среди которых было немало представителей интеллигенции (врачей, ученых, архитекторов, учителей и др.), внесших заметный вклад в развитие культуры родственной славянской страны. Но наиболее организованной частью эмиграции стали военные и казачьи части². Как и в других странах, казачьи колонии именовались здесь станицами и хуторами. Проживавшие в них донские, кубанские и терские казаки, стремившиеся, в меру возможностей, конечно, сохранить свои национально-культурные традиции, соблюдали православные обычаи, устраивали праздники, собирали военно-историческую и художественную литературу на русском языке. Нередко казачьи офицеры читали лекции и проводили беседы по истории казачества и русской армии.

В Белградской крепости Калемегдан хранились регалии Кубанского казачьего войска – знамена, штандарты, иконы, грамоты российских императоров, парадные мундиры и др. Еще в начале 1920 года атаман Кубанского казачьего войска Н.А. Букретов, осознав неизбежность поражения от большевиков, принял решение переправить их за границу. Для сопровождения регалий была создана специальная комиссия из пяти человек во главе с генерал-лейтенантом П.И. Кокунько. Комиссия направила запрос в Сербию и, не дождавшись ответа от сербских властей, вывезла ценности из Екатеринодара в Новороссийск. Там 12 массивных деревянных ящиков, обитых железом, с большим трудом удалось погрузить на пароход «Константин», взявший 28 февраля 1920 года курс на Константинополь, а из него – в греческий портовый город Салоники. Затем казачьи реликвии перегрузили на поезд Салоники–Белград, где за неимением свободного помещения ящики временно сложили во дворе российского посольства. После переговоров с властями Сербии регалии Кубанского казачьего войска оставили на хранение в здании военно-географического института, дважды переезжавшего, и наконец расположившегося в Белградской крепости Калемегдан³.

В 1938 году они были переданы в Военный музей Югославии, где экспонировались в трех залах. Условия их пребывания в стенах государственного музея оговаривались в специальном договоре между представителями кубанского казачества и Военным министерством, заключенном на 25 лет⁴. Во время налета немецко-фашистской авиации на Белград, в апреле 1941 года, от взрыва бомб пострадало здание Военного музея. В создавшейся суматохе часть музейных ценностей была разграблена, в том числе серебряные трубы и литавры, газыри от казачьих мундиров императора Александра II и великого князя Михаила Николаевича, все имущество Кубанского гвардейского дивизиона. От кинжала великого князя Михаила Николаевича остались лишь ножны.

Только спустя два с лишним месяца, уже после оккупации фашистами Югославии, атаману В.Г. Науменко удалось приехать из Кральево в Белград, где с разрешения и при участии заведующего музеями Рейха генерала Меля он вместе с начальником войскового штаба генералом Соломахиным и войсковым контролёром Щупляком осмотрел уцелевшие казачьи регалии – девять знамен, царские грамоты, четыре блюда, люстра, булавы и перначи, другие предметы. Атаман и его сподвижники передали командующему немецкими оккупационными войсками в Сербии генералу Шреберу заявление с мотивированной просьбой о возвращении реликвий штабу Кубанского казачьего войска.

Но еще до передачи кубанских святынь в Военный музей их пытались взять под свой контроль Объединение казаков-националистов во главе с инженером В.Г. Глазковым. Представители этой группировки считали казачество особым самостоятельным народом, который нельзя отождествлять с русскими, и сами не шли на сотрудничество с неказачьими организациями российской эмиграции, претендуя на роль наиболее истинных выразителей интересов всех казаков-эмигрантов. В 1941 году они снова заявили о своих претензиях на регалии Кубанского казачьего войска, на этот раз немецким оккупационным властям Югославии, которые после колебаний все-таки решили вернуть их не казакам-националистам, именовавшимся также «вольнокубанцами-казакийцами», а кубанскому атаману Вячеславу Науменко. Часть реликвий

была выставлена для обозрения в помещении Кубанского войскового штаба, остальные ценности с 1941 по 1944 год хранились в ящиках в Русском Доме Белграда.

В Белградской крепости в 1921–1925 гг. находились и реликвии Войска Донского, перемещенные позже в Прагу, а в 1945 году – в СССР. Там же временно сберегался штандарт лейб-гвардии Казачьего полка⁵. Собственные коллекции имели воины лейб-гвардии дивизиона Кубанских и Терской сотен на станции Белиште у г. Осиек (Хорватия)⁶.

Реликвии российской истории и культуры поступали на хранение и в православные храмы, основанные эмигрантами в Югославии. Особенно ценным было собрание русской церкви Св.Троицы в Белграде, построенной в 1924 году в Ташмайданском парке, ее настоятелем долгие годы был отец Виталий Тарасьев (1901-1974). В ней находились коллекции орденов и медалей, серебряных труб и других знаков отличия русской армии, 19 штандартов кавалерийских полков (в том числе, знамя Уральского казачьего войска)⁷. В годы Второй мировой войны знамена были вывезены в неизвестном направлении немецкими оккупационными властями, пропали и другие реликвии.

Чехословакия не относилась к числу самых крупных центров расселения представителей военной части российской эмиграции, не имевшей здесь такой организованной структуры, как в Турции, Болгарии, Югославии, куда прибывали из России казачьи корпуса, бригады, полки. Осевшие здесь после 1920 года бывшие солдаты и офицеры белых армий, казаки не проживали компактными группами, что препятствовало их постоянному общению. В отличие от Югославии, в Чехословакии не было полковых собраний с картинами, фотографиями, мемориальными вещами, но в эмигрантской среде также бережно хранились различные воинские реликвии, в том числе и казачества.

Самыми интересными и ценными из коллекций такого рода были материалы Донского архива и Донского музея, которые попали за границу в сформировавшемся уже виде. Еще в 1884 году в Новочеркасске – административном центре Области войска Донского – возникло Общество любителей донской старины, сыгравшее большую роль в создании музейного собрания. А в

1899 году состоялось открытие Донского музея истории казачества в специально построенном для него здании в центре города. В нем экспонировались многочисленные казачьи знамена и штандарты, регалии атаманской власти – серебряные перначи, насеки, булавы, бунчуки XVIII–XIX вв., сабля прославленного атамана, героя Отечественной войны 1812 года М.И. Платова, другое именное и жалованное оружие, российские и иностранные ордена и медали — свидетельства воинской доблести казаков⁸.

Если бы не революции 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война, реликвии донского казачества вряд ли покинули бы стены Новочеркасского музея. Но из-за угрозы захвата Новочеркаска Красной армией в декабре 1919 года по решению Донского казачьего правительства и атамана Войска Донского А.П. Богаевского Донской архив и основная коллекция музея, оцененная в 8 763 500 рублей, были вывезены из Новочеркаска в Новороссийск.

Эвакуация из Новороссийска в марте 1920 года остатков Донской армии, а вместе с ней архивных и музейных ценностей, происходила при весьма драматических обстоятельствах под огнем наступавших красных. Для Донской армии было выделено всего три парохода, которые не могли вместить всех людей. Казакам пришлось даже оставить на берегу тысячи породистых лошадей. Но несмотря на все ужасы Новороссийской катастрофы, коллекции Донского архива и Новочеркасского музея были переправлены морем в Константинополь.

В Константинополе вывезенные материалы Донского архива и Новочеркасского музея истории донского казачества разместили в здании летней резиденции Российского посольства в Буюк-Дере, где приступили к их предварительному разбору. Но там архивные и музейные ценности Войска Донского надолго не задержались. В связи с эвакуацией в 1921 году из Турции остатков армии генерала П.Н. Врангеля, в которую входил Донской казачий корпус, казачьи реликвии переправили через Болгарию в Югославию и хранили в течение четырех лет в Белградской крепости под контролем образовавшейся в 1923 году Донской исторической комиссии. На этом их зарубежные странствия, однако, не закончились. В 1924 году в Чехословакию из Парижа приезжал А.П. Богаевский, чтобы договориться с властями

о перемещении туда реликвий истории Дона. В феврале 1925 года под руководством члена Донской исторической комиссии П.А. Скачкова они были перевезены по железной дороге в Прагу на деньги, выделенные Чехословацким правительством.

Ветеринарный врач по профессии, уроженец Ростова-на-Дону, участник Первой мировой и Гражданской войн, одно время окружной атаман П. А. Скачков (1877–1936), казалось, был далек по своим интересам от истории. Но судьба распорядилась так, что забота о сбережении реликвий донского казачества стала основной целью последних лет его жизни. Еще в Белграде он принял активное участие в издании «Донской летописи (Сборника материалов по новейшей истории Донского казачества со времени Русской революции 1917 года)», написав предисловие к нескольким выпускам. В отличие от некоторых других патриотов Дона, Скачков считал казачество частью русского народа, а их исторические судьбы неразделимыми⁹.

В Праге казачьи музейные экспонаты вместе с Донским архивом первое время находились в помещениях Национального музея благодаря любезному содействию его директора, доктора Теодора Сатурника. А в 1927 году их перевезли в здание на Вензиговой улице. В Чехословакии в то время существовало несколько группировок и объединений казачьей эмиграции. Между ними развернулась борьба за право обладания святынями казачества. В частности, их пытались взять под свой контроль Общеказачий сельскохозяйственный союз и Центральное Правление Вольного казачества – казаков-националистов. Но, пользуясь поддержкой донского атамана А.П. Богаевского, Скачков не выпустил ценности из своих рук. Сокровища музея и архива по-прежнему находились в ведении Донской исторической комиссии. Однако к 1934 году комиссия фактически распалась, а чехословацкие власти уведомили о прекращении субсидий на содержание коллекций.

Чтобы выйти без потерь из создавшейся тяжелой ситуации, незадолго до своей смерти А.П. Богаевский в начале 1934 года по предложению П.А. Скачкова санкционировал передачу донских коллекций на хранение в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) при Министерстве иностранных дел Чехословакии, которое его и финансировало.

По этому поводу был заключен специальный договор из 14 пунктов, гарантировавший особые условия их хранения и определенную автономию созданного в 1934 года в составе РЗИА Донского отдела. Его возглавлял П.А. Скачков, а после кончины последнего – его помощник полковник М. А. Ковалев.

Сам факт пребывания в Праге и месте хранения музейного собрания из Новочеркасска Скачков старался держать в тайне или во всяком случае широко не афишировать совсем по иной причине. Прежде чем назвать ее, обратим внимание на то, что в отличие от документальных фондов Донского архива о нем ни слова не упоминается в справочных изданиях, опубликованных российскими эмигрантами в Чехословакии в конце 1920-х–30-х гг. Как известно, сам РЗИА располагался тогда в барочном Тосканском дворце на Градчанах, недалеко от резиденции президента Чехословацкой Республики. Но в вышедшем в 1936 году справочнике-путеводителе по РЗИА далеко не случайно даже не указан точный адрес местонахождения его Донского отдела. Отмечено лишь вскользь, что он получил «приличное помещение» рядом с Тосканским дворцом. Ничего не говорится о донских реликвиях и в воспоминаниях Д.И. Мейснера, работавшего многие годы в РЗИА, знакомого с представителями казачьей эмиграции в Чехословакии и не забывшего рассказать о деятельности В.Ф. Булгакова по созданию Русского культурно-исторического музея в Збраславе. В действительности на основе специального соглашения коллекции Донского музея все эти годы числились на временном хранении в фондах Национального музея в Праге.

В рукописном «Проекте условий передачи материалов Донского Казачьего архива в фонды Р.З.И. Архива при МИД Чехословацкой Республики» говорится только об архивных материалах. В частности, в пункте 2 подчеркивается: «По установлению в России некоммунистической власти все материалы Донского казачьего архива передаются в Россию, в Донской войсковой архив или иное равноценное на Дону учреждение»¹⁰. Как явствует из машинописного же экземпляра «Проектов основных положений для организации Комиссии по Казачьему отделу при РЗИА», коллекции из Новочеркасского музея истории донского казачества обозначались термином «войсковое

имущество». Пункт 21 этого документа гласил: «Имущество донского Архива с его описями, в полном объеме подлежит возврату его собственнику – Войску Донскому по требованию Войсковой власти, основанному на постановлении Представительного органа – Войскового круга, с ведома и согласия Общегосударственной Российской некоммунистической власти, признанной Правительством Чехословацкой Республики. Если в течение тридцатилетнего срока в России не наступят все указанные выше условия, это войсковое имущество подлежит возвращению в Донской музей в Новочеркасске»¹¹. Как видим, предусматривался даже вариант передачи ценностей в Советскую Россию при условии сохранения большевистского режима через 30 лет, то есть к середине 1960-х гг.

Но в 30-х гг. XX в. возможность развития событий по такому сценарию не стояла еще на повестке дня. Тогда, на наш взгляд, хранители святынь истории донского казачества стремились не допустить слишком широкой огласки сведений о них из опасений, что, получив официальную информацию о музейных ценностях, вывезенных из Новочеркаска, правительство СССР, заключившее в 1935 году договор с Чехословакией, предъявит иск чехословацким властям. По этой же причине казачьи знамена, оружие, орден, медали, атаманские регалии, к сожалению, были недоступны для осмотра широкой публике из числа эмигрантов, не использовались они и в научной работе. А частые перемещения неблагоприятно сказывались на состоянии раритетов, особенно знамен.

В 1942 году архивные материалы и музейных коллекции Донского отдела РЗИА были переданы по требованию фашистской оккупационной администрации в архив Министерства внутренних дел и Национальный музей, находившиеся под ее строгим контролем. Лишь в 1946 году наконец закончились многолетние странствия архивных и музейных реликвий Донского казачества. 115 казачьих знамен и штандартов, атаманские регалии, ордена, медали перевезли из Праги в Москву, где их вернули через Комитет по делам культурно-просветительных организаций при Совете Министров РСФСР на законное место – в экспозицию и фонды Новочеркасского музея истории донского казачества¹². В путеводителе по музею упоминается о возвращении 2700

экспонатов, а по описи, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации было передано 1040 единиц хранения¹³. Такое несоответствие в цифрах объясняется применением разных систем учета материалов.

Документы же из Донского архива на долгие годы упрятали в закрытые фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации), вместе с ними туда передали и явно музейную вещь – прекрасный серебряный массивный ларец весом 30 кг работы московских ювелиров (около 1817 г.), изобразивших батальные сцены, повествующие об участии казаков в Отечественной войне 1812 года¹⁴. Ларец был предназначен для хранения царских грамот, данных Войску Донскому, и место ему, конечно, не в архивных стенах, а в Новочеркасском музее, где им могли бы любоваться гораздо больше посетителей.

Несколько эмигрантских казачьих музеев существовало и во Франции. До сих пор в Курбеуа-Анвер, северном пригороде Парижа, в доме под номером 12 на улице Сан-Гюйом располагается Музей лейб-гвардии Казачьего полка, учреждённого Павлом I в 1798 году. Возник он на основе собраний полкового музея, вывезенных после февраля 1917 года из Петрограда в Новочеркасск по приказу командира полка генерала А.М. Грекова. Через Новороссийск, Стамбул, остров Лемнос и Белград они попали во Францию, где музей был в 1929 году вновь открыт первоначально в г. Аньере по инициативе и на средства эмигрантов, членов Объединения лейб-казаков. Затем для него удалось приобрести дом в Курбеуа, где стали селиться донские казаки. Приобретая на свои скудные средства небольшой двухэтажный каменный дом, они переоборудовали его второй этаж в церковь, назвав ее в память разрушенной большевиками святыни храмом Христа Спасителя. В залах музея выставлены портреты 27-ми полковых командиров (в том числе одного из героев Отечественной войны 1812 года генерала графа В.В. Орлова-Денисова); комплекты и отдельные части униформы полка, к примеру, мундир с заплаткой простого казака образца 1814 г.; российские ордена, медали, штандарты и почётные серебряные трубы; гравюры с батальными сценами, в том числе сражения под Фер-Шампенуа 13 марта 1814 г.;

личные вещи генерала П.Н. Врангеля – походный китель, погоны, значок; на блюде небольшая горка картечи, собранной на Бородинском поле; старинная полковая посуда; фотографии; документы полковой канцелярии. В 1937 году эмигранты переправили часть наиболее ценных материалов на хранение в Брюссель, в Королевский Военный музей, опасаясь, что правительство Народного фронта передаст их властям СССР. Но музей в Курбевуа сохранился. Им ведает Объединение лейб-гвардии Казачьего полка, состоящее сегодня не из самих его офицеров, как в прежние времена, а из их потомков. Ежегодно оно совместно с Казачьим союзом, Союзом казаков-комбатантов и Объединением лейб-гвардии Атаманского полка устраивает в октябре войсковой праздник Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, который по традиции начинается панихидой около памятника казакам на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. До 1981 года Объединение возглавлял генерал К.Р. Поздеев, позже, до своей смерти в 1989 году, полковник Б.Ф. Дубенцов. В начале 1960-х гг. было издано на гектографе несколько номеров Информационного бюллетеня Объединения лейб-казаков, в которых рассказывалось о деятельности музея¹⁵. Его посетители, побывав в Курбевуа, и сегодня могут соприкоснуться с реликвиями воинской славы России¹⁶.

Во многом напоминает его судьбу история Музея лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества Государя-наследника цесаревича полка, сформировавшегося еще до революции в Петербурге. В 1917 году его коллекции были переправлены в Таганрог, откуда – в Новороссийск. В Новороссийской катастрофе при спешной эвакуации в марте 1920 года под ударами наступавшей Красной армии уцелело всего лишь семь ящиков с имуществом полкового собрания и музея, для перевозки которого ранее требовалось восемь вагонов. Сохранившаяся чудом часть реликвий пропутешествовала через Константинополь, Египет, Болгарию, Сербию во Францию, где музей был возрожден в 1931 года русскими эмигрантами – членами Общества атаманцев. Первоначально он размещался в помещении полкового собрания в Сен-Клу, а с апреля 1932 года в Аньере. Как и другие эмигрантские музеи, существовал на членские взносы и добровольные пожертвования. Экспозиция и ар-

хив музея включали императорские грамоты, документы полковой канцелярии с подписями А.В. Суворова, М.И. Платова, других военачальников, мундиры августейших шефов и исторические формы полка, штандарты, походные иконы, портреты шефов и полковых командиров, гравюры, фотографии, редкие книги¹⁷.

Хранителем музея в 1930-е гг. был Николай Николаевич Туроверов (1899–1972). Будучи председателем Казачьего союза, Туроверов много сил отдавал музею, собирал всю жизнь книги, рукописи, гравюры по истории казачества, устраивал интересные тематические выставки. И это свое увлечение выразил в следующих стихотворных строках:

*«Искать я буду терпеливо
Следы казачьей старины
В пыли столичного архива,
В курганах древней целины.
И ляжет путь моих раскопок,
Когда исполнится пора,
От Волги вплоть до Перекопа
И от Азова до Хопра»¹⁸,*

Личная коллекция Туроверова до сих пор хранится во Франции у его родственников.

В 1934 году в Париже у входа в помещение, в котором экспонировалась выставка казачьих реликвий, посетителей встречали несколько лейб-казаков в формах времен Екатерины II и Александра II и один донской казак в обмундировании начала XX века. Эмигрантское казачество стремилось всячески поддерживать национально-культурные традиции. Большой популярностью во Франции, Италии и других странах пользовались выступления Ансамбля донских казаков под руководством С.Жарова и Хора кубанских казаков.

После Второй мировой войны ситуация заметно изменилась. Поредели ряды казачьей эмиграции во Франции, многие ушли из жизни, а кто-то перебрался за океан, в США. Там же оказалась и часть реликвий казачества. Потомки же эмигрантов гораздо быстрее адаптировались и не испытывали уже такой сильной тяги к родным российским корням, как их отцы и деды. И лишь немногие энтузиасты-подвижники продолжали собирать и хранить историко-культурное наследие России.

В 1948 году Петр Филаретович Константинов организовал в Сан-Франциско Музей русской

культуры. В его собраниях также отражена история казачества. Она представлена документами о Забайкальском казачьем войске, а также о жизни казаков-эмигрантов в США. В коллекции В.В. Пономаренко, избранного в последние годы жизни председателем Общеказачьего союза в Сан-Франциско, содержатся рукописи, дневники (общим объемом 3-4 тыс. листов) о сан-францисской казачьей станице за 1940 – 1950-е гг.¹⁹

Упомянувшиеся уже регалии Кубанского казачьего войска в конце Второй мировой войны были перевезены кубанским атаманом В.Г. Науменко в Германию, а после ее окончания (в 1949 г.) – в США. Одно время они хранились в Нью-Йорке, в доме на 31-й улице, в районе Астория, приобретенном на пожертвования казаков-эмигрантов²⁰. Со временем самым крупным эмигрантским хранилищем материалов по истории казачества в США стал Кубанский войсковой музей, расположенный в бывшем буддистском монастыре в г. Хоуэлл, штат Нью-Джерси и превратившийся в духовно-культурный центр кубанских казаков-эмигрантов и их потомков. Среди его экспонатов – многочисленные знамена, царские грамоты, старинные булавы и оружие, награды и личные вещи атаманов Кубанского казачьего войска, казачий мундир императора Александра III. Но лишь через двадцать лет, в 1977 году, материалы музея, отражающие историю казачества, его участие в Гражданской, Первой и Второй ми-

ровых войнах, удалось выставить для обозрения, в том числе, копию жалованной грамоты казачеству на земли Кубани Екатерины II (1792 г.) в алой папке из бархата с золотым шитьем (ее подлинник был помещен на хранение в один из американских банков). В фойе музейного помещения посетителей встречает скульптура С.Г. Королькова «Ермак – покоритель Сибири». Музей принадлежит Кубанскому казачьему войску за рубежом, а заведовал им многие годы Евгений Георгиевич Химич²¹. После ряда встреч и непростых переговоров представителей властей Краснодарского края и потомков кубанского казачества в США, наконец, удалось достичь договоренности о возвращении кубанских казачьих регалий на Родину. 21 апреля 2007 года в Краснодаре, на Октябрьской площади, возле памятника Кубанскому казачьему войску, был совершен молебен по случаю возвращения первой партии реликвий.

В 1990-е годы общество «Родина» (Лэйквуд, США), основавшее в 1954 году крупнейший в Северной Америке русский эмигрантский музей с архивным собранием, передало немало своих ценных коллекций, в том числе, относящихся к истории казачества, Центральному музею Вооруженных Сил в Москве, где сегодня их с интересом разглядывают тысячи экскурсантов. Часть казачьих реликвий остается по-прежнему во Франции и США. И самое главное, где бы они ни находились, сберечь их в целостности для будущих поколений наших соотечественников.

¹ «Во имя блага Родины» Из истории казачества в эмиграции. 1920 – середина 1930-х гг. // Исторический архив. – 1995. – № 5-6. – С. 178-184; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С.153-173.

² Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128-136; Маевский, В.А. Русские в Югославии / В.А. Маевский – Нью-Йорк: Издание Исторического кружка, 1966; Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919-1923) / В.Д. Козлитин // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 7-19; Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919-1944 / В.И. Косик // Славяноведение, – 1992. – № 4.- С. 20-32; Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии / Ю.А. Писарев // Новая и новейшая история. – 1991.- № 1. – С. 151-161.

³ Якаев, С.Н. Одиссея казачьих реликвий / С.Н. Якаев – Краснодар: Б.и., 1992. – С. 9-15.

⁴ Часовой. -1939.- № 234.- С. 13; 1939.- № 236-237. – С 24-25; 1941. -№ 258. – С. 14.

⁵ Часовой. -1929. – № 5-6. – С. 28-29.

⁶ Богословский, А.В. Русские памятники и музеи в Югославии / А.В. Богословский // Часовой. – 1939.- № 236-237.- С. 30-32.

- ⁷ Даватц, В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. С приложением полного списка знамен и регалий русской армии, хранящихся в Русской церкви в Белграде/ В. Даватц – Белград : Русская тип., 1926.; Часовой. 1929. № 7-8. С. 16; 1931. № 62. С. 13, 27; 1932. № 71. С. 10-11.
- ⁸ Новочеркасский музей истории донского казачества: Путеводитель. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 7.
- ⁹ Часовой.- 1936.- № 164. – С. 30; Путеводитель. Том 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917-2000). – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. – С. 413-414.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.
- ¹² Павлова, Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге/Т.Ф. Павлова// Вопросы истории. – 1990. – № 11. – С. 26, 28.
- ¹³ Новочеркасский музей истории донского казачества. С. 9; ГА РФ. Ф. 5142. Оп. 10. Д. 2221. Л. 30.
- ¹⁴ Перегудова З.Н. Неожиданный ЦГАОР/З.Н. Перегудова // Советский музей. – 1992. – № 37.- С. 58.
- ¹⁵ См. о музее: Возрождение. – 1931 – 25 апреля. – № 2153; Часовой. – 1930.- № 23.- С. 28; 1930. – № 24. – С. 29; 1930.- № 28. – С. 7; 1939. – № 230. -С. 16; Информационный бюллетень Объединения лейб-казаков. – Париж,1961.- № 1-2; 1963 -№ 4; Кузнецов, А.А.
- ¹⁶ О Белой армии и ее наградах, 1917-1922 гг. / Александр Кузнецов. – М. : Столица : Об-ние "Книжник", 1991. – С. 17-18; Ponfilly R. de. Guide des Russes en France/ R. Ponfilly. – Paris, 1990. – P. 260; Fouchard E. Les fonds iconographiques russes et sovietiques en France / E. Fouchard // Ganier du Monde russe et sovietique, XXXIII (2-3), – avril-september 1992. – P. 325.
- ¹⁷ Чельшев, Е.П. Уральская катастрофа / Е.П. Чельшев – М.: Наследие, 1996.- С. 18–19.
- ¹⁸ Часовой. – 1931.- № 47. -С. 8-9; 1932.- № 78.- С. 28.
- ¹⁹ Туроверов, Николай. Стихи: Предисловие и составление В. Леонидова/ Николай Туроверов.- М.: Рос. фонд культуры, 1995. – С. 5.
- ²⁰ Хисамутдинов А.А. Музей русской культуры в Сан-Франциско: материалы дальневосточной эмиграции / А.А. Хисамутдинов// Отечественные архивы. – 1999. – № 5.- С. 22-29.
- ²¹ Якаев, С.Н. Указ. соч. С. 39-70.
- ²² Новое русское слово. -1978.- 3 января.

*Александр Александрович Мушта,
Республика Беларусь, Минск, Оперативно-аналитический
центр при Президенте Республики Беларусь,
главный специалист, кандидат философских наук, доцент*

«Украинский вопрос» в спецпропаганде фашистской Германии и современная «политика памяти» Киева

В эпоху «смысловых войн» и «войн памяти» юбилейные исторические даты актуализируют широкий спектр политических и научных проблем, многие из которых обусловлены не только самим событием, но и полярностью его интерпретаций. Один из авторов концепции «смысловых войн» на постсоветском пространстве, украинский специалист в области коммуникативных технологий Г. Почепцов объясняет это тем, что современному этапу информационно-психологического противоборства «нужен не столько факт, сколько интерпретация. Факт – это тактическая информация, интерпретация – стратегическая... Школьники получают стратегические знания, хотя они вроде и из истории, но они являются действительно стратегическими, так как позволяют интерпретировать не только прошлое, но и настоящее»¹.

«Речь идет не об отдельных исторических вопросах...» Как свидетельствует опыт, в прошлом практически каждая годовщина победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов со стороны идейно-политических оппонентов со-

проводилась масштабным манипулированием общественным сознанием путем активного и целенаправленного распространения фальсифицированной и недостоверной информации. На этом фоне едва ли кто сомневается в том, что и предстоящий 9 мая 2020 г. 75-летний юбилей Великой Победы не будет встроено в контекст деструктивного информационно-психологического воздействия. И это – серьезный и актуальный научный и социальный вызов.

Одним из его проблемных аспектов является то, что в своем большинстве пропагандистские кампании и концепции, «созданные вне подлинной истории» (термин С. Козна), реализуются под эгидой «политики памяти» того или иного государства или даже составляют ее существенную часть.

Как известно, термин «политика памяти» впервые был введен в научный оборот французским историком Пьером Нора, инициатором и руководителем основательного и популярного исследовательского проекта «Места памяти» (1984-1992 гг.). В настоящее время понятие «по-

литика памяти» не имеет четкого определения и в ряде публикаций раскрывается как:

- набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие;
- инструмент формирования макрополитической идентичности того или иного общества;
- совокупность акторов и коммуникаций, функционирующая относительно политического использования прошлого;
- система форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью нации (народа);
- политический менеджмент наследия воспоминаний;
- ресурс «мягкой силы» государства, важный компонент его идеологической стратегии и практики.

В современной Украине, стране, расположенной вблизи границ Республики Беларусь, в последние годы происходят весьма неоднозначные процессы, связанные в том числе с институционализацией интерпретаций определённых исторических событий и персон и их экспансией, и было бы недальновидно это недооценивать.

О политико-идеологических основаниях немецкой пропаганды. Базовые принципы пропаганды фашистской Германии по отношению к оккупированному населению Украины соответствовали подходам нацистского руководства к определению «статуса» и судеб «нерусских» народов, входивших в состав Советского Союза. Как известно, А. Гитлер и преобладающее большинство деятелей Национал-социалистической немецкой рабочей партии (далее – НСДАП) рассматривали все народы СССР как враждебные Германии. В свою очередь руководитель внешнеполитического управления НСДАП А. Розенберг, назначенный 20 апреля 1941 г. уполномоченным по «централизованному решению вопросов восточноевропейского пространства», считал, что оккупационная политика должна в разных республиках проводиться по-разному. При этом он не единожды подчеркивал, что Украина, стоящая «на острейших оборонитель-

ных позициях против великороссов», может стать хорошим союзником для Рейха².

По «украинскому вопросу» установки для пропаганды формулировались следующим образом:

- понятие «Украина» применять только в территориальном, а не в государственном смысле;
- говорить о Рейхе как о защитнике, а не союзнике Украины, о вермахте – как о освободителе, а не оккупанте, об Адольфе Гитлере – как о «фюрере-освободителе»³;
- «Московское государство надо рассматривать... как смертельного врага... украинского государства»;
- внушать украинцам, что в борьбе за освобождение Украины «от цепей Москвы» они всегда будут вынуждены «рассчитывать на защиту» со стороны Германии⁴.

Несмотря на то, что А. Розенберг полагал недопустимыми высказывания об оккупированных территориях как о «германских колониях»⁵, на практике культивировался именно колониальный принцип управления захваченными землями. Сама концепция создания административно-территориальной единицы «Рейхскомиссариат Украина» определяла Украину исключительно как географическое, а не как политическое или национальное образование. При образовании административно-территориальной единицы «генеральный округ – Житомир» (в границах рейхскомиссариата «Украина») в его состав, помимо территорий Житомирской и части Винницкой областей Украины, были также включены пограничные белорусские земли в пределах Полесской и Гомельской областей.

«Вся эффективная пропаганда должна быть ограничена немногими положениями и бесконечно твердить эти лозунги» (А. Гитлер). Немецкой пропагандой на территории Украины использовались различные методы и приёмы. Значимая роль среди них отводилась печатной продукции, в частности – листовкам. Укажем на некоторые аспекты их подготовки и распространения:

во-первых, листовками занимались сразу несколько пропагандистских структур: подотдел «Винета» «Восточного» отдела Министерства пропаганды (перевод и изготовление плакатов, брошюр, листовок, пластинок и фильмов, адре-

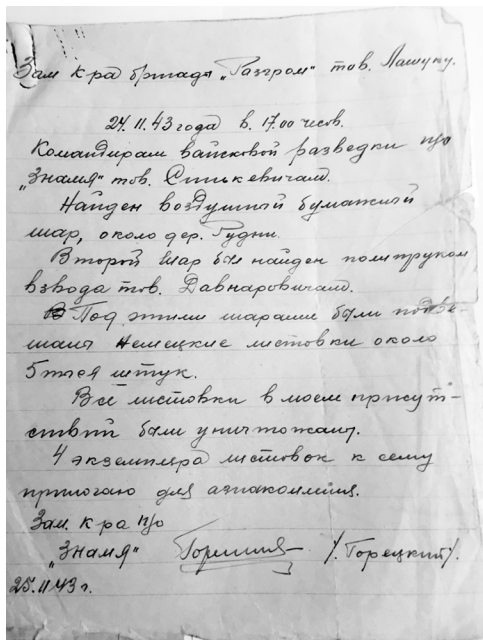

Рис. 1. Рапорт заместителя командира партизанского отряда «Знамя» об обнаружении контейнера с немецкими листовками, ноябрь 1943 г.

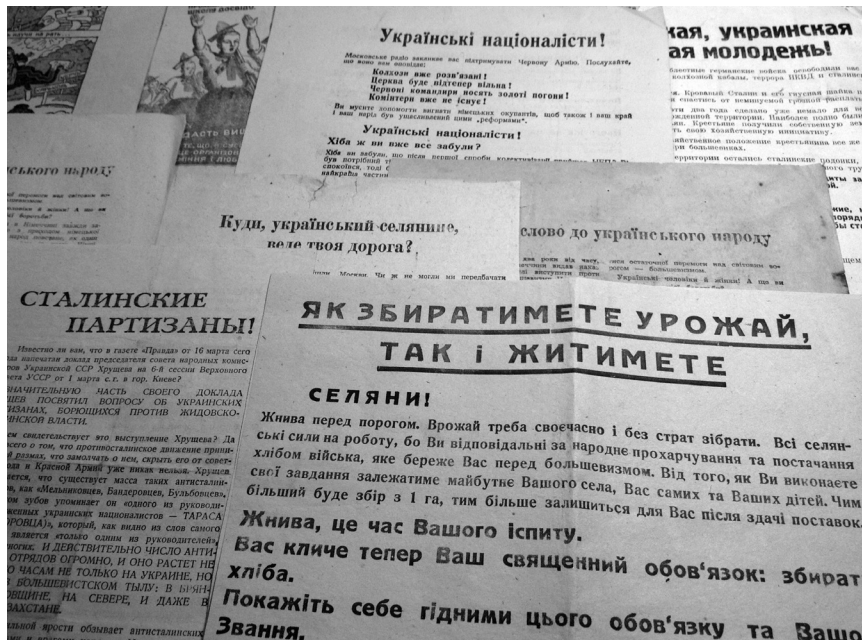

Рис. 2. Некоторые образцы немецких листовок, ханящиеся коллекциях ахивных и музейных учреждений Беларуси.

сованных населению оккупированных территорий); отдел прессы и пропаганды Министерства восточных оккупированных территорий; отдел пропаганды Верховного командования вермахтом; отдел пропаганды «U» (Украина) при штабе командующего оперативным тыловым районом группы армий «Юг»; подразделения пропаганды гражданской администрации на местах;

во-вторых, впечатляющий масштаб тиражей. Так, в дневнике министра пропаганды Й. Геббельса содержится запись, сделанная в июне 1941 года, о примерно 50 млн. листовок, подготовленных для распространения над позициями Красной Армии. Всего же, по данным немецкого исследователя листовочной пропаганды К. Кирхнера, германские пропагандисты в период 1939 – 1945 гг. изготовили и распространили на фронтах около 5 млрд. экземпляров листовок⁷;

в-третьих, определенное количество немецких листовок, предназначенных для украинского населения, оказывалось на территории сопредельных с Украиной районов Белоруссии. Кроме жителей оккупированных территорий они попадали в поле зрения руководства партизанских формирований. Последнее имело на это счет вполне конкретные указания: помимо незамедлительного уничтожения листовок, плакатов, брошюр и т.п. требовалось собирать их образцы

и передавать в вышестоящий штаб для дальнейшего накопления и анализа. (Рис. 1)

В последующем различные артефакты немецкой пропагандистской продукции, в том числе листовки, были сосредоточены в фондах ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», а также в коллекции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (начала формироваться с первых дней существования музея, с 1944 года, и активно пополнялась до 1955 года); (Рис. 2)

в-четвертых, германское командование видело приоритет пропагандистской функции листовок над информационной. При этом, как показывает содержательный анализ, с помощью листовок немецкая пропаганда стремилась решить комплекс задач:

- внушение населению Украины безусловного императива о неизбежности победы в войне «великой Германии», бесполезности, аморальности и преступности любого сопротивления нацистам;
- обеспечение лояльности населения (а в условиях провала плана «молниеносной войны» – привлечение части жителей оккупированных территорий на свою сторону) в борьбе с Красной Армией, подпольным и партизанским движением;

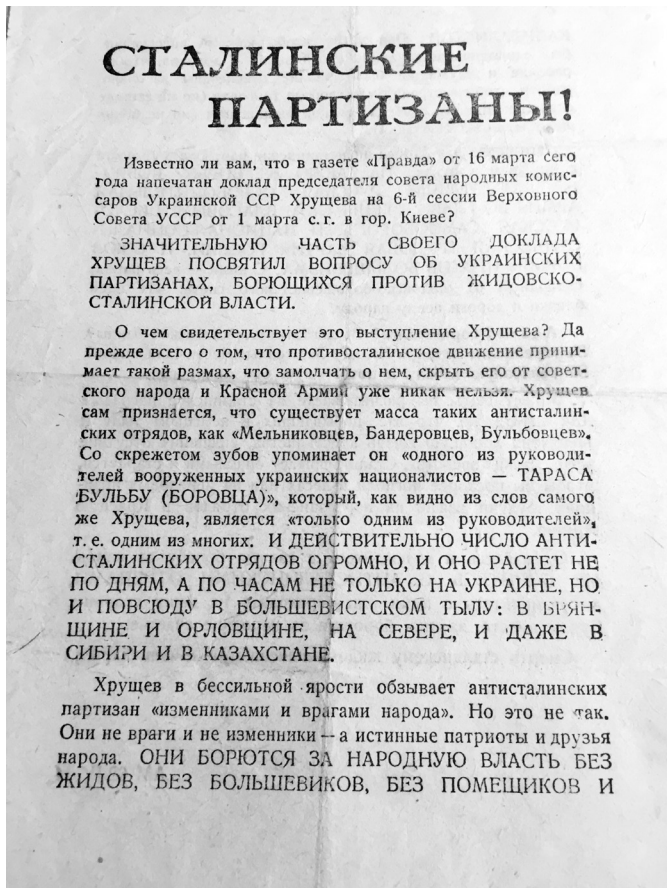

Рис. 3. Фашистская листовка – обращение к «сталинским партизанам» (1944 год).

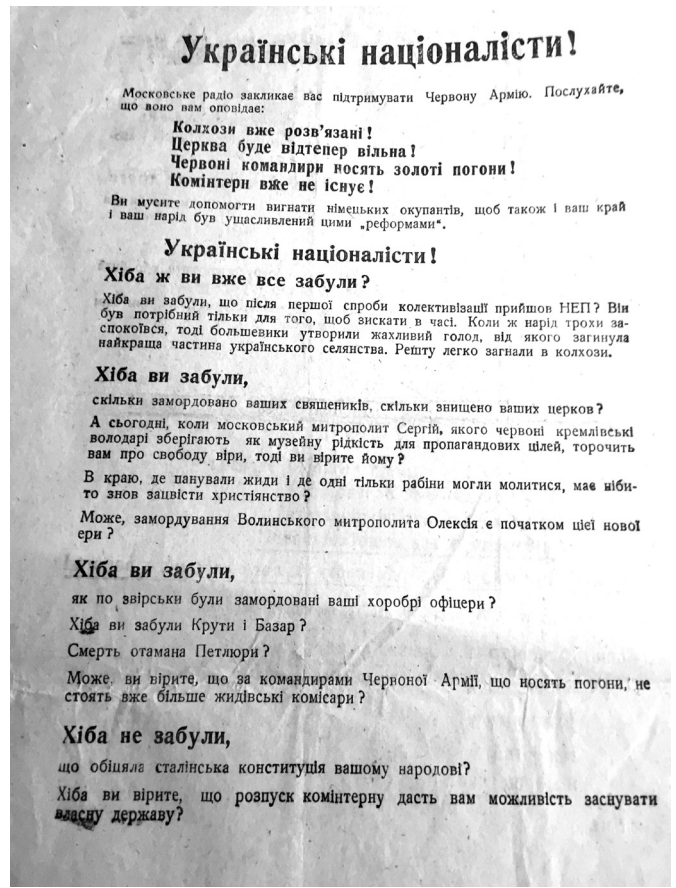

Рис. 4. Фашистская листовка – обращение к украинским националистам.

- создание условий для безопасного пребывания немецких войск на оккупированных украинских территориях;
- перевод украинской экономики в режим обеспечения немецкой армии всем необходимым за счет местных ресурсов;
- организация поставок рабочей силы для экономики Третьего рейха, обоснование «полезности» выезда украинцев на работу в Германию;
- пропаганда немецкого образа жизни, в т.ч. путем информирования населения о «комфортном» положении оstarбайтеров в Германии;
- популяризация идей НСДАП, освободительной миссии вермахта, его военных успехов и несокрушимости.

Многие листовки «приглашали» Украину в «семью европейских народов». Так, например, в листовке «Поважне слово до українського народу» отмечалось, что целью Германии является создание Европы, «в которой каждый народ, в меру своих возможностей и своего культурного развития, может развиваться на основе соб-

ственных законов, той Европы, в которой всякая ненависть, зависть и эксплуатация будут навсегда устранены, Европы мира, счастья и благополучия всех народов. Украинский народ мог бы также принадлежать к этой Европе...» (перевод с украинского наш. – А.М.).

Выраженной характерной чертой листовочной продукции немецкой пропаганды был радикальный антисемитизм. По мнению С. Мошкина, «ассортимент антисемитских листовок был... самым обильным в арсенале пропагандистов рейха»⁸.

Немало листовок было направлено на борьбу с советским подпольно-партизанским движением, а также на противодействие украинским националистическим идеям и реализующим их политическим структурам и вооруженным формированиям. (Рис. 3, 4)

В целом можно заключить, что хранящиеся в архивных и музейных фондах Республики Беларусь коллекции немецких листовок времен Великой Отечественной войны представляют собой значительный документальный пласт. Помимо академического интереса изучение этих материалов наводит на многие вопросы, вновь ставшие

актуальными на фоне происходящих на Украине событий. Речь о них пойдет несколько ниже.

Была ли эффективной немецкая пропаганда? Практически все авторы, исследовавшие деятельность немецкой пропаганды, так или иначе высказывались в отношении ее результативности.

Так, для Р. Зульцмана, одного из авторов коллективной монографии «Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных», вопрос о том, насколько успешной была немецкая пропаганда, «по меньшей мере неуместен, потому что мнения, которые складывались у немецких солдат и гражданского населения на разных этапах войны, ни в коем случае не отражали действий немецкой пропаганды»⁹. В аналогичном ключе высказывается российский исследователь П. Долинин: «...Существуют историки пропаганды и исследователи, которые считают нацистскую пропаганду верхом искусства. Я так не считаю. Более того, я рассматриваю сам факт тотального и абсолютного поражения нацистской Германии во Второй Мировой в том числе и как следствие пропагандистских усилий Гитлера и Геббельса»¹⁰.

В то же время исследователями, представляющими разные поколения исторической науки (Б. Ковалев, М. Дацишина, Ф. Сеницын, В. Собольников, М. Филоненко и др.), отмечалось, что нацистская пропаганда с величайшим цинизмом использовала в своих интересах объективные научные данные массовой психологии, имела большой практический опыт и располагала огромным разветвленным аппаратом и передовыми техническими средствами. В комплексе с существовавшим, особенно в первые годы войны, спросом населения оккупированной территории на информацию, пропаганда являла собой чрезвычайно опасное оружие, которое в полной мере, от первого до последнего дня войны, применялось Германией в войне против СССР¹¹.

Этот вывод достаточно подробно аргументируется Ф. Сеницыным, автором основательного исследования (2017 год) по проблемам советско-германского противоборства на оккупированной территории СССР. Автор, в частности, обращает внимание на следующее:

- под воздействием немецкой пропаганды часть представителей населения захваченных территорий к началу 1942 г. была политически дезориентирована, вследствие чего десятки тысяч людей добровольно пошли к

оккупантам на службу старостами, переводчиками, полицейскими, поехали на работу в Германию. (Справочно. С. Князев называет службу украинцев в подразделениях т.н. «украинской народной милиции», вспомогательной охранной полиции и шуцманшафт-батальонах, выполнявших карательные функции против своих соотечественников, «самым омерзительным из всех украинских коллаборационизмов»¹². По некоторым данным¹³, всего на службе у нацистов состояло около 250 тысяч украинцев.);

- заметный эффект имели посылы германской пропаганды, спекулировавшие на довоенных ошибках Советской власти, что встречало понимание среди недовольной части населения оккупированных территорий;
- при помощи пропаганды оккупационные власти смогли добиться усиления прогерманских настроений, национальной (в том числе – украинско-польской) розни, а также антисемитских проявлений;
- часть населения оккупированных территорий положительно восприняла политику «религиозного возрождения»¹⁴.

По мнению М. Дацишиной, нацистская пропаганда стала «троянским конем» для временно оккупированных советских территорий. О ее эффективности, полагает автор, можно говорить в двух случаях: 1. Когда население не могло опровергнуть ее, опираясь на альтернативные источники информации, а пропаганда не входила в противоречие с действительностью оккупации. 2. Когда пропаганде удавалось актуализировать существовавшие ментальные схемы жителей¹⁵.

Как представляется, нет оснований преувеличивать эффективность немецкой пропаганды. Несмотря на кратковременные, достигнутые на начальном этапе войны, результаты, она в конечном итоге потерпела полное банкротство в общей стратегии германского фашизма.

Вместе с тем, при анализе событий, происходящих на Украине в последние пять лет, вновь и вновь возникает вопрос: не была ли нацистская пропаганда тем самым «оружием возмездия», о котором помышляли вожди Третьего рейха? Во всяком случае, приходится констатировать, что некоторые лозунги и установки, содержащиеся в немецких листовках, в той или иной форме востребованы и в сегодняшней Украине.

«Спящие вирусы» пропаганды и «политика памяти» Киева. Наряду с «эффектом магической пули» (идея Г. Лассуэла о том, что сообщения масс-медиа принимаются всеми членами аудитории одинаково и вызывают мгновенные и непосредственные отклики), многие теоретики пропаганды указывали, что эффект ее воздействия также носит выраженный отложенный характер и проявляется во времени, значительно отстоящем от момента непосредственного пропагандистского воздействия.

Косвенным образом это отмечают и в Киеве. Так, упоминавшийся выше украинский теоретик вопросов стратегии информационных войн Г. Почепцов пишет: «Каждая смена эпох, режимов выносит на поверхность не столько новое будущее, сколько новое прошлое. ... Долгая война, – а Украина вошла в такой период – обязательно требует соответствующей поддержки на двух фронтах: среди военных и среди собственного населения. Долгая война вытаскила старые лозунги войны идей, поскольку по-другому ее объяснить нельзя»¹⁶.

Отмеченные ниже маркеры духовно-политической жизни Украины указывают, какие именно «старые лозунги» прежней войны оказались востребованными в условиях войны «новой и долгой»:

Во-первых, это антикоммунизм. Официальную «декоммунизацию» украинского публичного пространства запустил принятый в апреле 2015 г. Верховной Радой пакет из четырех законов – «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов», «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне», «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке» и «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима». Лидер украинских коммунистов П. Симоненко отметил, что «ради ликвидации Коммунистической партии Украины власть использовала любые средства», и что нынешний режим «ведет себя по отношению к нашей партии так, как вели себя фашисты во время оккупации»¹⁷.

Во-вторых, это национализм. На официальном уровне он рассматривается как ключевой фактор укрепления национальной идентичности. В этом плане на Украине разработан комплекс мер, ре-

ализуемых по таким направлениям, как: украинизация символического пространства страны; формирование пантеона героев, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Украины; модернизация украинской исторического нарратива; возрождение и сохранение национальных святынь; воплощение практик употребления государственного языка во всех сферах общественной жизни. Особое место отведено «противодействию фальсификациям украинской истории властью и СМИ Российской Федерации»¹⁸;

«Маркерами» украинской идентичности объявлены Мазепа, Петлюра, Бандера, Шухевич, а также Голодомор и УПА. При этом сотрудничество ОУН с Германией, еврейские погромы УПА и массовые убийства поляков сторонники «нового украинского национализма» замалчивают, затушёвывают или прямо отрицают.

В политически нестабильной Украине серьезную проблему представляет собой вызывающее поведение и безнаказанность ультранационалистических групп. Как отмечает канадский журналист украинского происхождения Фред Вир (Fred Weir), «украинские нацисты много внимания уделяют молодежи. Они формулируют цель. У них много привлекательной рекламы, и они поддерживают большую инфраструктуру спортивных клубов и тренировочных лагерей и регулярно устраивают мероприятия с нацистским уклоном»¹⁹.

25 апреля 2019 г. Верховная Рада Украины приняла закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». Как отмечают эксперты, по сути он означает старт общегосударственной кампании «тотальной украинизации». Тот обстоятельство, что в ходе его принятия было рассмотрено свыше двух тыс. поправок говорит о том, что сам закон весьма противоречив и неоднозначно воспринимается в украинском социуме. С учетом этого можно с высокой степенью вероятности прогнозировать дальнейший раскол украинского общества.

В-третьих, это русофобия. Блоггер А. Кунгуров, чей политический активизм не дает оснований заподозрить его в симпатиях к российской власти, пишет: «...Украинский национализм антирусский. И не надо говорить, что русских вы ненавидите за «крымнаш». «Москаляку – нагиляку» скандировали еще тогда, когда Крым был ваш. Факельные шествия зигующей гопоты,

орущей «Москалей на ножи!» не вчера начались и даже не год назад. Ветеранов во Львове избивали и памятники свастиками разрисовывали в честь 9 мая еще в 90-х. Может и раньше. ... Я всего лишь констатирую факт: Украина стремительно фашизируется, и заплатят за это все украинцы в той или иной мере»²⁰;

В-четвертых, это антисемитизм. Официальный Киев опровергает его как «системное явление», сводя проблему к отдельным случаям бытового характера. Между тем, имеется немало свидетельств, указывающих на обратное. Так, в октябре 2016 года руководители 29 общин и общественных еврейских организаций в открытом письме указали на попытки искажения истории Украины со стороны руководства Института национальной памяти (директор – В.Вятрович), пытающегося стереть трагические страницы связанные с антисемитской деятельностью Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА) и её лидеров. В декабре 2018 года посол Израиля в Киеве Дж. Лион выразил возмущение в связи с объявлением в Львовской области 2019 года «годом Степана Бандеры»: «Я не могу понять, как прославление тех, кто непосредственно участвовал в ужасных антисемитских преступлениях, помогает бороться с антисемитизмом и ксенофобией»²¹.

В-пятых, это разрушение единства православной церкви на Украине. Как известно, 6 января 2019 г. глава созданной Православной церкви Украины (ПЦУ) Епифаний получил от Константинопольского патриархата Томос об автокефалии, объявленный бывшим президентом Украины П.Порошенко «фундаментом построения государства». Однако как отмечено в заявлении

Священного Синода УПЦ 3 апреля 2019 г., «церковная действительность в Украине свидетельствует, что для православных христиан Томос не принес ни единства, ни мира, ни спокойствия. ...Вместо этого, плодами Томоса стали насилие, конфликты, противостояние, слезы и страдания верующих Украинской Православной Церкви»²². На этом фоне приходится напоминать, что стимулирование на Украине религиозного (этноконфессионального) сепаратизма и полный отрыв православия на оккупированной территории от РПЦ предусматривалось и концепцией германской пропаганды.

«Политика государства относительно прошлого, – отмечает в этой связи авторитетный украинский историк, профессор Киево-Могилянской академии Г.Касьянов, – делит людей на чистых и грешных, распространяет заведомую ложь. Общество, реагируя на эти позывы, провоцирует язык ненависти, ксенофобию, культивирует комплексы, порождает массовую шизофрению»²³.

... 9 мая 2019 года в Киеве состоялось многотысячное шествие «Бессмертного полка», которое безуспешно пытались заблокировать радикалы. В ответ участники марша начали скандировать: «Бандеру вон из Киева!». По схожему сценарию прошло празднование Дня Победы в Харькове, Одессе, Мелитополе, других городах. Многие считают это обнадеживающим симптомом. Вместе с тем, движение Украины к выздоровлению, как представляется автору, будет долгим, растянутым не на один политический цикл, возможно, даже, – не на одно поколение и к тому же – весьма болезненным. Как видится из дня сегодняшнего – без гарантий положительного финала, к сожалению...

¹ Г. Почепцов. Информационные факторы усиления и ослабления военного действия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/psyops/infowar52.htm>; его же: Пропаганда и память: конструирование прошлого и настоящего // Хвиля. – 2017. – 10 июля.

² Цит. по: Сеницын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Сеницын Федор Леонидович; [Место защиты: Ин-т рос. истории РАН]. – Москва, 2017. – 41 с.

³ Україна в Другій світовій війні у документах: Збірник німецьких архівних матеріалів (1942–1943): Т. 3. / Упор. В. Косик. Львів, 1999. С. 159.

⁴ Сеницын Ф.Л. Указ. соч.

⁵ Там же.

- ⁶ С. Мошкин. Немецкая пропаганда на оккупированных территориях СССР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://statehistory.ru/617/Nemetskaya-propaganda-na-okkupirovannykh-territoriyakh-SSSR/>
- ⁷ Филоненко М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/psihologicheskaya-voyna-nemetsko-fashistskih-voysk-protiv-chastey-krasnoy-armii-i-naseleniya-vremenno-okkupirovannyh-terr>
- ⁸ Мошкин С. Самое страшное из орудий. Немецкие листовки для Красной армии // «Родина». 2010. № 1. С. 106.
- ⁹ Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/proraganda4.htm>
- ¹⁰ Долинин П.В. Политическая пропаганда: новые технологии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psymagazine.moscow/articles/041015>
- ¹¹ Филоненко М. И. Указ. соч.
- ¹² С. Князев. Правда о предателях. Коллаборационизм во Второй мировой и Великой Отечественной войне. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politrussia.com/istoriya/pravda-o-predatelyakh-856/>.
- ¹³ Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. – 2001. – № 6.
- ¹⁴ Сеницын Ф.Л. Указ. соч.
- ¹⁵ Дацишина М.В. Эффективность нацистской пропаганды на временно оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/11332>
- ¹⁶ Г. Почепцов. Пропаганда и память: конструирование прошлого и настоящего // Хвиля. – 2017. – 10 июля.
- ¹⁷ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20161001/237936625.html>
- ¹⁸ «Политика исторической памяти в контексте национальной безопасности Украины»: аналитический доклад. – Киев, Национальный институт стратегических исследований, 2018 год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old2.niss.gov.ua/articles/3256/>
- ¹⁹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news-front.info/2019/04/17/vladimir-karasyov-glavnaya-problema-ukrainy-natsisty-amerikanske-smi/#.XLd1P4z_mal.twitter
- ²⁰ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/analytics/20140714/1009823225.html>
- ²¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gordonua.com/news/politics/posol-izrailiya-ob-obyavlenii-2019-gododom-bandery-vo-lvovskoy-oblasti-ya-byi-shokirovan-579194.html>
- ²² Заявление Священного Синода Украинской Православной Церкви о ситуации в украинском и мировом Православии. Киев, 3 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/120360.html>
- ²³ Война памяти. Интервью с Георгием Касьяновым. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nlobooks.ru/events/novosti/voyna-pamyati-intervyu-s-georgiem-kasyanovym/>

*Игорь Михайлович Нагаев,
Россия, Москва, Российский государственный военный
архив, главный специалист, член Правления ЦС Российского
Общества историков-архивистов (РОИА),
почетный архивист Российской Федерации*

Война и женщины по фонду «Землячества женщин-фронтовичек Центрального музея Красной Армии ЦДКА в РГВА 1929-1934 гг.

Сегодня мы отмечаем не только 100-летие образования Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, но и еще одно событие, которое имеет прямое отношение к нынешнему юбилею. В мае 1929 года именно в стенах, где проходит настоящая международная научная конференция «Помним прошлое, верим в будущее» было организовано землячество женщин-участниц гражданской войны в России 1918-1920 гг. Были определены следующие задачи этого уникального землячества: 1) организация участниц гражданской войны; 2) собирание материалов для отдела музея «Женщины в гражданской войне»; 3) издание сборников воспоминаний и документов и пр.»¹. Чуть позднее, в адрес начальника музея РККА поступило следующее заявление: «Землячество женщин – участниц гражданской войны отличается от прочих землячеств тем, что оно связано не территориально, часть, дивизия полк или определенной национальности, а исключительно по признакам пола и участию в гражданской войне на всех фронтах². К заявлению, подписанному

председателем землячества А.Н. Фурмановой был приложен эскиз знака «Женского землячества» (в 2-х экземплярах). В состав землячества внесено 6 секций и 10 секторов (комиссий): «историко-издательский; шефский; проведение концертов, сектор работы с кадрами; работа с деревней; сектор массовой работы; сектор шефства над Отдельной Дальневосточной армией; сектор военной переподготовки и др.»³.

В фонде землячества также отложились протоколы землячества за №1 от 30 мая 1929 г. и за № 43 от 25 мая 1931 года⁴. По этим материалам было выявлено 2 плана; «план работы за 1929 г.» (6 пунктов) и «План работы за 1934 г. (11 пунктов). Эти планы содержали следующие направления работы при решении вышеуказанных задач. Процитирую только некоторые из них:

- установить и держать постоянную связь со всеми землячествами музея, по возможности присутствовать на всех собраниях землячеств, знакомиться с их работой, с тем, чтобы наилучшие формы и методы этих землячеств проводить у себя; связь с местными

организациями (землячествами), установить тесные связи подшефными организациями через ЦДКА (Центральный Дом Красной Армии), прессу и АКА на местах; крепить связи с Осоавиахимом и разработать план взаимодействия с ОДВА (1929), оказать помощь в создании «землячеств» в Казахстане ит.д.⁵.

Всего в архиве отложено 26 дел (единиц хранения) непосредственно по фонду № 28361 (Центральный Музей Рабоче-Крестьянской Красной Армии) и еще несколько дел по фондам других землячеств вышеуказанного музея. Среди них особенно интересны «Отчет о поездке в подшефную часть (Казанский стрелковый полк) с целью вручения «Красного Знамени»⁶. Данная поездка состоялась 12-15 декабря 1930 г.; алфавитный список всех членов землячества с указанием профессии, которой они занимались по состоянию на 1934 г. Всего – 127 женщин⁷. Здесь следует отметить, что первоначальный состав «женщин – фронтовичек» был – 40 человек⁸. Интересно дело, в котором содержится 55 индивидуальных фото и 3 групповых⁹. Общее же количество фотографий женщин – членов землячеств, женщин-фронтовичек – 69 фотографий и 4 черно-белых рисунка¹⁰.

Следует отметить, что фонды других землячеств, о которых будет сказано ниже, такой «фототекой» не обладают. Интересна и «выборка» материалов о погибших 44 женщинах – участниц гражданской войны; из них 44 женщины были зверски замучены противником и 2 женщины умерли от тифа и холеры при общении с больными красноармейцами. Любопытно, что в это число вошла и французская интернационалистка Жанна Лябурб¹¹. Эта выборка была составлена на основании книги Е. Богат «Работница и крестьянка в Красной Армии»¹².

И, конечно, как говорится, «львиную долю» составляют воспоминания самих участниц гражданской войны в России: это, прежде всего, воспоминания М. Денисовой¹³ под названием «Саратов и 1-я Конная»; М. Янсон¹⁴; А.П. Пуц¹⁵, М.О. Булле¹⁶, Р.М. Азарх¹⁷; М.М. Бош¹⁸; М. Поповой¹⁹; А.Н. Фурмановой²⁰; Л.С. Холодовой²¹; А.В. Куцер²²; З.П. Патрикеевой²³, Е.М. Петровой²⁴; Карин Абрамин²⁵; Е.И. Ледерер²⁶, Вишняковой М.²⁷. Непосредственно Екатерина Ивановна была самой юной участницей гражданской войны, т.к. родилась в 1906 году²⁸.

Многие из воспоминаний «женщин-фронтовичек» прикреплены к их анкетам при вступлении в землячество, автобиографиям и письмам в ЦМ КА. Всего таких воспоминаний – 110 ед. хранения²⁹. И составляют они значительный объем, только по 3-м делам фонда – 609 страниц³⁰. Здесь интересны воспоминания автора, чьи данные не указаны, т.к. в них говорится, что она в настоящее время является сотрудником ОГПУ³¹.

Сегодня говорить о важности данных воспоминаний наверное не приходится³², Каждая строчка, каждый «эпизод» этих и впоследствии прославленных и «ушедших в тень», как вследствие репрессий по отношению к их мужчинам, так и по другим причинам – неповторимы.

И здесь следует согласиться с исследовательницей из г. Томска.

Землячество интернационалистов (ф. 28361, оп.1, д. 1031, лл.1-188) (1921-1938)

- 1924 г. Протокол общего собрания
- Венгерская группа (1920-1934), лл. 3-80.
- Немецкая группа (1933-1934), лл. 81-112.
- Румынская группа (1930), лл. 126-154.
- Сибирская группа (1930), лл. 155-158.
- Туркменская группа (1930), лл. 159-162.
- Чехословацкая группа (1931-1934), лл. 163-164.
- Югославская группа (1932-1934), лл. 165-188
- «Московское землячество», 1930-1934 (ф. 28361, оп.1, лл.421-422).
- «Полесское землячество», 1930-1933 (ф. 28361, оп.1, лл.431-432); 1934 – 433-436.
- «Рузаевская группа» (ф. 28361, оп.1, л.437).
- «Землячество Северного фронта», 1917-1934, (ф. 28361, оп.1, лл.447-454).
- «Сибирское землячество», 1929-1933, (ф. 28361, оп.1, лл.474-497).
- «Украинское землячество», 1912-1934, (ф. 28361, оп.1, лл.699-747).
- Рукопись Д. Шмидта «Оккупация Украины в 1918 г. и повстанческое движение», (ф. 28361, оп.1, 699, лл.1-94).
- 1921г. Воззвания атаманов повстанческих отрядов, действовавших на Украине, (ф. 28361, оп.1, л.703).
- Воспоминания Мерлинкиной о ее участии в подпольной работе (ф. 28361, оп.1, д. 1031, лл.1-6 (без даты).

- Очерк М. Яхонтовой «На Памир» (написан по воспоминаниям Мухина и Хмелевского, ф. 28361, оп.1, д. 685, лл.1-17; д. 686, лл.1-20); ее же (М. Яхонтова) «Бои под Теджером»; ф. 28361, оп.1, д. 687, лл.1-51.
 - Протоколы (стенограммы) заседаний пленума землячеств об итогах дискуссии по вопросам разработки истории гражданской войны и о задачах, стоящих перед землячествами в связи с привлечением их к работе к составлению военной энциклопедии (ф. 28361, оп.1, д. 19).
- Сведения о погибших в гражданскую войну:
- список погибших командиров партизанских отрядов и полков в 1918-1922 г. (ф. 28361, оп.1, д. 76).
 - сведения о братских могилах и памятниках, находящихся по разным районам СССР, связанные с событиями Г.В. (л.77)
 - краткие сведения и фото погибших в ГВ (л.78)
 - Д. 322 – Анкеты, автобиографии, удостоверения участников ГВ.
 - Д. 323 Анкеты и фотографии участников ГВ.
 - Д. 324 Фотокарточки участников ГВ.
- Наиболее интересные:
- Воспоминания Л.И. Бушуева о коллекции русских военнопленных, находившихся в оппозиции в 1917-1920 гг. (ф. 28361, оп.1, д.104, лл.1-21). 1931.
- Стенограмма воспоминаний Абрамян о службе в Красной Армии, д. 309, лл. 1-8.
 - Стенограмма воспоминаний Ледерер о службе в Красной Армии (25.05.1931), лл. 1-7.
- 1934.
- Д. 311. Стенограмма выступления Пуц (10 марта), лл.1-14.
 - Д. 312. Стенограмма выступления Янсон. лл.1-39.
 - Д. 313 Воспоминания М. Денисовой, лл.1-39.
 - Д. 314 Воспоминания М. Денисовой и Холодовой.
 - Д. 315 Воспоминания Патрикеевой и Куцер А.В.
 - Д. 316 Воспоминания М. Поповой и Е.М. Петровой.
 - Д. 317 Автор неизвестен.
 - Д. 318 Алфавитный список участников ГВ, лл.1-102.
 - Д. 319 Именной список и другие данные.
 - Д. 320 Именной список членов землячеств.
- «Московское землячество», 1930-1934 (ф. 28361, оп.1, лл.421-422).
 - «Полесское землячество», 1930-1933 (ф. 28361, оп.1, лл. 431-432); 1934 – 433-436.
 - «Рузаевская группа» (ф. 28361, оп.1, л.437).
 - «Землячество Северного фронта», 1917-1934, (ф. 28361, оп.1, лл.447-454).
 - «Сибирское землячество», 1929-1933, (ф. 28361, оп.1, лл.474-497).
 - «Украинское землячество», 1912-1934, (ф. 28361, оп.1, лл.699-747).
 - Рукопись Д. Шмидта «Оккупация Украины в 1918 г. и повстанческое движение», (ф. 28361, оп.1, 699, лл.1-94).
 - 1921г. Возвращения атаманов повстанческих отрядов, действовавших на Украине, (ф. 28361, оп.1, л.703).
- Женщины России в войнах», написанная на широкой источниковедческой базе, но, увы, без использования представленным сообщением материалов фонда «женщин-фронтовичек» Центрального Музея Красной Армии, как и многие другие работы, вышедшие в России в последнее десятилетие XXI века³³. И, если говорить об общем числе работ по затронутой тематике, то их число, по данным к.и.н. О.А. Тарабарinou достигает 1500 библиографических единиц³⁴.
- Увы, но и здесь изучаемый фонд «женщин-фронтовичек» оказался не очень-то востребованным. Но обращаясь к уже цитируемой энциклопедии, то в ней нашли свое отражение и биографии таких активных участниц «женского землячества» ЦМКА, как Раиса Азарх, Мария Попова, Валентина Ивановна Суздальцева – Тагирова.
- Наиболее плодотворной из «фронтового землячества» оказалась Раиса Моисеевна Азарх (1897-1971 г.), медработник Красной Армии³⁵. Она внесла свой вклад в борьбу с тифом в сибирских городах. В 1928 г. была награждена орденом «Красного Знамени», а в 1936-1937 гг. участвовала добровольцем в гражданской войне в Испании (1936-1939 гг.). В 24 года она стала известной журналисткой. Ее перу принадлежат такие работы: «Октябрь в Москве» (1921 г.), «Борьба продолжается» (1930 г.), «Пятая армия» (1935 г.), «Дорога чести» (1956 г.), «У великих истоков» (1967 г.) и др.³⁶ В заключение хочется сказать о главном различии, которое отличает мировоззрение «красных» и «белых» женщин при пано-

рамном взгляде на их воспоминания, то это – революционных фанатизм.

Здесь стоит привести следующий пример, отраженный писателем Корнеем Чуковским в его дневниках 1930-1969 гг.³⁷, где он упоминает о своей встрече с Елизаветой Яковлевной Драбкиной, которая позднее также занялась литературной деятельностью³⁸.

Автор настоящего сообщения предполагает, что эти и воспоминания с архивной пометкой «автор не известен» принадлежат именно Е.Я. Драбкиной. Итак. К. Чуковский пишет: «Приключения Е.Я. поразительны. Рассказы-

вает она о них с юмором, хотя все они залиты человеческой кровью и чувствовалось, что повторись это сейчас, она снова пошла бы в эту страшную бойню с примесью дикой нечестивщины»³⁹.

И в заключение, автор сообщения хотел бы процитировать стихи Любови Лодочниковой⁴⁰, пусть и посвященные времени Великой Отечественной войны:

*Война и женщина – несовместимы.
Но жизнь диктует нам свои права
И сколько их, любимых, нежных милых
Та страшная година унесла.*

¹ Газета «Красное знамя» (г. Томск) – 1929 – 20 декабря (РГВА, ф. 28361, оп. 1, д. 303, лл.1-40)

² РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 307, л.40.

³ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 300, лл.37-38.

⁴ Там же.

⁵ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 299, лл.1-13.

⁶ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 302.

⁷ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 306, лл.1-20, д. 307, лл.1-20.

⁸ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 318, лл. 1-56.

⁹ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 324, лл.2-2(об) (по состоянию на 15 октября 1929 г.).

¹⁰ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 324, лл.1-60.

¹¹ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 324; РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 322; РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 321; РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 323.

¹² РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 323, л.104; РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 324.

¹³ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 323, лл.1-107.

¹⁴ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 303, лл.1-13.

¹⁵ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 312, лл.1-39.

¹⁶ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 311, лл.1-13.

¹⁷ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 320, лл.1-2.

¹⁸ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 320.

¹⁹ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 320, л.2.

²⁰ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 320, л.4.

²¹ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 320, л.5.

²² РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 314, лл.6-7.

²³ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 315, лл.1-2.

²⁴ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 315, лл.2-3.

²⁵ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 316, лл.13-16.

²⁶ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 309.

²⁷ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 310, лл.1-7.

²⁸ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 305, лл.1-10.

²⁹ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 310, л.1.

³⁰ Подсчитано автором сообщения.

³¹ РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 321, лл.1-227; ф. 28361, оп.1, д. 322 лл.1-154; ф. 28361, оп.1, д. 323, лл.1-128.

³² РГВА, ф. 28361, оп.1, д. 315.

³³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Адашев. Война и женщина русская. М., 1979; Иванова Ю.Н. И на Руси были амазонки, Армия, 1992, №5, с. 43-47, ее же – «Женщины России в войнах Отечества (М., 1993).

³⁴ Гарабарина О.А. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы гражданской войны (ноябрь 1917-1920 гг.): замыслы и реалии. Самара, 2006, с. 3.

³⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР, Энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1983, с. 25, 468, 570-571.

³⁶ Там же, с. 25.

³⁷ Чуковский К., Дневник 1930-1969, М., 1969, С. 28-29.

³⁸ Дрabbкина Е.Я. Зимний перевал. М., Политиздат 1990.

³⁹ Там же, с. 48.

⁴⁰ <https://ok.ru/politepeople/topic/70056551085521>.

Валерий Николаевич Надточаев
 Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный
 музей истории Великой Отечественной войны,
 ученый секретарь

Материалы командиров и бойцов чекистских спецгрупп в экспозиции и фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны

В Беларуси немецко-фашистские захватчи-ки столкнулись с ранее неизвестным явлением – всенародным сопротивлением. Ничего подобного в покорившейся новому порядку Европе они не встречали. Этот феномен они объяснили главенствующей ролью НКВД в советском обществе. В приказе главного штаба войск СС от 18 ноября 1941 г. № 42 говорилось: «Опыт, накопленный в борьбе против партизан, создает теперь ясное представление о структуре и задачах партизанских групп. Доказано, что носителем партизанского движения является не Красная Армия, а политические и государственные учреждения Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) и Народного Комиссариата Государственной Безопасности (НКГБ)»¹.

Напротив, советская историография в качестве организатора и вдохновителя партизанского движения называла Коммунистическую партию Советского Союза. При этом роль органов госбезопасности и внутренних дел показывалась исключительно через призму участия чекистов в партизанской борьбе. Современная белорусская

историческая наука придерживается данного подхода. В последние годы появились работы российских и белорусских исследователей, показывающие системообразующую роль органов госбезопасности в организации партизанских отрядов и партизанской борьбы в целом.

По моему мнению, на первом этапе партизанского движения (июнь 1941 – ноябрь 1942 года) органы госбезопасности и внутренних дел сыграли важную роль в развитии партизанской борьбы, в том числе системообразующего характера. Но при этом они выступали в качестве авангарда партии. Строго говоря, такое положение дел было характерно для советского периода в целом.

Прежде чем перейти к непосредственному обзору заявленных в названии доклада материалов полагаю целесообразным обозначить основные, на мой взгляд, периоды, позволяющие увидеть роль и место органов госбезопасности в организации партизанской борьбы на оккупированной территории Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг.

Июль 1941 г.

Одновременно с формированием партизанских отрядов на базе чекистских оперативных групп и истребительных батальонов (отрядов) НКГБ-НКВД БССР создается Особая группа при Народном комиссаре НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 5 июля 1941 г. №00882). С января 1942 г. – 4-е управление НКВД – НКГБ СССР во главе с майором госбезопасности П.А. Судоплатовым².

Перед группой были поставлены задачи по проведению разведывательно-диверсионной работы против Германии и её союзников, организации подпольной и партизанской борьбы в тылу врага. Ударную силу составили два полка, состоявшие из батальонов, отрядов и спецгрупп, в октябре на их базе была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), ставшая кузницей по подготовке высококвалифицированных партизанских кадров.

В период с июля по декабрь 1941 г. на занятую противником территорию республики органами НКГБ – НКВД БССР было направлено 60 опергрупп общей численностью 1893 человека³. Личный состав отрядов формировался из сотрудников НКВД-НКГБ, милиции, курсантов Могилевской межкраевой школы НКВД, пограничников, бойцов истребительных батальонов. Небольшое, но важное уточнение. В конце августа 1941 г. территория республики была оккупирована. Слияние НКГБ и НКВД БССР (реформа июля 1941 г.) носило формальный характер. Строго говоря, объединять было некого. Бывший нарком НКГБ БССР Л.Ф. Цанава возглавил Особый отдел НКВД Западного фронта. НКВД БССР, а точнее то, что от него осталось к сентябрю 1941 г. не имел никакой ресурсной базы для формирования групп.

Таким образом, когда мы говорим в июле – декабре, то имеем в виду, можно уточнить, в основном, только июль – август 1941 г. Сформированный в конце сентября 1941 г. самый успешный по результативности отряд «Смерть фашизму» был организован Особым отделом и Военным советом Западного фронта. Возглавил отряд старший оперуполномоченный Особого отдела капитан Х.Д. Кусов, а после его гибели – Я.И. Шпилевой⁴. А.К. Соловьев ошибочно приписал его создание органам госбезопасности БССР (а это либо центральный аппарат, либо областные управления) и неправильно назвал в качестве первого командира отряда Я.И. Шпилевого⁵.

В издании «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» упомянутый отряд указан как сформированный в советском тылу из военнослужащих, что не соответствует действительно. Но первым командиром указан Кусов, что верно⁶.

Январь 1942 г.

В январе – феврале 1942 г. для оперативного руководства чекистскими формированиями на оккупированной территории Беларуси были созданы Центральная (по БССР), областные (5) и районные оперативно-чекистские группы⁷.

Областные ОЧГ дислоцировались в полосе ответственности Калининского, Западного и Брянского фронтов, а районные – на оккупированной противником территории на базах партизанских отрядов и бригад, действовавших в Витебской области.

К вопросу о роли и месте органов госбезопасности, аппарат Центрального штаба партизанского движения был укомплектован только в июне – июле 1942 г. (приказ о создании – 31 мая 1942 г.), а Белорусского ШПД – в сентябре – октябре 1942 г. (приказ от 6.09.1942)

С января 1942 г. начинается заброска в Беларусь спецгрупп союзного подчинения по линии 4-го управления НКВД СССР. После победы под Москвой на оккупированную территорию Беларуси через Витебские «ворота» вышли пешим порядком, десантировались парашютным и посадочным (на партизанские площадки и аэродромы) спецгруппы, образованные из числа командиров и бойцов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. В их числе – «Неуловимые» (командир М.С. Прудников), «Местные» (С.А. Ваупшасов), «Бывалые» (П.Г. Лопатин), «Соколы» (К.П. Орловский), «Игорь» (более известен как отряд «Храбрецы» (А.М. Рабцевич), «Боевой» (А.С. Горячев) и другие. Эти отряды стали своеобразными катализаторами партизанской борьбы.

В этом смысле характерным является пример с Ваупшасовым. С.А. Ваупшасов (Градов) в марте 1942 года во главе спецгруппы НКГБ СССР «Местные» был направлен в Белоруссию. Уже 18 июня 1942 года он провел совещание с командирами партизанских групп и отрядов и образовал военный совет Минской северо-восточной зоны⁸.

В сентябре 1943 г. именно на базе отряда Градова разместился Минский горком партии. Добавим, что подпольные группы, находившиеся на связи отряда, провели ряд дерзких и громких диверсий в Минске еще до образования горкома. Но в трехтомнике «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» Ваупшасов и его товарищи представлены более чем скромно. Об образовании военного совета ни полслова. Правда, извините за тавтологию, правду спрятать оказалось делом сложным. Секретарь Минского горкома С.К. Лещеня, хоть и приписал заслуги себе, но при внимательном прочтении его докладной видно «кто есть, кто». Приведем цитату полностью. «Оперативные работники горкома Изюмский и Осадчий имели очень незначительные связи с городом. Такая связь ни в коей мере не могла обеспечить работу горкома на город. Нами было принято решение: парторганизацию отряда Градова взять на партийный учет в городской комитет и направлять ее работу согласно указаниям ЦК КП(б)Б от 21 сентября 1943 года. Перед командованием и партийной организацией отряда была поставлена задача: организовать в городе диверсионные, боевые и повстанческие группы, группы по сохранению предприятий и оборудования заводов и принять возможные меры по вопросу вывода населения из города.

Для более тесного контакта и большей ответственности за работу в городе в состав городского комитета ввели командира и комиссара отряда Градова. Это был единственно правильный путь, благодаря которому нам удалось в сравнительно короткий срок тесно связаться с городом и проводить свою работу (50 проц. нашей литературы доставляется в город отрядом Градова и его парторганизацией)»⁹.

В 1943 г. Центральная оперативно-чекистская группа была развернута в Народный комиссариат госбезопасности БССР. В 1943 – 1944 гг. на оккупированной территории Беларуси на основе спецгрупп «Возрождение», «Родина», «Березина», «Болотные», «Альфа», «За Родину», «Медведев», «Неуловимые», «Мстители» и «Патриоты» были созданы областные оперативно-чекистские центры, ставшие руководящими органами госбезопасности на местах.

В тылу врага спецгруппы решали задачи разведывательного, диверсионного и контрразведывательного характера, уничтожали видных деятелей оккупационной администрации, нацистских преступников и их пособников, оказывали помощь партизанским формированиям в организации работы по выявлению агентуры спецслужб противника, проводили боевые операции.

В течение 1941–1944 гг. формированиями органов госбезопасности было завербовано 8640 агентов, создано 487 резидентур, организована 71 явочная квартира, организована из числа агентуры 181 разведывательно-диверсионная группа. При этом следует учитывать, что количество личного состава чекистских отрядов (15 и 66) и групп (161 и 181) даже с учетом вновь образованных из числа местного населения и военнотружущих-окруженцев в указанный период не превышало 10 тысяч человек. Но их отличала высокая мотивация, наличие профессионально подготовленных кадров, хорошее обеспечение, грамотная работа с населением.

На оккупированной территории Беларуси чекисты выявили 6642 агента и 36 резидентур спецслужб противника, 15805 предателей и изменников Родины, разагитировали и перевели на сторону партизан 13694 вражеских военнотружущих, полицейских, участников националистических формирований, созданных оккупантами.

Партизанские чекистские формирования провели 646 боев с противником, в результате которых разгромили 126 вражеских гарнизонов, штабов и подразделений противника, подорвали 1078 вражеских эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами и горюче-смазочными материалами, 81 железнодорожный и 403 шоссе-моста. В ходе диверсий и боестолкновений уничтожено 37 самолетов, 226 танков, 64 бронетранспортера и бронемшины, убито и ранено 72 558 офицеров, солдат полицейских противника и их пособников, 106 генералов и видных чинов оккупационной администрации, взято в плен 1114 вражеских военнотружущих.

При выполнении боевых заданий погибли 360 бойцов и командиров спецгрупп и отрядов, 254 человека получили ранения, 49 пропали без вести, 11 попали в плен.

За успешное выполнение заданий Родины в тылу врага высокого звания Героя Советского Союза были удостоены 15 человек¹⁰.

Для сравнения, за три года борьбы в тылу врага белорусские партизаны (374 000 чел.) и под-

польщики (70 000) убили и ранили более 500 тысяч гитлеровцев, подорвали и пустили под откос 11 128 эшелонов, разгромили 29 ж/д станций, 948 штабов и гарнизонов, подорвали и уничтожили свыше 17700 автомашин, взорвали, сожгли и разрушили 819 ж/д и 4710 других мостов...¹¹

В общем числе партизан и подпольщиков учтены чекистские группы и отряды. С учетом всех возможных уточнений и поправок, сравнение отдельных статистических данных (а здесь приведены цифры, введенные в научный оборот) позволяет говорить о высоком качестве боевой работы в тылу именно чекистских формирований.

Анализ материалов, имеющих отношение к деятельности чекистских спецгрупп, показывает, что большинство из них связано с конкретными людьми. Многочисленны выделены три разновеликие группы:

К первой группе относятся лица, удостоенные высоких званий Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и Героя Социалистического Труда в послевоенное время. В их числе:

Герои Советского Союза:

А.М. Рабцевич («Игорь», «Храбрецы»), Н.А. Михайлашев («Буря»), К.П. Орловский («Соколы»), В.Л. Неклюдов («Боевой»), Н.В. Зебницкий («Вторые»), М.С. Прудников («Неуловимые»), Б.Л. Галушкин («Помощь»), О.С. Бычек («Третьи»), Е.И. Мирковский («Ходоки»), Ф.Ф. Озмитель («Грозный», «Гром»), П.Г. Лопатин («Дяди Коли»), С.А. Ваупшасов («Местные»), А.П. Шихов («Почин», «Богатыри»), В.З. Корж («Комарова»), Н.В. Троян («Артур», «Дяди Коли»), Т.С. Мариненко («Неуловимые»);

Герои Социалистического Труда:

Д.И. Червяков («Олимп»), К.П. Орловский

Вторая группа представлена командирами специальных формирований. В нее входят все вышеперечисленные за исключением Н.В. Троян, В.З. Коржа и Д.И. Червякова, а также А.С. Горячев («Боевой»), Я.И. Шпилевой («Смерть фашизму», «Шпилевого») Н.А. Хмелевцев («Дальние»), Д.М. Армянинов («За Родину»), А.Н. Дроздов («Возрождение»), Э.С. Куцын («Юрий»), Е.Д. Горбачев (б/н), А.В. Метелкин («Четвертые»), Х.С. Прибыль («Семенов»), Т.Е. Ульянов («Удалые»), Д.И. Мануйлов («Патриоты»), В.М. Литвинский («Новаторы»), Ф.И. Новиков («Невского»), В.А. Карасев («Олимп»), Д.Н. Рудин («Сокол»), А.П.

Шестаков («Славные»), В.Н. Грошев («Зимние»), П.П. Качуевский («Вторые»), А.К. Флегонтов («Боевой»), К.И. Доморад («Август»), И.Ф. Золотарь («Артур»), Э.С. Куцын («Юрий»).

В числе командиров групп не упомянут В.З. Корж, потому что к моменту начала войны он не работал в системе госбезопасности. Свой отряд он сформировал, будучи заведующим финансового сектора Пинского областного комитета ЦК КП(б)Б. Однако материалы «испанского» периода имеют отношение к заявленной теме. В это время чекист Василий Корж и его товарищи Орловский, Рабцевич, Ваупшасов и другие выполняли специальные задания в Испании во время гражданской войны.

К третьей группе отнесены младшие командиры, разведчики, диверсанты, подпольщики. В их числе вышеупомянутая Герой Советского Союза Н.В. Троян, Г.В. Финская («Артур», «Дяди Коли»), В.К. Сенько, К.К. Сенько («Местные»), Е.А. Чижевская, М.П. Чижевская, Н.П. Моисеева («Юрий»), С.К. Автухов, А.А. Прокопьев С.К. Щетнев («Боевой»), Н.И. Шатов, А.М. Долгушин («Славные»), В.М. Хартулари («Боевой»), Д.И. Червяков («Олимп») и другие.

С точки зрения полноты (изобразительные, вещевые, письменные источники) выделяются комплексы Героев Советского Союза А.М. Рабцевича, А.М. Михайлашева, С.А. Ваупшасова, М.С. Прудникова, В.З. Коржа и других. Если говорить о спецотрядах, то наиболее полно представлены формирования «Боевой», «Храбрецы» и «Местные».

Основу материалов составляют музейные предметы, относящиеся к изобразительным, письменным и вещевым источникам. Они распределены по коллекциям: «Оружие», «Предметы быта», «Фалеристика», «Бонистика», «Знамена», «Одежда», «Воинская амуниция и атрибутика», «Рукописные журналы», «Листовки», «Фотодокументы», «Книги и брошюры», «Документы», «Живопись», «Графика», «Плакаты», «Открытки, карты, марки» и другим.

Большой интерес для исследователей, на мой взгляд, представляет рукописный журнал «Детонатор» №3 спецотряда НКГБ БССР «Боевой». Он написан живым, не тронутым цензурой языком. Затрагивает злободневные темы, в том числе разгильдяйство, пьянство, халатное отношение к служебным обязанностям. Благодаря этому номеру мы можем видеть лица 27 партизан, на-

рисованные художниками отряда, а точнее командирами групп Д. Рыбаковым и Г. Садовским. Один из номеров «Детонатора» находится в архиве КГБ Беларуси. В развитие темы добавлю, что в музее хранятся 248 оригинальных номеров рукописных партизанских журналов. На их основе подготовлены три каталога.

В фондах хранятся картины и рисунки известных белорусских художников, на которых запечатлены командиры и бойцы чекистских отрядов. В частности, картины «Портрет Героя Советского Союза Рабцевича А.М.», 1947 г, Соколова В.Ф.; «Портрет Героя Советского Союза К.П. Орловского», Тихонова И.Т., 1981 г.; рисунки «Портрет Ваупшасова (Градова) Станислава Алексеевича», 1944 г., «Портрет Громова» (комиссара отряда «Местные»), 1944 г.; «Портрет Лозабеева Григория Ефимовича» (начальника особого отдела и секретаря парторганизации отряда «Местные»), 1943 г., «Портрет Шешкевич Валентины» (разведчицы спецотряда «Местные»), 1944 г., работы Бржозовского Г.Ф.; «Портрет Прудникова Михаила Сидоровича», 1943 г., Айзенберг Б.Л.

Портреты А.М. Рабцевича и К.П. Орловского вошли в каталог «Палитра памяти», подготовленный ведущим научным сотрудником музея Н.И. Филиппович¹².

Небольшая часть музейных предметов размещена в постоянной экспозиции (залы №2 «Мир накануне и в первые годы Второй мировой войны» и №7 «Партизанское движение и антифашистская борьба в Беларуси. Участие советских граждан в Европейском движении сопротивления. 1941 – 1945 гг.»).

На основе так называемых чекистских материалов в ноябре 2017 г. была подготовлена временная экспозиция «В боях за Отечество. Деятельность спецгрупп НКВД – НКГБ СССР – БССР на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.» и лекция, приуроченные к 100-летию юбилею органов государственной безопасности. В мае 2018 г. выставка экспонировалась в Посольстве Республики Беларусь в Москве, в настоящее время она передана во временное пользование

в Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. Подготовлены дополнения для инфотерминала в зале № 7.

Дальнейшая проработка данной темы не является ни данью моде, ни попыткой противопоставления одних другим. Среди тех, кого мы называем командирами и бойцами чекистских формирований непосредственно сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел было не так уж и много. Действительно, отряды и группы 1941 г. состояли только из них. Это были формирования воинского типа. По различным причинам, рассмотрение которых выходит за рамки доклада, ни один отряд и групп не закрепилась на оккупированной территории.

Ситуация изменилась, когда через Витебские «ворота» стали заходить (забрасываться) отряды, сформированные по линии 4-го управления НКВД СССР из бойцов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Возглавляемые опытными командирами, они быстро пополняли свои ряды за счет местного населения, хорошо знающего театр военных действий, умеющего ориентироваться на местности, пользующегося поддержкой населения. И, как результат, отряды воинского типа становились комбинированными. Практика партизанской борьбы показала высокую выживаемость таких отрядов. В силу этого процент чекистов в отрядах, начиная с 1942 г. и до момента освобождения Беларуси неуклонно снижался. Немногочисленные чекистские группы базировались на базах партизанских и чекистских отрядов и бригад, что позволяло им сосредоточиваться только на узкоспециализированных задачах разведка, диверсия, ликвидация. Вопросы обеспечения и охраны решали другие.

Таким образом, дальнейшая разработка чекистской темы является логичным продолжением работы по изучению партизанского движения и борьбы на оккупированной территории Беларуси в 1941 – 1944 гг. в целом. А изучение имеющихся в музее предметов и материалов основного и научно-вспомогательного фондов заявленной тематики имеет научное и прикладное значение.

¹ Роль и место органов госбезопасности и внутренних дел в организации партизанских формирований на оккупированной территории Беларуси в 1941 г. / Надтачаев Валерий Николаевич // Беларусь в оборонительных боях 1941 года : материалы международных исторических чтений, [Минск, 9 июня 2016 г. : к 75-летию со дня начала Великой Отечественной войны / составитель В. Н. Надтачаев]. — Минск, 2017. — Вып. 1. — С. 69—70.

- ² *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне Сборник документов Т. 2. – Кн. 1. Начало 27 июня – 31 августа 1941 года – М. : «Издательство «Русь», 2000. – С. 186–187.*
- ³ *Там же. С. 72 – 73.*
- ⁴ *Надтачаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надтачаев. – Минск : Кавалер, 2008. – С. 173*
- ⁵ *Соловьев, А. К. Они действовали под разными псевдонимами / А. К. Соловьев. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – С. 198.*
- ⁶ *Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : Краткие сведения об орг. Структуре партиз. Соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [Манаенков А.Л., Горелик Е. П., Маркова А. Ф. и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – С 367.*
- ⁷ *Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя. – Минск : Международ. центр интеграц. информ. Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – с. 138.*
- ⁸ *Ваупшасов, С. А. Партизанская хроника / С. А. Ваупшасов – М. : Воениздат, 1961. – С. 81–82.*
- ⁹ *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны /июнь 1941 – июль 1944 / Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе /январь – июль 1944/ – Минск: Беларусь, 1982. – С. 43.*
- ¹⁰ *Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя. – Минск : Международ. центр интеграц. информ. Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – С. 144, 162–163.*
- ¹¹ *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Документы и материалы в трех томах. Т. 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь – июль 1944) / Сост. З. И. Белуга и др. – Минск : Беларусь, 1982 – с. 19.*
- ¹² *Каталог «Палитра памяти» / Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны; сост. Н. И. Филиппович. – Минск : ОНОРЭ, 2015. – С. 112, 124.*

*Елена Анатольевна Назарян,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

Действия квартирмейстерской части русской армии в Отечественной войне 1812 года

Одной из проблем изучения Отечественной войны 1812 г. является вопрос управления и боевого обеспечения войск. Боевым обеспечением занимались разные службы: инженерная, топографическая, разведка и квартирмейстерская. Последняя официально называлась «Свита Его Императорского Величества (Е.И.В.) по квартирмейстерской части». На наш взгляд, ее деятельность освещена недостаточно полно.

Цель доклада – показать, какие задачи приходилось решать квартирмейстерской службе в Отечественной войне 1812 года, рассмотреть детали работы квартирмейстеров с частичным использованием методов микроистории.

27 января 1812 года император Александр I утвердил «Учреждение для управления Большой действующей армии» – законодательный акт, который регулировал состав и функции органов управления действующей армии. Напомним, что в Российской империи было четыре действующих армии: 1-я Западная армия, 2-я Западная армия, Обсервационная и Дунайская.

В каждой армии был свой главнокомандующий и Главный полевой штаб. Согласно этому документу, квартирмейстерская часть входила в управление начальника Главного штаба армии. Она состояла из двух отделений: 1-е отделение осуществляло сбор всех сведений о территории, на которой разворачивались военные действия (составление военно-топографических описаний, сведения о численности населения, экономическом состоянии края и т.п.); 2-е отделение занималось планированием передвижения войск, расположением их на боевых позициях, рекогносцировкой местности, составлением диспозиции, расположением лагерей, вносило предложения по их оборудованию, составляло расписания временных и зимних квартир, ежедневные донесения, сводные списки о представлении к награждению. На 2-е отделение также был возложен контроль за соблюдением секретности в войсках¹. Квартирмейстерскую часть возглавлял генерал-квартирмейстер, который фактически был вторым человеком после начальника Главного штаба армии. В составе

корпусного штаба был обер-квартирмейстер, в дивизии – дивизионный квартирмейстер. К началу 1812 года квартирмейстерская служба насчитывала 10 генералов, 58 штаб-офицеров, 99 обер-офицеров². Сохранился документ, показывающий, что в феврале 1812 года во 2-ю Западную армию было назначено 38 офицеров квартирмейстерской части, а именно: 1 генерал, 7 штаб и 30 обер-офицеров и 3 колонновожатых³.

В 1812 г. с началом военных действий и до вступления армии в Дрисский лагерь исполняющим должность (и. д.) генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии был генерал-майор Семен Александрович Мухин 1-й. Однако по распоряжению Александра I от 18 июля 1812 г. его направили в Санкт-Петербург для управления Депо карт. После Совета в Дриссе и. д. генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии стал 35-летний полковник Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части Карл Федорович Толь. Генерал-квартирмейстером 2-й Западной армии был генерал-майор Михаил Степанович Вистицкий 2-й. После назначения Кутузова главнокомандующим соединённых 1-й и 2-й Западных армий, Вистицкий стал генерал-квартирмейстером соединённых армий, но вскоре уступил эту должность полковнику Толю. С 24 августа 1812 г. и. д. генерал-квартирмейстера 2-й Западной армии назначен подполковник Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части Михаил Яковлевич Хоментовский 2-й. Генерал-квартирмейстером 3-й Западной армии являлся барон, полковник Федор Васильевич Тейльван-Сераскеркен: участник русско-прусско-французской войны 1806–1807 г., русско-шведской войны 1808–1809 г., профессиональный разведчик, «в награду заслуг, оказанных в разных сражениях» 26 мая 1813 г. произведен в генерал-майоры. Впоследствии занимал должность посла Российской империи в Неаполитанском королевстве, Ватикане, США и Португалии.

Круг обязанностей квартирмейстеров был весьма широк. Вот как об этом писал С.Г. Хомутов в своём «Дневнике свитского офицера»: «Я имел много поручений: квартиры, проводники, казаки, почта; сношения с Главной квартирой Императора..., куда надо было непрерывно ездить, и невероятные хлопоты с фуражом отнимали у меня почти все дни»⁴. Ему вторит Н.Н. Муравьев: «Служба наша не была видная, но трудовая, потому что не проходило почти ни одной ночи, в

которой бы нас куда-нибудь не посылали. Мы обносились платьем и обувью и не имели достаточно денег, чтобы заново обшиться, завелись насекомые, наши лошади отощали от беспрерывной езды и от недостатка в корме»⁵.

Вот что пишет об обязанностях квартирмейстеров издатель «Военного журнала» П.А. Рахманов, служивший в Свите Е.И.В. по квартирмейстерской части: «Генеральный штаб Российской армии назван у нас Свитой Его Императорского Величества по квартирмейстерской части; отчего все те, которые не служили в наших армиях и все иностранцы думают, что сей корпус офицеров имеет единственную своею обязанностью отводить квартиры (т.е. в мирное время размещать войска по квартирам, в военное – на бивуаках и боевых позициях – Е.Н.). Но хотя и по сей должности он получил своё название, однако она есть самая последняя из тех, которые у нас возлагались на офицера квартирмейстерской части. Он у нас отправляет должность военного географа и полевого инженера; он разбивает лагерь, водит войска, обозревает положение неприятеля и занимаемые его передовыми постами места; т.е. у нас в России географ и вожатый есть один»⁶.

Одной из главных задач офицеров квартирмейстерской службы было расположение войск биваками и на боевых позициях. Выбор последней имел первостепенную важность и поручался кому-либо из обер-квартирмейстеров, в помощь которым придавалось ещё несколько офицеров. Встретив удобное место, они его осматривали и поручали одному из офицеров снять его глазомерно в нескольких частях; другие продолжали движение для дальнейшего осмотра. Кроки⁷ всех осматриваемых мест представлялись на предварительное утверждение генерал-квартирмейстеру или начальнику Главного штаба армии. Окончательное утверждение позиции зависело от главнокомандующего, который обыкновенно сам выезжал для её осмотра⁸.

Не всегда выбранные квартирмейстерами позиции утверждались главнокомандующим. Так позиции, выбранные квартирмейстерами перед Витебском, при Усвяте, у Дорогобужа, Вязьмы, Царёва Займище были отвергнуты главнокомандующими и признаны неудобными.

Например, главнокомандующий 1-й Западной армией М.Б. Барклай де Толли вместе с великим князем Константином и князем П.И. Багратио-

ном 10 августа осматривали выбранную позицию у села Усвят. Главнокомандующий заметил генерал-квартирмейстеру 1-й Западной армии полковнику К.Ф. Толю, который выбрал эту позицию, что на правом фланге находится высота, с которой удобно обстреливать всю первую линию русских войск и что надлежит избежать этого недостатка. На предложение Толя занять высоту редутом, ему указано на озерцо между высотой и конечностью линии, препятствующее давать подкрепление редуту. Местность на левом фланге позиции была также признана неудачной. Толя попытался в невежливой форме оспорить решение главнокомандующего, за что им был резко отчитан М.Б. Барклаем де Толли⁹.

Выбор позиции под Бородино был сделан подполковником П.И. Нейдгардтом и полковником К.Ф. Толем, утвержден М.С. Вистицкими, Л.Л. Беннигсенем. О действиях К.Ф. Толя при Бородине следует сказать отдельно. 35-летний полковник Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части имел весьма высокий авторитет среди военных. После конфликта у села Усвят он под предлогом болезни покинул армию, но после вступления в должность главнокомандующего объединёнными армиями М.И. Кутузова возвратился, и был назначен помощником генерал-квартирмейстера Вистицкого. Вскоре Толя, пользовавшийся полным доверием Кутузова, фактически сам стал решать все вопросы квартирмейстерской службы объединённых армий. По утверждению А.И. Михайловского-Данилевского, без Толя не проводился ни один военный совет и не принималось ни одно решение¹⁰. Современники утверждали, что «Барон Толя обладал выдающимися военными способностями, большими познаниями, мужеством и редкой энергией, которая проявлялась зачастую упрямством и даже некоторою суровостью»¹¹.

23 и 24 августа Толя поручил и. д. обер-квартирмейстера 6-го корпуса поручику И.П. Липранди постройку батареи у д. Горки; 24 – Толя в сопровождении квартирмейстерских офицеров, следил за движением и развёртыванием неприятельских колонн, выстраивавшихся против Шевардина; 25-го при объезде Кутузовым позиции, он не согласился с Беннигсенем по вопросу о том, какой вид следует придать центральному укреплению. Кутузов поддержал мнение Толя, который тут же отдал распоряжение Липранди и

и. д. обер-квартирмейстера 7-го корпуса штабс-капитану фон Визину по постройке укрепления. В день сражения Толя находился при главнокомандующем, который посылал его (после того, как был ранен Багратион) на левый фланг расположения 2-й Западной армии для того, чтобы лично убедиться в том, насколько там необходимо подкрепление. В тот же день вечером Толя вместе с и. д. генерал-квартирмейстера 2-й Западной армии подполковником Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части М.Я. Хоментовским объезжал войска и поле сражения¹². Именно донесение Толя убедило Кутузова в невозможности возобновлять сражение. За отличие при Бородине К.Ф. Толя был награждён орденом Св. Георгия 4-го класса.

После того, как позиция была выбрана, составлялась диспозиция предстоящего сражения. В назначенный час обер-квартирмейстеры съезжались в Главную квартиру, где под диктовку записывали диспозицию, соблюдая предосторожность, чтобы проходящие не могли слышать, о чем идет речь. Затем барон Толя подписывал документы. После этого их запечатывали печатью главнокомандующего, и на конверте делалась надпись: распечатать во столько-то часов. «Обер-квартирмейстер должен был хранить глубочайшую тайну, и не иначе отдать пакет корпусному командиру, как в назначенный час. Нарушение этого, необходимого тогда порядка, взыскивалось строго»¹³.

Затем происходила расстановка войск на позициях. Вот как вспоминает Липранди о расстановке войск перед Бородинским сражением: «С последнего перехода к Бородину, ночью, обер-квартирмейстеры отправились с дивизионными квартирмейстерами и квартиргерами для принятия позиций каждый для своего корпуса. В этот раз приказано было ожидать в самом Бородине. С рассветом нас потребовали к Горкам: здесь находились Вистицкий, Габбе, Гартинг и другие офицеры Главной квартиры. Вистицкий поручил Габбе указать места правому флангу, а сам приказал примкнуть правый фланг 6-го корпуса к Горкам, поехал в сопровождении всех по направлению к левому флангу. Я отстал, проверяя отмериваемое пространство для каждого полка, и когда догнал Вистицкого, тут был уже Толя, а вскоре на кургане показался и Беннигсен. Он и Толя сделали кой-какое изменение в раз-

мещении. Когда я достиг места, где оканчивался левый фланг, обер-квартирмейстер 7-го корпуса начал принимать место для 7-го корпуса, а я остался. Артиллерию Толь приказал поставить как придется, но во всяком случае не располагать до его приказа, которое вечером и последовало. Кроме размещения конных корпусов, в пехотных не было значительных перемен, и 6-й оставался, как его первоначально поставили, по утрам, 22-го числа»¹⁴.

Одним из ярких представителей Свиты Е.И.В., принимавших участие в Отечественной войне 1812 года и сражении при Бородино, был генерал-квартирмейстер соединённых 1-й и 2-й Западных армий М.С. Вистицкий. Михаил Степанович имел большой военный опыт: участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., русско-польской 1792 г., Швейцарском походе Суворова. Кроме того, занимался топографической съёмкой Финляндии, окрестностей Санкт-Петербурга, много работал над различными атласами, указателями и таблицами. Наиболее важной его заслугой стало издание в 1804 г. «Указателя дорог Российской империи с новою Генеральною дорожною картою России».

В связи с отъездом начальника Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части П.К. Сухтелена на театр военных действий во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., Вистицкий был назначен управлять всей квартирмейстерской частью (1808–1810). По его инициативе для офицеров был установлен образовательный ценз, для поступающих в квартирмейстерскую службу проводилась проверка специальных знаний. Кроме того, введена обязанность присутствия квартирмейстеров на должностях дежурных штаб-офицеров при дивизионных и корпусных дежурствах. В начале 1812 года Вистицкий был назначен начальником штаба 6-го пехотного корпуса, но уже 28 мая определен во 2-ю западную армию генерал-квартирмейстером. После назначения Кутузова главнокомандующим Вистицкий стал генерал-квартирмейстером соединённых 1-й и 2-й Западных армий, но вскоре был вынужден уступить эту должность полковнику Толю. За отличия в Бородинском сражении Михаил Степанович был награжден алмазными знаками к ордену Св. Анны 1-й степени¹⁵.

Отличился в Бородинском сражении обер-квартирмейстер 3-го пехотного корпуса 1-й За-

падной армии подполковник М.Н. Гартинг. Он участвовал в выборе позиции, в день сражения 26 августа (7 сентября) руководил построением своего корпуса в боевые порядки, а также передвижением соседнего 2-го корпуса с правого фланга и расположением его на позиции у деревни Утица. Наблюдая за ходом боевых действий у Утицы, был сильно контужен в ногу, но оставался в строю до конца сражения. За Бородино награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

За отличия в Отечественной войне 1812 года и последующих кампаниях против наполеоновской Франции М.Н. Гартинг был произведен в полковники, награжден золотой шпагой «За храбрость», орденом Святого Георгия 4-й степени, и получил чин генерал-майора Свиты Е.И.В. Участвовал во взятии Парижа. В последующем – генерал-квартирмейстер 1-й армии и генерал-квартирмейстер Главного штаба Е.И.В.¹⁶

В ходе Бородинского сражения, когда были ранены Багратион и его начальник Главного штаба генерал-майор Э.Ф. Сен-При, действиями 2-й Западной армии некоторое время руководил исполнявший должность генерал-квартирмейстера армии подполковник М.Я. Хоментовский. После взятия неприятелем Семёновских флешей он организовывал оборону левого фланга армии у села Семёновское и руководил отражением атак неприятеля. За отличие в сражении Хоментовский был произведён в полковники¹⁷.

Погиб в Бородинском сражении и.д. генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии полковник Я.П. Гавердовский. Вот что написал о нем П.П. Коновницын сразу после Бородинского сражения: «...он убит или в плену...Как он мне служил в авангарде и был уже генерал-квартирмейстер армии. Какую он славу себе приобрел, и армия его лишилась. Потеря точно велика»¹⁸.

Об отваге и мужестве офицеров квартирмейстерской службы свидетельствуют сведения из наградных документов: Например, «капитаны Теннер и Краузе 24-го августа, находясь на левом фланге, посланы были в опасные места и ободряли стрелков; 26-го августа проводили войска на их места под картечными выстрелами»; «подпоручики: Озерский, Муравьев 1-й, Месинг, Траскин, Хомутов, находясь в сражении, были посланы в опасные места под неприятельскими выстрелами и проводили войска с расторопностью и неустрашимостью» и т.п.¹⁹ Обращает на

себя внимание фамилия Траскин – скорее всего именно поручик Егор Иванович Траскин выполнил план (кроки) позиции при селе Бородине близ города Можайска, так называемые «кроки Траскина», ныне хранящиеся в РГВИА²⁰.

Там же в РГВИА в Фонде № 103 был выявлен список офицеров квартирмейстерской части, отличившихся в Бородинском сражении. Орденом Св. Анны 2-й степени награждены 7 человек, Св. Анны 3-й степени – 14, орденом Св. Владимира 4-й степени – 7, золотой шпагой с надписью «За храбрость» – 3, 2-е получили монаршее благоволение и 16 были произведены в следующий чин²¹. Кроме того, не вошли в указанный список выше упоминавшийся К.Ф. Толь, награжденный орденом Св. Георгия 4-й ст., и Иван Чичагов также награжденный Св. Георгием 4-й ст.; полковник Л. Вольцоген, удостоенный ордена Св. Анны 2-й степени, П.А. Чуйкевич, награжденный орденом Св. Владимира 3 ст.; В.А. Перовский и И.П. Липранди, удостоенные орденов Св. Владимира 4-й ст. Таким образом, отличились более половины квартирмейстеров, участвовавших в Бородинском сражении.

Квартирмейстерская служба умело организовала ночной уход русских войск с поля Бородинского сражения к Москве, ее оставление и знаменитый Тарутинский маневр с целью занять выгодное стратегическое положение. На втором этапе Отечественной войны 1812 года

офицеры Свиты Е.И.В. стали организаторами походного движения основных сил Главной армии (так называемое параллельное преследование) от Малоярославца до берегов Березины и последующего преследования остатков французских войск до Ковно на берегах пограничного Немана.

Среди квартирмейстеров – участников Отечественной войны 1812 года можем назвать И.И. Дибича, Ф.Ф. Довре, Р.Е. Ренни, П.И. и А.И. Нейдгардтов, С.А. Данненберга, Н.Н. и М.П. Муравьевых, Л.А. и В.А. Перовских, Ф.Ф. Берга, Ф.Ф. Шуберта, Л.Ф.К. фон Зедделера, в будущем главного редактора первой военной русской энциклопедии – «Военного энциклопедического лексикона»; К.Ф.Г. фон Клаузевица – известного военного теоретика, автора трудов «О войне» и «1812» и др. Во многом их усилиями Свита Е.И.В. на деле заняла место главного вспомогательного органа высшего военного управления и командования Русской Императорской армии, хотя юридически им не являлась.

Таким образом, Отечественная война 1812 года стала для офицеров Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части отличной школой службы при войсках. Ее престиж необычайно вырос, и в армии стали смотреть на перевод в Свиту как на почетную награду. Квартирмейстерская служба показала свою высокую выучку и эффективность в решении задач по управлению войсками.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ) Т. XXXII. № 24. 975. Учреждение для управления Большой действующей армией. СПб, 1885. С. 49.

² Коваленко А.Ю. Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части / Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: в 3 т. – Т.1. М., 2012. С. 298.

³ Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. Т.1. 1698 – 1825 г. СПб., 1883. С. 242.

⁴ Дневник Свитского офицера // Русский архив. 1869. №2. С. 270.

⁵ Муравьев-Карсский Н.Н. Собственные записки Т.1. 1811–1816. М., 2015. С. 27.

⁶ Рахманов П.А. Краткое предначертание Генерального штаба // Военный журнал. 1810. № 7. С. 10.

⁷ Кроки (франц.) – набросок, чертеж участка местности, отображающий ее важнейшие элементы, выполненный приемами глазомерной съемки.

⁸ Липранди И.П. Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам», соч. г.-м. Богдановича. М., 1869. С. 7–8.

⁹ Столетие Военного Министерства. 1802–1902. СПб., 1904. Т.2, Кн. 2. С. 438.

¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. СПб., 1845. Т.2. С. 12.

- ¹¹ *Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 21.*
- ¹² *Липранди И.П. Указ. Соч. С. 19.*
- ¹³ *Там же. С. 18.*
- ¹⁴ *Там же. С. 8.*
- ¹⁵ *Бродский Г.Е. Служил примером личной храбрости (полузабытый генерал-майор М.С. Вистицкий: его труды и дни) // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции, 3–6 сентября 2014. Бородино, 2015.*
- ¹⁶ *Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7067. Л. 2–4.*
- ¹⁷ *РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л.2.*
- ¹⁸ *Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. М., 1898. С. 110.*
- ¹⁹ *РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 339.*
- ²⁰ *РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3797. Ч.1. Л. 2.*
- ²¹ *РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 339–343.*

*Наталья Николаевна Непомнящая,
Россия, Керчь, Восточно-Крымский историко-культурный
музей-заповедник, научный сотрудник отдела
истории Великой Отечественной войны*

Герои-артиллеристы в боях за город Керчь (1943–1944 гг.)

11 апреля – дата в истории города-героя Керчи особенная, незабываемая. В этот день, 75 лет назад, в ходе Крымской освободительной операции силами Отдельной Приморской армии город был полностью освобождён от немецко-фашистских захватчиков, и вечером столица Москва салютовала воинам-освободителям Керчи двадцатью залпами из 224-х орудий¹.

За четыре года Великой Отечественной войны город перенёс немало трудностей и испытаний. Триста двадцать прифронтовых дней и ночей, четыре раза через Керчь проходила линия фронта, две оккупации, трагедия Крымского фронта, легендарная оборона Аджимушкайских каменоломен в мае-октябре 1942 г., две крупные морские десантные операции – Керченско-Феодосийская в конце 1941-го и Керченско-Эльтигенская осенью 1943-го.

Разработка и проведение Керченско-Эльтигенской операции (изначально именовалась Керченской, планировалась на 28.10.1943 г.²) были возложены на силы Северо-Кавказско-

го фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией, также привлекались Военно-воздушные силы Черноморского флота и 4-я Воздушная армия. Планировалась одновременная высадка десанта на двух направлениях – северо-восточнее Керчи (на Еникальский полуостров) и южнее порта Камыш-Бурун (в районе небольшого рыбацкого посёлка Эльтиген). Предстояло овладеть восточной частью Керченского полуострова, городом и портом Керчь, портом Камыш-Бурун (Рис. 1) и затем, наращивая силы, продвигаться вглубь полуострова, вплоть до Владиславовки.

Масштабная операция готовилась в кратчайшие сроки, подразделения 56-й и 18-й армий, направленные в десант, не были полностью укомплектованы, плавсредств Новороссийской, Керченской военно-морских баз Черноморского флота и Азовской военной флотилии было недостаточное количество³. Условия в проливе в это время года сложные – частые шторма или густые туманы. На полуострове – сильная противодесантная оборона противника. В Керченском

проливе минные поля, Камыш-Бурунский порт превращён в военно-морскую базу. Полуостров оборонял 5-й армейский корпус генерала от инфантерии К. Альмендингера, в составе которого находилась самая боеспособная 98-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Мартина Гарайса⁴.

Керченско-Эльтигенская десантная операция началась в ночь на 1 ноября 1943 г. (Рис. 2). В ходе операции, несмотря на героические усилия всех сил десанта, конечной цели – освобождения Керченского полуострова – достичь не удалось,⁵ но был создан и удержан плацдарм северо-восточнее Керчи. Советские войска закрепились на нём и оттянули на себя значительные силы противника от Северного Крыма.

За стойкость и мужество, проявленные в боях на Керченском полуострове, несколько тысяч воинов были награждены орденами и медалями, 129 человек стали Героями Советского Союза. Из них 61 воин удостоен высокого звания за подви-

ги, совершённые на Эльтигенском плацдарме, известном в истории Великой Отечественной войны как «Огненная земля»⁶.

Среди героев-эльтигенцев – артиллеристы 490-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка Резерва Главного командования Северо-Кавказского фронта (далее – 490-й ИПТАП РК СКФ). «Этот лёгкий противотанковый полк, сформированный в Закавказье, имел на вооружении 45-мм пушки и был оснащён автомашинами типа «Виллис» и «Форд»⁷ (Рис. 3). Батареи полка в течение 4-х с половиной месяцев сражались на Малой земле, участвовали в танковом десанте под станицей Крымской, Новороссийско-Таманской освободительной операции, показывая пример мужества и отваги.

Об этом свидетельствуют документы: о награждении медалью «За отвагу» старшего сержанта А.А. Александрова, старшего сержанта Н.П. Гостева, рядового В.И. Раминского, старшины А.П. Тарасенко и др.; медалью «За боевые

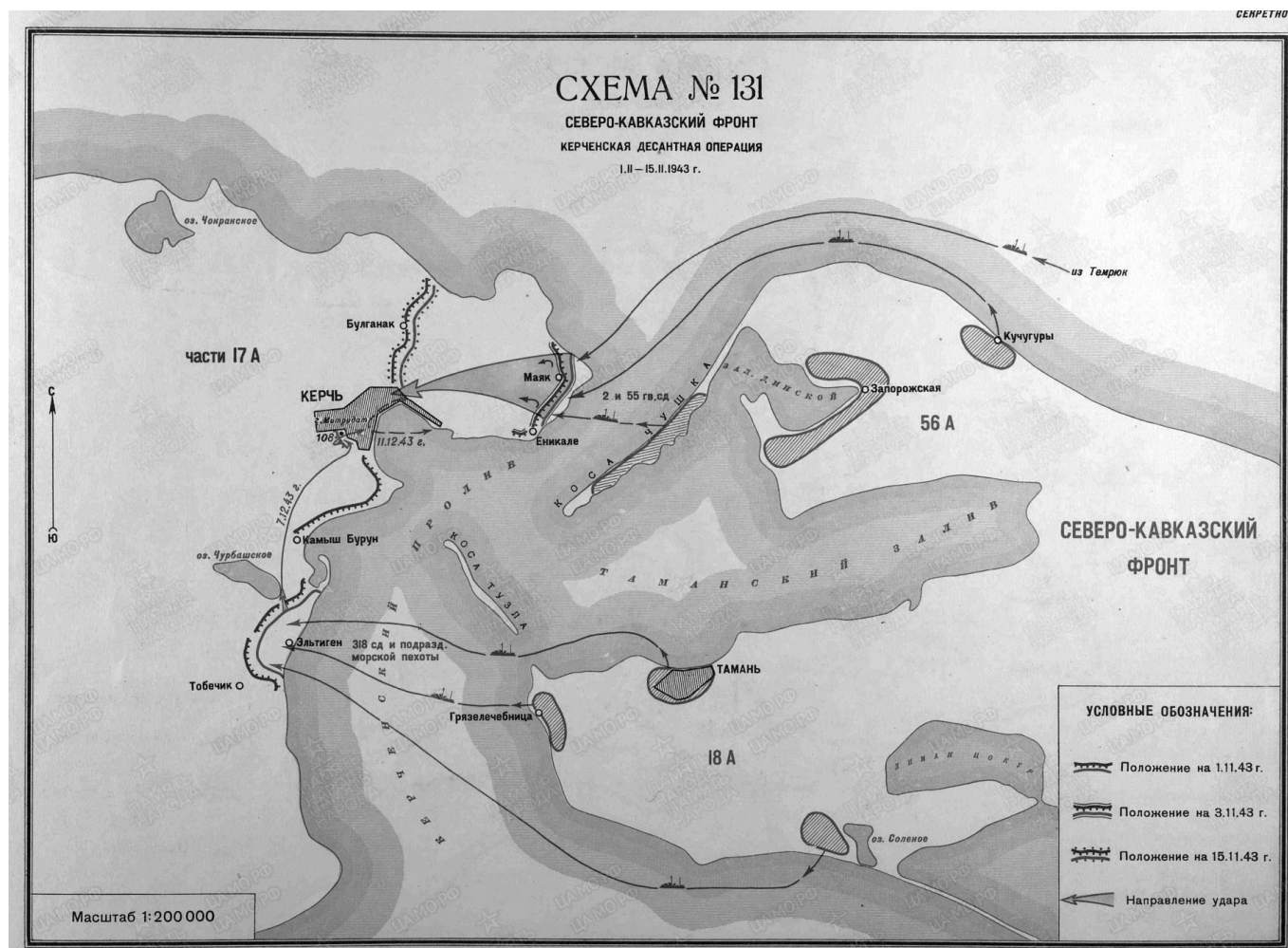

Рис. 1. Схема. Керченская десантная операция. 1.11.-15.11.1943 г.
<https://pamyat-naroda.ru/ops/kerchenskaya-desantnaya-operatsiya>.

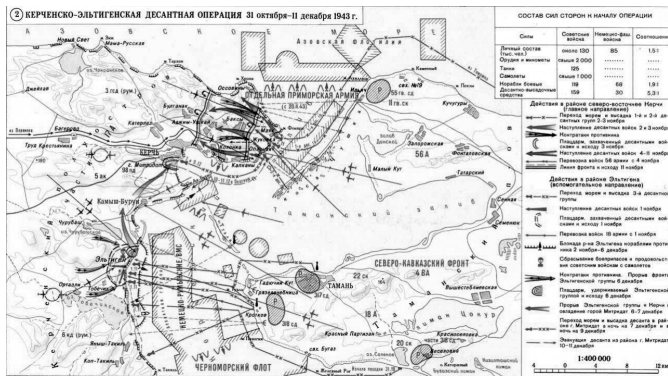

Рис. 2. Схема. Керченско-Эльтигенская десантная операция. 31.10-11.12. 1943 г. <http://dp60.narod.ru/HTML/maps.htm>.

Рис. 3. Джип «Виллис» с противотанковой пушкой. <http://www.g503.ru>.

заслуги» старшего сержанта Юркина, сержанта Ш.Х. Халилова, младшего сержанта И.А. Елькина, рядового П.В. Пономарёва и др. (приказ подписан командиром полка подполковником Зелениным и начальником штаба майором Базыленко)⁸.

На завершающем этапе Новороссийско-Таманской освободительной операции полк передислоцировался в Тамань⁹ 07.10.1943 г., распоряжением командующего СКФ генерала армии И.Е. Петрова, начальником штаба 490-го ИПТАП¹⁰ (Рис. 4) был назначен майор Николай Семёнович Суслов – бывший начальник артиллерии 726-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии.

Н. С. Суслов родился 29.12.1919 г. в д. Басманово Шарангского района Горьковской области в многодетной крестьянской семье бывшего кавалериста царской армии Семёна Петровича Суслова. Из двенадцати детей Николай был самым старшим. Окончил 7 классов школы, 3 курса Санчурского педагогического техникума, работал учителем. В 1939 г. призван на действительную военную службу, служил год в погранвойсках на Дальнем Востоке, подал рапорт и в сентябре 1940 г. был зачислен курсантом Томского артиллерийского училища по специальности «дивизионная артиллерия»¹¹. Курс был ускоренным. В июле 1941 г. выпуск направили в Луганск «на формирование 395-й стрелковой дивизии, которую окрестили Шахтёрской»¹².

Лейтенант Николай Суслов начал службу в дивизии командиром взвода 968-го артиллерийского полка, по прибытии на Южный фронт с сентября 1941 г. по февраль 1942 г. служил начальником разведки 2-го дивизиона 968-го артиллерийского полка 395-й стрелковой дивизии

18-й армии¹³.

В феврале 1942 г. старший лейтенант Н.С. Суслов командовал батареей 968-го полка, в июле 1942 г., в звании капитана, возглавлял артиллерию 726-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях на Миусс-фронте, под Ростовом-на-Дону, в битве за Кавказ. За боевые отличия командованием 37-й армии СКФ был награждён орденом Красной Звезды. Во фронтовом приказе указаны даты подвига: 29.09, 15.10, 16.11, 06.12.-08.12. 1942 г., 15.02.1943 г.¹⁴

С мая по сентябрь 1943 г., по представлению командира дивизии генерала С.У. Рахимова, майор, член партии Н.С. Суслов учился в Высшей офицерской школе (профиль начальников штабов полков) в г. Семёнов Горьковской области, в октябре возглавил штаб 490-го ИПТАП РК СКФ.

Шла подготовка к Керченской десантной операции. На основании боевого распоряжения командующего артиллерией 18-й армии генерал-лейтенанта Г. С. Кариофилли (№ 6303, от 20.10.1943 г.), 2-я и 4-я батареи 490-го ИПТАП с 5-ю автомашинами марки «Виллис» передавались 318-й Новороссийской горнострелковой дивизии, которая должна была в 1-м эшелоне десанта высаживаться в районе Эльтигена (3-я группа высадки). Майора Н.С. Суслова назначили старшим группы, командиры указанных батарей поступали в его распоряжение и в дальнейшем были обязаны выполнять только его указания. Батареем предписывалось иметь при себе «1,5 б/к боеприпасов, одну заправку ГСМ в баках машин, 5 сутодач продовольствия»¹⁵.

Группа состояла из 7 офицеров (капитан Сторенко Г.А., капитан Шатских С.Ф., капитан Рудько К.В., старший лейтенант Карасёв Н.П., старший

лейтенант Наливайко, лейтенант Кузьмин А., младший лейтенант Задков Н.), 19 чел. сержантского состава, 33 рядовых. Материальная часть: 45-мм орудия 7 штук, из них – 5 орудий образца 1937 г. и 2 орудия образца 1942 г.»¹⁶.

Приданная 1339-му стрелковому полку, десантная группа 490-го ИПТАП высаживалась в районе Эльтигена в ночь на 01.11.1943 г. Форсирование пролива и высадка проходили в тяжёлых условиях: сильный накат заливал перегруженные плавсредства, на песчаном баре в 30-50 м от берега гибли суда с глубокой осадкой, противник открыл мощный заградительный огонь.

«Виллисы» 490-го ИПТАП были погружены на бочечные плоты (паромы) – 7-й дополнительный отряд высадки. Автомашины, следуя отдельно от батарей с водительским составом, боеприпасами, продовольствием, не дойдя до места выгрузки в связи с сильным штормом и интенсивным обстрелом противника, были оставлены в море, личный состав снят на буксиры. Плоты затонули в море¹⁷. Фрагменты ходовой части одного из затонувших «Виллисов» экспонируются в настоящее время в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике, отдел «Керченская крепость» (Рис. 5).

Командиром Эльтигенского плацдарма полковником В.Ф. Гладковым на десантную группу 490-го ИПТАП была составлена боевая характеристика, в которой зафиксирован временной период (01.11.-10.12.1943 г.), отмечены умелые

действия артиллеристов, их мужество и отвага. Так, командир орудия старший сержант Усунбаев вместе со своим расчётом подбил «три 75-мм орудия, четыре 37-мм орудия, прожектор, хозяйственную машину, два средних танка и одну самоходную пушку типа «Фердинанд». 01.11.43 г. наводчик сержант Тышканбаев и красноармеец Журавлёв из орудия при стрельбе прямой наводкой уничтожили пять танков, и оба погибли... За период боёв десантной группой 490-го ИПТАП уничтожено танков – 7, самоходных орудий – 1, пушек 75-мм – 3, пушек 37-мм – 4; пулемётов – 5, прожекторов – 2, автомашин – 1, мотоциклов – 2, солдат и офицеров – 150 человек»¹⁸.

Старший десантной группы полка, майор Николай Суслов 2 ноября 1943 г. был тяжело ранен в плечо осколком разорвавшегося рядом снаряда в одном из боёв по отражению контратак противника. Несмотря на ранение, оставался в строю, периодически наведываясь в медсанбат для перевязок.

С 9 ноября противник полностью блокировал плацдарм, десантники жили и сражались в тяжёлых условиях – недостаток боеприпасов, медикаментов, питьевой воды и продовольствия; постоянные обстрелы вражеской артиллерией с флангов, бомбёжки, контратаки противника.

В 20-х числах ноября, на прорвавшемся сквозь морскую блокаду катере, Н. С. Суслова эвакуировали на Большую землю. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.11.1943 г. за под-

Рис. 4. Майор Н. С. Суслов, 1943 г. Фото из личного архива Н. Н. Суслова.

Рис. 5. Фрагменты ходовой части автомобиля «Виллис» 490-го ИПТАП, поднятые со дна Керченского пролива во время строительства Крымского моста в 2017 г. <http://kerchmuseum.ru/ru/news.html>.

Рис. 6. Майор Н. С. Суслов, 1944 г. Фото из личного архива Н. Н. Сулова.

Рис. 7. Два полковника артиллерийских войск – Николай Семёнович и Николай Николаевич Суловы. Фото из личного архива Н. Н. Сулова.

виг, совершённый на «Огненной земле», майор Николай Сулов был награждён орденом Ленина¹⁹ (Рис. 6).

Приказом Командующего артиллерией 18-й армии СКФ за доблесть и мужество, проявленные в боях на Эльтигенском плацдарме, 15 артиллеристов-десантников из 490-го ИПТАП наградили орденами и медалями. Среди них: командир батареи, капитан С.Ф. Шатских – орден Александра Невского; командир орудия, старший сержант Г.К. Абрамов, командир взвода, лейтенант А.В. Кузьмин, командир орудия, старший сержант Н.И. Соловьёв – орден Отечественной войны 1-й ст.; командир отделения разведки, сержант А.С. Бородкин, старший разведчик, рядовой Ф.А. Волков, зам. наводчика орудия, младший сержант К.П. Гава, помощник наводчика орудия рядовой К. Даденов – орден Отечественной войны 2-й ст.²⁰

Сержанты Кожамет Тышканбаев (в приказе о награждении и наградном листе имя и фамилия искажены – прим. автора) и Исаак Двухбанный были удостоены звания Героя Советского Союза посмертно²¹.

Из наградного листа К. Тышканбаева: «...в Красной армии с января 1942 г., призван Джаркентским РВК Алма-Атинской обл., казах, член ВКП(б), убит 02.11.1943 г., ранее был награждён медалью «За Отвагу»... Наводчик орудия сержант Тишханбаев, отражая атаки танков на

десантной территории в районе Эльтигена, проявил подлинный героизм. На его орудие двинулось 5 танков. Тов. Тишханбаев вступил с ними в бой, вдвоём с помнаводчиком Журавлёвым двумя выстрелами поджёг первый танк и по очереди уничтожил ещё три танка. В это время был убит помнаводчик Журавлёв и тяжело ранен тов. Тишханбаев, но он успел в упор двумя снарядами расстрелять пятый танк и сам умер у орудия, не пропустив ни одного танка...»²².

Из наградного листа И. Двухбанный: «...в Красной армии с декабря 1940 г., призван Тальновским РВК Киевской обл., еврей, кандидат ВКП(б), убит 5.11.1943 г., ранее не награждался. Наводчик орудия сержант Двухбанный первый из десантной группы высадился в районе Эльтигена, из своего 45-мм орудия уничтожил: прожектор врага, который освещивал десант, когда заработали вражеские пулемёты, не дававшие возможности высадиться десанту, прямой наводкой расстрелял оба вражеских пулемёта. Кроме того, Двухбанный с исключительной быстротой уничтожил две 37-мм пушки, стрелявшие по десантным катерам. Своей умелостью и храбростью тов. Двухбанный дал возможность благополучно высадиться захватывающей группе десанта. Занимая оборону на десантной территории, он героически отбивал атаки противника, когда враг хотел своими танками снять десантную группу, тов. Двухбанный своим ору-

дием отбил атаку трёх танков, из которых подбил два, а третьего, прорвавшегося к орудию, уничтожил противотанковой гранатой и сам погиб...»²³.

Кожухмет Тышканбаев и Исаак Двухбабный были похоронены на земле Эльтигена, точное место захоронения не установлено²⁴.

Артиллеристы 490-го ИПТАП участвовали в прорыве с Эльтигенского плацдарма, боях в центре Керчи; после снятия судами Азовской военной флотилии с керченского берега прибыли в расположение полка в станицу Славянская Краснодарского края; 14 декабря 1943 г. – старшина хозяйственной части Изотов, командир отделения связи взвода управления старший сержант Соловьёв, командир отделения тяги паркового взвода сержант Витюгов; 18 декабря – старшина А.А. Овчинников, сержант А.А. Рыжаков, сержант Семёнов²⁵ (список не полный – прим. автора).

После Эльтигена, в 1944 г., 490-й ИПТАП был направлен в 25-ю отдельную истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду РГК, в составе которой дошёл с боями до Берлина и участвовал в его штурме.

Майор Н.С. Суслов после продолжительного лечения в военном госпитале получил новое назначение. Командовал учебным дивизионом в г. Львове, готовил для фронта специалистов-артиллеристов. Далее – г. Владимир-Волынский

и 395-я гвардейская стрелковая дивизия, в которой начинал военную службу.

В 1951 г. Н.С. Суслов окончил интендантский факультет Военной академии тыла и снабжения им. В.М. Молотова, некоторое время был начальником курса в академии, потом вернулся на военную службу. Вышел в отставку в звании полковника в 1975 г., занимая должность заместителя начальника Коломенского высшего артиллерийского училища²⁶.

Николай Семёнович часто вспоминал Эльтигенский плацдарм и однополчан, с которыми воевал в десантной группе, мечтал приехать в Керчь. Его мечту осуществил сын, полковник артиллерии в отставке, преподаватель Военного университета МО РФ (г. Москва) Николай Николаевич Суслов, побывав на «Огненной земле» Эльтигена в день 75-летия легендарного десанта. (Рис. 7)

Прошло 75 лет, а память о десанте жива. Ведутся исследовательские и поисковые работы, востребован музей Керченско-Эльтигенского десанта. На экскурсиях в музее частые гости – родные и близкие участников десанта. Во многом, благодаря им, равнодушным к боевым заслугам своих предков, Книга памяти военной Керчи пополняется новыми именами и ранее неизвестными судьбами Героев Отечества – защитников керченской земли.

¹ Щербак С. М. *Боевая слава Керчи: Путеводитель по местам сражений*. – Симферополь: Таврия, 1986. – 144 с. – С. 10

² ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 198. Л. 112

³ Кузнецов А. Я. *Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция / Андрей Кузнецов*. – Москва: Вече, 2011. – 464 с. – С. 24; 48

⁴ Там же. С. 55

⁵ Кононенко В. М. *Керченско-Эльтигенская десантная операция (31 окт. – 10 дек. 1943 г.)*. – Научный Архив ВКИКМЗ. Оп. 3. Ед. хр. 1426. Л. 5-36.

⁶ Гладков В. Ф. *Десант на Эльтиген*. – Москва: Воениздат МО СССР, 1954. – 204 с. – С. 116

⁷ Неменко А. В. *Крымские десанты. Ч. 2. Керчь и Эльтиген / А. В. Неменко. Крымские десанты*. – [Электронный ресурс]. – Код доступа: http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/desant2.shtml

⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 1342

- ⁹ Военная академия тыла и снабжения ГД им. В. М. Молотова. – Послужной список. – Суслов Николай Семёнович. Б-014372. Л. 2. (Фотокопия) / Документы из личного архива Н. Н. Суслова
- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 166213 с. Д. 3. Л. 36
- ¹¹ Шилов Ю. Солдат, сын солдата. Угол зрения, № 17, от 03.05.2017 г. – С. 5
- ¹² Там же, С. 5
- ¹³ Послужной список Н. С. Суслова. Б-014372. Л. 6. (Фотокопия) / Документы из личного архива Н. Н. Суслова
- ¹⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 1124
- ¹⁵ Документы 490-го ИПТАП. Оп. 172197с. Д. 3. Приказы, Л. 77 / Из личного архива Н. Н. Суслова
- ¹⁶ Документы 490-го ИПТАП. Оп. 172197с. Д. 3. Приказы, Л. 88 / Из личного архива Н. Н. Суслова
- ¹⁷ Документы 490-го ИПТАП. Оп. 172197с. Д. 3. Приказы по полку, Л. 86 / Из личного архива Н. Н. Суслова
- ¹⁸ Документы 490-го ИПТАП. Оп. 172187с. Д. 12. Отзывы о боевой деятельности, С. 21 / Из личного архива Н. Н. Суслова
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 67
- ²⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 623
- ²¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Ед. хр. 53
- ²² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Ед. хр. 47
- ²³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Ед. хр. 13
- ²⁴ Керчь и Керченский полуостров в годы войны (1941-1945). Справочные материалы. – Керчь: Боспор ЛТД, 1994. – 73 с. – С. 60, 66
- ²⁵ Документы 490-го ИПТАП. Оп. 172197с. Д. 3. Приказы, Л. 90; 92 / Из личного архива Н. Н. Суслова
- ²⁶ Послужной список Н. С. Суслова. Б-014372. Л. 2, 3. (Фотокопия) / Из личного архива Н. Н. Суслова

*Руслан Шамсудинович Нехай,
Россия, Санкт-Петербург, Центральный военно-морской
музей, директор, кандидат исторических наук, доцент*

100-летие политических органов Вооруженных Сил и их роль в развитии Военно-Морского Флота

Военно-политической работы, в современном понимании этого термина, и соответственно, государственно-административных органов военного управления в этой сфере, в вооруженных силах императорской России не существовало.

До 1917 года вопросами духовно-нравственного воспитания военнослужащих, в частности нижних чинов, занимались представители военного и морского духовенства. Им было вверено религиозно-нравственное воспитание солдатской и матросской массы. Также священники вели с нижними чинами «внебогослужебные беседы». Их тексты публиковались в журнале «Вестник военного духовенства». Солдату и матросу, прежде всего, внушалась необходимость безусловно слушаться своего начальства и избегать осуждения подчиненными его действий. Одной из главных задач священников являлось противодействие «недоброжелателям», которые стараются посеять «раздоры и смуты в нашем отечестве», поколебать «попущение святой церкви и покорность властям, от бога поставлен-

ным». В числе важнейших задач армии были «водворение порядка», «защита от недобрых своевольных людей веры, царя и отечества»¹.

Дореволюционному российскому офицерству заниматься политической работой запрещалось. В «Опыте настольной книги для гг. офицеров» 1910 года издания отмечалось: «Армия — это братство, это... политическая партия, давшая обет внепартийности, верности закону, порядку и дисциплине»².

После Февральской революции при Временном Правительстве ситуация с военно-политической работой в армии и на флоте России существенно изменилась. В целях политического наблюдения за личным составом в марте 1917 года был введен институт военных комиссаров, а в мае в составе Военного министерства создано Политическое управление³. Французское слово «комиссар» означает руководителя с обществено-политическими или административными полномочиями.

В Рабоче-Крестьянской Красной Армии организаторами и руководителями политической

работы также стали военные комиссары. Институт военных комиссаров был введен в марте — апреле 1918 года для осуществления политики РКП (б) в армии и политического контроля за военными специалистами, а также для руководства партийными организациями и всей партийно-политической работой⁴.

Вскоре после VIII съезда РКП (б) было упразднено Всероссийское бюро военных комиссаров, а его функции переданы вновь созданному Политотделу Реввоенсовета Республики. 15 мая 1919 года Политотдел преобразовали в Политическое управление РСФСР с правами военного отдела ЦК РКП (б). Тем самым завершилось образование системы политорганов в Вооруженных Силах⁵.

Политработники Красной Армии и флота внесли существенный вклад в достижение победы большевиков в Гражданской войне. Комиссары были вдохновителями боевых подвигов моряков-балтийцев, в особенности при отражении британской агрессии в 1919 году⁶. Видным политработником являлся один из талантливых руководителей молодого советского флота Иван Давыдович Сладков⁷. В боях отличились комиссар Морских сил Каспийского моря Федор Степанович Аверичкин и многие другие политработники.

Председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе назвал Политическое управление «добавочным оружием Красной Армии». В 20–30-е годы основные цели политико-воспитательной работы заключались в повышении политического и культурного уровня красноармейцев и краснофлотцев, ликвидации среди них неграмотности, подготовке «сознательного бойца, стоящего на страже и готового в любой момент выступить на защиту Рабоче-Крестьянской власти...»⁸

Морские силы РККА, почти утраченные в годы Гражданской войны и интервенции, фактически начали воссоздаваться в декабре 1926 года, когда Совет Труда и Обороны утвердил шестилетнюю программу военного судостроения⁹. Во второй пятилетке велось крупномасштабное строительство Военно-Морского Флота. Программа его строительства на третью пятилетку, принятая в 1938 году, предусматривала строительство кораблей практически всех классов, но в полном объеме она не была выполнена¹⁰.

В связи с повышением роли Военно-Морского Флота в системе обороны страны, а также его

ускоренным строительством ЦК ВКП (б) и Советское правительство признали необходимым создать самостоятельный общесоюзный Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР. Постановление об этом, а также о создании Политуправления РККФ на правах военно-морского отдела ЦК ВКП (б) вышло 30 декабря 1937 года¹¹.

В Военно-Морском Флоте с 1939 по 1946 год возглавлял политическую работу член Военного совета и начальник Главного управления политической пропаганды ВМФ (с 22 июля 1941 года — Главного политуправления ВМФ) армейский комиссар 2 ранга, затем генерал-полковник береговой службы Иван Васильевич Рогов¹². Любопытно, что до своего назначения он ни дня не служил на флоте. Этот человек оставил по себе добрую память, хотя во флотских кругах его не без оснований называли Иваном Грозным. Он был крут, но отличался оригинальностью мысли и не терпел шаблонов. Писатель-маринист Александр Крон, служивший в годы войны на Балтийском флоте, отмечал, что, говоря о балтийских подводниках в тяжелом для них 1942 году, Рогов как-то заметил, к большому удивлению присутствовавших на совещании: «Снимите с людей, ежечасно глядящих в глаза смерти, лишнюю опеку. Дайте вернувшемуся их похода командиру встряхнуться, пусть он погуляет в свое удовольствие, он это заслужил». Как тут не вспомнить о знаменитом подводнике Александре Ивановиче Маринеско, который, правда, в другой ситуации, после подобных приключений совершил свой легендарный подвиг!¹³

С началом Великой Отечественной войны была проведена огромная работа по перестройке армейского и флотского партийно-политического аппарата. Его структуру привели в соответствие с требованиями войны. За первые полгода войны в армию и на флот было направлено около 8800 руководящих партийных работников, а также 100 тыс. политбойцов, в ряды Вооруженных Сил влилось более 1 миллиона 100 тыс. коммунистов¹⁴. Одним из самых ярких символов войны стала фотография политрука Алексея Гордеевича Еременко, ведущего бойцов в атаку.

Важное значение в годы войны, да и после нее имело единение командного и политического состава армейских и флотских структур управления. Примерами таких успешных тандемов являются маршал Жуков и генерал-лейтенант

Телегин, маршал Шапошников и генерал-лейтенант Боков, маршал Василевский и генерал-полковник Щербаков, маршал Гречко и генерал армии Епишев.

В 1941 году вошел в бессмертие младший политрук 4-й роты 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии Василий Георгиевич Клочков, удостоенный посмертно звания Героя Советского Союза. Его слова «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва» стали клятвой защитников столицы.

Флотские политработники также героически сражались на море и суше. В период обороны Севастополя бессмертный подвиг совершили пять героев-черноморцев под командование политрука Николая Дмитриевича Фильченкова, которые ценой своей жизни остановили гранатами атаку вражеских танков¹⁵. Фильченков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В боях за Сталинград мужественно воевал комиссар роты противотанковых ружей 35-й гвардейской стрелковой дивизии Иннокентий Петрович Герасимов. Гитлеровцы не прошли и оставили на поле боя 12 горящих танков. Раненый политрук произнес слова: «А ну, кто еще хочет в Сталинград?» Он также стал Героем Советского Союза.

Одним из ключевых факторов Победы в Великой Отечественной войне была эффективная работа по поддержанию морального духа советских войск. В этой работе командование опиралось на стройную систему партийно-политической работы. В духовной сфере СССР выиграл борьбу за умы и сознание людей, Красная Армия взяла верх над вермахтом и вооруженными силами сателлитов нацистской Германии. Дело здесь не столько в менталитете и национальных особенностях населения Советского Союза, сколько в наличии хорошо продуманной системы морально-психологического обеспечения, идеологической работы с воинами в Красной Армии и на флоте.

Более трети политработников пали смертью храбрых на поле боя. За образцовое выполнение заданий командования в годы войны и проявленные при этом мужество и героизм тысячи политработников награждены орденами и медалями. В числе 11603 Героев Советского Союза, удостоенных этого высшего в СССР звания в годы Великой Отечественной войны, 362 — политработники. Среди них пехотинцев — 247, танки-

стов — 21, артиллеристов — 20, авиаторов — 16, моряков — 12, представителей инженерных войск — 12, воздушно-десантных — 8, пограничных — 5, других родов войск и партизан — 13. Политработники Герои Советского Союза — представители 20 наций и народностей СССР, из них русских — 242, украинцев — 52, белорусов — 13, евреев — 12, армян — 6, грузин — 4, татар — 3, чувашей — 3, башкир — 2, казахов — 2, киргизов — 2, латышей — 2, мордвы — 2, по одному — из адыгейцев, осетин, крымчаков, курдов, марийцев, эстонцев. Пример героев-политработников доказывает, что Победа в Великой Отечественной войне — детище всего многонационального советского народа.

В число политработников высшего ранга во время войны входил Никита Сергеевич Хрущев, член военных советов Юго-Западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов, в 1953–1964 годах Первый секретарь ЦК КПСС.

Его преемник, будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, с началом войны перешедший с политработы в ряды армии, с 1942 года заместитель начальника политуправления Северо-Кавказского фронта, затем Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта, начальник политотдела 18-й армии, участвовал в героической обороне Новороссийска. Там Брежнев близко познакомился с моряками и на всю жизнь полюбил их за стойкость, удачу и отвагу. Сам он однажды оказался на краю гибели и был спасен моряками. По словам бывшего военного корреспондента Героя Советского Союза Сергея Александровича Борзенко, однажды во время переправы на Малую землю «сейнер, на котором плыл Брежнев, напоролся на мину, полковника выбросило в море, и там его в бессознательном состоянии подобрали матросы».

Именно Хрущев предложил выдвинуть Брежнева после войны на должность первого секретаря Запорожского обкома партии, после чего началась стремительная политическая карьера Леонида Ильича. Любопытно, что в 1953 году в течение 10 дней Брежнев был начальником Главного политуправления ВМФ¹⁶. Впрочем, это была его временная должность, и никакого влияния на жизнь флота он не оказал.

По окончании войны Вооруженные Силы СССР претерпели кардинальные изменения.

25 февраля 1946 года был создан единый Народный комиссариат Вооруженных Сил Союза ССР, а Наркомат ВМФ упразднен. Были образованы Главное политическое управление Вооруженных Сил, политуправления Сухопутных войск, Военно-Воздушных Сил, Военно-Морского Флота, авиации дальнего действия. Однако в феврале 1950 года Военно-морское министерство было воссоздано и действовало до 15 марта 1953 года, когда сформировали единое Министерство обороны СССР¹⁷.

В первые послевоенные годы политической работой в ВМФ руководили адмиралы и генералы Анатолий Алексеевич Муравьев (1946 год), Николай Михайлович Кулаков (1946–1949 годы), Борис Михайлович Балев (1949–1950 годы), Николай Васильевич Пупышев (1950 год), Семен Егорович Захаров (1950–1953 годы)¹⁸.

Главной задачей партийно-политической работы в мирных условиях являлась мобилизация личного состава на овладение новой техникой и оружием, укрепление единоначалия и воинской дисциплины. Массовое оснащение армии и флота новыми видами боевой техники и вооружения, перестройка их организационной структуры, форм и методов обучения и воспитания личного состава потребовали в конце 50-х — начале 60-х годов XX века совершенствования форм и методов политической работы.

В 50-е годы произошли изменения и в структуре политических органов Вооруженных Сил. Главное политическое управление Министерства обороны в 1958 году было реорганизовано в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. В нем были созданы управления по руководству работой политорганов в видах Вооруженных Сил, а их политуправления упразднены.

В 50-е годы политорганы ВМФ возглавляли адмиралы Семен Егорович Захаров (1953–1955 годы) и Арсений Васильевич Комаров (1955–1958 годы). На этом посту рекордным долгожителем (22 года!) оказался адмирал Василий Михайлович Гришанов (1958–1980 годы)¹⁹.

В целях совершения политработы в войсках 30 сентября 1967 года ЦК КПСС принял постановление «О создании политических управлений Войск ПВО страны, Военно-Воздушных Сил, Военно-Морского Флота, политического отдела Воздушно-десантных войск в структуре Главного

политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота»²⁰.

Тем не менее, отлаженная до мелочей система партийно-политической работы в Вооруженных Силах иногда давала чувствительные сбои. Так, 8 ноября 1975 года замполит большого противолодочного корабля «Сторожевой» капитан 3 ранга Валерий Михайлович Саблин поднял восстание и арестовал командира. За мятежным замполитом пошла большая часть экипажа. По официальной версии, он пытался угнать корабль в Швецию. По версии самого Саблина, он направил корабль в Кронштадт в знак протеста против отхода партии и правительства от ленинских норм в строительстве социализма, чтобы выступить на телевидении с изложением своих взглядов. В Ирбенском проливе «Сторожевой» был остановлен ударами авиации, а Саблин ранен командиром корабля, освобожденным одумавшимся экипажем, и арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР он был осужден за измену Родине и расстрелян. В 1994 году дело Саблина было пересмотрено и переквалифицировано на статьи о воинских преступлениях (превышение власти, неповиновение и сопротивление начальству). Но полной реабилитации Саблин не подлежал. Попытка советского «лейтенанта Шмидта» поднять «четвертую русскую революцию» провалилась²¹.

К концу 80-х годов политические органы в Советском ВМФ являлись руководящими партийными органами, осуществлявшими руководство партийной работой в ВМФ, идейным воспитанием личного состава. Они обеспечивали укрепление единоначалия, дальнейшее повышение организованности и воинской дисциплины, формирование идейной убежденности, высоких морально-политических и боевых качеств личного состава, мобилизацию его на успешное выполнение боевых задач²².

В 1980-е годы Политуправление ВМФ возглавляли адмиралы Алексей Иванович Сорокин (1980–1981 годы), Павел Николаевич Медведев (1981–1987 годы) и Василий Иванович Панин (1987–1991 годы)²³.

В связи с коренным изменением международной обстановки в конце XX века и началом военной реформы изменились и требования к политической работе в войсках. К власти пришло новое поколение руководителей страны, которые не участвовали в Великой Отечественной войне, сла-

бо разбирались в военных вопросах, не понимали значения военно-политической работы в войсках, а зачастую ей противодействовали. В 1985 году возглавил Политбюро ЦК КПСС, а затем стал первым и последним президентом СССР Михаил Сергеевич Горбачев, о службе которого в Вооруженных Силах официальные источники умалчивают.

В январе 1991 года был принят указ Президента СССР о создании военно-политических органов и преобразовании Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота в Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил СССР. После событий августа 1991 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Главное военно-политическое управление было упразднено, и его заменили органы воспитательной работы.

Первый президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин в Вооруженных Силах не служил по причине физического увечья руки

в результате несчастного случая, к военным относился пренебрежительно, а военно-политические органы и вовсе не признавал, считая их правой рукой КПСС. Именно в 1990-е годы были ликвидированы военно-политические органы, замененные структурами для работы с личным составом. Однако эти органы не могли решить все поставленные жизнью задачи и ответить на новые вызовы и угрозы, возникающие в отношении безопасности Российской Федерации.

С созданием в июле 2018 года Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации начался новый этап развития этого важного для отечественной армии и флота направления военного строительства. Система военно-политической работы будет неуклонно совершенствоваться в целях укрепления оборонного могущества нашей Родины и воспитания всесторонне развитых защитников Отечества.

¹ Петров В.А. *Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г.* М.; Л., 1964. С. 229–230.

² Болотников И.Н. *Опыт настольной книги для гг. офицеров.* СПб., 1910. С. 51, 55.

³ Подробнее см.: Комаров Н.А. *Военные комиссары Временного правительства, март-октябрь 1917 года: диссертация... кандидата исторических наук.* М., 2001.

⁴ *Советские Вооруженные Силы. История строительства.* М., 1978. С. 38–39.

⁵ Там же.

⁶ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота.* М., 1988. С. 96.

⁷ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 106.

⁸ *Всероссийское совещание по агитпропработе в Красной Армии и Флоте.* М., 1922. С. 37.

⁹ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 133.

¹⁰ *Советские Вооруженные Силы... С. 504. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 138–139.

¹¹ *Советские Вооруженные Силы... С. 504.*

¹² *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 532–533, 538.

¹³ Подробнее о подвиге А.И. Маринеско см. повесть А.И. Крона «Капитан дальнего плавания» (М., 1984 и последующие издания).

¹⁴ *Советские Вооруженные Силы... С. 303.*

¹⁵ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 326.

¹⁶ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 533.

¹⁷ *Советские Вооруженные Силы.... С. 508.*

¹⁸ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 533.

¹⁹ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 533.

²⁰ *Советские Вооруженные Силы... С. 510.*

²¹ Подробнее см.: Черкашин Н.А. *Чрезвычайные происшествия на советском флоте.* М., 2007.

²² *Военно-морской словарь.* М., 1990. С. 327.

²³ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота..* С. 533.

*Сергей Александрович Орешин,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(по совершенствованию военно-патриотической работы),
кандидат исторических наук*

Боевые действия советских войск в Дагестане в 1918 году

Продолжающийся столетний юбилей Гражданской войны закономерно вызывает интерес со стороны научно-исторического сообщества и общественности к одному из самых сложных и противоречивых событий отечественной истории. Особую специфику данный конфликт приобрел на окраинных территориях бывшей Российской империи, отличавшихся сложным этноконфессиональным составом населения. Одной из таких окраин был Северный Кавказ и, в частности, Дагестан, где в вооруженное противостояние помимо красных и белых оказались втянуты различные местные национальные силы, представлявшие собой весь спектр политической борьбы: от радикальных исламистов до социалистов.

С конца апреля по середину сентября 1918 года на части территории Дагестанской области существовала Советская власть, которая вынуждена была вести непрерывные ожесточенные бои с силами внутренней и внешней контрреволюции. Данная статья, не претендуя на полноту раскрытия материала, представляет собой по-

пытку проанализировать ход боевых действий советских войск в Дагестане в 1918 году; показать особенности их тактики и стратегии; рассмотреть особенности военного строительства в крае; выявить причины поражения Советов.

В начале 1918 года реальная власть в Дагестане принадлежала т.н. Дагестанскому областному исполнительному комитету, в котором доминировал блок исламистов (их лидерами были популярный муфтий Нажмутдин Гоцинский, и шейх Узун-Хаджи Салтинский) и национал-демократов. К Октябрьскому перевороту дагестанская правящая верхушка отнеслась отрицательно и заявила о непризнании ВЦИК и СНК. В то же время на севере в Астрахани и на юге в Баку установилась Советская власть. Вследствие своего географического положения Дагестан блокировал подвоз бакинской нефти в Центральную Россию и продовольствия – в Баку. В начале апреля дагестанцы попытались прийти на помощь азербайджанским мусаватам, но были разгромлены на подступах к Баку.

После этого Бакинский и Астраханский Советы рабочих, солдатских, матросских и крестьян-

ских депутатов приняли решение о проведении силовой акции с целью овладения приморским Дагестаном и восстановления регулярного сообщения Баку с Центром. В Астрахани началось формирование добровольческих отрядов из бывших солдат, матросов и рабочих. 16 апреля в Баку был сформирован экспедиционный отряд морских и сухопутных сил (36-й Туркестанский пехотный полк, части Красной Гвардии, 2 орудия, канонерская лодка «Ардаган» и 5 транспортных) под командованием М.Г. Ефремова (впоследствии – прославленный командарм, герой Великой Отечественной войны), которому была поставлена задача овладеть Порт-Петровском (современная Махачкала) – крупнейшим дагестанским городом и портом.

Порт-Петровск защищали подразделения 1-го и 2-го Дагестанских конных полков бывшей Туземной конной («дикий») дивизии, отряды имама Гоцинского, городские ополченцы из представителей зажиточных классов, имевшие на вооружение 2 пулемета, 2 горных и 1 полевое орудие и 1 бронепоезд. Командовали ими бывшие офицеры Русской императорской армии. Главный удар ожидался со стороны Астрахани, поэтому наступление отряда Ефремова с юга стало для них неожиданностью. В то же время Ефремов организовал разведку побережья и сумел установить силы и средства неприятеля и места его дислокации. Скрытно сосредоточив войска в месте высадки, 20 апреля красные начали наступление на город с двух сторон при поддержке корабельной артиллерии. В ходе боя 36-й полк проявил себя плохо: не желавшие воевать солдаты действовали нерешительно, чем срывали сроки намеченной операции. Красногвардейцы сражались храбро, однако их боевая выучка оставляла желать много лучшего. Хорошо проявили себя военные моряки, которые смогли быстро подавить вражескую батарею и обеспечить надежное огневое прикрытие штурмующим. Однако войска противника в качественном отношении были еще хуже, в результате чего к вечеру Порт-Петровск оказался в руках советских войск. Потеряв пулеметы и орудия, дагестанцы отступили из города, в котором, по словам Ефремова, «начались грабежи, мародерство, разгром винных складов и пьянство, пресечь каковые не было возможности». Только 22 апреля командующий смог навести порядок в своем малодисциплинированном отряде, при-

чем, по его словам, если бы противник контраковал красных, утративших всякую боеспособность во взятом городе, то, несомненно, добился бы успеха. Однако взятие советскими частями Порт-Петровска ошеломило дагестанцев, которые поспешили без боя очистить Дербент¹.

Вскоре в Порт-Петровск прибыл Астраханский революционный отряд под командованием С. Булова (1000 человек). В городе из местных рабочих был сформирован отряд Красной Гвардии (700 человек). Тем временем, оправившись от поражения, националисты попытались отбить Порт-Петровск. Получив информацию о том, что 36-й пехотный полк 26 апреля будет отправлен на север, их отряды численностью 4 тысячи человек под общим командованием генерал-майора М.М. Халилова 27 апреля атаковали город. Однако солдаты задержались в Порт-Петровске на один день, и совместно с красногвардейцами приняли участие в отражении атаки. В результате упорных уличных боев националисты были разгромлены главным образом благодаря тому, что у красных оказались опытные пулеметчики и артиллеристы, которых не было у дагестанцев, в результате чего артиллерия горцев била по своим и действовала из рук вон плохо. Дагестанцы шли в атаку с яростью фанатиков, но, не знакомые с воинским искусством и тактикой уличного боя (многие из них вообще никогда не были в городах) сотнями гибли под кинжальным пулеметным огнем красных, занявших круговую оборону в каменных домах и казармах. Потеряв убитыми и ранеными 1200 человек (потери красных не превышали 100 человек, однако среди них оказался командир Астраханского революционного отряда Булов, которого заменил комиссар Ляхов), полностью разгромленные и деморализованные, дагестанские отряды бежали в горы, бросив 2 пулемета и 3 орудия².

Преследуя противника, советские войска подошли к дагестанской столице Темир-Хан-Шуре (современный Буйнакск), которая 1 мая капитулировала без боя. Высшим органом власти был объявлен Дагестанский областной военно-революционный комитет, сформированный левыми политическими партиями (Дагестанская социалистическая группа, большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты). Однако националисты и исламисты не желали складывать оружие. Они укрепились в Горном Дагестане. Центром антисоветского сопротивления стал знаменитый аул

Гуниб. В горах началось формирование отрядов для борьбы с «красными безбожниками». Новым властям, пришедшим в Дагестан благодаря военной помощи из Астрахани и Баку, вскоре стало очевидным, что предстоит длительная и ожесточенная борьба.

Следовательно, необходимо было создать боеспособные вооруженные силы. Эта работа проводилась военным отделом областного ВРК (председатель – М. Дахадаев), который был позднее преобразован в областной военный комиссариат и городскими военными комиссариатами. Костяк советских войск в Дагестане составил Астраханский революционный отряд, развернутый 9 июля в 1-й Дагестанский советский пехотный полк (700 человек)³, укомплектованный добровольцами из Астраханской, Саратовской, Самарской, Пензенской и Казанской губерний, а также из самого Дагестана. 2 мая на сторону красных перешла большая часть всадников 1-го Дагестанского полка Дикой дивизии⁴, который был преобразован в 1-й Дагестанский советский конный полк (700 человек). Были сформированы 1-й имени Советской республики полк (800 человек), красногвардейские добровольческие отряды под командованием С.С. Казбекова и Авербуха, в Дербенте создан интернациональный полк (в его рядах сражались азербайджанцы, русские, армяне, евреи, таты, лезгинцы). Из Баку были направлены сводные отряды Мусаева и Касрадзе, из Астрахани – отряд Круглова⁵. Помимо этого, левые политические партии и организации (большевики, левые эсеры и максималисты, анархисты) формировали партийные отряды и дружины, которые также направлялись на фронт. Наконец, во всех аулах, признававших Советскую власть, создавались специальные отряды самообороны.

С первых же дней советские войска столкнулись с большими трудностями, которые так и не были до конца преодолены. Вследствие материальных трудностей и отсутствия регулярного сообщения с другими регионами Советской России, бойцы испытывали острый недостаток вооружения, боеприпасов и обмундирования. Командир сводного отряда Круглов телеграфировал в Астрахань: «Люди босые и раздетые, ... дошли до того, что рвем с себя рубашки и перевязываем раненых»⁶. У большинства из них отсутствовала военная подготовка и опыт ведения

войны в горах. Кадровых солдат-ветеранов Первой Мировой войны было немного. Особенно сказывался недостаток квалифицированных пулеметчиков и артиллеристов.

Подавляющая часть командиров Красной Гвардии не имела никакого опыта руководства войсковыми соединениями. Что же касается бывших офицеров императорской армии, то они либо были настроены антисоветски, либо предпочитали выжидать. Мобилизуемые в армию военные специалисты не всегда были благонадежны в политическом отношении и, как показали дальнейшие события, некоторые из них перешли на сторону врага. Дисциплина среди советских войск не отличалась высоким уровнем, довольно высок был уровень дезертирства. Показательна в этом отношении телеграмма комиссара по военным делам Порт-Петровского Совета Н.И. Тутышкина Астраханскому ВРК: «Мы спим, едим, ничего не делаем. Красноармейцы разбегаются или, в лучшем случае, ослушиваются, лентяйничают, в то время как противник организуется и укрепляется»⁷.

Многие бойцы и командиры были уроженцами других губерний, не знали языка, религии, традиций и менталитета коренного населения Дагестана, что препятствовало налаживанию сотрудничества между войсками и местными жителями. Не лучшим образом на боеспособности войск сказывались и политические разногласия между ведущими левыми партиями, преобладавшими в Советах.

Самая же главная проблема состояла в том, что за несколько месяцев существования в Дагестане Советской власти, так и не удалось создать многочисленную армию с единым командованием. Еще в июне было объявлено о начале формирования т.н. Дагестанской Социалистической Красной Армии, в которую должны были быть сведены все советские подразделения, дислоцированные в области, но достичь этого не удалось. Фактически каждый крупный отряд сохранял самостоятельность, а красные командиры иногда вступали в конфликты друг с другом и с гражданскими органами власти. Отряды самообороны, сформированные в городах и аулах, готовы были сражаться только за них и не желали воевать в других местах края. В результате численность полевых войск Красной Армии, которые можно было использовать в войсковых

операциях на разных оперативных направлениях, не превышала 3-5 тысяч человек, а общая численность вооруженных формирований, на которые могла опереться советская власть, составляла 8 тысяч человек. Такими скудными силами советское командование вынуждено было маневрировать на широком фронте, иногда бойцам приходилось в день преодолевать несколько десятков верст на сорокаградусной жаре, делая переходы по пересеченной местности и с ходу вступать в бой. Общее руководство всеми советскими частями осуществляли чрезвычайный комиссар Дагестанской области В. Нанейшвили и военный комиссар М. Дахадаев.

Естественно, что тактика советских войск была преимущественно оборонительной. Националисты и исламисты, укрепившись в горах, напротив, совершали постоянные рейды в предгорья и на равнину, атакуя признавшие Советскую власть аулы и небольшие подразделения красных. Образовалось три главных фронта: Араканский (юго-западное направление от Темир-Хан-Шуры), Чиркеевский (к северо-западу от областного центра) и Чирюртовско-Хасавюртовский (северное направление). Самыми крупными вооруженными группировками командовали имам Гоцинский, шейх Узун-Хаджи, а также бывшие офицеры и генералы Русской императорской армии горского происхождения (генералы М. Халилов и Х. Арацханов, полковники М. Джафаров, Н. Тарковский, К. Алиханов и др.). В численном отношении они превосходили советские войска в несколько раз (в их рядах воевало 15-20 тысяч человек), однако подавляющая часть горских ополченцев была плохо вооружена и обучена и не отличалась стойкостью и дисциплиной. Кроме того, полевые командиры часто враждовали друг с другом и с Н. Гоцинским, объявившим себя имамом Дагестана и требовавшим признания его власти. Наиболее боеспособными были отряды, в рядах которых сражались антисоветски настроенные русские офицеры.

22 мая крупные отряды полевых командиров решили начать наступление на Темир-Хан-Шуру с трех направлений. Советское командование приняло решение предупредить неприятеля. 27 мая около аула Каранай в 20 верстах от города Астраханский отряд коротким ударом разгромил группировку Гоцинского. Успех был возможен благодаря умелому использованию красными артиллерии и бронепоезда⁸. Одновременно

ударом у аула Дженгутай в 18 верстах от Темир-Хан-Шуры была разгромлена вторая группировка националистов.

8 июня войска Гоцинского заняли аул Нижний Каранай, однако после упорных боев, продолжавшихся 2 дня, были наголову разбиты Астраханским отрядом и 1-м Дагестанским советским конным полком. Красные захватили 3 орудия, весь обоз и 80 пленных, среди которых было 2 офицера, самому имаму едва удалось бежать. 10 июня крупная группировка неприятеля (до 2 тысяч человек) сосредоточилась у Чир-Юрта. Советское командование спешно перебросило на север Порт-Петровский отряд, который 11 июня остановил наступление противника и, перейдя в контрнаступление, отбросил его за реку Сулак. Националисты потеряли до 400 человек убитыми и ранеными⁹. Получив подкрепление, красные при поддержке местных отрядов самообороны 16 июня нанесли националистам новое поражение и овладели 12 аулами, расположенными на реке Сулак¹⁰.

12 июня крупные банды (до 3 тысяч человек) вновь подошли к Дженгутаю, рассчитывая прорваться к Темир-Хан-Шуре, однако красные предупредили их и нанесли мощный удар, обратив неприятеля в бегство и захватив 1 орудие. Тем временем отряд Узун-Хаджи (400 человек, 2 пулемета, 2 горных орудия) попытался захватить аула Цудахар, но был отбит местными ополченцами. Тогда шейх стремительным броском занял аула Кази-Кумух, но удержаться там не смог и вынужден был отступить в горы. Попытка шейха прорваться на север была отражена Астраханским отрядом: пулеметным огнем банды были отброшены и рассеяны.

17 июня отряды Гоцинского начали новое наступление, заняли ряд аулов и находились в 25 верстах от Темир-Хан-Шуры. 18 июня они атаковали советские войска, спешно переброшенные для защиты областной столицы. Несколько раз горцы бросались в атаку с отвагой фанатиков, но попадали под перекрестный артиллерийско-пулеметный огонь и откатывались назад. 19 июня красные перешли в контрнаступление и рассеяли вражеские отряды, бежавшие в горы.

22 июня произошел крупный бой у аула Кокрек на Чирюртовском фронте. Там сосредоточилось несколько крупных отрядов националистов (до 8 тысяч человек), в рядах которых находи-

лось около сотни русских офицеров и терских казаков. Им противостояло всего 500 красноармейцев, однако стремительным штыковым ударом при поддержке артиллерии ударная колонна советских войск нанесла врагу поражение. 25 июня крупный отряд националистов напал на Темир-Аул и Карлан-Юрт, однако при поддержке своевременно подошедшего бронепоезда советские войска наголову разбили неприятеля¹¹.

Одновременно упорные бои шли на Дербентском фронте. В середине мая несколько отрядов националистов начали наступление на 10 революционных аулов Терекемейского магала, однако местные ополченцы при поддержке дербентских красногвардейцев нанесли им поражение¹². В начале июня на подступах к Дербенту была разгромлена банда полевого командира К. Абдуразакова, стремившаяся перерезать железную дорогу Дербент-Баку и захватить стратегически важный Самурский мост. В конце июня в окрестностях Дербента сводный отряд Касрадзе уничтожил крупную банду под командованием Джафара¹³.

В конце июня отряды полковника М. Джафарова предприняли очередную попытку взять Темир-Хан-Шуру, но были отбиты. Областной военком М. Дахадаев решил провести ответный рейд в горы. Советские части после упорных боев взяли аулы Чиркей, Гимры, Унцукуль, однако, столкнувшись с превосходящими силами неприятеля, который стремился взять их в кольцо, были вынуждены в начале июля отступить к Темир-Хан-Шуре¹⁴.

В июле положение советских войск обострилось. В Дагестан начали прибывать турецкие инструкторы, офицеры и первые подразделения османской армии под общим командованием полковника Исмаила Хакки-бея. Они приступили к обучению и организации всех контрреволюционных сил, которые начали получать значительные финансовые средства, вооружение и боеприпасы турецко-германского производства. В ауле Ахты была открыта школа подготовки командного состава антисоветских формирований. Турецкий штаб, разместившийся в Гунибе, приступил к подготовке новых наступательных операций.

Положение Красной Армии, напротив, оставалось тяжелым. Темир-Хан-Шуринский исполком Совета 5 июля констатировал, что на протяжении двух месяцев армия «не получила никакого обмундирования. Боевые действия

идут непрерывно; местами Красная Армия почти не выходит с позиций, нанося короткие удары по всем направлениям 4-х имеющихся фронтов; без сапог, без нательного нижнего белья, без носков, портянок и рубашек делает по страшной жаре длительные переходы»¹⁵. Правда, Северо-Кавказский военный округ смог выделить Дагестанской Красной Армии 2 4-хдюймовых орудия, батарею 3-хдюймовых орудий, 6 тысяч снарядов, 25 пулеметов, 5 тысяч винтовок, 3 млн. патронов, несколько тысяч комплектов обмундирования, а СНК РСФСР перечислил на военные нужды 7 млн. рублей¹⁶. Из Астрахани был переброшен хорошо вооруженный и дисциплинированный интернациональный отряд (австрийцы, венгры, чехи, болгары, сербы, румыны). Однако средств все равно не хватало.

В начале июля турецкий штаб разработал план генерального наступления на Араканском фронте. Туда были стянуты крупные отряды полевых командиров и имама Гоцинского общей численностью 5,5 тысяч человек, которые должны были наступать на Темир-Хан-Шуру. Однако между ними возникли разногласия по поводу того, кто будет осуществлять общее руководство операцией и кому, соответственно, в случае успеха достанутся лавры победителя. Этим воспользовался М. Дахадаев, сосредоточивший против них крупную группировку советских войск (1-й и 2-й Дагестанские советские полки, пулеметная команда, кумыкские и даргинские революционные отряды). Попытки сбить красных с занимаемых позиций успехом не увенчались, многие полевые командиры начали уводить свои отряды в горы, в результате наступление провалилось, так толком и не начавшись¹⁷.

10 июля советские войска перешли в наступление и после продолжительной артиллерийской подготовки овладели важным перевалом Кизил-Яр, однако из-за малочисленности вынуждены были отказаться от преследования отступившего неприятеля. Одновременно на Чирюртовском фронте красные нанесли поражение националистам, отбросили их отряды за Хасавюрт и очистили от противника железную дорогу, соединявшую Дагестан с Терской областью. 24 июля в разгар I съезда Советов Дагестанской области крупные отряды националистов начали новое наступление на Темир-Хан-Шуру, подготовленное турецким штабом. На этот раз им

удалось прорваться к городским окраинам, но после ожесточенных боев советские части отбросили неприятеля в горы¹⁸.

В начале августа перед Советским Дагестаном неожиданно появился новый враг. Возвращавшийся из Персии на Терек крупный отряд полковника Л.Ф. Бичерахова (3 тысячи человек, усиленный артиллерией, пулеметами и боевыми кораблями Каспийской флотилии), вступившего в соглашение с Великобританией, правящие круги которой стремились утвердиться в Каспийском регионе, неожиданно атаковал советские войска с юга. К тому времени пала Бакинская коммуна, которая была главной тыловой базой Дагестанской Красной Армии. 3 августа внезапной атакой бичераховцы захватили Дербент, воспользовавшись тем, что большая часть советских войск вела бои с отрядами националистов. Подошедший 1-й Дагестанский советский полк отбил город, захватив штаб одного из бичераховских отрядов (в числе пленных оказался английский полковник Бертрэн)¹⁹, однако затем был вынужден оставить город. Бичерахов начал наступление на Порт-Петровск.

Упорные бои развернулись в районе Мамедкалы. С других участков фронта спешно перебрасывались силы, которые с ходу вступали в бой. В городе началась мобилизация рабочих, был спешно построен бронепоезд, рылись окопы, в приморских аулах создавались добровольческие отряды. Однако дагестанское руководство телеграфировало в Царицын, что при полном господстве противника на море оборонять Петровск крайне сложно и просило спешно прислать боевые корабли и авиацию²⁰. Однако на Царицынском фронте шли упорные бои с белоказаками и свободных резервов, которые можно было бы использовать в Дагестане, практически не оставалось.

В разгар тяжелых боев часть военных специалистов перешла на сторону Бичерахова, выдав ему планы обороны города. 6-й Царицынский пехотный полк самовольно оставил фронт, вслед за тем дрогнули горские ополченцы. Свежесформированный отряд Красной Гвардии из Порт-Петровска, не имевший боевого опыта, целиком попал в плен. Советские войска отступили к станции Манас, где 20-28 августа вели тяжелые бои, в которых сказалось превосходство кадровых подразделений Бичерахова в боевой выучке, ор-

ганизации и дисциплине. 6-й Царицынский полк вновь бросил позиции и бежал в город, после чего был разоружен и расформирован²¹. С Темир-Хан-Шурина фронта спешно снимались войска и перебрасывались к Порт-Петровску.

30 августа начались тяжелые бои за город. Советское командование и городские власти допустили ряд серьезных ошибок в организации обороны, не проявляли должной решительности и бдительности. Не удалось наладить четкое взаимодействие пехоты с артиллерией. Советская кавалерия не использовалась для глубоких рейдов во фланг и тыл противника, а без дела стояла на горе Тарки-Тау. Единственный советский гидроплан разбомбил передовые позиции красных и перелетел на бичераховскую канонерку «Карс», доставив план обороны города. Разведывательно-диверсионные отряды Бичерахова проникали в тыл советских войск, сеяли дезорганизацию и панику. Командующий обороной города полковник Филимонов также перешел на сторону противника со своим штабом, нарушив управление советскими войсками²².

Воспользовавшись переброской практически всех боеспособных красноармейских частей к Порт-Петровску, отряды националистов перешли в наступление на всех фронтах. В этих условиях Военный Совет Дагестанской области под председательством М. Дахадаева при посредничестве меньшевиков и эсеров 1 сентября подписал с Бичераховым т.н. «деловой контакт». Войска Бичерахова занимали Порт-Петровск и весь Приморский Дагестан; советские войска отводились к Чир-Юрту и Темир-Хан-Шуре; для борьбы с турками и горскими националистами создавалось объединенное командование. Командование интернационального отряда и большевистских дружин отказалось утвердить соглашение и продолжили бои, однако 2-3 сентября Порт-Петровск перешел под полный контроль бичераховцев.

В середине сентября Бичерахов, вступивший в тайный сговор с лидером умеренного крыла горских националистов полковником Н. Тарковским, разорвал соглашение и вновь атаковал советские части. Зажатые со всех сторон, почти не имея вооружения и боеприпасов, деморализованные прежними поражениями, красные не смогли оказать эффективного сопротивления. Многие бойцы сдавались в плен или разбежались. В ночь на 20 сентября остатки советских

войск оставили Темир-Хан-Шуру и решили пробиваться в Даргинский округ, а затем попытаться уйти в Терскую область, где еще сохранялась Советская власть. Однако 21 сентября около аула Нижний Дженгутай на марше они были внезапно окружены превосходящими силами Бичерахова и Тарковского. Их представители предложили красным командирам начать переговоры, во время которых те были внезапно арестованы. Оставшись без руководства, советские войска сложили оружие. 22 сентября недалеко от аула Верхний Дженгутай попал в засаду, был схвачен и убит областной военный комиссар М. Дахадаев²³. Советская власть в Дагестане пала.

В заключение хочется задать вопрос: могла ли устоять Советская власть в Дагестане в 1918 году? Был ли у Дагестанской Красной Армии шанс разгромить противника? Думается, что ответ будет отрицательным. Даже если бы удалось отразить наступление Бичерахова, осенью советским войскам пришлось бы столкнуться с более грозными врагами: регулярной турецкой армией, наступавшей с юга и Добровольческой

армией генерала А.И. Деникина, подходившей с севера. Выдержать удар превосходящих сил неприятеля Дагестанская Красная Армия, отрезанная от остальных регионов Советской России, испытывавшая острый недостаток вооружения и материально-технических средств, не имевшая обученных резервов и опытного командования, страдавшая от внутривластных разногласий и дезертирства, ослабленная непрерывными 4-х месячными боями, по всей видимости, не смогла бы. Таким образом, падение Советской власти в Дагестане в силу ряда объективных и субъективных было всего лишь вопросом времени.

Как известно, Советская власть вновь вернулась в Дагестан весной 1920 года. Там Красной Армии вновь пришлось вести тяжелые бои с отрядами имама Гоцинского и горских националистов. Однако это была уже другая армия, более многочисленная, лучше вооруженная и дисциплинированная и, самое главное, обладавшая большим боевым опытом, что и позволило ей в итоге одержать победу над всеми антисоветскими вооруженными формированиями.

¹ *Бакинский рабочий*. 1918. 27 апреля. № 76 (192).

² *Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД)*. Ф. Р-175. Оп. 3. Д. 83. Л. 24.

³ *Там же*. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

⁴ *Там же*. Д. 16. Л. 4.

⁵ *Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане*. Махачкала, 1960. С. 205.

⁶ *Российский государственный военный архив (РГВА)*. Ф. 25896. Оп. 10. Д. 12. Л. 7.

⁷ *Там же*. Л. 5.

⁸ *Борьба за установление Советской власти в Дагестане. 1917 – 1921 гг. Сборник документов и материалов*. М., 1958. №128. С. 125.

⁹ *Бакинский рабочий*. 1918. 19 июня. №116 (232).

¹⁰ *Известия Бакинского Совета*. 1918. 19 июня. №117 (339).

¹¹ *Известия Астраханского Совета*. 1918. 10 июля. №120.

¹² *Известия Комитета революционной обороны города Дербента*. 1918. 29 мая. №9.

¹³ *Известия Бакинского Совета*. 1918. 3 июля. №128.

¹⁴ *Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане*. С. 212.

¹⁵ *ЦГА РД*. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 4. Л. 33 об.

¹⁶ *Кашкаев Б.О. Красная Армия в Дагестане*. Махачкала, 1964. С. 59.

¹⁷ *Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане*. С. 214.

¹⁸ *Бакинский рабочий*. 1918. 28 июля. №148.

¹⁹ *ГАРФ*. Ф. 3718. Оп. 2. Д. 10. Л. 274.

²⁰ *Там же*. Д. 47. Л. 14.

²¹ *ЦГА РД*. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 198.

²² *Кашкаев Б.О. Указ. соч.* С. 87.

²³ *Революционный горец*. 1918. 17 ноября. №8.

*Олег Дмитриевич Панков,
Россия, Подольск, заместитель начальника
Центрального архива Министерства обороны
Российской Федерации, подполковник*

Информационное обеспечение деятельности органов военного управления Министерства обороны Российской Федерации, направленное на введение в научный оборот документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации

Среди задач, возложенных на Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, одной из важнейших является организация использования документов в интересах военно-научной и исторической работы оперативной и боевой подготовки штабов и войск информирование заинтересованных воинских частей и организаций о составе документов публикация документов организация и проведение выставок. Также на Центральный архив возложена подготовка обобщенных справочных материалов на основе архивных документов по указаниям Министра обороны Российской Федерации и его заместителей.

К вопросам использования архивных документов следует отнести: обеспечение доступа пользователей к архивным документам; организация плановое ведение работы по рассекречиванию архивных документов; создание справочно-поисковые средств (научно-справочного аппарата) к архивным документам; исполнение тематических запросов организаций и граждан.

Основными принципами организации и проведения работы по использованию архивных

документов в Центральном архиве являются общедоступность и открытость документальной информации обеспечение законности её поиска и получения.

В рамках информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, реализации Медиаплана Министерства обороны и информационных мероприятий с представителями СМИ, Центральный архив привлекается для обеспечения документальными материалами по истории наших Вооруженных Сил официального сайта Минобороны России, представляет электронные выставки и коллекции документов, выявленные по актуальным проблемам.

Для проведения работы по тематическому выявлению архивных документов сотрудникам Центрального архива необходимо знать состав и содержание его фондов, умело пользоваться справочно-информационными средствами, хорошо представлять себе организацию Вооруженных Сил в тот или иной период их существования и знать историю их развития

Так, например, при подготовке документальных материалов для представления на

официальный сайт Министерства обороны о первых днях Великой Отечественной войны по теме «Так начиналась война. Воспоминания военачальников», сотрудники Центрального архива обратились к документам фонда Военно-научного управления ГШ ВС, относящихся к первым послевоенным годам.

Основной задачей Военно-научного управления Генерального штаба было определено: «Всемерное повышение уровня своего военного искусства на основе тщательного изучения опыта минувшей войны и учета развития военной науки.

Важнейшим пособием для офицерского состава Вооруженных Сил в деле изучения опыта войны должны явиться хорошо написанные и соответствующим образом иллюстрированные книги, заключающие в себе описание боевых действий частей и соединений Красной Армии в Великой Отечественной войне.

Все законченные описания должны направляться в Военно-историческое управление Генерального Штаба Вооруженных Сил»¹.

История Военно-научного управления неразрывно связана с историей строительства Вооруженных Сил СССР, а затем Российской Федерации, развитием военной науки и военного искусства, а также с опытом организации и ведения военно-научной работы в прошлом.

В мае 1918 года при Оперативном управлении Всероссийского Главного штаба (ВГШ) создается Военно-историческая часть (с ноября 1918 года Военно-исторический отдел). В её задачу входило обеспечение руководства военно-научной работой в Красной Армии, а также разработка и публикация военно-теоретических и военно-исторических трудов².

В период Великой Отечественной войны был создан Военно-исторический отдел, который вел большую исследовательскую работу. Им был издан ряд военно-исторических трудов и других материалов, в которых освещались важнейшие операции Великой Отечественной войны. В марте 1946 года Военно-исторический отдел был преобразован в Военно-историческое управление Генерального штаба. Возглавил его генерал-майор Н.А.Таленский³.

В целях улучшения взаимосвязи между научными органами Генерального штаба при исследовании военно-теоретических и военно-

исторических проблем в марте 1949 года было создано Главное военно-научное управление Генерального штаба Вооруженных Сил. Возглавил его генерал-полковник А.П.Покровский, бывший в период Великой Отечественной войны начальником штаба ряда фронтов.

В последствии Главное военно-научное управление в мае 1953 г. было реорганизовано в Военно-научное управление Генерального штаба, которое просуществовало до 1999 года. В 1999 году Военно-научное управление Генерального штаба реформировано в Военно-научный комитет ГШ ВС РФ (дата основания 7 мая 1992 года), который существует до нашего времени.

На основании приказа Министра Вооруженных Сил СССР № 7 от 1.05.1946 г. была издана директива Начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза тов. Василевского № 397 от июня 1946 года, которая положила начало широкому привлечению генералов и офицеров Вооруженных Сил к созданию военно-исторической библиотеки, посвященной боевым действиям частей и соединений в период Великой Отечественной войны⁴.

Директива была разослана всем Главнокомандующим видами Вооруженных Сил, командующим войсками военных округов и групп войск, командующим родами войск, начальникам Главных управлений Министерства обороны и Генерального штаба, которая положила начало систематическому труду по сбору и обработке материала по обобщению и использованию опыта Великой Отечественной войны.

Для более полного и объективного изложения событий начального периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов были сформулированы вопросы, относящиеся к периоду развертывания войск Прибалтийского, Киевского и Белорусского особых военных округов по «Плану обороны государственной границы 1941 года» накануне Великой Отечественной войны.

Было выделено пять основных вопросов:

1. Был ли доведен до войск в части их касающейся план обороны государственной границы. Если этот план был доведен до войск, то когда и что было сделано командованием и войсками по обеспечению выполнения этого плана.

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество

из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий.

3. Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидающимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня. Какие и когда были отданы войскам указания во исполнение этого распоряжения и что было сделано.

4. Почему большая часть артиллерии корпусов и дивизий находилась в учебных лагерях.

5. Насколько штаб части был подготовлен к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны⁵.

Некоторым участникам опроса были предложено ответить на два дополнительных вопроса:

- в какой мере был подготовлен оборонительный рубеж по линии государственной границы и в какой степени он обеспечивал развертывание и ведение боевых действий частями вверенного Вам соединения?
- в каких условиях обстановки части вверенного Вам соединения вступили в бой с немецко-фашистскими войсками?

Поступившие в адрес Военно-исторического управления материалы за авторством известных советских военачальников были тщательно изучены и проанализированы и легли в основу фундаментальных научных трудов, описывающих ход Великой Отечественной войны.

Руководством Военно-исторического управления ежегодно издавались директивы с указаниями об уточнении ранее представленных сведений⁶. Эта работа велась на протяжении 1949-1957 гг.

В 1952 году в Военно-историческое управление Генерального штаба Советской Армии под руководством генерал-полковника А.П.Покровского, приступило к разработке описания Великой Отечественной войны 1941- 1945 годов.

Информация, полученная Военно-историческим управлением, ценна тем, что представляет собой не только воспоминания ветеранов, но и тем, что это ответы на конкретные вопросы в сугубо военном ключе с четко сформулированными мыслями, непосредственных участников первых дней войны.

Генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко, на 1941 г. – заместитель начальника разведывательного отдела штаба Прибалтийского

особого военного округа (Северо-Западного фронта), пишет⁷:

«Группировка немецко-фашистских войск накануне войны в Мемельской области, в Восточной Пруссии и в Сувалкской области в последние дни перед войной была известна штабу округа достаточно полно и в значительной ее части и подробно.

Вскрытая группировка немецко-фашистских войск накануне военных действий расценивалась разведотделом [штаба округа] как наступательная группировка с значительным насыщением танками и моторизованными частями».

«Командование и штаб округа располагали достоверными данными об усиленной и непосредственной подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза за 2-3 месяца до начала военных действий.

Начиная со второй недели войны большое внимание уделялось организации отрядов, направляемых в тыл противника с целью разведки и диверсий, а также организации разведывательных радиофицированных групп в тылу противника и радиофицированных точек на территории, занимаемой нашими войсками, на случай вынужденного их отхода».

«В последующие месяцы информация, получаемая от наших групп и отрядов, работающих в тылу противника, все время улучшалась и представляла большую ценность.

Докладывалось о наблюдаемом лично сосредоточении немецко-фашистских войск в приграничных районах, начиная с конца февраля месяца, о проводимых немецкими офицерами рекогносцировках вдоль границы, подготовке немцами артиллерийских позиций, усилении строительства долговременных оборонительных сооружений в приграничной полосе, а также газо и бомбоубежищ в городах Восточной Пруссии»⁸.

Генерал-майор Абрамидзе Павел Ивлианович, на 1941 г. – командующий 72-й стрелковой дивизией 8-го стрелкового корпуса 26-й Армии Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта), пишет¹⁰:

«До вероломного нападения ... я и командиры частей моего соединения не знали содержания мобилизационного плана, так называемого – МП-41 года.

После его вскрытия, в первый час войны, все убедились, что оборонительная работа, команд-

но-штабные учения с выходом в поле, исходили строго из мобилизационного плана 41 года, разработанного штабом Киевского особого военного округа и утвержденного Генеральным Штабом».

«Войска, непосредственно осуществлявшие прикрытие государственной границы, имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно. Вдоль всей границы для них были подготовлены полевые позиции. Эти войска представляли из себя первый оперативный эшелон».

«Войска прикрытия – первый оперативный эшелон, дислоцировались непосредственно у границ и начали развертывание под прикрытием укрепленных районов с началом военных действий. Заблаговременный их выход на подготовленные позиции Генеральным Штабом был запрещен, чтобы не дать повода для спровоцирования войны со стороны фашистской Германии».

Генерал-майор Фомин Борис Андреевич, на 1941 г. – начальник оперативного отдела штаба 12-й Армии Белорусского особого военного округа (Западного фронта), пишет¹¹:

«Выписки из планов обороны государственной границы (...) хранились в штабах корпусов и дивизий в запечатанных «красных» пакетах.

Распоряжение о вскрытии красных пакетов из штаба округа последовало в исходе 21 июня. Удар авиации противника (3.50 22 июня) застал войска в момент выдвижения их для занятия обороны.

По утвержденному плану обороны госграницы 1941 года, в связи со сосредоточением крупных германских сил к госгранице, было предусмотрено увеличение количества войск, включаемых в план».

«К 21 июня на 400-километровом фронте вдоль государственной границы (на расстоянии от 8 до 25-30 км от нее) было сосредоточено полностью 13 стрелковых дивизий, 14-я была на подходе в районе северо-западной опушки Беловежской пушчи.

На глубине 250-300 км находилось еще 6 стрелковых дивизий, из них 4 – в движении».

«Оборона границы до начала боевых действий дивизиями не занималась. Радиостанции в управлениях армий бомбежкой были разбиты.

Управление приходилось осуществлять офицерами связи, связь поддерживалась самолетами У-2, СБ, бронемашинами и легковыми машинами».

«Трудность поддержания связи при помощи только подвижных средств связи заключалась в том, что и эти средства были очень ограничены. Кроме того, авиация противника уничтожала эти средства как в воздухе, так и на земле.

Достаточно привести такой пример: 26 июня нужно было передать боевой приказ армиям об отходе их на рубеж р. Шара и далее через Налибокскую пушчу.

Для доставки зашифрованного приказа мною в каждую армию было отправлено по одному самолету У-2 с приказанием сестрь около КП и вручить приказ; по одному самолету СБ в каждую армию с приказанием сбросить около КП парашютиста с зашифрованным приказом для вручения; и по одной бронемашине с офицером для вручения этого же зашифрованного приказа.

Результаты: все У-2 сбиты, все бронемшины сожжены; и только на КП 10-й армии с СБ были сброшены 2 парашютиста с приказами. Для выяснения линии фронта приходилось пользоваться истребителями¹².

Ещё одна тематическая подборка архивных документов военных лет достаточно необычна. Исторические документы из фондов Центрального архива расскажут о событиях и участниках Великой Отечественной войны, послуживших прототипами известных художественных фильмов о войне, снятых на знаменитых советских киностудиях в 70-80-х гг. прошлого века.

«В небе «Ночные ведьмы»

Военная драма, повествующая об участии женщин-летчиц в Великой Отечественной войне. Режиссером фильма стала Евгения Жигуленко¹³, во время Великой Отечественной войны была командиром звена 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка. Евгения Андреевна прошла была удостоена звания Героя Советского Союза. В своем фильме Е.Жигуленко рассказала о своих подругах-летчицах, с которыми ей пришлось делить все тяготы и невзгоды в условиях войны. Эти молодые девушки наводили ужас на фашистов во время ночных полетов, за что и получили от них прозвище «ночные ведьмы».

Фильм основан на реальных событиях, подтвержденных архивными документами Центрального архива.

На основании приказа Народного комиссара обороны СССР от 08 октября 1941 года о сфор-

мировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии было сформировано три женских авиаполка¹⁴. В том числе был 588-й истребительный авиационный полк, позднее ставший 46-м гвардейским ночным бомбардировочным авиационным полком.

В оперативных сводках полка и боевых донесениях за 1942 и 1943 годы отражены результаты боевой работы экипажей: разбрасывание листовок на территории, оккупированной противником; нанесение бомбардировочных ударов по наземным целям; разведка погоды.

В фильме роль командира полка исполнила актриса Валерия Заклунная. С самых первых дней формирования полка его командиром была Бершанская Евдокия Давыдовна.

За время войны полк под руководством Евдокии Давыдовны произвел 23672 боевых вылета. За мужество и отвагу в боях с фашистскими захватчиками в полку награждено медалями и орденами 179 человек, 15 летчиц стали Героями Советского Союза.

Во время войны полк нес потери, которые особенно остро воспринимались личным составом. Гибли молодые, красивые, умные девушки. Так, 2 августа 1943 года с боевого задания не вернулось 4 экипажа.

Посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза гвардии лейтенанту Белик Вере Лукьяновне¹⁵, ей было 23 года; гвардии младшему лейтенанту Носаль Евдокии Ивановне, 25 лет; гвардии лейтенанту Рудневой Евгении Максимовне, 23 года¹⁶.

«Экипаж машины боевой»

В основу сюжета этой военной драмы об участии советских танкистов в битве на Курской дуге легли события из жизни сценариста фильма Александра Милюкова¹⁷, который во время Великой Отечественной воевал танкистом и, в том числе принимал участие в боевых действиях в Курской битве летом 1943 года.

20-я гвардейская танковая бригада, в составе которой воевал А.Милюков, в июле 1943 года обороняла направление на Прохоровку, где произошло крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны¹⁸.

За время войны Александр Иванович был трижды ранен. Начав свой боевой путь с Брянского фронта, он дошел до Берлина, награжден орденом «Красная Звезда».

В июле 1943 года в газете 5-го гвардейского танкового корпуса «Сталинец» целая страница была посвящена описанию того, как нужно и можно бороться с новым немецким танком Т-VI «Тигр».

Раздел назвали: «Смелому и умелому воину не страшны немецкие «Тигры». Для наглядности была представлена схема его уязвимых мест и описания боевого опыта наших танкистов.

В журнале боевых действий 20-й гвардейской танковой бригады в период с 06 июля по 11 сентября 1943 года имеется запись от 6 июля 1943 года, когда наши солдаты впервые встретились в бою с новыми немецкими тяжелыми танками типа «Тигр»¹⁹.

Там же упоминается о командире 2-й танковой роты 45-го танкового батальона гвардии старшем лейтенанте Пономареве Алексее Дмитриевиче, который прибыл на фронт в первых числах января 1943 года. Во время боя за хутор Драбовщина Сумской области в распоряжении командира Пономарева было пять «тридцать четверок»²⁰. Вражеская артиллерия выводила из строя один танк за другим. Сам командир был контужен, но не покинул поле боя. Продолжая сражаться, он переходил из одного танка в другой. Уже позже на Курской дуге рота Пономарева в числе других подразделений приняла на себя основной удар вражеского танкового клина.

«Батальоны просят огня»

Фильм о героических днях битвы за Днепр был снят в 1985 году по одноименной повести участника Великой Отечественной войны, писателя Юрия Бондарева, который и сам участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева. История, представленная в фильме, развивается на фоне боевых действий осенью 1943 года, когда развернулась битва за Днепр.

С выходом войск к Днепру требовалось немедленно начать его форсирование, чтобы противник не смог выиграть время для укрепления обороны на правом берегу реки. Директивой Ставки от 9 сентября 1943 года было приказано, в том числе за преодоление Днепра представлять личный состав к присвоению звания Героя Советского Союза.

Войска 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии 40-й армии Воронежского фронта форсировали Днепр в районе букринской излучины реки и севернее её.

24 сентября противник в полосе армии контратаками пехоты с танками стремился отбросить наши части с захваченных плацдармов на левый берег Днепра²¹.

Героизм и мужество, проявленные военнослужащими 48-го стрелкового полка при форсировании Днепра и дальнейших боевых действиях по занятию высот, отражены в журнале боевых действий 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии в период с 24 сентября по 04 октября 1943 года. Командир 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии майор Кузьминов вечером 24 сентября 1943 года, несмотря на сильный артиллерийский, минометный огонь и бомбардировку авиацией противника, при полном отсутствии табельных переправочных средств, организовал форсирование Днепра своим полком, используя подручные средства, рыбацьи лодки, бочки, построенные плоты.

Таким образом, ему удалось переправить всю пехоту полка со стрелковым вооружением, минометами и в дальнейшем с боем овладеть высотой южнее Григоровки.

Начальник артиллерии 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии майор Бикетов ночью 24 сентября под сильным огнем противника, собрав подручные средства, организовал переправу средств артиллерии полка на правый берег Днепра. Личным примером, находясь по пояс в воде, он руководил переправой и, в ре-

зультате в течение ночи были переправлены два 76-мм орудия, восемь 45-мм орудия, десять 82-мм минометов и транспортные средства²².

В настоящее время в жизни нашего общества особое значение приобретает глубокое изучение исторического опыта прошлого, его анализ и творческое обобщение. События последних лет – возвращение Крыма, оказание помощи Сирии в борьбе с международным терроризмом и его сообщниками, агрессивная антироссийская политика западных стран, выраженная в том числе массовыми попытками искажения событий мировой истории в 20 веке, вызвали у наших сограждан неподдельный и живой интерес к военной истории России. Этим во многом объясняется актуальность выбранной темы. Архивные документы, представляя материальную и духовную жизнь общества, имея историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являются одним из символов российской государственности, отражают правовые и организационные основы её становления и развития. Архивные документы, находящиеся на хранении в Центральном архиве, отражают историю нашей страны и её Вооруженных Сил с 1941 года по настоящее время. Сотрудники Центрального архива понимают огромное значение архивных документов и прилагают все свои усилия для их интенсивного использования в интересах страны.

¹ ЦА МО РФ: ф.15. Оп. 801907. Д. 14. Л. 1, 6.

² ЦА МО РФ: ф. 15. Оп. 881490с. Д. 2. ЛЛ. 140-173.

³ ЦА МО РФ: ф. 7. Оп. 178673сс. Д. 63. Л. 311.

⁴ ЦА МО РФ: ф. 15. Оп. 801907. Д. 14. ЛЛ. 11-13.

⁵ ЦА МО РФ: ф. 15. Оп. 178612сс. Д. 50, ЛЛ. 102, 103.

⁶ ЦА МО РФ: личное дело генерал-полковника Покровского А.П. № 1734119.

⁷ ЦА МО РФ: личное дело генерал-лейтенанта Деревянко К.Н. № 1810546.

⁸ ЦА МО РФ: ф. 15, Оп. 178612сс. Д. 50. ЛЛ. 122, 128.

⁹ ЦА МО РФ: личное дело генерал-майора Абрамидзе П.И. № 0807313.

¹⁰ ЦА МО РФ: ф. 15. Оп. 178612сс. Д. 50. ЛЛ. 152, 171.

¹¹ ЦА МО РФ: личное дело генерал-майора Фомина Б.А. № 0778417.

¹² ЦА МО РФ: ф. 15. Оп. 178612сс. Д. 44. ЛЛ. 233, 242.

¹³ ЦА МО РФ: ф. 33. Оп. 793756. Д. 16. ЛЛ. 65, 68.

¹⁴ ЦА МО РФ: ф. 2. Оп. 795437с, Д. 1. ЛЛ. 343.

¹⁵ ЦА МО РФ: ф. 33. Оп. 793756. Д. 5. ЛЛ. 54, 56 об.

¹⁶ ЦА МО РФ: ф. 33. Оп. 793756. Д. 41. ЛЛ. 88, 90 об.

¹⁷ ЦА МО РФ: ф. 33. Оп. 793756. Д. 31. ЛЛ. 159, 159 об.

¹⁸ ЦА МО РФ: ф. 3097. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

¹⁹ ЦА МО РФ: ф. 38. Оп. 11355. Д. 3088. ЛЛ. 39 об., 40.

²⁰ ЦА МО РФ: ф. 38. Оп. 11355. Д. 3088. Л. 14 об., 15.

²¹ ЦА МО РФ: ф. 203. Оп. 2843. Д. 499. ЛЛ. 2, 73, 75.

²² ЦА МО РФ: ф. 6241. Оп. 79573. Д. 6. ЛЛ. 1, 30, 32 об.

*Виктор Васильевич Паршин,
Россия, Москва, Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
кандидат исторических наук, профессор*

Советские ВВС в Белорусской операции (23.06-29.08.1944 г.)

В Белорусской операции «Багратион» (5-й Сталинский удар) особенно ярко проявились возросшие боевые возможности советской авиации, ее существенное влияние на весь ход и исход боевых действий сухопутных войск.

Советское Верховное Главнокомандование сосредоточило пять воздушных армий (1, 3, 4, 6 и 16-ю), насчитывавших в общей сложности 5683 исправных самолета¹. Кроме того, привлекалось восемь корпусов авиации дальнего действия, имевших – около одной тысячи бомбардировщиков.

1-й воздушной армией, имевшей пять авиакорпусов и шесть отдельных авиадивизий, командовал генерал Т.Т. Хрюкин. 3-й воздушной армией командовал генерал Н.Ф. Папивин. Координацию действий 1-й и 3-й воздушных армий осуществлял представитель Ставки по авиации маршал авиации Ф.Я. Фалалеев под общим руководством Маршала Советского Союза А.М. Василевского.

6-й воздушной армией, базировавшейся на ковельском направлении, командовал генерал Ф.П. Польшин.

16-я воздушная армия (командующий — генерал С.И. Руденко) имела пять авиационных корпусов и 8 отдельных авиационных дивизий.

Соседом 16-й воздушной армии была 4-я воздушная армия под командованием генерала К.А. Вершинина. Координацию их действий осуществлял представитель Ставки по авиации Главный маршал авиации А.А. Новиков.

Поскольку 1-й Белорусский фронт наносил одновременно два удара, 16-ю воздушную армию разделили на две группы. В северную группу входило 13, а в южную — 7 авиадивизий².

Соединения 1-й воздушной армии также делились на две группы. На богушевском направлении должны были действовать 6, а на оршанском — 11 авиадивизий³.

В 3-й и 4-й воздушных армиях все силы использовались во взаимодействии с сухопутными войсками на направлениях главных ударов 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов.

При выработке решения на боевые действия авиации в Бобруйской операции 1-го Белорусского фронта было учтено предложение усилить воздействие бомбардировщиков на противника

за счет дальней авиации. Войска фронта особенно нуждались в мощном бомбовом ударе по укреплениям противника перед началом наступления на рогачевском направлении.

21 июня Военный совет 1-го Белорусского фронта с одобрения маршала Г.К. Жукова утвердил план боевых действий 16-й воздушной армии. В это же время завершилось планирование действий авиации и на других фронтах.

В целях ослабления авиационной группировки противника в Белоруссии, авиация дальнего действия за 6-10 суток до начала наступления провела воздушную операцию по уничтожению самолетов на его аэродромах. В течение четырех ночей 13, 14, 15 и 18 июня ударам подвергались 8 основных аэродромов, на которых базировалось до 60% самолетов 6-го воздушного флота Германии. Особенно эффективно дальние бомбардировщики действовали по минскому и барановичскому аэродромам. В общей сложности было совершено около 1500 самолетовылетов⁴.

В ночь на 23 июня началась авиационная подготовка наступления на участках прорыва 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов. В ней участвовали ночные бомбардировочные дивизии воздушных армий, а также авиация дальнего действия. 147 дальних бомбардировщиков действовали на участках прорыва 3-го Белорусского фронта и 258 — на участке прорыва 2-го Белорусского фронта⁵. На 2-м Белорусском фронте эффективно поражали цели летчицы 46-го гвардейского Таманского ночного бомбардировочного авиаполка (командир — майор Е.Д. Бершанская).

На оршанском направлении перед атакой пехоты 162 бомбардировщика нанесли сосредоточенный удар по укреплениям противника⁶. Затем начали действовать штурмовики парами и звеньями, а когда погода улучшилась, более крупными группами. Самолеты Ил-2 уничтожали огневые точки противника, громили вражеские резервы на подходе к району боевых действий.

Аналогичная картина наблюдалась и на других участках прорыва. Повсеместно сухопутные войска вели наступательные бои, ощущая непрерывную огневую поддержку с воздуха.

Истребительная авиация решительно пресекала попытки немецких летчиков прорваться в районы боев. За 23 июня истребители 1, 2 и 4-й воздушных армий провели 42 воздушных боя, в которых сбили 19 самолетов. А всего за первые

сутки наступления летчики трех воздушных армий совершили более 4500 самолетовылетов⁷.

24 июня размах действий авиации значительно вырос. В этот день перешли в наступление войска правого крыла 1-го Белорусского фронта. Действиям сухопутных войск предшествовала ночная авиационная подготовка. В ней участвовали 303 дальних бомбардировщика⁸. Кроме того, 250 самолетовылетов совершили две ночные бомбардировочные авиационные дивизии 16-й воздушной армии⁹. Массированные удары в сочетании с эшелонированными действиями штурмовиков наносили урон врагу, снижали устойчивость его обороны.

25-26 июня тактическая оборона противника на всех фронтах была прорвана, и в образовавшиеся бреши были введены крупные группировки танков, мотопехоты, конницы. Поддержка и прикрытие подвижных групп стали главными задачами фронтовой авиации.

С 5-й гвардейской танковой армией 3-го Белорусского фронта взаимодействовали четыре авиационных корпуса (бомбардировочный, штурмовой и два истребительных). Бомбардировщики наносили удары по очагам сопротивления врага на рубеже ввода танковой армии в районе Богушевска, а затем переключились на уничтожение резервов и отступающих войск, не давая им возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Штурмовики подавляли противотанковые средства на маршрутах движения наших танков, громили с воздуха ближайшие резервы. Эффективные действия авиации наряду с другими факторами обеспечили быстрый ввод в прорыв и успешное продвижение высокими темпами 5-й гвардейской танковой армии.

На 1-м Белорусском фронте с конномеханизированной группой взаимодействовали два корпуса — штурмовой и истребительный, а с танковыми корпусами — по одной штурмовой и одной истребительной дивизии.

Бомбардировочные корпуса использовались как мощный огневой резерв, предназначавшийся для воздействия по наиболее важным объектам в полосе наступления фронта там, где этого требовала обстановка.

Штурмовые соединения эффективно выполняли свои основные задачи. По вызовам с пунктов управления, организованных в боевых порядках танковых и механизированных корпусов,

дежурные подразделения немедленно поднялись в воздух и наносили удары по объектам, противодействующим нашим танковым соединениям. Командир 9-го танкового корпуса генерал Б.С. Бахаров прислал утром 26 июня такую телеграмму: «За отличное содействие 9 тк прошу объявить благодарность командиру 199 шад полковнику Н. С. Виноградову и всему летному составу вверенной ему дивизии»¹⁰.

С 26 июня немецкие войска повсеместно начали отступать. Дезорганизация их отхода, уничтожение живой силы и техники, содействие в завершении окружения отдельных группировок противника - это стало главной целью ВВС.

Штурмовики 3-й воздушной армии громили колонны вражеских войск у переправ через Западную Двину и в районе Лепеля. Бомбардировочные и штурмовые соединения 1-й воздушной армии уничтожали их на дорогах, идущих из Орши к Борисову.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграла авиация при разгроме окруженных группировок противника под Витебском и Бобруйском.

На 1-м Белорусском фронте авиация наголову разгромила 35-й армейский корпус, который пытался вырваться из окружения под Бобруйском. Вот как это произошло. Авиаразведка отметила интенсивное движение вражеских войск в районе окружения. Немецкие танки, автомашины, артиллерия стягивались на дорогу Жлобин — Бобруйск. В головной части колонны находилось более 100 танков, за ними следовали автомашины.

Было ясно, что командование 35-го армейского корпуса намеревается нанести удар по частям нашего 9-го танкового корпуса с тем, чтобы прорваться на север. В 17 часов в штаб 16-й воздушной армии позвонил полковник М.Н. Кожевников, сопровождавший командующего ВВС, и сообщил, что Г.К. Жуков, А.А. Новиков и К.К. Рокоссовский знают о критическом положении в районе Титовки и намерены поручить авиации разгром вражеской колонны.

Командующий 16 ВА вместе с начальником штаба генералом П.И. Брайко определили порядок нанесения массированного удара по окруженной группировке. Офицеры штаба приготовились к передаче всем соединениям боевого распоряжения. Задачу решено было выполнять наиболее простыми способами, чтобы меньше затратить времени на подготовку: направление

захода на цель установить единое для всех групп — с юга на север; бомбометание осуществлять с горизонтального полета (штурмовикам — с высот 400-600м, бомбардировщикам — с 1200-1400 м); вылетать с аэродромов полками по мере готовности; сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков истребителями не организовывать, но в то же время район боевых действий с севера и запада охватить истребительными патрулями с целью не допустить противодействия со стороны немецкой авиации.

Первые группы бомбардировщиков и штурмовиков в 19 час. 15 мин. нанесли удар по головной части колонны немцев, а последующие — по скоплению танков и автомашин на дороге. Массированный удар, в котором участвовало 526 самолетов, продолжался полтора часа¹¹. Результат превзошел все ожидания.

Военный совет фронта, командующий ВВС и представитель Ставки Г.К. Жуков стали очевидцами эффективных ударов авиации. Вот что писал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков о результатах этих действий: «Мне не довелось наблюдать, как проходила ликвидация противника в Бобруйске, но я видел, как шел разгром немцев юго-восточнее его. Сотни бомбардировщиков 16-й армии наносили удар за ударом по группе противника. На поле боя возникли пожары: горели десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Немецкие солдаты, как обезумевшие, бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаться в плен, тут же гибли. Гибли сотни и тысячи немецких солдат, обманутых Гитлером, обещавшим им молниеносную победу над Советским Союзом. В числе, сдавшихся в плен оказался командир 35-го армейского немецкого корпуса генерал Лютцов»¹².

Массированный удар авиации по окруженным войскам явился убедительной демонстрацией возросших боевых возможностей Советских ВВС. Вместе с тем он подтвердил целесообразность использования авиации для разгрома окруженных группировок, особенно в тех случаях, когда они сконцентрированы на ограниченной площади.

Войска 1-го Белорусского фронта при активной поддержке авиации 29 июня овладели Бобруйском. К этому времени был завершён разгром витебской, оршанской и могилевской группировок противника. Танковые соединения 3-го и 1-го

Белорусских фронтов стали быстро продвигаться к столице Белоруссии — Минску. Для их прикрытия из состава 1-й и 16-й воздушных армий выделялись лучшие истребительные авиационные соединения, базирование которых было в максимальной степени выдвинуто вперед.

Штурмовики и фронтовые бомбардировщики, летавшие на полный радиус действия, поддерживали танковые войска, нанося удары по очагам сопротивления на маршрутах движения наших танков, а также по ближайшим резервам немцев. Оперативные резервы уничтожались, главным образом дальними бомбардировщиками. При этом наиболее сильному воздействию они подвергли железнодорожные узлы: Полоцк, Минск, Молодечно, Барановичи, Лунинец. Так, по Полоцку авиация дальнего действия наносила удары в течение шести ночей, и совершила в общей сложности 522 самолетовылета. В налетах на Минск участвовал 501 самолет, на Барановичи — 467 самолетов. Всего с 27 июня по 4 июля на разрушение коммуникаций врага в Белоруссии авиация дальнего действия совершила 3200 самолетовылетов¹³.

Большое влияние на развитие событий в Белоруссии в последних числах июня имели активные действия советской авиации по отступавшим частям немецкой армии. В районе города Березино они подверглись решительным атакам с воздуха. Здесь действовали летчики 4-й и 16-й воздушных армий. С 28 по 30 июня ими было совершено более 3 тыс. самолетовылетов¹⁴. Переправы через Березину систематически разрушались. Сгрудившиеся на восточном берегу реки войска вермахта понесли огромные потери.

С 29 июня по 3 июля для действий по отступавшему противнику 4-я и 16-я воздушные армии совершили более 4 тыс. самолетовылетов¹⁵. Воспротивив быстрый отход войск противника за Березину, авиация тем самым обеспечила их окружение восточнее Минска.

Таким образом, удары с воздуха по отступающим войскам приобрели оперативное значение. Успех операции на окружение, был достигнут за счет согласованных действий трех основных сил: танковых соединений, охвативших крупную группировку немецких войск с севера и юга и вышедших в ее тыл; стрелковых соединений, сковавших врага фронтальным наступлением; авиации, воспрепятствовавшей отходу 4-й немецкой армии к Минску.

После освобождения столицы Белоруссии наступление советских войск, поддержанное авиацией, развернулось на широком фронте и проходило в высоких темпах в направлениях Вильно, Белостока, Бреста. Ликвидация окруженных восточнее Минска группировок осуществлялась войсками 2-го Белорусского фронта с участием 1-й и 4-й воздушных армий. Авиационные соединения обнаруживали с воздуха укрывавшиеся в лесах войска и наносили по ним сокрушительные удары.

В общей сложности на действия по окруженному немецким войскам авиация затратила более тысячи самолетовылетов¹⁶. Она помогла сухопутным войскам в короткие сроки расправиться с окруженными группировками, оставшимися в нашем тылу. Однако главное внимание советского командования, в том числе и авиационного, было обращено на действия западнее Минска. В интересах дальнейшего развития операции от военновоздушных сил потребовалось усилить борьбу за удержание господства в воздухе, поскольку в начале июля значительно повысилась активность вражеской авиации. Немецкое командование пыталось использовать эскадры 6-го воздушного флота для противодействия передовым частям Красной Армии, продвигавшимся к границам Восточной Пруссии и Польши. Ожесточенные бои разгорелись на рубежах рек при их форсировании нашими войсками. Над переправами через Неман и Щару в течение нескольких дней велись напряженные бои, в которых авиация противника понесла тяжелые потери, но не смогла захватить инициативы.

К концу июля сопротивление противника на земле и в воздухе значительно усилилось. Наряду с пехотными и танковыми дивизиями немецкое командование перебросило в восточную Пруссию и Польшу новые авиационные эскадры. Все чаще враг наносил контрудары крупными силами танков, поддержанных с воздуха. Вместе с тем боевые возможности нашей авиации существенно сократились, так как она почти полностью израсходовала запасы горючего. Например, в 16-й армии на 23 июля осталось 830 т бензина, т. е. всего одна заправка¹⁷.

С 6 по 12 августа немецкая авиация в полосе 1-го Белорусского фронта совершила 2150 самолетовылетов, а наши авиационные соединения смогли осуществить всего около 1500 самолетовылетов.

Таблица: Действия воздушных армий в Белорусской операции

Самолеты	Воздушные армии						
Количество исправных самолетов к началу операции	2005	876	528	178	2096	1000	6683
Количество самолетов на 1-м этапе операции (23.06.-04.07)	13741	13438	8195	-	13992	5645	55011
Количество Самолетов на 2-м этапе Операции (05.07-29.08)	21254	22167	20736	13848	13647	6882	98534
Всего самолетовылетов за операцию	34995	35605	35605	13848	27639	12527	153545

В последующем удалось перебазировать к Висле еще ряд истребительных авиаполков. Командиры истребительных соединений, со средствами радиосвязи прибыв на плацдармы, организовали твердое и непрерывное управление группами истребителей. Наведение наших самолетов на цели стало осуществляться с помощью радиолокационных станций. Все это положительно сказалось на результатах боевых действий. 11 августа в 10 воздушных боях было сбито 17 вражеских самолетов. 12 августа в 28 воздушных боях противник потерял 39 бомбардировщиков и истребителей¹⁸. С этого времени воздушная обстановка в районе плацдарма изменилась коренным образом.

Со второй половины августа вместе с советскими летчиками сражались летчики возрождающейся польской авиации. 14 августа на фронт прибыли 1-й истребительный авиаполк «Варшава» и 2-й ночной бомбардировочный авиаполк «Краков»¹⁹. Первые боевые вылеты польские летчики совершали вместе с советскими летчиками. В последующем они начали выполнять боевые задачи самостоятельно.

Белорусская операция завершилась 29 августа. В ходе ее действия авиации велись с большим размахом: фронтовая и дальняя авиация

совершили 153545 самолетовылетов. Кроме того, 3166 самолетовылетов произвели соединения истребительной авиации ПВО²⁰ (результаты приведены в таблице).

За успешные боевые действия при освобождении крупных населенных пунктов Белоруссии, Литвы и Восточной Польши около 100 авиационных соединений и частей получили почетные наименования. 53 наиболее отличившимся летчикам и штурманам в октябре 1944 г. Президиумом Верховного Совета СССР присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В мобилизации личного состава воздушных армий на успешное выполнение боевых задач большую роль сыграла партийно-политическая работа.

Белорусская операция характерна массовыми действиями авиации при решении важнейших оперативных задач. Опыт показал, что при эффективном ее воздействии на вражеские объекты на поле боя и в оперативной глубине резко снижается устойчивость обороны противника. Он лишается возможности свободно маневрировать своими резервами.

Опыт боевого применения авиации в Белорусской операции способствовал дальнейшему развитию в ходе Великой Отечественной войны тактики и оперативного искусства Советских ВВС.

¹ ЦАМО. Ф. 311. Оп. 142195, Д. 28. Л. 19; Ф. 290. Оп. 142196, Д. 22, Л.8; Ф. 368. Оп. 15078. Д. 10. Л. 18.

² ЦАМО. Ф. 368. Оп. 142206. Д. 49, Оп. 20551. Л. 11.

³ Там же. Ф. 290. Оп. 142208. Д. 55. Л. 13-17.

⁴ Там же. Ф. 35. Оп. 283248. Д. 6. Л. 32-41.

- ⁵ Там же. Ф. 290. Оп. 12943. Д. 17. Л. 503; Ф. 319. Оп. 142196. Д. 22. Л. 46.
- ⁶ Там же. Оп. 142208. Д. 46. Л. 33.
- ⁷ Там же. Оп. 142208. Л. 34; Ф. 311. Оп. 142195. Д. 38. Л. 41; Ф. 319. Оп. 142196. Д. 31. Л. 51.
- ⁸ Там же. Ф. 35. Оп. 283348. Д. 6. Л. 58.
- ⁹ Там же. Ф. 368. Оп. 142206. Д. 49. Л. 29.
- ¹⁰ Там же. Оп. 15054. Д. 11. Л. 581.
- ¹¹ Там же. Оп. 142206. Д. 49. Л. 41.
- ¹² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 563.
- ¹³ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 283248. Д. 6. Л. 61 -69.
- ¹⁴ Там же. Ф. 368. Оп. 142206. Д. 49. Л. 44-50; Ф. 319. Оп. 142169. Д. 31, ЛЛ. 85-100.
- ¹⁵ Там же. Ф. 319. Оп. 142196. Д. 22. Л. 140; Ф. 368. Оп. 1422006. Д. 49. Л. 44.
- ¹⁶ Там же. Д. 32. ЛЛ. 17-35; Ф. 290. Оп. 142208. Д. 47. Л. 32.
- ¹⁷ Там же. Ф. 368. Оп. 15054. Д. 21, Л. 339.
- ¹⁸ Там же. Л. 24-27.
- ¹⁹ Там же. Оп. 16708. Д. 6. Л. 258.
- ²⁰ ЦАМО. Ф. 211. Оп. 392279. Д. 4. ЛЛ. 244,294; Оп. 392277. Д. 3, ЛЛ. 292, 295, 308, 334, 363, 373, 388, 399, 411, 421, 437.

*Валерий Борисович Перхавко,
Россия, Москва, Институт российской истории
Российской Академии наук,
ведущий научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

Начало коммеморации героев Смутного времени в России (XVIII – первая треть XIX в.)

Спустя столетие после Смутного времени в России началась эпоха Просвещения, на облик которой повлияли петровские реформы, имперский дух, политика просвещенного абсолютизма времен Елизаветы Петровны и Екатерины II, процессы обмирщения и европеизации русской культуры, социально-экономические реалии крепостнического общества, западноевропейские просветительские идеи. Решение актуальных внешнеполитических задач и формирование национально-государственной идентичности Российской империи, проходившее в условиях нередких дворцовых переворотов, настоятельно требовали обращения к прошлому страны, к ее героическим деятелям.

Отношение в русском обществе эпохи Просвещения к главным героям Смутного времени – Минину и Пожарскому уже затрагивалось в ряде работ (А.А. Преображенского, А.А. Кузнецова, А.В. Морохина, Б.М. Пудалова, А.Л. Зотова и др.)¹. Однако тема увековечения их памяти в изобразительном искусстве и скульптуре остается пока недостаточно изученной.

У истоков коммеморации деяний героев Смутного времени стоял М.В. Ломоносов. В 1760 г. Академия наук издала «Краткий российский летописец с родословием» Ломоносова, содержащий первое упоминание в печати о заслугах Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского и Дмитрия Трубецкого в освобождении Москвы от иноземных интервентов в 1612 г.² С 1760-х гг. имена героев Смутного времени появились и в русских учебниках. Действуя, очевидно, по поручению Екатерины II, в январе 1764 г. президент Академии художеств И.И. Бецкой предложил Ломоносову выбрать «из российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при дворе некоторые комнаты». И уже в том же месяце в письме на имя вице-канцлера А.М. Голицына Ломоносов представил обстоятельный проспект художественной коммеморации событий российской истории – «Идеи для живописных картин из Российской истории». В отборе знаменательных тем и личностей ученый-энциклопедист следовал принципам классицизма. Шесть из 25 сюжетов, предложенных Ломоносовым, посвящены со-

бытиям Смутного времени, в том числе три – его главным героям: «16. Козма Минич»; «22. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский в опасности от злодея»; «23. Тот же князь Пожарский бьется с поляками»³. Вот как замышлял Ломоносов сюжет 16-й картины с изображением Минина: «На Нижегородской пристани представить купца-старика на возвышенном месте, указывающего на великую близ себя кучу мешков с деньгами, а другою рукою народ помагающего. Многие, кругом стоя, ему внимают прилежно, иные деньги в чаны всыпают, иные мешки приносят, сыплют серебряные копейки из чересов (кожаных поясов для хранения денег – В.П.), приносят в одно место разные товары, кладут пред него письменные обязательства. Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению отечества от разорения». А в предложенном ученым сюжете 23-й картины во время московского восстания в марте 1611 г. «князь Пожарский бьется с поляками, разоряющими Москву, и уже раненого жестоко велел себя кверху поднять и своих ободряет против неприятеля»⁴.

Но первый в России светский памятник, посвященный событиям Смутного времени и его героям, появился в конце XVIII в. не в Нижнем Новгороде, а в Троице-Сергиевой лавре, благодаря московскому митрополиту Платону (Левшину), являвшемуся также архимандритом лавры. Слышавший «вторым Златоустом» и «московским Апостолом», он еще 22 октября 1775 г. в одной из своих ярких проповедей, оглашенной в день Казанской богородицы в Казанском соборе Москвы, который был воздвигнут при царе Михаиле Федоровиче в память о событиях Смутного времени, восклицал: «Нижняго Новагорода незнатный купец Кузма Минин, его же память во благословении, и вечным прославлением почитаема быти заслуживает...»⁵. На пространстве между колокольнею и Троицкой соборной церковью в 1792 г. на средства митрополита Платона был поставлен обелиск из дикого камня, с тумбою из того же камня. Высота обелиска достигала 14 аршин; на его верху поставлен медный, вызолоченный через огонь шар. Над тумбой были укреплены солнечные часы. На тумбе со всех четырех сторон в медальонах были помещены надписи о событиях Лавры. Надпись на северной стороне, посвященная событиям Смутного времени, в частности, гласила: «Притом и во все

грады из сия же обители летали увещательныя грамоты, возбуждающия на помощь Столицы, кои и воздействовали в нижних градах, особливо же в достопамятном Нижегородском гражданине, Козьме Минине...». Впервые подробно описал обелиск 1792 г. Н.М. Карамзин в статье «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1802 г.⁶

В 1765 г. в Нижнем Новгороде побывал во время служебной командировки подполковник А.И. Свечин, человек весьма любознательный, проявивший интерес к местным достопримечательностям. Посетив Спасо-Преображенский собор, построенный в 1652 г. в Нижегородском кремле, он записал, что «во оной церкви погребены тела нижегородских же великих князей 8 и две великие княгини, да ... Кузмы Минича и сына его Мефодия Кузмича»⁷.

В 1794 г. чиновник Псковской губернской казенной палаты Н.С. Ильинский отправился в Нижний Новгород для организации доставки соли в Псковскую губернию. Ознакомившись с сочинением И.И. Голикова «Дополнение к деяниям Петра Великого», в котором говорилось о поклонении Петра I могиле Минина в 1722 г., Ильинский, очевидно, попросил причт Спасо-Преображенского собора показать ему это погребение, не имевшее надгробия и надписи. Затем, чтобы привлечь внимание общества к увековечению национального героя России, он издал в Нижнем Новгороде листовку-плакат с собственным стихотворным произведением «В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину».

Напечатанное стихотворение было поднесено Ильинским Екатерине II вместе с прошением, в котором говорилось о заслугах Минина перед отечеством и о необходимости поставить ему памятник⁸. С такой же просьбой он обратился к нижегородскому епископу Павлу⁹. Московское купечество выделило в 1797 г. 200 рублей на сооружение деревянного надгробия на могиле Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода¹⁰.

В исторических трудах (А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, И.И. Голикова, М.Д. Чулкова, Н.М. Карамзина и др.), публицистике, художественных произведениях второй половины XVIII – начала XIX в. (героической поэме «Россиада» и трагедии

«Освобожденная Москва» М.М. Хераскова и др.) из героев Смутного времени чаще всего упоминались руководители Второго (Нижегородского) земского ополчения Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, представитель посадского люда и князь-Рюрикович, деятельность которых привела к воцарению династии Романовых. Их имена стали символами беззаветного служения Отечеству. То был очень удачный тандем для формирования историко-культурной идентичности и патриотических традиций русского общества имперской эпохи. И вскоре последовали предложения об установке скульптурного монумента национальным героям России в Нижнем Новгороде.

В очерке «О любви к Отечеству и народной гордости» в 1802 г. Карамзин заявлял: «В царствование АЛЕКСАНДРА позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монумент, сооруженный в Нижнем Новгороде, где раздался первый глас любви к Отечеству, обновил в нашей памяти славную эпоху русской истории. Такие монументы возвышают дух народа»¹¹. «В Нижнем Новгороде, – писал он в том же году в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», – глаза мои ищут статуи Минина, который положив одну руку на сердце, указывает другую на Московскую дорогу. Мысль, что в русском отдаленном от столицы городе дети граждан будут собираться вокруг монумента славы, читать надписи и говорить о делах предков, радуется мое сердце»¹².

В 1802 г. слушателям Академии художеств предложили создать картины на темы, связанные со Смутным временем, к чему призывал еще в М.В. Ломоносов в записке 1764 г. Почин положил руководитель класса исторической живописи Г.И. Угрюмов, создавший в начале 1800-х гг. эскиз картины «Минин взывает к князю Пожарскому о спасении Отчества». 1 февраля 1803 г. на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», возникшего в 1801 г., один из его основателей, поэт и публицист В. В. Попугаев выступил с предложением: «начертать проект для сооружения памятника Пожарскому, Минину и Гермогену, взяв основание, чтобы издержки на сей памятник назначены были из добровольного пожертвования граждан»¹³. Попугаев оказался не одиноким в своем патриотическом устремлении.

В 1803 г. обрусевший грек, выпускник Греческого корпуса, преподаватель 1-го Петербургского кадетского корпуса Г.В. Гераков (Гераки) выпустил в Петербурге книжку «Твердость духа некоторых россиян», в которой также призывал увековечить в монументальной форме деяния трех героев Смутного времени: «Два столетия в вечности погребены, два столетия общий глас государей Российских, Россиян и других народов твердит: Пожарской, великой человек, Минин великой человек, Гермоген, великой человек, они заслуживают монументы в память себе – но только что твердят все, а мы памятники ищем воздвигнутые им – с соболезнаванием не находим»¹⁴. Отдавая дань стойкости патриарха Гермогена, в дальнейшем предпочли все же ограничиться остальными двумя ключевыми фигурами, деяния которых были теснее связаны, да и композиционно их легче было изобразить.

Известный скульптор-монументалист И.П. Мартос, уже в 1804 г. по собственной инициативе приступил к работе над эскизами скульптурного монумента Минину и Пожарскому. «Россияне желали видеть памятник Минину и Пожарскому, – заявил Гераков в 1804 г. в книжке «Твердость духа русских», – и модель онаго уже готова, сделанная рукою русского скульптора Ивана Петровича Мартоса, где изображены они совокупно стремящимися на избавление Москвы. Модель сия была представлена государю императору и всей императорской фамилии президентом Академии художеств графом Александром Сергеевичем Строгановым. Государь император, одобряя сей проект художника, позволил произвести в действие, и воздвигнуть монумент в Москве... Многие любители Отечества и изящных искусств согласно восхищались произведением сей модели. Теперь остается сынам Отечества поддержать столь важное предприятие художника; дабы оный памятник был воздвигнут на площади Московской, в благословенные времена Александра Первого. Сей памятник будет превосходить Геркулеса Фарнезского...»¹⁵.

Приехав в 1807 г. из Москвы в Петербург, мастерскую Мартоса посетил доктор философии и свободных искусств Н.Ф. Кошанский, чуть позже ставший одним из лицейских наставников А.С. Пушкина. Ознакомившись с первым мартосовским эскизом памятника, он опубликовал в издаваемом им «Журнале изящных искусств»

статью под названием «Памятник Пожарскому и Минину, назначенный в Москве» и эскиз памятника¹⁶. В этом первом варианте Мартос решил изобразить фигуры Минина (справа), и Пожарского (слева), стоящими в полный рост и держащими в правой руке короткий меч, который их объединял. На пьедестале памятника проектировался барельеф с изображением сцены сбора средств на создание Второго ополчения келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, преувеличившим, как полагают современные исследователи, собственные заслуги в освобождении Москвы от интервентов в 1612 г.¹⁷ 22 мая 1807 г. на сцене императорского театра в Петербурге состоялось первое представление трагедии М. Крюковского «Пожарской», одним из действующих лиц которой является, наряду с Дмитрием Пожарским, Кузьма Минин. В том же году в Петербурге были опубликованы лирическая поэма С.А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия» и «Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьме Минину» академика В.М.Севергина.

Поскольку инициаторами сооружения памятника Минину и Пожарскому в общественных кругах считали Н.М. Карамзина и В.В. Попугаева, будучи человеком честолюбивым, Гераков, переиздавая в 1813 г. книжку «Твердость духа русских» (часть II), решил публично утвердить пальму первенства за собой: «Академии художеств ваятель адъюнкт-ректор Мартос, воспламененный, конечно, и прежде моей книжки любовью к Отечеству и к великим сынам его, сделал модель монумента Пожарского и Минина, и удостоил меня видеть оную, говоря, что он был возбужден моими строками к сему приятному труду...»¹⁸.

Хотя Карамзин предлагал установить памятник героям Смутного времени в Нижнем Новгороде, в 1804–1807 гг. возобладало мнение о том, что лучшим местом для него является Москва. И вдруг ситуация опять изменилась. Идея сооружения монумента нашла отклик снизу почему-то не у москвичей, а у нижегородцев. 2 апреля 1808 г. нижегородский губернатор А.М. Руновский направил министру внутренних дел А.Б. Куракину прошение дворян и прочих жителей губернии об установке памятника руководителям Второго земского ополчения «на том самом месте, где Минин представил народу все имущество

свое и воспламенил тем соревнование своих сограждан»¹⁹. Поскольку эта идея уже несколько лет обсуждалась в печати и буквально витала в воздухе, Куракин, получив, очевидно, одобрение императора, сразу же обратился в Академию художеств. И уже 2 мая 1808 г. последовало распоряжение президента Академии художеств А.С. Строганова создать несколько проектов «для монумента, коим дворянство и граждане Нижегородской губернии желают ознаменовать подвиги гражданина Козьмы Минина и боярина князя Пожарского и представить в непродолжительном времени». Такое поручение получили скульпторы В.И. Демут-Малиновский, И.П. Мартос, И.П. Прокофьев, С.С. Пименов-старший, архитекторы А.Н. Воронихин, А.Д. Захаров, братья А. А. и А.А. Михайловы, Ж.Ф. Тома де Томон, художник Ф.Ф. Щедрин. Уже 30 мая 1808 г. восемь из десяти участников конкурса представили Строганову эскизы монумента²⁰.

21 ноября 1808 г. Александр I после ознакомления с докладом и предложениями Куракина остановил свой выбор на проекте Мартоса, так как «гений Мартоса всех щасливее, и по изящнейшему произведению своему всех превосходнее, изобразил памятник Спасителям России». К тому же, в отличие от своих соперников, Мартос ранее разрабатывал эскиз памятника²¹.

На заседании Академии художеств 18 февраля 1809 г. ее президент А.С. Строганов обнаружил документы (императорские рескрипты на его имя и на имя Куракина, отношение и доклад министра внутренних дел), касавшиеся «предполагаемого к сооружению в Нижнем Новгороде памятника гражданину Козьме Минину и князю Пожарскому»²².

Общественная подписка на создание монумента началась с 1 января 1809 г. во всех губерниях Российской империи, куда МВД разослало гравированный рисунок с изображением утвержденного проекта Мартоса. Первоначально на все работы по изготовлению модели и отливке памятника было ассигновано 150000 рублей. Из них 60000 рублей предполагалось выделить для оплаты труда литейщика, но затем из-за инфляции сумму увеличили на 20457 рублей. Таким образом, изготовление памятника стало стоить чуть дороже, 170457 рублей, а с учетом 35 000 рублей, затраченных на его перевозку, весь проект обошелся в 205457 рублей. Организация

сбора средств была возложена на министра внутренних дел Куракина. В связи с отъездом Куракина за границу в 1810 г. попечительство над созданием монумента перешло к новому министру внутренних дел О.П. Козодавлеву. Надзор поручили также осуществлять президенту Академии художеств А.С. Строганову. Деньги по подписке собирали по всей стране: от Петербурга и Москвы до Сибири. Сам Александр I выделил 20000 рублей. Разные суммы (1, 2, 3, 10, 40, 50, 100, 500 рублей) жертвовали военные, горные мастера, казаки, купцы, помещики, священники, чиновники, государственные крестьяне. Даже целый ряд крепостных людей отдали на благое дело от 50 копеек до одного рубля серебром²³.

В конце 1811 г., когда сбор средств в основном уже завершился, в петербургских верхах возобладало мнение о целесообразности установки монумента Мартоса не в Нижнем Новгороде, а в Москве. Окончательное решение об этом после доклада министра внутренних дел Козодавлева принял 20 октября 1811 г. сам император, повелевший ускорить работу над проектом памятника, идея которого была очень созвучна эпохе борьбы России с наполеоновской Францией, стремившейся к гегемонии в Европе.

Создание Мартосом модели монумента Минину и Пожарскому совпало с Отечественной войной 1812 года и заграничными походами Русской армии 1813–1814 гг. Имена героев Смутного времени упоминаются в Полоцком Манифесте Александра I от 6 июля (18) 1812 г., в котором говорится о привлечении дополнительно новых сил для отпора неприятелю: «Да найдет он (неприятель – В.П.) на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам! Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина!»²⁴. Это народное войско в следующем императорском Манифесте от 18 июля 1812 г., подписанным в Москве, получило наименование «временное верных сынов России ополчение»²⁵. Позже по аналогии с Отечественной войной 1812 года термин «народное ополчение» историки стали применять и по отношению к Смутному времени. Так подчеркивалась связь двух эпох, связанных с борьбой за независимость России. 7 июля 1812 г. поручик, литератор, позже член первых рево-

люционных организаций Ф.Н. Глинка, находясь в Смоленске, записал в дневнике: «Мой друг! Настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, побуждается, чуя угрозу военную»²⁶. Начальник Новгородского ополчения генерал Н.С. Свечин напоминал 26 октября в письме А.А. Аракчееву: «Пожарский спас Москву и за то не получил от отечества ни копейки и требовать не думал...»²⁷.

Уменьшенную модель памятника Минину и Пожарскому Мартос создал в 1812 г. А в 1815 г. большая модель монумента была выставлена скульптором для публичного обозрения в Академии художеств. Воспитанный на образцах эстетики классицизма, он смог, однако, передать в фигурах героев русские образы. На щите Пожарского изображен Спас. Античная же туника Минина очень похожа на русскую рубаху. Руководители Второго ополчения объединены в едином порыве, стремлении спасти Отечество. На постаменте памятника скульптор разместил два барельефа: «Нижегородские граждане» (лицевая сторона памятника) и «Изгнание поляков» (сзади).

На барельефе лицевой стороны среди мужских фигур можно отыскать и самого Мартоса с двумя сыновьями. Один из них, Алексей, стал участником Отечественной войны 1812 года; другой сын Никита, проживавший тогда во Франции и Италии в качестве пенсионера Академии художеств, был убит французскими солдатами в 1813 г. Любимый ученик Мартоса С.И. Гальберг, лепивший мужскую голову, намеренно придал ей портретные черты своего учителя.

Отливка памятника в бронзе началась 5 августа 1816 г. на литейном дворе, при скоплении большого числа зрителей²⁸. Отлитые скульптуры и пьедестал из гранита перевозили в Москву с 21 мая по 6 сентября 1817 г. водным путем длиной в 2783 версты (по Неве, Ладожскому и Онежскому озерам, Мариинской системе каналов, Шексне, Волге, Оке и Москве-реке)²⁹. Один из очевидцев описал торжественную встречу памятника Минину и Пожарскому 2 июля 1817 г. в Нижнем Новгороде, где караван задержался на несколько дней для перегрузки монумента на суда, которые могли плавать по Оке и Москве-реке. «Преосвященный здешний епископ Моисей и г. гражданский губернатор, также многие чиновники и дворяне, движимы уважением к памяти сих бессмертных

мужей, тотчас посетили оные суда, а граждане, обоюга пола и всех возрастов, с утра до ночи съезжаются к судам зреть сей знаменитый по предмету, искусству, величине памятник... Никакое перо не может изобразить, в какое восхищение приведены были как нижегородские так и всего здешнего края жители, появлением на здешних водах столь знаменитого памятника согражданину своему, заслужившему бессмертную славу деятельным содействием своим к спасению Отечества от врагов и прославившему тамошние места именем своим», – сообщала читателям «Северная почта или Новая Санктпетербургская газета» (периодический орган МВД)³⁰.

Памятник первоначально планировали разместить на Страстной площади либо у Тверской заставы (площадь перед современным Белорусским вокзалом), но затем решили установить на реконструированной архитектором О.И. Бове Красной площади, напротив главного входа в Верхние торговые ряды, построенные в 1814–1815 гг. по его же проекту. Александр I предложил поставить его в центре площади и спиной к Кремлю. Однако Мартосу удалось убедить императора, что монумент лучше будет смотреться, если его расположить лицом к Кремлевской стене с башнями, ближе к зданию Верхних торговых рядов. На пьедестале утвердили текст надписи «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия. Лета 1818», хотя в одном из первых вариантов она гласила: «Вам монумент – Руси святой существованье». Подготовительные работы и сама установка памятника велись при активном участии самого Мартоса, приехавшего из Петербурга. Общая высота монумента вместе с постаментом составляет 8,8 – 8, 9 м.

20 февраля 1818 г. состоялось торжественное открытие монумента³¹. Памятник героям был укрыт огромным покрывалом. В 11 часов из ворот Никольской башни в сопровождении великих князей и всей свиты выехал на коне император, которого встречал московский военный генерал-губернатор граф Торماسов. И сразу же раздалась музыка. Затем из Спасских ворот появилась парадная карета императрицы Марии Фёдоровны. Александр I объехал войска, выстроенные для парада, и встретил карету импе-

ратрицы. При их приближении под барабанный бой и крики «ура» с памятника сбросили покрывало, «и герои представились во всём их величии». Императорская чета остановилась рядом с монументом, и начался военный парад. Церемониальным маршем, отдавая честь, сначала прошагала пехота, а за ней поскакала кавалерия (кавалергарды, конная гвардия, лейб-гусары, лейб-казаки). Многие из солдат и офицеров, двигавшихся по Красной площади в тот знаменательный день, участвовали в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе Русской армии. Вечером в Колонном зале Благородного собрания состоялся праздничный концерт. До 3000 человек слушали музыкальную ораторию композитора С. А. Дегтярёва «Минин и Пожарский», написанную на стихи Н. Д. Горчакова³².

Первый светский монумент героям Смутного времени быстро стал одним из символов Москвы. О нем неоднократно упоминалось в литературе (и А.С. Пушкиным, и М.Ю. Лермонтовым, и В.Г.Белинским). Его не раз копировали при изготовлении оригинальных каминных и настольных часов, шкатулок из бронзы и резной кости, портсигаров, изображали на памятных медалях, картинах, лубках, плакатах, открытках, спичечных коробках³³. Облик памятника Минину и Пожарскому использовался для пропаганды патриотизма и в годы Первой мировой войны, и в период Великой Отечественной войны.

Мимо монумента Минину и Пожарскому, изображение которого можно увидеть на плакате художника В.Б. Корецкого «Наши силы неисчислимы», уходили на фронт части Красной Армии после исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. Еще в 1942 г. появился первый эскиз медали «За оборону Москвы», на всем пространстве одной из сторон которой представлен силуэт памятника Минину и Пожарскому. Он стал одним из изобразительных элементов и на утвержденном 1 мая 1944 г. окончательном варианте медали, которой были удостоены свыше 1 млн. защитников столицы. Его также можно увидеть на мемориале советским воинам в Трептов-парке (Берлин) и на керамическом панно «Слава героям-пехотинцам» (1951 г.) на станции метро «Таганская» в Москве.

¹ Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; Зотов А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; Преображенский А.А. «Веков связующая нить...». Приемствен-

- ность военно-патриотических традиций русского народа (XIII – начало XIX в.). М., 2002; Кузнецов А.А., Морохин А.В., Пудалов Б.М. *Историография ополчения Минина и Пожарского (предварительные наблюдения)* // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 78–117; Морохин А.В., Кузнецов А.А. *Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии.* М., 2017.
- ² Ломоносов М.В. *Краткий российский летописец с родословием.* СПб., 1760. С. 41.
 - ³ Ломоносов М.В. *Полное собрание сочинений.* М.; Л., 1952. Т. VI. С. 367–373, 594–595; М.; Л., 1957. Т. X. С. 581; Бренева И.В., Ринкон-Поса Э. «Идеи для живописных картин из Российской истории» и их отражение в русской исторической живописи // *Ломоносов: Сб. статей и материалов.* СПб., 1991. Т. 9. С. 60–68.
 - ⁴ Ломоносов М.В. *Полное собрание сочинений.* Т. VI. С. 367–373, 594–595.
 - ⁵ Платон (Левшин). *Поучительные слова.* М., 1775. Т. 3. С. 112–113.
 - ⁶ Карамзин Н.М. *Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре* // Карамзин Н.М. *Сочинения.* Изд. 3-е. М., 1820. Т. 9. С. 223–225.
 - ⁷ Это самое раннее письменное известие о месте погребения народного героя России, было обнаружено С.В. Сироткиным в фондах Российского государственного архива древних актов (Ф. 28. Кн. 3419. Ч. 2. Л. 836 об. – 837). См.: Кузнецов А.А., Морохин А.В. *Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии.* С. 83–84.
 - ⁸ *Воспоминания о моей жизни. Из записок Николая Степановича Ильинского* / Публ. А. Круглого // *Русский архив.* 1879. Кн. 3. Вып. 12. С. 378.
 - ⁹ Ильинский Н.С. *Ильинский Н.С. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. Выбранное из исторических преданий.* СПб., 1799. С. 75–76.
 - ¹⁰ Архимандрит Макарий. *Памятники церковных древностей.* Нижний Новгород, 1999. С. 269.
 - ¹¹ Карамзин Н.М. *О любви к Отечеству и народной гордости.* М., 2013. С. 199.
 - ¹² Впервые опубликовано: *Вестник Европы.* 1802. № 24; Цит по: Карамзин Н.М. *Сочинения.* В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 160.
 - ¹³ *Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.* СПб., 1804. Часть первая. С. XVIII–XIX.
 - ¹⁴ Гераков Г.В. *Твердость духа некоторых россиян.* СПб., 1803. С. 119–120.
 - ¹⁵ Гераков Г.В. *Твердость духа русских.* СПб., 1804. С. 66–67, прим.
 - ¹⁶ Кошанский Н.Ф. *Памятник Пожарскому и Минину, назначенный в Москве* // *Журнал изящных искусств.* 1807. Кн. 2. С. 51–64.
 - ¹⁷ *Русский вестник.* 1808. Ч. 1. С. 265–277.
 - ¹⁸ Гераков Г.В. *Твердость духа русских.* Пг., 1813. Кн. II. С. 50–51, прим.
 - ¹⁹ *Сын Отечества.* 1817. Ч. 42. № 50. С. 176.
 - ²⁰ *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования* / Под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 518–519.
 - ²¹ Куракин А.Б. *О сооружении памятника гражданину Козьме Минину и боярину князю Пожарскому.* СПб., 1809; *Полное собрание законов Российской империи.* СПб., 1830. Т. 30. С. 692–694.
 - ²² *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования.* С. 528.
 - ²³ *Полный список жертвователей был обнародован в 1818 г.* См.: *Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве.* СПб., 1818.
 - ²⁴ *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов* / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. № 2. 14–15.
 - ²⁵ Там же. № 3. 15–16.
 - ²⁶ *России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев* / Сост. С.С. Волк и, С.Б. Михайлова. М., 1988. С. 192–193.
 - ²⁷ *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года.* № 329. С. 345.
 - ²⁸ *Вестник Европы.* 1817. Ч. 95. № 20. С. 268–275.
 - ²⁹ *Северная почта.* 1817. 30 мая. № 43.
 - ³⁰ *Северная почта.* 1817. 21 июля. № 58.
 - ³¹ *Московские ведомости.* 1818. № 16. 23 февраля. С. 450.
 - ³² *Московские губернские ведомости.* 1843. № 51. С. 695–698.
 - ³³ См.: Рябов А.Н. *Гражданину Минину и князю Пожарскому.* Саранск; Нижний Новгород, 2005; Он же. *Памятники героям, одолевшим Смуту.* Нижний Новгород; Саранск, 2011.

*Николай Анатольевич Печень,
Республика Беларусь, Минск, заместитель
начальника Центрального музея Вооруженных Сил
Российской Федерации (1994-2002),
полковник запаса, доктор исторических наук, профессор*

Нас объединяет Знамя Победы. Об итогах проведения международной военно-патриотической акции в гг. Минск и Киев 20-28 апреля и 6 мая 2000 г.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15.04.96 г. № 561 «О Знамени Победы», распоряжениями Президента Российской Федерации от 15.04.2000 г. № 120-рп и 121-рп, от 27.04.2000 г. №137-рп и указанием начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации Знамя Победы находилось в г. Минске с 21 по 25 апреля и в г. Киеве с 25 по 28 апреля и 6 мая.

Идея проведения международной военно-патриотической акции возникла в сентябре 1999 г., была предложена автором этих строк во время участия в научной конференции «Канун и начало Второй мировой войны», проводимой Белорусским Государственным музеем истории Великой Отечественной войны, при полном одобрении начальника Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации полковника А. К. Никонова.

Предложение было поддержано руководством Белорусского Государственного музея истории Великой Отечественной войны (директором Г.И. Баркуном и его заместителем И.Ю. Воронковой) и руководством Мемориального

комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» Украина (директором А.С. Артемовым и его заместителем Л.В. Легасовой).

На протяжении семи месяцев досконально прорабатывались все вопросы вывоза Знамени Победы в Республику Беларусь и на Украину. Необходимо отметить, что руководство государств Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины в лице Президентов В.В. Путина, А.Г. Лукашенко, Л.Д. Кучмы, председателей правительств поддержало проведение акции и всячески содействовало этому мероприятию, а во время проведения акции приняло непосредственное участие в отдании почестей Знамени Победы. Руководство министерств культуры приняло непосредственное участие в подготовке и проведении акции.

Для проведения акции пришлось неоднократно выезжать в Минск и Киев на рабочие совещания, проводимые в правительствах государств, министерствах культуры и музеях, для проработки деталей. Ведь вывоз Знамени Победы прово-

дился впервые со времени его доставки в ЦМВС РФ из Берлина в 1945 году.

К проведению акции коллектив ЦМВС РФ отнесся со всей серьезностью и ответственностью. Ход подготовки неоднократно обсуждался на научно-методическом совете музея, на заседании фондово-закупочной комиссии. Были приглашены высококвалифицированные специалисты, которые дали заключение: «Знамя Победы можно вывозить при выполнении ряда требований по его сохранности, транспортировке и использованию на мероприятиях».

Были и противники вывоза Знамени Победы, перестраховщики. Были и юридические трудности. Ведь согласно Указу Президента Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. Знамя Победы могло выноситься только 9 мая и 23 февраля для возложения венков к Могиле Неизвестного солдата федеральными органами государственной власти, проведения торжественных заседаний, парадов войск и шествий ветеранов Великой Отечественной войны на Красной Площади в Москве.

В апреле, когда все уже было готово к вывозу Знамени Победы, проведение акции в намеченные сроки – с 16 апреля в Минске и с 22 апреля в Киеве – было приостановлено. И только настойчивость руководства ЦМВС РФ, Белорусского Государственного музея, министерства культуры Республики Беларусь, министерств иностранных дел Республики Беларусь и Российской Федерации и непосредственное обращение Президента Республики Беларусь к Президенту Российской Федерации позволили провести международную военно-патриотическую акцию «Нас объединяет Знамя Победы».

Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путин внес соответствующие изменения в Указ от 15 апреля 1996 г. и издал Распоряжение, позволившее вывоз Знамени Победы в Республику Беларусь и на Украину.

Доставка Знамени Победы и четырех Боевых знамен воинских частей и соединений, участвовавших в освобождении Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, была осуществлена поездом в г. Минск силами Центрального музея Вооруженных Сил (состав группы сопровождения: заместитель начальника музея по научной работе полковник Н.А. Печень – старший группы сопровождения, старший научный

сотрудник, участник Великой Отечественной войны А.Н. Дементьев, старший научный сотрудник С.Б. Андреева).

20 апреля 1920 г.в ЦМВС РФ прошли торжественные проводы Знамени Победы с участием начальника управления воспитательной работы Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-майора А.Н. Калиты, сотрудников музея, ветеранов Великой Отечественной войны.

21 апреля в г. Минск на перроне железнодорожного вокзала в 7.00 состоялась торжественная встреча Знамени Победы с участием министра культуры Республики Беларусь, почетного караула, военного оркестра, ветеранов войны, общественности столицы. О прибытии Знамени Победы старшим группы было доложено Председателю совета ветеранов Республики Беларусь генерал-лейтенанту А.И. Новикову.

В сопровождении почетного эскорта, на бронетранспортёре Знамя Победы было доставлено на площадь напротив входа в Белорусский Государственный музей Великой Отечественной войны, где состоялся многолюдный митинг, после которого Знамя Победы было установлено в специально изготовленную витрину.

Во время пребывания в Минске сотрудники ЦМВС РФ приняли активное участие в приветствии делегатов II съезда Белорусского патриотического союза молодежи с вносом в зал, где проходило открытие съезда Знамени Победы и Боевых знамен воинских частей. На съезде присутствовал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Я приветствовал Президента, делегатов съезда и представлял Боевые знамена. Кроме этого, провели семь выступлений с Боевыми знаменами частей и соединений, освобождавших Белоруссию в годы Великой Отечественной войны, на парадной площадке, в отдельном полку и бригаде связи, мотострелковом полку, Минском суворовском училище. Военной академии Республики Беларусь (участвовало свыше 7000 человек).

Организовали занятие с сотрудниками Белорусского Государственного музея истории Великой Отечественной войны по истории водружения Знамени Победы над рейхстагом и методике выступления с Боевыми знаменами.

В течение пяти дней (21-25 апреля) поклониться, возложить цветы, сфотографироваться у

Знамени Победы шли ветераны войны, воины, школьники, студенты. На встречу со Знаменем Победы прибыли премьер-министр, министр обороны Республики Беларусь с составом коллегии, министр культуры, другие руководители государственных органов.

25 апреля в 13.00 Знамя Победы в сопровождении почетного эскорта по центральным улицам г. Минск было доставлено на площадь Победы, где его, преклонив колено и поцеловав, приветствовал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

В торжественной церемонии приняли участие руководители государства, министерства обороны, представители посольств иностранных государств, участники II съезда Белорусского патриотического союза молодежи.

Президент Республики Беларусь выступил с речью, в которой дал высокую оценку проводимой акции. В частности он отметил тот факт, что доставка Знамени Победы в Минске дань исторической справедливости. Ведь путь к Победе над фашизмом начался именно на белорусской земле. Президент подчеркнул, что белорусский народ всегда был и остается миролюбивой нацией, а стоящие рядом ветераны и молодые воины Вооруженных Сил республики – это символ преемственности поколений и яркое свидетельство того, что мы храним свои исторические традиции. По окончании речи Президента войска преклонили колено.

После церемонии прощания. Знамя Победы на военном вертолете было доставлено в д. Сеньковка (стык трех государств: Российском Федерации, Республики Беларусь и Украины), где состоялась его торжественная символическая передача председателю Совета ветеранов Украины генералу армии П.А. Герасимову.

Состоялся митинг с участием руководства трех областей (Брянской, Гомельской и Черниговской), после чего 25 апреля в 20.00 Знамя Победы на вертолете Вооруженных Сил Украины было доставлено в г. Киев, где прошла торжественная встреча и установка его в Зале Славы Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

С 25 по 28 апреля музей посетило более 20 000 человек – члены правительства, народные депутаты, представители общественности города:

ветераны Великой Отечественной войны из всех административных районов г. Киева, Винницкой, Киевской и Житомирской областей; командный состав министерств обороны и внутренних дел, войск ПВО Украины; солдаты срочной службы, курсанты военных институтов; рабочие и служащие предприятий и организаций Киева, студенты, школьники, гости города.

Используя священную реликвию, как символ Победы, было проведено более 20 мероприятий. Среди них: научно-практическая конференция «Майские дни планете не забыть» для военнослужащих войск ПВО. Киевской городской организации ветеранов Великой Отечественной войны: историко-краеведческая конференция «Святое наследие» для поисковиков, активистов музеев, учреждений системы просвещения; тематические встречи «Шел солдат к Берлину». «Во имя жизни...». «Кинодокументы свидетельствуют». «Фронтное братство»: уроки памяти «В бессмертной памяти народа не окончилась война» для студентов и школьников.

Особенно волнующей была встреча ветеранов Великой Отечественной войны участников битвы за Берлин с членами правительства. В ней приняли участие вице-премьер Украины Н.Г. Жулинский, министр культуры и искусств Б.С. Ступка, председатель Государственного комитета Украины по делам ветеранов С.В. Червонопиский, Герой Украины, председатель Совета ветеранов Украины генерал армии И.А. Герасимов, председатели районных ветеранских организаций города Киева. Во время мероприятия ветеранам вручались книги, вышедшие к юбилею Победы, памятные сувениры, цветы.

Надолго в памяти ветеранов и молодежи останется их встреча с фронтовым летчиком, майором в отставке киевлянином Иваном Вештаком, которого командование 1-го Белорусского фронта направило в Берлин для фотографирования только что водруженного над рейхстагом Знамени Победы.

28 апреля после торжественных проводов Знамя Победы было доставлено в Москву, в ЦМВС РФ.

6 мая по распоряжению Президента Российской Федерации (после обращения Президента Украины) Знамя Победы вновь было доставлено в Киев для участия в торжественном собрании, посвященном 55-й годовщине победы в Вели-

кой Отечественной войне в сопровождении заместителя начальника ЦМВС РФ полковника С.В. Есипова.

Постоянно у Знамени Победы во время работы в музеях Минска и Киева находился сотрудник ЦМВС РФ, который давал консультации, разъяснения и справки, интервью средствам массовой информации.

В Минске и Киеве военно-патриотическая акция «Нас объединяет Знамя Победы» широко освещалась на страницах газет, по телевидению, осуществлялись видео- и киносъемки. Копии видеокассет и фильмов переданы в ЦМВС РФ.

В качестве оценки международной военно-патриотической акции «Нас объединяет Знамя Победы» приводятся следующие документы, которые красноречиво свидетельствуют об актуальности и значении много события.

Из книги отзывов посетителей – Республика Беларусь:

Витебская делегация посетила Музей Великой Отечественной войны в честь 55-летия со Дня Великой Победы. Сфотографировались у Знамени Победы. Рады за то, что нам участникам Великой Отечественной войны представилась возможность в музее г. Минска увидеть Знамя, которое было установлено над рейхстагом лотовом фашизма.

Остаемся в надежде, что Символ Великой Победы станет символом воссоединения народов бывшей Великой Страны в единое. могучее государство мира. Подвигу советского народа жить в веках, и этот подвиг должен стать примером воссоединения славянских народов и бывших Республик Советского Союза.

С великой благодарностью руководству Российской Федерации, г. Москвы и Центральному музею Вооруженных Сил Российской Федерации и руководству Республики Беларусь за предоставленную великую честь, прикоснуться к Великой святыне советского народа.

(всего 36 подписей)

*Здравствуй Знамя Победы! Здравствуй
молодость моих родителей!*

*Низкий поклон всем тем, кто тогда выстоял т. победил и сейчас не сдаётся.
Спасибо!*

Нина Васильевна Суставова

*Спаси вас Господи за то, что привезти
эту святыню на наше многострадальную
Белорусскую землю.*

семья Волковых
*Встреча со Знаменем Победы: я как будто
побывал в Победном мае 45 г. Стоя у Знамени,
я вспомнил своих друзей и павших и
живых. Спасибо.*

инвалид войны
*Мы, ветераны ВВС и руководящий состав
ВВС Республики Беларусь благодарны музеем
России и Беларуси за возможность
прикоснуться к святыни советскою народа,
к святыне славянских народов Знамени
Победы. Вы сделали огромное, важное
дело, привезя Знамя в Минск.*

*Военная авиация РБ гордится тем, что
нам предоставлено право доставить
Знамя на Курган Дружбы. Благодарны
вам!*

*Председатель Совета ветеранов ВВС РБ
Командующий ВВС РБ*

Боже!

*Столько людей, наших советских людей,
мечтало увидеть хоть одним глазом
наше Знамя Победы!*

*И вот оно перед нашими глазами, перед
глазами немногочисленных участников
Великой Отечественной войны и потомков
павших в войне и умерших в послевоенные
годы бойцов.*

*Великая благодарность Президенту России
Путину В.В. от белорусов. Здоровья и
счастья ему, успехов в руководстве и
создании Союза.*

Зайцев Г.С.

*Горжусь, что Знамя Победы в нашем городе-герое
Минске. Пусть всегда, во все времена,
священное Знамя Победы будет в сердцах
поколений людей планеты Земля. Тяжело
воспринимать без чувства гордости за
великий героизм народов Республик
Советского Союза, одержавших Победу в
Великой Отечественной войне и, особенно,
в канун 55-ой годовщины.*

*Но особенно это чувство пришло, когда
Знамя Победы находится с тобой рядом,
когда сам находишься среди ветеранов,
проявивших и любовь к Родине, и ненависть
к врагу и отдавших все для достижения
Победы.*

*Нынешнее поколение укрепляет все славные,
в том числе и боевые традиции*

старшего поколения. Мы им благодарны и за мужество, и за верность, и за сегодняшнее воспитание.

А Знамя Победы это очередное доказательство того, что где бы оно ни находилось, или в Москве, или в Минске, как сегодня, оно соединяет, сближает и олицетворяет дружбу народов Беларуси и России, дружбу воинов ВС РБ и России.

Министр обороны Республики Беларусь

Генерал-полковник А. Чумаков

*Из книги отзывов посетителей – Украина:
Для меня, участника штурма Берлина, великое счастье и радость встретиться со Знаменем Победы, этой нашей и вселенской святыней, символизирующей Победу добра над злом нацизма.*

От Знамени Победы излучается колоссальная положительная энергетика как от святой иконы. Впервые я приветствовал Знамя Победы сразу же после окончания штурма Берлина и водружения его над рейхстагом в начале мая 1945 г. И вот новая встреча.

гвардии подполковник

Маленков Федор Иванович

От своего имени, а также жены и внучки благодарю Президентов России, Украины и Белоруссии за возможность увидеть и побыть рядом с красным полотнищем Знамени Победы, во имя водружения которого над Берлином отдали свои жизни около 27 млн. наших соотечественников и перенесли невиданные лишения и невзгоды все народы Советской державы.

полковник в отставке Колычев

Сегодня у нас большое счастье. Мы смогли склонить свои седые головы перед Знаменем Победы, украсили его красными тюльпанами. Большое спасибо Вам, что мы получили возможность посмотреть на Знамя, вспомнить тяжелые годы войны, свою боевую молодость.

г. Фастов.

участники Великой Отечественной войны.

Постарели ветераны, но кто-то сделал очень хорошее дело. К Знамени не все могут прийти, так Знамя Победы пришло к нам. Большая благодарность от нас, ветеранов.

гв. старшина Терновой

Знамя Победы – память о подвигах и боевой жизни моего отца участника Великой Отечественной войны с июля 1941 г. Спасибо участникам и организаторам Торжественных праздников, посвященных Юбилейному Дню Победы.

Спасибо В.В. Путину за предоставленную возможность белорусам и украинцам вновь, через 55 лет поклониться Святому Знамени – Знамени Победы, которое Егоров и Кантария водрузили в центре поверженного Берлина – рейхстаге.

Как тяжело досталась эта Победа!

Всем нам, всему народу Советского Союза!

Пусть никогда не будет войны!!!

Участник боевых действий, инженер-майор Огарков Владимир Иванович

Склоняю голову перед Святыней нашего народа – Знаменем Победы. Вечная память павшим и благодарность потомков. За деда, который не вернулся с войны, от первого до последнего дня отдал долг Родине, за отца, тестя, мою маму. От имени и по поручению моих близких и друзей.

Львов – Киев – Донецк

Когда кончилась война, мне было 10 лет, но я со школой ходил собирать колоски в поле – помогать фронту. Моя мать всю войну трудилась во имя Победы и вытягивала меня, старых дедушку и бабушку. Мой отец погиб на фронте в октябре 1941 г. в районе Вязьмы. Он был военным железнодорожником – младшим лейтенантом. 59 лет я не знал о его месте захоронения, хотя много раз пытался разыскать могилу отца. И вот сегодня – именно сегодня – мне позвонили из клуба «Поиск» и сообщили, что место захоро-

нения нашлось! Сегодня я к Знамени Победы принес фотографии моих родителей – пусть и они посмотрят на то, за что жертвовали своей жизнью. А я стал

на колени и низко поклонился Знамени. Это всё священо для меня и всех наших народов.

Инженер-капитан Высокий Д.А.

*Юрий Федорович Пивоваров,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, ведущий научный сотрудник,
доктор исторических наук, профессор*

Проблемы типологии военных конфликтов XVIII — начала XXI вв.

Необходимость нового взгляда в исследовании проблем типологии войн и вооружённых конфликтов XVIII – начала XXI вв. вызвана тем фактом, что в этот период произошла смена парадигм в области стратегии ведения вооруженной борьбы. Классически устоявшиеся основы военных действий (операции и боевые действия), которые велись между регулярными армиями государств и их союзами, постепенно сменились постклассическим подходом. В их основе была заложена так называемая «гибридная стратегия» или её еще многие называют «гибридная война». Природа таких военных действий стала не логичной, а её результат непредсказуем из-за нарастания хаоса в зоне конфликта и «бессилие силы» против незаконных вооружённых формирований и в условиях радикализации целей её участников (Рис.1).

Так, только в одном 2010 г., когда в мире не велись активные военные действия, официально было зарегистрировано более 14,5 тыс. погибших: в т. ч. в Афганистане – более 6,3 тыс., Пакистане около 4,6 тыс., Сомали – более 2,1 тыс. и Ираке около 1,5 тыс человек¹.

В связи с этим, объективный и всесторонний анализ проблематики сути и типологии современной войны и её важнейших классификационных свойств позволит извлечь исторические уроки и сделать обоснованные и правильные выводы и на основе этого можно будет выработать «противоядие», предложив практические рекомендации, направленные на укрепление обороноспособности нашей страны от внешних и внутренних угроз. «Каждый крупный сдвиг в жизни человечества открывает перед ним новые точки зрения, с которых усматривается новый вид на прошлое» – так определял значение опыта А. Свечин².

Военные историки в современных глобализационных условиях столкнулись с большими трудностями при исследовании таких проблем как выявление границы и механизма переходов от мира к войне, приоритета составных частей военного искусства в достижении цели, факта победы в войне и её цены. В новых условиях уже не достаточно теории (учения) о войне и вооруженной борьбе (стратегии, оперативного искусства и тактики). Реальность такова, что сегодня

важно выявить не сам механизм ведения войны, а теорию и практику её предотвращения. Военная история нуждается в обосновании теории глобальной, региональной, локальной войны и внутренних и международных вооруженных конфликтов, пришедших на смену мировой и локальной войне. Это связано с тем, что на сегодня вооруженных конфликтов без объявления войны со второй половины XX в. стало особенного много. При выработке новой теории войны она дала бы возможность объяснить не только её природу, но и оказала бы помощь политикам и военным в выработке механизмов предотвращения вооруженной конфронтации. Следовательно, проблема типологии войн это скорей всего весьма важный и ценный прагматичный результат от которого зависит судьба нашей цивилизации. Особенно это актуально в условиях нарастания степени конфликтности и глобальных угроз безопасности как в отдельно взятой кризисной стране, так и регионе, и мире в целом.

Война, как область технического прогресса вовлекает в свою орбиту все новые и новые сферы борьбы, которые проявляются с начала XXI в. комплексно, образуя целостную среду воздушно-космической, сухопутной, морской и информационной сфер противоборства. Но это вызвало и новые последствия такой борьбы. Так для современных военных конфликтов характерен рост потерь среди гражданского населения

относительно общего числа людских потерь. Так в период до Первой мировой войны и в её годы этот показатель не превышал 5% от числа общих людских потерь, во Вторую мировую войну он вырос практически в 10 раз, достигнув уровня 48%, в ходе локальной войны в Корее (1950-1953) достиг уровня 84%, во Вьетнаме (1964–1975) – 90% от всех погибших были мирные граждане. Это говорит о том, что сменились не только цели в войне, но способы её достижения за счет воздействия на мирное население.

И сегодня вооруженная борьба не прекращается во многих регионах мира. Так, только с начала XXI в. военных конфликтов высокой интенсивности в различных регионах мира вспыхивало или продолжалось от 15 до 19 конфликтов. А по оценкам историков, за всю историю человечества произошло более 14,5 тысяч войн, в которых погибло свыше 3,6 млрд. человек. Подсчитано, что за 5,5 тыс. последних лет люди смогли прожить в мире в обще сложности не более 250–300 лет, а это в среднем не более одной недели в год. Самой кровопролитной и разрушительной в мировой истории была Вторая мировая война (1939-1945), унесшая жизни 71,17 млн. человек. А после Второй мировой войны в вооруженных конфликтах с участием государства погибло свыше 10,5 миллиона человек³. (Рис. 2)

В настоящее время в зарубежных источниках, как и в международном праве сложно

Рис.1. Смена участников военного конфликта в период с XVIII – XXI в.

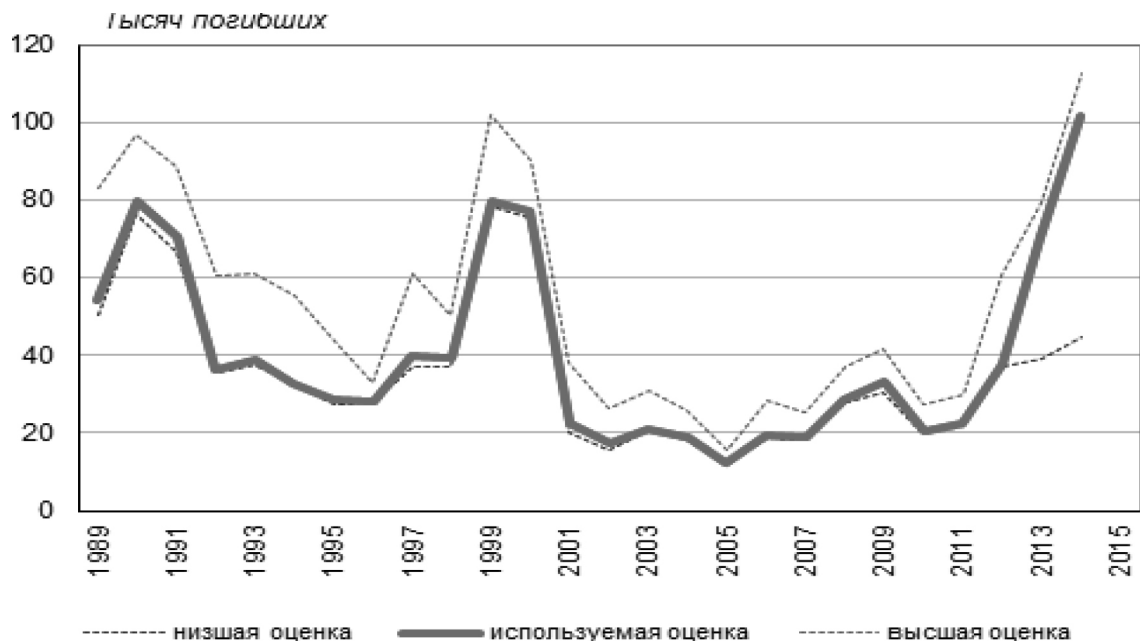

Рис. 2. Различные оценки числа погибших в вооруженных конфликтах, 1989-2014 гг.

найти чёткое и однозначное определение сути категории война. Война, как социально-политический феномен, в представлении западных военных специалистов является обобщающим военно-политическим термином и используется для описания кризисных межгосударственных (межнациональных) или внутригосударственных явлений.

Война в зарубежных подходах обычно употребляется в качестве оценки состояния международных отношений и является подкатегорией для характеристики любого военного (вооружённого) конфликта. Однако, несмотря на сужение категории война до конфликта, масштаб участия в нём группировок войск (сил)⁴ США, стран НАТО⁵ и ряда других государств постоянно расширяется.

В новых геополитических реалиях для анализа военных угроз стала более широко использоваться такая обобщающая категория военного искусства как «вооружённая (военная) борьба».

В свою очередь, из продолжительности и интенсивности военных действий вытекают такие основные понятия как: вооружённый инцидент и военный (вооружённый) конфликт.

Таким образом, в зарубежном военном искусстве военный (вооружённый) конфликт является определяющей категорией, применяемой для определения сути и классификационных характеристик современной вооружённой борьбы. Современные военные (вооружённые) конфлик-

ты в зарубежных подходах классифицируются в основном по бихевиористским основаниям. Из этого следует что: во-первых, официальные американские источники (в т.ч. и Устав сухопутных войск США FM 100-20) определяют возможность участия группировок войск (сил) в конфликтах только высокой и средней интенсивности; во-вторых: при развязывании и в ходе военного конфликта военно-политическое руководство США и стран НАТО значительное внимание уделяет как традиционным (классическим), так и нетрадиционным (неоклассическим, иррегулярным) действиям.

В пункте 13 «Итоговой декларации саммита НАТО», состоявшегося в сентябре 2014 г., впервые на официальном уровне было сказано о необходимости готовить альянс к участию в войнах нового типа – гибридным войнам («hybrid warfare»)⁶.

Гибридные действия рассматриваются западными военными экспертами как одна из форм стратегических действий с вовлечением в конфликт различных по уровню и характеру подготовки сил и средств. Их хаотичное применение позволяет достигать превосходства над современными хорошо обученными и подготовленными войсками, вооружёнными современнейшими системами. Применять, к примеру, крылатую ракету, по одиночному боевику это всё равно, что с «булавой гоняться по полю за комаром».

Кроме того, при ведении гибридных действий существенно изменяется пространственно-временная модель вооружённой борьбы. Противоборство начинается задолго до применения средств вооруженной борьбы путем осуществления экономических, информационных, дипломатических и других форм борьбы. Причем интенсивность их применения на последующих этапах не снижается, а наоборот, значительно возрастает.

Собственно, такой конфликт никогда не завершается, он всегда «тлеет» и в любое время на «благодатной» националистической, религиозной, социальной и иной почве вспыхивает вновь, с новой силой. Стоит только извлечь из пустяковой ситуации, из «ящика Пандоры»⁷, какой-либо, казалось бы незначительный повод и «цветные», «бархатные», «арабские» и пр. революции тут как тут. А далее остаётся только руководить этим процессом, раздавая «пирожки»⁸ и обещания, не доводя конфликтную ситуацию до логического завершения и не допуская примирения сторон.

В современной российской военно-исторической науке закрепились два основных подхода в области понимания сущности (сути) и классификации войн и вооруженных конфликтов: более ранний – диалектический (формационный) подход и новый – цивилизационный.

Одна часть отечественных исследователей, трактует войну как форму разрешения политических противоречий между государствами или внутри государства. Состояние войны наступает только тогда, когда противоборствующие стороны переходят к применению средств вооружённого насилия.

Другая же часть рассматривает войну с точки зрения многомерного социально-политического феномена, как взаимосвязанную совокупность различных форм противоборства, в которой вооружённая борьба является главной, но не единственной формой воздействия на противника.

Но во всех случаях бесспорным и неизменным остаётся тот факт, что в ходе современных военных конфликтов по-прежнему наиболее важной формой противоборства является вооружённая борьба.

Сегодня на практике существует и третий подход, рассматривающий войну как взаимосвязанную совокупность различных форм про-

тивоборства, даже без применения средств вооружённого насилия. В этом случае поневоле возникает вопрос: так, где же истина, как трактовать войну в современных условиях? Несмотря на явные различия подходов в большинстве случаев современные российские взгляды на войну и вооружённую борьбу в ней опираются на цивилизационные критерии.

Исходная информация, которая позволяет всесторонне и объективно проанализировать суть современной войны и её важнейшие классификационные свойства содержится в правовых источниках (представлены на слайде), прикладных военно-исторических исследованиях, а также в работах отдельных авторов и коллективов авторов⁹.

Изменение сути войны неизбежно вызывает необходимость пересмотра её основных ранее существовавших категорий. Так, в современной отечественной военной терминологии постепенно исчезло понятие «мировая война». На смену ей пришла «крупномасштабная война»¹⁰.

В настоящее время существует все меньше и меньше различий между понятиями «локальная война» и «региональная война», т.к. «локальная война» стала затрагивать важнейшие геополитические интересы многих государств и народов, живущих в данном регионе мира.

Так, военный конфликт в Ливии (2011), подпадающий по ряду своих военно-политических показателей под определение локальной войны, на самом деле быстро перерос в «региональную войну». Она втянула в свою орбиту ряд стран блока Североатлантического союза и многих государств арабского мира, отозвалась нестабильностью геополитической, экономической, этно-религиозной обстановкой во всём Ближневосточном регионе (Турции, Египте, Сирии и Ираке), а также обернулась серьёзными гуманитарными проблемами для Европы из-за наплыва беженцев с территории Ливии и других Ближневосточных государств. Или, к примеру, антииракская коалиция для проведения операции «Буря в пустыне» (1991) насчитывала 34 государства, личного состава в ней находилось более – 726 тыс. военнослужащих.

Отечественные взгляды определяют тот факт, что обобщающим понятием (определением) сути современной вооружённой борьбы является военный конфликт (Рис.3).

Рис. 3. Основы отечественной классификации военных конфликтов конца XX – начала XXI вв.

Следует подчеркнуть, что военный конфликт имеет свои собственные, специфические признаки: во-первых, он должен обязательно происходить между различными акторами международного права (коалицией государств, государствами или/и частными лицами); во-вторых, в ходе него должны применяться специальные средства вооружённого насилия – оружие¹¹; в-третьих, раз это вооружённая борьба, то должны быть жертвы вооружённого насилия (летальные или не летальные).

На основе анализа сущности (сути) военных конфликтов современности можно выделить их важнейшие классификационные характеристики. Наиболее важным признаком классификации военных конфликтов являются военно-политические цели современной вооружённой борьбы.

На основе различных целей сторон военные конфликты могут быть: захватнические – угроза миру, нарушение мира или акт агрессии¹², под которыми понимается незаконная борьба за власть и/или за ресурсы; освободительные – защита от агрессии индивидуальная или коллективная; миротворческие – борьба за мир путём применения военной силы в качестве третьей (нейтральной) стороны в конфликте на основе мандата Совета Безопасности ООН (ОБСЕ, ОДКБ и иных международных и региональных организаций), или на основе международных договоров. При классификации военных конфликтов вполне допустимы и другие основания.

В современной отечественной трактовке категория «война» имеет двоякий смысл. Ее пер-

вое значение связано с вооруженным нападением на Российскую Федерацию или её союзников другого государства. Второе – способ разрешения кризисных межгосударственных (международных) споров с целью защиты своих граждан или суверенных субъектов международного права за пределами государства.

Момент начала войны, или фактического начала военных действий, объявляется в Российской Федерации федеральным законом. С момента объявления состояния войны, или фактического начала военных действий наступает военное время, представляющее собой период нахождения государства в состоянии войны. Оно определяется такими факторами, когда все имеющиеся ресурсы и духовные силы страны, а так же её важнейшая военно-политическая инфраструктура задействованы в интересах войны в целом, а экономика страны полностью или частично переведена на военные рельсы (от 30 до 55%).

Суть современной войны определяется содержанием всех форм борьбы (противоборства), осуществляемых в войне, их свойствами и связями. Формы борьбы (политические, дипломатические, экономические, информационные, идеологические и т.п.) в защиту национальных интересов государства ведутся во всех сферах его жизнедеятельности ещё в мирное время. При эскалации конфликта формы борьбы (мирного времени до крайней степени обостряются. И только после перехода сторон конфликта к вооружённой борьбе, как радикальному виду противоборства, наступает при наличии строго определённых признаков состояние войны.

В ходе войны формы борьбы мирного времени продолжают вестись, сопутствуют ей, являются её «спутниками».

Таким образом, суть военных конфликтов XVIII – XXI вв. несмотря на произошедшие перемены в стратегии, участниках и средствах достижения их цели претерпела незначительные изменения. Это как и прежде средство государственного насилия. Данную форму геополитического влияния, по-прежнему, широко исполь-

зуют США и страны блока НАТО для того чтобы доминировать в любом регионе нашей планеты, что создает угрозы развязывания новой мировой войны. Знания типологии военного конфликта в период перехода от классических к гибридным стратегиям в этой связи играет важнейшую роль в правильности выбора приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях и на перспективу.

- ¹ Ежегодник СИПРИ 2011. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 71.
- ² А.А. Свечин. Эволюция военного искусства. Т. II. М.: Воениздат, 1928. С. 11;
- ³ Число погибших от войн с 1946 по 2014 гг. // URL: <https://burckina-new.livejournal.com/77331.html>. Дата обращения 10.05.2019.
- ⁴ Североатлантический совет НАТО, начиная с войны в бывшей Югославии (1992) на основании ст.5 Устава НАТО стал активно поддерживать данную политику. За этим военным вмешательством, после 2001 г. последовали другие совместные операции командования ВС США и руководства блока НАТО, но уже вне ст.5 Вашингтонского договора. Прим. авт.
- ⁵ В составе НАТО руководство блока своих самостоятельных вооружённых сил не имеет. Они выделяются государствами-членами только для участия в конкретных военных операциях. Для их оперативной совместимости в мирное время созданы командования ОВС НАТО на важнейших стратегических направлениях и периодически проводится совместная боевая и оперативная подготовка войск. Источник: Справочник НАТО. Брюссель–Бельгия. НАТО, 2006. С. 113–114.
- ⁶ Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. September 5, 2014.
- ⁷ Пандора (др.-греч. Паубсора — «всем одарённая», всеодарённая, вседающая), в древнегреческой мифологии. – Прим. авт.
- ⁸ Широкий резонанс в мире вызвал визит Госсекретаря США В.Нуланд на Майдан «незалежности» в начале февраля 2014 г., где она вместе с послом США в Украине раздавала протестующим бутерброды. Также на Майдане в поддержку участников акции выступал сенатор Д. Маккейн. Кроме того, власти США оказывали на тогдашний украинский режим политическое давление, добиваясь его смещения при помощи Майдана. // Источник: <http://gpinrom.ua>;
- ⁹ Владимиров А. Основы общей теории войны. Монография, в 2-х частях. М.: университет СИНЕРГИЯ, 2013, Ч1. 831 с.
- ¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации. // URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>. Дата обращения 11.05.2019.
- ¹¹ Оружие – это любые материальные средства ведения боя, начиная от вооружения, произведенного промышленным путем и заканчивая палками, камнями, огнем и водой. Его использование конфликтующими сторонами ограничено принятой в Женеве в 1979 г. Конвенцией ООН «О запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие». Нью-Йорк, 10.10.1980 г. (с изменениями и дополнениями); // URL: <https://www.un.org/ru/peace/mine/conweapons.shtml>. Дата обращения 12.05.2019.
- ¹² Устав Организации Объединённых наций. Ст. 39 // URL: <http://www.un.org>. Дата обращения 12.05.2019

*Владимир Васильевич Плотников,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
полковник запаса*

Роль Российского воинского контингента в миротворческой операции в Косово в составе сил КФОР

Для России вопрос о миротворческой деятельности и участии в миротворческих операциях приобрел особенную актуальность в связи с тем, что на всем протяжении исторического периода после распада СССР и образования новых независимых государств Россия неоднократно участвовала (участвует и сегодня в Приднестровье) в урегулировании конфликтов с использованием Вооруженных сил за пределами собственной территории. Международно-правовая база проведения миротворческой операции в Косово представлена в следующих документах ООН и России: Уставе ООН¹, декларации сессии Генеральной Ассамблеи², резолюции Совета Безопасности³, докладе Генерального секретаря ООН Бутроса Гали⁴, и в докладе Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира⁵, а также в Федеральном законе «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»⁶ и военной доктрине Российской Федерации⁷.

Исследованию миротворческой деятельности и миротворческих операций посвящено большое количество научных работ. Так, в работах Т.В. Бордачева⁸, Е.Ю. Гуськовой⁹, В.Б. Кувалдина¹⁰, А.И. Никитина¹¹, Ю.В. Морозов¹², С. Романенко¹³, Н.Смирновой, А. Улуняна¹⁴, рассматриваются причины неудач внешней политики России в 1990-е г., а также определяются этапы нашей политики в отношении Югославского кризиса.

Анализ научных работ показывает, что миротворческие операции исследуются, но необходимо продолжить их изучение с целью разработки современной теории миротворческой деятельности, издания адаптированных к международным требованиям российских нормативных правовых актов в сфере миротворчества для дальнейшего упрочения политических, дипломатических и военных позиций России в мире.

12 июня 2019 года исполняется 20 лет событию, когда при выполнении миротворческой задачи в Югославии колонна российских десантников, осуществив марш-бросок, заняла стратегически важный объект – аэродром «Слатина».

Рассмотрим, что предшествовало этому важному политическому и военному событию.

24 марта 1999 года авиация НАТО начала наносить по Союзной Республике Югославии массированные ракетно-бомбовые удары. 10 июня 1999 года бомбежки были приостановлены, так как руководство Югославии согласилось на ввод миротворческого контингента, основу которого составили войска НАТО, на территорию Косово. Согласно резолюции СБ ООН № 1244 в Косово вводились миротворческие силы НАТО, одной из задач которых было установление контроля над аэродромом «Слатина». Основные сухопутные силы НАТО были сосредоточены в Македонии и готовились войти на территорию Косово утром 12 июня 1999 года.

Решение о совершении марш-броска российскими подразделениями ВДВ в Косово было принято после срыва переговоров с американцами, в которых они пытались навязать России дискриминационные условия участия в миротворческой операции на Балканах. Американцы, считая себя победителями, абсолютно не хотели идти нам на уступки, гнули свою линию и отказывались от компромисса, предлагая подчиненную роль нашим миротворцам при войсках Североатлантического альянса. России было предложено участвовать в операции двумя батальонами в составе мобильного резерва командующего КФОР генерала Джексона, и, естественно, Россия от такого варианта отказалась. Санкцию на операцию дал президент РФ Борис Ельцин. В его решении на основе докладов министров обороны и иностранных дел был предусмотрен вариант наших действий в случае отказа НАТО признать Россию равноправным партнером по урегулированию ситуации в Косово: начать одновременный с НАТО ввод российского миротворческого контингента. Ввод проводился при согласовании с политическим руководством Югославии.

10 июня 1999 года российскому миротворческому контингенту SFOR (овдбр России), находящемуся в Боснии и Герцеговине, поступил приказ подготовить передовой отряд численностью до 200 человек и совершить беспрецедентный по своей дерзости, стремительности и десантному напору рейд с территории Боснии и Герцеговины через Сербию в автономный край Косово. Десантный батальон под командованием полковника Павлова С.Е. (старший ОГ ВДВ генерал-

майор Рыбкин В.В.), осуществив 600 километровой марш-бросок на предельной скорости по горным дорогам Балкан, при соблюдении строгой секретности с использованием фактора внезапности, заняло стратегически важный район – аэродром «Слатина».

Необходимо отметить, что при этом личный состав (кроме командования), который участвовал в марш-броске, до самого последнего момента не знал, куда и зачем они готовятся выступить. Еще до пересечения границы маркировка российской боевой и транспортной техники была изменена с «SFOR» на «KFOR». В ночь с 11 на 12 июня 1999 года передовой отряд ВДВ на БТРах и автомашинах выдвинулся в сторону границы Боснии и Сербии. Колонна ВДВ России без труда пересекла границу. До этого момента командование НАТО не располагало сведениями о начале марш-броска российских десантников на Приштину.

Десантники в кратчайшие сроки захватили все помещения аэропорта «Слатина», заняли круговую оборону, организовали блокпосты и приготовились к появлению первых подразделений НАТО, которые уже находились в пути. Задача по захвату «Слатины» была выполнена десантниками России к 7 часам утра 12 июня 1999 года, а через некоторое время туда подошли и подразделения стран НАТО.

Примерно в 11 часов 00 минут в небе над аэродромом появился беспилотный самолет-разведчик НАТО, затем с блокпоста на въезде в аэропорт «Слатина» командованию батальона ВДВ поступило сообщение о прибытии первой колонны сил НАТО. Это были британские джипы. С другой стороны к аэродрому приближались английские танки.

Обе колонны остановились перед российскими блокпостами. В небе появились десантные вертолеты. Пилоты британских вертолетов предприняли несколько попыток приземлиться на аэродром, однако эти попытки были пресечены экипажами российских БТРов. Как только вертолет заходил на посадку, к нему сразу же устремлялся БТР, препятствуя таким образом его маневру. Потерпев неудачу, британские пилоты улетели.

При этом российские солдаты показали, что готовы применить оружие против британских танков. После этого британские танки остались

на своих позициях, прекратив попытки прорыва на территорию аэропорта «Слатина».

В дальнейшем на основании указа Президента Российской Федерации, и в соответствии с подписанными министрами обороны РФ и США 18 июня 1999 г. в Хельсинки «Согласованными пунктами российского участия в силах КФОР» принято решение о направлении в Косово (СРЮ) воинского контингента Вооруженных сил Российской Федерации численностью 3616 человек. Российский воинский контингент (РВК) был сформирован на базе 76-й, 98-й и 106-й воздушно-десантных дивизий, частей Московского и Приволжского военных округов¹⁵.

Довольно часто возникает вопрос: почему именно на базе Воздушно-десантных войск формировались основные миротворческие контингенты для действий в миротворческих операциях?

Дело в том, что особенности подготовки личного состава, тактика действий, аэротранспортабельность вооружения, техники частей и подразделений ВДВ позволяют в короткие сроки и на большие расстояния осуществить переброску войск военно-транспортной авиацией и выполнять задачи в различных условиях, в том числе и при осуществлении миротворческих задач.

Более подробно остановимся на вводе Российского воинского контингента в Косово. Участие Российского воинского контингента (РВК) в первой фазе операции KFOR осуществлялось в три этапа (Рис. 1)¹⁶:

- первый – перегруппировка войск;
- второй – развертывание войск и трансформация в операцию KFOR;
- третий – ведение операции.

Первый этап успешно проведен с 1 июля по 8 августа 1999 г.

Штабами ВДВ, ВМФ, ВТА и Командованием РВК, был применен параллельный метод работы.

В период следования главных сил воздушным, железнодорожным и морским транспортом были проведены следующие мероприятия:

- осуществлены рекогносцировки железнодорожных станций и портов выгрузки, маршрутов выдвижения в районы выполнения задач, зон ответственности и районов базирования частей и подразделений;
- уточнены, совместно с командованием КФОР границы зон ответственности тактических групп и базовые районы РВК;

- организовано взаимодействие с национальными подразделениями КФОР;
- осуществлено планирование ввода передовых групп и главных сил в свои зоны ответственности.

В соответствии с планом перегруппировка РВК в район выполнения задачи осуществлялась комбинированным способом – воздушным, железнодорожным и морским транспортом, на завершающем этапе – маршем.

Новой особенностью ввода войск в Косово была перевозка морским транспортом. Она потребовала детального уточнения плана загрузки и размещения техники, вооружения и личного состава на боевые десантные корабли. Эти вопросы были детально разработаны штабом ВДВ совместно со штабом ВМФ.

В ходе перехода решались также следующие задачи:

- демонстрация присутствия кораблей ВМФ РФ в районах Средиземного моря;
- ведение разведки за деятельностью иностранных кораблей, авиации по маршруту перехода;
- определение возможностей по обеспечению базирования сил флота, организации боевой подготовки и производству панорамной фотосъемки ВМБ Салоники;
- вскрытие системы обороны и охраны базы, оборудования пирсов;
- уточнение расположения военных учреждений, складов горючего и боеприпасов, конфигурации пирсов, погрузки и выгрузки оружия;
- выявление оборудования РЭС различного назначения;
- изучение десантно-доступных мест побережья.

Все эти задачи были решены успешно.

В ходе перегруппировки, общая продолжительность которой составила 38 суток, было задействовано: 44 самолето-вылета ВТА, 25 воинских эшелонов, 5 десантных кораблей Черноморского флота, совершивших два морских перехода.

Для перевозки подразделений ВДВ было спланировано: воздушным транспортом – 26 самолето-вылетов Ил-76, железнодорожным транспортом – 16 эшелонов, морским транспортом – два рейса (в первом рейсе три БДК, во втором рейсе четыре БДК).

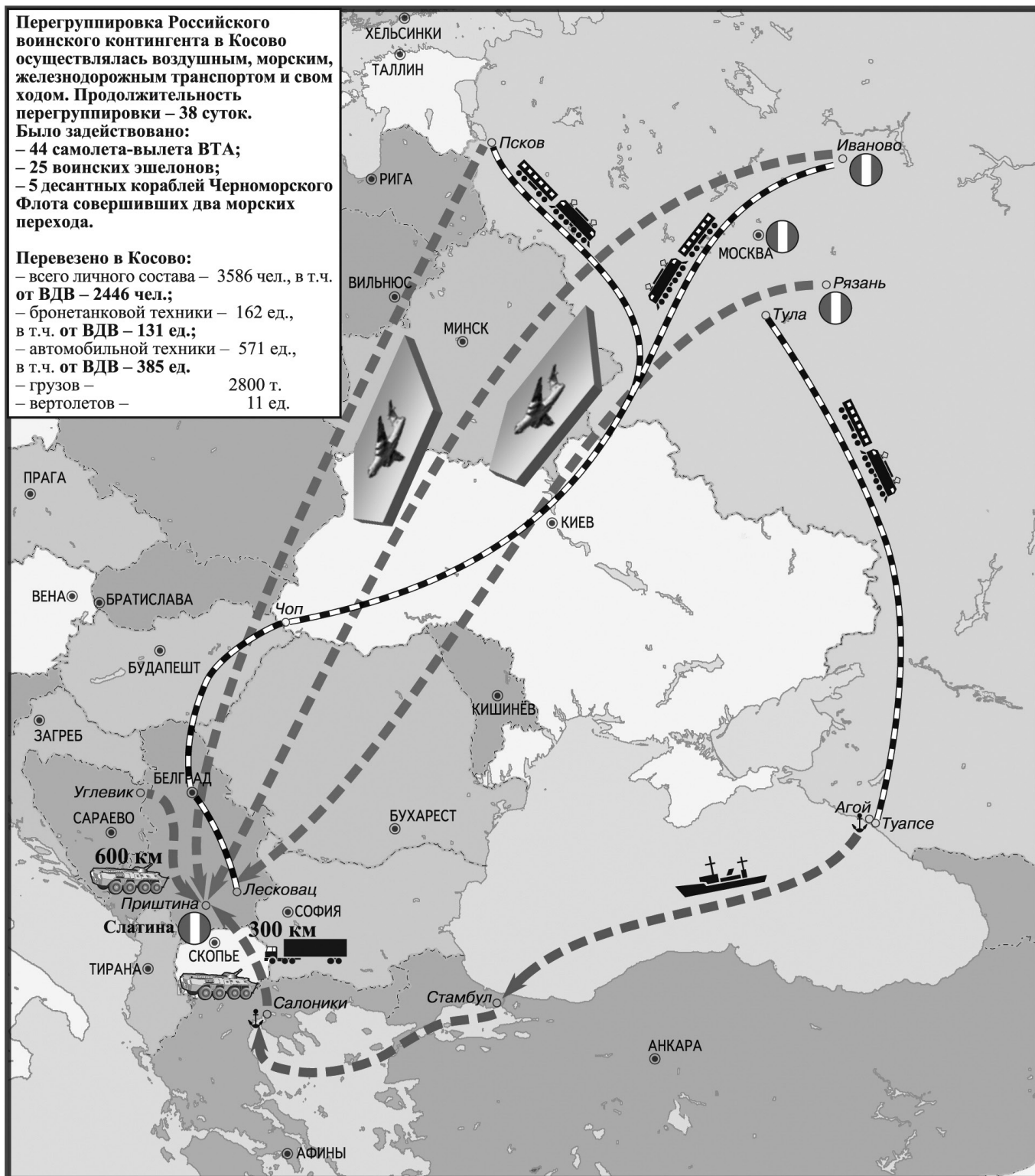

Рис. 1. Ввод Российского воинского контингента в Косово

- Перевезено в Косово:
- всего личного состава – 3586 чел., в т.ч. от ВДВ – 2446 чел.;
 - бронетанковой техники – 162 ед., в т.ч. от ВДВ – 131 ед.;
 - автомобильной техники – 571 ед., в т.ч. от ВДВ – 385 ед.
 - вертолетов – 11 ед.;

- грузов – 2800 т.

В период с 15 по 24 июля 1999 г. перевезена 27-я авиационная группа, которая с 24 июля 1999 г. в составе 2-х вертолетов Ми-8 и 2-х вертолетов Ми-24 приступила к дежурству для решения внезапно возникающих задач, а один Ми-8 для решения задач по эвакуации больных и раненых.

Протяженность перевозки составила: воздушных трасс – 1800–2000 км, железнодорожных маршрутов – 2200–2500 км, морского пути – 1500 км.

Со станции разгрузки ЛЕСКОВАЦ и морского порта СОЛОНИКИ в базовые районы проведены 22 колонны, протяженность маршрутов которых составила 160–360 км. Все марши осуществлены одним суточным переходом.

Организационная структура РВК была составлена с учетом выполнения миротворческих задач, автономности действий подразделений на большом удалении друг от друга и включала: командование РВК, 11-й опдб, 12-й опдб, 13-й опдб, 14-й опдб, 18-й опдб (резерв), разведывательную роту, инженерно-саперную роту, взвод РХБЗ, 27-ю авиационную группу, 24-й узел связи, 425-й центр связи, 16-ю ремонтную роту, 17-ю роту материального обеспечения, 21-й отдельный медицинский отряд СН, 15-ю группу охраны и обслуживания, 112-ю военную прокуратуру. (Рис. 2)

Основные задачи второго этапа, завершение которого планировалось к исходу августа 1999 года, выполнены. Все части и подразделения РВК были размещены в своих базовых районах (лагерях), зонах ответственности, где приступили к выполнению возложенных на них миротворческих задач третьего этапа. (Рис. 3)

Для выполнения миротворческих задач Российскому воинскому контингенту были определены два района базирования и три зоны ответственности в четырёх секторах МНБр.

а) в секторе «Центр» (МНБр Великобритании, община КОСОВО ПОЛЕ, в центральной части сектора).

Всего в секторе: личного состава – около 1000 чел.

В районе базирования № 1 (н.п. ВРЕЛЕ – аэродром ПРИШТИНА) размещались подразделения управления и обеспечения (Управление РВК, 15-я Гр ОиО, 24-й УС, 27-я АГр, разв. рота, истр. рем. рота, часть рмо).

Эти части и подразделения выполняли задачи обеспечения управления, поддержки (в случае необходимости) тактических групп, обеспечивали повседневную деятельность и собственную безопасность Российского воинского контингента.

В районе базирования № 2 (н.п. КОСОВО ПОЛЕ) были развернуты 21-й отдельный медицинский отряд СН, часть рмо, тыловая база снабжения (склады), которые выполняли задачи медицинского и тылового обеспечения Российского воинского контингента.

б) в секторе «Юг» (МНБр Германии, община МАЛИШЕВО, в северной части сектора) были развернуты подразделения 11-й ТГр.

Личного состава – 380 чел, БТТ – 21 ед., АТТ – 83 ед.

Зона ответственности – ЦЕРОВИК, БУБЛЕ, ДУША, ЛАБИЧЕВО, ЗАТРИЦ, МИЛАНОВИЧ, КРВОСАРИА, ДИВЛЯК, БАЛИНЦЕ.

Подразделения размещались в 3-х базовых районах: МАЛИШЕВО, БАНЯ, КИЕВО.

Задачи выполнялись на 3 постах контроля, 3 маршрутах патрулирования.

в) в секторе «Восток» (МНБр США, община КОСОВСКАЯ КАМЕНИЦА, северо-восточная часть сектора) были развернуты подразделения 13-й ТГр.

Личного состава 395 чел; БТТ – 33 ед.; АТТ – 52 ед.

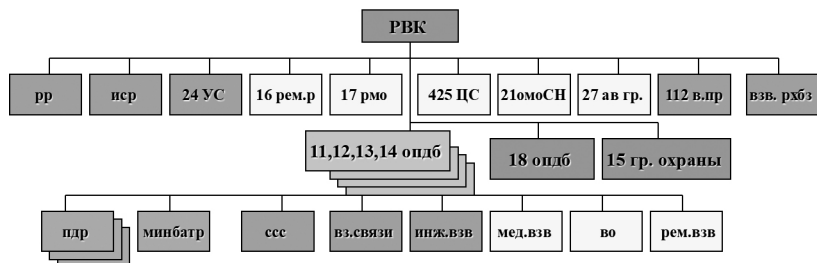

Рис. 2. Состав Российского воинского контингента в Косово

Рис. 3. Схема размещения Российского воинского контингента в Косово

Зона ответственности – ДОБИШЕВЦЫ, КРИЛЬЕВО, БОЛИВЦЕ, ПРИЛЕПИЦА, ДОБРЧАНЕ, дальше по административной границе с СРЮ.

Подразделения размещались в 3 базовых районах. Личный состав группы выполнял задачи на 8 постах контроля, 6 постах наблюдения, 17 маршрутах патрулирования.

г) в секторе «Север» (МНБр Франции, община СРБИЦА, южная часть сектора) размещалась 29-я опдр.

Личного состава 140 чел; БТТ – 10 ед; АТТ – 25 ед.

Зона ответственности – ПОДДАЛИШТЕ, ОЗРИН, ОБИЛИЧ, МУРГА, ЛИКОВАЦ, ПОЛУЖА, (иск.) СРБИЦА.

Подразделение размещалось в базовом районе «Форт БАЯРД» (1,5 км. восточнее МАРИНА). Личный состав группы выполнял задачи на 1 сторожевом посту, 1 посту контроля, 3 маршрутах патрулирования, круглосуточно обеспечивал охрану и жизнедеятельность монастыря «Девич».

Ежедневно российские военнослужащие выполняли миротворческие задачи:

- на 13 постах контроля, 10 постах наблюдения, 14 сторожевых постах;
- осуществляли патрулирование на 23 маршрутах;
- в системе собственной безопасности выставлялось 6 караулов и 10 патрульных групп; ежедневно осуществлялось сопровождение до 5 колонн автотранспорта с продовольствием и горючим;
- в постоянной готовности к немедленным действиям находилось 17 резервных групп.

На следующем этапе для организации плановой подготовки и организованной замены личного состава для участия в миротворческой операции начала проводиться подготовка на вновь сформированном 245-м учебном центре миротворческих сил ВДВ (г. Рязань). В подготовке принимали участие офицеры, имеющие опыт участия в миротворческих операциях, а также активно привлекались для проведения лекций по международному гуманитарному праву представители Московского комитета международного Красного Креста.

Программа подготовки личного состава и подразделений миротворческих сил предусматривала обучение различным способам выполнения миротворческих задач, начиная от наблюдения, несения службы на КПП, патрулирования, закан-

чивая оказанием гуманитарной помощи и другими порой нестандартными действиями. При этом учитывалось то, как развернуты войска (на линии прекращения огня, в буферной зоне или в районе). Основное внимание уделялось правовой подготовке, действиям в экстремальных ситуациях, взаимодействию с военными контингентами других государств. Продолжительность обучения личного состава составила 1,5–2 месяца, офицеров – 2 месяца. В районе выполнения задач проводилась боевая подготовка под руководством командиров частей и подразделений.

За выполнение миротворческих задач 879 военнослужащих Воздушно-десантных войск было награждено государственными наградами Российской Федерации.

Говоря о роли, которую сыграли Воздушно-десантные войска России в новейшей истории России и Российской армии, необходимо отметить, что приштинский марш-бросок навсегда останется примером умелой координации действий штабов ВДВ, ВМФ, ВТА под общим руководством Генерального штаба ВС РФ, а также готовности боевых, технических и тыловых частей и подразделений действовать в сложной обстановке и добиваться успешного результата в самых трудных условиях.

Российская армия показала, что она умеет отстаивать политические интересы страны. Не будет преувеличением сказать, что эта операция стала прологом такой же дерзкой, смелой, решительной операции наших «вежливых людей» весной 2014 года, благодаря которой Крым воссоединился с Родиной.

Главный урок, который мы извлекли из участия в операциях по поддержанию мира, заключается в том, что войска не только должны присутствовать в зоне конфликта, но и действовать при выполнении миротворческих задач решительно и твердо, естественно в рамках Мандата и соблюдая основные принципы миротворчества:

- законность (четкий мандат);
- открытость и гласность;
- беспристрастность и нейтральность;
- ясность намерений;
- стремление избежать применения силы (ограничение применения силы);
- предвидение;
- признание власти местного правительства, уважение и соблюдение законов и обычаев принимающего государства.

Некоторые выводы из комплекса операций в бывшей Югославии могут быть суммированы следующим образом:

В конце прошлого столетия НАТО утратила конкретного врага в лице советского блока. Для сохранения альянса необходимо было срочно найти новые сферы применения для своего военного потенциала. Одним из таких направлений было выбрано миротворчество, что и нашло отражение в стратегических концепциях НАТО 1991 и 1999 годов.

Наметилась определенная «специализация» различных международных организаций в проведении операций в конфликтных регионах. ООН не справляется в современных условиях с организацией силовых операций по установлению мира (принуждению к миру), если конфликт имеет масштаб реальной гражданской войны. Для этого США понадобилась «сработавшаяся» интегрированная военная организация – НАТО.

Привлечение НАТО оценивается в кругах ООН в целом как эффективное и, видимо, будет практиковаться и дальше при наличии консенсуса в рядах самого НАТО.

Вся методология миротворчества в Боснии и

Герцеговине, а также в Косово объективно способствовала расширению, закреплению и утверждению функций НАТО в несвойственной ей системе. В начале 90-х годов НАТО была вынуждена адаптироваться к изменившимся политическим реалиям. В ее установках появились новые элементы, например, взаимодействие с европейскими институтами – ОБСЕ, ЕС.

Балканский кризис стал не только местом апробации новой доктрины США и НАТО, но и фактом закрепления правовой независимости НАТО от ООН и ОБСЕ. Очевидным было стремление изменить подход к участию НАТО в региональных конфликтах – не как инструмент реализации решений СБ ООН и тем более не под его эгидой, а как самостоятельный фактор, подчиняющийся только командованию НАТО.

Также необходимо отметить, что Вооруженные силы России (ВДВ, ВМФ, ВТА) получили большой опыт в планировании, организации и проведении миротворческих операций, который в дальнейшем был использован для разработки нормативных правовых документов, методических пособий и программ боевой подготовки для миротворческих частей и подразделений.

- ¹ Устав Организации Объединенных Наций. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII, – М. : 1956. – С. 14–47.
- ² Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.
- ³ Резолюция Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 г. № 1244.
- ⁴ Доклад Генерального секретаря ООН Бутроса Гали «Повестка дня для мира». - Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1992;
- ⁵ Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира. – Организация Объединенных Наций, 2000. – 145 с.
- ⁶ Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности». Российская газета, № 125. 30.06.1995.
- ⁷ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета, № 298. 30.12.2014.
- ⁸ Бордачев Т.В. Terra incognita, или Европейская политика России // Pro et Contra 2001. Осень. Т. б. Ч. 2.
- ⁹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000 гг.). М. : Русское право, 2001. – 714 с.
- ¹⁰ Кувалдии В.Б. Югославский кризис и внешнеполитическая стратегия России // МЭ и МО. 1999. № 9.
- ¹¹ Никитин А.И. Международные конфликты. Вмешательство, миротворчество, урегулирование. Учебник. М. : Аспект Пресс, 2017. – С. 384.
- ¹² Морозов Ю.В. Балканы в стратегии России. – М., 2000.
- ¹³ Романенко С, Смирнова Н. Балканы и политика России: история и современность // МЭ и МО. 1994. № 5.
- ¹⁴ Улуян А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // Pro et Contra. 2001. Осень. Т.б. Ч. 2.
- ¹⁵ Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах: военно-исторический труд. – М. : Воениздат, 2009. – 764 с.
- ¹⁶ Попов А.В. Об опыте применения Воздушно-десантных войск в миротворческих операциях / Лекция заместителя командующего Воздушно-десантных войск. – М. : Штаб ВДВ. 2000. – 45 с.

*Владимир Валентинович Попов,
Россия, Москва, Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор*

Военно-боевое содружество народов России, Кавказа и Закавказья в XIX в.

Одним из важнейших факторов сближения народов России и присоединенных к ней регионов Кавказа и Средней Азии стало возникновение и укрепление военно-политического содружества. Оно имело глубокие исторические корни, но особенно интенсивно стало развиваться в XIX веке. Причины этого заключались в возникновении соответствующих исторических условий. Во-первых, население некоторых территорий, например, отдельных районов Закавказья периодически становилось частью театров военных действий между Россией и ее давними соперниками — Персией и Османской портой. Народы, отдавая предпочтение российской армии, пополняли ее ряды, становились ополченцами, оказывали помощь фуражом и продовольствием.

Историки, изучавшие историю Кавказа и Закавказья в XVIII-XIX веках — Н. Дубровин, П. Бутков, В. Потто, С. Щербатов и др., обращали внимание на деятельность прогрессивно настроенных представителей местной аристократии по укреплению военно-политического содружества

россиян и закавказцев, офицеров и генералов, находившихся на русской службе (П.Д. Цицианов, В.Р. Мадатов и другие), руководителей народного ополчения в совместной борьбе против Османской империи и Персии (Г. Манучарян, А.В. Орбелиани и др.)¹.

Однако, многие представители дворян и духовенства часто пытались найти компромиссы в отношениях и с персами, и с русскими, сохранить свой социальный статус, имущество и вассалов. Активно велась борьба за власть среди духовенства в Эчмиадзинском католикосате. Кандидаты в католикосы неоднократно устраивали распри, требуя помощи как от русской администрации, так и от персов и турок. Более того, католикосат, игнорируя волю народа в борьбе за освобождение Эриванской области, преследовал армянских деятелей освободительного движения (например, Иосифа Амина). Некоторые же предводители национально-освободительных и мюридистских движений на Северном Кавказе умело играли на социальных противоречиях между местной верхушкой и простыми людьми,

«черню», для достижения собственных целей. В частности, успехи движения под руководством Шамиля, ставшего своеобразным «становым хребтом» многолетней Кавказской войны, в немалой степени были связаны с тем, что одной из его целей было лишение местной знати привилегий и освобождение крестьян от рабства.

И все же присоединение к России, ближайшему северному соседу, для большинства народов южных регионов было не только меньшим злом, но и спасением от порабощения восточными империями, менее развитыми, несущими рабство и нищету. Это и послужило сближению, закавказских ополченцев с русской армией, зарождению традиций боевого сотрудничества.

После присоединения Грузии к России в 1801 г. для армянского народа создались также вполне реальные возможности с помощью русских развернуть активную борьбу за освобождение Армении от турецко-персидского ига. Россия в свою очередь стремилась извлечь максимальные выгоды из присоединения Грузии. Создались благоприятные условия для постепенного присоединения к России всего Закавказья. Осуществить это должен был новый главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и правитель генерал П.Д. Цицианов².

Все лето 1803 г. русские войска провели в длительных приготовлениях к походу в Гянджинское ханство. 20 ноября в местечке Соганлуг, недалеко от Тифлиса, состоялся сбор русского войска, в том числе отдельного армянского полка, предназначенного для похода. После того, как правитель Гянджи Джавад-хан отверг предложение принять русское подданство, П. Цицианов приступил к военным действиям. В начале января 1804 г. русские овладели Гянджой. Местное население радушно встретило русские войска.

Успешно завершив кампанию 1803-1804 гг., русское командование сосредоточило все свое внимание на присоединении к России Эриванского ханства. Генерал П. Цицианов использовал как повод для Эриванского похода необходимость разрешения спора, возникшего между претендентами на освободившийся патриарший престол Эчмиадзина³. (Имеется ввиду эчмиадзинский каталикосат-духовный престол христиан Армении).

Зная о том, что армяне симпатизируют русским, персидские правители начали переселять

их с территории ханства вглубь Персии и к границам Карского пашалыка (провинция или область в Османской империи, находившаяся под властью паши – Прим. авт.), чтобы тем самым предотвратить возможную помощь со стороны армянского населения Араратской долины русской армии⁴.

Многие ополченские дружины, стихийно создавшиеся в период первой русско-персидской войны в разных районах Армении, действовали в тылу у персов. Защищая свои села, они нередко вступали в бой с регулярными персидскими частями, освобождали из плена своих соотечественников, истребляли персидских чиновников.

В частности, значительную помощь русским войскам оказали армяне шурагельской (Ширакской) области. Русский историк П.Ковалевский писал, что когда генерал И.Тучков вступил в Шурагел, к нему присоединилась сотня конных армян и что «нужно отдать справедливость — армяне всюду были верными нашими союзниками, разведчиками и помощниками»⁵.

Необходимо отметить, что во время первой русско-персидской войны успеху русских войск в значительной мере содействовала та военная и материальная помощь, оказанная им закавказскими народами. Когда в 1804 г. начался поход русских войск на Эривань, армяне по собственной инициативе стали организовывать ополченские отряды, которые сражались вместе с русскими.

В этом походе отличились в боях конная армянская ополченская сотня. 24 ноября 1804 г. майор М. Хаджаев из Памбакского Караклиса (Кировакан) сообщил генералу Н. Вольховскому, что местные вооруженные армяне принимали активное участие в укреплении и обороне Караклиссской крепости⁶.

В Эриванском походе русских войск в 1808 г. участвовал конный армянский ополченский отряд из 500 человек, руководимый Григором Манучаряном. Конные волонтеры отряда проявили в этом походе исключительную отвагу. Этот же отряд мужественно сражался и во время второй русско-персидской войны в 1826 г., действуя в районах Шамшадина и Казаха против персидских войск⁷. Ему помогало не только армянское, но и азербайджанское население Казаха и Шамшадина.

В 1811 и 1812 гг. в районе Мегри и Зангезура местные армянские и азербайджанские воору-

женные ополченцы участвовали в боевых действиях 17-го егерского полка. Вместе с русскими солдатами они героически защищали зангезурские села от бандитских нападений персов⁸.

Во время как первой, так и второй русско-персидских войн россиянам оказывалась активная материальная помощь местными жителями. Например, во время осады Шуши собравшиеся в крепости крестьяне отдали весь свой скот и все имевшиеся у них запасы хлеба на нужды гарнизона. По словам очевидцев, «без этого гарнизону никогда не выдержать бы шестинедельной осады»⁹.

В 1826 г. азербайджанские ополченческие отряды сражались в Азербайджане в войсках генералов В.Р. Мадатова и И.Ф. Паскевича. В организации азербайджанского ополчения и сотрудничества с русской армией большую роль сыграл азербайджанский историк и просветитель А. Бакиханов.

Вторая русско-персидская война сплотила жителей Закавказья — грузин, армян, азербайджанцев — в борьбе против жестокого агрессора, сблизила их с Россией перед лицом опасности. В боях с персидскими войсками закладывались основы военного сотрудничества с повстанческими отрядами представителей закавказских народов¹⁰.

В 1826-1828 гг., во время войны с Персией, на русской службе состояли иррегулярные части милиции: Бакинская, Грузинская, Грузино-Армянская, Джаро-Лезгинская, Карабахская, Татарская, Ширванская, 1-я Армянская конная сотня и Армянская пешая дружина, из 22 селений, участвовавших в защите крепости¹¹. Русские в это время располагали в Закавказье всего 35 тыс. солдат, большей частью занятых пограничной службой на пространстве от берегов Каспийского моря до самого Причерноморья и на берегах реки Арпачая (Ахуряна). Сначала русские войска, не ожидавшие нападения, под давлением превосходящих сил персов вынуждены были отступить. Руководивший ими наследник персидского шаха Аббас-Мирза занял Ленкорань, Сальяны, Ширван, Гянджу¹².

После нового персидского вторжения в июне 1826 г. вновь начался геноцид против армянского и азербайджанского населения, обезлюдил десятки деревень, гибли и угонялись в неволю тысячи жителей.

Как развивалось это сотрудничество между армянскими, азербайджанскими и русскими войсками непосредственно в бою, ярко показывает следующий эпизод, связанный с легендарной осадой крепости Шуша. Войска Аббас-Мирзы, осадившие Шушинскую крепость в конце июля 1826 г., встретились с героическим сопротивлением защитников.

Согласно записи в журнале военных действий русского корпуса в распоряжении начальника гарнизона Шушинской крепости полковника С.Реута было четыре полевых орудия, одно малое крепостное и две 38-фунтовые старинные пушки. Гарнизон насчитывал около 1 300 солдат. На помощь ее защитникам пришло до 1 500 ополченцев — армян и азербайджанцев, жителей Карабаха. Специально для них было отправлено в Шушу 25 пудов пороха и 25 пудов свинца. Около 50 дней русские солдаты и местные ополченцы героически защищали Шушу и, несмотря на крупное численное превосходство врага, не дали ему овладеть ключевой крепостью Закавказья¹³.

Начальник гарнизона полковник Реут писал: «Относительно армян, защищавших крепость, долгом себе поставляю объяснить, что служба их достойна внимания, ибо все они действовали с отличною храбростью, выдерживали многократные приступы, отражали неприятеля с возможным уроном, презирали недостаток продовольствия и никогда не помышляли о сдаче крепости, хотя бы наступил совершенный голод»¹⁴.

Стойкая оборона крепости Шуши оказала большое влияние на весь ход русско-персидской войны. Задержка на семь недель персидской армии дала возможность командованию Кавказского корпуса сосредоточить свои силы и перейти в контрнаступление.

В конце 1826-начале 1827 гг. группа русских войск, в составе которой были отряды ширванской и карабахской конницы, под командованием генерала В.Мадатова, переправилась через Аракс и совершила поход на территорию Южного Азербайджана. Население ряда городов и областей радушно приветствовало русские войска. К В. Мадатову явились управляющий Мешкинским округом, делегаты от шегагинских племен, представители от населения Карадагского ханства, которые просили принять их земли под покровительство России¹⁵. Жители Карадага ока-

зывали русским войскам возможную помощь, «...жгли персидские магазины с провиантом и истребляли фураж, чтобы не дать возможности персианам возвратиться сюда на зиму»¹⁶.

Один из участников русско-персидской войны 1826-1828 гг. в своих воспоминаниях писал, что города Азербайджана и соседних провинций сдавались немедленно или присылали депутацию с изъявлением покорности и уверенности, что русские уже не возвратят их под иго ненавистных каджаров¹⁷.

После присоединения Азербайджана к России, благодаря успешной защите закавказских границ русскими войсками и действовавшими плечом к плечу с ними военными частями азербайджанского, грузинского, армянского и других народов Кавказа, во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг., Крымской войны, вплоть до нашествия на Азербайджан турецко-германских и англо-американских интервентов в 1918 г., т.е. в течение 90 лет на территорию Азербайджана не ступала нога солдата вражеской армии.

Во время активных наступательных действий русских войск значительный размах приняло ополченческое движение среди местного населения. Генерал И. Паскевич в своем журнале отмечал, что с 3 по 10 февраля 1827 г. в составе войск генерала Мадатова (армянина по национальности) уже тогда насчитывалось около 4 тыс. ополченцев-армян и азербайджанцев.

В 1828-1829 гг., в период русско-турецкой войны, в составе отдельного Кавказского корпуса воевали иррегулярные части (милиции) — Армянская, Гурийская, конные полки — Албанский, Татарский, Эриванский, а так же Эриванский сарбазский батальон и 3 конно-мусульманских полка¹⁸.

Используя опыт совместной борьбы, накопленный в период первой русскоперсидской войны, народы Закавказья оказывали русской армии активное военное, экономическое и моральное содействие и во время войны 1826-1828 гг. Летом 1826 г. сотни армянских крестьян-ополченцев обороняли село Малый Караклис от войск Гасан-хана. «Селение, — писал известный русский историк-кавказовед В. Потто, — защищалось несколько часов, даже женщины принимали участие в обороне»¹⁹.

В то же время в Шираке вооруженные ополченцы совместно с русским пограничным от-

рядом защищали село Харум и отстояли его от персидских войск. Тем же летом обороняли свои села и вооруженные ополченские отряды крестьян Шамшадина и Казаха²⁰.

Конный отряд из 500 закавказских добровольцев под начальством Г.Маучаряна успешно действовал в Казахе и Шамшадине²¹.

Немалую роль играло местное население Закавказья в обеспечении русских войск продовольствием, фуражом и т. д. В ноябре 1827 г. один из военных интендантов русской армии оценил так положение дел со снабжением: «Российская армия имеет средства к продовольствию. Жители, особенно армяне, в ханствах и сопредельных местах доставляют все нужное, сколько возможность позволяет»²².

Новый Эриванский поход русской армии в апреле 1827 г. вселил надежду в сердце армянского народа. Армяне были уверены, что на этот раз Эривань удастся освободить, и тяжкому игу Персии будет навсегда положен конец. С энтузиазмом встречало население русское войско: повсюду создавались добровольческие отряды из армян, грузин, азербайджанцев, вливавшихся в русскую армию²³.

Вести о движении Кавказского корпуса на Эривань вызвали смятение и панику в Персии. Армяне, проживавшие в то время на персидских территориях, отмечали, что «подозреваемых людей и сопричастных в сообществе с русскими велено не щадить...».

Жители предвидели, что, «когда начнутся военные действия, тогда преследования будут ужаснее, ибо персияне к сему пообвыкли, яко к ремеслу своему. По многим примерам прежних времен персияне знают и удостоверены, что без содействия и без пособия армянского народа, обитающего в сих странах, россияне успеть много не могут, а потому и предполагают употребить против одного разные средства насильства»²⁴.

Вместе с армянским народом за освобождение Закавказья активно сражались грузины и азербайджанцы. Из воспоминаний князя А.В. Орбелиани: «В одно воскресенье (или за одну неделю) собралось более шести тысяч хорошо вооруженной конницы со снабжением, а по деревням организовалась пехота в полном вооружении; все говорили: «Если нужно будет, все поголовно выступим, но персов не пустим в Грузию». Такой энтузиазм охватил населе-

ние, что братья спорили между собой, кому оставаться дома, а кому идти на войну, всякий рвался в бой»²⁵.

Грузинские ополченцы принимали активное участие в боях за освобождение Восточной Армении от персидского ига. Осенью 1826 г. они совместно с армянскими ополченцами сражались в Памбаке и в Апаране в составе отряда генерала Дениса Давыдова против Гасан-хана.

Летом 1827 г. конный отряд грузинских ополченцев принимал участие в боях за освобождение Сардарабада и Эривани. Многие грузинские воины, воевавшие в рядах Кавказского корпуса, показывали в боях образцы бесстрашия. Анализ архивных документов показал, что их действия отличались «примерною неустрашимостью, противоборствованием против неприятеля с мужеством»²⁶.

Большую помощь русской армии оказывали азербайджанские отряды. За мужество и героизм во время первой русско-персидской войны генерал А.П. Тормасов представил к награждению многих азербайджанцев, отличившихся в боях. Среди них были Маси-бек, Самад-бек, Али-Кули-бек, Мустафа-ага и другие²⁷.

Русское командование охотно принимало на службу жителей Закавказья, поскольку не всегда в состоянии было собственными силами отразить натиск внешнего агрессора. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 г. Турция имела для наступательных действий на Кавказском фронте армию численностью до 40 тыс.чел., а Россия из имевшихся у нее 49 тыс. войска могла бросить против Турции не более 14 тыс. Остальные силы были заняты обороной в различных районах Кавказа и несением пограничной службы. Получив большой опыт в использовании местного населения Закавказья на военной службе, русское командование широко использовало этот опыт во время второй русско-турецкой войны (1828-1829гг.)²⁸.

Ненависть к агрессорам с Востока, разговаривавшим, как правило, с жителями Закавказья языком геноцида, служила мотивом для пополнения русских войск за счет дезертиров из числа насильно мобилизованных персами жителей. Так, характеризуя состав первой армянской дружины, генерал Н.Муравьев писал: «Первая сия дружина, присоединившись к нам, ...усиливалась понемногу выбегавшими

из персидских батальонов сарбазами из армян и жителями Эриванского ханства; все принимали присягу на верность службы и совершали с нами все походы»²⁹.

По мере развития военных действий число перебежчиков из числа солдат закавказских национальностей в русскую армию росло. Так, с 8 по 11 мая 1827 г. бежали из Эриванской крепости и перешли на сторону русских 150 армян³⁰.

Неоднократными были случаи, когда закавказцы, насильно завербованные персами, в разгар боевых действий оборачивали оружие против них. Так, в разгар одного из важнейших сражений под Ошаканом в августе 1827 г. один из персидских пушкарей — армянский крестьянин Акоп Арутюнян обратил огонь своего орудия против персов, чем оказал большую помощь отряду генерала Н. Красовского, спешившему на помощь гарнизону, осажденному в Эчмиадзине. За этот поступок он был схвачен и зверски казнен персами. Много жителей Закавказья обслуживали русскую армию в качестве военных переводчиков, разведчиков, связистов, проводников. Среди них жители Армении О.Асланян, награжденный за мужество золотой медалью и пожизненной пенсией от русского правительства, Г.Калантарян, А. Манукян, М. Костандян, А. Есяян и другие³¹.

Поскольку русские войска не могли обеспечивать охрану внешней границы Закавказья, они вынуждены были прибегать к помощи добровольцев из числа местных жителей. В марте 1828 г. генерал И. Паскевич распорядился для несения пограничной службы организовать новые ополченческие батальоны, рассчитывая собрать 1 тыс. пехотинцев и 1,5 тыс. конницы из азербайджанцев и около 600 человек пехоты из армян³². Всего в составе Кавказского корпуса против турок до конца войны сражались 2 800 ополченцев-армян из Араратской долины.

Активную помощь в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. оказали русским войскам грузинские и азербайджанские добровольцы. Командование неоднократно отмечало стремление азербайджанского населения вступить в ополченские ряды для содействия русской армии. В одном документе говорится: «Мухамеддане всех областей, нам принадлежавших, просили убедительно позволения к предстоящей кампании составить ополчение, гораздо значи-

тельнейшее, чтобы разделять подвиги храбрых войск наших»³³.

В письме графу А.И.Чернышеву И.Ф. Паскевич писал 6 апреля 1829 г., что «в продолжении кампании 1828 г. против турок конное ополчение мусульманских наших провинций, невзирая на малочисленность оно, служило весьма усердно»³⁴.

Несмотря на многолетнюю Кавказскую войну, множество взаимных жертв и обид, нанесенных горскому населению Северного Кавказа, военное сотрудничество между Россией и представителями кавказских народов развивалось весьма интенсивно. Этому способствовала умелая и гибкая политика царских сановников по отношению к многочисленной местной аристократии, а также постоянная опасность, исходящая со стороны Турции, воинственных соседних племен, а также беспокойной жизнью местных дворян, сотрясаемой постоянно народными волнениями.

Одним из важнейших направлений сплочения местной аристократии вокруг самодержавной администрации было формирование пророссийски ориентированной военной элиты.

Для привлечения феодалов на свою сторону Александр I образовал из горских, в том числе и кабардинских феодалов лейб-конвой — 100 вооруженных всадников, которые должны были сменяться через каждые три-пять лет. Конвой Его Величества начал формироваться 1 мая 1828 г. Первым воинским подразделением, вошедшим в его состав, стал взвод кавказских горцев. 30 апреля 1830 г. взвод получил название

Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Его Величества Конвоя. От 20 до 30 «почетных мусульман Кавказского края» направлялись ежегодно в царский конвой, что было знаком особого доверия и расположения самодержца³⁵.

Представители северокавказских народов участвовали во всех сражениях русско-турецкой войны как на Балканском, так и на Кавказском театре войны. Согласно решению высшего командования в действующую Дунайскую армию были определены Кубанский и Терский эскадроны, Владикавказский и Кубанский казачьи полки и Терско-Горский иррегулярный полк. Начальник штаба Кавказской казачьей дивизии (куда входил и Терско-Горский полк) П.Д. Паренсов писал: «Совершенно в них влюбился. Это была настоящая кавалерия, центавры» (кентавры-Прим. авт.).

Осмотрев Терско-Горский иррегулярный полк, начальник полевого штаба действующей армии генерал-адъютант А.А. Непокойчицкий доносил императору: «Терско-гребенский полк, прибывший с Кавказа... Славный полк, так и дышит Кавказом»³⁶.

В целом, военно-политическое сотрудничество между российской армией и народами Кавказа и Закавказья, было одним из важнейших средств обороны южных рубежей. Кроме того, оно вело к созданию военной элиты из высших кругов местного населения, представители которой, будучи преданными царю и Отечеству, уверенно проводили государственную национальную политику на российских приграничных рубежах крайнего Юга.

- ¹ Бутков П. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1823 гг.*-СПб.,1869.-Ч.2.-С.365-366.; Дубровин Н. *История войн и владычества русских на Кавказе.*-СПб.,1886.-Т.IV.-С.274-275.; Ерицян А. *Католикосат всех армян и кавказские армии в XIX веке.*-Тифлис,1894.-Ч.II.; Потто В. *Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества.*-Тифлис,1902.-С.24,25,27.
- ² Цицианов был назначен главнокомандующим кавказскими войсками 11 сентября 1802 г. и прибыл в Тифлис 1 февраля 1803 г. (См.: Потто В. *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях.*-СПб.,1887.-Т.I.-С.317).
- ³ См.: Дубровин Н. *История войн и владычества русских на Кавказе.*-СПб.,1886.-Т.IV.-С.274-275; Ерицян А. *Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX веке.*ч.1,-Тифлис,1894.-Ч.1.
- ⁶ РГВИА, ф. ВУА, д.894, л.39-39 об.
- ⁷ Ковалевский П.И. *Завоевание Кавказа Россией.* – СПб., 1905., -С.98.
- ⁸ РГВИА, ф.ВУА, д.4258(В),л.374-375;д.4259,т.II,лл.100-102,183-185 об.
- ⁹ Потто В. *Первые добровольцы Карабага...* – С.64.

- ¹⁰ РГВИА, ф.ВУА, д.4338, л.39-40, 51; д.4291, л.9-10, 60-64; д.894, л.39
- ¹¹ Галушко Ю. Конные войска России.-М.:1993.-С.19.
- ¹² РГВИА, ф.ВУА, д.4291, л.61 об.
- ¹³ Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении...-С.125.
- ¹⁴ См.: Потто В. Первые добровольцы Карабага...-С.62.
- ¹⁵ Мирза Адигезал-бек. Указ. соч. -С.122-123.
- ¹⁶ АКАК: т.VII, док.508, л.543.
- ¹⁷ Кавказский сборник. -1864. -Т.1. -С.35.
- ¹⁸ РГВИА: ф.ВУА, д.4312, л.27.
- ¹⁹ Потто В. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. – Тифлис, 1902. -С.24. -25,27. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах. СПб, 1889 -Т.3. -С.38. Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис,1901.- Т.1.- С.232.
- ²⁰ Галушко Ю. Казачьи войска России.-М.: 1993.-С.19.
- ²¹ РГВИА, ф.ВУА, д.4338, л.39-40.
- ²² РГВИА, ф.ВУА, д.4338, л.41.
- ²³ Там же, ф.ВУА, д.4326, л.156-159.
- ²⁴ РГВИА:ф.ВУА, д.4336, л.1,7,9-11; д.4312, л.16, 113.
- ²⁵ РГВИА:ф.ВУА, д.894, л.6-8 и об.; д.4297, л.1-21.
- ²⁶ РГВИА:д.4338, л.37-38.
- ²⁶ РГВИА:ф.ВУА, д.894, л.8.
- ²⁷ РГВИА: д.4258-В, л.348.
- ²⁸ РГВИА, д.4338,лл.37-38.
- ²⁹ Эзов Г. Сношения Петра Великого с армянским народом.- С.326.
- ³⁰ РГВИА, ф.ВУА, д.4338, л.37.
- ³¹ РГВИА, ф.ВУА, д.4644, л.267-269 и об.; д.1019, л.3.
- ³² Акты, собранные Кавказской археографическою комиссией... Т. VII -С. 326.
- ³³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). -М.: Наука, 1988. -С. 290.
- ³⁴ Там же
- ³⁵ Там же
- ³⁶ Там же

*Елена Александровна Поправко,
Россия, Санкт-Петербург, Военная академия материально-
технического обеспечения им. генерала армии
А. В. Хрулёва, доктор исторических наук,
профессор кафедры 11*

Комплектование коллекции электронных документов для виртуального музея А.В. Хрулёва

В 2017 г. Военная академия материально-технического обеспечения отметила 125-летие выдающегося военачальника, чье имя она носит – Андрея Васильевича Хрулёва¹. При подготовке конференции возникла идея формирования коллекции электронных материалов, освещающих все этапы жизни и деятельности А. В. Хрулёва.

Актуальность создания данной коллекции определяется рядом факторов:

1) разрозненностью материалов об А. В. Хрулёве по различным архивным собраниям, а также слабой степенью введения данных материалов в оборот;

2) наличием зала А. В. Хрулёва в рамках Музея ВА МТО и необходимостью как пополнения его коллекции, так и потребности при проведении экскурсии сформировать целостное представление о личности того, чье имя носит академия;

3) возможностями использования такой коллекции при проведении научных исследований различными категориями обучающихся (курсантами, слушателями).

В 2018 г. кафедрой 11 был инициирован НИР «Биограф–18–МТО». Данная статья представляет промежуточные результаты этого исследования².

Цель НИР – комплектование коллекции электронных документов, отражающих жизненный путь Андрея Васильевича Хрулёва, его становление как военачальника, создание на основе коллекции виртуального музея для Музея ВА МТО.

Хронологические рамки исследования – от рождения (1892 г.) до смерти (1962 г.).

Наукометрические показатели НИР «Биограф–18–МТО»:

- 1) отобраны материалы из 5 архивов:
 - Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб),
 - Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб),
 - Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб),
 - Архив Управления ФСБ по Мурманской области (далее АУФСБ по МО),

– архив В. А. Хрулёвой и А. Э. Хрулёва.

2) Выявлены материалы в 12 фондах;

3) Выявлены документы из 164 дел;

4) Отобрано 1697 листов (с оборотами) документов

Все отобранные документы делятся на следующие группы:

1) документы составленные А. В. Хрулёвым и с его личной подписью;

2) документы, составленные иными лицами, но с визами А. В. Хрулёва как должностного лица;

3) документы об А. В. Хрулёве;

4) документы о членах семьи А. В. Хрулёва, в том числе составленные лично (брат М. В. Хрулёв), или иными лицами в процессе делопроизводства.

Некоторые из этих материалов нам хотелось бы осветить в настоящей статье.

Любая жизнь начинается с рождения. Хрестоматийные дата и место рождения – 30 сентября 1892 г. «в деревне Большая Александровка, Редькинской волости, Ямбургского уезда, Петербургской губернии»³.

Метрические книги Петербургской губернии хранятся в ЦГИА СПб. В метрической книге с. Редкино Ямбургского уезда за 1892 г.⁴ есть запись о рождении № 74 сделанная в октябре месяце (родился 22 сентября ст. с.⁵, крещен 1 октября 1892 г. ст. с.): «Андрей. Деревни Большая Александровка крестьянин Василий Васильев и законная жена его Мария Иоаннова, обоих православного исповедания, первобрачных. Молитвовал и крестил: священник Петр Протопопов. Псаломщик Михаил Дремяцкий». Крестными родителями в книге значатся «Ястребинской волости, деревни Выползова крестьянин Александр Никитин Мячиков и Редькинской волости деревни Пустошки крестьянина Иллариона Спиридонова жена Евдокия Никифорова». Фамилия Хрулёв не упоминается, что впрочем было обычной практикой (видно даже из данной записи – родные отец и мать младенца, а также крестная мать и ее супруг имеют разные «фамилии»).

Что же позволяет предполагать, что перед нами запись о рождении именно Андрея Васильевича Хрулёва? Во-первых, анализ метрической книги за 1892 г. Она не содержит иных записей⁶ о «подходящих» рождениях. Кроме того, можно получить косвенные подтверждения через данные о составе семьи и по материалам

ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб, АУФСБ по МО.

В биографиях А. В. Хрулёва отмечается наличие большой семьи («двенадцать душ»)⁷. В записях метрических книг из фондов ЦГИА СПб нами установлены две записи о крещении младенцев, родившихся от тех же родителей:

– Михаила (1887 г., род. 26 октября, крещен 1 ноября);

– Симеона (1891 г., род. 25 января, крещен 2 февраля).

Кстати, и восприемники у младенцев те же⁸. Это записи о рождении старших братьев А. В. Хрулёва. Судьба одного из них дает нам основания предположить, кроме прочих, и личные мотивы «нелюбви» Андрея Васильевича к органам НКВД и лицам, возглавлявшим эти органы в период «Большого террора».

Среди документов, хранящихся в фонде Р-511 ЦГА СПб «Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Пороховского района Петрограда, 1917–1922», нами выявлены документы, в которых упоминается Михаил Васильевич Хрулёв.

Он был членом Исполкома Пороховского района, возглавлял Финансовый отдел. Т.е. в иерархии молодой советской государственности занимал довольно значительный пост⁹. В «Книге памяти Мурманской области» есть данные: «Хрулев Михаил Васильевич (1887 Ленинградская обл., Кингисеппский р-н, д. Александровка – 1937) русский, Мурманский окрисполком, заместитель председателя, житель: г. Мурманск, пр. Сталина, д. 42, кв. 37. Арест: 1937. 10. 17 Осужд. 1939. 09. 29 Особое совещание при НКВД СССР. Обв. ст. 58-7-11 УК. Приговор: 5 лет ИТЛ. Реаб. 1955. 10. 10 Мурманским областным судом., основание: реабилитирован»¹⁰.

Это заставило нас обратиться в Архив УФСБ по Мурманской области с целью выявления следственного дела М. В. Хрулёва и уточнения гипотезы о родственной связи с А. В. Хрулёвым.

Полученные материалы подтвердили: в 1937 г. старший брат Андрея Васильевича был репрессирован и после двух лет следствия осужден по ст. 58 пп. 7 и 11 («подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путём соответствующего использования государственных учреждений и предприятий,

или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций» и «всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений»¹¹.

Фонд Р-511 дал нам уникальный документ – в нем не только подписи братьев Хрулёвых – Андрея и Михаила – стоят на одном листе, но из проанализированных нами более чем 1 500 листов фондов Р-73, Р-511 и Р-5427, это единственный случай, когда А. В. Хрулёв поставил подпись в качестве Товарища Председателя на Смете расходов Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Пороховского района Петрограда, датированной 11 августа 1919 г.¹²

Наиболее информативен в освещении раннего этапа биографии А. В. Хрулёва фонд Р-73 «Центральная и районные комендатуры Революционной охраны Петрограда, 1917–1919 гг.». Его материалы позволяют нам уточнить ряд биографических сведений. Но сначала немного о том, что такое Революционная охрана Петрограда как орган власти.

После ликвидации милиции, созданной Временным правительством, 19 ноября 1917 г. Постановлением Военно-революционного Комитета Петрограда создается Комиссия по организации охраны города¹³. 2 декабря 1917 г. из ее состава выделили Комитет охраны¹⁴. Впоследствии орган не раз поменял название: до 27 марта 1917 г. он назывался Комитетом охраны Петрограда, с 28 марта по 21 мая 1918 г. – Комитетом революционной охраны Петрограда; с до 31 июля 1918 г. – Центральной Комендатурой революционной охраны. Орган подчинялся Народному комиссариату по внутренним делам Петроградской трудовой коммуны, затем – Отделу наружной охраны Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области¹⁵. Приказом № 3 от 5 мая 1919 г. Отдел Управления Петросовета переименовал (с 1 мая) Центральную Комендатуру в Управление Петроградской рабоче-крестьянской милиции, районные комендатуры – в районные управления, а подрайонные комендатуры – в участки рабоче-крестьянской милиции¹⁶.

Центральному Комитету революционной охраны подчинялись районные и подрайонные комитеты, сформированные в феврале – марте 1918 г. после ликвидации районных и подрайонных комиссариатов старой милиции. Как центральный, так и районные, и подрайонные органы выполняли многообразные задачи: наблюдение за порядком; защита граждан от насилия и самоуправства различных властей; борьба с преступностью; контроль за проведением в жизнь политики СНК РСФСР и Петроградского Совета определение мест расстановки постов, распределение надзоров охраны, транспортных средств и оружия, составление протоколов о происшествиях и подача ежедневных сводок; предварительное дознание, задержание, арест и передача дел в суд, контроль за исполнением части судебных приговоров (о штрафах, исправительных работах и т.п.) и т.д.¹⁷

Пороховская районная комендатура была небольшой и имела в подчинении 1-й подрайонную комендатуру – в Ржевском подрайоне (из 53 подрайонных комендатур на 14 районных). Типовая структура районной комендатуры предполагала должности коменданта с 2–3 помощниками, и 3 отдела: административно-хозяйственный, местной охраны и следственный¹⁸.

Дата вступления А. В. Хрулёва в Революционную Охрану 8 июня 1918 г., а основанием для поступления значится рекомендация партии коммунистов¹⁹. В материалах фонда Р-73 нами выявлено личное дело Андрея Васильевича Хрулёва – Коменданта Революционной охраны Пороховского района²⁰. Именно на этом деле есть дата 30 сентября – дата выдачи удостоверения Коменданта Революционной охраны на Пороховых.

В деле есть выписка из домового книги, в которой есть графа «откуда дан вид и на какой срок». В ней сделана запись: «Губ. Исп. Ком. Могилева 29 Янв. 18 г. № 286», косвенно подтверждающая факт поездки А. В. Хрулёва в Могилевскую губернию для создания Советов по заданию Петроградского комитета РСДРП (б), но не в марте 1918 г.²¹, а самое позднее в январе²². Получается, что в Могилев А. В. Хрулёв должен был прибыть в разгар ключевых для молодой Советской власти событий: разгон Учредительного собрания, ультиматум анархистам. При этом членом партии он стал только в марте 1918 г.

Во всех биографиях, со слов самого А. В. Хрулёва, говорится о пролетарском этапе его биографии – слесарь на Охтенском пороховом заводе. Но в различных списках, представлявшихся в Центральную комендатуру и Военный комиссариат, составлявшихся Пороховской районной вербовочной комиссией нас ожидает «биографический сюрприз»: данные о предыдущей службе – «счетовод», «конторщик» Охтенского завода пороховых веществ²³. «Исправление» биографии на «пролетарскую» вполне объяснимо – должность белого воротничка в революционной биографии не самый лучший эпизод. Зато подлинные документы куда лучше объяснят, откуда взялись навыки будущего Начальника Тыла Красной Армии – в своей первооснове они были сформированы на казенном заводе, находившемся в ведении Главного Артиллерийского управления и отличавшегося строгостью и жесткостью правил ведения хозяйственной деятельности и соответствующей документацией.

Уже в этот период можно отметить те черты, которые впоследствии станут составляющими «фирменного стиля» А. В. Хрулёва.

Одна из таких черт: смелость в отношении вышестоящих лиц, особое рвение об интересах дела. Яркий пример – служебная записка А. В. Хрулёва от 6 февраля 1919 г. Коменданту Центральной Комендатуры. В записке Комендант Пороховского района указывает на неудовлетворенность подготовленным Положением о Революционной охране и обвиняет вышестоящую инстанцию, что она не защищает ведомственные интересы. Главный «камень преткновения» – кадровый вопрос: «Всегда порядочных людей стараются от Комендатуры урывать и заменят их кем попало, не считаясь с его знаниями и честностью. Последнее это самое главное, так как в комендатурах всегда бывает масса разных ценностей. Принимая во внимание ту борьбу, которую приходится вести с районными Советами и районными Комитетами Российской Коммунистической партии из-за работников Комендатуры нахожу самым нужным просить Центральную Комендатуру, просить Исполком Петроградского Совета ... чтобы Центральная Комендатура сама распорядилась теми работниками, которых она приобрела через Совет или сама непосредственно»²⁴.

Мнение Коменданта Пороховых о профессионализме и о наличии порядка в вышестоящей

инстанции выражено в письме А. В. Хрулёва в Центральную комендатуру о «принятии мер к тому, чтобы при выдаче денег по требовательным ведомостям сообщалось в письменной форме, какая сумма выдается, так как за последние месяцы по требовательным ведомостям выдавались суммы, несовпадающие с требовательной ведомостью, а потому лицо, получающее деньги и не представляющее никаких данных о разнице суммы, попадает под сомнение». Бывший счетовод Охтенского завода взрывчатых веществ – А. В. Хрулёв разъясняет, что «когда получается разница по требовательным ведомостям, то таковые следует исправлять красными чернилами с оговоркой, но в Центральной Комендатуре этого не практикуется, что и может запутать денежную отчетность в районах, где нет ответственности, да и при партии работников, хорошо разбирающихся в деле денежной отчетности»²⁵. Любопытно, что прочтет эти документы, написанные в возрасте 25–26 лет на ПЕРВОЙ РУКОВОДЯЩЕЙ ДОЛЖНОСТИ, перестанет удивляться, что через 20 с лишним лет Андрей Васильевич Хрулёв МОГ ВОЗРАЗИТЬ ИЛИ УКАЗАТЬ НА НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ и самому товарищу И. В. Сталину.

Чтобы понять, что Андрей Васильевич понимает, о чем говорит, достаточно посмотреть «Смету расходов Революционной Охраны г. Петрограда, Пороховской район за октябрь мес. 1918 г.», в которой показаны и «нулевые» статьи, а учтено все: даже, «непредвиденные расходы» (!)²⁶.

Потрясающую картину отношений различных органов Советской власти рисует рапорт А. В. Хрулёва в Центральную Комендатуру об инциденте в Народном театре в ночь с 29 на 30 сентября 1918 г. Последовательность событий такова: член Исполкома И. Павлов вызвал в театр гвардейцев Охраны, чтобы арестовать буянившего красноармейца. Но гвардейцы (6 человек) и их командир (помощник коменданта Д. И. Зач), не решились произвести арест, т.к. публика поддержала красноармейца. Когда один из гвардейцев (В. Васильев) все же арестовал буяна, то не смог найти своего командира – Д. И. Зача. Красноармеец был отпущен и ушел домой. Но раздосадованные члены Исполкома И. Павлов, П. Ефимов, И. Раковский встретив другой наряд охраны (но решив, что эти гвардейцы были в театре и не смогли арестовать красноармейца), угрожая пистолетами отняли у гвардейцев Охраны вин-

товки, а потом еще и избили наряд. Андрей Васильевич, докладывая о происшествии вышестоящей инстанции, отметил, что поступок членов Исполкома «непристойный для коммунистов», выразил сомнение в возможности «заставить гвардейца кулаком верою служить Советской власти» и настаивал на соблюдении субординации: действия нижестоящих обжаловать или их непосредственным начальникам, или вышестоящим инстанциям. Венчал документ вывод: «Конечно, я со своей стороны очень жалею, что гвардейцы не застрелили этих господ (выделено Е.А.П.), но они это сделали по большей части из трусости и, кроме того, они знают, что они являются ответственными работниками в районе»²⁷.

Рассмотреть отношения силовых институтов Советской власти можно на примере призыва Коменданта Революционной охраны Пороховского района в ряды РККА. Биографы уверяют, что А. В. Хрулёв ушел добровольцем в РККА в августе 1918 г. Но документы ЦГА СПб это опровергают. В фонде Комиссариата по военным делам Пороховского района Петрограда мы выявили «Списки военнообязанных, принятых приемной комиссией и не явившихся к отправке», в которые включен Андрей Васильевич Хрулёв²⁸. Там же отложилась переписка, из которой видно, что неявка была следствием противоречий между силовыми структурами: гвардейцы и служащие Охраны полагали, что имеют право на полное освобождение от службы в рядах РККА («находятся на положении красноармейцев»), а Военный комиссариат доказывал обратное.

9 декабря 1918 г. Учетный отдел Военного комиссариата Пороховского района телефонировал: «На основании приказа Комиссариата Внутренних дел тов. Петровского гвардейцы охраны никакими отсрочками и льготами при призыве по мобилизации в ряды Красной Армии не пользуются». На документе отметка «Принял: Хрулев». Тем же 9 декабря 1918 г. датирована просьба А. В. Хрулёва к Центральной комендатуре, «ходатайствовать об оставлении» гвардейцев «на учете при Комендатуре»²⁹.

13 декабря 1918 г. датировано письмо № 1112 на бланке Комендатуры Революционной охраны Пороховского района за подписью Коменданта А. В. Хрулева, в котором он ссылается на Протокол заседания Исполкома Петросовета № 9340 от 22 ноября 1918 г. Видимо, гвардейцы

и сотрудники Революционной Охраны отсрочку получили. Косвенно об этом свидетельствуют подписанные А. В. Хрулёвым удостоверения В. Никитина, И. Сергеева: «... служит в Революционной Охране гор. Петрограда в Комендатуре Пороховского района в качестве гвардейца и находится на положении красноармейца (выделено Е.А.П.)»³⁰.

В документах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб) дата призыва А. В. Хрулёва в ряды РККА – 1 октября 1919 г.: в «Списке коммунистов, находящихся в командировках от Коллектива при Управлении Милиции» пунктом 7 значится «Хрулёв Андрей. На юж. фр.». О том же свидетельствует удостоверение № 341 от 2 октября 1919 г.³¹

Отдельный аспект, который по-новому освещает собранная коллекция электронных документов – семья Хрулёвых и репрессивная политика Советской власти. Насколько вероятным было для А. В. Хрулёва стать жертвой «Большого террора»? Этот вопрос выводит нас на тему семьи. Имеющиеся биографии утверждают (со слов самого Андрея Васильевича), что семья была «бедняцкая». Увы, и тут мы имеем дело с «переделыванием» биографии под классовые предпочтения времени.

Документы, выделенные в ряде фондов ЦГА-ИПД СПб однозначно говорят, что даже в 1930-е гг. старшие братья Кузьма Васильевич Васильев, Павел Васильевич Хрулёв, отец нашего героя – Василий Васильевич Хрулёв были крестьянами-единоличниками и числились по уплате налогов «середняками». И это при том, что М. В. Хрулёв стоял во главе финансового отдела Ленинградского окружного исполкома и членом Ленинградского окружного партийного комитета, а А. В. Хрулёв занимал высокие должности в РККА.

Впервые «тучи сгустились над головой» в 1930 г. В это время разгорается настоящая сельская «вендетта» с семьей Жаворонковых. Житель деревни Большая Александровка Молосковицкого района Василий Васильевич Жаворонков обвиняет всех членов семьи Хрулевых в использовании труда батраков³². Отметим, что по данным местного земельного учета, в том числе Андрею Васильевичу принадлежал земельный надел в хозяйстве его отца. Сын Жаворонкова занимал пост главы районного Исполкома и ис-

пользовал служебное положение в интересах семьи. Сельская «война» дошла до местных СМИ: публикация в газете «Крестьянская правда» от 8 февраля 1930 г. обвинила М. В. Хрулёва в том, что он, пользуясь служебным и партийным положением, покрывает отца и братьев³³. Было инициировано партийное расследование, документы которого отложились в ЦГАИПД СПб. Один из них – Заявление М. В. Хрулева в Контрольную Комиссию Ленинградского Округкома ВКП (б) от 17 апреля 1930 г., из которого видно, что в Хрулёвых обвиняли в использовании «административного ресурса» всех уровней, в том числе упоминался и занимающий самое высокое положение член семьи – «брат Андрей»³⁴.

В 1930 г. семья Хрулёвых сумела оправдаться. В «Заключении по материалу проверки о злоупотреблениях Председателя Молосковицкого РИК'а Жаворонкова И. В.», датированном маем 1930 г., Хрулёвы признаны середняками, для которых неправильно пытались применить обложение налогами как для кулаков³⁵. Интересно, что в этом конфликте большинство односельчан приняло сторону Хрулёвых.

Но в 1937 г. у Михаила оправдаться уже не получилось. Он был арестован и осужден по ст. 58, пп. 7 и 11. Материалы следственного дела говорят о том, что особый интерес проявлялся к А. В. Хрулёву. Об этом говорят даже такие данные: из всех членов семьи следователей особо интересовали муж сестры Евдокии – Зверев (занимавший пост Начальника Роменского районного

отдела НКВД Черниговской области) – допрос о нем занимает поллиста, и «брат Андрей» – вопросы о нем заняли два листа! Упомянутые в этом допросе командующий Северным флотом Душенов и Начальник политотдела Северного флота Байрачный на момент снятия допроса находились на свободе, но через несколько месяцев были арестованы, а впоследствии – репрессированы³⁶. Почему не состоялось дальнейшее развитие этой истории? Скорее всего, потому, что в 1939 г. прошла чистка в органах НКВД, а потом раскручиванию маховика репрессий помешала Великая Отечественная война.

Особую часть коллекции составляют документы о роли А. В. Хрулёва в реабилитации военных кадров, пострадавших в годы «Большого террора», но данная тема на основе материалов семейного архива В. А. и А. Э. Хрулёвых освещались нами в научной периодике³⁷.

На сегодняшний день, в результате комплектования электронных копий документов, отложившихся в различных государственных и частных архивах, Военная академия материально-технического обеспечения стала обладателем уникальной коллекции – уникальной по своей полноте представления данных о жизни и деятельности А. В. Хрулёва. Собранные материалы позволяют начать работу по созданию виртуального Музея А. В. Хрулёва. Также на повестку дня ставится вопрос о создании на базе этого комплекса документов научной биографии Андрея Васильевича Хрулёва.

¹ Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А. В. Хрулёва): Матер. межведомств. науч.-практ. конф., 22 сентября 2017 года, Санкт-Петербург / Под ред. Ю. А. Никитина, Е. А. Поправко. СПб.: ВАМТО, 2017. 240с.

² Отчет о выполнении составной части комплексной научно-исследовательской работы на тему: «Археографическое исследование Петроградского этапа биографии А. В. Хрулева» (шифр «Биограф–18–МТО»). (Итоговый). СПб.: ВАМТО, 2018. 32 с. Инв. № 1087 639.

³ Шиян И.С. Генерал армии Хрулёв. М.: Воениздат, 1980. 112 с. С. 5.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 468. Л. 87, 135 об.–136.

⁵ 4 октября по н. с.

⁶ См. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 468. Л. 87–147.

⁷ Шиян И.С. Генерал армии Хрулёв. М.: Воениздат, 1980. 112 с. С. 5.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1214. Л. 560 об.–561; Оп. 127. Д. 465. Л. 154 об.–155.

- ⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 49–49 об.; Д. 3. Л. 10 об.–11, 11 об.–12, 13, 14, 45, 48 об.–49, 63 об.–64, 64 об.–65, 67 об.–68, 68 об.–69, 70 об.–71.
- ¹⁰ Книга памяти Мурманской области: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области. Мурманск, 1997. – Доступно из URL: http://weand.ru/search/lists/murm/245_3.html.
- ¹¹ АУФСБ по МО. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 4–286; *Собрание узаконений РСФСР. 1934. № 30. Ст. 173.*
- ¹² ЦГА СПб. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 3. Л. 70, 70 об.–71.
- ¹³ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 85.
- ¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об., 85; Д. 4. Л. 20; *Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной Области. Пг.: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1919. Вып. 1. Ч. 2. 372 с. с. 125.*
- ¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 140. Л. 120, 140
- ¹⁷ *О выполнении Революционной Охраной социальных функций см.: Поправко Е.А. Роль Революционной Охраны как органа социальной защиты населения и молодёжной политики (на примере деятельности А. В. Хрулёва) // Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен: матер. междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г. / Под ред. Г. В. Ковалевой. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2018. С. 325–329.*
- ¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 1 об.
- ¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 316 об.–317, 326.
- ²⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 3. Д. 267. Л. 108–113.
- ²¹ *Шиян И.С. Генерал армии Хрулев. М.: Воениздат, 1980. 112 с. С. 6.*
- ²² ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 3. Д. 267. Л. 110.
- ²³ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 184. Л. 11–11 об.; Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 3. Л. 29 об.–30, 33 об.–34.
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 223–223 об.
- ²⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 231. Л. 682–682 об.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 85–86.
- ²⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 100–100 об.
- ²⁸ *Сравни: Шиян, И. С. Генерал армии Хрулёв. М.: Воениздат, 1980. С. 7; ЦГА СПб. Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 5. Л. 591–591 об., 610; Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 200, 201.*
- ²⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 5. Л. 520; Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 278–283.
- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 5. Л. 522; Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 190. Л. 105, 106.
- ³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3. Л. 97; Д. 32. Л. 94.
- ³² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 95 (63).
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 119 (87).
- ³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 160–164.
- ³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 22.
- ³⁶ АУФСБ по МО. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 82–85.
- ³⁷ *Поправко Е. А. Деятельность А.В. Хрулева по реабилитации военных руководителей, репрессированных в период «Большого террора» // Клио. 2018. № 1 (133). С. 150–154.*

*Владимир Николаевич Прямыцын,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
заместитель начальника отдела, подполковник*

Мобилизационная деятельность отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии (1876 — 1945 гг.)

С момента зарождения отечественной гидрометеорологической отрасли, ее активность была тесным образом связана с деятельностью Военного и Морского министерств. Так, первым подразделением, чья работа была посвящена исключительно интересам военной гидрометеорологии, стало Отделение морской метеорологии, телеграфных сообщений о погоде и штормовых предупреждений Главной физической обсерватории (ГФО), созданное в 1876 г., финансируемое Морским министерством, и укомплектованное его офицерами.

Закономерно, что гидрометеорологическое дело, как и медицинское, ветеринарное, горное, и др. попало в сферу интересов, силовых ведомств, и рассматривалось ими в контексте обеспечения безопасности государства. Со временем сформировались взгляды на взаимодействие Военного и Морского министерств с Главной физической обсерваторией в возможных будущих войнах¹. Они нашли отражение в нормативно-правовых актах и руководящих доку-

ментах, что положило начало мобилизационной деятельности государственных органов в сфере военной гидрометеорологии.

Установлено, что основы мобилизационной работы в гидрометеорологической отрасли были заложены так называемым «Законом 1912 г.». Этим важнейшим нормативно-правовым актом были введены в действие новый Устав и штаты ГФО². В нем впервые было документально закреплено положение об освобождении специалистов Обсерватории «от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота и от службы в государственном ополчении»³. В § 30 Устава содержался перечень должностных лиц, оставляемых в условиях военного времени для работы по специальности. Это создало первый в истории отечественной гидрометеорологии прецедент, когда в мирное время решением высшего руководства государства регламентировалась деятельность гидрометеорологов в условиях военного времени.

Спустя два года, мобилизационные положения получили практическую реализацию. На

фоне начала военных действий Австро-Венгрии и приготовлений к войне в Германии 17 июля 1914 г. в России была объявлена всеобщая мобилизация. В этот день все сотрудники гидрометеорологической части Главного гидрографического управления Морского министерства, находящиеся вне Санкт-Петербурга, получили телеграммы следующего содержания: «17.07.1914 г. Царское Село. Колпинская ул. д. 29. Сомовой. Отпуски прекращены. Приказано всем явиться»⁴.

Изучение деятельности Главной физической обсерватории в первые месяцы войны позволило сделать вывод о ее существенной перестройке. Обсерватория добровольно отказалась от 170 000 руб., внесенных в смету расходов 1915 г. на модернизацию сети наблюдательных станций. Было приостановлено издание ежедневного и ежемесячного бюллетеней погоды и публикация ежегодных данных наблюдений по территории России⁵.

22 декабря 1915 г. решением Николая II на основе ГФО было создано Главное военно-метеорологическое управление (ГВМУ, Главмет)⁶. Согласно Положению, оно становилось одним из органов полевого управления действующей армии и имело своей задачей «обслуживание в области военной метеорологии действующей армии и флота, авиационных и воздухоплавательных частей, химических команд»⁷. Значительная часть коллектива Обсерватории, включая весь руководящий состав, была призвана на службу с назначением на должности в Главмете.

Сотрудники ГВМУ продолжили службу с совмещением прежних обязанностей. Однако, Обсерватория столкнулась с существенными затруднениями, вызванными призывом части персонала ГФО, подведомственных ей обсерваторий и наблюдательной сети в действующую армию⁸. В таких условиях руководству Главмета пришлось приложить значительные усилия к тому, чтобы высококвалифицированные сотрудники продолжили работу по специальности⁹.

2 ноября 1916 г. начальник ГВМУ направил августейшему заведующему авиацией и воздухоплаванием телеграмму: «По последнему призыву подлежат зачислению в войска 53 служащих Главной физической обсерватории. Деятельность Главмета основана на правильной и непрерывной деятельности ГФО. Призыв опытных работников вынудит Обсерваторию практи-

чески прекратить свою работу, что самым негативным образом скажется на работе Главмета и на обеспечении фронта»¹⁰.

Другой категорией специалистов, которые в интересах военно-метеорологического дела нуждались в освобождении от призыва в действующую армию, были рабочие мастерских, изготавливающих метеорологические приборы. Начальник ГВМУ добивался для опытных механиков и стеклодувов отсрочки от явки по мобилизации. По каждому конкретному мастерскому Главмет ходатайствовал перед соответствующими уездными воинскими начальниками¹¹.

После выхода государства из Первой мировой войны, воспользовавшись внутренними противоречиями в России, немцы усилили наступление, создав угрозу Петрограду. 31 августа 1917 г. ряд сотрудников Главмета были направлены в командировку в глубь страны «для приискания места для управления на случай эвакуации из Петрограда»¹². Когда враг вышел на подступы к Пскову и Таллину, было принято решение об эвакуации важнейших военных учреждений в тыловые районы. В числе прочих был переведен в Москву и Главмет. Так в годы Гражданской войны военно-гидрометеорологический орган управления оказался оторван от Главной физической обсерватории. Это затруднило использование военными гидрометеорологами всей полноты ресурсов гидрометеорологической отрасли для обслуживания армии и флота.

Опыт мобилизационной работы в годы Первой мировой войны, обусловил необходимость наличия в составе Главной геофизической обсерватории (ГГО) Отдела военной гидрометеорологии. По согласованию с Наркомвоенделом и Народным комиссариатом просвещения, личный состав этого Отдела, как и других учреждений и частей Обсерватории, обслуживающих военные ведомства, имел право на пищевое и вещевое довольствие наравне с военнослужащими Штаба РККА¹³.

В мирное время одной из задач Отдела военной метеорологии ГГО был учет специалистов-метеорологов и разработка соответствующих мобилизационных предположений для Мобилизационного управления Штаба РККА. В условиях мобилизации, Обсерватории предписывалось «выделить из своего состава для Военного ведомства на основании инструкции последнего

особый орган в соответствии с потребностями и условиями военного времени»¹⁴.

Одним из наиболее значимых мероприятий мобилизационной работы в межвоенный период стало утверждение народным комиссаром обороны Положения о военной гидрометеорологической службе на военное время. Оно регламентировало организацию, цели и задачи военной гидрометслужбы, обязанности каждого из его органов и руководящих лиц, порядок снабжения специальным имуществом, комплектования кадрами, сбора и распространения гидрометеорологической информации отдельно для сухопутных и морских театров военных действий¹⁵.

Во второй половине 1930-х гг., в условиях обострения международной военно-политической обстановки наметилось существенное повышение интенсивности мобилизационной работы в сфере военной гидрометеорологии. Постановлениями Совета Народных Комиссаров (СНК) ежегодно утверждался и подписывался начальником Генерального штаба мобилизационный план, в котором, наряду с другими органами государственного управления, было указано количество человек, подвергающихся мобилизации от Главного управления гидрометеорологической службы (ГУГМС) при СНК СССР. В соответствии с мобилизационным планом 1938–1939 гг. при начале войны предполагалось иметь 1760 военнослужащих гидрометеорологической специальности.

Так как, и в мирное и в военное время обязанности по обслуживанию нужд РККА были возложены на метеорологические станции ГУГМС при СНК СССР¹⁶, ключевым мобилизационным мероприятием стала разработка, утверждение и распространение Указаний о порядке сбора, распределения и кодирования метеорологических и гидрологических сведений в военное время¹⁷. 2 апреля 1937 г. начальник отдела обороны ГУГМС при СНК СССР военинженер 2 ранга М.В. Беляков сообщил начальнику Метеорологического (6-го) отдела Штаба ВВС РККА полковнику П.Л. Бессонову, что во исполнение указаний Штаба ВВС РККА для сети метеостанций были подготовлены соответствующие мобилизационные указания.

Указания были разосланы в 108 метеорологических станций через территориальные органы

ГУГМС, и переданы на хранение в ближайшие к станциям районные исполкомы¹⁸. Оттуда они могли «быть своевременно выданы начальникам соответствующих станций»¹⁹. Так, мобилизационный пакет для метеорологической станции Прилуки, включенной в список станций, привлекаемых к обслуживанию ВВС КА в военное время, был передан на хранение в Прилукский райисполком²⁰.

С получением условного сигнала, руководителю наблюдательной гидрометеорологической станции предписывалось прибыть в райисполком и получить пакет, в котором содержался порядок первоочередных действий. Начальнику гидрометеорологической станции предписывалось: перейти на кодирование метеоинформации (ГМИ); прекратить любые передачи по радио; передать радистам необходимые документы для кодирования; изучить новый порядок сбора и распространения ГМИ; объявить личному составу, что запрещается разглашать сведения о состоянии погоды и гидрометеорологического режима; организовать политическое обеспечение мобилизации, опираясь на членов ВКП (б); уточнить списки сотрудников, подлежащих призыву и рассчитать их своевременно; в первый день выслать на имя руководства подробный отчет о состоянии и нуждах станции²¹.

В межвоенный период в органах управления военной и гражданской гидрометеорологической службы был разработан комплект мобилизационных документов, регламентирующих деятельность гидрометеорологов в условиях военного времени. Так, в Народном комиссариате обороны был создан Список учреждений Народного комиссариата водного транспорта СССР, подлежащих снабжению на военное время секретными кодами метеослужбы РККА²². В ГУГМС при СНК СССР разработали Указания о порядке распространения гидрометеорологических данных в военное время учреждениями Единой гидрометслужбы Союза СССР²³. Количество гражданских гидрометеорологических станций, получивших мобилизационные предписания, было расширено до 150²⁴. Указанная документация обладала грифом «совершенно секретно».

В конце 1930-х гг. мобилизационная работа в сфере военной гидрометеорологии, охватывавшая до тех пор лишь военные и гражданские

гидрометеорологические структуры, распространилась и на Народный комиссариат путей сообщения²⁵.

С началом Второй мировой войны, некоторые специалисты гидрометеорологической службы, отмечали недостатки мобилизационной работы, ведущейся в СССР. Так, известный теоретик и практик военно-гидрометеорологического дела В. А. Шталь полагал, что у метеорологов нет ясного представления о порядке их действий в условиях военного времени: «Летный состав и других специалистов постоянно учат тому, что им придется делать во время войны, а от метеороботников это наоборот скрывается. Очевидно, что с первых же часов после объявления мобилизации работа на метеостанциях пойдет совсем по-другому»²⁶.

Чтобы проверить объективность этого мнения, в метеорологической службе 81-й штурмовой авиационной дивизии провели эксперимент, предложив дежурной смене метеорологов перейти на шифрование сведений о погоде, как это случилось бы с началом войны. Было установлено, что шифрование метеосводки занимает по 1 минуте на пункт, а расшифрование – по 1,5 минут на пункт. Таким образом, получение сведений о погоде со 150 пунктов растягивалось по времени на 2,5 часа, что не удовлетворяло интересам оперативной прогностической работы²⁷.

Первый практический опыт частичного от мобилизации был получен советской гидрометеорологической службой во время проведения Польского похода. Это позволило подтвердить недостатки предшествовавшей мобилизационной подготовки, обозначенные В. А. Шталем. К числу крупнейших из них было отнесено то, что выдвинувшиеся вперед авиационные части привлекли к обслуживанию передовых аэродромов весь личный состав авиационных метеорологических станций (АМС). Резервные базы оставались без метеоспециалистов, и пополнить их было невозможно из-за недостатка приписного состава²⁸. В созданной метеослужбе ВВС Белорусского фронта некомплект штата достигал: метеорологов – 60%, метеонаблюдателей – 50%. Он должен был быть восполнен за счет призыва военнослужащих из запаса. Однако, на все создаваемые по штатам военного времени АМС ВВС Белорусского фронта прибыло всего три

приписных специалиста. Из за этого вновь сформированные АМС имели по одному метеорологу и одному наблюдателю²⁹.

Практика частичного от мобилизации была продолжена во время Советско-финляндской войны. Так, с 1 января до 1 апреля 1940 г. в порядке прохождения сбора для усиления Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС) ВВС были призваны два командира запаса – инженеры-синоптики И. С. Замчалов³⁰ и Колбушков. На протяжении трех месяцев они несли дежурства в качестве помощников дежурного инженера ГАМС³¹. Специалисты были призваны из запаса и для работы в составе АМС ВВС Северо-Западного фронта. Этот опыт позволил подтвердить нехватку инженеров-синоптиков запаса и выявить их низкую подготовку³².

По результатам частичного от мобилизации во время Польского похода и Советско-финляндской войны, органами государственного управления был проведен анализ, сделаны выводы и приняты решения, направленные на улучшение мобилизационной работы. Так, в 1940 г. в Гидрографической службе ВМФ был проведен переучет и бронирование вольнонаемного состава³³. 15 октября 1940 г. было принято Постановление СНК № 2032-854сс, которым регламентировалось гидрометеорологическое обслуживание частей Красной армии в военное время. Обслуживание на театрах военных действий возлагалось на командование фронтов и армий³⁴.

Важнейшим мобилизационным документом, принятым накануне начала Великой Отечественной войны, стал Приказ наркома обороны № 035 от 24 января 1941 г. «О порядке обслуживания Гидрометеорологической службой СССР Наркомата обороны, Наркомвоенморфлота и НКВД СССР в мирное время». Он содержал пункт, регулирующий порядок перехода на положение военного времени³⁵. В нем говорилось, что в условиях военного времени вступит в силу «особое Положение»³⁶, и что перестройка работы гидрометеорологических органов будет определяться решениями Комитета обороны при СНК СССР по представлению заинтересованного наркомата³⁷.

Значимые решения органов государственного управления были направлены на улучшение обслуживания ВВС. По инициативе начальника Метеорологической службы ВВС военинжене-

ра 2 ранга В. М. Сперанского практику военного времени, опробованную в Польском походе и Советско-финляндской войне, было решено распространить на мирное время. Начиная с июня 1941 г. все посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) приступили к наблюдениям за погодой и передаче их результатов ВВС армий. Посты ВНОС были укомплектованы необходимым имуществом и документацией, после чего включены в «службу информации и штормового оповещения»³⁸.

По результатам анализа опыта частичного отмотобилизования, органами государственного управления было инициировано проведение ревизии мобилизационной обеспеченности гидрометеорологической отрасли. По результатам обследования, некомплект составил 8540 чел., что позволило выявить процент мобилизационной обеспеченности к штатному составу (69 %) и к фактическому составу (76 %) ³⁹.

В ГУГМС при СНК СССР под руководством нового начальника отдела обороны майора Прохорова⁴⁰ был проведен переучет мобилизационных ресурсов, и разработаны важные мобилизационные документы: Список военнообязанных сотрудников, уходящих в ряды КА и ВМФ с объявлением мобилизации по состоянию на 13 июня 1941 г.⁴¹; Список руководящего состава местных органов Гидрометслужбы, не забронированного на военное время по состоянию на 1 апреля 1941 г.⁴²; Ведомость готовности органов Гидрометеорологической службы к переходу на секретное кодирование гидрометеорологических сведений по районам по состоянию на 1 июня 1941 г.⁴³ Это позволяет сделать вывод о том, что в военной и гражданской гидрометеорологических службах был проведен серьезный анализ полученного опыта отмотобилизования, в короткие сроки приняты и реализованы на практике необходимые решения.

С началом Великой Отечественной войны мобилизационная работа органов государственного управления в сфере военной гидрометеорологии была направлена на скорейшее переориентирование работы гидрометеорологической отрасли для обеспечения интересов вооруженных сил и экономики в условиях военного времени. Наиболее важными задачами являлись сохранение и оптимальное перераспределение ее ресурсов.

Первым мероприятием стало создание Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии (ГУГМС КА), в состав которого были переданы не только кадры и материальная часть, но и финансирование всех гражданских и военных органов и структур, а также все опытные и серийные заказы, размещенные ими на предприятиях СССР⁴⁴. Одновременно осуществлялись перевод гидрометеорологических органов и подразделений на штаты военного времени, ввод в действие руководящих документов военного времени, создание новых органов и подразделений. Эти мероприятия сопровождались призывом значительной части гражданских специалистов из запаса на военную службу⁴⁵.

Наиболее организованно мобилизационные мероприятия прошли в Гидрометеорологической службе ВМФ, чьи подразделения на морских театрах были полностью укомплектованы, хорошо снабжены и имели необходимые запасы приборов и расходных материалов. Кроме того, в силу специфики морских театров, гидрометслужбы флотов еще в мирное время осуществляли деятельность в тесном взаимодействии с местными органами ГУГМС при СНК СССР⁴⁶.

В контексте мобилизационной деятельности государственных органов, 16 августа 1941 г. было выпущено Распоряжение СНК № 8066 рс, которым Московский гидрометеорологический институт и его Военный факультет преобразовывались в Высший военный гидрометеорологический институт (ВВГМИ КА). Комитету по делам высшей школы при СНК СССР совместно с Народным комиссариатом обороны предписывалось установить срок обучения и контингент обучающихся, доукомплектовать старшие курсы института «высокообразованными студентами родственных специальностей других высших учебных заведений»⁴⁷.

Важной составляющей мобилизационной работы в первом периоде войны являлось проведение мероприятий по эвакуации. Центральные и часть территориальных органов ГУГМС КА были эвакуированы в г. Свердловск⁴⁸. Они были объединены в так называемую «Свердловскую группу», которую возглавил заместитель начальника ГУГМС КА полковник Я. С. Либин. Эвакуации подверглись и учебные заведения, в

которых осуществлялась подготовка специалистов-гидрометеорологов.

В связи с эвакуацией органов военного управления⁴⁹, из личного состава ГАМС ВВС были сформированы рабочие группы, которые направлялись в места эвакуации для их обеспечения. Так, большая часть коллектива была направлена в Арзамас, Куйбышев, Горький и Свердловск⁵⁰. Однако, значительная нагрузка на сотрудников ГАМС ВВС еще до завершения 1941 г. потребовала возвращения специалистов в г. Москву⁵¹. Мобилизационная работа государственных органов в 1942–1943 гг. ограничивалась реэвакуацией центральных учреждений и учебных заведений ГУГМС КА⁵².

С окончанием Великой Отечественной войны, но еще до завершения Советско-японской войны, руководство ГУГМС КА приступило к подготовке мероприятий по демобилизации гидрометеорологической отрасли государства. Были разработаны Положение о ГУГМС при СНК СССР на мирное время⁵³ и послевоенные штаты военных гидрометеорологических подразделений⁵⁴. 31 августа 1945 г. начальник ГУГМС КА направил на согласование командующему ВВС материалы по организации гидрометслужбы СССР на мирное время⁵⁵.

Постановлением СНК СССР № 2439-656 от 21 сентября 1945 г. ГУГМС КА передавалось из состава Народного комиссариата обороны в состав СНК СССР. Мероприятия по передаче предписывалось завершить к 1 января 1946 г. Некоторые из центральных учреждений подлежали расформированию. Так, ВВГМИ КА был реорганизован в гражданский ВУЗ с сохранением при нем военного факультета⁵⁶.

Одновременно на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945 г. осуществлялась демобилизация военнослужащих центральных учреждений, передаваемых из НКО в ГУГМС СССР⁵⁷. Приказами начальника ГУГМС КА № 0608, 0609, 0610, 0611, 0612 от 24 декабря 1945 г. и 0613, 0614, 0615 от 26 декабря 1945 г. гражданские специалисты, призванные в начале войны на военную службу, увольнялись в запас по статье 43 пункту «А» Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА⁵⁸.

В конце декабря 1945 г. ГМС ВМФ была передана из ведения ГУГМС КА в НКВМФ. Переда-

че из НКО в НКВМФ подлежали УГМС и отделы ГМС на морских театрах. Приказом начальника ГУГМС КА № 0622 от 26 декабря 1945 г. объявлялся руководящий состав ГМС ВМФ, вступающий в должности с 1 января 1946 г. уже в составе Гидрографической службы ВМФ⁵⁹.

Подводя итог рассмотрению мобилизационной деятельности государственных органов в период с 1876 по 1945 г., можно сделать следующие выводы:

1. Первым прецедентом мобилизационной деятельности государственных органов было регламентирование вопросов призыва в действующую армию на случай войны в «Законе 1912 г.». Россия вступила в Первую мировую войну, не имея мобилизационных планов в сфере военной гидрометеорологии. Лишь в середине войны потребности действующей армии и флота продиктовали необходимость мобилизации гражданских гидрометеорологических институтов. В годы Гражданской войны мобилизационные мероприятия ограничились выбором места для размещения органа управления военной гидрометеорологией на случай оставления столицы и его переездом;

2. В межвоенный период на основе опыта Первой мировой и Гражданской войн в СССР был подготовлен комплект мобилизационных документов, регламентирующих деятельность гидрометеорологической отрасли в военное время. Накануне объявления всеобщей мобилизации Великой Отечественной войны она получила опыт частичного отмотелизования в ходе Польского похода и Советско-финляндской войны. Опыт позволил государственным органам выявить недостатки мобилизационной подготовки межвоенного периода и внести в нее необходимые изменения. Благодаря этому советская гидрометеорологическая отрасль располагала к лету 1941 г. необходимым комплектом мобилизационных документов и опытом их реализации на практике.

3. В годы Великой Отечественной войны наибольший объем мобилизационной работы государственных органов был выполнен в ее первом периоде. В ходе всеобщей мобилизации произошло объединение военной и гражданской гидрометеорологических служб, сопровождавшееся созданием новых органов и подразделений, призывом военнослужащих запаса. Затем последовала эвакуация части учреждений в тыло-

вые районы. Второй период охарактеризовался теоретическая организация государства была реэвакуацией. В конце 1945 г. военно-гидрометеорологическая организация государства была демобилизована.

- ¹ В составе Главного гидрографического управления было создано специализированное гидрометеорологическое подразделение (с 1896 г. – Метеорологическая часть, с 1911 г. – Гидрометеорологическая часть), однако, оно не решало всей широты задач ГФО // Блинов С.П., Мессер П.В. Столетие Гидрографического Управления // Записки по гидрографии № LIII. 1927. С. 70.
- ² РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 371. Л. 278.
- ³ Там же. Л. 281.
- ⁴ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 4. Д. 289. Л. 77.
- ⁵ Хайрулин К.Ш., Махоткина Е.Л. Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы междуна-род. научн. конф. 20–21 ноября 2014 г. СПб.: Изд-во ГПА, 2014. С. 2.
- ⁶ РГВИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 4, 4 об.
- ⁷ РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 172 – 174.
- ⁸ Бudyko М.И. Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова после Великой Октябрьской Социалистиче-ской революции // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. Л.: Гидро-метиздат, 1967. С. 4.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 181. Л. 89.
- ¹⁰ Хайрулин К. Ш., Махоткина Е. Л. Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 3.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1 Д. 181. Л. 15, 15 об. Д. 180. Л. 86, 86 об, 96.
- ¹² РГВИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 5. Л. 107.
- ¹³ Сборник важнейших актов по гидрометеорологии и контролю природной среды. М.: Гидрометиздат. 1987. С. 8.
- ¹⁴ Сборник важнейших актов по гидрометеорологии и контролю природной среды. М.: Гидрометиздат. 1987. С. 8.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 41. Л. 38 – 42 об.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 1. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Д. 20. Л. 75 – 77
- ¹⁸ Там же. Л. 104.
- ¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 9.
- ²⁰ Там же. Л. 19.
- ²¹ Там же. Д. 20. Л. 132–134.
- ²² Там же. Д. 2. Л. 159–161.
- ²³ Там же. Д. 1. Л. 2, 2, об, 3.
- ²⁴ Там же. Л. 30–36
- ²⁵ Там же. Д. 20. Л. 70.
- ²⁶ Там же. Д. 5. Л. 5 – 7.
- ²⁷ Там же
- ²⁸ Там же. Д. 48. Л. 18.
- ²⁹ Там же. Л. 20.
- ³⁰ И. С. Замчалов в годы Великой Отечественной войны снова был призван на военную службу в ГАМС ВВС из запаса.
- ³¹ РГВА. Ф. 29. Оп. 70. Д. 10. Л. 8.
- ³² Там же. Д. 48. Л. 61.
- ³³ Мягков Э. Н. Гидрографическая служба Военно-Морского Флота в предвоенный и военный период (1938–1945 гг.) // Записки по гидрографии № 287. 2013. С. 79.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 519. Л. 251.

- ³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 104, 111.
- ³⁶ Положение об использовании гражданской гидрометеорологической службы всех ведомств СССР для нужд обороны на военное время было введено в действие Постановлением СНК СССР № 2032-854сс от 15 октября 1940 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 519. Л. 251–254.
- ³⁷ В качестве заинтересованных в деятельности ГУГМС при СНК СССР в военное время приводились НКО, НКВМ, НКВД и НКВД // РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 110, 111.
- ³⁸ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 4. Л. 1, 1 об.
- ³⁹ Там же. Л. 20.
- ⁴⁰ Изучение архивных документов не позволило установить инициалы.
- ⁴¹ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 4. Л. 26–28.
- ⁴² Там же. Л. 29.
- ⁴³ Там же. Л. 31–34.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 608. Л. 22.
- ⁴⁵ ЦАМО. Ф. 50. Оп. 762081. Д. 1. Л. 3.
- ⁴⁶ См.: Фридрих В. Г. Гидрографы организуют службу погоды // Записки по гидрографии № 4. 1967. С. 219–225.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 56 с. Д. 22. Л. 413.
- ⁴⁸ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 15. Л. 68.
- ⁴⁹ См.: Постановление ГКО № ГКО-801 сс от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 155.
- ⁵⁰ В Арзамас были направлены: начальник станции, 2 инженера-метеоролога, 3 механика метеослужбы. В Куйбышев – военный комиссар ГАМС, 2 инженера-метеоролога, начальник 2 отделения, старший инженер, инженер, начальник 3 отделения, 8 механиков метеослужбы, 2 техника наносителя, 1 техник информатор, 2 телеграфиста. В Свердловск – 1 фотомеханик, 1 старший инженер, 1 техник по приборам, 3 механика метеослужбы // ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11269. Д. 8. Л. 21.
- ⁵¹ 17 октября 1941 г. И.О. начальника ГАМС военинженер 2 ранга О. Г. Кричак сообщал заместителю начальника ГУГМС КА бригадному инженеру М. В. Белякову: «... предполагаемое расширение объема работ требуют переброски в Москву некоторых работников. Желательно в частности перевести обратно в Москву Портонна, Татарина, Бугрова и Сабо» // ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11269. Д. 8. Л. 15.
- ⁵² Сначала возвращались оперативные группы, а затем руководящие органы народных комиссариатов, комитетов и главных управлений при СНК, центральных органов и учреждений и т.д. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 15–336.
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 116. Л. 78 – 81.
- ⁵⁴ Там же. Л. 214 – 216.
- ⁵⁵ Там же. Л. 77.
- ⁵⁶ Еще при согласовании проекта послевоенной организации гидрометеорологической службы Штаб ВВС заявил о необходимости создания вместо ликвидированного ВВГМИ КА метеорологического отделения при Военной академии командно-штурманского состава ВВС // ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 116. Л. 88.
- ⁵⁷ ЦАМО. Ф. 50. Оп. 762081. Д. 2. Л. 129.
- ⁵⁸ Там же. Л. 211 – 280.
- ⁵⁹ Там же. Л. 234.

*Оксана Геннадьевна Пуговкина,
Республика Узбекистан, Ташкент, Институт истории
Академии наук Республики Узбекистан, старший
научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Образ русского генерала А.П. Востросаблина в источниках и исторической литературе XX века

Востросаблин Александр Павлович (17.8.1857 – 1920), генерал-лейтенант (1914), во время Октябрьской революции перешедший на сторону Советской власти. Окончил Александровское военное училище (1877), служил в Керченской крепостной артиллерии, был командиром Очаковской (1905-1907) и Севастопольской крепостной артиллерии (1907-1910). С 1910 г. комендант крепости Кушка. Во время контрреволюционного мятежа в Закаспийской области в июле – августе 1918 г. председатель военного совета крепости, за оборону которой награждён орденом Красного Знамени. С конца 1918 г. начальник курсов по подготовке красных командиров в Ташкенте; участвовал в подавлении эсеровского мятежа в январе 1919 г. Член РВС Туркестанской республики. Убит белобандитами¹.

Именно так выглядит краткая, можно сказать даже стандартная, информация об одной из интереснейших личностей военной истории – Александре Павловиче Востросаблине. Данные о нем почти во всех источниках однотипные: «был

царским генералом, потом перешел на сторону Красной армии» и на этом все данные о русском генерале, известном защитнике Кушки ограничиваются. В его биографии много «белых пятен», которые до сих не раскрыты: начало его военной карьеры, служба на Черноморском флоте, перевод в Кушку на службу; мотивы, повлиявшие на переход на сторону Советской власти и желание остаться в Туркестане, а не примкнуть к Белому движению и уйти вместе со многими в эмиграцию, его участие в подготовке кадров для Красной Армии.

Все основные имеющиеся сведения об А.П. Востросаблине связаны с его службой в Кушке. Во время Февральской революции 1917 г. он был комендантом крепости и, как описывают его современники, спокойно и достойно воспринял смену власти. Он вызвал начальника жандармов и начальника полиции, объявив им, что они впредь выполняют распоряжения председателя избранного Кушкинского Совета Моргунова. После Октябрьских событий власть в Кушке также перешла новому Совету и А.П. Востросаблин

способствовал поддержанию порядка в ней. В Кушку, которая была важным стратегическим и военным объектом, направились несколько «делегаций» с предложениями присоединиться к Белому движению, но Кушка, по-видимому, благодаря руководству А.П. Востросаблина, оставалась нейтральной. В этом опорном пункте был сосредоточен значительный арсенал и сами кушкинцы были настроены защищать крепость. А.П. Востросаблин обещал за два часа составить план обороны крепости и она смогла выстоять до прихода подкрепления во главе с командующим Закаспийским фронтом С.П. Тимошковым².

Небогатую биографию А.П. Востросаблина можно дополнить еще и сведениями о том, что когда в 1918 г. было сформировано Ташкентское Краснознаменное ордена Красной Звезды высшее общевоинское командное училище им. В.И. Ленина, начальником курсов был назначен именно Алексей Павлович Востросаблин. На новом посту он отдавал все свои знания и опыт, все свои незаурядные организаторские способности делу подготовки молодых советских офицеров. Воспитанники курсов (с января 1919 г. – Школа военных инструкторов им. В.И. Ленина) принимали участие в боях на фронтах Гражданской войны, а также в подавлении Осиповского мятежа.

В феврале – марте 1919 г. А.П. Востросаблин возглавил отряд курсантов и офицеров школы, против действовавших на Бричмулинском и Ходжикентском направлениях военных формирований³. В апреле 1919 г. А.П. Востросаблин был назначен членом Реввоенсовета Туркестанской АССР и возглавил реорганизацию Красной Армии.

В 1920 г. на А.П. Востросаблина, возвращавшегося со Съезда Народов Востока, было совершено покушение и от полученных ран он скончался⁴.

Основная масса сведений об А.П. Востросаблине отражена в советской исторической литературе, посвященной становлению и воспитанию новых советских кадров Красной Армии, в сборниках воспоминаний по истории установления советской власти в Туркменистане и Гражданской войны в Туркестане, а также в советской художественной литературе.

За последние десятилетия вышло несколько работ российских исследователей, посвященных переходу генералитета Главного Штаба на сторо-

ну советской власти, но сведения об А.П. Востросаблине там отсутствуют.

В первую очередь, возможно, стоило бы обратиться к архивным источникам⁵. Первым к изучению фигуры А.П. Востросаблина обратился известный отечественный историограф Борис Владимирович Лунин в 60-е гг. XX в.⁶ По-видимому, не обнаружив сведений о генерале, им был сделан запрос в ЦГВИА СССР о возможном нахождении сведений о нем. Ответ, присланный Б.В. Лунину, хранится в его личном фонде в ЦГА РУз. В составленном ответном письме от лица Начальника отдела ЦГВИА СССР говорится, что «в фондах архива послужного списка генерала А.П. Востросаблина нет, и все высланные данные были взяты из аттестационного списка, составленного в 1899 году»:

«Генерал-лейтенант А.П. Востросаблин родился 17 августа 1857 года, учился во Второй Московской военной гимназии, затем окончил Третье военное Александровское училище, служил в Очаковской крепостной артиллерии с 1895 – по 1 апреля 1897 года; в 1896 г. произведен в подполковники, с 1 апреля 1897 г. по 28.06 1897 г. занимал должность помощника начальника склада крепостного артиллерийского имущества в г. Одесса, в 1902 году произведен в полковники. Был командиром Очаковской крепостной артиллерии с 1905 по 1907 гг., с 1907 по 1910 гг. – командиром Севастопольской крепостной артиллерии. В 1907 году получил звание генерал-майора, а с 6 декабря 1914 года – генерал-лейтенант.

С 19 мая 1910 года занимал должность коменданта Кушкинской крепости, участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., награжден орденами св. Станислава II ст., св. Анны II ст., и св. Владимира III ст. Был женат, имел двух сыновей»⁷.

По впечатлениям, сложившимся у Б.В. Лунина, карьера А.П. Востросаблина была «удачной». Самой значимой, по его мнению, была должность А.П. Востросаблина на посту коменданта Кушкинской крепости: «Царское правительство придавало пограничной с Афганистаном Кушкинской крепости серьезное значение в связи с возможностью военного конфликта с Англией из-за сфер влияния в Афганистане и Средней Азии. Соответственно, поэтому в Кушкинской крепости постоянно хранилось большое количе-

ство орудий, пулеметов, винтовок, снарядов, патронов, взрывчатых веществ, обмундирования...

На посту коменданта А.П. Востросаблин проявил себя как опытный, строго взыскательный, но справедливый и доброжелательный к подчиненным начальник. Его личная репутация безукоризненно честного человека, чуждого чванства и самодурства, снискало ему всеобщее уважение. Умение увидеть в солдатах живых людей, беречь их достоинство, доверять им, было отличительной чертой Востросаблина (необходимо учитывать, что эти строки Лунин писал в 1967 г. – О.П.).

«После октябрьских событий 1917 года среди кушкинских солдат начались волнения, стали возникать митинги, усиливаться братания с рабочими местного ж/д депо. Как отнесется комендант крепости к созданию в Кушке Совета рабочих и солдатских депутатов? С этими вопросами направилась делегация к Востросаблину. Не сразу он принял солдатских посланцев. 60-летний генерал был полон мучительных раздумий»⁸.

Б.В. Лунин полагал, что «офицер русской армии, прогрессивно настроенный давно уже болезненно переживал и предчувствовал приближение неминуемого краха прогнившего царского режима».

Вот, что он написал по этому поводу⁹: «Ну что ж, что касается его, генерала, то он принял решение. Он слуга России, слуга Родины, а Родины нет без народа. И вот мы видим генерала Востросаблина на выборном посту кандидата в члены Президиума Кушкинского Совета. Многие офицеры Кушкинского Совета видели в Востросаблине «предателя, перебежчика» и встречали его появление тяжелыми и недобрыми взглядами.

На недоуменный вопрос: А как у вас в Совете заседает царский генерал? – последовал ответ: Хоть царский, да наш! А большевик железнодорожник Цибизов добавил: Ну, Востросаблин не чета прочим генералам!

В 1918 г. в Ашхабаде и Кызыл-Арвате вспыхнул контрреволюционный мятеж. Было создано эсеро-белогвардейское правительство во главе с эсером Фунтиковым¹⁰.

... 28 июля 1918 г. в Кушку прибыла делегация из Ашхабада во главе с эсером Доррером, призывая присоединиться к восставшим.

... В Кушке был образован Военный Совет в составе механика-телеграфиста Моргунова,

слесаря депо Каранды, печника службы путей Цибизова. Председателем совета был Востросаблин. Подготовкой гарнизона к обороне Востросаблин занимался дни и ночи, сам обходил все позиции. Кушка стала цитаделью советской власти в Закаспии.

В Ташкент была отправлена радиограмма: «Кушка остается верной советской власти. Крепость неприступна для врагов революции. Три штурма было предпринято, но крепость выстояла»¹¹.

Для дополнения образа А.П. Востросаблина Б.В. Лунин воспользовался и воспоминаниями командующего Закаспийским фронтом С.П. Тимошкова: «К нему (С.П. Тимошкову) и его боевым соратникам, прибывшим на помощь Красной Кушке, устремились с восторженными возгласами солдаты, рабочие, крестьяне. От толпы отделился невысокий старик в тонком кителе военного покроя и, прихрамывая, подошел ко мне.

– Генерал Востросаблин, – шепнули мне. Я сразу же насторожился. Как ни как не часто приходилось видеть в 1918 г. (на мирных встречах) генералов старой армии. Мы поздоровались.

– Где белогвардейцы? – первым делом я спросил у него.

– А где им быть, – улыбнулся Востросаблин, – в крепость их не пустили, от вас тоже ничего хорошего не ждали, вот и разбежались по заграницам.

– Спасибо, Вам, товарищ Востросаблин!

– И вам спасибо дорогой! – просто ответил генерал.

Перед отъездом из Кушки Тимошков спросил Востросаблина: Александр Павлович, что побудило Вас, генерала бывшей царской армии, идти с нами, с советской властью?

– С кем же мне остается идти? С господином Фунтиковым? Он выпрямился в кресле, выцветшие глаза его под седыми мохнатыми бровями гневно блеснули.

– Предпочту смерть английскому владычеству! А пока, буду способствовать законной власти, народу нашему оборонять русскую землю....

Я, – пишет Тимошков, – еще раз крепко пожал его руку и вышел»¹².

Стоит отметить, что эти сведения нами были обнаружены в архивных фондах, и как можно отметить, они касались его жизни после 1917 г.

Другие историографические источники представлены сборниками воспоминаний по истории установления советской власти в Туркменистане, истории формирования Красной Армии в Туркестане, позволяющие дополнить сведения о периоде жизни А.П. Востросаблина после 1917 г., опубликованные со второй половины XX в. по первое десятилетие нынешнего столетия¹³.

Особо стоит отметить сборник «За советский Туркменистан», где были собраны ряд воспоминаний о защите Кушки и, в том числе, освещалась роль генерала А.П. Востросаблина в организации ее защиты.

Одно из первых – воспоминание В.К. Демьянова¹⁴ – «За советскую Кушку», где описывались происходившие революционные события. Отношение автора к фигуре А.П. Востросаблина неоднозначное. Складывалось ощущение, что автор стремился показать всю «антиреволюционную» сущность генерала, обвиняя его в «подавлении восстания матросов в Севастополе» в 1905 г., за что тот, якобы, «получил повышение в чине». В ответ на эти, явно надуманные слова, а также на ряд других негативных замечаний автора, составители сборника приводили сведения других очевидцев о том, что данные заявления были надуманными и не подтверждавшимися воспоминаниями других очевидцев, например, П. Бондаря, И. Черкавского В. Краснощекова, В. Капустяна.

В.К. Демьянов описывает генерала, как «службиста, по убеждениям монархиста-патриота, властного и грубого человека. Дисциплину в гарнизоне поддерживал всеми силами»¹⁵. Однако, далее продолжал он, «начиная с 1917 года, он проявил полное понимание обстановки, на службе революции зарекомендовал себя положительно», позволяющие дополнить. Он отмечал, что решающий момент, когда крепость осталась без руководителя, А.П. Востросаблин принимает ее руководство на себя.

В.К. Демьянов, так нелюбезно отзывавшийся в начале своего повествования об А.П. Востросаблине, к концу своего рассказа уже положительно описывал его поведение: «Он постоянно приходил в депо, теплыми словами подбадривал женщин, а ребятишкам раздавал орехи и сладости (специально приносил с собой полные карманы)»¹⁶.

Им же приводились слова А.П. Востросаблина, когда возникли вопросы о его политической

благонадежности: « Он, ничуть не обидевшись, сказал, что ни в коем случае не оставит своего поста и обязуется сберечь крепость для России, причем не пощадит своей жизни. Потребовал полного доверия ему и назначенному им Совету обороны»¹⁷.

В воспоминаниях В.М. Краснощекова – «Героические дни», приводятся слова и поведение А.П. Востросаблина при подготовке Кушки к осаде: «Помню собрание, на котором было принято такое решение (о его назначении возглавить оборону Кушки). Востросаблин поднялся на сцену, где в Президиуме сидели большевики... и сказал приблизительно следующее: “Я – русский человек, за границу не убегу. Приложу все силы, чтобы оправдать доверие народа. Крепость способна устоять не только против банд Зыкова, но и против регулярных войск. Попросил одного, чтобы приказы его, как руководителя обороны, должны выполняться беспрекословно. В тоже время он понимает, что ему, в прошлом царскому генералу, да и вообще после бегства Шульца, могут не вполне доверять. Поэтому он просит назначить комиссара крепости и был назначен Моргунов»¹⁸.

В его воспоминаниях А.П. Востросаблин – фигура положительная. Он пишет, что он еще задолго до революции хорошо себя зарекомендовал. В противовес предыдущему автору, он пишет о его простоте: несмотря на свое весьма высокое положение, генерал-лейтенант, начальник гарнизона с правами командира корпуса – «был прост и обходителен с людьми, приезжал на радиостанцию, беседовал с нами о службе, о жизни. За общительность и простоту, его уважали и любили даже крестьяне»¹⁹:

Заслуживают внимания отдельные эпизоды, упоминаемые рассказчиком о подготовке крепости к осаде. Стоит отметить, что подготовкой к обороне А.П. Востросаблин занимался сам, сам объезжал позиции вместе с избранным комиссаром Кушки Моргуновым: «по его распоряжению крестьяне из поселков с частью имущества были эвакуированы в крепость, а на ночь всё гражданское население собиралось в Большом укреплении»²⁰. Благодаря умело выстроенной защите, Кушка смогла выстоять при наступлении противостоящих сил, сохранить все военное имущество, впоследствии вывезенное в Ташкент.

В воспоминаниях ещё одного автора, опубликованных в этом сборнике, «За советский Туркменистан», П.Я. Бонадря – «Батарея на передовой»²¹ приводятся сведения о Докушкинском периоде жизни А.П. Востросаблина, которые заслуживают внимания. Они описывают события высылки А.П. Востросаблина в Кушку из Севастополя: «он назначен сюда, в глушь, неспроста. Якобы во время одного из революционных восстаний 1905 года на Черноморском флоте Востросаблин не выполнил какого-то приказа, направленного к подавлению восставших. И в Кушке он, якобы, находился под надзором жандармов. Об этом он сам говорил, в частности, моему отцу, крестьянину»²².

Другой автор, И.М. Чернявский в своих воспоминаниях также пишет, что А.П. Востросаблин находился в Кушке «чуть ли ни как изменник, так как в 1905 году якобы не выполнил какого-то приказа во время восстания на броненосце «Потемкин»²³.

М.А. Мжельский в своих воспоминаниях «Коммунисты Кушки начеку»²⁴ писал о добром, даже отеческом отношении А.П. Востросаблина к солдатам: «не скрывая своих верноподданнических чувств, тем не менее, к солдатам относился гуманно, старался не применять к провинившимся слишком суровые статьи устава. Возглавив оборону Кушки, он сказал: «Я уже старик, жизни своей не жалею, поэтому остаюсь

с Вами, чтобы ни случилось. В этом же смысле он высказался и после позорного бегства Шульца и Сливицкого. Но мы на всякий случай установили за ним надзор. Востросаблин принял предложение возглавить совет обороны и провел операции как следует, оправдал доверие народа»²⁵.

Об А.П. Востросаблине можно найти сведения, правда, незначительные, в работе А.Г. Кавтарадзе, опубликованной в 1988 г. – «Военные специалисты на службе Республики Советов»²⁶. Среди упоминаемых военных специалистов – бывших генералов, перешедших на службу в Красную Армию, приводились ссылки на статью об А.П. Востросаблине и его фото «Военные специалисты – бывшие генералы»²⁷.

В последние годы об А.П. Востросаблине много написано на электронных ресурсах²⁸: появились новые сведения об его семье, родственниках, судьбе, участии в формировании возглавляемым им Ташкентском Краснознаменном ордена Красной Звезды высшем общеобразовательном командном училище.

Можно надеется, что использование всех имеющихся источников, как архивных, так и научной литературы, а также источников мемуарного характера позволит создать целостное исследование о человеке удивительной судьбы, русском генерале – Александре Павловиче Востросаблине.

¹ http://slovari.bibliofond.ru/bse_word/Востросаблин%20Александр%20Павлович/

² Эта оборона Кушки, организованная А.П. Востросаблиным была положена в основу сюжета художественного фильма «Бастиян», снятого в 1983 году на киностудии «Туркменфильм».

³ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, далее ЦГА РУз Р-2868 (Личный фонд Б.В. Лунина), оп.1, д.19, л.6.

⁴ ЦГА РУз Р-2868, оп.1, д.19, л.7. И даже сама гибель генерала обросла в последние годы самыми невероятными подробностями и объяснениями.

⁵ Нами были изучены архивные фонды РГВИА и ЦГА РУз, данных почти не обнаружено за исключением личного дела А.П. Востросаблина, отдельной фотографии в ЦГА Кино-фоно-фото документов и личного дела в ЦГА РУз.

⁶ Можно предположить, что интерес Б.В. Лунина был не случаен. В 1965 г. им была опубликована известная монография «Средняя Азия в русском и советском востоковедении» (Ташкент, 1965), в которой он впервые написал о многих «закрытых» фигурах из истории Туркестанского края: В.П. Наливкине, Н.С. Лыкошине, Н.П. Остроумове.

⁷ На запрос Б.В. Лунина (Из ЦГВИА СССР от 17.04.1967. № 370) был получен ответ, что послужного списка Востросаблина в архиве нет и все взято из аттестационного списка, составленного в 1899 году. См.: ЦГА РУз Р-2868, оп.1, д.19, л.8.

⁸ ЦГА РУз Р-2868, оп.1, д.19, л.2.

⁹ Стоит отметить, что весь собранный и подготовленный Б.В. Луниным материал об А.П. Востросаблине так и остался неопубликованным и хранится отдельным делом в его личном фонде.

- ¹⁰ ЦГА РУз Р-2868, оп.1, д.19, л.3.
- ¹¹ ЦГА РУз Р-2868, оп.1, д.19, л.4.
- ¹² ЦГА РУз Р-2868, оп.1, д.19, л.5.
- ¹³ *За советский Туркменистан (1917-1920). Воспомявая участников революции и Гражданской войны. Ашхабад, 1963.*
- ¹⁴ В.К. Демьянов отличился при защите Кушке. Об этом подробнее см.: Касьянов И. Оборона крепости Кушка в 1918 году // Военно-исторический журнал. 1962, №1. С. 114-118.
- ¹⁵ *За советский Туркменистан (1917-1920). Воспомявая участников революции и Гражданской войны. Ашхабад, 1963. С. 121.*
- ¹⁶ Там же. С. 122.
- ¹⁷ Там же. С. 125.
- ¹⁸ Там же. С. 127.
- ¹⁹ Там же. с. 128.
- ²⁰ Там же. 128.
- ²¹ 137-142.
- ²² 137.
- ²³ Там же. С. 143.
- ²⁴ Там же. С. 134-136.
- ²⁵ Там же. С. 136.
- ²⁶ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920. М.: Наука, 1988. С.19.
- ²⁷ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 193.
- ²⁸ http://www.tvoku.ru/lib/v_boyah_i_pohodah/index.html/
- ²⁹ И.Я. Каськов. Первый начальник училища; [http://grwar.ru/persons/persons.html?id=2376 /](http://grwar.ru/persons/persons.html?id=2376/)
- ³⁰ Русская армия в Первой мировой войне; [http://www.chayka.org/article.php?id=3027 /](http://www.chayka.org/article.php?id=3027/)
- ³¹ Марк Штейнберг. Советский Туркменистан 1950-х: в поисках сокровищ; <http://mytashkent.uz/2011/07/21/sokolovskie2/> Евгений Скляревский. Соколовские; <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=69709.0> Торжественное открытие отреставрированного памятника генерал-лейтенанта А.П. Востросаблина на Боткинском кладбище (г. Ташкент, Узбекистан. 9 мая 2013 г).

*Сергей Андреевич Разин
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник выставочного отдела,
кандидат исторических наук*

Председатель Исполкома Моссовета Василий Прохорович Пронин. Роль в обороне Москвы

14 апреля 1939 г. на расширенном пленуме депутатов Московского городского и районных советов новым председателем Моссовета (исполкома и президиума) (с января 1940 г. – Мосгорисполкома) был избран Василий Прохорович Пронин. К тому времени, несмотря на довольно молодой возраст – 33 года – он прошел большой и сложный жизненный путь. (Рис. 1)

Родился В.П. Пронин 25 декабря 1905 г. в деревне Павлово Тумского уезда Рязанской губернии в бедной крестьянской семье. После учебы в церковно-приходской школе и работы в ремонтной бригаде на Рязанско-Владимирской железной дороге, в 1925 г. он отправился на заработки в Москву, устроившись рабочим на станции Серебряный Бор Окружной железной дороги. В том же году он продолжил прерванную учебу в вечерней средней школе, вступил в комсомол, а в 1926 г. как одного из лучших производственников его приняли в РКП(б). Это стало началом его дальнейшей большой и разносторонней общественной, а затем и государственной деятельности.

*Рис. 1.
Председатель
Исполкома
Моссовета
В.П. Пронин.
1940 г.*

Будучи секретарем комсомольской организации на фабрике «Свобода», В.П. Пронин быстро проявил свой талант лидера-организатора. В 1930 г. он уже заведующий отделом Краснопресненского, а в 1931 г. – Октябрьского РК ВЛКСМ г. Москвы, в 1931-1935 гг. – слушатель Института красной профессуры. В 1935-1936 гг. – секре-

тарь парткома 2-го Московского часового завода, в 1937-1938 гг. – секретарь Ленинградского РК ВКП(б) г. Москвы, в 1938-1939 гг. – секретарь Московского горкома ВКП(б), а с 14 апреля 1939 г. – председатель исполкома Моссовета¹.

Именно возглавляя московский Совет наиболее ярко раскрылись организаторские способности Василия Прохоровича Пронина, его талант инициатора и вдохновителя многих преобразований в Москве. Так, при нем шла практическая реализация Генерального плана реконструкции Москвы и именно по его настоянию исполком на сессиях 1939-1940 гг. принял комплекс мер по улучшению материально-технической базы строителей и внедрению в строительство передовых методов организации труда.

Под руководством В.П. Пронина были доработаны и приняты к выполнению народнохозяйственные планы 1940 и 1941 гг., наметившие ускорение экономического и социального развития столицы. Например, только в 1941 г. предусматривалось построить 8 прядильно-ткацких фабрик, 4 фабрики производства посуды и 9 предприятий ширпотреба².

«Война Москву не застала врасплох – рассказывал В.П. Пронин. – К ней мы готовились, особенно после нападения фашистской Германии на Польшу. Будучи секретарем Московского горкома партии, я не раз присутствовал на заседаниях Военного совета округа, на которых обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к войне с Германией. Я уже тогда понял, что некоторые военачальники ошибались, утверждая, что если Германия нападет на нас, то эта война будет скоротечной и быстро завершится нашей победой. Я убедился, что война неизбежна и к ней надо готовиться серьезно...»³.

Собственно, эта подготовка началась сразу же как только В.П. Пронин занял свой пост в Моссовете. Так, уже в апреле 1939 г. пленум МГК партии наметил целую программу по оборонной работе, включающую в т.ч. и укрепление руководства массовыми организациями. Конкретные задачи были поставлены перед Советами: оборудование стрелковых тиров, радиоклубов, расширение обучения горожан в формированиях МПВО⁴. Кроме того, при городском и районных Советах были созданы оборонные комиссии, осуществляющие контроль за выполнением решений, направленных на повышение обороно-

способности столицы и подготовки кадров для армии⁵.

Масштабная работа была проведена по укреплению противовоздушной и противопожарной обороны Москвы. К концу 1940 г. было создано и оснащено необходимой техникой и имуществом 18 служб городской ПВО. В добровольных кружках и командах МПВО, противопожарных и санитарных дружинах было обучено более 500 тыс. москвичей; 773 тыс. человек обучались и 30 800 человек прошли переподготовку по использованию средств защиты от химического оружия. Для закрепления полученных знаний проводились массовые соревнования стрелков, парашютистов, химиков, медиков и других специалистов. В течение года было проведено около 6 тыс. учений в системе ПВО⁶. В конце 1940 г. с участием около 850 тыс. человек были проведены занятия по защите населения от химического оружия. Одновременно, исполком принимал меры обеспечения защиты населения от возможных налетов авиации: в кратчайшие сроки убежищ (не считая имеющихся на предприятиях) было построено на 680 тыс. человек, под них же приспособлены и станции метро⁷.

В августе 1940 г. на расширенном заседании исполкома под председательством В.П. Пронина состоялось обсуждение «Плана накопления госрезервов и мобзапасов». На нем были определены меры увеличения материально-технических средств и различных материалов, без которых невозможно обойтись в период военной перестройки. Обращалось внимание руководителей предприятий на увеличение выпуска военной продукции на оборонных предприятиях, досрочное выполнение армейских заказов⁸.

С началом войны изменения произошли и в структуре Моссовета: на совещании 23 июня 1941 г. руководители ведущих предприятий города обсудили вопрос об организационной перестройке работы всех звеньев исполкома и подчиненных ему предприятий и учреждений, а уже к 9 июля были утверждены предложения об упрощении структуры, сокращении штатов ряда управлений и расходов на административный аппарат в городе⁹.

Кроме того, изменения напрямую коснулись не только работников исполкома, его управлений и отделов, но и высшее руководство города. По предложению В.П. Пронина исполком принял

решение о сужении коллегиальности в решении срочных вопросов и 25 июня утвердил новое распределение обязанностей между председателем исполкома и его заместителями. Каждый из них получил право самостоятельно решать неотложные вопросы и давать распоряжения от имени исполкома¹⁰. Сам Василий Прохорович отвечал за организацию военного производства на предприятиях, подчиненных Моссовету и обеспечение эвакуации их и населения¹¹. Такое распределение обязанностей и организация работы в исполкоме помогали не только постоянно быть в курсе происходящего в городе, но и быстро принимать необходимые решения, все подчинив нуждам фронта. Уже 22 и 23 июня исполком определил меры по переводу столичных предприятий на выполнение оборонных заказов, установил сроки перехода их на выпуск военной продукции. Каждому предприятию был обозначен конкретный вид оружия, боеприпасов, снаряжения, ремонта танков, автомобилей и другой техники. Отметим, что только за первый месяц войны 375 артелей промкооперации и 59 промкомбинатов местной промышленности, не говоря о более крупных предприятиях, перешли на выпуск военной продукции¹². Благодаря неустанной работе исполкома и В.П. Пронина, самоотверженному труду москвичей ее производство нарастало с каждым днем. Так, уже в июле производительность на производстве военной продукции выросла на 23% к началу перестройки, а в августе – почти в два раза¹³.

...Обстановка на Западном направлении стремительно ухудшалась, фронт приближался к Москве. 13 октября состоялось городское собрание пратийного актива. На нем секретарь МГК партии А.С. Щербаков охарактеризовал сложившуюся обстановку в городе и на московском направлении как критическую: «Оружия не хватает. Наличие оружия лимитирует вопрос о количествах рот и батальонов, которые мы формируем в районах Москвы. На оставшихся заводах и оборудовании нам надо делать оружия больше»¹⁴. (Рис. 3)

Исполком, его председатель В.П. Пронин уделяли постоянное внимание дальнейшему наращиванию производства военной продукции. Так, 30 декабря 1941 г. они утвердили план производства оружия и боеприпасов на I квартал 1942 г., 16 января 1942 г. приняли дополнительное за-

дание по изготовлению деталей к боеприпасам, а в конце января – о расширении производства 82- и 120-мм минометов¹⁵. По заданию ГКО и СНК РСФСР на столичных заводах и фабриках изготавливались различные изделия для фронта: ранцевые огнементы, пистолеты, обмундирование, понтонно-переправочные и маскировочные средства, авиадесантные и складные лодки, противогазы, светосигнальные фонари, медико-санитарное имущество и др. В 1942 г. рабочие только местной промышленности дали фронту: снарядов – 1376 тыс., 42 тыс. автоматов ППШ, 17 650 тыс. гранат, 349,1 тыс. мин, 333,4 тыс. авиабомб, 1383,4 тыс. основных двигателей к реактивным снарядам¹⁶.

Подводя итоги выполнения планов и заданий ГКО на XV сессии Моссовета в январе 1944 г. В.П. Пронин подчеркивал, что предприятия местной и кооперативной промышленности дали фронту 288 видов изделий. Сессия приняла план на 1944 г. и решение, в котором обязала руководителей предприятий и призвала москвичей «всемерно расширять производство и обеспечить безусловное выполнение планов выпуска вооружения, боеприпасов, обмундирования, снаряжения, ремонта автомашин и техники для Красной Армии для окончательного разгрома немецких захватчиков»¹⁷.

Как и предыдущие, план производства военной продукции на 1944 г. по отношению к итогам 1943 г. был выполнен на 123%. От предприятий, подведомственных Моссовету (хотя по решению правительства многие из них перешли на производство товаров для населения), войска действующей армии получили 92 тыс. автоматов ППШ, 1097,4 тыс. снарядов, 1846,6 тыс. авиабомб, 889 тыс. мин, 2981, 8 тыс. гранат, 21095 отремонтированных автомобилей¹⁸. Со значительным перевыполнением заданий ГКО и СНК РСФСР москвичи завершали войну с фашистской Германией.

На особом контроле у В.П. Пронина находился вопрос питания москвичей. Чрезвычайная обстановка на фронте вынудила исполком принять новую организацию рационального питания и экономного использования продуктов, использовать дифференцированный подход к распределению по группам занятости на работе, но при этом и сохранить цены на продовольственные товары, чтобы на получаемую зарплату каждый мог приобрести установленный минимум про-

Рис. 2. В.П. Пронин на строительстве Можайской линии обороны. 1941 г. Фотофонд ЦМВС РФ 3/43388

Рис. 3. В.П. Пронин, С.М. Буденный, Г.М. Маленков, И.В. Сталин в президиуме торжественного заседания на ст. метро «Маяковская», посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Москва. 6 ноября 1941 г. Фотофонд ЦМВС РФ. 3/56114

довольственных и промышленных товаров. В июле 1941 г. была введена карточная система. Таким образом, с учетом имевшихся возможностей, устанавливался продовольственный минимум на каждую группу потребителей¹⁹.

Об одной из важнейших проблем, в решении которой уже в первые недели войны большая ответственность и огромное напряжение сил потребовалось лично от В.П. Пронина, нужно рассказать подробнее.

По мере приближения фронта к центральным районам страны и усиления угрозы Москве правительство СССР 24 июня приняло постановление об эвакуации из нее и прифронтовых районов в глубь страны населения, ценное оборудование, а также ряд предприятий, производящих военную продукцию. Для руководства эвакуацией был создан специальный Совет: в городах и районах создавались комиссии. «Это действительно задача была непростая, – рассказывал В.П. Пронин. – Сроки были предельно короткие, опыта никакого не было, не было заранее даже определено, что и куда эвакуировать. Мало этого. Требовалось определить, что оставить в городе для производства военной продукции и обеспечения армии. Причем эвакуацию нужно было провести скрытно при господстве вражеской авиации. И тем не менее эту задачу нам удалось решить без потерь»²⁰.

4 июля на расширенном заседании исполкома были определены первые объекты, подлежащие эвакуации, утвержден бюджет расходов, создана эвакуационная комиссия. В течение 5 дней подлежало эвакуации 443 843 чел. учащихся 1-6-х классов²¹. 19 июля исполком принял решение об эвакуации семей рабочих и служащих; 7 октября – женщин и детей²². Всего же только с 29 июня по 29 августа 1941 г. было эвакуировано около 2,3 млн. человек²³.

Одновременно проводились демонтаж и эвакуация оборонных предприятий, а также учреждений науки, культуры и искусства. За полтора месяца из Москвы и области было вывезено около 500 предприятий и более 1 млн. квалифицированных рабочих, инженерно-технических и научных работников, театры и музеи, библиотеки, научные институты²⁴.

Совершенствование противовоздушной и противохимической обороны Москвы продолжалось по нарастающей, начиная с первого дня

войны. Шло комплектование новых формирований МПВО и групп самозащиты; создано 6 специализированных полков МПВО и 26 батальонов; 4 полка и 27 отдельных рот и батальонов – для проведения восстановительных работ после возможных пожаров и разрушений. На предприятиях и при домоуправлениях сформировано 285 команд самозащиты и свыше 5 тыс. санитарных команд; созданы посты ВНОС. Для оповещения населения и служб города было создано 7 узлов связи и 80 подстанций. За действиями вражеской авиации наблюдение велось с 19 городских и 220 районных наблюдательных постов приема донесений. В.П. Пронин вошел в состав Военного совета Московского военного округа и московской зоны ПВО²⁵.

30 июня 1941 г. исполком принял постановление «Об обязанностях граждан, руководителей предприятий, учреждений, учебных заведений и управляющих домами г. Москвы по противовоздушной обороне»; 14 июля, рассмотрев состояние водопровода и водоподачи в городе, обязал соответствующее Управление привести это хозяйство в надлежащий порядок и дополнительно построить 875 искусственных водоемов; 16 июля было принято решение «О создании комсомольского полка по противопожарной обороне»²⁶. Для борьбы с парашютными десантами и диверсантами по решению исполкома 31 июля были созданы и приступили к выполнению обязанностей истребительные батальоны численностью 18 тыс. человек²⁷.

21 июля 1941 г. начался первый массированный налет фашистской авиации на Москву. В нем участвовало более 250 самолетов. Всего же до 20 декабря 1941 г. люфтваффе произвели 8278 налетов на Москву. Бесспорно, при таких налетах вражеским асам удавалось прорываться не только на окраины, но и в сам город. Но это были не групповые прорывы. Всего за указанный период к столице прорвалось около 700 самолетов. Они сбросили 1445 фугасных и чуть больше 110 тыс. зажигательных бомб. Но значительного ущерба Москве они не принесли. Были частично разрушены 112 предприятий и 257 жилых домов, полностью – 2 и 156 – соответственно²⁸. Из военных объектов ни один не пострадал.

Во время налетов авиации и битвы за Москву ни на один день не прекращали работу предприятия, электростанция, водопровод, канали-

Рис. 4. В.П. Пронин на воскреснике москвичей по разгрузке топлива. 1941-1942 гг. Фотофонд ЦМВС РФ. 3/30239

зация, газовая сеть, городской транспорт. Работали оставшиеся театры, кинотеатры, артисты выступали перед рабочими в цехах, в частях, в госпиталях.

В условиях военной обстановки не только в Моссовете, но и каждый москвич понимал, что боевым частям и соединениям для разгрома врага нужно не только вооружение, снаряжение и боевая техника, но и людское пополнение. Поэтому с первых дней войны вопрос мобилизации боевых резервов и всеобщая для исполкома стал важнейшим. Ведь пока в стране начиналась и проходила мобилизация, Москва превращалась в прифронтовой город, который должен был обороняться, используя весь свой военнотехнический арсенал и, конечно же, людские резервы.

Нет возможности подробно рассказать о героическом и патриотическом подъеме, охватившем москвичей в те дни. Военкоматы были переполнены: кроме военнообязанных по повестке, только за первую неделю войны 170 тыс.

москвичей, в т.ч. 20 тыс. женщин, подали заявления о добровольном уходе на фронт²⁹. Для организованного проведения мобилизации на призывные пункты исполком направил более 2 тыс. своих уполномоченных³⁰. 25 июня в Кремле с участием В.П. Пронина состоялось совещание членов Политбюро ЦК ВКП(б), представителей Наркомата обороны, секретарей райкомов партии Москвы. На нем обсуждался вопрос и было принято решение о создании народного ополчения. Пример патриотического начинания должны были показывать москвичи: уже 26 июня началась запись столичных добровольцев³¹.

26 июня МГК партии и исполком Моссовета на совещании секретарей райкомов партии и председателей исполкомов райсоветов, городского и районных военкомов, приняли решение: в каждом районе создать по одной дивизии народного ополчения из невоеннообязанных в возрасте от 17 до 55 лет. Вся организационная работа по их формированию возлагалась на райкомы партии, а материальное обеспечение – на

исполкомы городского и районных Советов. К 5 июля в каждом из 25 районов столицы была сформирована и укомплектована дивизия народного ополчения: всего в них состояло около 165 тыс. человек, а 12 июля, с согласия ГКО, был подписан приказ командующего Московского военного округа о сохранении из 25 только 12 дивизий. Из оставшихся ополченцев 13 дивизий часть была направлена на пополнение соединенной действующей армии, часть возвращена на предприятия³².

13 октября, когда бои шли в нескольких десятках километров от столицы, началось создание коммунистических и рабочих истребительных батальонов. В течение двух дней из добровольцев-коммунистов и комсомольцев было создано 25 таких батальонов (по одному в районе) численностью 11,5 тыс. человек, которые поступили в распоряжение начальника оборонительного рубежа на окраинах Москвы³³.

Опасность под Москвой нарастала. Вечером 17 октября вслед за А.С. Щербаковым к жителям города по радио обратился В.П. Пронин. Рассказав о положении на фронте, о том, как москвичи включились в работу за превращение Москвы в неприступную крепость, он заявил: «Москвы мы не отдадим! Борьба ведется жестокая, не на жизнь, а на смерть, и этой борьбе мы Москву отстаиваем!» и призвал жителей города «упорно работать, помогать Красной Армии бить врага»³⁴.

В ответ на этот призыв москвичи вступали в особые боевые дружины для ведения уличных боев. За несколько дней их стало 19, численностью 6989 человек, в т.ч. 288 женщин; в каждом районе создавались отряды истребителей танков, в которых было более 2 тыс. человек. На ближних подступах к Москве оборону заняли 40 тыс. москвичей, а 200 тыс. бойцов МПВО и боевых дружин готовы были сражаться за каждый дом в городе³⁵. В обороне столицы участвовало практически все взрослое население.

Не менее важной была и стоявшая перед исполкомом задача в оказании помощи войскам действующей армии, защищавшим Москву, в быстрейшем создании надежных оборонительных рубежей. Решение этого вопроса началось еще накануне войны, в приграничных районах, вместе с армейскими военно-инженерными частями. Когда же начались боевые действия и военные строители (частично) были сняты с тех

объектов, строительство продолжили в основном москвичи. К августу 1941 г. на возведении Можайской линии обороны ежедневно, зачастую под обстрелом немецкой авиации, круглосуточно работали более 80 тыс. человек, из них 70% – женщины³⁶. (Рис. 2)

Вопросам подготовки резервов для Красной Армии исполком и его председатель на протяжении всей войны уделяли постоянное внимание. Вот только некоторые примеры. 10 сентября 1941 г. исполком рассмотрел вопрос о состоянии военно-спортивной работы и обязал Комитет по делам физкультуры и спорта в течение месяца подготовить 1 тыс. инструкторов лыжного спорта для организации массового обучения юношей пользованию лыжами в боевой обстановке; утвердил списки лыжных баз, а руководителей предприятий обязал оборудовать их и обеспечить лыжами. 20 сентября 1941 г. исполком принял решение «О всеобщем обязательном военном обучении москвичей» – мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. К концу 1941 г. 113 тыс. москвичей получили военную специальность; 27 тыс. из них прошли обучение по 110 часовой программе и были отправлены в запасные части³⁷. Всеобщее обучение проводил и в последующие годы.

Несмотря на невероятные трудности военного времени, исполком Моссовета и лично В.П. Пронин постоянно занимались и внутригородскими проблемами, заботились о бытовых условиях жизни москвичей, их медицинском обслуживании, образовании.

Все годы бесперебойно работал городской и пассажирский транспорт. Так, в июле и сентябре 1941 г. исполком определил меры быстрейшего развития трамвая, троллейбуса, а начиная с 1944 г., когда появились возможности увеличения для него топлива – автобуса. На особом контроле у В.П. Пронина находилось дальнейшее развитие метрополитена – благодаря необходимым ассигнованиям из городского бюджета к концу 1943 г. был введен в эксплуатацию Замоскворецкий радиус, а в июле 1944 г. началось строительство четвертой очереди кольцевой линии³⁸. (Рис. 4)

Немало организаторской работы уделял В.П. Пронин начиная с 1942 г. восстановлению и наращиванию производительности эвакуированных и строительству новых предприятий.

Это – восстановление заводов «Серп и Молот», ГПЗ-1, ГПЗ-2, ЗИС, «Красная Пресня» и др. К концу 1943 г., после открытия новых производственных площадей, промышленный потенциал московских предприятий почти достиг довоенного уровня³⁹.

На особом контроле у председателя исполкома оставалось и гражданское строительство. Так, в 1942 г. было построено и введено в эксплуатацию 7,5 тыс. м² жилой площади, в 1943 – 28,7 тыс. м², в 1944 – 53,2 тыс. м². Всего же за годы войны построена и введена в эксплуатацию 331 тыс. м² площадей⁴⁰.

Благодаря помощи и ассигнованиям исполкома бесперебойно работало и коммунальное хозяйство. Не было перерывов в обеспечении отоплением жилого фонда, топливом предприятий, а с 1942 г. Москва бесперебойно снабжалась и электроэнергией. Развивалась и содержалась в должном порядке канализационная сеть, что было связано не только с естественной потребностью, но и с поддержанием надежной гигиены и исключением инфекционных заболеваний в городе.

Несмотря на огромные финансовые и производственные трудности московский Совет, его исполком не забывали о благоустройстве Москвы. «Москва – это зеркало великой страны, – подчеркивал Василий Прохорович. – Выполняя Генеральный план реконструкции, власти города и его жители много делали, чтобы она стала не только красивой, но и благоустроенной, наконец, удобной для жизни людей»⁴¹. Поэтому исполком планомерно увеличивал финансирование ряда городских программ, созвучие которых мы наблюдаем и сейчас – озеленение города, освещение, реконструкция магистралей и, конечно же, восстановление разрушенного немецкой авиацией облика города. Так, в марте-апреле 1942 г. были проведены Дни очистки города с участием 310 тыс. человек – 96% домовладений, дворов и улиц были приведены в порядок⁴². Подобные дни, недели, месячники проводились и в последующие годы, а в день Победы защитников Родины Москва встречала в великолепном убранстве.

Конечно, приведенные сферы – это далеко не все, чем занимался В.П. Пронин в годы войны. Его внимание и забота касались абсолютно всех направлений жизни огромного города. Вот толь-

ко название некоторых постановлений военной поры: «Об улучшении работы мастерских бытового обслуживания населения» (1942); «О мерах по увеличению зеленых насаждений внутри города, в лесах и парках лесозащитного пояса г. Москвы», «О ходе выполнения производственного плана по выпуску товаров ширпотреба и бытовому обслуживанию населения» (1943).

Проявлялась постоянная забота о материально-бытовых нуждах семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны. Так, уже 28 июня 1941 г. исполком создал специальную комиссию по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Такие же комиссии были созданы на предприятиях и в исполкомах райсоветов⁴³. Для раненых и находившихся на излечении воинов, в феврале 1942 г. исполком организовал специальные дома, а с апреля помогал в обслуживании и трудоустройстве инвалидов войны, не имевших специальностей.

«Немало заботы пришлось проявить уже в начале войны, – подчеркивал В.П. Пронин, – о медицинской службе. Много врачей и медсестер были призваны в действующую армию, а тут стали поступать раненые с фронта. Потребовались срочные меры для серьезной перестройки как организационной структуры, так и практической работы системы здравоохранения, искать резервы, чтобы преодолеть трудности и обеспечить медицинским обслуживанием не только раненых, но и все население города»⁴⁴.

Что же было сделано? Прежде всего по указанию В.П. Пронина был произведен учет всех медицинских кадров, оставшихся в городе; призваны на работу пенсионеры; для переквалификации врачей при крупных больницах и госпиталях создали специальные курсы. Эти меры помогли быстро укомплектовывать и восстановить штаты, а после возвращения в столицу в 1943 г. медицинских ВУЗов часть их выпускников была направлена в распоряжение горздрава. А в 1944 г. из подготовленных 3 тыс. врачей, фельдшеров и медсестер 1/2 была направлена в городские учреждения⁴⁵.

Решена была задача и по расширению базы лечебных учреждений. Согласно решению исполкома, 4 июля 1941 г. было произведено развертывание и оборудование госпиталей – вначале на 6, а затем еще на 10 тыс. коек⁴⁶. Исполком

*Рис. 5. В.П. Пронин
во время интервью.
1 июня 1974 г.*

обсуждал вопросы состояния лечебной работы в госпиталях, организации культурных мероприятий для раненых и привлечения общественности по уходу за ними. Все это способствовало тому, что более 80% воинов, находившихся на лечении, возвращались обратно на фронт.

Исполком в годы войны решал самые разнообразные вопросы – о сиротах (была создана целая сеть детских учреждений, в т.ч. 35 детдомов, в которых воспитывались более 4 тыс. детей. В 1944 г. создано 13 детдомов санаторного типа. Благодаря этим мерам Москва избежала появления беспризорных), о питании детей, о многодетных и одиноких матерях, беременных женщинах, об эвакуации школьников и их возвращении, о строительстве новых школ – в 1943/1944 гг. их было открыто 10047.

Во всех делах и преобразованиях, как видно, немалую роль сыграл председатель исполкома Московского Совета В.П. Пронин. Его личная

инициатива, постоянная связь с людьми и забота о них, воля в борьбе за выполнение решений снискали к нему любовь и уважение москвичей.

7 декабря 1944 г. В.П. Пронин оставил пост председателя исполкома Моссовета – он был назначен первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР. Ему было поручено организовать работу по восстановлению 15 русских городов, наиболее пострадавших от войны. В 1945 г. по поручению правительства во главе экономической миссии СССР он неоднократно выезжал в Берлин и Польшу для оказания помощи в восстановлении их городского и республиканского хозяйства.

В 1946 г. В.П. Пронин был назначен министром трудовых резервов СССР, а в 1953 г. (в связи с упразднением ведомства) стал заместителем министра лесной промышленности, а затем – заместителем министра транспортного строительства СССР. В 1956 г. по болезни ушел на пенсию. (Рис. 5)

За большие заслуги перед Родиной В.П. Пронин удостоен 8 правительственных наград, в том числе двух орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, польского ордена «Возрождения Польши».

Умер В.П. Пронин 12 октября 1993 г. Похоронен на Кунцевском кладбище. На его могиле стоит такой же скромный памятник, каим был и он сам.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 2. Д. 97. Л. 9.

² Там же. Д. 104. Л. 13, 14; Оп. 1. Д. 679. Л. 217.

³ Алещенко Н.М. Руководители власти Москвы. 1917-1993 годы. Исторические портреты. М., 2004. С. 182-183.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1. Л. 12.

⁵ Архив Моссовета. Оп. 1. Д. 1. Отчет об оборонно-массовой работе.

⁶ Битва за Москву. Сборник воспоминаний. М.: Наука, 1968. С. 454.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 1. Д. 660. Л. 131.

⁸ Архив Моссовета. Сборник решений исполкома за 1940 год. Сборник № 43.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 1. Д. 739а. Л. 261, 262.

¹⁰ Архив Моссовета. Сборник решений исполкома № 25 за 1941 год.

¹¹ Битва за Москву. С. 455.

¹² Архив Моссовета. Ф. 255. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

¹³ Выстояли и победили. Сборник документов и материалов. М., 1966. С. 77.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 23. Д. 76. Л. 4.

- ¹⁵ *Архив Моссовета. Ф. 255. Оп. 1. Д. 501. Л. 115-122; Д. 2. Л. 55-58.*
- ¹⁶ *Там же. Д. 5. Л. 12; Д. 6. Л. 1, 43.*
- ¹⁷ *ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 2. Д. 121. Л. 7, 14.*
- ¹⁸ *Архив Моссовета. Ф. 255. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; Д. 6. Л. 25-30 об.*
- ¹⁹ *Алеценко Н.М. Указ. соч. С. 203.*
- ²⁰ *Там же. С. 190.*
- ²¹ *ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 1. Д. 719. Л. 156, 158.*
- ²² *Архив Моссовета. Сборник решений исполкома №№ 27, 28 за 1941 год.*
- ²³ *История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1964. С. 54.*
- ²⁴ *Битва за Москву. С. 467.*
- ²⁵ *ЦГА Москвы. Ф. 218. Оп. 1. Д. 9. Л. 324. Вечерняя Москва. 1941. 22 июня.*
- ²⁶ *Архив Моссовета. Сборник решений за 1941 год.*
- ²⁷ *ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 5.*
- ²⁸ *Москва-фронту. С. 106, 107, 108; Красная звезда. 1941. 24 декабря.*
- ²⁹ *Андреев П., Буков К. Подвиг города-героя. М., 1972. С. 35.*
- ³⁰ *Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 9. Оп. 38. Д. 14. Л. 21*
- ³¹ *Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 2-7.*
- ³² *Москва-фронту. С. 123.*
- ³³ *ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 12. Д. 64. Л. 141; Москва-фронту. С. 132.*
- ³⁴ *Там же. Ф. 3. Оп. 23. Д. 26.*
- ³⁵ *Москва-фронту. С. 139; Военно-исторический журнал. 1975. № 1. С. 75.*
- ³⁶ *Архив Моссовета. Сборник решений исполкома № 13, 14, 15 за 1941 год.*
- ³⁷ *ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 1. Д. 728. Л. 15-16; Д. 739б. Л. 247.*
- ³⁸ *Архив Моссовета. Сборники решений исполкома № 27, 34 за 1941 год; № 1, 13, 20 за 1943 год, № 3 за 1944 год.*
- ³⁹ *ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 66. Д. 13. Л. 6; Д. 3. Оп. 14. Л. 51.*
- ⁴⁰ *ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 66. Д. 37. Л. 21-23.*
- ⁴¹ *Алеценко Н.М. Указ. соч. С. 202.*
- ⁴² *Архив Моссовета. Сборник решений исполкома №№ 9, 11 за 1942 год.*
- ⁴³ *Там же. Сборник № 25 за 1941 год.*
- ⁴⁴ *Алеценко Н.М. Указ. соч. С. 205.*
- ⁴⁵ *ЦГА Москвы. Ф. 5314. Оп. 4. Д. 415. Л. 19.*
- ⁴⁶ *Там же. Оп. 1. Д. 719. Л. 159; Д. 739а. Л. 92.*
- ⁴⁷ *Там же. Д. 883. Л. 117; Сборник решений исполкома № 19 за 1944 год.*

*Татьяна Владимировна Растимешина,
Россия, Москва, МИЭТ,
профессор кафедры философии, социологии и политологии НИУ;
Добрынина Мария Владимировна,
Россия, Москва, НИУ МИЭТ
доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов*

Военно-техническое образование в России: истоки и традиции

В трудах большинства историков предпосылки зарождения инженерной отрасли образования связываются с рядом факторов, большая часть которых относится к разряду военно-политических. Внешне- и внутривнутриполитические причины можно обобщить в императив формирования имперской политики, нацеленной на освоение приморских территорий, ведение экспансионной, наступательной борьбы за плохо освоенные территории и превращение России в центр влияния геополитического масштаба. Цели обеспечения независимости государства с границами такой протяженности, необходимость укрепления пограничных позиций практически по всему их периметру, тем более, экспансионные амбиции Петра I требовали обеспечения их выполнения на высоком технологическом уровне посредством решения следующих задач: фортификационное укрепление территории, наведение переправ и мостов, строительство дорог, портов и крепостей, перевооружение и техническое оснащение регулярной армии и флота. Задача создания, оснащения

и обучения регулярной армии также, в качестве базового условия, подразумевала необходимость формирования в ее составе большого штата квалифицированных инженеров и военных инженеров. Петр I, как царь-архистратиг, осознавал стратегическую важность того, «чтобы офицеры знали инженерство, буде не все, то хотя часть оно»¹, рассматривая формирование «российского инженерства» как одно из ключевых приоритетов в реализации его амбициозных планов преобразования государства.

Вместе с тем, в рассматриваемый период инженеров для решения каких-либо задач не хватало, а уровень подготовки имеющихся не соответствовал требованиям времени. Несмотря на то, что всю свою жизнь Петр I лично курировал решение этой проблемы: от открытия новых учебных заведений до обеспечения их кадрами и учебными пособиями, он сам оставался инженером, участвуя в качестве проектировщика в разработке многих инженерных проектов и планов лично, и был единственным автором части из них, в частности «Аншлата крепостей» 1724 г.²

Вторым важнейшим фактором, вызывавшим необходимость развития компетенций русских инженеров, было интенсивное развитие технологий, способов и средств ведения войны: важнейшим катализатором к развитию являлась научная революция, ознаменованная широким распространением теоретических идей Ньютона (кодифицировавших революционный скачок от познания видимости к познанию сущности вещей). В XVII-XVIII вв. развитие военного дела и технологий шло самыми интенсивными темпами.

Профессиональные технические специалисты в русской армии до XVIII века были крайне редки. Те из них, чьи имена сегодня известны как имена редких экспертов в военно-инженерном деле, были, как правило, самоучками (среди них И. Ф. Выродков – организатор военной крепости Свияжска под Казанью, Ф. С. Конь – изобретатель и строитель, И. Я. Посник – архитектор храмов и крепостей). Несмотря на то, что Российское государство почти всегда вело одновременно несколько войн, а войскам требовалось техническое обеспечение фортификации, осад, обороны и т.п., инженерные подразделения в войсках на постоянной основе не создавались. В это время в западной Европе функционировали и развивались военные и инженерные учебные заведения, количество которых в первой четверти XVIII века было уже таким, что можно говорить об оформившейся системе инженерного образования, которую составляли рыцарские академии в Касселе, Люнебурге, Гаале, Каальберге, Эрлангене, кадетские корпуса во Франции³, технические школы и курсы в большинстве крупных городов Западной Европы. Выпускники этих учебных заведений составляли элиту инженерных корпусов армий Германии, Пруссии, Франции, Швеции.

В 17 веке в России на государственном уровне были предприняты ряд административных мер для корректировки ситуации нехватки инженерных специалистов, суть которых сводилась к концентрации рычагов управления всеми техническими специалистами в одном административном центре: в частности, подчинение строителей, архитекторов, каменщиков, специалистов по строительству крепостей, чертежников и переподчинение иностранных строителей из ведения Иноземного в ведение Пушкарского приказа. Однако эти меры не привели к формированию в русских войсках и в гражданских про-

ектах инженерных корпусов (групп технических специалистов). Показательно, что фактически единственным теоретическим руководством по военно-инженерному делу в течение столетия оставался изданный в 1621 году «Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся о военной науки», который, по своей сути был ничем иным как переводом трактата «О пушечных и иных разных ратных дел и мастерств»⁴.

Нараставшее на рубеже веков отставание в инженерном деле и в гражданской, и в военной областях в России преимущественно пытались компенсировать за счет привлечения иностранных специалистов для «повышения квалификации» российских инженеров. Однако при отсутствии отечественной системы инженерных учебных заведений эффективность этой меры была крайне низкой: к началу XVIII века отставание России от Западной Европы в области развития военных и инженерных технологий было настолько ощутимым, что ставило под вопрос не только военные перспективы русской армии, но и безопасность страны в целом.

Первым шагом к созданию новой системы образования в России стало так называемое «Великое посольство»: 50 молодых людей из России и сам Петр I в 1697 году осуществили «академическую мобильность» – учились в Голландии, Англии и Германии различным фундаментальным наукам и ремеслам. По возвращении в Россию государю открылась картина полного несоответствия состояния образования в России политическим и экономическим требованиям времени и уровню развития науки и просвещения на западе. В то время как в Западной Европе учебные заведения доктринировали ценности рационализма, гуманизма, становились центрами науки и просвещения, в России царил дух позднего Средневековья. Отсутствие учебных заведений, преподавателей, научных авторитетов, книг и учебников, квалифицированных специалистов во всех областях хозяйства и управления, порождало отставание России от западных стран в экономике, управлении, сельском хозяйстве, градостроении, инфраструктуре и т.п.⁵

Петр I с самого начала реформирования (фактически – создания) российской системы образования в качестве основы для образовательной политики между английской (немногочисленные элитные свободные от государства учебные

заведения университетского типа с ориентацией на длительное обучение и фундаментальные академические знания) и немецкой моделью (множество практикоориентированных учебных заведений по подготовке специалистов в узких областях, ориентированных на запрос государства) выбрал вторую. Только немецкая модель образования и соответствующая система взаимоотношений административной и образовательных систем могли обеспечить кадрами форсированную модернизацию всех отраслей хозяйства, армии и государства в целом⁶.

Кроме того, благодаря оплодотворению идеями рационализма, картезианства, гуманизма и идеологией Просвещения в целом, «эпоха Петровских реформ принесла с собой новое мировоззрение, рациональный подход к образованию и обогатила образовательный процесс ценностными категориями, впоследствии приобретшими характер фундаментальных и традиционных. Прежде всего, образование стало самостоятельным предметом государственного попечения и с начала Петровской эпохи вступило в эру официальных регламентированных взаимоотношений с государством, с самого возникновения носивших системный характер <...>, в содержании образования возникла, а затем закрепилась государственная идеология <...>; с начала петровских преобразований обучение стало частью исполнения гражданского долга, а усердие в овладении знаниями — обязательным элементом патриотического отношения к государству. С начала XVIII в. образовательная система самоидентифицировалась как дело государственной важности»⁷.

Первым гигантским шагом к созданию системы российского образования стало открытие уже в первые годы после возвращения из заграничного тура Петра I более ста новых светских учебных заведений — школ, училищ и учебных подразделений⁸. При этом, согласно мысли Петра — реформатора, инженерное образование, не мыслимое им вне пределов военного образования, должно было стать основой создания регулярной боеспособной армии.

Большинство отечественных специалистов сходятся во мнении, что последней причиной, вынудившей царя подойти к решению вопроса специального инженерного образования последовательно и системно, стало поражение

русской армии в Нарвском сражении ноября 1700 года.

В основу системы инженерного образования в России было положено несколько основных принципов:

1) принцип отказа от элитарности, расширения доступа к образованию, государственной военной и гражданской службе для различных сословий. Так, согласно Указу Петра I от 31 октября 1701 года, люди «всяких чинов» могли поступить на солдатскую службу⁹;

2) принцип расширения образовательного пространства, максимизация количества «точек доступа к обучению»: помимо специализированных учебных заведений создавались учебные подразделения в армии, на флоте, при стройках и т.п. Так, Петр I был инициатором и после учреждения куратором учебного корпуса (артиллерийской школы при бомбардирской роте) Преображенского полка, тщательно отслеживая преподавание и экзамены в военной школе бомбардирской роты;

3) принцип импорта знаний и специалистов. Петр I всячески благоприятствовал и поощрял экспертную деятельность иностранных специалистов, используя, в том числе, личные связи самого высокого уровня (так, в письме королю Польскому Августу II 28 сентября 1700 года он выражает благодарность за присылку в войска инженерного специалиста: «Зело благодарствуем Вашему Величеству и любви, что изволили к сему случаю войны общей сего генерал-лейтенанта и инспектора инженерам с прочими прислати»¹⁰). На службе в российской армии с 1693 по 1702 годы находились 26 инженеров иностранного происхождения: немцев, голландцев, англичан, поляков¹¹;

4) ориентация в подготовке специалистов на военно-стратегические задачи государства. С момента своего зарождения и в процессе развития инженерное образование почти всегда будет оставаться сферой особой административной заботы и попечения со стороны государства. Эта тенденция ослабевала в некоторые относительно короткие периоды развития России, но на протяжении десятилетий ее можно отследить, анализируя прямые бюджетные ассигнования и косвенные бюджетные затраты на систему инженерного образования, а также количестве и уровень издаваемых государством норматив-

ных актов и регламентов, кодифицирующих ее функционирование;

5) Практикоориентированность и адаптивность по отношению к военным и экономическим нуждам государства.

Практикоориентированность инженерного образования можно проследить на основе анализа тех компетенций, которые государство требовало формировать у инженерных специалистов. В начале XVIII века инженерные компетенции были, в первую очередь практикоориентированы на решение задач армии и флота, поэтому первые государственные стандарты в отношении инженерного образования, включавшие знания чертежного дела, фортификации, наведения мостов и других основ инженерного дела, были исключительно полно кодифицированы в Уставе воинском 1716 года. В частности, согласно Уставу «инженеры зело потребны суть при атаке, или обороне... Когда место, какое имеет, осажено будет, тогда надлежит высшим генералам его прилежно осмотреть, и сколько возможно рисовать, при том свое мнение подать, где крепость наилучше и способнейшее атаковать»¹². Иными словами, высшие армейские чины, согласно замыслу Петра I должны были обладать навыками проектирования комплексов фортификационных сооружений в условиях боевых действий. «Дело инженерам есть при строении городов и осадах чинить подкопы, вести сапы и во время нужды, прочими подкопщиками, путь и мост армейскому ходу починивать»¹³, то есть умение наводить мосты также входило в обязанности военного инженера. Кроме того, согласно уставу, инженер в русской армии должен был владеть следующими компетенциями: составление чертежей и карт местности; совершенствование и ремонт старых, проектирование и строительство новых крепостных сооружений (крепостей); проектирование и строительство линий обороны, долговременных осадных и полевых укреплений; осадные и оборонительные работы (рвы, подкопы и т.п.); обеспечение действий артиллерии на море и на суше и т.п.¹⁴ Работы, связанные с проектированием и инспектированием, возлагались на иностранных инженеров, организация и осуществление строительства поручалось отечественным инженерам первого разряда. Кроме того, согласно «Определению»

1722 года, в мирное время полковой инженер должен был обучать инженерному делу младших офицеров¹⁵.

Датой рождения российской системы инженерного образования следует считать 14 (25) января 1701 года – день издания Указа Петра I о создании школы «Математических и навигацких, то есть мореходных, хитростно искусств учения» (ее стало принято называть Навигацкой школой)¹⁶. Следует отметить, что несколькими днями ранее, 10 (21) января была также учреждена школа на Пушечном дворе. Ввиду того, что в архивах не сохранилось сведений о самом указе, у историков нет единого мнения, как называлась школа и специалистов какого профиля готовила. Самым распространенным является мнение, согласно которому Навигацкая служба учреждалась преимущественно для подготовки специалистов морского дела, в то время как школа на Пушечном дворе должна была готовить «сухопутных» инженеров¹⁷, причем часть экспертов утверждают, что она специализировалась на подготовке инженеров-артиллеристов¹⁸.

Представляется, что максимально перспективной, с точки зрения объяснения особенностей зарождавшейся в России системы инженерного образования, является гипотеза, согласно которой и Навигацкая школа, и школа на Пушкарском дворе (изначально задуманные, действительно, для удовлетворения потребностей флота и сухопутных войск, соответственно), длительное время были многопрофильными¹⁹. Каждая из школ и открытых позднее учебных заведений была ориентирована на подготовку специалистов, обладающих универсальными компетенциями. Причем многопрофильность инженерного образования в России длительное время также оставалась одной из его характерных особенностей, вызванной необходимостью обеспечить кадрами и вооруженные силы, и экономику в условиях реализации из форсированной тотальной модернизации.

О деятельности Школы на Пушечном дворе сохранилось меньше сведений чем о Навигацкой, однако предположительно образование в ней было двухуровневым: на первых уровнях изучались общие основы инженерных наук: алгебру, геометрию, тригонометрию, геодезию, навигацию, а вторым уровнем, по мнению некоторых специалистов, была, собственно «Инже-

нерная школа» (в ней дополнительно изучалась фортификация, чертежное дело и т.д.)²⁰. В связи с существованием этой устойчивой версии об устройстве школы на Пушкарском дворе, именно дата ее основания, согласно Указу Президента РФ №1370 от 18 сентября 1996 года «Об установлении Дня инженерных войск» и приказу МО РФ от 23 сентября 1996 года считается Днем инженерных войск в РФ. Так, в приказе Министра Обороны декларируется, что «история становления и развития российских инженерных войск ведет свой отсчет от эпохи создания Петром I регулярной русской армии и флота. Указом Петра I от 10 (21) января 1701 г. Была создана первая Инженерная школа, выпускниками которой в 1701 году стали комплектоваться первые инженерные подразделения».

В первых инженерных учебных заведениях реализовывался принцип расширения возможностей доступа к образованию для различных сословий. Однако отчасти этому способствовало небрежение аристократии к книжной учености. Поэтому косвенно благодаря нежеланию дворянских детей учиться, студенты из других сословий (не только дворянские сыновья, но сыновья «дьячих, подьячих, из домов боярских и других чинов») имели возможность поступить в школу, затем в армию или на государственную службу. Для детей представителей третьего сословия доступные школы обеспечили доступ к важнейшим в России социальным лифтам: службе в армии и администрации. Причем существовала система мотивирования к добросовестному учению. Длительная и влекущая множественные потери личного состава Северная война вызвала необходимость пополнения офицерского и унтер-офицерского состава: слушатели Инженерной школы могли быть отправлены в войска до прохождения полного курса обучения, по окончании первого курса, однако успевающие слушатели определялись на унтер-офицерские должности, неуспевающие могли быть определены рядовыми.

Дети из богатых семей жили во время обучения за свой счет, в то время как не имеющие средств получали казенное содержание («кормовые деньги», то есть первую в нашем государстве государственную стипендию²¹). Таким образом, школы, пусть и в незначительном масштабе, способствовали решению не только

военно-политических и экономических, но и, в определенной степени, социальных проблем.

В Навигацкой школе с 1701 по 1712 обучалось до 500 человек одновременно²², в то время как в Инженерной школе (школе на Пушкарской площади) проходили обучение от 170 до 280 человек²³. Однако соответствующее количество выпускников не удовлетворяло задачам форсированной модернизации.

Другой проблемой было отсутствие русских преподавателей: для преподавания в государственных школах приглашались преимущественно иностранные специалисты (так, А. Д. Фарварсон из Швеции был профессором математики и директором Навигацкой школы). Однако студенты не имели языковой подготовки, слушатели из низших сословий подчас не умели читать и писать даже по-русски (обучение для части студентов начиналось с изучения букваря и азов арифметики), а нанятые переводчики не владели специальной терминологией²⁴. Профессора русского происхождения на стадии становления инженерного образования были скорее исключением (в частности, русский математик Л. Ф. Магницкий²⁵. Все эти обстоятельства делали обучение инженерному делу длительным, дорогим и мало эффективным процессом.

На первом этапе проблема решалась за счет создания стимулов к открытию частных школ и курсов иностранными «специалистами», однако слушатели частных школ сетовали на несправедливые условия и низкое качество образования в этих учреждениях, жалобы подавались даже на высочайшее имя²⁶. В результате, часть студентов были отсланы для продолжения обучения в Германию, часть доучивалась в России на курсах инженера-капитана Шпарейтера и сержанта Рыбникова²⁷.

Накопившиеся противоречия могли быть разрешены только системно и только на политическом уровне за счет учреждения большего числа учебных заведений и расширения имевшейся образовательной базы. Первым шагом к решению проблем было решение, кодифицированное Указом Петра I от 16 января 1712 года, предписывающее «школу инженерную умножить, а именно отыскать мастера из русских, который бы учил цифири, <...> и когда арифметику закончат, учить геометрию столько, сколько для инженерства надлежит; <...> Инженеру учить фор-

тификацию и держать всегда полное число 100 человек или 150, из которых чтоб две трети <...> были из дворянских детей»²⁸. Таким образом, в России было учреждена первая специализированная инженерная школа.

Следует отметить, что Указ Петра I в части контингента обучающихся длительное время не исполнялся: в 1713 году слушателями школы являлись только 23 человека (поступление в инженерную школу не было престижным, особенно для отпрысков дворянского сословия), поэтому был издан Указ царя, предписывающий для обучения инженерному делу «набрать из всяких чинов людей, <...> а набрав велеть <...> учить прилежно инженерной науке»²⁹. Однако, несмотря на все административные усилия, Инженерная школа не стала инструментом решения кадровой проблемы, поскольку выпускаемые инженеры, особенно из дворян, не обладали необходимыми знаниями и квалификацией, «только спеси в них было довольно». Значительную часть квалифицированных специалистов по-прежнему составляли иностранцы: в различных отраслях народного хозяйства и родах войск их число составляло от 20 до 50%³⁰.

Продолжалась практика функционирования частных инженерных школ, однако качественное изменение ситуации наметилось только после открытия новых учебных заведений инженерного профиля: Инженерной учебной роты в Санкт-Петербурге (Указ Петра I от 16 марта 1719 года)³¹, которая трансформировалась в инженерную школу; Инженерная школа в Москве (Указ от 22 июня 1720 года). Впоследствии (в 1723 году) две школы были объединены в Санкт-Петербурге, контингент московских воспитанников был переведен в столицу. Эффект от увеличения количества инженерных школ заключался в резком сокращении числа иностранцев, принятых на службу в России. Соответственно, 20-е годы XVIII века следует считать переломным моментом в русской инженерии: отечественные специалисты впервые начали замещать иностранцев.

Важной особенностью новых инженерных школ стала их практикоориентированность. Начиная с 1719 года требования к организации обучения выросли: обязательным условием стало составление и административное утверждение учебных планов и программ; значительная часть учебного времени должна была быть отведена

на практические занятия. Петр I лично писал начальникам Инженерных школ, указывая на необходимость «на земле практиковать, перво малыми моделями, а потом обыкновенно, как следует»: курс на практикоориентированность также была следствием предпочтения государем немецкой образовательной модели и его особого внимания именно к инженерному образованию. В то время как содержание образовательных программ большинства учебных заведений определялось на административном уровне лишь в общих чертах (министерскими циркулярами регламентировалась лишь общая направленность учебного процесса в учебных заведениях определенного профиля), инженерные курсы рассматривались в стратегическом ключе, были предметом особенного государственного попечения, строго регламентировались на высочайшем уровне. Министерства, ведомства, инспектора в течение всех последующих десятков лет пристально отслеживали реализации учебных программ и планов учебных заведений технической направленности³². В то время как специалистов, тем более, профильных специалистов не хватало во всех сферах, царь (император) лично отслеживал комплектование кадрами инженерных учебных заведений, а также обеспечение их оборудованием и учебными пособиями³³.

Благодаря принятым мерам, качество обучения инженерному делу в различных учебных заведениях после 1712 года заметно возросло, однако престиж инженерной профессии по-прежнему оставался низким. Генерал-майор ДеКулон многократно обращался к Сенату и Царю с предложениями по повышению престижа инженерства и в Указе от 27 января 1721 года кодифицировался принцип поощрения успевающих выпускников повышением в чинах и наказания – неуспевающих: «Ежели инженерные ученики и кондукторы <...> совершенно практике обучат и будут знать, то повышением в чин из учеников в кондукторы, а из кондукторов в прапорщики инженерные не будут оставлены, а ежели отучатся и знать не будут, <...> то повышены в чинах не будут»³⁴.

Как отмечалось, государственная служба была главным и, по сути, единственным карьерным лифтом, особенно для представителей третьего сословия. Поэтому содержащееся в Указе предписание стало важнейшим стимулом для дворян-

ских детей к радивому обучению и фактором повышения престижа инженерного образования. После объединения инженерных школ, Санкт-Петербургская школа довольно быстро стала престижным учебным заведением: уже в 1724 году Указом Главной Артиллерии набор в школу был прекращен ввиду того, что слушателей оказалось «довольное число сверх комплекта».

Таким образом, эпоха Петра I справедливо считается периодом становления российской системы инженерно-технического образования. В рамках реформ Петра I, представлявших собой форсированную модернизацию всех сфер жиз-

ни государства и общества в режиме «сверху» и в результате реализации мер, которые были предприняты государством для создания системы технического обеспечения реформ: импорт иностранных специалистов, открытие инженерных школ и инженерных рот, стимулирование развития частных школ, мотивирование дворянских детей и третьего сословия к получению инженерного образования, – в начале XVIII века были заложены основы системы инженерного образования и оформились наиболее значимые принципы осуществления государственной политики в отношении инженерного образования.

- ¹ *Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. М.: Воениздат, 1958. 211 с. С. 37.*
- ² *Шперк В. Ф. Долговременная фортификация. Ч. 1. История долговременной фортификации. М.: ВИА, 1952. 580 с. С. 140.*
- ³ *Харламов В. И. Русская военная школа. Т. 1. (1700-1862). М.: Академия ПВ ФСР РФ, 1997. 278 с. С. 40.*
- ⁴ *Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. С. 37.*
- ⁵ *Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре великом. М.: Университетская типография, 1872. 144 с. Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год / Сост. Н.А. Лебедевым. – 2-е изд., испр. и доп. СПб: тип. А. Циммермана, 1875. 228 с. Аделунг Ф. П. Барон Мейерберг и путешествие его по России : Пер. с нем. / Изд. Федором Аделунгом, д. с. с. и кавалером. – СПб: тип. К. Крайя, 1827. – VIII, 374 с.*
- ⁶ *Тимошенко С. П. Инженерное образование в России. Люберцы: Произв.-изд. комбинат ВИНТИ, 1996. – 81 с.*
- ⁷ *Растимешина Т. В., Лункина Ю. В. Традиции в отечественном образовании: взгляд из нового тысячелетия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 91-98. С. 96-97.*
- ⁸ *Лебедев Н.А. Указ. соч. С. 57.*
- ⁹ *ПСЗ – 1. Т. IV. СПб. 1830. №2937. С. 173 – 176.*
- ¹⁰ *История царствования Петра Великого. Том четвертый. Часть II. Приложения. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1863. 706 с. С. 4.*
- ¹¹ *Фабрициус И. А. Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I / Сост. И. Фабрициус. Очерк 1 – Инженерное управление и его средства. – Санкт-Петербург: тип. Спб. акц. о-ва печ. и писчебумаж. дела в России "Слово", 1903. 578 с.*
- ¹² *Там же. С. 111.*
- ¹³ *Там же*
- ¹⁴ *Инженерные войска России: Исторический очерк / Под ред. Н.И. Сердцева. М.: ВИУ, 2001. 396 с. С. 23.*
- ¹⁵ *Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России / Ф. Ласковского, военного инженер-генерал-майора. – Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1858-1865. Ч. 2: Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. 1861. V, 642 с. Лебедев Н.А. Указ. соч.*

- ¹⁶ Военно-инженерная академия им. В.В. Куйбышева. 150 лет. М.: ВИА, 1969. 544 с.
- ¹⁷ Там же. С. 16.; Н. Т. Держицкий, М. В. Ерошенко. К вопросу о зарождении и развитии военно-инженерного образования в России // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. М. Воениздат. 1958. С. 36–46; Там же. С. 20
- ¹⁸ Шперк В. Ф. Указ. соч. С. 30; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории : Ч. 1 / По распоряжению Мор. Мин-ва. СПб: Тип. Демакова, 1875. 652 с. С. 61.
- ¹⁹ Подтверждение этому находим в письме Петра I Ф. М. Апраксину. Царь пишет, что Навигацкая школа «не токмо морскому ходу нужна, но и артиллерии, и инженерству». Цит. по Ласковский Ф. Ф. Материалы к истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб, 1981. С. 199.
- ²⁰ Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. С. 37. Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Машкин Н. А. Военная школа Российской империи XIX – XX веков. М.: Изд. Центр «Академия», 1997. 347 с.
- ²¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории : Ч. 1 / По распоряжению Мор. Мин-ва. СПб: Тип. Демакова, 1875. 652 с. С. 591-593.
- ²² Российский государственный архив Военно-морского флота. Фонд адмиралтейской коллегии. 1721. Д. 25. Лл. 1-2 об.
- ²³ История отечественной артиллерии / Отв. ред. Маршал артиллерии С. С. Варенцов; Научно-исследовательский артиллерийский институт № 1. – М.: Воениздат, 1959. – 5 т. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). 1960. 687 с. С. 61.
- ²⁴ Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. С. 37.
- ²⁵ Прудников В. Е. Русские педагоги математики XVIII – XIX вв. М.: Учпедгиз, 1956. 640 с. С. 46
- ²⁶ Савельев А. И. Исторический очерк Инженерного управления в России / сост. Ал. Савельев. Санкт-Петербург: Тип. Р. Голике, 1879-1899. Ч. 1. 1879. VI, 322 с. С. 46.
- ²⁷ Архив АИМ, ф. ШГФ. Св. 6. Л. 440, 453, 514.
- ²⁸ ПСЗ. Т. 5. С. 778
- ²⁹ ПСЗ. Т. 5. С. 70
- ³⁰ Харламов В. И. Указ. соч. С. 85.
- ³¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 210.
- ³² Харламов В. И. Указ. соч. С. 87.
- ³³ Там же. С. 120-121.
- ³⁴ Фабрициус И. А. Указ. Соч. С. VII; Ласковский Ф. Ф. указ. соч. Ч. II. С. 195.

*Елена Игоревна Самарцева,
Россия, Тула, Тульский государственный
музей оружия, ученый секретарь,
профессор Тульского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор*

Начальники Тульского оружейного завода второй половины XVIII — нач. XIX вв.: источниковедческий аспект

Многовековая история Тульского оружейного завода (ТОЗ) неизменно привлекает к себе внимание. Не ослабевает интерес к биографиям начальников завода, среди которых: Хомяков Федор Тимофеевич, Бибиков Илья Александрович, Жуков Афанасий Семенович и др. Определенный вклад в расширение источниковой базы по этому вопросу внесли участники международного проекта: «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII века: по материалам Орловской, Тульской и Московской губерний».

Около 10 лет назад ряд ученых из России, Германии и Канады поставили перед собой непростые задачи, в том числе, чтобы с помощью новых источников, методов исторической антропологии и локальной истории собрать материал для объективного осмысления истории русской провинции XVIII в. Научным руководителем проекта стала к.и.н., Ph.D., профессор Глаголева Ольга Евгеньевна (Россия–Канада); организационную сферу возглавила Ингрид Ширле (Германия).

«Российская газета» отметила, что это – один из наиболее ярких примеров сотрудничества ученых под эгидой Германского исторического института: «Уникальность проекта в том, что впервые историки совместно работают над созданием интерактивной базы данных с публикацией архивных документов, справочных материалов и исследовательских статей на сайте проекта <http://adelwiki.dhi-moskau.de>. Сайт также является дискуссионным форумом, где участники проекта могут обсуждать и редактировать результаты исследований в онлайн–режиме. К части материалов базы данных доступ открыт для всех интересующихся»¹.

На сегодняшний день все 13 участников проекта обобщили богатый документальный материал. В значительной степени этому способствовала работа в рукописных отделах крупнейших библиотек и архивах.

За прошедшее время участники подготовили немало публикаций², приняли участие в ряде научных форумов, включая Международный симпозиум славистов (Бостон, 2009), конгресс

ФИО:	Хомяков Федор Тимофеевич ^[1] (м.)
Годы жизни:	?-на 1767 г. покойный
Ранг:	Действительный статский советник (1755 г. ^[1])
служба:	Командир Тульского оружейного завода с 1755 г. ^[1]
Военная служба:	полковник Азовского полка в 1745 г. ^[2]
Благоприобретенные имения (где, кол-во душ и т.д.):	Тульская губ., Тульский у.: Алексеевская, Тульский у., Тульская губ., пустошь, покупает в 1745 г. у Арсеньева Василия Кузьмина ^[2]
Супруг/а/и:	Хомякова Дарья Лаврентьевна, на 1767 г. вдова "(числа) 22 Отъезды генерал (слово вписано над строкой) поручика Федора Тимофеева сына Хомякова от жены его вдовы Дарьи Лаврентьевой определенным к выбору предводителем начальникам нижеписанных уездов 771 Тульского 772 Володимирского Марта 28 ^[3]
Фрагменты текстов, цитаты:	"Бригадир (в Вашем списке под №164 на 1767 год без чина) Федор Хомяков. В 1741–1746 годах полковник Азовского драгунского полка; в 1750 году бригадир в Финляндии при драгунских полках; в 1755 году бригадир в Москве (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7006 (Именные списки генералов и штаб-офицеров армии, гарнизонов и военных учреждений на 1741 год). Л. 22; Д. 7007 (Именные списки генералов и штаб-офицеров армии, гарнизонов и военных учреждений на 1742 год). Л. 12 об.; Д. 7008 (Именные списки генералов и штаб-офицеров армии, гарнизонов и военных учреждений на 1743 год). Л. 16 об.; Д. 7009 (Именные списки генералов и штаб-офицеров армии, гарнизонов и военных учреждений на 1746 год). Л. 14 об.; Д. 7010 (Именные списки генералов и штаб-офицеров армии, гарнизонов и военных учреждений на 1750 год). Л. 11; Д. 7134 (Список генералитета и штаб-офицеров на 1755 год). Л. 9)." ^[4] Хомяков, Федор Тимофеевич, генерал-поручик, поступил на службу рядовым в 1708 г. и участвовал в Полтавском бою, а год спустя в атаке г. Риги. В чине полковника, командуя Азовским драгунским полком, он отличился в Крымском походе 1738 года под Перекопом, взяв с боя два знамени и полковую пушку. В Шведской кампании 1742 года Х. с одним эскадроном гусар и несколькими казаками атаковал шведов близ Эльцен-Кирки и, встретив превосходного в числе врага, несколько часов держался со своим небольшим отрядом на позиции до прихода подкреплений. С переходом в гражданскую службу Х., в чине действ. статского советника, с 1755—1756 г. управлял Тульской оружейной канцелярией, а в 1758 г. был уволен от службы с чином ген.-поручика. Дела армейского поветья, опись 8, кн. 369 (Моск. архив Главн. Штаба). ^[5]

Рис. 1. Персональная страница «Хомяков Федор Тимофеевич» на сайте проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII века: по материалам Орловской, Тульской и Московской губерний»

«История семьи – история народа» (Сантьяго-де-Компостела, 2011), международную конференцию по исторической русистике (Будапешт, 2015) и др.

Предстоит издать не один том коллективных исследований, открыть для широкого круга интересующихся тысячи страниц сайта. Вместе с тем о некоторых аспектах работы допустимо рассказать сегодня.

Итак, создана обширная (около 18 000 страниц) интерактивная база данных на сайте проекта <http://adelwiki.dhi-moskau.de>.

Информация о представителях дворянского сословия, их имениях собиралась и группировалась по единому шаблону. В общей сложности – из 70 структурных компонентов: фамилия, имя, отчество, род, образование, усадьбы, военная служба и т.д. В нашем случае небезынтересно обратить внимание на информационные детали, касающиеся начальников ТОЗ. Данные, собранные на их персональных страницах, получены не в результате целенаправленной работы (задачи участников проекта определялись ины-

ми критериями), но значимы как исторические дополнения и, быть может, повод для дальнейших специальных исследований.

Начнем с Хомякова Федора Тимофеевича, который возглавлял ТОЗ в 1755 – 1756 гг. На сайте проекта его персональная страница (ПС) создавалась и корректировалась с 14 декабря 2010 г. по 11 февраля 2017 г. Информация не велика по объему (Рис. 1). Тем не менее, на основе данных РГАДА, РГВИА, ГАТО и др. источников расширяются сведения, имеющие отношение к его имениям, супруге, военной службе. Воспользуемся разделом ПС «Фрагменты текстов, цитаты», где, в том числе, приведена выдержка из Русского биографического словаря А.А. Половцова (Русский биографический словарь: Бетанкур-Бякстер. – Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. Главное упр. уделов, Т. 21):

«Хомяков, Федор Тимофеевич, генерал-поручик, поступил на службу рядовым в 1708 г. и участвовал в Полтавском бою, а год спустя в атаке г. Риги. В чине полковника, командуя Азовским драгунским полком, он отличился в Крымском походе 1738 года под Перекопом, взяв с боя два знамени и полковую пушку. В Шведской кампании 1742 года Х. с одним эскадроном гусар и несколькими казаками атаковал шведов близ Эльцен-Кирки и, встретив превосходного в числе врага, несколько часов держался со своим небольшим отрядом на позиции до прихода подкреплений. С переходом в гражданскую службу Х., в чине действ. статского советника, с 1755–1756 г. управлял Тульской оружейной канцелярией, а в 1758 г. был уволен от службы с чином ген.-поручика. Дела армейского поветья, опись 8, кн. 369 (Моск. архив Главн. Штаба)»³.

Перейдем далее. Уточняющая информация об Илье Александровиче Бибикове (во главе ТОЗ с 1756 по 1763 гг.) корректировалась с 6 августа 2011 г по 28 ноября 2018. Данные преимущественно основаны на изучении фондов РГАДА и ряда справочных материалов. Достаточно заполнены разделы ПС: «образование», «военная служба», «участие в военных кампаниях», «дети», «имения», нек. др. Раздел ПС «Фрагменты текстов, цитаты» рекомендует помимо Русского биографического словаря А.А. Половцова (Т.3), уделить внимание таким источникам, как

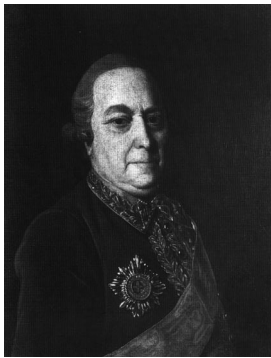

Рис. 2. Фотография портрета Афанасия Семеновича Жукова (Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись XVIII – XX веков. Т. 2. Живопись XVIII века. М.: Красная площадь, 1998)

Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826; Энциклопедический лексикон Плюшара; Справочный энциклопедический словарь Крайя (под редакцией А.В. Старчевского); Российская Родословная книга, изданная князем П.В. Долгоруким (т. IV. СПб., 1857); Масловский Д.Ф. Русская армия в семилетнюю войну. В 3-т. (М., 1886–1891) и др.

В итоге, говорим об Илье Александровиче Бибикове – «ученейшем генерале XVIII века», инженере, генерал–поручике. Даты жизни, видимо, 1698 г. – 6 апреля 1784 г. Был сыном стольника Александра Борисовича Бибикова. В 1715 г. поступил на службу по инженерной части под начальство генерал–фельдцейхмейстера графа Я.В. Брюса, «относившегося к нему с большим расположением». К 1741 г. имел чин инженер–полковника, а 25 апреля 1749 г. произведен в генерал–майоры. Принимал участие в Семилетней войне. Отличился в сражениях при Кунерсдорфе и особенно при осаде Кольберга. В дальнейшем инженерные познания И.А. Бибикова были использованы «для укрепления разных мест»: Таганрога, Кизляра, Моздока и Бахмута и т.д. «В начале царствования Екатерины II» И.А. Бибиков был назначен начальником Тульского оружейного завода, произведен в генерал–поручики. В отставку вышел по болезни в 1764 г.⁴

С 15 декабря 2011 г. по 21 июля 2016 г. участники проекта выложили на ПС «Жуков Афанасий Семенович» (возглавлял ТОЗ в 1763–1782 гг. Рис. 2) большой и разноплановый материал. Биография генерал–поручика, начальника Тульского оружейного завода и «бывшей при нем оружейной канцелярии», в целом, известна. В источниковедческом плане наибольший интерес представляет раздел ПС «Имения» (Рис. 3).

Подробно расписаны владения А.С. Жукова в Лихвинском уезде Калужской губернии, Кинешемском уезде Костромской губернии; в уездах Московской губернии: Боровском, Подольском, Дмитровском, Малоярославецком, Рузском, Клинском; в уездах Тульской губернии: Каширском, Веневском, Чернском, Одоевском. По ссылкам можно перейти на страницы, посвященные совладельцам имений или же самим имениям. Например, если открыть «Село Дьяково, Дмитровский у., Московская губ.», то получим информацию социально–экономического плана. В частности, приведены сведения из книги: Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII в. Карты уездов. Описание землевладений. Т. 1–2. М., 2004. Т. 1. С. 200. (Дмитровский уезд). Таким образом, уточнены земельные владения, а именно: «...межевал 30 апреля 1770 г. Полянской. Пашня 128 д 619 с, лес 244 д 874 с, селение 19 д 1556 с, сенной покос 30 д 148 с, дороги 3 д 2356 с, реч. 1 д 630 с, всего 427 д 1403 с...».

В разделе «Соседние усадьбы» можно узнать не только перечень близлежащих усадеб, но и по ссылке «Большое Сокольниково (Сокольники), Дмитровский у., Московская губ., Горки (Никольское, Горки тож), Дмитровский у., Московская губ. (в шести верстах)» перейти во владение полковника Титова Василия Васильевича. О самом Дьяково в соответствующих разделах содержится немало интересных деталей, например, что Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была основана не позже XVI в., «прибыла» в 1678 г.; была деревянная на 1705 г. А деревянная церковь с трапезной и колокольней, построена в 1740 г. на средства А.С. Жукова. В трапезной – Никольский и Димитриевский приделы.

Среди гостей, посещавших Дьяково, составители ПС выделяют Яньковых Дмитрия Александровича и Елизавету Петровну (у них есть свои ПС); отмечают, что позже (при внуке Жукова – Никифоре Ивановиче) подолгу гостил граф Федор Петрович Толстой (тайный советник и вице–президент Академии художеств России)⁵.

Исторические сведения о Гурьеве Гаврииле Федотовиче, начальнике ТОЗ с 1782 по 1785 гг. собирались с 21 октября 2009 г. по 23 сентября 2015 г. Кстати, на ПС его деятельность в качестве руководителя завода не отражена. Тем не менее, речь идет не о некоем полном тезке Г.Ф. Гурьева. Участник проекта к.и.н. Л.М. Кондакова

ФИО:	Жуков ^[1] Афанасий ^[4] Семенов сын ^[11] , (м.)
Имени:	Калужская губ., Лихвинский у.:
	с. (село ^[10]) Валино, Лихвинский у., Калужская губ. ^[11]
	Костромская губ., Кинешемский у.:
	с. Хоботово, Кинешемский у., Костромская губ. ^[11]
	Московская губ., Боровский у.:
	д. Большие Весы, Макаево тож, Боровский/Подольский у., Московская губ. ^[12] ;
	пустошь Гаврилово, Макаево тож, Боровский/Подольский у., Московская губ. в споре с Остерманом Федором Андреевичем ^[13] ;
	пустошь Климовская, Боровский/Подольский у., Московская губ. в споре с дер. Кузовлевой ^[14] ;
	пустошь Колпаково, Боровский/Подольский у., Московская губ. (Совладелица на 1770 г.: Челищева Аграфена Иванова) ^[15] ;
	пустошь Татаринки, Малая Хохловская тож, Боровский/Подольский у., Московская губ. в споре со Василием Ивановичем Стрешневым ^[16] ;
	Московская губ., Дмитровский у.:
	с. Дьяково, Дмитровский у., Московская губ. ^[17] (с 1733 г.) ^[18] .
	Московская губ., Подольский у.:
	д. Кузовлева, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. ^[19] ;
	пустошь Аннинское, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. ^[20] ;
	пустошь Бавьино, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. ^[21] ;
	пустошь Горюново, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. (Совладелицы на 1770 г.: Богданов Артемий Петрович, Челищева Николай Григорьевич, Богданова Ксения Степановна, Гурьева Евдокия Михайловна) ^[22] ;
	пустошь Костино, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. (Совладелицы на 1770 г.: Панов Николай Васильевич, Панова Прасковья Ивановна, гр. Головина Анастасия Степановна, Евлашева Иван Осипович, Шатилова Евдокия Осиповна, Евлашева Анастасия Михайловна) ^[23] ;
	пустошь Мокрая Поляна, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. (Совладелицы на 1770 г.: Панов Николай Васильевич, Панова Прасковья Ивановна) ^[24] ;
	пустошь Повалущицево, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. ^[25] ;
	пустошь Стопино, Малоярославецкий/Боровский/Подольский у., Московская губ. (Совладелицы: Челищев Тимофей Илларионович, Челищев Николай Григорьевич, гр. Головина Анастасия Степановна, Панова Прасковья Ивановна, Абазышева Домна Яковлевна в споре с Завалициным Гавриилом Алексеевичем) ^[26] ;
	Московская губ., Рузский у.:
	с. Покровское, Рузский/Клинский у., Московская губ. ^[27] ;
	пустошь Касилово, Рузский/Клинский у., Московская губ. (Совладелица на 1769 г.: Сытина Прасковья Степановна) ^[28] ;
	пустоши Подлипки Большие и Малые, Рузский/Клинский у., Московская губ. (поверенный утверждает, что эта земля в Дмитровском уезде) ^[29] .
	Тульская губ., Каширский у. ^[3]
	д. Назарьева, Каширский у., Тульская губ. (Ростовский стан) ^[30] ;
	за сыном в 1770 г. с. Назарьево, Каширский у., Тульская губ., "артиллерии майора Ивана афанасьева Жукова с прочими" 136 душ м.п. ^[31] .
	Тульская губ., Веневский у.:
	с. Ольховец, Федоровское тож, Веневский у., Тульская губ. (Есенецкого стана) (Совладелицы: Приклонский Иван Михайлович, Синяев Николай Федорович) ^[32] , "Альховец", совместное владение "с прочими" (на 1777 г. - 271 душа м.п.) ^[33] ;
с. Избищи, Веневский у., Тульская губ. совместное владение "с прочими" (на 1777 г. - 68 душ м.п.) ^[34] ;	
д. Избищи, Веневский у., Тульская губ. (Есенецкого стана). ^[35] (Совладелицы: Кораблин Иван Яковлевич, Шишкин Иван Филиппович, Шишкина Ефимия Артамоновна) ^[36] ;	
д. Избища, Веневский у., Тульская губ. (на 1777 - 111 душ м.п.) ^[37] .	
Тульская губ., Чернский у.:	
с. Присынки, Чернский у., Тульская губ. с пустошью, в 1778 г. "генерал поручика Афонсыя Семенова Жукова с прочими" 173 души м.п. ^[38] ;	
пустошь Дикое поле Ачкасово тож, Чернский у., Тульская губ., в 1778 г. "генерал поручика Афонсыя Семенова Жукова с прочими" 529 дес., 1990 саж. земли ^[39] .	
Тульская губ., Одоевский у.:	
с. Валино, Одоевский у., Тульская губ. (на 1778 г. - 225 душ м.п.) ^[40] ;	
пустошь Воскресенская, Одоевский у., Тульская губ. (на 1777 г.) ^[41] ;	
пустошь Снитова (Ахотетова), Одоевский у., Тульская губ. (на 1780 г.) ^[42] ;	
пустошь Черникова, Одоевский у., Тульская губ. (на 1780 г.) ^[43] ;	
пустошь Язза, Одоевский у., Тульская губ. совместное владение "с прочими" (на 1780 г.) ^[44] ;	
Поверстной лес к селу Ванину, Одоевский у., Тульская губ. (на 1780 г.) ^[45] .	

Рис. 3. Условная графа «Имения» Персональной страницы «Жуков Афанасий Семенович» на сайте проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII века: по материалам Орловской, Тульской и Московской губерний» (без архивных сносок)

(ГАОО) дополнительно посмотрела Месяцеслов на 1783 г., в котором значится по Туле «в Экспедиции оружейного завода надворный советник Гаврила Гурьев». Так же подтверждающая информация – в ревизских сказках Мценского уезда по имениям за 1782 г. Напомню, что отрывочность сведений объясняется косвенной причастностью персонажа к цели проекта. Вместе с тем, ПС заполнена на основе архивных данных РГАДА и ГАОО, которые позволили уточнить, что Г.Ф. Гурьев (примерно 1732 г.р.) поступил на военную службу в 1752 г., к 1766 г. был поручиком Муромского пехотного полка, а «29.01.1770 г. отставлен на свое пропитание за болезнями капитаном». Г.Ф. Гурьев упоминается как прокурор Калужского губернского магистрата в Адрес-календаре 1778, 1779, 1780 гг.; в Адрес-календаре 1781 г. – как советник уголовного суда Тульского наместнического правления – в ранге надворного советника. Его имения указываются в Мценском уезде Орловской губернии. Супруга – Гурьева Александра Алексеева (урожд. Рагозина) к 1787 г. стала вдовой. В фондах Орловского архива сохранились документы, называющие их четверых детей (состояние на февраль 1798 г.): Гурьева Мария Гавриловна, девица;

Гурьев Алексей Гаврилович, гвардии прапорщик; Гурьев Александр Гаврилович, гвардии прапорщик; Гурьев Петр Гаврилович, майор.

Известно, что Тульский оружейный завод с 1785 г. по 1794 г. возглавлял Венецеев Семён Никифорович. На сайте проекта о нем есть только одна запись (27 июня 2017 г.). На основании «Ведомости о находящихся в Тульском наместническом правлении и онаго наместничестве в полатах и в прочих присутственных местах в рангах состоят членах и секретарях...» (за 1780 г.) о Венецееве Семене Никифоровиче говорится как о титулярном советнике, стряпчем казенных дел Верхнего земского суда Тульского наместничества.

Отсутствует информация и об Остолопове Владимире Ивановиче (начальник ТОЗ в 1794 г.)

Назаров Егор Михайлович руководил оружейным заводом с 1794 г. по 1796 г. В своих «Записках», рассказывая о событиях 1785-1795 гг. А.Т. Болотов весьма нелицеприятно отзываясь о «грузинском князе» – городничем в Богородицке – Назарове Егоре Михайловиче⁶. Об одном ли лице речь?⁷

Петр Петрович Долгоруков находился во главе ТОЗ с 1796 г. по 1800 г. Данные на ПС выкладывались с декабря 2009 г. по 10 октября 2015 г. Ранее П.П. Долгоруков был московским генерал-губернатором, но как принято считать, из-за ссоры с князем П.А. Зубовым вышел в отставку. Что касается должности начальника Тульского оружейного завода, то получил её 8 ноября 1796 г., на следующий день после вступления на престол императора Павла I. О «заводском» периоде жизни П.П. Долгорукова написано немало, среди недавних публикаций – Гладина А.Ю. «Деятельность князя П.П. Долгорукова на посту командира Тульского оружейного завода (1796 – 1800)»⁸.

Что касается деталей на ПС сайта «Культура и быт русского дворянства...», то конкретизированы разделы: «военная служба», «гражданская служба», «собственность в городе», «благоприобретенные имения», «наследственные имения» и др. Именно по ссылке из указанного в числе «наследственных имений» села Богословское-Спешнево (Долгоруково), Чернского уезда Тульской губернии можно перейти к страничке этого села. Выйдя в отставку там и жил П.П. Долгоруков, а позднее (в 1844 г.) проживание в родовом имении превратилось в ссылку для Петра Владимировича Долгорукова, опубликовавшего на французском языке «Заметки о знатнейших семействах России» и «Правда о России».⁹

В исследовательское поле участников проекта не попали руководители ТОЗ: Экелен Федор Андреевич (во главе завода в 1800–1804 гг.) и Шрейдер фон Трейлебен (1804 г.)

Позволю завершить этот своеобразный перечень исторических фрагментов упоминанием о Василии Николаевиче Чичерине, который возглавлял ТОЗ в 1804–1810 гг. Персональной

странице в проекте у него то же не создано. Но особенностью сайта являются многочисленные перекрестные ссылки. На ПС генерал-аншефа Чичерина Николая Ивановича (годы жизни: 1724 – 1782) есть материалы о Чичерине Василии Николаевиче, в том числе указано: «... Александр Николаевич Чичерин был генерал-майором, с 11 января 1792 по 12 июня 1793 г. Калужским губернским предводителем дворянства. Отец Александра Николаевича – Николай Иванович Чичерин (1724–1782 гг.), упоминавшийся выше как перемышльский и козельский помещик, Санкт-Петербургский генерал-полицеймейстер, генерал-аншеф, сенатор, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Анны. Он был женат на Марии Александровне Зыбиной. Супруги имели троих сыновей – Александра, Василия и Дмитрия. Василий Николаевич Чичерин (1754–1825 гг.), в 1804 году, в чине генерал-майора, Высочайшим повелением был определён директором Тульского оружейного завода. В 1812 году, во время нашествия Наполеона, Василий Николаевич командовал ратниками Московского ополчения...». В данном случае составители опирались не только на архивные дела, но и на опубликованные, хотя и не самые распространенные источники: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. XXXVIII. С. 901; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 693. Указанная ПС заполнялась с 16 апреля 2011 г. по 16 декабря 2017 г.¹⁰

Таким образом, примем к сведению некоторые дополнения, касающиеся начальников Тульского оружейного завода во второй половине XVIII – нач. XIX вв. Возможно некоторые уточнения послужат импульсом для дополнительных тематических исследований.

¹ Захарова Лидия. Прошлое открывает свои тайны. Россияне знакомятся с историей двух народов // Российская газета – Спецвыпуск №5946 (273) <https://rg.ru/2012/11/27/tainy.html> (дата обращения: 11.12.2018)

² См.: Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева и И. Ширле. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 656 с.; Екатерина II. Избранное / Автор вступ. ст. А.Б. Каменский, состав., автор коммент. Г.О. Бабкова. М.: РОССПЕН, 2010. – 952 с. (библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в.); Глаголева О.Е., Жукова Ю.В. Что мы знаем о привилегированном сословии? // Мир библиографии. 2012. № 4. С. 62–63 и мн. др.

- ³ Хомяков Федор Тимофеевич // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Хомяков_Федор_Тимофеевич (дата обращения: 10.01.2019).
- ⁴ Бибииков Илья Александрович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Бибииков_Илья_Александрович (дата обращения: 12.01.2019).
- ⁵ Жуков Афанасий Семенович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Жуков_Афанасий_АСеменович (дата обращения: 15.01.2019).
- ⁶ Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т. 4 (Ч. 22-29), СПб., 1873. С. 11, 57-58, 73-75, 109, 139, 193, 225-226, 1089, 1090, 1108, 1281 / Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738-1793.
- ⁷ Назаров Егор Михайлович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Назаров_Егор_Михайлович (дата обращения: 15.01.2019).
- ⁸ Гладина А.Ю. Деятельность князя П.П. Долгорукова на посту командира Тульского оружейного завода (1796 – 1800) // История. Историки. Источники. 2016. № 3. URL: history2014.esrae.ru/11-58 (дата обращения: 15.01.2019).
- ⁹ Долгоруков Петр Петрович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Долгоруков_Петр_Петрович (дата обращения: 15.01.2019).
- ¹⁰ Чичерин Николай Иванович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Чичерин_Николай_Иванович (дата обращения: 16.01.2019).

*Ирина Игоревна Сидорова
Россия, Москва, Центр народного творчества,
преподаватель*

Деятельность Комиссии «Красного подарка» по организации в Москве всероссийского дня Красной Армии 23 февраля 1919 года

Во второй половине 1918 г. в РСФСР зарождается народное движение по сбору вещей (подарков) красноармейцам. Для упорядочения этого начинания в октябре 1918 г. при Реввоенсовете Республики под председательством члена Президиума Высшего совета народного хозяйства Г. Д. Вейнберга была создана особой Комиссии по снабжению Красной армии подарками и пособиями для культурно-просветительной работы на фронте¹, получившая краткое наименование Комиссия «Красного подарка».

Деятельность Комиссии «Красного подарка» была направлена и на улучшение бытовых условий красноармейцев. Для решения этой задачи были сформированы и отправлены на фронты банно-строительные отряды, передвижные бани-летучки и клубы-чайные, в состав которых входили библиотека, кинематографическая аппаратура, музыкальные инструменты, подборка плакатов и портретов.

В начале января 1919 г. в целях дальнейшей популяризации идеи движения, Комиссия «Красного подарка» спланировала на 9 февраля прове-

дение всероссийского дня «Красного подарка»². Для его организации из членов Комиссии был сформирован Центральный Комитет по устройству и проведению дня «Красного подарка» в Москве (Центральный комитет «Красного подарка»).

Стоит отметить, что на 28 января 1919 г. в Москве намечались мероприятия по случаю годовщины подписания Декрета СНК РСФСР «О Рабоче-крестьянской Красной армии». Но 28 января 1919 г. в газете «Известия» было размещено объявление о переносе по ряду технических причин празднования годовщины создания Красной армии на 17 февраля 1919 г.³ Но, после согласования деталей, Центральный Комитет «Красного подарка» 2 февраля 1919 г. известил о переносе всероссийского дня «Красного подарка» на новую дату – 23 февраля 1919 г. и организации в этот же день празднования годовщины создания Красной армии⁴.

На 23 февраля 1919 г. было запланировано проведение митингов, спектаклей, концертов и кинопоказов. Комиссия «Красного подарка» рекомендовала всем красноармейским частям,

имеющим клубы, устроить в них 23 февраля спектакли и концерты.

По распоряжению Реввоенсовета Республики всем военным служащим в день празднования «был выдан на улучшение пищи паек в двойном размере». Отделом народного образования многих городов в школах были организованы собеседования о значении праздника Красной армии, а на 23 февраля были запланированы утренники, посвящённые годовщине образования Красной армии.

В феврале во многих городах создаются специальные комиссии для организации и проведения дня «Красного подарка» и празднования годовщины Красной армии. Одной из самых многочисленных (около 30 представителей организаций, воинских частей и союзов) стала Самарская «Комиссия 23 февраля» под председательством члена Самарского губисполкома Л. Л. Паперного. Из состава комиссии были образованы секции (агитационно-литературная, свободных развлечений, театрально-музыкальная, кинематографическая, художественная и др.), которые разместились в Красноармейском клубе имени Карла Либкнехта.

7 февраля 1919 года Центральный Комитет «красного подарка» обратился ко всем культурно-просветительным отделам московских районных советов о предоставлении сведений по всем праздничным платным и бесплатным мероприятиям. Сведения собирались для планирования помощи районам в проведении празднования 23 февраля. Комитет также уведомил о необходимости отправки в Москву материалов (отчетов, статей, фотографий и т. п.) по организации и проведению дня «Красного подарка» в других городах РСФСР. Большая часть организационных мероприятий легла на провинциальные комиссии (комитеты) «Красного подарка», которые должны были отчитываться о собранных средствах перед Комиссией «Красного подарка» по результатам проведения митингов, лекций, концертов и кружечных сборов, посвящённых годовщине Красной армии.

Для массового хорового пения Комиссия «Красного подарка» организовала выпуск листовок и сборников революционных песен, которые чаще всего включали: «Интернационал», «Марсельеза», «Варшавянка», «Песня пролетариев», «Красное Знамя» и «Похоронный марш».

Также были выпущены листовки с разъяснением значения Дня Красной армии и сборники статей, посвящённые годовщине Красной армии, лозунги и плакаты. Самым известным плакатом является «Праздник годовщины Красной армии. 23.II.1919 г. День Красного подарка». Было издано около 20 тысяч табель-календарей с революционными лозунгами и текстом Интернационала. Был выпущен многотысячный тираж сборника стихов Демьяна Бедного «Красный солдат» и «Красный казак»⁵, большая часть которого тиража была направлена на фронт.

В начале 1919 г. благодаря рекомендации поэта-футуриста В. Каменского Высшая военная инспекция даёт разрешение на назначение заведующим художественной частью московского Комитета «Красного подарка» талантливого художника Петра Ивановича Субботина-Пермяка (1886–1923), который и получает заказ на праздничное оформление Москвы к годовщине образования Красной Армии. Для создания эскизов революционной наглядной агитации по рекомендациям Л. Троцкого и Н. Подвойского он использовал футуристическую графику, разработав новый тип «плаката-слова». Так появляются громадные полотна картин и плакатов на красноармейские темы «Красный солдат – друг, хранитель и брат», «Звени звонко, разудалый кумачовый день», «Верь, рабочие мира тебе свой привет отдают», «Жму руку тебе, товарищ солдат», «Солдат за нас жизнь отдаёт. Отдадим ему лучшее, что есть у нас» и др.⁶ Фамилия П. И. Субботина-Пермяка становится известными всей Москве, так как плакаты активно разбирались представителями городских организаций, красноармейских клубов и казарм. В работе над плакатами ему помогал поэт-футурист В. Каменский⁷. Под руководством П. И. Субботина-Пермяка было исполнено 280 плакатов, из которых 200 были распределены для украшения внутренних помещений красноармейских казарм и клубов, а 80 – украсили улицы Москвы⁸. Помимо этого государственные живописные мастерские по заказу Комитета «Красного подарка» исполнили и плакаты других авторов в футуристическом и супрематическом видах.

Днём 18 февраля 1919 года в помещении кафе «Красный Петух» состоялось общее собрание Центрального Комитета «Красного подарка» под председательством О. Д. Каменевой. В ходе

собрания выяснилось, что в распоряжении отдела «Советской пластинок» имеется большое количество граммофонных пластинок с речами виднейших советских работников: А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина, Ю. М. Стеклова, а также стихотворения пролетарских поэтов в исполнении авторов и «пластинка педагогической направленности» с записью «Торжественного обещания красноармейца»⁹. Выпуск пластинок был ранее организован отделом граммофонной пропаганды при Центральном агентстве ВЦИК. В ходе заседания Центрального Комитета «Красного подарка» было принято решение о распределении по районам около 50 граммофонов с пластинками и отправке остальных граммофонов с пластинками на фронт и в самые глухие провинции РСФСР. Также было издано около 20 тыс. плакатов и 100 тыс. табель-календарей с революционными лозунгами и с текстом интернационала, которые тоже были отправлены в красноармейские части.

Основной идеей проведения дня «Красного подарка» 23 февраля стало желание соединить тыл и фронт в одном общем порыве, в одном общем деле – показать, что те товарищи, которые силой обстоятельств сражаются на фронтах за благо Советской России, здесь, в тылу, их не забыты, о них помнят, о них заботятся. Этот день должен во всех видах проявить ласку, любовь трудящихся Советской России к бойцам Красной армии. Планировалось, что день «Красного подарка» сольётся с днём красноармейца и будет проведён во всероссийском масштабе. В этот день все театры России дадут утренние спектакли исключительно для красноармейцев по программе, репертуар которой будет отвечать героизму, высокому подъёму чувства, осуществляющих бойцов за великое дело. Перед началом спектаклей будут произнесены речи политическими ораторами характеризующие день «Красного подарка».

За организацию концертной программы в разных районах города Москвы отвечал Центральный Комитет «Красного подарка». Нужно отметить, что работы в области театра и искусства не находились в прямом контакте с театрално-музыкальной секцией Моссовета, а потому Центральному Комитету «Красного подарка» приходилось самостоятельно составлять программы с участием артистов. Вопрос о вознаграждении

артистов решено было передать на рассмотрение Профессионального союза артистов, причём все артисты драмы, оперы и цирка, не занятые в день празднества в театрах и цирке, где они состояли на постоянной или временной службе, поступили в распоряжение Центрального Комитета «Красного подарка». В результате чего, организаторы торжеств большей частью даже не представляли уровень театральной подготовки прибывших к ним артистов.

Сравнительно невысокий контингент художественно-театральных сил участников концертов объясняется и тем, что российские знаменитые артисты, как например, В. И. Качалов, не соглашались на выступления при оплате менее чем тысячи рублей за выход, а Центральному Комитету «Красного подарка» на все расходы по организации праздника 23 февраля 1919 года было отпущено всего 400 тыс. рублей.

В помещениях Центрального Комитета «Красного подарка» накануне праздника шли последние приготовления. Бесперывно приходили представители партийных организаций, члены клубов за плакатами, жетонами, кружками для сборов пожертвований. В артистическом отделе принимались делегации от районов с просьбами в спешном порядке переменить программу или заменить одного артиста на другого. При этом, организованность районов была неодинаковой: имелись районы, где за неделю до 23 февраля был утверждён репертуар, подобраны артисты и помещениями, а были районы, где даже 21 февраля было неизвестно как и где будут проходить основные мероприятия¹⁰. В здании «Метрополя» принимались всевозможные заявления, а также давались советы и инструктирование по организации дня «Красного подарка»¹¹.

20 февраля 1919 года в ходе заседания Президиум Моссовета было отменено Постановление о трудовой повинности граждан Москвы по очистке снега 23 февраля 1919 года в виду проведения празднования годовщины Красной армии и устройства дня «Красного подарка»¹². Так же было принято решение о непрерывном обеспечении электроэнергией все постоянные театры и кинематографы Москвы в день всероссийского «Красного подарка»¹³.

Московский комитет РКП(б) постановил предложить всем трудящимся Москвы ежемесячно отчислять полудневный заработок в фонд Ко-

миссии «Красного подарка»¹⁴, а 23 февраля во всех районах Москвы устроить кружечных сбор и с продажу художественных медальонов.

Во многих городах России вышли праздничные номера газет. На страницах газеты «Правда» был напечатан оригинал Декрета СНК РСФСР «О Рабоче-крестьянской Красной армии»¹⁵ и обзор деятельности Комиссии «Красного подарка». Газеты Петрограда 23 февраля вышли под лозунгом «Да здравствует мощная Красная армия – оплот мировой революции!», «Сегодня – День Красной армии». На первой полосе самарской газеты «Коммуна» был помещён основной лозунг праздника «Да здравствует Рабоче-крестьянская Красная армия, защитница Советской республики!», другими лозунгами стали: «За год мы создали крепкую Красную армию, сумеем сделать её непобедимой», «Железная революционная дисциплина – залог нашей победы», «Наша война – война труженика против эксплуататора», «Оплот мировой революции – мощная Красная армия», «Позор дезертирам, шкурникам и трусливым, слава храбрым солдатам Красной армии». В самарской газете «Коммуна» был опубликован «Порядок празднества, в день годовщины Красной армии 23 февраля 1919 года», праздничные статьи, резолюция Самарского полка с призывами к годовщине Красной армии, отчёт о пожертвованиях в «Комиссию 23 февраля», перечень учреждений, где планировалось проведение митингов (в списке было 35 адресов с указанием фамилий выступающих)¹⁶.

Комиссия «Красного подарка» подготовила специальные наборы-подарки для красноармейцев в госпиталях и лазаретах к празднованию всероссийского дня «Красного подарка». Подарки выдавались представителям медицинских учреждений 20, 21 и 22 февраля в помещении Комиссии «Красного подарка» по адресу ул. Маросейка, дом 7, 3 этаж по мандатам организаций с указанием числа больных и раненных красноармейцев.

Московские праздничные мероприятия начались задолго до 23 февраля. Во многих районах по случаю годовщины Красной армии были организованы выступления на заводах, фабриках и организациях. Так, Пресненский районный комитет РКП(б) 18 февраля организовал митинги на заводе Санитарной техники (Звенигородское шоссе) и Трёхгорной мануфактуре (у Пре-

сненской заставы), 19 февраля – в Центральных и окружных мастерских (1-я Тверская-Ямская), на Ходынке (Клуб артиллеристов), 20 февраля – на Фабрике Сиу (Петроградское шоссе), заводе Грачева (Расторгуев переулок), завод Земгора (Малая Грузинская улица), 21 февраля – на заводе «Электрическая лампа» (Кудринский переулок) и в типографии Машистова (Садовая-Кудринская ул.)¹⁷.

21 февраля 1919 года прошли центральные районные митинги для членов профсоюзных союзов, рабочих советских и партийных организаций, на которых выступили Н. Бухарин, Л. Каменев, Я. Свердлов, Ю. Стеклов, Н. Крыленко, А. Рыков, П. Смидович, члены ЦК РКП(б) и др.

Основные площадками в тот вечер стали: Коммерческий институт (Большая Серпуховская ул.), Крестовская застава (Дроболитейный завод), здание Советского театра (бывший Вулкан, Таганская пл.). Политехнический музей, Введенский народный дом, бывший ресторан «Яр» (Петроградское шоссе), Хлебная биржа, Народный дом при заводе инженера А. Бари, Сергиевский Народный дом (Новослободская ул.), Алексеевском Народном доме (Васильевская ул.), Прохоровская мануфактура, здание Бегового общества, Клуб коммунистов-артиллеристов, товарная контора при Брянского вокзала и др.¹⁸

Хорошая погода способствовали проведению праздника. Уже с утра на улицах встретить оживлённые группы красноармейцев, направляющиеся кто на митинг, кто на спектакль или концерт, кто в кинематограф. Было оживлённо и в красноармейских и рабочих клубах, где слушали граммофонные пластинки с речами революционных деятелей и нередко присутствующие дополняли их словами речей и разъяснений.

Во многих городах был организован кружечный сбор, который получил развитие ещё в Российской империи. Кружечный сбор позволил собрать значительные средства 23 февраля 1919 г., при этом, в знак благодарности за участие в нём, дарили памятный значок (жетон). Однако, в Москве праздничные жетоны, имеющие лозунг «Красные подарки борцам за лучшее будущее человечества» и изготовленные с «большим художественным вкусом», повсюду – на улицах, в клубах, театрах и столовых такие продавались, поэтому большая часть кружечного сбора поступила от продажи памятных жетонов.

23 февраля прошли митинги-концерты во всех районах города, но при этом не проводился ни парад войск, ни народные шествия в центре города. Основные празднования прошли в помещениях Первых Советских командных курсах¹⁹, где торжество прошло по особой программе. Открылось оно речью Л. Троцкого, очертившего значение Красной армии для Советской России и для пролетариата всего мира. Затем состоялся разнообразный концерт. В Замоскворечье и Бутырском районе были организованы целые карнавалы. Задушевно прошёл праздник и в отдельных учреждениях, относящихся к Красной армии – Высшей военной инспекции и др. В помещении Алексеевского манежа состоится торжественное собрание посвящённое годовщине Красной армии. На заседании выступят все военные руководители страны, а слушателями были более шести тысяч представителей красноармейских частей Москвы и рабочих городских районов²⁰. В Академии Генерального штаба состоялся концерт и танцы, которые затянулись до трёх часов ночи²¹, что было свойственно не только Москве. Так, по приказу военного комиссара Самарской губернии Х. Гинтера в праздничный день было разрешено хождение по улицам города до 5 часов утра.

Театральная секция Хамовнического военного комиссариата устраивает во 2-й студии московского Художественного театра спектакль для красноармейцев и рабочих своего района в воскресенье 23 февраля. Публике было представлено спектакль «Зеленое кольцо» по пьесе Зинаиды Гиппиус. Билеты можно получить в Военном комиссариате Хамовнического района²².

Центральный Комитет «Красного подарка» организовал 23 февраля 1919 года в Москве проведение бесплатных спектаклей для красноармейцев в 32 театрах и 50 красноармейских и рабочих клубах. Для программы музыкальных концертов были рекомендованы произведения А. Бородина, Р. Вагнера, М. Мусорского, Н. Римского–Корсакова и др.

Театральная-музыкальная секция Моссовета самостоятельно организовала представления в день «Красного подарка»: концерт в Советском Бутырском театре, в Введенском народном доме – опера М. Мусорского «Борис Годунов», в Советском Даниловском театре – опера Н. Римского-Корсакова «Царская невеста»²³.

Московский Пролеткульт устроил в Советском Пресненском театре на Триумфальной площади музыкально-театральный вечер, в котором участвовал объединённый хор из трёх хоровых студий, оркестра домр и двух театральных студии. В ходе вечера исполнялись революционные и народные песни, отрывки из пьесы М. Горького «На дне» и рассказа А. Чехова «Воры»²⁴.

К сожалению, не удалось обнаружить точный список московских театральных постановок, но из газетных информационных сообщений стало понятно, что вечерние спектакли проходили в переполненных театрах, а выступавшие в антрактах ораторы, говорили с эстрады об истории Красной армии, её героях и призывали к дальнейшему неустанному строительству Красной армии²⁵.

Возможно, московский театральный репертуар 23 февраля отражал общероссийскую тенденцию новой Советской России, поэтому приведём примеры театральной жизни других городов. Основными театральными площадками Петрограда стали: Александринский театр («Вильгельм Телль»), Михайловский театр («Свадьба Фигаро»), Большой драматический театр («Дон Карлос»), Большой оперный театр в Народном Доме («Золотой Петушок»), Гербовый зал Дворца Искусств (концерт-митинг), Выборгский советский театр – бывшее Михайловское артиллерийское училище («Женитьба Бальзамина»), Охтинский Социалистический театр («Зарево»), Лиговский Народный дом («Вильгельм Телль»), «Луна-Парк» и кино-театр «Спартак». На сцене Мариинского театра для красноармейцев давали «Бориса Годунова» с участием Ф. Шаляпина. На сцене псковского Коммунального театра им. А. С. Пушкина была поставлена пьеса из жизни Парижской коммуны 1871 г. В Самаре несколько десятков различных спектаклей и концертов были показаны не только в городских театрах и клубах, но и в лазаретах, тюрьме и на фронте. В здании Вологодских пехотных курсов командного состава Красной армии состоялся оперный спектакль-концерт, в Народном доме и зале бывшего Страхового общества состоялись концерты-митинги, сбор от которых был направлен в фонд «Красного подарка».

Кроме театральных постановок в красноармейской среде был популярен и кинематограф, поэтому московский кинокомитет к празднику организовал производство 13 агитационных

картин по сценариям или рекомендациям наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского и заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянского²⁶: «Смельчак», «Красная звезда», «За Красное знамя», «Последний патрон», «Дезертир», «Товарищ Абрам», «За новый мир», «Сон Тараса», «Мы выше мести», «В Красную армию», «Беглец», «Отец и сын» и несколько картин военной хроники²⁷. В 12 московских кинотеатрах демонстрировались только специально изготовленные картины. Дневные сеансы в Москве были бесплатными для красноармейцев и рабочих, а доходы с вечерних сеансов направлялись в Комиссию «Красного подарка»²⁸. Интересно, что в других городах России демонстрировались фильмы, большей частью снятые в 1917–1918 годах. Так в псковской кинематографе «Коммуну» для красноармейцев и рабочих были организованы бесплатные сеансы, на которых демонстрировалась драма «Орлеанская дева» в 12 актах. В кинематографах Самары показывали «Так было, но так не будет», «Побег Лизы Басовой», «Софья Перовская», «Да скроется сумрак, да здравствует свет».

Во многих районах Москвы праздничные мероприятия проходили в течение двух дней. Так в Алексеевском районе (Крестовская застава) все мероприятия вызывали повышенный интерес у горожан. 22 февраля на территории района для коммунистов и сочувствующих был устроен литературно-музыкальный вечер в пользу Красной армии. На вечере выступали местные ораторы (Крюков, Расторгуева и Перфильев), в концертном отделении проявили себя лучшие местные силы из рабочей группы музыканты, певцы и декламаторы. Сбор пожертвований превзошёл все ожидания: одних добровольных отчислений было собрано 1 375 руб. и 1800 руб. было выручено от продажи билетов.

23 февраля были мобилизованы коммунисты и сочувствующие им для организации мероприятий: кто проводил митинги, кто ходил с кружками для пожертвований, а некоторые были организаторами спектаклей-митингов и концертов

на бывшей фабрике Ферман, в Советском театре, в помещении Бахрушина и для беднейшего крестьянства – в селе Ростокино.

По мнению участников, праздник прошёл очень хорошо и уже в те дни многие говорили о том, чтобы ежегодно организовывать такие мероприятия посвящённые Красной армии, а многие даже жалели о том, что не могут так просто оставить свои трудовые места и пойти на фронт. В периодической печати были опубликованы положительные отзывы от разных слоёв населения. Праздник понравился и самим красноармейцам, которые выражали «душевную благодарность за красноармейский праздник 23 февраля».

В большинстве российских городов вход на представления для красноармейцев был бесплатным или по бесплатным билетам, которые распространялись через комиссии «Красного подарка» или солдатские комитеты. В буфетах многих театров и клубов красноармейцам бесплатно предлагали чай и бутерброды. В городе Череповце 23 февраля учреждения культуры работали платно для сбора средств на подарки красноармейцам, а 24 февраля состоялось повторение концертной и театральной программы для красноармейцев по бесплатным билетам.

В завершении статьи можно сделать вывод, что деятельность Комиссии «Красного подарка» и работа Центрального комитета этой комиссии по организации и проведению дня «Красного подарка» и празднования годовщины Красной армии была успешной, что в свою очередь стало началом становления нового государственного праздника, который уже в феврале 1919 года получил народное наименование День Красной армии.

Именно в 1919 г. за датой 23 февраля закрепляется последующее празднование годовщин Красной армии, включая 1920 и 1921 годы, которые по каким-то причинам игнорируются современными исследователями. Уже в последующие годы День Красной армии преобразуется в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, а в начале XXI в. – в День защитника Отечества.

¹ Положение об особой Комиссии по снабжению Красной армии подарками и пособиями для культурно-просветительской работы на фронте // Известия. 1918. 20 октября. С. 4.

² День Красного подарка // Правда. 1919. 12 января. С. 3.

³ Годовщина Красной армии // Известия. 1919. 28 января. С. 3.

- ⁴ *Красный подарок // Правда. 1919. 2 февраля. С. 3.*
- ⁵ *Бедный Д. Красный казак. М.: ВЦИК, 1919. 24 с.*
- ⁶ *Ко дня Красного подарка // Правда. 1919. 22 февраля. С. 3.*
- ⁷ *Программа празднеств // Известия. 19 февраля. 1919. С. 1*
- ⁸ *Подготовка к празднику // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 21 февраля. С. 4.*
- ⁹ *«Советская Пластинка» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 21 февраля. С. 4.*
- ¹⁰ *Ко дня Красного подарка // Правда. 1919. 22 февраля. С. 3.*
- ¹¹ *К годовщине Красной армии // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 20 февраля. С. 3.*
- ¹² *Об очистке крыш от снега // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 21 февраля. С. 2.*
- ¹³ *Подробности празднеств // Правда. 1919. 22 февраля. С. 3.*
- ¹⁴ *К годовщине Красной армии // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 20 февраля. С. 3.*
- ¹⁵ *Декрета СНК РСФСР «О Рабоче-крестьянской Красной армии» // Правда. 1919. 23 февраля. С. 1.*
- ¹⁶ *От «Комиссии 23 февраля» // Коммуна. 1919. 23 февраля. С. 1–4.*
- ¹⁷ *«Красный подарок» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 16 февраля. С. 1–2.*
- ¹⁸ *Большие митинги на тему: Годовщина Красной армии // Правда. 20 февраля. 1919. С. 1*
- ¹⁹ *На 1-х Советских командных курсах // Известия. 25 февраля. 1919. С. 2.*
- ²⁰ *Подробности празднеств // Правда. 1919. 22 февраля. С. 3.*
- ²¹ *В Академии Генерального штаба // Известия. 25 февраля. 1919. С. 2.*
- ²² *Ко дню Красного подарка // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 20 февраля. С. 3.*
- ²³ *Примерные программы концертов // Известия. 19 февраля. 1919. С. 4.*
- ²⁴ *«Пролеткульт» – красной армии // Известия. 19 февраля. 1919. С. 4.*
- ²⁵ *Крюков. Годовщина Красной армии // Правда. 1919. 25 февраля. С. 4.*
- ²⁶ *К годовщине Красной армии // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 20 февраля. С. 3.*
- ²⁷ *Ко дня Красного подарка // Правда. 1919. 22 февраля. С. 3.*
- ²⁸ *Подробности празднеств // Правда. 1919. 22 февраля. С. 3.*

*Евгения Дмитриевна Собакарь,
Россия, Санкт-Петербург,
Центральный военно-морской музей
Министерства обороны Российской Федерации,
старший научный сотрудник*

Участие русских корабельных медиков в оказании помощи пострадавшим во время землетрясения в Мессине в 1908 году

В декабре 2018 года исполнилось 110 лет с того дня, как страшное бедствие – землетрясение постигло Сицилию, которое уничтожило город Мессину, ряд населенных пунктов в области Калабрии и унесло тысячи человеческих жизней. Русские моряки приняли активное участие в спасении людей, чем навсегда оставили благодарную память в сердцах жителей Италии.

После окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. встал вопрос о возрождении Российского флота. Наряду со строительством новых кораблей проводилась усиленная подготовка личного состава и будущих командиров флота. Для этой цели в мае 1906 года на Балтике сформировали особый отряд кораблей, предназначенный для практического плавания с корабельными гардемаринами.

15 (28) декабря 1908 года Гардемаринский отряд в составе линейных кораблей «Цесаревич» (командир, капитан 1 ранга П. Я. Любимов), «Слава» (командир, капитан 1 ранга Э. Э. Кетлер) и крейсеров: «Адмирал Макаров» (командир, капитан 1 ранга В. Ф. Пономарев), «Богатырь» (коман-

дир, капитан 1 ранга Н. А. Петров-Чернышин), совершая назначенное по программе заграничное плавание, находился в порте Аугуста на острове Сицилия, примерно в 60 милях от Мессины.

Рано утром при совершенно тихом море вдруг прошла высокая волна, раскачавшая все корабли. Вечером в 21 час 30 мин на борт флагманского корабля «Цесаревич» к контр-адмиралу В. И. Литвинову, командиру Гардемаринского отряда, прибыл командир порта Аугуста и передал телеграмму префекта города Сиракузы, в которой тот просил «дружественную нацию не отказать в помощи населению». Он рассказал, что землетрясение стерло с лица земли Мессину, Реджоди-Калабрию и другие города, имеются многочисленные жертвы среди жителей.

Контр-адмирал Литвинов 16 (29) декабря отправил телеграмму в Петербург на имя морского министра: «Прибыл с кораблями «Цесаревич», и «Слава», и крейсером «Адмирал Макаров» в Мессину. Размеры бедствия громадны. Город сильно поврежден. Отправил докторов и команду для оказания помощи»¹.

Рис. 1. Землетрясение в Мессине – пожар Муниципалитета

Уже ночью отряд русских кораблей направился в Мессину. На всех кораблях привели в готовность перевязочные пункты, которые начали создавать на броненосцах, крейсерах и канонерских лодках еще до начала войны с Японией в 1904 году. Предполагая, что может возникнуть необходимость в большом количестве перевязочного материала, приступили к изготовлению бинтов из простынь.

Масштаб катастрофы, разразившейся в Мессине, поразил русских моряков. Лейтенант Г.К. Граф, исполнявший обязанности минного офицера на крейсере «Адмирал Макаров», впоследствии вспоминал: «Скоро на горизонте показались высокие столбы дыма, и чем ближе мы подходили к Мессине, тем ярче вырисовывались пожары и разрушения. В нескольких местах вырывалось пламя. Фактически весь город был разрушен. Всюду виднелись полуразрушенные дома. В гавани затонуло несколько пароходов, и все стенки покосились и дали трещины. Кое-где на набережной виднелись люди, которые махали руками и что-то кричали, очевидно, звали на помощь»². Был разрушен газовый завод, пре-

кратил свою деятельность телеграф, оказались разрушенными все медицинские учреждения, город остался без врачей. рис. 1

Для ускорения аварийно-спасательных работ экипажи кораблей разбили по сменам, сформировали спасательные команды, снабдили их шанцевым инструментом. Обстановку в городе усугубляло полное отсутствие воды. Поэтому с кораблей была организована доставка на берег воды и продовольствия. На берегу были развернуты палатки и организована медицинская помощь. Работа круглосуточно. Среди пожаров и городских руин русские моряки расчищали дороги, сооружали временное жилье, организовывали пункты питания. Несмотря на жесткую дисциплину и приказ о соблюдении шестичасовых рабочих смен, отряды оставались в городе дольше положенного времени, пытаясь спасти как можно больше жителей.

Утром 17 (30) декабря к Мессине прибыли из Палермо канонерские лодки «Гиляк» и «Корец». Они доставили роту итальянских солдат и санитаров. Их аварийные команды также включились в спасательные работы. Для оказания

Рис. 2. Раненые на набережной в ожидании очереди

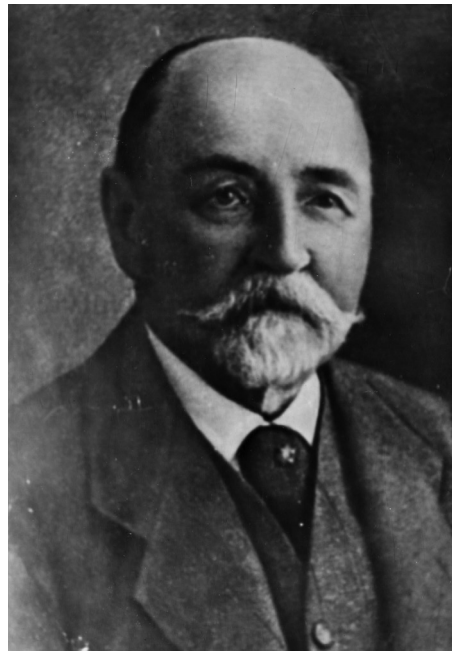

Рис. 3. Флагманский врач Гардемаринского отряда Балтийского флота А. А. Бунге

помощи в Мессину пришли корабли Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, а также около 40 боевых кораблей и судов итальянского флота. В спасательной операции принимали участие около 6000 итальянских солдат и более 300 врачей.

Пожалуй, самая трудная работа как физически, так и морально была при разборке обрушенных зданий. Смерд, трупный запах, изуродованные тела погибших. Под каждой грудой были погибшие и заживо погребенные люди. Уже в первый день удалось спасти более ста человек. Раскапывали вручную при продолжавшихся подземных толчках. Малейшее движение обрушивало стены, заваливая тех, кого еще можно было спасти. Опасность грозила почти одинаково как спасаемым, так и спасателям. Днем 17 декабря при разборке завалов обрушившегося здания под руководством штабс-капитана Федорова повторился сильный подземный толчок, в результате которого офицера засыпало обломками. Пришлось русским морякам спасать и своего офицера.

Практически вся пристань и набережная в Мессине были заполнены ранеными и умершими от ран. На русских кораблях было размещено более 1800 человек, которые получали медицинскую помощь, должный уход и были доставлены в госпитали и больницы Неаполя и Сиракуз. Русскими моряками было спасено из-под развалин более 2 тысяч раненых. рис. 2

Контр-адмирал Литвинов 18 декабря телеграфировал из Неаполя в Главный морской штаб: «Сегодня прибыл в Мессину король и королева Италии. Посетили корабли «Цесаревич» и «Слава» и благодарили за помощь населению. Бедствие ужасно. Средств для спасения засыпанных мало. Погибло не менее 50 тысяч в одной Мессине, не считая унесенных волною в море. Работа всего личного состава вверенного мне отряда выше похвалы»³.

В тот же день в Главный морской штаб была отправлена еще одна телеграмма: «Вследствие переполнения больных в ближайших городах сегодня послал корабль «Слава» в Неаполь для отвоза 600 раненых и доставил оттуда перевязочные материалы и дезинфицирующие средства. Ночью с кораблем «Цесаревич» ухожу в Сиракузы для отвоза раненных и приемки угля. Пришедшие сегодня канонерские лодки «Корец» и «Гиляк» вечером уходят в Таренто и, сдав там принятых из Мессины раненных, проследуют в Пирей»⁴.

Во время катастрофы, разразившейся в Мессине, гибель многих людей была непосредственно связана с обрушением зданий и сооружений. Число погибших, по мнению властей, составило более 120 тыс. человек. Повреждения, полученные жителями, отличались исключительной тяжестью. Большое количество пострадавших были с переломами рук, ног, повреждениями

Рис. 4. Доктора делают перевязки раненым на набережной Мессины

череп, позвоночника, таза, сотрясением головного мозга. Часто наблюдались вывихи плечевого и тазобедренного суставов, ожоги в связи с пожарами, на третий день появились многочисленные пострадавшие с начинающейся гангреной. Страх породил шок, коллапс, травматический невроз. Среди пострадавших преобладали женщины, дети и старики. Часть жертв стихии, не имевших на первый взгляд серьезных повреждений, проявлявших даже активность при их освобождении из развалин, будучи извлеченными на поверхность тут же умирали — это следствие длительного сдавливания тела (его отдельных частей), проявляющегося наличием в крови токсинов (ядов), необратимым травматическим шоком. Возбуждение, а у некоторых ступор, неадекватное поведение совершенно обезумевших от страха и мучений людей дополняли картину пострадавших жителей Мессины.

На долю русских корабельных врачей выпала большая и ответственная работа. Во главе медицинской службы русского Гардемаринского отряда стоял опытный военно-морской врач, доктор медицины, видный полярный исследователь, географ, зоолог Александр Александрович Бунге, в прошлом руководивший медицинским обеспечением 1-й Тихоокеанской эскадры во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Рис. 3 Ему помогали корабельные врачи, работавшие непосредственно в районе землетрясения: Нико-

лай Новиков, Адам Александрович Шишло, Евгений Вячеславович Емельянов, Евгений Каллина, Юрий Каружась, Владимир Казимирович Лубо, Флориан Францевич Гласко, Петр Бачинский, Николай Востросаблин, Владимир Госс.

Для оказания медицинской помощи на берегу моряки организовали перевязочные пункты. Один из них был развернут сразу же по прибытии в Мессину на набережной под открытым небом между развалинами обрушившихся домов, другой разместили в одноэтажном домике на территории порта. рисунки 4,5. Оба места были удобны тем, что вблизи от них могли приставать к берегу плавсредства с кораблей. Прямо под открытым небом были установлены столы, на которых корабельные врачи с помощью санитаров оказывали первую хирургическую помощь, накладывали повязки, приводили в чувство потерявших сознание, делали операции. Хотя операции и не были тщательными, но были своевременными, и это спасло жизни многим пострадавшим. Когда закончился йод, стали использовать все наличные запасы спирта и спиртных напитков, на бинты резали простыни и салфетки, вату заменяла пакля. Врачи с крейсера «Адмирал Макаров» некоторое время работали на коммерческом судне, где скопилось много раненых, и туда была вызвана врачебная помощь. Затем эти врачи оказывали помощь на самом крейсере, на который уже в первый день

Рис. 5. Деревянный дом на набережной Мессины, превращенный в хирургическое отделение

было принято около 400 раненых. Вечером того же дня их эвакуировали на крейсере в Неаполь.

Спасательные работы в ночное время велись при свете корабельных прожекторов и факелов. Отсутствие каких-либо механических устройств и приспособлений вынуждали выполнять спасательные работы вручную, что делало их весьма трудоемкими и порой опасными. Качественному оказанию первой медицинской помощи способствовал опыт медицинской подготовки корабельных команд, введенной приказом по Морскому ведомству в 1898 году, где говорилось, что наряду с обучением действий по водяной, пожарной и боевой тревогам проводить также обучение команд по оказанию первой медицинской помощи⁵.

В ходе оказания помощи пострадавшим от землетрясения корабельными врачами линейного корабля «Цесаревич» под руководством старшего судового врача Николая Новикова в экстремальных условиях были проведены испытания корабельных носилок нового образца для переноса раненых. рис. 6 Носилки Новикова были доставлены в Главное военно-медицинское управление для осмотра их ученым советом. Они имели большие преимущества по сравнению с другими: были очень прочными и, что очень важно в судовой обстановке, занимали чрезвычайно мало места, так как складывались. В случае недостатка людей даже один носильщик вполне мог перенести больного. В результате был составлен подробный отчет с

приложением фотоматериалов, обосновавший необходимость ряда технических изменений и устройств носилок и предложением принять их для использования на флоте (рисунки 7, 8)⁶.

Из-за теплой погоды санитарные условия на берегу в зоне землетрясения с каждым днем ухудшались. Тиф, кишечные инфекции могли стать причиной гибели еще многих тысяч людей. Из рапорта контр-адмирала Литвинова: «...Масса неубранных трупов, разлагаясь, заражала воздух; мимо некоторых домов тяжело было проходить от распространявшегося из них зловония; в течение работ при поисках живых часто являлась надобность, прежде чем добраться до первых, удалить лежащих тут же покойников; люди легко могли получить заражение крови от загрязненного инструмента или от случайного прикосновения во время работ; на кораблях перевозили раненых, выселяемых, от многих требований гигиены пришлось отказаться, так как за недостатком команды, непрерывно занятой работой либо на берегу, либо на поход, пришлось первое время ограничиться только дезинфекцией помещений, мытьем и приборкой⁷. Морской министр И. М. Диков телеграфировал командующему эскадрой Литвинову: «Берегите команды от болезней...»⁸ Благодаря самоотверженной работе медиков эскадры эпидемий удалось избежать.

Следует отметить хорошую организацию медицинской помощи, в основу которой были положены принципы, разработанные и апробиро-

Рис. 6. Старший судовой врач линейного корабля «Цесаревич» Н. Новиков

ванные во время Крымской (Восточной) войны (1853-1856 гг.) Н. И. Пироговым. Великий хирург учил, что врач на поле брани должен быть, прежде всего, хорошим администратором. Существенную роль при этом играет медицинская сортировка. В Мессине легкораненых направляли на набережную, откуда они, получив необходимую помощь, затем на баркасах направлялись на корабли. Рис. 9, 10 Тяжело пострадавших собирали на основном перевязочном пункте, где работали А. Бунге, Е. Емельянов, Е. Каллина. Рациональная организация дела позволяла сэкономить драгоценное время, что в конечном резуль-

тате сказалось на количестве лиц, получивших помощь, и отразилось на ее качестве.

Бунге при посещении двух госпиталей в Неаполе, где были размещены пострадавшие, доставленные туда на российских кораблях из зоны землетрясения, отмечал: «...Мы имели удовольствие узнать из уст почтенного профессора-хирурга, что наша работа признана хорошей, что перевязки, несмотря на спешность и тяжелые условия, были наложены «*Lege artis*» (по правилам искусства), хотя мы сами должны сознаться в неисполнении некоторых хирургических правил. Но, «на войне, как на войне!»

Страшная катастрофа в районе Мессинского пролива вызвала широкий отклик в мире. Во многих странах был организован сбор материальных и денежных средств в пользу пострадавших.

На заседании Общества морских врачей в Кронштадте 10 февраля 1909 года был заслушан и обсужден доклад одного из участников оказания помощи населению города Мессина, младшего врача линкора «Цесаревич» А. А. Шишло «Организация медицинской помощи пострадавшим при землетрясении в городе Мессине».

В выступлении Н.А. Востросаблина (участника событий в Мессине) была отмечена большая роль иностранцев при оказании помощи населению и, прежде всего, русских моряков.

Также на заседании Общества было отмечено, что после катастрофы осталось около 30 сирот – детей врачей-итальянцев, в связи с чем объявлена подписка на оказание им материальной помо-

Рис. 7. Транспортировка раненых на корабельных носилках

Рис. 9. Оказание помощи раненым на набережной

щи. Такая же подписка была объявлена многими медицинскими изданиями России. Организатором по сбору средств в России был избран известный акушер-гинеколог профессор Д.О. Отт.

Труд русских медиков был высоко оценен итальянцами. В конце 1909 года из Италии в Министерство иностранных дел России было прислано 19 орденов для награждения моряков Балтийского отряда, участвовавших в спасательной операции. Одиннадцать из них предназначались врачам. Ордена Короны Большого офицерского креста удостоены А.А. Бунге; Х.И. Госс и В.К. Лубо — Короны Командорского креста; П.Е. Бачинский, Е.Г. Каллин и А.А. Шишло — Офицерского креста; Н.А. Новиков и Н.А. Востросаблин — Св. Маврикия и Лазаря Командорского креста; Е.В. Емельянов, Ф.Ф. Гласко и Ю.В. Каружась — Командорского креста.

Опыт оказания медицинской помощи большому числу пострадавших и массовой эвакуации их на боевых кораблях в Мессине был успешно использован Морским ведомством России. Уже в 1909 году на Балтийском и Черноморском флотах, а потом и в Сибирской флотилии были проведены широкомасштабные санитарные учения, целью которых являлась отработка организации медицинского обеспечения сил флота в различных боевых условиях.

«В ходе маневров на корабельном соединении назначались до 600 человек условно раненых (число их соответствовало фактическим потерям на кораблях разного ранга на основе

анализа прошедших войн). Каждый из условно раненых имел карточку с обозначением повреждений (имитационный талон). Всем им оказывали медицинскую помощь на боевых постах, транспортировали на перевязочные пункты кораблей, где обозначали оказание доврачебной помощи с заполнением соответствующей документации («путевые ярлыки»), затем условно раненых доставляли на берег в пункт базирования с последующей транспортировкой, приемом и размещением в морском госпитале.

На основе анализа материалов проведенных учений были разработаны новые документы: Правила врачебно-санитарной службы на судах флота, Санитарно-боевая организация на линейных кораблях и крейсерах I ранга, Санитарная служба на минных судах в военное время, Проект правил и инструкций по тактической и организационным частям санитарного дела на судах флота и т. п.»⁹. Проведение медико-санитарных учений позволяло отрабатывать общие вопросы организации лечебно-эвакуационного обеспечения, приобретать навыки в оказании первой медицинской помощи и транспортировке раненых на корабле, их эвакуации с корабля на корабль и на берег. Однако эффективно и качественно справиться с этой важной для флота задачей полностью не удалось. Эту проблему предстояло решать в годы Первой и Второй мировой войн.

В 1910 году правительство Италии приняло дополнительное решение о награждении практически всех участников спасательной операции.

Рис. 10. Перевозка раненых жителей Мессины на русские корабли

Королевским декретом от 5 июня 1910 года Российский флот награждался большой золотой медалью; командир эскадры и командиры кораблей – орденами и медалями; корабли – большими серебряными медалями; все без исключения — малыми серебряными медалями с надписью «В память бедствия, постигшего Мессину и Калабрию». Такие же награды предназначались и другим экипажам иностранных кораблей, принявшим участие в спасении жителей Мессины. Поскольку необходимое количество медалей к тому моменту не было готово, их вручение перенесли на 1911 год. Командование поручило командиру крейсера капитану 1 ранга П. Н. Лескову посетить порт Мессина и принять награды и подарки для вручения их награжденным.

Итальянский комитет помощи пострадавшим в Мессине в 1910 году собрал средства на отлив-

ку золотой памятной медали, а скульптор Пьетро Кюфферле выполнил очень выразительную скульптурную композицию, изображающую русских моряков, спасающих из-под развалин пострадавших от землетрясения жителей Мессины.

В июне 2012 года в Мессине Фонд Андрея Первозванного открыл этот великолепный памятник русским морякам-героям. Тогда же копия золотой медали была передана Попечительскому совету Центра национальной славы и Фонду Андрея Первозванного, а 13 октября 2016 года торжественно передана в Центральный военно-морской музей.

Мессина – великая гуманитарная победа Российского флота. Еще свежа была горечь Цусимы, но мужество русских моряков Гардемаринского отряда вернуло Андреевскому флагу утраченную доблесть.

¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3769. Л. 225.

² Tatiana A. Ostakhova "Abbiamo visto Messina ardere come una ficcola">// Reggio Calabria, Italia, 2009. – С. 135.

³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3769. Л. 225.

⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3769. Л. 225.

⁵ Сосин В. «Вы, адмирал, со своими моряками в несколько дней сделали больше, чем мои дипломаты за все мое царствование»/ В.Сосин // Морской сборник.- 2008. -№ 12. -С. 63.

⁶ РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1588. Л. 3-16.

⁷ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1114. Л. 21.

⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1114. Л. 64.

⁹ Сосин В. «Вы, адмирал, со своими моряками в несколько дней сделали больше, чем мои дипломаты за все мое царствование»/ В.Сосин // Морской сборник. – 2008. – № 12. – С. 66.

*Николай Васильевич Старостенков,
Россия, Москва, Российский государственный
социальный университет, ученый секретарь,
доктор исторических наук, профессор*

Создание первых военных железнодорожных подразделений и их участие в строительстве железных дорог Российской Империи (1851-1875 гг.)

Уже в первой половине XIX века железнодорожный транспорт проявил себя, как важнейшее техническое изобретение, способное совершить революционные преобразования во многих отраслях жизни человеческого общества, в том числе и в военной сфере.

В России на эту проблему уже в первой половине XIX века обратили внимание широко известные в то время специалисты – Николай Семенович Мордвинов и Петр Александрович Языков.

Весьма умеренные, по сравнению с другими видами транспорта, затраты на перевозку, высокая скорость движения и надежность превращали железнодорожный транспорт в средство не только резко сокращающее сроки от мобилизации и сосредоточения войск, но и способное гарантировать надежное материально-техническое обеспечение миллионных армий.

Однако, не только непосредственное использование железных дорог в интересах обороны страны, но и сама постановка этого вопроса потребовала от сторонников использования же-

лезнодорожного транспорта в военных целях определенной настойчивости и мужества.

Действительно, для того, чтобы принять эту точку зрения, нужно было во всеуслышание отказать от сложившейся столетиями и много раз доказавшей свою, как казалось, незыблемость системы взглядов на обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства.

В соответствии с этой системой взглядов войны велись имевшимися в наличии воинскими контингентами, а мобилизация сводилась к приведению в боевую готовность дислоцированных в районе государственных границ войск и выдвигению резервов, сбор которых требовал значительного времени.

Передвижение войск осуществлялось по заранее подготовленным грунтовыми военными дорогам, на которых предварительно создавалась сеть баз снабжения, привязанная к основным операционным направлениям. При этом, огромные обозы замедляли скорость движения войск и снижали их маневренность.

Использование железных дорог в военных целях вело к отказу от накопленного многими поколениями предшественников опыта и требовало заново, на основе иных, еще даже не осмысленных до конца принципов осуществлять оборудование театров военных действий, заменять железными дорогами грунтовые пути, готовить военачальников, способных действовать в новых условиях.

Разумеется, это требовало как преодоления инерции мышления военно-политического руководства стран, так и значительных материальных затрат.

Но влияния технического прогресса на военное дело остановить уже было невозможно. Поэтому, не дожидаясь всестороннего теоретического осмысления происходящих процессов, как военной наукой, так и руководством государств, использование железных дорог в военных целях началось на практике, причем, железнодорожный транспорт сразу же продемонстрировал свою эффективность в решении одной из наиболее сложных и трудоемких задач – перевозке войск и воинских грузов.

Российская империя оказалась одной из первых стран, решившихся на это новое и, как тогда считалось, весьма небезопасное использование железнодорожного транспорта.

4 июля 1848 года, как только открылся участок Петербург – Колпино Санкт-Петербург – Московской железной дороги, получивший название «опытный путь», по нему в Петербург была перевезена команда в составе 250 рекрутов, а 24 – 27 августа из Петербурга в Колпино были доставлены три полка 1-й Гренадерской дивизии. Общая численность перевезенного личного состава составила 7500 человек.

Тогда же, в 1848 году, из Кракова в Градиш была перевезена состоявшая из 14 532 человек при 1993 лошадях и 40 орудиях (с 464 зарядными и фурштатскими фурами и 88 быками) дивизия генерала Панютина. Переезд на расстояние в 281 версту занял у нее три дня¹.

Всего же за четыре года (с 1852 по 1856 гг.) общий объем воинских перевозок по железным дорогам России составил 836 500 человек, 58 200 лошадей и почти 11 000 повозок².

Первые в мировой практике воинские перевозки на театр военных действий были выполнены в ходе датско-прусской войны 1848 – 1850 гг.

После этого, в 1850 году из Вены к северной границе за 26 дней было перевезено 75 000 человек и 800 лошадей. Однако эта операция заняла существенно больше времени, чем планировалось.

С такой же проблемой пришлось столкнуться войскам Австрийской империи во время так называемой Сардинской войны (Итальянской кампании) в 1859 году. Тогда вместо предполагавшихся 7 – 9 дней 14 суток заняла перевозка двадцатитысячного австрийского корпуса из Вены в Ломбардию.

Таким образом, накопленный опыт воинских перевозок по железным дорогам позволил сделать важный вывод – перевозка войск и воинских грузов должна осуществляться по тщательно выверенному плану, для разработки и практической реализации которого требуется специальный уполномоченный орган. Так впервые был поднят вопрос о создании прообраза службы военных сообщений.

Поэтому в 1859 году для организации перевозок частей французской армии в Северную Италию создается специальная комиссия из офицеров Генерального штаба и железнодорожных чиновников.

Благодаря работе Комиссии удалось достичь выдающегося (для того времени) результата: в течение апреля – июня было перевезено 230 000 человек и 36 000 лошадей со всей артиллерией и обозом.

Однако, не смотря на положительный опыт перевозки значительного количества войск и воинских грузов, некоторые военные специалисты все еще высказывали сомнения в возможности использования железных дорог в военных целях.

Так в 1851 году прусские генералы, войска которых были перевезены по железным дорогам, крайне негативно отзывались о таком способе передвижения войск.

Они утверждали, что перевозка войск по железным дорогам ведет к падению дисциплины, войска теряют способность к совершению пеших маршей, лошади болеют. Также, по их мнению, перевозка войск по железным дорогам не безопасна, так как артиллерийские снаряды могут самопроизвольно взрываться, а оси повозок расшатываться³.

Должно было пройти еще несколько долгих, но очень важных с точки зрения развития воен-

ной теории и практики лет, прежде чем железнодорожный транспорт безоговорочно занял подобающее ему место в системе обеспечения обороноспособности любого государства, а части и соединения железнодорожных войск стали неотъемлемым элементом его военной организации.

В силу определенных обстоятельств, Российская империя оказалась одной из первых стран, которая начала использовать воинские формирования для эксплуатации и ремонта железных дорог.

Действительно, после завершения строительства Санкт-Петербург – Московский железной дороги 6 августа 1851 года императорским указом для ее охраны и эксплуатации были сформированы 14 отдельных военно-рабочих, две кондукторских и одна телеграфическая роты.

Им на смену пришли военно-рабочие бригады, которые в начале 70-х годов прошлого столетия, в свою очередь, уступили место качественно новым формированиям, способным более успешно решать задачи, обусловленные непрерывным ростом военного значения железнодорожного транспорта и существенными изменениями, происходившими в жизни страны.

После сокрушительного поражения Российской империи в Крымской кампании (1853 – 1856 гг.), обнажившего значительные недостатки в организации ее вооруженных сил, их комплектовании, вооружении и качестве боевой подготовки, главной целью военной реформы, назначенного в 1861 году на должность военного министра генерала Дмитрия Алексеевича Милютина, стало создание боеспособной массовой армии нового типа. Очевидно, что осуществить это можно было лишь путем кардинальных изменений организации и структуры вооруженных сил, принципов их комплектования и оснащения, системы обучения и воспитания войск.

Более того, в связи с очевидным ростом значения железных дорог на театре военных действий, стало очевидным, что действующим армиям потребуются воинские формирования способные в боевых условиях осуществлять эксплуатацию и ремонт разрушенных противником железных дорог, а если того потребует обстановка, то и самостоятельно вести строительство железнодорожных линий или их разрушение.

Для решения этих задач предполагалось, за счет бессрочно-отпускных нижних чинов, служащих на железных дорогах, создавать специальные воинские подразделения.

Однако проведенная проверка показала, что на всех железных дорогах Российской империи на 1 января 1867 года числилось лишь 1518 бессрочно-отпускных нижних чинов.

А это значит, что Военному министерству предстояло предпринять активные шаги, направленные на разработку и воплощение в жизнь системы подготовки в мирное время контингентов нижних чинов запаса, обученных военно-железнодорожным специальностям и способных успешно действовать в составе специализированных военно-железнодорожных формирований в военное.

В 1870 году была определена организация военно-железнодорожных подразделений – военно-железнодорожные команды.

Военные железнодорожные команды комплектовались раз в год, в августе, из строевых и нестроевых унтер-офицеров и рядовых всех родов войск, но 1/4 из них должна была обязательно назначаться из саперных батальонов.

Для обучения военнослужащие распределялись по линиям железных дорог в соответствии с расписанием, составленным Комитетом по передвижению войск, причем принимались меры к тому, чтобы каждый воин мог изучить, по крайней мере, две железнодорожных специальности.

Военнослужащие военных железнодорожных команд на время обучения включались в состав служащих на железных дорогах и подчинялись управлению железных дорог, как и все прочие служащие.

В соответствии с Положением «О военных железнодорожных командах» предусматривалась организация особого учета военнослужащих, уволенных в бессрочный или временный отпуск из военных железнодорожных команд, в управлениях губернских воинских начальников в тех губерниях, в которых проживал уволенный, а также в Главном штабе.

В случае перевода войск на военное положение, нижние чины, подготовленные в военных железнодорожных командах, как находящиеся в запасе, так и состоящие на действительной службе, должны были сосредотачиваться в уста-

новленное время в назначенных Главным штабом пунктах и распределяться по армиям.

Таким образом, в ходе военной реформы был создан новый тип формирований Железнодорожных войск – военные железнодорожные команды. Цели и задачи, которые должны были решать эти формирования в мирное и военное время, полностью соответствовали требованиям военной науки и боевой практики своего времени. Кроме того, с помощью военных железнодорожных команд каждые два года русская армия получала до одной тысячи подготовленных и имеющих необходимые знания военно-железнодорожного дела унтер-офицеров и рядовых запаса.

Военно-железнодорожные команды были первыми подразделениями Железнодорожных войск, которые могли самостоятельно осуществлять строительство и эксплуатацию железных дорог.

Для проверки качества подготовки военнослужащих железнодорожных команд предназначались учебные сборы.

За время существования военных железнодорожных команд они три раза привлекались трижды привлекались на сборы, в ходе которых производилось строительство железных дорог и некоторых элементов военно-железнодорожной инфраструктуры.

В 1871 году под Петербургом состоялись первые сборы. Перед воинами военных железнодорожных команд, привлеченных на сборы, стояла задача построить железнодорожную линию между Петергофской и Варшавской железными дорогами (от станции Лигово до точки пересечения Варшавской железной дороги с Пулковским шоссе) в ходе крупных военных маневров.

Руководство строительством было поручено заведующему Комитетом по передвижению войск по железным дорогам и водой генерал-майору М.Н. Анненкову. Техническое наблюдение за производством работ возлагалось на инженера путей сообщения В.А. Усова.

Из военных железнодорожников были сформированы 2 роты общей численностью до 600 человек.

Строительству железнодорожной ветки, как важному элементу маневров, придавалось большое значение. Поэтому строящуюся линию

дважды посещал Александр II и неоднократно – Д.А. Милютин.

Ночью 5 августа 1871 года строительство было завершено.

Не смотря на значительные объемы строительных работ (укладка 7 верст верхнего строения пути, строительство моста через Лиговский канал и 15 водопропускных труб, выполнение земляных работ в объеме свыше двух тысяч кубических сажень и строительство 2 деревянных платформ) поставленная задача была решена в течение семи дней.

Вторая проверка эффективности подготовки военнослужащих в военно-железнодорожных командах была проведена в начале 1872 года. Перед военными железнодорожниками была поставлена задачи по строительству в паровой и железно-конной дорог для обеспечения работы Политехнической выставки в Москве.

На выполнение работ с железных дорог империи было направлено до пятисот военнослужащих военных железнодорожных команд, а также два пехотных полка в задачу которых входило осуществление основных объемов земляных работ.

Четкая организация труда и отдыха военнослужащих военных железнодорожных команд, их энтузиазм и творческий подход к делу позволили добиться высокого темпа выполнения строительных работ.

Все поставленные задачи были решены военными железнодорожниками в полном объеме и в установленные сроки.

Ширококолейный железнодорожный путь просуществовал относительно недолго – после окончания работы Политехнической выставки он был разобран, но железно-конная дорога или как ее прозвали в народе – конка, возведенная военными железнодорожниками, достаточно долго служила москвичам.

Франко-прусская война 1870–71 гг. выявила некоторые новые и очень важные тенденции, которые со всей очевидностью проявились в военном деле. Главными из них были: а) значительный рост численности войск, непосредственно вовлеченных в боевые действия, и б) вызванное этим обстоятельством превращение железных дорог в фактор, оказывающий большое влияние на ход и исход войны.

Поэтому когда в 1874 году было принято решение провести очередные сборы воен-

ных железнодорожных команд в Севастополе, главная цель их была обозначена как: «приобретение опыта и практических навыков» в ходе строительства специально приспособленной к приему крупных воинских контингентов и значительных объемов грузов «конечной станции», составлявшей один из основных элементов «стратегической железнодорожной магистрали».

Военные железнодорожники успешно справились с поставленной задачей, выполнив все работы раньше назначенного срока.

Общим итогом сборов военных железнодорожных команд явился вывод о том, что имеющаяся система подготовки кадров обученных военно-железнодорожному делу офицеров и нижних чинов железнодорожных войск, позво-

ляет иметь на действительной службе и в запасе Русской армии необходимое количество подготовленных военнослужащих способных, в военное время, составить основу Железнодорожных войск действующей армии.

На этом завершился первый этап развития железнодорожных войск Русской армии. Им предстояло еще пройти долгий и весьма непростой путь совершенствования организационно-штатной структуры, уточнения целей и задач, решаемых ими в мирное и военное время, создания стройной и эффективной системы подготовки высококвалифицированных кадров.

Однако главное уже было сделано – подразделения железнодорожных войск были созданы и заняли достойное место в военной организации Российской империи.

¹ См.: Квист А. Железные дороги в военном отношении. Ч.1. Перевозка войск по железным дорогам. – С.-Петербург, 1868. – С. 144.

² См.: Караев Г.Н. Возникновение службы военных сообщений на железных дорогах России. – М.: Воениздат, 1949. – С. 26 – 27.

³ Макшеев Ф.А. Железные дороги в военном отношении. – С. - Петербург, 1890. – Вып. 1. – С. 2 – 3.

*Юрий Викторович Старшов,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник
научно-экспозиционного отдела*

Смоленская война и Поляновский мир 1634 г.

Смоленская война в историографии позиционируется как неудачная попытка вернуть территории, утраченные в Смутное время и прежде всего – Смоленск. В ходе кампании 1632 г. русская армия первоначально достигла успеха, овладев 15 городами на территории Речи Посполитой. Но длительная осада первоклассной Смоленской крепости, набег крымцев на южные рубежи России привели к изменению военного баланса. Новый король Польши Владислав IV сумел собрать значительные силы, заблокировать русскую армию М. Б. Шеина под Смоленском и вынудить к капитуляции. Однако затем попытался отбить крепость Белую, но потерпел неудачу. После этого обе стороны пошли на сложные переговоры, в результате которых в июне 1634 г. был заключен Поляновский мир¹. Подобное традиционное описание можно встретить достаточно часто, однако знакомство с военно-политической обстановкой и текстом мирного договора, который не публиковался по крайней мере в доступных массовому читателю изданиях, значительно меняет представление

об итогах войны и тех целях, которые в конечном счете преследовали лица, подписавшие мир.

Какова военно-политическая обстановка на весну 1634 года? В чем же причины, по которым Россия пошла на подписание мира в ходе незавершенной кампании, где были достигнуты пусть не решающие, но все же заметные успехи?

Основную причину быстрого заключения мира можно объяснить не военными неудачами или внешнеполитическим фактором, а сменой правящей элиты в Москве, которая повлекла за собой и смену политических приоритетов. Если в начале войны для патриарха Филарета возвращение потерянных в Смутное время земель являлось основной целью кампании, то с падением «партии войны» цели изменились. После смерти Филарета в 1633 г. влияние на царя Михаила Федоровича теперь оказывают сторонники умеренного курса, где одной из самых ярких персон являлся боярин Ф. И. Шереметев.

Заключение мира в значительной мере соответствовало персональным интересам первых лиц государства как в России, так и Речи Поспо-

литой. Рассмотрим интересы и выгоды первых лиц. Царь Михаил Федорович укреплял заключением Поляновского мира свои личные позиции и позиции своих потомков, а возвращение территорий, утраченных в Смутное время, для него оказалось вопросом вторичным, учитывая, что он без больших колебаний разменял города, взятые в ходе военных действий на признание за ним польской стороной царского титула. В этом аспекте интересы династии оказались выше государственных. Федор Иванович Шереметев – российский государственный деятель и дипломат, подписавший Поляновский мир. Это фигура практически «непоколебимая» при любой власти – в свое время входил в Семибоярщину, и соответственно в число тех, кто в 1610 г. приглашал еще королевича Владислава на московский престол. Вместе с польским гарнизоном он пережил действия двух русских ополчений и при этом по итогам Смуты остался в числе первых лиц при воцарении Михаила Романова. Именно он заключил в 1618 г. тяжелое для России Деулинское перемирие. С возвращением в 1619 г. из плена патриарха Филарета и Михаила Шеина позиции Шереметева несколько пошатнулись. Но после смерти Филарета он быстро избавился от своих политических недругов (Шеина и еще ряда лиц в командном звене армии) и стремился быстрее закончить ненужную теперь войну. А карьера Федора Ивановича Шереметева и его влияние продолжали расти; в 1642 г. он фактически стал главой правительства.

Польская сторона так же была кровно заинтересована в заключении мира. Внешнеполитическое положение и внутренняя ситуация Речи Посполитой были далеки от идеала и стабильности. Чувствуя шаткость своего положения, недавно избранный польский король предпочел не рисковать и обеспечить свою персону хотя бы наличностью, взяв 20 тыс. рублей за отказ от титула великого князя Московского. Примечательно, что так называемая секретная статья Поляновского договора была подписана за две недели до самого мира. Деньги же тайно выплачивались после подписания договора, заключения которого Владислав не стал дожидаться и поспешил покинуть место переговоров. Канцлер Криштоф Радзивилл так же стремился закрепить на вершине властной пирамиды Речи Посполитой, для чего был необходим достойный мир.

Одной из главных проблем в отечественной историографии Смоленской войны являются разночтения в условиях Поляновского мира. Первая проблема, которая бросается в глаза – это разночтения и иногда весьма странная трактовка условий мирного договора. Если не брать самые абсурдные версии о том, что России удалось вернуть Смоленск в 1634 г., то самыми распространенными проблемными моментами Поляновского мира, требующими уточнения, являются следующие:

Во-первых, к России отошел город Серпейск с уездом. По тексту договора Серпейск отходил не с уездом, а с округой², причем по площади, реально намного превышающей площадь уезда.

Второе – это вывод польских войск с территории России. Примечательно, что крупных польских сил на момент заключения мира на российской территории не было, война в основном велась на территории Речи Посполитой, и это российская сторона возвращала противнику почти полтора десятка крепостей, занятых в ходе военных действий в том состоянии, в котором они находились на момент подписания мира.

Третье, выплата Россией двадцати тысяч рублей Польше в качестве контрибуции или компенсации – этот момент требует уточнения. Деньги выплачивались из российской казны, но не Речи Посполитой, как государству, а польскому королю тайно как физическому лицу за отказ от претензий на российский престол³.

Второй круг проблем – это реализация условий Поляновского мира, поскольку сам договор оказался невыполним на практике. Оставим в стороне экономические условия и остановимся на внешнеполитическом аспекте. Демаркация границы должна была проводиться пятью комиссиями с привлечением старожилов. Но найти в XVII веке людей, которые достоверно могли утверждать, как именно проходила граница 40 – 60 лет назад на территориях, через которые не раз проходила война оказалось невозможно. Естественно, межевые комиссии столкнулись с данной проблемой. Поэтому вопрос о границе стал решаться прежде всего уже самими членами комиссии по согласованию со столицами. Данный процесс затянулся и активизировался лишь со сменой элиты в Москве и приходом к власти царя Алексея Михайловича, занявшего более жесткую принципиальную позицию в решении

вопроса границ. Отметим, что все перемещения границы были явно не в пользу Речи Посполитой. Так, в 1645 г. к России отошел стратегически важный Трубчевск, который согласно Поляновскому миру должен был оставаться за Польшей.

Не лучше было и с написанием имени и титулов царя Михаила Федоровича польской стороной. Из Москвы постоянно поступали жалобы и требования казнить виновных, постоянно именовавших русского царя то Михаилом Филаретовичем, то Михаилом Романовичем. На это следовал польский ответ, что на границе Речи Посполитой служат люди военные, но грамоте не разумеющие. Кстати, именно регулярные ошибки в имени и титуловании царя были использованы в качестве повода при объявлении Польше очередной войны в 1653 году. Еще одним невозможным к выполнению пунктом Поляновских соглашений стало возвращение грамоты с приглашением Владислава на московский престол в Смутное время.

Подводя итоги, отметим, что весьма скромные плоды незавершенной в военном плане кампании были использованы царем Михаилом Федоровичем в основном в интересах династии и своего сменившегося во время войны окружения. Боевые действия в значительной степени велись на территории Речи Посполитой, которой был нанесен серьезный экономический урон, как русскими войсками, так и собственными силами, действовавшими по принципу «война кормит войну». Весьма неопределенные, а в ряде моментов невыполнимые условия дальнейшего размежевания границ были грамотно использованы российской стороной в дальнейшем, позволив вернуть как ряд территорий, утраченных в Смутное время, так и добиться от Речи Посполитой уступки ряда земель (Ахтырка), где граница между Россией и Речью Посполитой еще только начинала устанавливаться по мере продвижения на юг в Дикое Поле.

¹ Буганов В. И. *Мир истории. Россия в XVII столетии*. М., 1989. С. 48.

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Д. 62. Л1.

*Степан Иванович Таненя,
Россия, Рязань, Филиал ФГБУ «ЦМВС РФ» Минобороны России
«Музей истории Воздушно-десантных войск»,
начальник филиала*

История создания и развития Музея истории воздушно-десантных войск

Музей истории воздушно-десантных войск был открыт 28 июля 1972 года. (Рис. 1) Он расположен в здании бывшей Рязанской духовной семинарии Рязанской епархии, построенном в 1816 году по проекту известного Санкт-Петербургского архитектора Михайлова А.А. в стиле позднего классицизма.

Музей был создан на основании решения Министра Обороны СССР от 14 ноября 1968 года по инициативе командующего ВДВ В.Ф. Маргелова, согласно Директиве Генерального штаба № Орг/8/87013 от 20.03.1969 г. (в штат училища 20 марта 1969 г. дополнительно включено подразделение обслуживания музея ВДВ численностью 4 служащих СА). Работу по созданию музея истории ВДВ возглавлял организационный комитет во главе с заместителем командующего ВДВ генерал-лейтенантом И.И. Лисовым. Общими усилиями командования ВДВ, учебного комбината министерства обороны, фотоцеха Выставки достижений народного хозяйства СССР, студии военных художников им.М.Б.Грекова, мастерских воздушно-десантных соединений и

воздушно-десантного училища, ветеранов ВДВ к июлю 1972 года было изготовлено и приобретено более 10 тысяч экспонатов и сделано 8 залов.

28 июля 1972 года, в день очередного выпуска офицеров-десантников, состоялось торжественное открытие Музея, а в приказе командующего ВДВ № 89 от 4 сентября 1972 года Музей ВДВ при РВВДКУ объявлен действующим музеем.

В этом году музею исполняется 47 лет с момента его создания. Как структурное подразделение РВВДКУ он существовал до 2009 года. В 2009 году был образован Музейный отдел Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (РВВДКУ), а в 2013 году Музей истории ВДВ стал филиалом ФГБУ «ЦМВС РФ» Минобороны России.

В его состав вошли:

- музей истории РВВАИ им. генерала армии В.П. Дубынина – ныне историко-мемориальный зал автомобильной техники ВДВ;
- музей военной автомобильной техники – теперь историко-мемориальный зал боевой техники и вооружения ВДВ;

- музей истории средств связи и РВВКУС им. маршала Советского Союза М.В.Захарова, в настоящее время – мемориальный зал истории средств связи и управления ВДВ.

На сегодняшний день общая площадь музея составляет более 30 тысяч квадратных метров, в том числе площадь восемнадцати экспозиционных и выставочных залов – свыше 8 тысячи квадратных метров.

Фонды нашего музея, как, наверное, и многих других музеев страны, пережили непростую историю. Они многократно переезжали, переводились на новые системы учета, но их неизменно спасали, восстанавливали, заново систематизировали, бережно хранили и изучали. В настоящее время в фондах музея истории ВДВ находится свыше 67 тыс. единиц музейных предметов – молчаливых свидетелей боевой славы, мужества и героизма воинов-десантников.

Основу собрания фондов филиала составляют: боевые ордена и медали воинов-десантников, образцы отечественного и иностранного стрелкового оружия, коллекции людских десантных парашютов, боевой и военной формы одежды десантников России, личные вещи, редкие документы, архивы командного состава ВДВ, фронтовые газеты, письма, фотографии жизнедеятельности и боевой учебы десантников, боевые документы личного состава ВДВ, участвовавшего в миротворческих операциях в Абхазии, Боснии и Герцеговине, Косово, Южной Осетии, в контртеррористических операциях в Чечне, произведения живописи и скульптуры, спортивные кубки и призы, завоеванные спортсменами-десантниками, предметы формы одежды десантников армий иностранных государств, их снаряжение, раритетная литература по боевой подготовке личного состава ВДВ, другие реликвии и музейные экспонаты.

В музее 18 экспозиционных залов (включая экспозиции Музея истории ВДВ, историко-мемориального зала боевой техники и вооружения ВДВ, историко-мемориального зала автомобильной техники ВДВ и историко-мемориального зала средств связи и управления ВДВ), раскрывающих темы:

1. История зарождения армии и парашютизма Российского государства.

В зале демонстрируется оружие и форма одежды воинов Русской армии с XIII по XX век.

Вторая часть зала отведена под экспозицию зарождения парашютизма в России – от воздушного шара Монгольфье до парашюта РК-1 (Русский Котельникова – первый).

2. Создание и развитие Воздушно-десантных войск в предвоенный период (1930-1941гг.)

Зал посвящен Воздушно-десантным войскам с момента их зарождения 2 августа 1930 года до начала Великой Отечественной войны. В витринах представлены фотодокументы, посвященные первому групповому прыжку (12 чел.) под Воронежем во главе с лётчиком Миновым Л.Г., экспонируется оружие довоенного периода: миномёт 82мм., крупнокалиберный пулемёт 12,7 мм (ДШК), пистолет-пулемёт конструкции Шпагина Г.С. (ППШ-41), ручной пулемёт Дегтярёва (ДП-27), самозарядная винтовка СВТ-40, маузер генерала Конева С.Н. (финский трофей) и другие. В витринах фотографии и документы первых авиадесантных отрядов (ЛенВо), бригад и корпусов; представлены копии боевых знамен 201-й, 204-й и 214-ой воздушно-десантных бригад, прославивших себя в советско-финской войне, в походе по освобождению Бессарабии.

3. ВДВ в первом и втором периодах Великой Отечественной войны (22.06.1941 по 31.12.1943 гг.)

Экспозиции посвящены участию десантников в Московской и Сталинградской битвах, в боях на Курской дуге, на Северном Кавказе. Представлено стрелковое оружие и снаряжение этого периода, форма одежды, уникальные документы, фотографии, личные вещи участников ВОВ, боевые ордена и медали.

4. ВДВ в третьем периоде Великой Отечественной Войны (01.01.1944 по 09.05.1945 гг.)

(Рис. 2) Зал посвящен участию Воздушно-десантных войск на заключительном этапе Великой Отечественной войны (1944-1945 гг.) – освобождению Западной Европы от фашистских захватчиков. В витринах – личные вещи и награды десантников – участников освобождения Европы. В центре зала представлена копия знамени Победы, макеты орденов Великой Отечественной войны и Победы, фотопанно «Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года».

5. ВДВ в послевоенные годы (1945-1970 гг.)

Экспозиция этого зала отображает развитие ВДВ в послевоенный период (1945-1970 гг.). Представлены новые типы стрелкового оружия, парашютно-десантные приборы, архивные и фо-

Рис. 1. Музей истории ВДВ. 2019 год

тодокументы, рассказывающие о десанниках, принимавших участие в миротворческих операциях в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.).

6. ВДВ в послевоенные годы (1970-1991 гг.)

Экспозиция этого зала отображает развитие ВДВ в период с 1970 по 1991 гг. В зале демонстрируется современное оружие, снаряжение, образцы формы одежды, парашюты Д-10, З-5, многокупольная система (МКС) и парашютно-грузовая платформа (ПГС-500), станковый, противотанковый гранатомёт (СПГ-9), станковый автоматический гранатомёт (АГС-17). В витринах документы и фотографии, посвященные воинам-десанникам, участникам событий в Афганистане, генералам, офицерам, рядовому и сержантскому составу, продолжающим славные традиции Воздушно-десантных войск.

7. Воздушно-десантные войска Российской Федерации.

Воздушно-десантные войска на современном этапе получили и продолжают получать современную боевую технику, снаряжение, новую форму одежды для различных климатических зон, новейшие парашютные системы. В зале расположены манекены в форме одежды десанников: для Арктики, для средней полосы, для Южных широт.

8. Воздушно-десантные войска Российской Федерации.

В зале экспонируется современная форма одежды десанников, участвующих в миротворческих операциях, макеты оружия и современной техники ВДВ.

9. Диорама «Подвиг воздушного десанта под Вязьмой».

Диорама посвящена боевым действиям 4-го воздушно-десантного корпуса под Вязьмой. Авторы диорамы народный художник СССР Мальцев П.Т. и Заслуженный художник РСФСР Присекин Н.С. за эту диораму удостоены Государственной Премии РСФСР им. Репина.

Рис. 2. Экспозиция зала «Воздушно-десантные войска в третьем периоде Великой Отечественной войны (1944-1945 гг.) Музея истории ВДВ 2019 г.

10. Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова.

Зал был создан к 100-летию Рязанского прославленного училища ВДВ и представляет историю его создания, развития, традиций, рассказывает о выпускниках училища – Героях Советского Союза и России.

11. Кабинет командующего ВДВ генерала армии В.Ф. Маргелова.

Представлена реконструкция личного кабинета в квартире легендарного командующего воздушно-десантными войсками Героя Советского Союза генерала армии Василия Филипповича Маргелова, где до мельчайших подробностей воссоздана обстановка, в которой он работал, а также вниманию посетителей представлен его парадный китель со всеми наградами.

12. Международное военное сотрудничество.

Зал посвящен миротворческим операциям наших прославленных воздушно-десантных войск. Представлена военная форма одежды десантников разных стран мира, знаки различия, знамёна стран, чьи слушатели обучались и обучаются в нашем училище.

13. Парадный коридор-галерея командующих ВДВ с сентября 1941г. по настоящее время, в котором представлены скульптурные портреты командующих воздушно-десантными войсками, а также витрины с их личными вещами и документами.

14. Зал автомобильной техники.

В зале экспонируются ретро автомобили различных заводов-изготовителей Советского Союза и России. Широко представлена информация о появлении первого российского автомобиля, о зарождении автомобилестроения и серийного производства. Автомобиль в Великой Отечественной войне. Автомобильная служба в различных видах и родах войск.

15. История развития средств десантирования техники и личного состава ВДВ.

Зал был открыт 13 ноября 2018 года к 100-летия РГВВДКУ. Впервые представлена история средств десантирования личного состава, техники и грузов. Особо значимым являются уникальные системы людских парашютов, начиная с РК-1, РК-2 и последнее изобретение Арбалет 2.

Всего 52 людских парашюта. Вся линейка парашютных платформ для десантирования техники и вооружения ВДВ. Особый интерес представляет комплекс совместного десантирования (КСД), единственный в мире, совместного десантирования личного состава и вооружения, в частности, гаубица Д-30. Размещены макеты всех типов самолетов, которые использовались в интересах ВДВ, начиная с ТБ-3 и заканчивая ИЛ-76 МД. Опять же впервые представлены копии всех парашютных знаков воздушно-десантных войск.

Имеется конференц-зал, оборудованный современной мультимедийной аппаратурой, и сенсорный стол с информацией о создании и развитии всех средств десантирования.

16. Зал «Средства ремонта и эвакуации техники».

В зале представлена экспозиция подвижных средств технического обслуживания, эвакуации и ремонта боевой техники и вооружения, которая включает три раздела: двигатели армейской техники, подвижные средства технического обслуживания, ремонта и эвакуации армейской техники, сборные пункты поврежденных машин (полк, дивизия).

17. Зал «Автомобильная техника ВДВ».

Экспозиции зала посвящены истории Рязанского автомобильного института имени генерал армии В.П. Дубынина, проектированию и созданию автомобилей, подготовки офицеров-автомобилистов для воздушно-десантных войск.

18. Зал «Средства связи и управления ВДВ».

Его экспозиции посвящены истории развития средств связи с древнейших времен до наших дней. В музее представлены предметы военной формы одежды, личные вещи, документы, письма, фотографии боевой учебы и жизнедеятельности воинов-связистов, оружие, снаряжение войск связи. По периметру зала установлены средства связи разных лет, например, представляет интерес мотоцикл связи 1946 года выпуска.

- смотровая площадка техники и вооружения ВДВ, на которой представлена: – автомобильная техника периода СССР и России; – боевая техника ВДВ; – инженерная техника и техника тыла; – медицинская техника и техника связи; – артиллерия ВДВ; – автомобильная техника послевоенного периода;

Среди экспонатов внешней экспозиции можно выделить танк «Шерман», поднятый со дна

Рис. 3. Выставка стрелкового оружия в День Победы 9 мая 2018 г.

Баренцева моря, отремонтированный в ремонтно-восстановительном батальоне Орехово-Зуево и переданный в музей; гаубица М-30, 122 мм, образца 1938 года, участница боев Великой Отечественной войны; комплекс ПВО «Стрела-10»; САУ «Спрут-СД», в настоящее время поступающий на вооружение воздушно-десантных войск.

Перед основным зданием музея истории ВДВ выставлена боевая техника воздушно-десантных войск СУ-85 и БМД-1.

(Рис. 3) Большой популярностью среди молодежи и взрослого населения пользуются выставки стрелкового вооружения и автомобильной техники периода Великой Отечественной войны и современного стрелкового вооружения, выставки: «История формы одежды десантников мира», передвижные музейные выставки, посвященные Победе в Великой Отечественной войне, участию воздушно-десантных войск в разгроме фашизма в битве под Сталинградом, легендарному командующему ВДВ Герою Советского Союза генералу В.Ф. Маргелову, участию в Великой Отечественной войне жителей г. Рязани и Рязанской области.

В целях расширения географического влияния «Музея истории ВДВ» на сознание и поведение молодежи, работники музея практикуют выезды за пределы Рязанского гарнизона с передвижными выставками. Передвижные выставки Музея истории ВДВ воспринимаются публикой с большим интересом и пока не имеют конкурентов. В настоящее время музей накопил достаточно солидный практический опыт в создании передвижных выставок, их транспортировке и размещении, как в закрытых помещениях, так и на открытых площадках.

Музей располагает кинозалом емкостью до 100 человек, в котором организуются просмотры с помощью широкоформатного телевизора видеофильмов об истории и боевой подготовке ВДВ в современных условиях.

В научной библиотеке музея собраны уникальные издания по истории и развитию ВДВ, документы, уставы, справочные материалы, мемуары. Библиотека часто пополняется и пользуется большим спросом у преподавателей и курсантов училища, историков и научных работников города Рязани.

Большой вклад в становление и развитие музейной экспозиции внесли такие сотрудники музея, как А.К. Бас, полковник запаса, заместитель начальника РВВДКУ по тылу; Горленко Г.Ф, подполковник запаса, старший научный сотрудник музея; Медвежникова Т.М., которая до сих пор работает в музее и прошла путь от научного сотрудника до начальника научно-фондового и экспозиционного отдела; Ашихмин С.Г., полковник запаса, научный сотрудник музея; Хлесткин Ю.П., полковник запаса, старший научный сотрудник музея; Инюцын В.А., полковник запаса, участник Великой Отечественной войны, научный сотрудник музея.

Особо необходимо отметить роль командующих ВДВ: Герой Советского Союза генерал армии В.Ф. Маргелов, основатель и создатель Музея истории ВДВ; Герой Российской Федерации генерал-полковник В.А. Шаманов, в трудное время только благодаря его усилиям в 2010 году удалось спасти музей от уничтожения и вдохнуть в него новую жизнь; генерал-полковник Сердюков А.Н. в 2018 году к 100-летию РВВДКУ организовал и оказал поддержку в восстановлении и создании нового облика музея, в соответствии с современными требованиями.

(Рис. 4) Значительный вклад в развитие музея и музейной работы внесли его руководители. Полковник Несветеев А.П. руководил созданием и работой музея с марта 1969 года по май 1980 года и вместе с Командующим, офицерами

штаба и политического отдела ВДВ разработали рабочую концепцию музея и осуществили ее реальное воплощение в тематике и музейных экспонатах.

20 лет с 1980 по 2000 год музеем истории ВДВ руководил Заслуженный работник культуры, в прошлом начальник политического отдела училища, ветеран Великой Отечественной войны, полковник Киваев Николай Федорович. В его бытность музей пополнился новыми экспонатами, были созданы интересные музейные экспозиции.

1 ноября 2000 года музей возглавил полковник запаса Таненя Степан Иванович, который до увольнения из Вооруженных Сил командовал 13-й отдельной воздушно-десантной бригадой, а затем служил в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище в должности заместителя начальника училища. С его приходом к руководству в значительной степени изменился стиль работы музея. Стратегия коллектива музея была сформулирована кратко: сохранение и использование опыта достигнутого, обновление старых и создание ярких, соответствующих духу времени, новых экспозиций, научность, оперативность, актуальность, учет общественного мнения и пожеланий во всех формах музейной работы. Установились тесные рабочие контакты с руководителями и специалистами областного управления по делам образования, науки и молодежной политики, с городским управлением

Рис. 4. Начальники Музея истории ВДВ: п-к Несветеев А.П., п-к Киваев Н.Ф., п-к Таненя С.И.

Рис. 5. Министр обороны Шойгу С.К. в Музее истории ВДВ. 2013 г.

образования, науки и молодежи, местными ветеранскими и молодежными организациями, журналистами газет, радио и телевидения. Эти новации привели к увеличению посещаемости музея школьниками, учащимися, студентами.

За прошедшие годы Музей истории Воздушно-десантных войск посетило более 2 миллионов экскурсантов.

Будучи бюджетным подразделением Министерства обороны РФ, музей в трудные перестроечные годы не только не сдал своих позиций по всем показателям музейной работы, но и ежегодно наращивал их, становясь все более интересным и популярным объектом национальной культуры страны. Работа Музея истории ВДВ направлена на выявление и сбор предметов музейного значения в целях обогащения музейных собраний новыми поступлениями, исследование информативной ценности, поступивших музейных предметов, объективное отражение в музейном собрании военно-исторических событий, связанных с деятельностью Воздушно-десантных войск, создание условий, обеспечивающих сохранность музейных ценностей, содействие боевой и общественно-государственной подготовке военнослужащих,

учащихся, допризывной молодежи с использованием различных средств и форм научно-просветительной работы, участие в нравственном, эстетическом и героико-патриотическом воспитании военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации и российских граждан, в повышении их общеобразовательного и культурного уровня и организации полноценного культурного досуга.

В наш музей идут и едут люди со всех концов страны: это десантники, военнослужащие других родов и видов Вооруженных Сил, выпускники рязанских военных училищ, политические и военные руководители России и иностранных государств, ветераны войны и Вооруженных Сил, все кто интересуется историей и современными успехами ВДВ. В 2013 году музей посетил Министр Обороны РФ С.К. Шойгу. (Рис. 5)

Музей строит свою работу в тесном контакте с администрацией Рязанской области, с командованием и воинскими частями Воздушно-Десантных войск, «Центральным музеем Вооруженных сил РФ» Минобороны России, ветеранскими организациями местного и федерального значения, военно-историческими клубами, библиотеками.

Рис. 6. Коллектив Музея истории ВДВ. 2017 г.

Музей истории ВДВ проводит значительную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, как в Рязанской области, так и за ее пределами. Молодые люди различных возрастов с большой охотой посещают музей истории ВДВ и уносят из него не только малую толику отечественной военной истории, но и горячее желание быть хотя бы в чем-то похожими на представителей этого славного рода войск. Участие Музея истории ВДВ в организации военно-патриотического воспитания носит многоплановый и активный характер, способствует формированию высоких профессиональных и морально-психологических качеств, воспитывает у молодежи уважительное отношение к защитникам Отечества и обеспечивает достаточно большой контингент желающих поступить учиться в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова.

Главным фактором популярности музея является и то, что его сотрудники в течение многих лет достойно и ответственно, сообразуясь с принципами историзма и объективности, доносят музейными средствами до сознания посети-

телей роль и место воздушно-десантных войск в оборонительной структуре Российского государства, увлекательно рассказывают о характере боевой подготовки воинов-десантников, о парашютных прыжках, о мужестве и героизме личного состава крылатой пехоты.

Характерной чертой сотрудников музея является высочайший служебный авторитет, безукоризненное знание истории ВДВ, их этапов развития, командного состава частей и соединений, содержания учебно-боевой подготовки, систем вооружения и специальной техники.

Сотрудники музея истории ВДВ очень ценят свою репутацию, благодарят всех посетителей за высокую оценку своей работы и считают своим профессиональным долгом поднять музейное обслуживание на уровень современных требований и обогатить историю ВДВ новыми открытиями, обобщениями, экспозициями, освоить новые формы музейной работы.

Каждое посещение молодежью музея его сотрудники стараются сделать приятным, интересным, запоминающимся, насыщенным и осязаемым событием. (Рис. 6)

*Ольга Васильевна Тихомирова,
Россия, Москва, Центральный Дом Российской Армии
имени М.В. Фрунзе,
экскурсовод выставочного зала отдела культуры,
заслуженный работник культуры Российской Федерации*

Усадьба графа В.С. Салтыкова в судьбе Центрального музея Вооружённых Сил Российской Федерации

За свою вековую историю Центральный музей Вооружённых Сил Российской Федерации не раз менял свое месторасположение, менялись его названия и подчинённость. 5 февраля 1927 года приказом Реввоенсовета СССР музей, который в то время назывался Центральным музеем Красной Армии (ЦМКА), перешел в подчинение Главного Политического управления РККА. В том же году был образован Центральный дом Красной Армии (ЦДКА), который предполагалось разместить в здании бывшего Екатерининского института благородных девиц на Екатерининской площади (в 1932-1994 гг. она называлась площадью Коммуны, ныне это Суворовская площадь). В левом крыле этого здания было решено расположить и экспозицию Центрального музея Красной Армии. Там музей оставался до 1965 года, то есть 38 лет. Некоторое время он даже организационно входил в состав ЦДКА в качестве одного из его структурных подразделений. Рис.1.

Однако здание, где планировалось разместить Центральный дом Красной Армии и музей, длительное время не использовалось и требова-

ло ремонта. Между тем оно имеет интересную историю, которую сегодня мало кто помнит.

За более чем двухсотлетний период своего существования это здание всегда было подчинено государственным интересам, которые определялись высочайшими указами, рескриптами, постановлениями. В далеком прошлом это северное предместье Москвы было известно, как село Сущево, упоминание о котором относится к XV веку.

По некоторым данным, в середине XVIII века Сущево являлось частью загородной резиденции вице-губернатора Москвы генерал-майора графа Владимира Семёновича Салтыкова. Основателем графской ветви древнего дворянского рода, идущего с XIII века, был Семен Андреевич Салтыков, возведенный в графское достоинство в 1732 году. Салтыковы всегда служили Отечеству «не щадя живота своего», на их гербе был начертан девиз «За верность, усердие и труды». По заказу Владимира Семеновича известный архитектор Д.В. Ухтомский, построивший в Москве много прекрасных зданий, учитель таких масте-

Рис. 1. Здание Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе – современный вид.

ров, как М.Ф. Казаков, И.Е. Старов, А.Ф. Кокорин, построил в Сущево «каменные палаты», к северу от них был разбит «регулярный парк». Старинный сад, примыкающий к зданию, существует и сейчас. Хотя по нынешнему состоянию трудно предположить, как он выглядел в конце XVIII века. В саду находится большой пруд – единственный сохранившийся до нашего времени из системы прудов, созданных тогда на речке Напрудной Самотеки или Синичка со множеством ее притоков, которая протекала по нынешней Суворовской площади.

Необходимо отметить, что дворянская усадьба в историческом прошлом России – это целый мир с историческими традициями, семейными преданиями, реликвиями, где для многих происходило открытие и познание Родины, русской души, русского колорита.

На посту вице-губернатора города Москвы граф В.С. Салтыков находился 10 лет: с 1741 по 1751 год. Он считал своим долгом придать Москве вид «ордерный и строгий, желая видеть в общей застройке регулярность и великолепие».

Дело в том, что по указу ещё Петра I в Москве по причине частых пожаров запрещалось строить дома близко друг к другу. Вследствие чего улицы Москвы выглядели, мягко говоря, непрезентабельно: дома знати стояли в глубине дворов, а на переднем плане красовались огороды, постройки для челяди, прогуливались гуси и утки. Как писал поэт Николай Гумилёв в своем стихотворении «Старые усадьбы»:

*«Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные*

Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розы,

В прудах зацветших караси,

Усадьбы старые разбросаны

По всей таинственной Руси»¹.

По указу Сената от 25 сентября 1744 года началась интенсивная раздача пустующих участков близ центра Москвы, что способствовало быстрой застройке города.

Вероятно, в связи с этим указом граф В.С. Салтыков и прикупил себе пустующий участок. Удивительно было то, что Владимир Семенович выбрал участок рядом с местом, где был Убогий дом или Божедомка – место за городской чертой, где хоронили неопознанных покойников или тех, кто не имел права быть похороненным при приходских церквях. А может и наоборот, это был благородный поступок градоначальника: специально выбрал, чтобы помочь родному городу и превратить это место в цветущий сад.

После смерти графа Владимира Семеновича Салтыкова усадьба перешла в наследство его сыну – камер-юнкеру Алексею Владимировичу Салтыкову. В 1777 году он задумал распродать отцовское имущество, и по сему случаю в марте газета «Московские ведомости» поместили такое объявление: «В доме Двора Ея Императорского Величества камер-юнкера, Графа Алексея Володимировича Салтыкова, состоящего в приходе Иоанна Воина, что на Убогом дому, желающие покупать априкосовыя, миндальныя, померанцевыя, апельсиновыя и прочие плоды и без плодов оранжерейныя деревья и разные цветы, да порцелиновый сервиз, все оное могут видеть в означенном доме, а о цене осве-

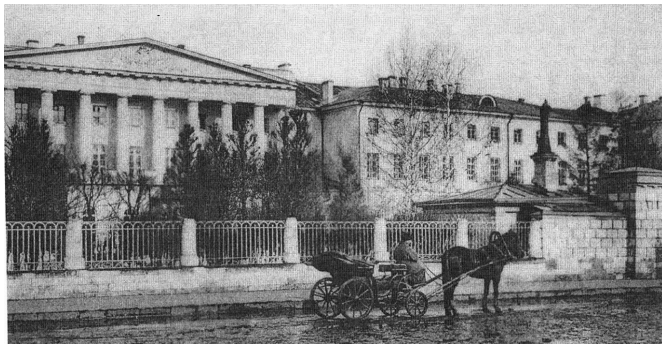

Рисунок 2. Екатерининский институт. Фото периода 1890-1910 гг.

домиться у самого Графа Салтыкова или у его служителя»².

Вскоре в ходе распродажи имевшегося имущества на торги была выставлена и вся усадьба. В августе 1777 года императрица Екатерина II купила ее часть за 25 тысяч рублей. Вслед за покупкой последовал Указ императрицы «Об учреждении в Москве Инвалидного дома для отставных неимущих штаб- и обер-офицеров и больницы для отставных солдат и повелела: «У нашего графа Салтыкова дом купить и на починку оною 2000 рублей отпустить...»³. В этом указе также говорилось: «Распространяя призрение и попечение Наше о пристроении усердно Нам служивших, но по изнеможению и недостатку помощи требующих в прошедшем 1779 году повелели мы учредить в Москве Инвалидный Дом для отставных и неимущих штаб- и обер-офицеров... Ныне, когда с помощью Божию все потребное к сему заведению приуготовлено, соизволяем, чтобы оно в сем же году восприняло свое действие...»⁴.

Таким образом отдавалась дань уважения тем, чьей кровью были обеспечены блистательные победы русского оружия в последней четверти XVIII века – в то время России приходилось постоянно вести кровопролитные войны с Турцией за обладание Черноморским побережьем в Крыму. Это было образцовое заведение, созданное не только для оказания материальной помощи неимущим, но и для поощрения офицеров, прослуживших всю жизнь в армии во благо Отечества.

Здание усадьбы подверглось полной перестройке для нужд Инвалидного дома. Средства на его содержание и больницы отпускались из государственной казны, вносились также частные пожертвования. Условия содержания инва-

лидов были дифференцированы. В положении об их содержании отмечалось, что «... содержание инвалидов располагалось по их чинам и старшинству: штаб- и немощнейшие обер-офицеры имеют особый покой, а прочие обер-офицеры помещаются по два человека в одну комнату, смотря по состоянию каждого»⁵. Предписывался ежедневный обход всех обитателей дома штаб-лекарем. Нужды больницы в медикаментах обслуживала расположенная в доме аптека. В летний период времени к столу ветеранов подавали свежие овощи и фрукты, выращенные в саду, разбитом прежним владельцем дома, а зимой – из оранжереи. На содержание отставных офицеров и солдат в год на каждого отпускалось по 60 рублей (сумма по тем временам немалая). На эти деньги велено было приобретать «мундир гладкий, шляпу и шапку в два года, кровать с пуховиком, три подушки, одеяло и три простыни в пять лет, халат, два колпака, двои туфли, двои сапоги, трои чулки и белья три пересмены обыкновенного, два верхних с манжетами в год»⁶. Инвалидный дом с больницей на 100 человек был открыт в 1779 году и существовал чуть менее четверти века. В 1802 году он был перемещен в Екатерининскую богадельню у Матросского моста на Яузе. А усадьбу было решено превратить из офицерского приюта в женское учебное заведение, ибо выяснилось, что «образование девиц столь же полезно, как и образование мужчин».

В 1802 году императрица Мария Федоровна, очень любившая заниматься благотворительностью, приобрела Инвалидный дом и подарила его новому училищу, лично составив проект «заведения для малолетних благородных девиц», которым заведовала до своей смерти в 1828 году. Рис.2.

Основной смысл предполагаемого к открытию учебного заведения императрица изложила в письме к сыну императору Александру I от 22 апреля 1802 года: «В этом... заведении, учрежденном исключительно для недостаточного дворянства, учение и все занятия девиц... приурочены к их будущему положению, т.к. большая часть из них при недостатке родителей должны будут в самих себе находить средства к существованию собственными трудами, или к оказанию помощи родителям, занимаясь воспитанием своих младших сестер. Учреждением,

Рисунок 3. Раздача книг воспитанницам в библиотеке Екатерининского института.

по моему предложению, института в Москве, Вы, любезный сын, приблизитесь еще на шаг к одному из тех великих предметов общего блага, которое имеете в виду, и Вы облегчите способности к распространяю воспитания, и, может быть через несколько лет представиться возможность заняться учреждением подобного заведения в одной из Ваших губерний, и, таким образом, увеличивая число заведений всегда по одному и тому же плану, Вы будете иметь счастье осуществить и развить благородные виды Вашей бабки и Вашего родителя»⁷. Спустя два дня Александр I в ответном благодарственном письме уведомил императрицу не только о своем согласии, но и о финансовой поддержке нового учебного заведения.

Его называли Московским училищем ордена святой Екатерины, а затем уже Екатерининским институтом. Открытие учебного заведения состоялось 10 февраля 1803 года. Упоминание ордена в названии училища подчеркивало августейшее покровительство – как известно, главой ордена св. Екатерины, учрежденного в 1713 году Петром I, являлись российские императрицы. Сам же орден Св. Екатерины был исключительно женским орденом, так как им награждались представительницы прекрасного пола за особые заслуги перед Отечеством. Таким образом подчеркивалось, что училище было призвано воспитывать истинных дочерей Отечества, способных принести ему пользу неустанным трудом. В 1803 году бывшая загородная усадьба В.С. Салтыкова вновь была перестроена, теперь под здание Екатерининского института благородных девиц, а приусадебный парк стал именоваться Екатерининским.

Перестройка здания была поручена известному архитектору Джованни Батиста Жилярди, много и плодотворно работавшему и в Москве, и в других городах России. Необходимые изменения проводились при строгом контроле со стороны самой императрицы, лично распределявшей помещения будущего института.

В 1804-1805 годах первоначальный объем здания был расширен – с правой стороны пристроен каменный трехэтажный флигель, в котором были устроены столовая и буфет. Сюда же была переведена и церковь. К главному корпусу была пристроена баня, соединявшаяся с училищем галереей. В 1806-1807 годах был пристроен флигель и с левой стороны. Трехэтажное здание получило величественный десятиколонный портик, опиравшийся на белокаменный цокольный этаж с проемами для дверей и окон. Художественное оформление, предложенное Жилярди, придавало всему дому возвышенно-торжественный облик, столь свойственный постройкам зрелого ампира в Москве.

Согласно уставу, в Екатерининское училище принимались на обучение девочки 10-11 лет из бедных дворянских семей и семей военных. Основная цель, которая становилась системой воспитания и обучения в Екатерининском училище, заключалась в том, чтобы дать «питомцам в самих себе найти средства существования собственным трудом». Срок обучения был определен в 8 лет. Основными профессиями выпускниц были «домашняя наставница» или «домашний учитель» с правом преподавания русского, французского, немецких языков, математики, географии, истории, естествоведения. На третьем этаже здания были дортуары (спальни) воспитанниц, современный концертный зал и тогда выполнял ту же функцию, на месте гостиных находились классы. В ротонде на берегу пруда располагался институтский музыкальный салон. Выделялось много времени для физического воспитания учениц: подъем в 6.00, зарядка, обливание холодной водой и занятия. Весной и летом в парке бегали наперегонки купались и резвились воспитанницы, зимой институтки катались на коньках по замерзшему пруду. Рис.3. В биографической повести А.И. Куприна «Юнкера» отмечается, что именно сюда приезжали на балы юнкера Александровского училища. Читая эту главу,

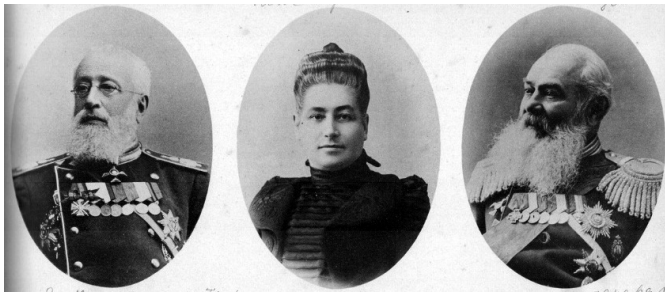

Рисунок 4. Попечительский совет училища. Слева направо: Почетный попечитель А.А. Пушкин (сын А.С. Пушкина), он курировал учебную работу; директор училища О.С. Краевская; генерал-лейтенант Л.Н. фон Баумгартен, он курировал хозяйственную часть.

будто воочию видишь интерьеры нынешнего Краснознаменного зала ЦДРА.

Гостями училища были знаменитые художники, литераторы и музыканты того времени. В сохранившихся сегодня гостиных, выполненных в разных цветовых тонах («малахитовая», «голубая», «золотая», «красная», «белая»), проходили литературные вечера, музыкальные концерты.

Преподавание осуществлялось на высоком научном и профессиональном уровне. Достаточно отметить, что в 1881-1885 гг. преподавателем естественной истории был известный русский географ, этнограф и антрополог Д.Н. Анучин (1843-1923 гг.); курс всеобщей и русской истории читали крупнейший знаток античности Р.Ю. Виппер (1859-1954 гг.), исследователь российского средневековья М.Н. Покровский (1868-1932 гг.); рисование преподавал художник-передвижник Н.А. Касаткин; инспекторами музыки были с 1900 года А. Скрябин, С. Рахманинов (рояль С. Рахманинова до сих пор стоит в Красной гостиной); в попечительский совет училища входил А.А. Пушкин, старший сын поэта. Рис. 4.

Среди выпускниц Екатерининского института были переводчицы, писательницы и педагоги, как например, Евдокия Петровна Василевская, окончившая училище в 1834 году, – воспитательница и учительница М.Е. Салтыкова-Щедрина. Анна Николаевна Энгельгардт, учившаяся здесь с 1848 по 1855 год, перевела на русский язык некоторые романы знаменитого французского классика Эмиля Золя, именно благодаря Анне Николаевне он стал известен и популярен в России. Особого упоминания заслуживает имя Зинаиды Николаевны Окуньковой-Гольдингер, окончив-

шей курс института с большой серебряной медалью. В 1870 году после изучения анатомии на Алапчинских курсах в Петербурге, где, кроме того, слушала лекции Д.И. Менделеева и А.И. Бекетова, Зинаида Николаевна поступила на медицинский факультет Цюрихского университета. Через три года ей пришлось оставить университет вследствие запрета женщинам получать высшее образование. И все же в 1874 году она была одной из трех женщин, принятых на медицинский факультет Парижского университета. Еще через три года по окончании курса защитила диссертацию и получила степень доктора медицины. З.Н. Окунькова-Гольдингер была первой русской женщиной, удостоенной столь высокого научного звания.

Во время войны 1812 года пожар сильно повредил здание, силами и талантом знаменитых московских архитекторов Доменико Жилярди (сына Джованни Жилярди) и А.Г. Григорьева дом был реконструирован в стиле позднего классицизма. Было принято решение училище расширить, прикупили у тайной советницы Прасковьи Мятлевой участок «с растущим в нем лесом, с прудами и находящеюся в них рыбою». Здание, завершнное в 1819 году, приобрело новые черты, свойственные несколько суровому стилю ампира: в центре торжественный портик с десятью дорическими колоннами и красивым фризом, более сдержанная декоративная обработка. Участок был обнесен каменным забором, к югу от дома построен трехэтажный флигель, а к главному корпусу сделан ряд пристроек и заново оформлены интерьеры. К зданию были пристроены новые крылья по сторонам парадного двора, завершившие сложение монументального ансамбля. Был создан ныне существующий фасад.

В 1903 году Московское училище ордена св. Екатерины торжественно отметило свой столетний юбилей. В честь этой даты руководство училища издало альбом фотографий «Къ Столѣтнему Юбилею Московскаго училища Ордена Св. Екатерины. 10-го февраля 1903 г.».

Сложившаяся в институте система образования существовала некоторое время и после Октябрьской революции. Институт был превращен в образцовую школу Наркомпроса, которую в 1919 году посетил В.И. Ленин.

Вскоре после этого школа была закрыта уже навсегда, и здание отдали для военных нужд.

В XX веке наиболее ярко в истории бывшего Екатерининского института зазвучала военная тематика. Как уже отмечалось, было принято решение разместить в этом здании Центральный дом и Центральный музей Красной Армии. 2 ноября 1925 г. на заседании Революционного Военного Совета СССР (протокол № 3) по вопросу касательно увековечивания памяти Народного Комиссара по Военным и Морским делам и Председателя Революционного Военного Совета Союза Советских Социалистических Республик товарища Фрунзе было принято постановление: «Увековечить память тов. Фрунзе Михаила Васильевича постройкой в Москве Центрального Дома Красной Армии имени Фрунзе Михаила Васильевича»⁸. Но со временем решили, что на постройку нового здания тратить не стоит, а можно приспособить здание Екатерининского института.

Переоборудование здания началось под руководством военного инженера Н.М. Никифорова. Реставрационные работы, производившиеся по проекту и под наблюдением профессора С.А. Торопова, кардинально изменили всю внутреннюю архитектуру этого удивительного дома.

Переезд на новое место совпал с подготовкой к празднованию 10-летия РККА. К этой дате предполагалось открыть ЦДКА. Одновременно перед коллективом музея была поставлена задача не только переехать в новые помещения, но и развернуть там к 23 февраля 1928 года расширенную экспозицию. Несмотря на задержки сроков ремонта помещений и изготовления музейного оборудования, задача была выполнена. Сотрудники музея во главе с его началь-

ником – Владимиром Кузьмичом Трофимовым работали по 15-16 часов в день, а в последние дни перед открытием практически круглосуточно. В пяти залах первого этажа в левом крыле здания разместилось 45 тысяч экспонатов: знамена частей и соединений Красной Армии, документы, фотографии, боевое оружие участников Гражданской войны, личные вещи героев. Открытие экспозиции в новом здании отмечалось очень торжественно и широко освещалось в прессе.

Газета «Красная звезда» от 20 февраля 1928 года сообщала: «23 февраля состоится торжественное открытие Центрального Дома Красной Армии. Сбор гостей и осмотр помещений в 5 часов вечера. Начало торжественного заседания в 7 часов вечера. Вход по пригласительным билетам»⁹. Рис.5.

На открытие Дома прибыли: К.Е. Ворошилов, Н.К. Крупская с детьми М.В. Фрунзе, Н.И. Бухарин, И.С. Уншлихт, А.С. Бубнов, Н.А. Угланов, А.В. Луначарский, Э. Тельман и другие.

Переход в подчинение ПУРа и переезд в ЦДКА ознаменовали новый этап в жизни музея. Кстати, еще в 2 сентября 1924 года приказом РВС музей получил наименование «Центральный», но с переездом в ЦДКА утратил его, возможно, потому, что вошел в состав ЦДКА и начальник музея стал подчиняться непосредственно начальнику Дома. Год спустя слово «Центральный» появилось снова в названии музея. Рис.6.

С переездом в ЦДКА, наконец, в музее была создана постоянная экспозиция, построенная по тематико-хронологическому принципу и состоявшая из разделов: вооруженные силы про-

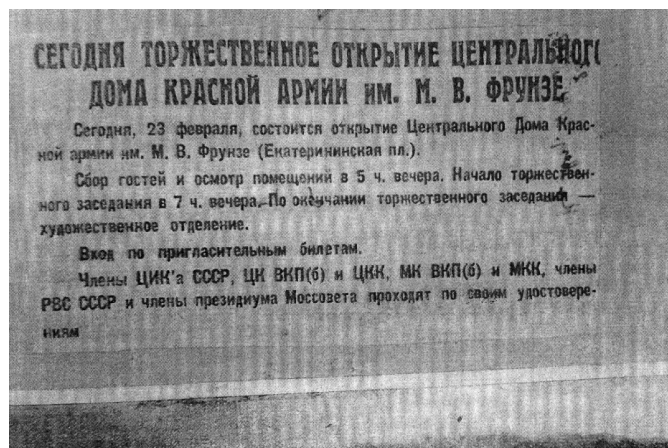

Рисунок 5. Объявление об открытии ЦДКА в газете «Красная звезда» от 23.02.1928 г.

Рисунок 6. Фасад ЦДКА в день открытия 23.02.1928 г.

Рисунок 7. Вход в музей Красной Армии.

Рисунок 8. Первые посетители музея Красной Армии, февраль 1928 г.

летарской революции с 1905 по 1917 годы, Гражданская война, период мирного строительства РККА. К 3-й годовщине смерти М.В. Фрунзе в ЦМКА открыли выставку, которая затем вошла в постоянную экспозицию. Кроме того, велась активная выставочная работа. Еще со времен юбилейной выставки 1923 года музей располагал значительным художественным фондом. В конце 1929 года в связи с открытием выставки «10 лет 1-й Конной армии» музей посетили И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. Рис. 7.

По указанию Реввоенсовета в середине 1928 года в войсках была организована сеть внештатных корреспондентов активистов музея, главная задача которых заключалась в поиске экспонатов. К концу года работало уже более 200 корреспондентов. К сожалению, не сохранились документы, позволяющие судить, когда в ЦМКА появились первые сотрудники – экскурсоводы. Но, судя по всему, ведением групп первоначально занималась большая часть научного коллектива. Начальником музея в этот период оставался В.К. Трофимов, который в последствии был репрессирован. Рис.8.

Центральный музей Красной Армии вместе с Центральным домом Красной Армии переживал все трудности и невзгоды 30-х годов прошлого столетия, тяготы Великой Отечественной войны. Рос его авторитет, росли его фонды. В ноябре 1944 года он был выведен из состава ЦДКА и подчинён непосредственно Главному Политическому управлению РККА, получив, таким образом, статус самостоятельного учреждения культуры Красной Армии и Военно-морского флота.

Учитывая возросшую роль музея в воспитании воинов, всего народа в духе патриотизма и социалистического интернационализма, распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР № 1730-р от 3 февраля 1945 года Центральный музей Красной Армии был отнесен к числу музеев союзного значения первой категории.

Между тем с увеличением фондов музея ему стало тесно в здании ЦДКА. Уже в 1946 году встал вопрос о предоставлении ЦМКА отдельного здания. Это произошло только в мае 1965 года. До этого музей оставался в здании Центрального дома теперь уже Советской Армии, продолжая самым тесным образом сотрудничать с этим центром армейской культуры.

Но и после переезда в новое, специально для него построенное здание, музей не потерял тесных, фактически родственных отношений с ЦДСА. Тем более, что здание под Центральный музей Советской Армии в соответствии с распоряжением Исполкома Моссовета от 6 декабря 1956 года было построено на территории, отчуждённой под объекты ЦДСА им. М.В. Фрунзе. Причём эти отношения сохранились до настоящего времени. Ярким подтверждением тому является то обстоятельство, что в связи с капитальным ремонтом здания Центрального дома теперь уже Российской Армии (ЦДРА) проведение многих мероприятий ЦДРА взял на себя Центральный музей Вооружённых Сил Российской Федерации.

Нет сомнения, что тесное, плодотворное сотрудничество между музеем и ЦДРА, сложившееся благодаря многолетней совместной ра-

боте под общей крышей бывшей усадьбы графа Салтыкова, сохранится и впредь. Материалы об этой совместной работе сегодня можно увидеть в музее ЦДРА, созданном 30 апреля 1993 года, в первую очередь, для сохранения исторического наследия и коллекции произведений декоративно-прикладного и изобразительного искусства XVIII-XIX вв.

- ¹ Альбом «Культурный Центр Вооруженных Сил Российской Федерации имени М. В. Фрунзе».- М., 2005.
- ² Военно-научное общество при ЦДСА имени М. В. Фрунзе, (1957-1987 гг.): Ист. очерк / Центр. дом Сов. Армии им. М. В. Фрунзе // В подгот. материалов приняли участие: Лащенко П. Н. и др./ – М.: Типография ЦДСА, 1989 .
- ³ Востоков, Е.И. Сборник «ЦМСА»/ Е.И. Востоков.– М.: «Московский рабочий», 1958.
- ⁴ «Красная звезда». – 1928 – 23 февраля.
- ⁵ Гумилев, Н. Малое собрание сочинений/ Н.С. Гумилев. – М.: Азбука, 2014.
- ⁶ Дементьева Л. Екатерининский институт. (История Московского училища ордена св. Екатерины, 1803-1919) // Наше наследие: Иллюстрированный культурно-исторический журнал. — 1997 г. – № 45.
- ⁷ Информационно-методический сборник ЦМВС за 2009 г. – М.: Издательский дом «Граница». – 2009 – № 2.
- ⁸ Кондратьев, И.К. Седая старина Москвы/И.К. Кондратьев. – М.: Воениздат, 1996 .
- ⁹ Методические пособия методического отдела ЦДРА за 2005 г. // ответственный за выпуск начальник методического отдела подполковник Хробостов Д.В. – М.: Типография ЦДСА, 2005 .
- ¹⁰ О нашем Доме... с первого дня. Сборник. – М.: Типография ЦДСА, 2005.
- ¹¹ Памятники архитектуры Москвы. Том 5. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века. – М.: Искусство XXI век, 2000.
- ¹² Центральный Дом Красной Армии имени М.В. Фрунзе. Сборник. – М.,Л.: Воениздат, 1929.
- ¹³ Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе. История и современность. 1927-2017 // под общей редакцией статс-секретаря – заместителя Министра обороны РФ генерала армии Панкова Н.А./ – [книга готовится к изданию].
- ¹⁴ Энгельгардт, А.М. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц/ А.М. Энгельгардт. – М., 2001.
- ¹⁵ 80 лет на службе Отечеству. Исторический очерк, посвященный созданию и становлению музея // под общей редакцией заслуженного работника культуры РФ, полковника Никонова А.К./ – М.: Типография ЦМВС, 1999 г.

*Павел Вячеславович Улизко,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
заместитель начальника отдела, подполковник*

Система советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и ее нацеленность на воспитание ненависти к врагу

Исторический опыт нашей страны в XX веке был неразрывно связан с идеологической обработкой населения и применением широкого набора пропагандистских средств. Для этого существовала и развивалась обширная и целостная система пропагандистских институтов.

Несмотря на подготовку к военному столкновению с Германией, страна в начале войны оказалась в целом не подготовленной к ведению информационного и психологического противоборства с противником. Слабым звеном советской пропаганды было отсутствие четкого алгоритма формирования образа врага, идеологического портрета гитлеровской Германии. Отрицательную роль сыграли предвоенные смены политико-пропагандистских позиций советского руководства, основным тезисом которых оставалось распространение убеждения о восстании немецких трудящихся против «гитлеровской клики» после нападения на СССР.

В январе 1941 г. начальник Главного управления политической пропаганды Красной ар-

мии А.И. Запорожец пишет докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, в которой излагает свое видение развития военной пропаганды в условиях неизбежной войны. В частности, он подчеркивает, что война будет тяжелой, что идет вразрез с доктриной «войны малой кровью», а также критикует тезис о солидарности трудящихся, являющейся залогом скорой победы СССР. Отмечается «мирный тон», преобладающий в пропаганде, ведущейся в стране, пацифистские настроения среди красноармейцев и начсостава в ходе боевых действий в Монголии и Финляндии. При этом, четко и точно обозначая проблемы, он видит их решение в основном в насаждении тотальной военной пропаганды во всех сферах жизни общества и социальных институтах, начиная с пионерской организации. Тем не менее, конструктивное предложение о создании в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) отдела военной пропаганды являлось важным и своевременным¹.

Если для руководства всей германской информационно-пропагандистской деятельностью уже

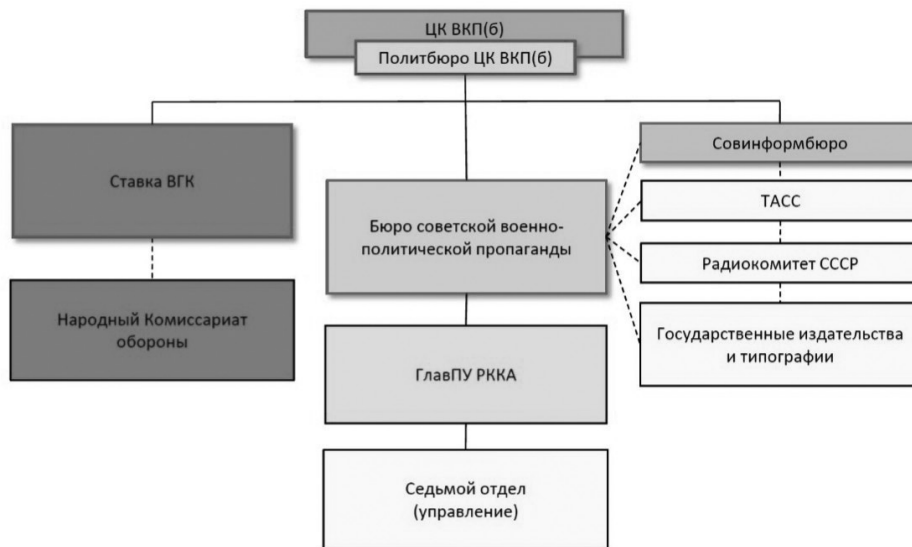

Рис. 1. Принципиальная схема организационной структуры руководства советской пропагандой в годы ВОВ

в апреле 1939 г. был создан отдел военной пропаганды, разработавший планы «пропагандистского обеспечения» крупных операций войск, утверждавшиеся лично Гитлером², то аналогичные подразделения в военно-политическом аппарате РККА начали формироваться только в августе 1940 г. и к началу войны этот процесс не был завершен. Кроме того, ориентация на «массовый охват» трудящихся политической пропагандой даже в такой массовой оборонной организации как Осоавиахим вела к тому, что многие вопросы не решались вообще, либо решались с безвозвратной потерей времени³.

В условиях начавшейся войны советское руководство было вынуждено подвергнуть корректировке концепцию пропаганды: приоритет получил национально-патриотический фактор, в противовес доктрине «пролетарского интернационализма», который в новых условиях был сведен к минимуму. 22 июня 1941 г. в своем выступлении по радио заместитель председателя СНК СССР В.М. Молотов подчеркнул, что Советский Союз вступил в «отечественную войну»⁴. В тот же день И.В. Сталин рекомендовал генеральному секретарю Коминтерна Г. Димитрову «развернуть движение в защиту СССР» и не акцентировать «вопрос о социалистической революции»⁵. 26 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) поставил перед советскими органами пропаганды задачу перестроить деятельность на национально-патриотических основах⁶.

11 июля 1941 г., в свете выступления И.В. Сталина перед народом 3 июля 1941 г., где он делал упор на освободительный характер новой отечественной войны Советского Союза⁷, советские

органы пропаганды получили указание «перестроить агитационную работу» с целью «поднять в народе ярость и гнев против фашистских бандитов»⁸. Идеологические мотивы, основанные на «пролетарском интернационализме», использовались, фактически, только в материалах пропаганды, направленных на военнослужащих вермахта и армий сателлитов⁹.

Главные направления пропагандистской работы в годы Великой Отечественной войны задавались на самом высоком государственном уровне и реализовывались посредством системы партийного руководства пропагандой, головной частью которой являлся Секретариат ЦК ВКП(б).

Советская пропаганда, ориентированная на личный состав Красной армии, осуществлялась такими структурами как Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ГлавПУР РККА, ТАСС, Совинформбюро, Всесоюзный комитет по радиовещанию, Осоавиахим и др. Основными инструментами пропаганды были печатные материалы и радиовещание. (Рис. 1)

В соответствии с главными задачами пропаганды в военное время (мобилизация и социализация населения) пропагандистский аппарат представлял собой четкую пирамиду, вершину которого занимал Секретариат ЦК партии. Без одобрения последнего Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) не принимало ни одного серьезного решения.

Созданное в марте 1939 г. по решению XVIII съезда ВКП(б) Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) объединило все отрасли идеологической деятельности партии. Управление

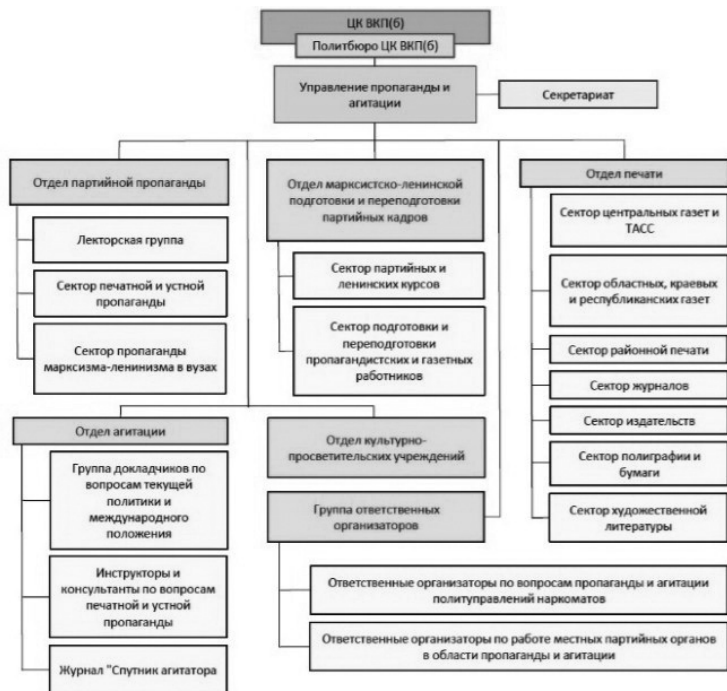

Рис. 2. Организационная структура Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

контролировало четкость и своевременность выполнения партийными и государственными органами, издательствами, средствами массовой информации и творческими союзами официальных идеологических установок¹⁰. (Рис. 2)

В действующей армии основная идеолого-пропагандистская нагрузка легла на политорганы, общее руководство которыми с начала войны осуществляло Главное управление политической пропаганды Красной армии, 16 июля 1941 г. приказом НКО реорганизованное в Главное политическое управление Красной армии. (Рис. 3)

Главное Управление политической пропаганды Красной армии в специальной директиве от 11 июля 1941 г. предлагало политорганам систе-

матически сообщать о зверствах и издевательствах фашистов над населением и попавшими в плен военнослужащими, широко использовать эти факты для воспитания у воинов ненависти к врагу¹¹.

В октябре 1941 г. Главное политическое управление издало директиву, где отмечалось, что неудовлетворительно поставлена работа по разъяснению опасности, которой подверглась страна. Также указывалось, что «плохо воспитывается ненависть к врагу и священное чувство мести за его злодеяния». Директива требовала от политорганов и партийных организаций «в основу всей агитационно-пропагандистской работы положить воспитание личного состава

Рис. 3. Принципиальная схема руководства партийно-политической работой в Красной армии в годы Великой Отечественной войны

Красной армии в духе непримиримой ненависти к злейшему врагу нашей Родины, славянских народов и всего человечества – германскому фашизму». Она требовала на конкретных примерах и фактах показывать звериное лицо фашизма, его злодейские планы в отношении советского народа¹².

Важнейшую роль в системе советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны играло Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС). В начале войны ТАСС претерпел существенную реорганизацию, направленную на оптимизацию работы информационно-пропагандистских структур в новых экстремальных условиях деятельности. Уже 11 июля 1941 г. Государственной штатной комиссией при СНЕС СССР на 2-е полугодие 1941 г. был утвержден дополнительный штат центрального аппарата Агентства в количестве 174 сотрудников, прежде всего, за счет отдела прослушивания заграничного радиовещания, редакций информации для заграницы, заграничной информации и контрпропаганды (всего 126 чел.). Тогда как редакция союзной информации пополнилась всего на 13 штатных единиц¹³.

В начале 1942 г. в целях улучшения качества фронтовой информации и руководства фронтовой корреспондентской сетью ТАСС создал отдельную редакцию фронтовой информации¹⁴.

Основные проблемы Агентства были связаны отнюдь не с реорганизацией центральных органов. В частности, в первые недели войны в связи с отсутствием четкой линии фронта оказалось весьма затруднительным наладить оперативную доставку фотоматериалов с передовых позиций к пунктам связи. Поэтому 12 июля руководитель ТАСС Я.С. Хавинсон обратился к А.С. Щербакову с просьбой дать указания Ставке Верховного командования о создании «всех необходимых условий для оперативной работы фотокорреспондентов и об оказании им штабами фронтов, армий и отдельных соединений необходимого содействия». Отмечалось, что несмотря на то, что ТАСС направил в действующую армию значительную группу фотокорреспондентов, СМИ не получали полноценных фотоиллюстраций, отражающих боевые эпизоды. В то время, когда немецкие корреспонденты пользовались для разездов бронемашинами, а для доставки отснятых кадров и самолетами, советские фотокор-

респонденты вынуждены были передвигаться пешком и пленку отправлять обычной почтой¹⁵.

В итоге за первое полугодие войны ТАСС показал себя «большим, непрерывно действующим предприятием, изо дня в день, из часа в час выпускающим идеологическую продукцию». Как уже отмечалось, основными потребителями информации и пропагандистских статей выступали газеты и радио. Помимо этого ТАСС снабжал печать фотоиллюстративным материалом, выпускал ежедневные служебные выпуски секретного характера¹⁶ и бюллетени не для печати, а также издавал «Окна ТАСС».

Отдельной структурой ТАСС являлась редакция военно-оборонного плаката «Окна ТАСС», чья преемственность с «Окнами РОСТА» очевидна. «Окна» выходили в Куйбышеве, Ленинграде, Горьком, Молотове, Очере, Кирове, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Казани, Чебоксарах, Саратове, Пензе, Туле, Чите, Ташкенте, Фрунзе, Тбилиси и ряде других городов, где был в наличии какой-либо художественный коллектив. В Москве, помимо этого, при редакции «Окон ТАСС» выходила ежедневная свето-газета «Последние Известия ТАСС». Кроме того, бригады «Окон» выезжали на фронт, где готовились специальные выпуски¹⁷.

Еще одной важнейшей информационной структурой в системе пропаганды являлось Совинформбюро, созданное 24 июня 1941 г. Совинформбюро с первого дня своей работы включало в себя Военный отдел, работа которого велась по двум направлениям: редактирование и контроль военных статей, корреспонденций и фото, помещаемых в советской прессе¹⁸ и отправляемых за границу¹⁹, а также организация и написание статей, военных обзоров и корреспонденций для иностранной прессы²⁰.

На начальном этапе работы по контролю газетных и журнальных материалов Военный отдел встретился с некоторыми неверными, а подчас и вредными тенденциями газет и журналов в освещении хода Отечественной войны. Газеты, а отчасти и журналы, намечали для напечатания статьи и корреспонденции, в которых недооценивалась сила врага, проявлялось бахвальство и шапкозакидательство, самоуспокоенность и благодушие или, наоборот, появлялись статьи, в которых недооценивались наши силы и переоценивались силы противника. На первом этапе

Отечественной войны газеты мало мобилизовали советский народ на перенесение предстоящих трудностей, не ориентировали его на длительную и тяжелую войну. Ошибочные статьи и корреспонденции не разрешались к печати или основательно переделывались. Материалы браковались преимущественно по политическим и цензурным соображениям или из-за несоответствия оперативным сводкам Совинформбюро²¹.

Так как не во всех редакциях центральных газет имелись военные отделы, а где они и были, то не всегда отвечали своему назначению, то военный отдел Совинформбюро фактически являлся единым военным отделом для редакции военных газет. Важной вехой в работе военного отдела стало совещание заведующих военными отделами центральных газет, ответственных секретарей военных журналов и редакторов литературно-художественных журналов в апреле 1942 г. На этом совещании разъяснялось, что не следует допускать крайностей в оценке врага (очень силен или очень слаб), упоминаний успехов противника, не писать о соревновании между бойцами «кто больше убьет фашистов», о снайперах, а также о необходимости «умело публиковать письма и дневники немецких солдат» и т.п.²².

Из отчета о работе Военного отдела Совинформбюро за 1941-1943 гг. видно, что он фактически являлся единым отделом для редакций всех центральных газет. Военный отдел ежедневно контролировал и визировал материалы 22 центральных газет, все военные корреспонденции ТАСС и Радиокомитета, фотоснимки ТАСС, ВОКС, книгоиздательств и газет. До января 1944 г. военный отдел визировал также материалы 21 центрального журнала. Помимо этого, военный отдел готовил материалы и справки.

Несмотря на то, что материалы и статьи Совинформбюро, по существу, являлись пропагандистскими материалами, они воспринимались, в том числе и зарубежными партнерами, как объективная информация, посылаемая по официальным каналам²³.

Важным представляется вклад в воспитание ненависти к врагу Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. Радио общепризнанно является одним из наиболее оперативных средств массовой информации²⁴. К началу войны в СССР работало более

100 радиовещательных станций, а постоянно слушали радио свыше 30 млн. человек. Первый военный выпуск «Последних известий» вышел в эфир уже через 45 минут после передачи правительственного сообщения о нападении на нашу страну. В нем впервые прозвучали пропагандистские лозунги, очертившие общий вектор советской военной пропаганды: «Ответим на удар врага сокрушительным ударом!», «Удесятерим трудовые усилия для помощи Красной Армии!», «Сметем с лица земли фашистских поджигателей войны!» и т.п.

22 июня 1941 г. в ночном выпуске «Последних известий» было передано и первое оперативное сообщение с фронта. Наконец, в 8 часов утра 3 июля 1941 г. по центральному радио выступил И.В. Сталин, призвавший советский народ мобилизовать все силы для разгрома фашистских захватчиков, а 7 ноября ВРК организовал репортаж с Красной площади о традиционном военном параде, посвященном годовщине Октябрьской революции²⁵.

Всего за годы войны по радио было передано более 2 тыс. радиосводок Совинформбюро. За период 1941-1945 гг. только в выпусках «Последних известий» Центрального вещания было транслировано до 7 тыс. корреспонденций из действующей армии²⁶.

Действенной формой воспитания у личного состава Красной армии ненависти к врагу была передача по радио писем с фронта и на фронт. За годы войны в эфире прозвучало свыше 8 тыс. писем. Эффективность этой деятельности подтверждалась большим количеством откликов, ежедневно поступавших в радиокомитет²⁷.

Документы свидетельствуют, что политическая составляющая центрального радиовещания соотносилась с художественной примерно, как 5-6:1. На местном радиовещании такое соотношение составляло 1,5-2:1, в районах и на предприятиях как правило присутствовала только политическая составляющая радиовещания²⁸.

В пропагандистскую работу традиционно были вовлечены массовые оборонные организации, ведущей из которых был Осоавиахим, через которых проходили миллионы призывников и резервистов. Пропагандистская работа в организациях Осоавиахима велась на основе приказов и выступлений И.В. Сталина, решений ЦК ВКП(б), ГКО и СНЕС СССР. В силу этого, целью

пропагандистской работы декларировалось «воспитание членов Общества в духе беззаветной преданности большевистской партии и товарищу Сталину, готовности отдать жизнь за Советскую Родину, воспитание жгучей ненависти к немецко-фашистским захватчикам».

С началом Великой Отечественной войны задача «усиления интернационально-массовой работы, укрепления патриотизма и готовности к любым жертвам, необходимым для победы в Отечественной войне» была поставлена и перед организациями МОПР СССР²⁹.

В систему советской пропаганды были интегрированы многие другие советские учреждения. Уже в 1941-1942 гг. ряд организаций (местные исполкомы Советов, плановые организации, Наркомздрав, Союз архитекторов, Комиссия по истории Отечественной войны, Институт истории материальной культуры, Исторический музей и др.) взяли на себя учет и сбор материалов о преступлениях германской армии, которые носили пропагандистский характер. Однако эта работа, проводившаяся без единого плана и вектора деятельности, была недостаточно организована, что привело к невозможности эффективного использования ее результатов для пропаганды, в том числе после войны.

Необходимо отметить, что предложение о создании общественного комитета по разоблачению фашистских зверств впервые поступало в адрес секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова еще в августе 1941 г. от руководителя ТАСС Я.С. Хавинсона. В частности, Я.С. Хавинсон предлагал сформировать данный комитет из известных советских ученых, юристов, врачей, писателей (академики П.Л. Капица, А.Н. Бах, профессор М.П. Кончаловский, адвокаты Н.В. Коммодов, И.Д. Брауде, писатели С.Н. Сергеев-Ценский, А.С. Новиков-Прибой и др.). В качестве задач комитета предусматривались сбор документированных материалов о зверствах противника на оккупированных территориях СССР, организация в отдельных случаях следственного производства, публикация материалов и фотодокументов и т.д.)³⁰ На тот момент Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) создание такого комитета было признано нецелесообразным³¹.

В июле 1942 г. Управление пропаганды и агитации направило в Секретариат ЦК и наркому иностранных дел В.М. Молотову проект постановле-

ния о создании Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию зверств, насилий и других преступлений, совершаемых германской армией, и учету ущерба нанесенного немецко-фашистскими войсками населению СССР и Советскому государству. В августе 1942 г. начальник УПиА ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров предложил Политбюро ЦК ВКП(б) усилить использование информации о нацистских преступлениях в пропаганде³². На Комиссию, помимо прочих функций, возлагалась вполне пропагандистская задача: «опубликование документов обо всех злодеяниях немецко-фашистских войск»³³. Уже в ноябре 1942 г. такая Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) под руководством председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР Н.М. Шверника приступила к работе³⁴, основной составляющей которой стала пропагандистская деятельность. Документы Комиссии также предназначались для будущего судебного преследования нацистских преступников³⁵, впоследствии осуществленного на Нюрнбергском трибунале 1945–1946 гг. и в рамках других судебных процессов.

Особое место в системе пропаганды в годы войны занимала деятельность цензурных органов, стоящих, в том числе, на страже идеологической чистоты печатной продукции и почтовых отправок, прежде всего, красноармейской почты. Еще в начале июня 1941 г. уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита Н. Садчиков в письме в Управление пропаганды и агитации, ссылаясь на опыт воюющих стран, настаивал на введение строгой почтово-телеграфной цензуры. Представленный Н. Садчиковым проект положения о Главном военном цензоре при СНК Союза ССР предусматривал усиление в стране военной цензуры, «исходя из требований современной обстановки», то есть наряду с цензурой СМИ предлагалось ввести цензуру писем и телеграмм³⁶. На Главного военного цензора при СНК СССР и его обширный аппарат (в центре и на местах) возлагался, в числе прочего, «политико-идеологический контроль в произведениях печати, кино, радио, картогра-

фии, текстах пьес в печатном и рукописном виде, предназначенных к постановке, музеях, выставках» и контроль внешней и внутренней почтовой и телеграфной переписки³⁷.

Однако в ходе реорганизации лета 1941 г. общее руководство военной цензурой «для предотвращения разглашения военной тайны, а также «распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных сведений через красноармейскую почту» было передано 2-му специальному отделу НКВД, занимавшемуся оперативной техникой. В отделе, деятельность которого курировал лично генеральный комиссар госбезопасности Л.П. Берия, просматривались все письма, направляемые из действующей армии (ставилась пометка «Просмотрено военной цензурой»), и часть адресованной на фронт корреспонденции. В апреле 1943 г. в соответствии с постановлением СНК СССР военная цензура была передана во вновь выделенный из НКВД Наркомат госбезопасности.

Штат военных цензоров по сравнению с 456 чел., занятых в цензуре до войны, повысился до 4024 чел. на начало 1945 г. Абсолютное большинство из них не имели опыта по охране государственности в печати и радиовещании, особенно в условиях войны. Тем не менее, со своими задачами цензоры справлялись, улучшая показатели с каждым годом³⁸.

По сигналу цензоров могли быть задержаны в производстве, отправлены на переработку и даже уничтожены с санкции ЦК ВКП(б) тиражи изданий, допускающих «отдельные факты, не вызывающие ненависти народа к немецким оккупантам».³⁹ Необходимо отметить, что изъятию также подлежали материалы, показывающие врага в активном, безнаказанном виде⁴⁰.

Значительный вклад в советскую пропаганду внесли культурно-просветительные организации и творческие союзы. IV Пленум ЦК Союза уже 23 июня 1941 г. специально обсудил вопрос о задачах военно-шефской работы в условиях начавшейся войны и указал на необходимость организации художественных бригад для обслуживания фронта, мобилизационных пунктов и агитпунктов на вокзалах, а также организации бригад художников по выпуску фронтовых плакатов. Результат не заставил себя ждать: если в 1940 г. в войсках было проведено 35 тыс. шефских концертов, то за год войны – свыше 150

тыс. За это же время на фронте перебивало около 450 творческих бригад. В частности, бригада Центрального театра Красной армии пробыла на фронте непрерывно свыше 10 месяцев, дав за это время 860 шефских концертов.

Согласно справке о работе Центральной военно-шефской комиссии ЦК Союза РАБИС, если в 1941 г. работало 200 фронтовых бригад, то в 1942 г. – уже 600, а в 1943 г. – 1000. За 1941-1943 гг. на фронте побывали более 3 тыс. творческих работников.

Цифры о военно-шефских мероприятиях Союза РАБИС за 1941-1945 гг. демонстрируют несколько иные данные в отношении числа фронтовых бригад. Например, в 1941 г. таковых уже насчитывалось 357, в 1942 г. – 990, в 1943 г. – 1215. Затем, однако, наблюдается обратную тенденцию: в 1944 г. на фронт было отправлено 980 бригад, а в 1945 г. всего 420. Такую же угасающую динамику демонстрировало число организованных на фронте мероприятий: 400 тыс., 117 тыс., 150 тыс., 135 тыс. и 39 тыс. соответственно. Всего за период Отечественной войны для вооруженных сил было организовано 1 290 700 шефских мероприятий,⁴¹ подавляющее большинство которых, благодаря своей патриотической направленности и жесткому партийно-политическому контролю над репертуаром, стали составной частью пропагандистской деятельности. Концерты для раненых или уходивших на фронт были особенно ответственными. Обычно они начинались с чтения сводок Информбюро и краткого выступления политработника, а затем звучала «Священная война» Александрова⁴².

Таким образом, пропагандистская система представляла собой широкий спектр партийных и государственных учреждений, гражданских, военных и полувоенных структур, география которых охватывала действующую армию, тыл и временно оккупированные территории. Пропагандистская пирамида снизу доверху была пронизана партийными органами, на вершине которых располагалось Управление агитации и пропаганды ЦК партии, находившееся, в свою очередь, под надзором Секретариата ЦК.

Направленность системы советской пропаганды на воспитание ненависти к врагу не являлась формальной на всех уровнях и являлась основным ее вектором, наряду с «советским патриотизмом», феномен которого заключался

в сочетании идей марксизма-ленинизма с героико-патриотическим дискурсом. Воспитание ненависти к врагу не исчерпывалось лозунгами, а носило прагматичный характер, преследующий целью выполнение боевых задач. Секретарь ЦК ВКП(б), член Военного Совета Ленинградского фронта А.А. Жданов на совещании политработников в августе 1942 г. говорил: «Не простая нам нужна ненависть, а сосредоточенная ненависть, такая, которая заставляет оружие само в руках ходить, ненависть, претворенная в боевые дела... Ключ к овладению боевой техникой, к упорству, стойкости и прочим другим качествам, конечно, заключается в привитии ненависти»⁴³.

Воспитание ненависти следует рассматривать как своего рода обеспечение процесса формирования образа врага «сверху», так как в течение войны, в ходе боевых действий у личного состава Красной армии, формировался образ врага на основе собственного опыта. Такой процесс имел более стихийную природу и обладал потенциалом, который позволил войне стать в полной мере «отечественной». Таким образом система советской пропаганды, нацеленная на воспитание ненависти к врагу, не только формировала образ врага, но и детерминировала данный процесс в соответствии с политикой государства.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед.хр. 28. Л. 1-17.

² *Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой отечественной войны.* М., 1971. С. 11-12.

³ *Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И.Б., Горлов А.С. «Если завтра война»: пропагандистская работа в Осоевиахиме накануне Великой Отечественной войны // Власть. 2007. № 10. С. 101-106.*

⁴ *Правда.* 1941. 23 июня. С. 1.

⁵ *Фирсов Ф.И. Указ. соч. С. 34.*

⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2159. Л. 44.

⁷ *Сталин И.В. Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Известия. 1941. 4 июля. С. 1.*

⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3659. Л. 146-147.

⁹ См.: *Листовка «Немецкий народ! Солдаты армии! Рабочие и крестьяне Германии!».* Июнь 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 10об; *Докладная записка УПиА ЦК ВКП(б). 19 августа 1941 г. // Там же. Л. 12; Проект «Открытого письма немецким рабочим» // Там же. Л. 20-28; «Открытое письмо к немецкому народу». [Не ранее начала августа 1941 г.] // *Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны.* С. 297-300.*

¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125

¹¹ См.: *Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны.* М., Воениздат, 1968. С.54-55.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 9. Л. 285-295.

¹³ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 9. Д. 61. Л.138,145-147.

¹⁴ *Там же.* Оп. 11. Д. 1252. Л. 41-48.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 56. Л. 8.

¹⁶ *Для служебного пользования ТАСС выпустил за полгода 27133 страницы секретного материала.*

¹⁷ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 11. Д. 1249. Л. 1-6.

¹⁸ *Военным отделом просматривались и визировались все статьи, корреспонденции и фото военного характера, помещаемые в центральных газетах, а, кроме того, просматривались литературно-художественные и военные журналы, включая чисто пропагандистские издания типа «Пропагандист Красной Армии», «Партийно-политическая работа в ВМФ» и т.п.*

- ¹⁹ Военный отдел начал отправлять военно-политические и военно-пропагандистские статьи и военные обзоры за границу самостоятельно с 1 марта 1942 года. Уже к концу года материалы направлялись в 14 стран.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-15.
- ²¹ Там же. Д. 98. Л. 18-24.
- ²² Там же. Д. 11. Л. 6-15.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 244. Л. 1-20.
- ²⁴ Горяева Т.М. Радио России. М., 2000. С. 8-9.
- ²⁵ Радиожурналистика / Под ред. А.А. Шереля. М., 2000. С. 45-52.
- ²⁶ Мясоедов Б.А. Страна читает, слушает, смотрит. М., 1982. С. 49.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 70. Л. 5-7.
- ²⁸ Там же. Оп. 7. Д. 101. Л. 26.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 85-86.
- ³⁰ Там же. Ед.хр. 51. Л. 26.
- ³¹ Там же. Л. 26 об.
- ³² См.: Докладная записка УПиА ЦК ВКП(б). 20 августа 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 69. Л. 12–13.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 79. Л. 9-13.
- ³⁴ В ее состав вошли: академики Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, Т.Д. Лысенко, Е.В. Тарле и И.П. Трайнин, В.С. Гризодубова, А.А. Жданов, А.Н. Толстой и митрополит Киевский и Галицкий Николай.
- ³⁵ См.: Меморандум НКВД СССР. 11 декабря 1942 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 27. Д. 17. Л. 12–13.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 65. Л. 124-125.
- ³⁷ Там же. Л. 127-128.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 210. Л. 40-45.
- ³⁹ Там же. Д. 25. Л. 32-34, 41об.-45, 50-52.
- ⁴⁰ Там же. Л. 32-34, 41об.-45, 50-52.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 5508. Оп. 3. Д. 3. Л. 48.
- ⁴² Бревнова Н. Музы не молчали. Книга памяти. Т. 11. Омск, 1997. С. 47-48.
- ⁴³ Демин Б.П. Деятельность политорганов и партийных организаций по воспитанию у воинов Советской Армии ненависти к врагу в годы Великой Отечественной войны. Дис.канд.ист.наук. М., 1969. ВИА им. Дзержинского. С. 55-56.

*Алексей Дмитриевич Федечкин,
Россия, Москва, соискатель
ученой степени к.и.н. при СПб ГМТУ,
капитан 3-го ранга запаса*

Океанские броненосные крейсера в системе морских вооружений России второй половины XIX в.

К середине 60-х гг. XIX в. внешнеполитическое противостояние с Британией вынуждало высшее руководство Российской империи озаботиться поиском эффективного средства сдерживания враждебных устремлений вероятного противника. При отсутствии на тот момент у России современного линейного флота наиболее действенный способ предотвращения возможного конфликта виделся в строительстве сильных океанских крейсеров, способных создать реальную угрозу протяжённым морским сообщениям «туманного Альбиона». Обеспечить их надёжную защиту было не под силу английскому флоту, в то время как даже отдельные операции против торговли вполне могли помимо экономического ущерба производить «ещё большее нравственное впечатление» на население Британии и тем самым иметь существенное влияние на исход войны¹.

Значение действий против коммерческого судоходства хорошо сознавали в русском Морском министерстве, где ещё до окончания Крымской войны 1853 – 1856 гг. озаботились постройкой

боевых единиц крейсерского назначения, через несколько лет наглядно доказавших свою роль важного инструмента внешней политики государства. По оценкам большинства специалистов того времени, демонстративное сосредоточение в 1863 г. русских эскадр в североамериканских портах с целью нанесения в случае войны «все-возможного вреда» обширной морской торговле Англии и Франции, решающим образом способствовало снижению их конфронтации с Россией, вызванной польским восстанием 1863 – 1864 гг.² «Не подлежало сомнению, – писал, например, П.И. Белавенец, – что ... появление наших эскадр в Атлантическом и Тихом океанах должно было иметь громадное влияние на мирное разрешение вопроса вмешательства держав в наши дела с Польшей...»³.

Однако уже во второй половине 60-х гг. XIX в. неудовлетворительное техническое состояние большинства построенных к тому времени боевых единиц вынуждало Морское министерство спешно искать пути качественного «перестройства» крейсерского сил. Этому во многом

способствовало появление к тому времени за границей боевых единиц нового типа, имевших задачей как нарушение, так и защиту морских коммуникаций. Например, в Англии в этот период началось строительство железного фрегата «Инконстант», предназначенного для действий на отдалённых театрах и представлявшего собой бесспорный «шаг вперёд в области корабельной архитектуры»⁴. Его конструкция вскоре послужила основой для создания целого семейства аналогичных боевых единиц, главными качествами которых считались высокая автономность, быстроходность, сильная артиллерия и развитое парусное вооружение. Вместе с тем, оснащение броневой защитой отнюдь не считалось зарубежными специалистами полезным, что в конечном итоге предопределило на ближайшее десятилетие «безбронное» направление в их строительстве для иностранных флотов.

Тем не менее, наличие у вероятного противника современных океанских кораблей осложняло успешные действия против морской торговли, требуя создания для перспективных русских крейсеров качественного превосходства над большинством боевых единиц, привлекаемых для охраны коммуникаций⁵. Достичь его, по мнению ведущих отечественных экспертов, можно было за счёт повышения боевой устойчивости путём внедрения относительно тонкого бортового бронирования, дававшего преимущество «над всяким неприятельским неброненосным военным судном, не говоря о коммерческих, которые для самозащиты или для военных операций могли бы быть вооружены артиллерией»⁶. При этом облегчённая защита позволяла океанским крейсерам сохранить необходимые скоростные и мореходные качества, одновременно обеспечив за счёт экономии веса высокую автономность и огневую мощь. «Судно с лёгкой бронёй и с сильной артиллерией всегда может действовать в бою с особенной для себя выгодой» – считал, например, известный отечественный кораблестроитель М.М. Окунев⁷.

К концу 60-х гг. XIX в. необходимость создания таких кораблей была уже окончательно осознана в русском флоте. Так, 4 февраля 1868 г. капитаном 2-го ранга Н.В. Копытовым был представлен руководству Морского ведомства проект перспективного океанского крейсера, оригинальность которого заключалась в отказе от

бронирования артиллерии и обеспечении защиты жизненно важных частей (в первую очередь машин и котлов) относительно тонким и узким поясом по ватерлинии. Высвобождаемый за счёт этого вес рационально использовался для внедрения более сильной энергетической установки и увеличения калибра орудий. Указанные меры давали реальное превосходство в скорости, огневой мощи и защищённости над любым небронированным кораблём противника, не опасаясь встречи даже с его крупными силами⁸.

Из-за большого водоизмещения (более 7700 т) и стоимости проект не получил одобрения, однако работа над ним способствовала правильной оценке проблемы создания броненосного океанского крейсера, доказав его принципиальную осуществимость в техническом отношении. Более оптимальный вариант броненосного крейсера был предложен 4 июня 1869 г. контр-адмиралом А.А. Поповым. Его проект меньшего водоизмещения (4600 т) с поясной защитой по ватерлинии и сильной артиллерией из четырёх 203-мм орудий вскоре был реализован постройкой весьма близких по конструкции полуброненосных фрегатов – «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский»⁹.

Вслед за их закладкой руководство Морского министерства в 1871 г. приняло решение о постройке ещё двух однотипных единиц. Однако нехватка на тот момент бюджетных средств вынуждало искать менее затратные пути увеличения числа броненосных «истребителей торговли». Результатом такого подхода стало переоборудование в океанский крейсер недостроенного мореходного броненосца «Минин», осуществлявшееся по проекту контр-адмирала А.А. Попова. Значительное водоизмещение корабля (5740 т) давало возможность, избегая строительных перегрузок, разместить мощную энергетическую установку, сильную артиллерию и увеличенный запас топлива. В итоге перестроенный «Минин», несмотря на общее конструктивное сходство с «Генерал-Адмиралом» и «Герцогом Эдинбургским», заметно превосходил предшественников по ряду тактико-технических параметров, являя собой более совершенный тип океанского крейсера¹⁰.

С момента вступления в строй в 1879 – 1880 гг. первые отечественные океанские броненосные крейсера представляли заметную угрозу бри-

танским морским коммуникациям, оправдывая своё значение важного средства «стратегического сдерживания» вероятного противника. Так известный английский инженер Э. Рид, утверждал, что они «настолько действительны, что превосходят соответствующие суда английского флота»¹¹. «В нашем отечестве нет ничего подобного, наши суда быстрого хода совсем не имеют брони; броненосные же суда, водоизмещения одинакового с этими русскими судами, блиндируются гораздо более и, следовательно, не могут иметь одинаковой с ними скорости хода...» – писал он на страницах журнала «Нэвал Сайнс»¹².

Вскоре конструктивный тип, удачно найденный отечественными моряками и кораблестроителями, был воспроизведён и усовершенствован во флотах ведущих морских держав. Так ещё в 1874 – 1876 гг. британское Адмиралтейство приступило к сооружению океанских крейсеров «Шэннон», «Нельсон» и «Нортхэмптон» с поясной защитой, в конструкции которых были учтены все «характеристические особенности» отечественных полуброненосных фрегатов¹³. Но, несмотря на более сильное бронирование и артиллерию, английские корабли не имели существенного превосходства в скорости и запасах топлива над русскими крейсерами, по-прежнему сохранявшими шансы на успешные действия против неприятельской торговли¹⁴.

Появление у вероятного противника боевых единиц, унаследовавших основные инженерные решения, реализованные при создании первых русских полуброненосных фрегатов, стало хорошим стимулом к дальнейшему строительству кораблей такого типа, развёрнутому в начале 80-х гг. XIX в. Проектирование перспективных крейсеров вновь поручили вице-адмиралу А.А. Попову, который, исходя из складывавшихся требований и экономического положения страны, последовательно усовершенствовал найденный ранее конструктивный тип. Предпочтение отдали проекту, разработанному по образцу «Минина», менее подверженного перегрузке и обещавшего показать лучшие мореходные качества. По нему в сентябре 1880 г. и в феврале 1881 г. начали постройку полуброненосных фрегатов «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах», единая первоначальная конструкция которых претерпела в ходе строительства ряд существенных доработок, явившихся во многом индивиду-

альными для каждого корабля. Например, значительные перемены коснулись схемы главной энергетической установки, типа движителей и состава артиллерийского вооружения.

В результате всех изменений крейсера, начатые постройкой по единым чертежам, к моменту вступления в строй в 1884 и 1885 гг. заметно отличались друг от друга, образуя, по существу, два самостоятельных конструктивных типа. Тем не менее, в ходе первых заграничных плаваний оба корабля в целом подтвердили заложенные в проект высокие характеристики, представляя собой, согласно отзывам моряков, вполне современные боевые единицы. «Как паровое судно, он не имеет себе равных и английские капитаны с завистью и недоверием осматривали его и слушали о его 16-узловом ходе, который, однако же, не только не преувеличен, но даже скромно уменьшен» – писал, например, о фрегате «Владимир Мономах» контр-адмирал Н.И. Казнаков¹⁵.

Благодаря своим качествам, новые крейсера представляли в случае войны немалую угрозу английским коммуникациям, вынуждая вероятного противника предпринимать ответные меры для защиты собственной торговли. Одной из них стала закладка в 1881 г. бронированных крейсеров «Империюз» и «Уорспайт» водоизмещением 7508 т, превосходивших по характеристикам отечественные полуброненосные фрегаты. Другим проявлением обеспокоенности британского Адмиралтейства стала организация постоянного слежения за русскими крейсерами в районах предполагаемого боевого предназначения¹⁶.

К середине 80-х гг. XIX в. боевые единицы крейсерского назначения с поясной защитой прочно заняли место в системе морских вооружений России, став одновременно важной составляющей отечественного флота, Наглядным подтверждением этому служит их дальнейшее сооружение в рамках перспективных кораблестроительных планов, включая 20-летнюю программу 1882 – 1902 гг. Однако предпринятое первоначально при её реализации следование зарубежным образцам, проявившееся в создании броненосного крейсера «Адмирал Нахимов» – отечественного аналога английского «Империюза», вряд ли следует считать верным шагом, поскольку, по мнению отечественных специалистов, характеристики этого корабля

далеко не в полной мере отвечали сложившимся требованиям. Более рациональным явилось решение о дальнейшем развитии типа полуброненосных фрегатов, позволившее наметить основные направления дальнейшего совершенствования их конструкции. При этом значительное внимание уделялось улучшению ходовых качеств за счёт существенного изменения обводов и удлинения корпуса.

Эту тенденцию воплотили в проекте фрегата «Память Азова», разработанном Балтийским заводом в октябре 1885 г. При водоизмещении в 6000 т новый крейсер оказался конструктивно близок «Дмитрию Донскому», однако отличался изменённым теоретическим чертежом и главными размерениями, увеличенными для достижения большей скорости. С той же целью на корабле впервые в отечественном флоте внедрили главные механизмы тройного расширения повышенной мощности. Система бронирования была в целом схожа с прототипом, однако за счёт увеличения толщины и рационального распределения горизонтальной защиты обеспечивалось лучшее прикрытие машинно-котельной установки и погребов боезапаса. Своевременным оказалось и решение внедрить на корабле новейшие 203- и 152-мм орудия с длиной ствола в 35 калибров, обладавшие повышенной огневой мощностью.

Вместе с тем, многочисленные нововведения существенно увеличили строительную перегрузку крейсера, что не могло не сказаться на быстроходности, оказавшейся в итоге несколько ниже проектной. Тем не менее, корабль достаточно высоко оценивался представителями русского флота, считавшими его конструкцию базовой для дальнейшего совершенствования. «...Образец крейсера будем иметь в «Памяти Азова» – отмечал адмирал Н.М. Чихачёв¹⁷.

Сооружение фрегата позволило русскому Морскому ведомству сделать окончательный вывод о возможности кардинального улучшения быстроходности и остальных характеристик лишь при условии существенного роста габаритов. Эти взгляды были реализованы в ходе постройки крейсера 1-го ранга «Рюрик», вступившего в строй осенью 1895 г. и представлявшего собой усовершенствованный вариант «Памяти Азова». От прототипа новый корабль отличало выросшее почти вдвое водоизмещение, позво-

лявшее значительно усилить бронирование и разместить большее количество топлива. Увеличению расчётной дальности плавания способствовала также конструкция энергетической установки, включавшая две машины на каждом валу. Возможность их разобщения при движении экономическим ходом позволяла использовать лишь половинное число механизмов, тем самым заметно снижая расход топлива¹⁸. К числу других особенностей относилось внедрение скорострельных 152- и 120-мм артсистем конструкции Г. Канэ с патронным заряданием, беседочной системы подачи боезапаса к ним, современных приборов управления огнём, а также совершенной схемы рулевого устройства.

В итоге существенное увеличение габаритов наряду с многочисленными техническими новинками позволило создать оригинальный тип океанского броненосного крейсера большого водоизмещения, превосходивший по тактико-техническим характеристикам ранее созданные образцы. При этом появление «Рюрика» вынудило британское Адмиралтейство озаботиться поиском адекватного ответа, создав крупные бронепалубные боевые единицы «Пауэрфул» и «Террибл», которые, тем не менее, не могли, по оценкам экспертов, оказать должное противодействие русскому крейсеру. Так, например, адмирал Ф. Коломб с тревогой отмечал, что «ни один из них нельзя выслать в море, пока не будет известно, куда “Рюрик” ушёл, а в то время, пока они будут ждать известий, ... “Рюрик” будет парализовать английскую торговлю...»¹⁹.

Удачно найденный конструктивный тип, воплощённый в жизнь постройкой «Рюрика», позволил русскому Морскому министерству начать сооружение в соответствии с программой 1890 – 1895 гг. целой серии подобных боевых единиц. Приоритетным направлением дальнейшего развития их конструкции избрали совершенствование системы бронирования, что нашло своё отражение при разработке проекта крейсера 1-го ранга «Россия». На нём в первую очередь решено было улучшить защиту артиллерии, разместив её в особых прикрытиях с относительно тонкой бортовой и траверзной бронёй. Принципиальным новшеством стал отказ от парусного вооружения и внедрение на крейсере трёхвальной энергетической установки со специальной машиной экономического хода, работавшей на

средний вал и избавлявшей бортовые механизмы от длительного функционирования на невыгодных низкоскоростных режимах. В качестве паропроизводящих агрегатов применили более прогрессивные водотрубные котлы системы Бельвиля, что, наряду с увеличением запаса топлива, также должно было увеличить дальность плавания.

Эти меры привели к росту водоизмещения и габаритов, вынуждая изменить конструкцию кормы и продолжить поясную броню до самого ахтерштевня. Удлинение корпуса более чем на 10 м обеспечило крейсеру лучшую продольную остойчивость, быстроходность и меньшую потерю скорости на волнении, однако заставило пересмотреть другие статьи нагрузки, отказавшись от бортового бронирования в районе среднекалиберной батареи. Снижение веса защиты частично компенсировали внедрением брони повышенной стойкости, что позволило лучше прикрыть жизненно важные части корабля в сравнении с «Рюриком» и более крупным английским «Терриблом». Увеличение протяжённости и стойкости поясной защиты обеспечило хорошую боевую устойчивость, подтверждённую впоследствии во время Русско-японской войны. Вместе с тем, существенное сокращение предусмотренной первоначальным проектом тонкой бортовой брони батареи, вызванное, на наш взгляд, недооценкой могущества фугасных снарядов, привело к ослаблению защищённости артиллерии, указывая на необходимость дальнейшего совершенствования системы её бронирования на перспективных океанских крейсерах.

Важным шагом явился серьёзный пересмотр состава артиллерии и установка на «России» наряду с перспективными 203-мм/45 орудиями новых 75-мм/50 пушек, считавшихся весьма эффективными при стрельбе по быстроходным и слабо защищённым целям. Наличие достаточно мощных и многочисленных артсистем среднего калибра позволяло крейсеру на момент вступления в строй нанести на дальностях до 25 – 30 кб необходимый ущерб большинству крейсеров вероятного противника. «В бою “Россия” может командовать дистанцией и нет сомнения, что когда она сосредоточит на цели свой огонь, то ни “Пауэрфулу”, ни какому-либо другому крейсеру не останется ничего другого, как быть разрушенным внутри в течение пяти минут...» – пи-

сал, например, известный британский эксперт Ф.Т. Джейн²⁰.

Подобные оценки подтверждали целесообразность дальнейшего строительства океанских крейсеров большого водоизмещения, продолжившегося постройкой в 1897 – 1901 гг. сооружением ещё одного корабля типа «Россия» – крейсера 1-го ранга «Громобой». Творческое осмысление отечественного и зарубежного опыта позволило русским кораблестроителям внедрить при его создании ряд передовых решений, значительно усовершенствовав конструкцию без существенного увеличения водоизмещения. Так, благодаря более широкому, чем на предшественнике, использованию гарвеированной брони и рациональному её распределению, новый крейсер обладал лучшей защищённостью артиллерии главного калибра, большая часть которой размещалась в отдельных казематах. Существенным отличием нового корабля стала конструкция энергетической установки, также выполненной по трёхвальной схеме, но с использованием механизмов равной мощности, что, наряду с внедрением четырёхцилиндровых паровых машин, обеспечило более высокую скорость полного хода²².

Достаточно совершенная конструкция «Громобоя», продемонстрировавшего лучшую боевую устойчивость, быстроходность и огневую мощь в сравнении с предшественниками, могла стать основой для дальнейшего развития типа большого океанского крейсера. Однако смена в конце XIX – начале XX вв. внешнеполитических приоритетов и взглядов на боевое использование флота наряду с высокой стоимостью бронированных «истребителей торговли» заставили вскоре отказаться от сооружения столь специализированных и дорогостоящих боевых единиц. Тем не менее, богатый опыт их более чем 30-летнего строительства был широко использован при проектировании крейсеров отечественного флота следующих поколений, создававшихся уже в соответствии с иными тактико-техническими требованиями.

Таким образом, противостояние с Британией, обострившееся во второй половине XIX в., вынуждало озаботиться поиском надёжного средства сдерживания вероятного противника. В контексте данной проблемы океанские крейсера с поясной защитой по ватерлинии, способные создать серьёзную угрозу английской мор-

ской торговле, приобрели для России характер стратегической компоненты в системе морских вооружений, развитие которой в течение длительного периода времени являлось одним из приоритетных направлений строительства отечественного флота.

Идея достижения качественного превосходства над зарубежными небронированными оппонентами стала ключевой в создании русских броненосных «истребителей торговли». Её реализация привела к появлению в нашей стране уникальных хорошо защищённых и вооружённых кораблей для действий на океанских коммуникациях, чей тип в основных чертах был воспроизведён затем ведущими морскими державами. Дальнейшее последовательное развитие конструкции первых полуброненосных фрегатов на основе достижений научно-технического прогресса позволило впоследствии ввести в строй целый ряд подобных боевых единиц, значительно усиливших важную составляющую отечественных военно-морских сил и позволивших России на протяжении многих лет прочно удерживать передовые позиции в постройке океанских бронированных крейсеров.

С момента их появления английское военно-морское командование было вынуждено практически постоянно изыскивать способы эффективного противодействия, включая создание более мощных боевых единиц аналогичного типа. Однако высокая стоимость ограничивала возможность постройки подобных специализированных кораблей крупными сериями, что в случае начала вооружённого конфликта значительно снижало возможности успешной борьбы с русскими рейдерами. В итоге сохранявшаяся угроза морской торговле, нанесение ущерба которой могло заметно отразиться как на экономике, так и на умонастроениях населения, стала, на наш взгляд, одной из причин, заставлявших правящие круги Британии искать разумный компромисс в отношениях с Россией. Тем самым русские океанские крейсера с поясной защитой по ватерлинии, несмотря на относительную малочисленность и ряд конструктивных недостатков, в течение всего периода их создания оправдывали своё предназначение как средства стратегического сдерживания вероятного противника, являясь одновременно и важным инструментом внешней политики государства.

¹ РГАВМФ, ф. 16, оп.1, д. 196. Л.10об; ГАРФ, ф.677, оп.1, д.460. Л.5об; оп.1, д.425. Л.13.

² Westwood J.K. *Russian Naval Construction, 1905 – 45.* – London, 1994. P. 6.; *Отчёт по Морскому ведомству за 1863 г.* – СПб, 1864. С. 16.

³ Белавенец П.И. *Материалы по истории русского флота.* – М – Л, 1940. С. 126.

⁴ *Кронштадтский Вестник.* 1869, 13 июля.

⁵ РГАВМФ, ф.16, оп.1, д.196. Л.10об - 11

⁶ Беляев П. *Очерк военного судостроения в России в период от 1863 г. и броненосного фрегата крейсера «Владимир Мономах».* - СПб, 1885. С.28

⁷ Окунев М.М. *Теория и практика кораблестроения. Часть 1. Исторический очерк постепенного усовершенствования кораблестроения и теоретические основания корабельной архитектуры.* – СПб., 1865. С.307

⁸ РГАВМФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

⁹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4492. Л. 50; РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4493. Л. 48.

- ¹⁰ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4979. Л. 5 – 36.
- ¹¹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4560. Л. 12; Рид и русский флот // *Морской Сборник*. 1872, № 12. Неоф. Отдел. С. 7.
- ¹² Английское мнение о русском флоте (выдержки из статьи Э.Рида «*The Imperial Russian Navy*») // *Вестник Европы*. 1872, книга 9-я. С. 420.
- ¹³ Беляев А.Т. *Очерк военного судостроения в России в период от 1863 г. и броненосного фрегата крейсера «Владимир Мономах»*. – СПб, 1885. С. 33.
- ¹⁴ РГАВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 16. Л. 78об – 79об.; Мертваго Д.М. *Современные военные флоты. Английские крейсера и броненосцы и французский броненосный флот*. – СПб: 1878. С. 4 – 23.; Паркс О. *Линкоры Британской империи. Ч. II. Время проб и ошибок*. – СПб: Галера-Принт, 2002. С. 96.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 375. Л. 109.
- ¹⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6236. Л. 218 – 226.; Кладо Н.Л. *Страничка прошлого // Кронштадтский Вестник*. 1900, 2 февраля.
- ¹⁷ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 3. Д. 82. Л. 165.
- ¹⁹ *О современном положении крейсеров в случае войны // Морской Сборник*. 1893, № 5. Неоф. Отдел. Морская хроника. С. 19 – 20.
- ²⁰ Jane F.T. *The Imperial Russian Navy. Its past, present and future*. – London, 1904. P. 264.
- ²¹ РГАВМФ. Ф. р–29. Оп. 2. Д. 36. Л. 62.
- ²² РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 224. Л. 8об.

*Виктор Владимирович Чертов,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
начальника отдела, подполковник*

Историко-мемориальная и музейная составляющая Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации

Как о символе Великой Победы (с достаточной уверенностью и системным обоснованием) уже сегодня можно говорить о Главном Храме Вооруженных Сил России, открытие и освящение которого состоится 9 мая 2020 года – в день 75-летия Победы в Великой Отечественной войне.

По указанию Министра обороны генерала армии С.К. Шойгу, решению начальника Генерального Штаба генерала армии В.В. Герасимова и под руководством заместителя Министра обороны генерал-полковника А.В. Картаполова Институт военной истории осуществляет научно-методическое обеспечение реализации Концепции строительства и оформления Главного Храма Вооруженных Сил. Храм представляется не только духовным, но и музейно-мемориальным и историко-культурным комплексом, посвященным военной истории нашего Отечества и ратной славе его Вооруженных Сил. Именно поэтому все элементы оформления внутреннего и внешнего убранства Храма (росписи, барельефы, витражи, напольные покрытия) будут отра-

жать знаменательные события истории России и подвиги русского воинства.

Министр обороны определил задачу Института кратко, объемно, масштабно и всего лишь двумя словами – историческая достоверность. Это и доверие, и высокая ответственность. Позвольте кратко остановить внимание участников конференции на основных результатах работы Института, которые нашли отображение в следующих проектных решениях.

«Спас нерукотворный» – главная икона Храма. Совместно с главным архитектором Д.М. Смирновым разработана концепция оформления и размещения главной иконы Храма, утвержденная Президентом РФ – Верховным главнокомандующим. Этот образ с древности присутствовал на знаменах и штандартах Русской армии, под его сенью одержаны блистательные победы. Современный киот расписан образами святых русских воинов и баталиями основных битв истории России.

В оформлении витражных сводов Главного храма использована наградная система России.

Данная концепция показывает преемственность как ратных, так и православных традиций, героизма и подвига, а также славных побед отечественных Вооруженных Сил: со сводов Храма русские святые и великие полководцы, а также учрежденные в их честь ордена, осеняют героические битвы и сражения Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., отображенные на полу.

В оформлении полов Храма использованы элементы символов родов войск, а также карты и схемы выдающихся битв и стратегических операций Красной армии в Великой Отечественной войне, в ходе которых была освобождена территория Советского Союза, очищены от врага страны восточной и юго-восточной Европы, разгромлена японская Квантунская армия.

Житийные описания святых русских воинов, справочный материал о героических личностях, выдающихся военачальниках и полководцах в военной истории России нашли отражение в эскизах внутренней росписи Храма и проекте расположения икон в Храме.

Расположенные по внешнему периметру Главного храма ВС РФ барельефы отображают основные события военной истории России и ключевые события Великой Отечественной войны. По замыслу, карты битв и сражений на полу и барельефы по внешней стене Храма дополняют и раскрывают друг друга.

Трагические и славные страницы войны нашли отражение в сюжетах Великой Отечественной и Советско-японской войн 1941–1945 гг., изображенных в медальонах главного колокола Храма.

В проекте оформления створок дверей также предусмотрено изображение выдающихся полководцев в истории России, от первых русских князей до советских военачальников Великой Отечественной войны.

Таким образом, реализация данного подхода обеспечивает в соединении в убранстве Храма славных деяний разных эпох – императорской России, Советского государства и современной России – в единое историческое полотно.

Не менее ответственная работа ведется по научно-методическому обеспечению проектирования историко-мемориального комплекса «Дорога памяти», длиной 1418 шагов по количеству дней войны. В его экспозиционной части будут размещены материалы и экспонаты, отражаю-

щие основные этапы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., трудовой и ратный подвиг гражданского населения, а также преступные деяния фашизма. На общем фоне хода военных действий будет раскрыт и показан ратный подвиг советского человека, гражданина, воина, патриота своей Родины.

Для этого в галереях будут использоваться мозаичные панно – фотографии времен войны, состоящие из фотографий участников Великой Отечественной войны, а также большие экраны, вписанные в архитектурную форму, с установленными рядом сенсорными панелями, на которой посетители с помощью поиска смогут найти своих родственников. Одновременно будут использоваться и экспонаты, интегрированные в пол и витрины: личные вещи, документы, оружие и т.п.

Тематические залы обеспечить полное погружение в события Великой Отечественной войны. С помощью встроенных декораций, мультимедийных технологий, направленного звука и видеопроекций можно добиться ощущения полного присутствия в решающих битвах и событиях войны, почувствовать эмоциональное состояние воинов в этих условиях, когда над головой свистят пули, взрываются снаряды и т.п.

Это позволит переводить посетителей в различные эмоциональные состояния на протяжении всего прохода по «Галерее памяти», тем самым сохраняя и усиливая интерес к правдивой истории Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что хронология основных событий в залах полностью соответствует хронологии барельефов на стенах и стратегических карт на полу Храма, благодаря чему у посетителя формируется целостный образ величия подвига народа в Великой Отечественной войне.

Концепцией историко-мемориального комплекса «Дорога памяти» также предусмотрено размещение (закладка) на его территории капсул (гильз), наполненных землей субъектов Российской Федерации и стран-участниц Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Каждая капсула (гильза) будет сопровождаться информационно-справочным материалом о вкладе субъекта РФ (страны-участницы войны) в достижение Победы.

Нельзя не отметить, что работа по формированию тематики и содержания историко-ме-

мемориального комплекса Храма организована так, что каждый желающий может внести посильный вклад в увековечение подвига народа в борьбе против фашизма. На главной странице сайта «Память народа» размещен баннер, призывающий загрузить фотографию своего родственника – участника Великой Отечественной войны. Там же ее можно дополнить биографическими данными, при этом на страницу пользователя автоматически будут загружены соответствующие документы, хранящиеся на порталах «Память народа» и «ОБД-Мемориал». Если ранее пользователь самостоятельно не нашел все документы об участнике Великой Отечественной войны, он сможет увидеть их

полный перечень и пополнить свой личный семейный архив.

Впоследствии фотографии, предоставленные родственниками ветеранов, дополнят базу данных Министерства обороны и будут использованы при формировании постоянно пополняемой мультимедийной «Галереи памяти». Так, всем миром будет реализована историко-мемориальная концепция Главного храма ВС РФ и еще раз подтвержден истинный смысл великого девиза: «Никто не забыт, ничто не забыто»!

Надеюсь, что у нас есть общая уверенность в том, что Храм станет подлинным символом Великой Победы, центром духовности и центром исторической памяти.

*Вячеслав Вячеславович Шель,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации, начальник отдела,
полковник, кандидат военных наук*

Разведывательные корабли Военно-Морского Флота: взгляд в будущее

Идея о возможности ведения разведки на море возникла довольно давно. Она развивалась и совершенствовалась параллельно с развитием военного флота, его сил и средств, способов ведения вооруженной борьбы на море. При этом большое внимание уделялось обеспечению преимущества в дальности обнаружения объектов противника на море, надежному их распознаванию и более точному местоопределению.

В России вопросы организации разведки на море впервые были заложены в Морском уставе 1720 г., разработанном при непосредственном участии Петра I. Морскими средствами разведки и наблюдения тогда, в эпоху парусного флота, являлись: в прибрежных и мелководных районах – бригантины, скампаеви, галеры, шнявы и тендеры, для действий в составе эскадр открытого моря – фрегаты и быстроходные корабли с незначительным пушечным вооружением. Понимая необходимость в судах разведки, Петр I еще задолго до организации строительства отечественных специальных кораблей для ведения

разведки на море, самостоятельно осуществлял выбор из построенных военных судов лучшего «по скорости хода» и определял его «не для ввода в боевую линию во время дела, а для держания между легкими фрегатами с тем, что с него удобнее будет следить»¹

Вместе с тем прообразом разведывательного корабля стало небольшое военное, сравнительно быстроходное судно – авизо, которое в XVII – XIX вв. специально строилось во Франции, Италии и других европейских странах и применялось для разведки и посыльной службы. Рис. 1.

Рис. 1. Ави́зо (Франция)

О РАЗВЕДОЧНЫХ СУДАХ (*).

Прежде чѣмъ излагать свои собственные мысли по поводу вопроса о разведочныхъ судахъ, лекторъ сдѣлалъ ссылку на лекцію комендера Мурдока, прочитанную послѣднимъ въ морской же коллегіи въ 1899 г. Г. Мурдокъ ставилъ въ основу своихъ доводовъ формулу, что «знакомство съ положеніемъ непріятеля должно служить исходною точкой для начала всѣхъ противъ него операций». Капитанъ Гудричъ вообще рекомендуетъ каждому морскому офицеру поближе познакомиться съ лекціей Мурдока, считая ее вполне тождественной съ его собственными воззрѣніями.

Для тѣхъ, которымъ почему-либо не удалось бы прочесть лекціи Мурдока, г. Гудричъ повторилъ совѣтъ своего коллеги, чтобы морскимъ офицерамъ практиковаться на бумагѣ крейсеровъ и атаками, какъ въ стратегической военно-морской игрѣ, дабы такимъ образомъ выяснитъ себѣ съ помощью морскихъ картъ различные промахи прежнихъ адмираловъ и командировъ на войнѣ или на маневрахъ. Здѣсь лекторъ кстати указалъ также на аналогію, существующую между инженернымъ строительствомъ и веденіемъ войны: и въ томъ и въ другомъ случаѣ люди пользуются графическимъ анализомъ. Какъ морскіе офицеры строятъ свои соображенія и планы сраженій руководствуясь картами, такъ и инженеры вырисовываютъ схемы своихъ будущихъ сооружений, мостовъ, зданій и пр. линиями на бумагѣ. Уже миновали времена тщательной обработки и вычислений, которыя поглощаютъ такъ много до-

(*). Лекція, прочитанная капитаномъ Гудричъ въ морской коллегіи, въ Ньюпортѣ, въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ.

Рис. 2. Статья «О разведочныхъ судахъ» в журнале «Морской сборникъ» за 1904 г.

При отсутствіи ихъ в иныхъ государствахъ, в т. ч. России и Соединенныхъ Штатахъ Америки, назначение авизо выполняли небольшого водоизмещения переоборудованные корабли и суда, прежде всего – легкие крейсера, миноносцы и быстроходные пароходы, получившие наименование «разведочные».

В отечественныхъ и зарубежныхъ военно-морскихъ теоретическихъ трудахъ описывались такие корабли такъ: «Врагъ не сможетъ неожиданно обрушить всю силу своего удара, если адмиралъ будетъ иметь у себя достаточное число разведочныхъ судовъ хорошаго типа». Тамъ же выделялись ихъ главные свойства: «высокая скорость хода, отличные мореходные качества и огромный запасъ угля». Имъ «полезно иметь легкую артиллерию на случай встречи с невооруженнымъ авизо или транспортомъ, но во всякомъ случаѣ было бы неблагоприятно позволять разведчику вообще вступать в дело с непріятелемъ, т. к. это могло бы отвлечь его отъ прямой обязанности – наблюдать и доносить»². Американскій военно-морской теоретикъ и историкъ Мэхэнъ А.Т. подчеркивалъ огромное значеніе комплексной и системной организации разведки, в которой крейсера являлись важной,

но лишь составной ее частью. Особую роль в этой системѣ разведки онъ отводилъ быстроходнымъ посыльнымъ судамъ, которые могли бы своевременно доносить информацию до адмирала. Рис. 2.

В концѣ XIX в. появившаяся и бурно развивавшаяся радиосвязь значительно увеличила радиусъ разведки и ускорила получение командующимъ разведывательныхъ сведений. Это обусловило практически прекращеніе использование авизо. Морскую разведку стали вести попутно с решениемъ своихъ основныхъ задачъ боевые надводные корабли, подводные лодки и самые разнообразныя суда.

Совершенствованіе во второй половинѣ XX в. разведывательныхъ электронныхъ средствъ и системъ, а также острая необходимость в корабляхъ разведки сделали ихъ неотъемлемой частью современного флота. Безъ нихъ не обходится ни одна уважающая себя страна, заботящаяся о своей военной безопасности.

Обратимся къ современному определению корабля разведки. Разведывательный корабль – это специально предназначенное для добычя сведений о вооруженныхъ (военно-морскихъ) силахъ разведываемыхъ странъ судно, в составъ команды котораго входят штатно и (или) придается на периодъ похода (плаванія) подразделения (личный составъ) разведки. Онъ имеетъ разведывательную аппаратуру и легкое оружіе. В качестве нихъ могутъ использоваться переоборудованные корабли и суда³.

Классъ кораблей разведки в ВМФ былъ образованъ в 1956 г. (переименованъ в классъ разведывательныхъ кораблей – в 1977 г.). Его созданію предшествовало активное использование в целяхъ разведки с 1951 г. переоборудованныхъ посыльныхъ судовъ. Отношеніе этого класса кораблей в 1956–1966 гг. къ группѣ боевыхъ кораблей (в 1977–2015 гг. – къ группѣ кораблей специального назначенія, а затемъ – къ группѣ кораблей и судовъ специального назначенія) обусловлено исключительнымъ ихъ значеніемъ при обеспеченіи военныхъ действий ВМФ.

Помимо большихъ, среднихъ и малыхъ разведывательныхъ кораблей в этотъ классъ входили следующие подклассы кораблей: корабли радиотехнической разведки (КРТР); большіе, малые, и со стандартнымъ водоизмещеніемъ корабли особого назначенія; базовые, большіе, средние и малые корабли радиолокационного дозора.

За период 1951–2017 гг. было введено в состав ВМФ более 120 разведывательных кораблей различных проектов, типов и классов. Наибольшее количество их в составе ВМФ было в 1970–1980-х гг. Перед самым распадом Советского Союза – в составе ВМФ находилось около 60 кораблей разведки. Обновление корабельного состава осуществлялось с одновременным выводом из состава флота старых, выслуживших предельные сроки кораблей. Отдельные разведывательные корабли переводились в подклассы других классов кораблей и судов, а также передавались в различные структуры ВМФ.

За период своего развития класс разведывательных кораблей (кораблей разведки) эволюционировал от выделенных для нужд ВМФ с целью ведения разведки переоборудованных посыльных судов, ботов и траулеров, названных позже кораблями особого назначения, до кораблей, построенных по специальным проектам. При этом вершиной этого развития стало создание в 1980-х гг. большого разведывательного корабля с атомной энергетической установкой «Урал», которому до сих пор нет аналогов в мире. По оборудованию мачт и надстроек всевозможными антеннами, а также по районам и характеру деятельности корабли разведки оказались легко распознаваемы, поэтому от прикрытия их деятельности легендой отказались.

После возникновения Российской Федерации в связи с необходимостью реформирования Вооруженных Сил в 1990-е гг. было принято решение сократить соединения и части ВМФ и одновременно списать на слом ряд кораблей и судов, в т. ч. и не выслуживших установленные сроки службы. Так были преждевременно выведены из состава флота 28 разведывательных кораблей (включая «Урал»). Вместо выведенного из состава ВМФ целого ряда кораблей разведки, он пополнился в это время всего лишь одним. При этом оставшиеся в составе ВМФ корабли разведки оказались не способными в требуемом объеме решать поставленные разведывательные задачи. Строительство кораблей разведки было свернуто.

Только с 2004 г. на заводе «Северная верфь» для ВМФ было начато строительство серии разведывательных кораблей по проекту 18280, разработанному в центральном конструкторском бюро «Айсберг». Всего планировалось постро-

ить, как минимум, 4 таких корабля, по одному для каждого из флотов. Однако из-за срыва поставок двигателей и трубопроводной аппаратуры головной из них – «Юрий Иванов» спустили на воду с опозданием от запланированного срока⁴. Он был построен только в 2013 г., а введен в состав ВМФ лишь в 2015 г. Закладка второго РЗК «Иван Хурс» была осуществлена в 2013 г. Спуск его на воду состоялся в мае 2017 г., передача ВМФ – в 2018 г. Эти корабли по мореходным качествам и техническому оснащению превосходят существующие проекты кораблей разведки в ВМФ. Рис. 3.

В настоящее время ВМФ располагает 18 кораблями разведки. Они предназначены для выполнения разведывательных задач. Подразделяются на большие разведывательные корабли (водоизмещением более 7000 т), большие разведывательные корабли (4000–7000 т), средние разведывательные корабли (1000–4000 т), малые разведывательные корабли (менее 1000 т) и корабли гидроакустической разведки (1000–4000 т). Организационно сводятся в дивизионы. Осуществляя разведку, как правило, по плану штаба флота (Главного штаба ВМФ), РЗК решают задачи оперативного и оперативно-тактического уровня (масштаба). Являются основными силами морской разведки и элементом постоянно действующей системы разведки флота.

Обстановка с проведением плановых ремонтов разведывательных кораблей стала лучше. Корабли разведки снова стали выходить в разведывательные походы. Однако даже все 4 новых корабля (в настоящее время построено – только 2) вряд ли смогут всецело заменить в ближай-

Рис. 3. Средний разведывательный корабль «Иван Хурс»

Таблица 1 – Переименования разведывательных кораблей ВМФ в XXI в.

№ п/п	старое наименование	новое наименование	флот	Основание (дата)
1.	СРЗК «Пеленгатор»	СРЗК «Василий Татищев»	БФ	директива ГШ ВМФ от 7.02.2000 г. № 730/1/095
2.	ГС-39	ГС «Сызрань»	БФ	приказ ГК ВМФ от 7.07.2002 г. № 21
3.	СРЗК «Одограф»	СРЗК «Виктор Леонов»	СФ	приказ ГК ВМФ от 9.01.2004 г. № 4
4.	ГС-19	ГС «Жигулевск»	БФ	приказ ГК ВМФ от 9.01.2004 г. № 5
5.	СРЗК «Меридиан»	СРЗК «Адмирал Федор Головин»	БФ	приказ ГК ВМФ от 15.02.2007 г. № 73
6.	ГС-31	ГС «Чусовой»	СФ	приказ ГК ВМФ от 18.07.2007 г. № 394

шем будущем стареющий парк отечественных разведывательных кораблей, большинство которых постройки 1980-х гг., остальные 1960-х и 1970-х гг.

Стоит отметить, что советские разведывательные корабли в основном носили типовые наименования для рыболовных траулеров: «Треска», «Угорь», «Форель», «Судак» и т. п., затем – для гидрографических судов: «Амперметр», «Гирорулевой», «Барометр», «Океанограф», «ГС–31», «ГС–19», «ГС–39» и т. д. Позже отдельные корабли разведки получили наименования местностей СССР: «Крым», «Курилы», «Беломорье», «Приморье», «Забайкалье», «Закарпатье». Опыт показывает, что разведывательные корабли ВМФ России постепенно уходят от прежних советских наименований. На смену им приходят имена известных отечественных военных и государственных деятелей («Адмирал Федор Головин», «Василий Татищев»), легендарных военно-морских разведчиков («Виктор Леонов») и городов РФ («Сызрань», «Чусовой» и «Жигулевск»). Это наглядно представлено в таблице 1.

В продолжение этой тенденции новейшие российские корабли разведки, упомянутые нами ранее, были названы именами начальников разведки ВМФ, внесших существенный вклад в развитие отечественного флота разведывательных кораблей вице-адмиралов Иванова Юрия Васильевича и Хурса Ивана Кузьмича. В условиях все усложняющейся военно-политической обстановки в мире и роста количества вызовов, с которыми приходится сталкиваться России, имеет

смысл и дальше присваивать строящимся российским разведывательным кораблям имена значимых личностей в истории отечественной военно-морской разведки.

Корабли разведки есть и в других странах (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Федеративная Республика Германия, Франция, Норвегия, Польша, Швеция, Испания, Италия, Греция, Румыния, Болгария, Португалия, Украина, Китайская Народная Республика, Япония, Корейская Народная Демократическая Республика, Новая Зеландия, Куба, Тайвань)⁵. Их водоизмещение составляет 1 500 – 20 000 т. Все эти иностранные корабли разведки можно условно разделить на три подкласса: корабли измерительного комплекса (океанографические исследовательские суда, научно-исследовательские суда); корабли гидроакустической разведки (КГАР); многофункциональные разведывательные корабли (КРТР)⁶. В состав экипажей данных кораблей штатно или не штатно входят подразделения разведки. Однако ввиду вынужденного снижения активности в 1990-х гг. действий подводных сил ВМФ в Мировом океане Соединенные Штаты Америки строительство своей очередной серии КГАР свернули. Вместе с тем остальные передовые страны НАТО не отказались от дальнейшего применения кораблей разведки, постоянно модернизируют их и строят новые.

Анализ современного состава и возможностей ВМФ позволяет сделать вывод, что ввиду недоступности для наземной (береговой) радиоэлектронной разведки (РЭР) с территории Рос-

Рис. 4. Корабль разведки ведет слежение за потенциальным противником (Худ. А.Гирлин)

сией Федерации, а также сложности и большой материальной затратности для космической и воздушной РЭР из околоземного и воздушного пространств разведки излучений радиостанций, работающих в сетях ближней связи, радиолокационных, радионавигационных и других станций вооруженных сил разведываемых государств,

надежный контроль за обстановкой в океанских районах и дальних морских зонах могут обеспечить только разведывательные корабли. Являясь элементом национальной системы контроля за океаном, российские корабли разведки продолжают успешно выполнять свои задачи в районах постоянного и временного дежурства. Вместе с тем при сохранении существующего уровня строительства новых кораблей и ввода их в состав ВМФ, в будущем в составе сил постоянной готовности флота может не остаться ни одного корабля разведки. Как показывает опыт, отечественный флот разведывательных кораблей в настоящее время остро нуждается в финансировании, в модернизации и дальнейшем развитии. Рис. 4.

Таким образом, исследование отечественного и зарубежного опыта создания и применения кораблей разведки показало, что будущее российских разведывательных кораблей – это серийное строительство быстроходных судов с большой дальностью плавания и длительной автономностью, а также комплексирование и унификация находящихся на них средств разведки.

¹ Белозер В.Н. Военно-морская разведка России: история создания, становления и развития (1696–1918). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ МО РФ, 2008. С. 33.

² А. де-Л. О разведочных судах // Морской сборник. 1904. № 1. С. 18.

³ Шель В.В. К вопросу о сущности и содержании термина «разведывательный корабль». 2019. № 4. С. 143.

⁴ Юферев С. Юрий Иванов (проект 18280) спущен на воду. Военное обозрение. (<https://topwar.ru/34155-bolshoy-razvedyvatelnyy-korabl-yuriy-ivanov-proekt-18280-spuschen-navodu.html>). 04.10.2013.

⁵ Дремлюга Г.П. РЗК // Проблемы развития корабельного вооружения и судового радиоэлектронного оборудования. 2012. № 1. С. 83.

⁶ Морская радиоэлектроника, № 3 (21), 2007. С. 27.

*Роман Михайлович Шепарёв
Россия, Москва, Государственный центральный музей
современной истории России, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

Златоустовские оружейники — к победе в Сталинградском сражении

Величайшая битва на берегах Волги завершилась полной победой Красной Армии зимой 1943 г. Один из разработчиков плана уничтожения СССР под кодовым названием «Барбаросса», командующий 6-й армией вермахта генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, сдался в плен.

Победа в Сталинграде стала доказательством превосходства русского, советского оружия. Как же можно было увековечить память о таком величайшем событии Великой Отечественной войны? Традиционно считалось в России и в СССР, что лучшим предметом-памятником о боевой победе может быть какое-либо оружие Красной Армии. Поэтому на Златоустовском инструментальном комбинате, на заводе № 259 Наркомата боеприпасов, в 1943 г., после победы в Сталинграде, были изготовлены кавалерийская шашка и армейский нож в подарок И.В. Сталину — главе советского государства, чьим именем был назван город на Волге.

Почему именно шашка с комплектным ножом, а не винтовка или автомат? Шашка и нож здесь явились олицетворением древнего рус-

ского оружия, традиции изготовления которого восходят к временам средневековых войн — с рыцарями Тевтонского ордена или с монголо-татарами. В то же время, шашки и ножи применялись в Красной армии именно во время войны, во время битвы в Сталинграде. Поэтому было отдано предпочтение именно им, а не традиционному русскому средневековому мечу.

Прототипом подарочной шашки стала строевая шашка кавалерии РККА образца 1927 г. Значит, эфес шашки не предполагает наличие гарды в виде дужки, а предполагает массивную головку, как на традиционных кавказских и казачьих шашках. К 1943 году боевое применение такого холодного оружия прекрасно себя зарекомендовало в советской кавалерии (боевые рейды конных частей генералов И.А. Плиева, Л.М. Доватора, О.И. Городовикова). Поэтому при изготовлении подарка И.В. Сталину, русские оружейники руководствовались традициями боевого применения кавалерийских шашек именно в Сталинградском сражении под командованием О.И. Городовикова.

Изготовление подарочной шашки традиционно было поручено Златоустовскому инструментальному комбинату. Это предприятие известно в России с XVIII в. под разными названиями (например, Златоустовская оружейная фабрика, Златоустовский механический завод, завод № 259 и др.). В Златоусте работали такие мастера-металлурги, как П.П. Аносов, П.Н. Швецов, выходцы из Германии семья мастеров Шафов, златокузнецы И.Н. Бушуев, его ученик И.П. Бояршинов и др. Именно в Златоусте, в начале XIX в., было возрождено производство булатных клинков под руководством П.П. Аносова.

Продолжателем творчества И.Н. Бушуева и И.П. Бояршинова стал в XX в. А.Н. Боронников. Именно ему было дано задание по изготовлению подарочной шашки для И.В. Сталина.

А.Н. Боронников в ходе войны уже имел прекрасный опыт по изготовлению холодного оружия. Так, в 1938 г. им была изготовлена подарочная шашка для К.Е. Ворошилова, которая представляет собой произведение искусства. Она украшена рельефными изображениями советских символов, портретами К. Маркса, К.Е. Ворошилова, В.И. Ленина. При изготовлении использована резьба по металлу, по кости, хромирование, позолота. Шашка находится в коллекции оружия ГЦМСИР.

Для изготовления шашки-подарка И.В. Сталину была сформирована творческая группа из А.Н. Боронникова, Я.А. Баксанского, В.И. Брильца. Все работы можно разделить на несколько стадий. Первая стадия – изготовление заготовок, в первую очередь заготовки клинка. На этой стадии стальная полоса проходит процессковки. Ковка разбивает зерно стали, и ликвидирует внутренние каверны в металле. Вторая стадия – слесарная обработка – обточка клинка, наведение долов, изготовление хвостовика, его шлифовка.

Третья стадия – художественная отделка. Шашка богато украшена рельефным узором. На правой голомении воспроизведен эпизод Сталинградской битвы с атакой танков, авиации, кавалерии, пехоты. Фигурки солдат, танков, пушек, самолетов созданы с помощью травления, резьбы по металлу, чеканки. На клинке воспроизведено изображение танка с надписью золотом «Суворов» (Рис.7-8), что указывает на участие поставленного по ленд-лизу из США в СССР танка М3 «Стюарт» с названием фамилии великого

русского военачальника в битве. На втором танке золотая надпись: «За Сталинград» (Рис.9). Лозунг «Стоять на смерть» (Рис.10) изображен на стене дома. Левая голомень содержит дарственную надпись: «Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза И.В. Сталину от коллектива завода № 259 НКБ¹» (Рис.11).

После художественной отделки клинок закалывают и отпускают. Закалка способствует фиксации мелкозернистости, а значит повышению твердости. Отпуск ликвидирует внутреннее напряжение в клинке, способствует повышению пластичности.

Клинок украшен слоем хромового покрытия и позолоты. Именно это указывает на традиции златоустовских мастеров прошлых веков. До XX века покрытие наносилось с помощью ртутного золочения. Это делалось так: золото растворялось в ртути, затем поверхность клинка покрывалась амальгамой. После этого клинок прокаливался в печи. Ртуть испарялась, золото оседало на стальную поверхность. Пары ртути очень вредны для здоровья, мастерам приходилось их вдыхать. В те времена техники безопасности не существовало. Поэтому и Бушуев и Бояршинов умерли довольно быстро, им не было и 40 лет. Но в XX веке процесс золочения шагнул далеко вперед. В распоряжении Боронникова было оборудование для гальванического процесса. Хромирование и золочение было проведено с помощью выпрямителя электрического тока и ванны с электролитом. Электролит для золочения также представляет собой ядовитую жидкость, но при осторожном обращении он не представляет опасности. Поэтому украшение клинка было осуществлено в полной безопасности для мастеров. Рельефное изображение Сталинградской битвы выделяется на золотом фоне, как и дарственная надпись.

Мастера творческой группы Боронникова занимались также изготовлением эфеса, ножен и их украшением. Рукоятка шашки и ножны выполнены из дерева, облицованного темной кожей. Эфес состоит из желтой нижней оковки, черной рукояти с косыми желобками, украшенной сканевым жгутом, желтой головки с отверстием для темляка (Рис.4-6). На спинке рукояти желтая фигурная накладка. На головке красная пятиконечная звезда в обрамлении стилизованных солнечных лучей. Нижняя оковка и головка

покрыты чеканным орнаментом из дубовых листьев. Прибор ножен также покрыт орнаментом из дубовых листьев. На устье слева рельефное изображение герба СССР. Нижняя обоймица украшена изображением Спасской башни Кремля (Рис.3). Звезда выполнена из рубина. Устье, обоймица, наконечник ножен украшены мелкими искусственными рубинами (Рис.12-13). Нож представляет собой армейский нож образца 1940 г., выполненный в подарочном варианте. Украшения его аналогичны шашке. На голоментах клинка уменьшенные изображения атаки кавалерии, пехоты, танков, авиации, дарственная надпись (Рис.14). Эфес и ножны также украшены рубинами и позолотой (Рис.15). Комплект из шашки и ножа получил название «Сталинградская битва».

Шашка была выполнена в двух экземплярах. Первый экземпляр и художественно написанное

сопроводительное письмо, подписанное первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) Н.С. Патоличевым, был выслан в секретариат И.В. Сталина. Там она хранилась до тех пор, пока не закончилась Великая Отечественная война. В 1946 г. шашка и нож попали в Государственный музей Революции СССР. Когда Сталину исполнилось 70 лет в 1949 г., комплект из шашки и ножа стал экспонироваться на Выставке Подарков И.В. Сталину. После смерти Сталина в 1953 г. шашка и нож снова попали в коллекцию Государственного музея Революции СССР, в настоящее время они находятся в фонде оружия ГЦМСИР. Дубликат шашки до сих пор хранится в музее Златоуста. По сведениям сотрудников златоустовского музея, следы первого экземпляра шашки после смерти Сталина утеряны. Мы можем прояснить картину – подарочный комплект из шашки и ножа находится на вечном хранении в ГЦМСИР.

¹ НКБ – Наркомат боеприпасов.

*Алексей Васильевич Шишов, Россия, Москва,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба ВС РФ,
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Военные преобразования царя Петра I перед началом Северной войны 1700–1721 гг.

К началу царствования Петра I Алексеевича русская армия во многом не соответствовала ни уровню военного дела, достигнутому крупными государствами той поры, ни внешнеполитическим целям Российского государства. Полки «нового строя», не говоря уже о поместном конном ополчении и стрелцком войске, не могли противостоять, например, шведской регулярной армии, считавшейся в то время одной из лучших в Европе. А борьба со Швецией за возвращение выхода к Балтийскому морю требовала создания многочисленной, хорошо организованной и обученной армии.

Петр I еще в юности пристрастился к военному делу, что выразилось в «потешных играх» и создании двух «потешных» полков – Преображенского (с бомбардирской ротой в его составе) и Семеновского, которые в скором времени и по выучке, и по боевым возможностям стали заметно превосходить стрелцкие полки той поры¹.

Петр I рано продемонстрировал свой самобытный талант в боевом обучении русских войск, которым суждено было стать основой молодой

регулярной армией России. Обладая задатками великого государя и несомненным полководческим дарованием, он стал проводить масштабные учения, которых Европа не знала. К ним, в первую очередь относиться известный Кожуховский поход 1694 г.

Это были учения «московской военной силы», впоследствии названные маневрами русских войск, проведенные царем Петром I 23 сентября (3 октября) – 17(27) октября на обширной луговине, которую разделяла река Москва, между деревней Кожухово и селом Коломенское (в окрестностях столицы). Идея учений принадлежала генералу-иноземцу Патрику Гордону, которого по праву называют военным учителем Петра Великого².

В ходе «потешной войны» отрабатывались вопросы мобилизации войск, походный порядок их движения, способы ведения наступательного боя, преодоление водной преграды и осады полевого укрепления противника. Подготовкой учений занимался военный совет (консилиум) в селе Преображенском) во главе с царем.

Войска, собранные для участия в полевых учениях, были разделены на две «армии». Основу оборонявшейся «армии» составили московские стрелецкие полки и 13 рот, сформированных из боярской челяди, служащих приказов и других людей из числа столичных жильцов, годных к военной службе. Всего 7500 человек. Командовал «армией» царский спальник И.И. Бутурлин («генералиссимус», «польский король»). Следует заметить, что в московских стрелецких полках на время «потешной войны» оказалось большое число «нетчиков», то есть служилых людей, под разными предлогами не участвовавших в Кожуховском походе.

Наступавшая «армия» князя Ф.Ю. Ромодановского («генералиссимуса Фридриха») состояла из 4 полков нового строя, в том числе «потешных» Преображенского и Семеновского, 8 рот рейтар, 20 рот поместной конницы, 3 рот гранатчиков. Всего около 9 тысяч человек. Артиллерия была разделена между «армиями» примерно поровну.

Для оборонявшейся армии у деревни Кожухово была построен полевой ретраншамент с пятиугольным земляным валом (высотой около 3,5 м), рвом (глубиной 2,8 м), крутости которого были укреплены плетнем. В валу были сделаны бойницы, на валу поставлены рогатки, впереди устроены волчьи ямы. Земляные работы велись окрестными крестьянами. Крепость («фортецию») называли «Безымянным городком»³.

23 сентября (3 октября) войска торжественно выступили из Москвы и к 27 сентября «армия» Бутурлина заняла позицию в крепости. Войска Ромодановского стали полевым лагерем на противоположном берегу р. Москвы. В ночь на 28 сентября под проливным дождем они переправились через реку, вышли на подступы к крепости и 1 октября после «драки» штурмом взяли ее. Поскольку такой ход событий не соответствовал плану учений, то наступавших отвели в исходное положение.

Началась плановая осада крепости с подкопами, возведением редутов и вылазками осажденных. Войска сторон при этом вели огонь из ружей (холостой) и пушек (стреляли глиняными горшками, начиненными порохом), метали глиняные гранаты, начиненными порохом, закладывали и взрывали мины, тренировались в ведении осадных и оборонительных действий.

Учения, в ходе которых около 70 человек были убиты и ранены, завершились 17 октября успешным штурмом полевой крепости. Были расстреляны почти все пороховые запасы, хранившиеся в московской «казне».

Кожуховский поход показал необходимость военных реформ, замены поместного и стрелецкого войска полками «нового строя» и планомерного их обучения. За пример брались родоначальники российской гвардии Преображенский и Семеновский полки. Опыт Кожуховской «потешной войны» был использован в Азовских походах 1695–1696 гг.⁴ Более крупных маневров до Петра I в Московском царстве не проводилось.

Подготовительную работу по созданию большой полевой регулярной армии Петр I проделал еще до своей поездки за границу в составе Великого посольства. Вернувшись в Москву из-под Азова, он изучил все материалы об устройстве полков «нового строя», формы и методы их боевой подготовки, продумал порядок комплектования войск будущего. Началось налаживание производства вооружения, в государственной казне изыскивались средства. Из лучших дворянских фамилий были отобраны 150 молодых людей и отправлены за границу для изучения военных наук.

Основу петровских военных реформ до начала Северной войны составляла рекрутская система комплектования, введенная в 1699 г. В основу ее положили формы набора людей в солдатские и драгунские полки «нового строя». Первые два года комплектование регулярной армии вели временные комиссии, созданные царским указом в селе Преображенском, затем в Новгороде и Пскове.

Указ «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей» был объявлен 8 ноября 1699 г. Всем записавшимся устанавливалось высокое жалованье в 11 рублей годовых и кормовые деньги наравне с недавними «потешными» полками Преображенским и Семеновским. Запись велась только лично «вольных» людей. Местом набора была Съезжая Солдатская изба в подмосковном селе Преображенском⁵.

Петровский указ гласил: «... и на Москве тот сбор велено ведать в Преображенском на генеральном дворе боярину и адмиралу Федору Александровичу Головину, думному дьяку Автоному Ивановичу Иванову, генералу Адаму Ада-

мовичу Вейде и у того дела быть дьяком Осипу Татаринovu, Ивану Золотухину, Ивану Козлову, Нефеду Кормилицину, Адриану Ротманову». К этой комиссии было прикомандировано 13 старших подъячих, 17 подъячих средней статьи, 44 молодых, 4 целовальника и по капральству солдат Преображенского полка⁶.

Вскоре создаются еще две такие комиссии. Одной в Новгороде начальствовал И.Ю. Трубецкой, другой в Пскове – П.С. Салтыков. Эти комиссии подчинялись Ф.А. Головину. Чтобы ускорить набор, 17 ноября 1699 г. указ был повторен, причем им предписывалось вести запись и среди даточных людей. Комиссия Головина затребовала из Разряда, а также из Стрелецкого, Ямского и Иноземного приказов имеющиеся у них росписи, перечни и «сказки» о служилых людях. Сверив все эти данные с переписными книгами, комиссия решила провести набор даточных из числа помещичьих крестьян и дворовых.

Еще одну комиссию возглавил князь Н.И. Репнин. Ей предстояло вести набор в Нижнем Новгороде, Казани и Понизовых городах «добрых и к службе годных» даточных людей в количестве 10 тысяч. Предполагалось набирать в службу только из боярских детей, недорослей казачьих и стрелецких и вольных людей.

Царский указ регламентировал начавшийся набор. Служилые в войске московские и городские дворяне обязывались поставить одного пешего (даточного) с 50 дворов и одного конного (даточного) со 100 дворов. Со всех остальных лиц дворянского происхождения – по одному даточному с 30 дворов. С церковных служителей и монастырей по одному даточному с 25 дворов. С мелкопоместных дворян взыскивалось за каждого даточного 11 рублей деньгами.

Всех пожелавших записаться в солдаты предлагалось принимать на съезжих дворах «без всякой задержки и взятки»⁷. Комиссиями, находившимися в ведении Ф.А. Головина, в новоприворотные солдаты было принято 22 514 человека: 10 727 даточных людей и 11 787 вольных. Комиссия Н.И. Репнина приняла 10 720 человек. Всего первый петровский набор дал 33 234 человека. Из них в армию было направлено 32 130 новобранцев, и на флот 1104 человека⁸.

Временные комиссии в 1669–1700 гг. формировали из вольных и даточных людей 27 новоприворотных солдатских полков. Из них в

Москве – 8, в Новгороде – 9 и в Понизовых (волжских) городах – 10. Кроме пехотных полков были созданы два драгунских. Их укомплектовали боярскими и дворянскими детьми, явившимися на военную службу со своими даточными людьми⁹.

После прекращения работы комиссий Головина и Репнина комплектование регулярной армии было возложено на Военный приказ (Приказ военных дел), действовавший совместно с приказами – Поместным, Разрядным, Монастырским и другими.

Первые петровские указы еще не определяли со всей четкостью принципы набора в «прямое регулярное войско». В первую очередь брали в солдаты добровольцев из числа «вольницы» – то есть лично свободных людей, не имевших собственности, а также холопов, отпущенных своими господами на волю. Временные комиссии записывали в солдаты даже беглых холопов. Однако уже с мая 1700 г. доступ им в войска был прекращен. Если источник «вольницы» не давал требуемого числа новобранцев, то тогда Приказ военных дел производил набор годных к службе людей, не занятых полезным трудом. В их число входили многочисленная дворня бояр и дворян, монастырские служки и т. д.

Одновременно с формированием регулярной армии России шло создание национального офицерского корпуса. Петр I считал это одной из важнейших задач военных реформ. Офицерский корпус в России существовал и до начала XVIII в., причем в большом числе. В 1695 г., например, в кадрах Иноземного приказа насчитывалось 1129 русских офицеров и 178 офицеров-иноземцев. И те, и другие на учениях летом 1700 г. показали плохую профессиональную подготовку. По этой причине многих из них не допустили к службе на командных должностях во вновь сформированных регулярных полках.

Предпринимались попытки повысить служебный уровень командного состава, проводя краткосрочные сборы «начальных людей». Один из ближайших сподвижников молодого царя Петра I – А.М. Головин поставил вопрос о пополнении офицерского корпуса дворянами московских чинов и привлечении на русскую службу офицеров из иноземных армий¹⁰. После тщательного отбора на офицерские должности в инфантерию было направлено 940 дворян «лучших фамилий».

Это было новым явлением в истории вооруженных сил Российского государства. Раньше русские дворяне традиционно служили в поместной коннице, считая такую ратную службу своей прерогативой, и не очень охотно шли в «учение пехотного строю». Петр I сломал такую традицию. Попытки уклониться от службы в пехоте жестоко пресекались.

Военные реформы перед началом Северной войны в организационном отношении коснулись прежде всего полевой, действующей армии. Ее реформа началась в 1699 г. Государственная комиссия под начальством А.М. Головина первоначально решила развернуть 60–80 полков трехсотенного состава (как московские стрелецкие полки). Такое предложение не нашло поддержку у Петра I. Царь «указал» формировать полки в тысячу человек (в действительности людей в них оказалось заметно больше). Итогом стало создание трех генеральств (дивизий) по 9 полков пехоты в каждом. Управление такими громоздкими воинскими соединениями оказалось в условиях войны сложным делом.

«Новоприборные тысячные полки» по штату имели подполковника, майора, 9 капитанов, капитан-поручика, 11 поручиков, 12 прапорщиков, полкового обозного, полкового писаря, 36 сержантов, 12 каптенармусов, 12 подпрапорщиков, 48 капралов, 12 ротных писарей. По штату в полку насчитывалось 1152 человека. Младший командный состав – сержантов, каптенармусов, подпрапорщиков и капралов – «полковникам велено выбрать из рядовых солдат»¹¹.

Полки полностью снаряжались и вооружались за счет государства. Пехотинцы получали на вооружение фузеи (ружья) и багинеты¹², по 1142 на полк. В отличие от европейской инфантерии, пикинеры в русской регулярной армии отсутствовали с момента ее создания.

Организация полевой армии завершилась в конце 1699 г. нее вошли 2 гвардейских (Преображенский и Семеновский), 27 пехотных и 2 драгунских полка. Молодая армия еще не имела опыта боевых действий (за исключением трех полков, повоевавших под Азовом) и потому в первом же полевом сражении со шведами под Нарвой потерпела поражение. Нарвская «конфузия» дала сильный толчок организационному устройству русской регулярной армии.

Военные преобразования Петра I перед Северной войной стали примечательными еще и тем, что в России появился военно-морской флот. Его родословная ведется с 1696 г., когда боярская дума по царскому повелению приговорила: «...морским судам быть»¹³. Строительство же боевых кораблей началось на три года раньше. Только при наличии сильного и современного флота Россия могла бороться со Швецией и Османской империей за выходы в Балтику и Черное море.

Государству пришлось решать трудную задачу: создавать военно-морской флот, строить для него базы и готовить кадры военных моряков. О размахе строительства русского военно-морского флота перед Северной войной свидетельствуют следующие данные. В 1693–1700 гг. было открыто 10 судостроительных верфей и на них построено 170 судов различных классов, прежде всего для Азовских походов¹⁴. Одновременно шло обучение корабельных экипажей.

Военная реформа, проводимая Петром I, вызвала изменения и в управлении войсками. Они выразились главным образом в централизации военного дела. Преобразования в этом направлении начались в 1699 г., когда после расформирования стрелецкого войска все военные дела изъяли из Стрелецкого приказа и передали их в Земский приказ. Он стал ведать делами набора в создаваемую регулярную армию.

Создавая в ходе военных преобразований новую систему военного управления, Петр I решительно упразднил старую. В 1700 г. вместо изживших себя Иноземного и Рейтарского приказов учреждается Особый, который в следующем году был преобразован в Приказ военных дел. Одновременно шла централизация отдельных направлений в деятельности военного ведомства государства. Толчок же реформа военного управления получила с началом Северной войны.

Проводя преобразования военной силы царства, Петр I изменил систему обучения и воспитания войск. Боевой подготовкой новобранцев руководили полковники, находившиеся при Генеральном дворе. Кроме того, для непосредственного обучения нижних чинов к полкам были приписаны армейские офицеры «из московских и белгородских, и севских, и киевских, и смоленских полков». Обучение «новоприборных солдат» в основном сводилось к строевой

и стрелковой подготовке, изучению ружейных приемов и караульной службе. Армейские специалисты и музыканты готовились при полках Московского гарнизона.

В первые годы создания регулярной армии уровень боевой подготовки солдат был не слишком высокий, на что не раз указывал сам Петр I. Так, в 1700 г. на обучение стрельбе вчерашнего рекрута отводилось всего по 1 фунту пороха и 3 фунта свинца на человека. Правда, фактический расход боеприпасов в ходе обучения в созданных полках инфантерии и драгунских был выше¹⁵.

Петровские военные преобразования начались с воинских уставов. С началом строительства регулярной армии каждый полковой командир обучал подчиненных по-своему. Первым воинским уставом при Петре I стали «Воинские

артикулы» А.М. Головина, введенные в 1699 г. Они содержали в себе, в отличие от европейских армий, только необходимые, простые приемы, перестроения и команды, которые отличались ясностью понимания. В 1700 г. этот устав дополнен новыми положениями¹⁶.

Петровские военные преобразования, начатые им перед Северной войной 1700–1721 гг., заложили основы русской регулярной армии, ее организации и системы обучения и воинского воспитания. В ходе преобразований Петра I возник военно-морской флот России. И хотя начало войны со Швецией, имевшей тогда в Европе лучшую регулярную армию, удачным не стало, все же военные преобразования показали свою жизненную силу, дав толчок к продолжению военных реформ в условиях идущего вооруженного противоборства.

¹ См.: Шишов А.В. *Петр Великий. Новое прочтение биографии*. М., 2012. С. 89–96.

² См.: Шишов А.В. *Патрик Гордон. Слуга четырех царей*. М., 2002. С. 189–222.

³ Ласковский Ф. *Материалы для истории инженерного искусства в России*. СПб., 1861. Ч. 2. С. 12–29.

⁴ Баиов А. *Курс истории русского военного искусства*. СПб., 1909. Вып. 2. С. 28–31.; Богословский М.М. *Петр I*. М., 1940. Т. 1. С. 193–207.

⁵ См.: Шишов А.В. *Военные реформы Петра I // Отечественные военные реформы XVI–XX годов*. М., 1995. С. 50–52.

⁶ *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве*. Кн. V. Отд. II. М., 1894. С. 37–39.

⁷ Желябужский. *Записки*. СПб., 1846. С. 132–134.

⁸ Бескровный Л.Г. *Русская армия и флот в XVIII в.* М., 1958. С. 23.

⁹ *Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей*. М., 1959. С. 228.

¹⁰ См.: *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. 1. СПб., 1887. С. 355, 806–807, 814–816.

¹¹ *История Северной войны. 1700–1721*. М., 1987. С. 36.

¹² *Багинет – металлическое лезвие с деревянной рукояткой, вставляемой в канал ствола; прообраз штыка*.

¹³ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. 1. СПб., 1887. С. 111.

¹⁴ *История Северной войны. 1700–1721*. М., 1987. С. 54.

¹⁵ Шишов А.В. *Военные реформы Петра I // Отечественные военные реформы XVI–XX годов*. М., 1995. С. 69.

¹⁶ *Развитие тактики русской армии*. М., 1857. С. 39.

Содержание

К 100-летию Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации

- Выступление заместителя директора
Департамента культуры Министерства обороны
Российской Федерации
Р.Х. Колоева 2
- Выступление директора Центрального музея
Вооруженных Сил Российской Федерации
А.К. Никонова 3
- Е.А. Лазарева** 4
*Представление Боевого Знамени Цент-
рального музея Вооруженных Сил Рос-
сийской Федерации*

Военная история России (XVII-XXI вв.), военно-музейная работа

- Е.П. Абрамов**35
*Морская пехота России от Петра Велико-
го до наших дней*
- А.Н. Белков**.....42
*Газета «За Родину» – центральный пе-
чатный орган «армии» генерал-лейте-
нанта А.А. Власова*
- Д.А. Белов**52
*Влияние И.В. Сталина на формирование
довоенной историографии обороны Цари-
цына*
- Л.Г. Бибик**.....56
*Роль музейных экспозиций мемориала
в сохранении духовного и исторического
наследия Брестской крепости в реалиях
XXI века*

- С.В. Кожин**..... 6
*От Л.Д. Троцкого до С.К. Тимошенко.
Крестный путь Центрального музея
Красной Армии: 1919-1941 годы*
- Л.Д. Сабуров**14
*Центральный музей Красной Армии в годы
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*
- В.А. Афанасьев**.....24
*Музей в первое двадцатилетие после По-
беды 1945-1965 гг.*
- А.К. Никонов**31
*Аспекты комплектования коллекции Цен-
трального музея Вооруженных Сил Рос-
сийской Федерации на современном этапе*
- А.В. Булыгин, Ю.Г. Козлов**.....62
*История создания и развития Централь-
ного музея ВВС*
- М.П. Вещунов**59
*Сильно тормозит дело отсутствие зна-
ния языка...
Советские военные переводчики в годы
Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг.*
- С.Е. Виноградов**75
*Этапы модернизации индустрии военно-
го кораблестроения накануне и во время
Первой мировой войны, 1907 – 1914 гг.*
- И.Ю. Воронкова**79
*Вспоминая прошлое: из истории музеев
Белорусской ССР накануне и в годы Вели-
кой Отечественной войны*
- А.В. Галинская**.....86
*Международное сотрудничество как
одно из приоритетных направлений дея-
тельности военно-исторических музеев*

П.Ф. Гёзалов91	С.В. Малинникова182
<i>Формирование и развитие Вооруженных Сил Азербайджанской Республики с 1918 года</i>	<i>Материалы американского самолета Лок- хид У-2 и его пилота Ф.Г. Пауэрса в экспо- зициях Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации и Центрального Пограничного музея ФСБ России</i>
Л.С. Гончарова102	О.А. Махмудов190
<i>На земле опаленной Экспозиция Белгородского государствен- ного историко-художественного музея- диорамы «Курская битва. Белгородское направление»</i>	<i>«Церемониальный марш и скромный завтрак завершили день утвержде- ния Великой России на пути к Гиндуку- шу»: Шаджанский и Памирский отряды в 1892-1894 гг. (по архивным материалам)</i>
А.Н. Гребенкин111	Л.А. Мартынова195
<i>Организация культурно-просветитель- ной работы на 1-х Московских пулемет- ных курсах по подготовке командного со- става РККА</i>	<i>История создания и развития Музея войск ПВО</i>
Д.Г. Гужва, И.О. Рахимова119	К.А. Медведев201
<i>«С честью выдержали испытания...» Советские военные корреспонденты в пер- вые месяцы Великой Отечественной войны</i>	<i>Н.Н. Обручев, А.Н. Куропаткин, Д.И. Суббо- тич: значение Дальнего Востока в пред- ставлениях российских военных деятелей рубежа XIX-XX вв.</i>
А.П. Жуков, Н.Ю. Денисова123	С.И. Мигулин209
<i>Вклад Университета Менделеева в созда- ние ядерного щита СССР</i>	<i>Генерал А.Е. Снесарев – на перекрёстке судьбы в Гражданскую войну 1917-1922 гг.</i>
Н.С. Зелов131	В.Б. Миловидов214
<i>Письма славы и бессмертия Фронтовые письма в личных фондах ГА РФ</i>	<i>Восстановление и реставрация модели крейсера I ранга «Аврора» в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Феде- рации</i>
А.С. Ирютин134	Н.В. Мирошниченко220
<i>Морская пехота Северного флота в ходе Петсамо-Киркенесской операции 1944 года</i>	<i>История строительства Военно-воздуш- ных сил России и СССР: проблемы и пути выхода из кризисного состояния На примере Качинского высшего авиацион- ного училища лётчиков</i>
Й. Морре142	С.А. Мозговой228
<i>Германо-российское сотрудничество в музее Берлин-Карлсхорст</i>	<i>Память о Первой мировой войне</i>
Ж.К. Баздырева, Б.Н. Кантемиров153	К.С. Морозов235
<i>Техническое обеспечение полета МБР Р-7 на активном участке траектории</i>	<i>Стрелковое оружие союзников СССР по ан- тигитлеровской коалиции: конструктив- ные и эксплуатационные особенности (на основе экспонатов ЦМВС РФ)</i>
И.А. Кокоша157	Л.П. Муромцева239
<i>История создания и развития музея Ракет- ных войск стратегического назначения</i>	<i>Военно-исторические коллекции казаче- ства в эмиграции</i>
И.Ю. Кублановский168	А.А. Мушта247
<i>Некоторые эпизоды из жизни генерал- лейтенанта Н.К. Клыкова (1888-1968) по материалам РГВА</i>	<i>«Украинский вопрос» в спецпропаганде фашистской Германии и современная «по- литика памяти» Киева</i>
А.П. Мазур173	
<i>Особенности работы центральной воен- ной печати накануне и в начальном пери- оде Великой Отечественной войны Исторический анализ на основе публи- каций газеты «Красная звезда» за 1939– 1941 гг. (июнь–август)</i>	

И.М. Нагаев255	В.В. Плотников322
<i>Война и женщины по фонду «Землячества женщин-фронтовичек Центрального музея Красной Армии ЦДКА в РГВА 1929-1934 гг.</i>	<i>Роль Российского воинского контингента в миротворческой операции в Косово в составе сил КФОР</i>
В.Н. Надтачаев260	В.В. Попов329
<i>Материалы командиров и бойцов чекистских спецгрупп в экспозиции и фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны</i>	<i>Военно-боевое содружество народов России, Кавказа и Закавказья в XIX в.</i>
Е.А. Назарян266	Е.А. Поправко336
<i>Действия квартирмейстерской части русской армии в Отечественной войне 1812 года</i>	<i>Комплектование коллекции электронных документов для виртуального музея А.В. Хрулева</i>
Н.Н. Непомнящая272	В.Н. Прямыцын343
<i>Герои-артиллеристы в боях за город Керчь (1943-1944 гг.)</i>	<i>Мобилизационная деятельность отечественных государственных органов в сфере военной гидрометеорологии (1876 – 1945 гг.)</i>
Р.Ш. Нехай279	О.Г. Пуговкина351
<i>100-летие политических органов Вооруженных Сил и их роль в развитии Военно-Морского Флота</i>	<i>Образ русского генерала А.П. Востросаблина в источниках и исторической литературе XX века</i>
С.А. Орешин284	С.А. Разин357
<i>Боевые действия советских войск в Дагестане в 1918 году</i>	<i>Председатель Исполкома Моссовета Василий Прохорович Пронин. Роль в обороне Москвы</i>
О.Д. Панков291	Т.В. Растиmeshина367
<i>Информационное обеспечение деятельности органов военного управления Министерства обороны Российской Федерации, направленное на введение в научный оборот документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации</i>	<i>Военно-техническое образование в России: истоки и традиции</i>
В.В. Паршин297	Е.И. Самарцева375
<i>Советские ВВС в Белорусской операции (23.06-29.08.1944 г.)</i>	<i>Начальники Тульского оружейного завода второй половины XVIII – нач. XIX вв.: источниковедческий аспект</i>
В.Б. Перхавко303	И.И. Сидорова381
<i>Начало коммеморации героев Смутного времени в России (XVIII – первая треть XIX в.)</i>	<i>Деятельность Комиссии «Красного подарка» по организации в Москве всероссийского дня Красной Армии 23 февраля 1919 года</i>
Н.А. Печень310	Е.Д. Собакарь388
<i>Нас объединяет Знамя Победы Об итогах проведения международной военно-патриотической акции в гг. Минск и Киев 20-28 апреля и 6 мая 2000 г.</i>	<i>Участие русских корабельных медиков в оказании помощи пострадавшим во время землетрясения в Мессине в 1908 году</i>
Ю.Ф. Пивоваров316	Н.В. Старостенков396
<i>Проблемы типологии военных конфликтов XVIII – начала XXI вв.</i>	<i>Создание первых военных железнодорожных подразделений и их участие в строительстве железных дорог Российской Империи (1851-1875 гг.)</i>

Ю.В. Старшов	401	А.Д. Федечкин	429
<i>Смоленская война и Поляновский мир 1634 г.</i>		<i>Океанские броненосные крейсера в системе морских вооружений России второй половины XIX в.</i>	
С.И. Таненя	404	В.В. Чертов	436
<i>История создания и развития Музея истории воздушно-десантных войск</i>		<i>Историко-мемориальная и музейная составляющая Главного храма Вооружённых Сил Российской Федерации</i>	
О.В. Тихомирова	412	В.В. Шель	439
<i>Усадьба графа В.С. Салтыкова в судьбе Центрального музея Вооружённых Сил Российской Федерации</i>		<i>Разведывательные корабли Военно-Морского Флота: взгляд в будущее</i>	
П.В. Улизко	420	Р.М. Шепарёв	444
<i>Система советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и ее нацеленность на воспитание ненависти к врагу</i>		<i>Златоустовские оружейники – к победе в Сталинградском сражении</i>	
		А.В. Шишов	448
		<i>Военные преобразования царя Петра I перед началом Северной войны 1700–1721 гг.</i>	

УДК 355(470+571)(09)
ББК 68.35(2)6л0
Р13

Тираж: 100 экз.

Отпечатано в типографии «Эрвест»
г. Москва, ул. Народная, д.14, стр.3